

Г. Ц. Цыби́ковъ.

БУДДИСТЪ ПАЛОМНИКЪ
У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА.

По дневникамъ, веденнымъ въ 1899—1902 гг.

ИЗДАНИЕ

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ПЕТРОГРАДЪ.

15-ая Государственная типографія, Звенигородская, 11.

1918.

Г. Ц. Цыби́ковъ.

БУДДИСТЪ ПАЛОМНИКЪ У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА.

По дневникамъ, веденнымъ въ 1899—1902 гг.

ИЗДАНИЕ

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ПЕТРОГРАДЪ.

15-ая Государственная типографія, Звенигородская, 11.

1919.

Подо редакціей: почетнаго члена † А. В. Григорьева, дѣйствительнаго члена
С. О. Ольденбурга, дѣйствительнаго члена О. И. Щербатского
и дѣйствительнаго члена † К. И. Григорьевой.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДОРОГОЙ ПАМЯТИ

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРИГОРЬЕВА.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Описание путешествія Гонбочаба Цэбековича Цыбикова выходитъ въ свѣтъ много лѣтъ спустя, послѣ того, какъ оно было написано и приготовлено къ печати авторомъ. Главной причиной промедленія является безвременная кончина Александра Васильевича Григорьева, которому, вмѣстѣ съ С. О. Ольденбургомъ, Совѣтъ Русскаго Географическаго Общества поручилъ редактированіе труда Г. Ц. Цыбикова. Александръ Васильевичъ и тутъ, какъ и во всей своей дѣятельности въ Географическомъ Обществѣ, являлся движущей силою. Уже рядъ листовъ былъ напечатанъ, рисунки выбраны, текстъ въ значительной мѣрѣ провѣренъ, когда А. В. Григорьевъ внезапно скончался, и изданіе стало задерживаться.

Другой причиной промедленія былъ вопросъ о транскрипціи тибетскихъ словъ и названій, по отношенію къ которой редакторы испытали значительныя колебанія: сперва предположено было сохранить всюду лхаское произношеніе, котораго въ общемъ держался авторъ, но затѣмъ перешли къ болѣе обычному монгольскому произношенію, которое и рѣшили принять; послѣднее обстоятельство потребовало провѣрки всей рукописи. Несмотря на значительный трудъ, положенный на транскрипцію тибетскихъ словъ, редакторы считаютъ, что транскрипція не всегда достаточно выдержана; это, главнымъ образомъ, произошло отъ того, что произношеніе тибетскихъ словъ въ разныхъ нарѣчіяхъ этого языка далеко еще не выяснено. Извѣстныя поправки будутъ внесены въ самостоятельный томъ примѣчаній къ путешествію Цыбикова, который имѣется въ виду

издать со временемъ и въ который будетъ включено и начертаніе тибетскихъ словъ буквами тибетскаго алфавита.

Третьей причиною задержки является отъѣздъ одного изъ редакторовъ въ двѣ долгосрочныя экспедиціи въ Китай. Наконецъ, уже совсѣмъ готовую къ печати и сверстанную книгу не пришлось выпустить въ свѣтъ вслѣдствіе кончины К. И. Григорьевой, которая взяла на себя трудъ по составленію указателя и провѣркѣ рисунковъ. Послѣ ея кончины, во исполненіе ея предположенія, указатели и рисунки пришлось еще разъ провѣрить. Несмотря на столь значительное опозданіе, по глубокому убѣжденію редакторовъ, книга Г. Ц. Цыбикова сохранила весь свой интересъ непосредственностью наблюденій жизни тибетскаго монашества и жизни буддійскихъ паломниковъ въ Тибетѣ, ибо изъ буддистовъ, посѣтившихъ Лхасу и главныя святыни Тибета, никто не былъ такъ хорошо, какъ Цыбиковъ, подготовленъ и никто изъ буддистовъ не оставилъ намъ столь полнаго и внимательнаго описанія этихъ святынь; изъ небуддистовъ же никто не могъ имѣть къ нимъ той же свободы доступа. Тибетъ въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ, вмѣстѣ съ большей частью Азіи, переживаетъ глубокий переворотъ всей своей жизни и тѣмъ цѣннѣе для насъ показанія свидѣтеля, видѣвшаго страну еще при самомъ зачаткѣ этого переворота.

Книга Г. Ц. Цыбикова выпускается въ свѣтъ въ исключительно тяжелое время, когда въ Россіи, казалось бы, не до описаній паломничества въ далекія страны; мы все же считаемъ необходимымъ выпустить эту книгу теперь, какъ лучшее доказательство того, что истинная Россія жива и работаетъ въ полномъ сознаніи своей духовной силы, объединившей и объединяющей десятки народовъ и почти двѣсти миллионовъ людей: написанная бурятомъ, питомцемъ русскаго университета, редактированная русскими и изданная Русскимъ Географическимъ Обществомъ книга Г. Ц. Цыбикова является яркимъ выразителемъ культурнаго объединенія Россіею запада и востока на общей работѣ.

Серійъ Ольденбургъ.

Сентября 1918 г.
Петроградъ.

Осенью 1898 года одинъ мой знакомый, штатный лама Янгачжинскаго дацана Забайкальской области, Цэбакъ-Даньчжа Прдыніевъ прислалъ мнѣ рукописное описаніе путешествія въ Тибетъ и Непаль нештатнаго ламы Болтиморскаго дацана Мичжэдъ-дорчжэ. Я, тогда студентъ Восточнаго факультета, представилъ эту рукопись на благоусмотрѣніе профессора А. М. Позднѣева, который только-что предъ этимъ издалъ «Сказаніе о хожденіи въ тибетскую страну Малодөрбётскаго Базабакши». Онъ, разсмотрѣвъ эту рукопись, посоветовалъ мнѣ самому, по окончаніи курса университета, поѣхать въ Центральный Тибетъ и въ дальнѣйшемъ принять мѣры къ осуществленію такого моего путешествія, рекомендовавъ меня Совѣту Русскаго Географическаго Общества, который выдалъ мнѣ средства на поѣздку, а тогдашній секретарь Общества, А. В. Григорьевъ, съ обычной своей любезностью и чисто отеческимъ попеченіемъ, сдѣлалъ все зависящее отъ него для снаряженія меня въ далекій путь.

Получивъ командировку, я отправился сначала на родину, въ Забайкалье, гдѣ, по домашнимъ обстоятельствамъ и въ напрасномъ подыскиваніи себѣ спутниковъ-паломниковъ, оставался до октября, когда поѣхалъ въ Ургу. Здѣсь я прожилъ нѣкоторое время въ приготовленіяхъ къ дорогѣ и 25 ноября 1899 года, нанявъ четыре верблюда изъ обратнаго каравана алашанскихъ монголовъ, выѣхалъ по обычному пути монгольскихъ паломниковъ, имѣя при себѣ одного наемнаго слугу, бурята Мархая Санчжіева.

Въ Ургѣ, до выѣзда и по возвращеніи изъ путешествія, я встрѣтилъ весьма сочувственное отношеніе нашего генеральнаго консула Я. П. Шинмарева и секретаря консульства В. В. Долбежева, которые, на всякій случай, снабдили меня «билетомъ» на четырехъ языкахъ: русскомъ, манджурскомъ, монгольскомъ и китайскомъ. «Билетъ» этотъ сослужилъ мнѣ нѣкоторую службу однажды у цайдамскихъ монголовъ.

Пускаясь въ путешествіе, какъ простой буряты-паломникъ, я долженъ былъ особенно считаться съ предубѣжденіями мѣстнаго населенія. Поэтому нечего было и думать о собираніи какихъ-либо естественно-научныхъ коллекцій, съемкѣ мѣстностей,

веденіи правильныхъ наблюденій и т. п. Взятый съ собою фотографическій аппаратъ и термометръ Реомюра пришлось держать подъ замкомъ въ сундукѣ вплоть до Лхасы. При себѣ я постоянно имѣлъ только маленькую записную книжку, куда заносилъ замѣтки ежедневно, даже и въ этомъ скрываясь отъ любопытныхъ глазъ.

Въ Центральномъ Тибетѣ я поставилъ себѣ одной изъ главныхъ задачъ изученіе и приобрѣтеніе оригинальныхъ тибетскихъ сочиненій, изъ которыхъ я могъ-бы дополнить литературными данными свои разспросныя свѣдѣнія. Съ этой цѣлью мною было приобрѣтено, съ немалыми денежными затратами и трудомъ по провѣркѣ ихъ, болѣе 300 большихъ томовъ сочиненій разныхъ писателей. Эти сочиненія, пожертвованныя Географическимъ Обществомъ, хранятся нынѣ въ библиотекѣ Азіатскаго Музея Россійской Академіи Наукъ¹⁾. Я льщу себя надеждой, что они, съ развитіемъ у насъ изученія тибетскаго языка, окажутъ спеціалистамъ значительную помощь, какъ матеріаль для научныхъ изслѣдованій.

Представляя теперь отчетъ о своей поѣздкѣ, я не могу, конечно, судить о достоинствахъ моихъ сообщеній, но справедливость требуетъ сказать, что въ дѣлѣ редактированія и приготовленія къ печати, неоцѣнимую услугу оказали моей работѣ покойный А. В. Григорьевъ и нынѣ здравствующій С. О. Ольденбургъ, и я признаю, что если мой трудъ имѣетъ какія-нибудь достоинства, то онъ въ значительной мѣрѣ обязанъ этимъ редакторамъ и въ особенности *А. В. Григорьеву*.

Оплакивая внезапную и преждевременную смерть Александра Васильевича, котораго она застала среди сложныхъ трудовъ по редактированію этой книги, я посвящаю трудъ свой дорогой памяти покойнаго. Приношу искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, неотказавшимъ въ просвѣщенномъ содѣйствіи моей поѣздкѣ въ Тибетъ и выходу въ свѣтъ моей книги, главнымъ образомъ Совѣту Русскаго Географическаго Общества, давшему миѣ средства для путешествія въ эту неизвѣданную страну.

Г. Цыбиковъ.

¹⁾ Списокъ этихъ книгъ см. въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ 1904 г. Іюнь. Т. XXI, № 1.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Я, Гонбочжабъ Цэбековичъ Цыбиковъ, родился въ мѣстности Урда-Ага, Забайкальской области, Читинскаго уѣзда въ апрѣлѣ 1873 года ¹⁾. Отецъ мой, буряты кубдутскаго рода бывшей Агинской стеной Думы (нынѣ Агинской инородческой волости), Цэбекъ Монтуевъ, въ года юности хотѣлъ посвятить себя въ духовное званіе, но былъ удержанъ отъ этого своими родителями—ярыми шаманистами. Несмотря на это, онъ научился самоучкой монгольской и тибетской письменностямъ, что позволило ему впоследствии быть избираемымъ на нѣкоторыя общественныя должности.

Онъ рассказывалъ, что будучи удержанъ родителями отъ ученія онъ далъ себѣ обѣщаніе, если только у него будутъ сыновья, во что бы то ни стало отдать ихъ въ ученіе, одного въ свѣтское, а другого въ духовное. Смерть двухъ его старшихъ сыновей въ раннемъ дѣтствѣ еще болѣе укрѣпила въ немъ это желаніе. Лишь только мнѣ минуло 5 лѣтъ и, когда я, по природному недостатку, еще плохо выговаривалъ многія слова, онъ самъ сталъ обучать меня монгольской грамотѣ, а черезъ два года, въ 1880 году, отвезъ меня въ приходское училище при Думѣ, гдѣ преподавали русскій и монгольскій языки. Однако первый годъ я пробылъ въ училищѣ только 1½ мѣсяца (съ перерывомъ въ 5 мѣсяцевъ). За это время учителя не указали мнѣ ни одной буквы.

Болѣе правильно мое ученіе началось со второго года. Черезъ два года, въ 1883 г. умерла моя мать. Тогда у отца еще болѣе закрѣпилось желаніе держать меня какъ можно больше въ

Гонбочжабъ Цэбековичъ Цыбиковъ.

¹⁾ Въ свидѣтельствѣ о рожденіи, составленномъ въ 1884 г. неправильно поставленъ 1872 г., потому что буряты считаютъ лѣта со дня зачатія, относя этотъ день за годъ до появленія на свѣтъ.

училищѣ, чтобы я не подвергался обидамъ мачехи. Скоро къ этому представился очень удобный случай: осенью 1884 года въ Читѣ была открыта гимназія, на которую буряты сдѣлали значительныя пожертвованія. Въ благодарность за это мѣстная администрація задумала привлечь дѣтей инородцевъ въ эту гимназію. Отъ агинскихъ инородцевъ потребовали 4 мальчиковъ. Буряты, еще не привыкшіе къ училищу съ почти 10-лѣтнимъ курсомъ, не проявляли особаго желанія посылать дѣтей, потому начальство охотно соглашалось принять желающихъ. Отецъ мой воспользовался предложеніемъ администраціи, и ради предупрежденія конкурса повезъ меня еще въ началѣ августа. Когда я явился къ управлявшему гимназіей инспектору К. Ѳ. Бирману, онъ, видя перваго ученика изъ инородцевъ, охотно содѣйствовалъ выполненію всѣхъ формальностей моимъ отцомъ, плохо говорившимъ по-русски, и часто прибѣгавшимъ къ мимикѣ. На произведенныхъ въ тотъ же день испытаніяхъ меня нашли возможнымъ помѣстить въ старшее отдѣленіе приготовительнаго класса. Спустя недѣлю привезли другихъ дѣтей, но такъ какъ инспекторъ К. Ѳ. Бирманъ настоялъ на принятіи меня первымъ, то приняли еще только троихъ, а четвертому было отказано въ приѣмѣ на общественныя средства. Ученіе продолжалось 9 лѣтъ и мнѣ удалось быть первымъ бурятомъ, окончившимъ въ 1893 г. Читинскую гимназію. Кончилъ я съ серебряною медалью, третьимъ по классу, потому что въ VI классѣ мое усердіе къ занятіямъ значительно сократилось и я уже не былъ первымъ. По окончаніи мною гимназіи, педагогическій совѣтъ постановилъ оказать мнѣ содѣйствіе по продолженію образованія и выдалъ прогоны и пособіе, чтобы доѣхать до Томска, гдѣ я поступилъ на медицинскій факультетъ. Но, уступая желанію моихъ сородичей и родныхъ, я оставилъ этотъ факультетъ и, пропустивъ еще годъ, проведенный въ Ургѣ, поступилъ въ 1895 г. въ С.-Петербургскій университетъ, на факультетъ восточныхъ языковъ. Здѣсь я провелъ четыре года и окончилъ его въ 1899 г. Послѣ этого почти три года провелъ въ экспедиціи Русскаго Географическаго Общества. Возвратившись, былъ назначенъ лекторомъ монгольскаго языка въ Восточномъ Институтѣ во Владивостокѣ, въ каковой должности состою и нынѣ.

ГЛАВА I.

Паломники въ пути отъ Урги до Гумбума.

Караванъ въ пути.

Урга (Гандань).

25 ноября 1899 г. Одѣвши бурятскимъ ламой-паломникомъ къ святымъ для ламаитовъ мѣстамъ, я выѣхалъ изъ Урги на четырехъ наемныхъ верблюдахъ съ партіей алашанскихъ монголовъ, пріѣхавшихъ сюда для продажи риса и проса. Впрочемъ, хозяинъ нашего каравана, Намчжал-тайчжи, придворный чиновникъ алашанскаго вана, говорилъ, что собственно главною цѣлью его пріѣзда съ женою и сыномъ было поклониться ургинскому перерожденцу Чжэ-бцзун-дамба.

Мнѣ и моему спутнику первый разъ въ жизни приходилось имѣть дѣло съ верблюдами, отчего и предположили ѣхать на ненавьюченныхъ: наложили на спину верблюда войлоки и подушки, перекинули черезъ нихъ привязанныя къ ремнямъ стремяна и сѣли, какъ на лошадей. Проѣхавъ однако 5—6 верстъ, мы убѣдились, что такой способъ ѣзды очень неудобенъ, такъ какъ ноги, широко раздвинутыя по толстому животу большого верблюда, сильно уставали; тѣмъ не менѣе пришлось такимъ же способомъ доѣхать до мѣста перваго ночлега въ мѣстности Бухукъ, гдѣ находится и первая почтовая станція по тракту Урга—Сайр-усу. Здѣсь пришлось расположиться среди снѣговой равнины и такъ какъ невозможно было отыскивать изъ-подъ снѣга подножнаго, если такъ можно выразиться, топлива—аргаль (сухой пометъ), то намъ оказали громадную услугу дрова.

захваченныя съ собою изъ Урги, по совѣту возчиковъ. Чрезвычайно развитое въ Ургѣ и ея окрестностяхъ воровство, заставило

Первое перерождение Чжэ-бцзун-дамба-хутухты.

нашихъ подрядчиковъ окарауливать всю ночь палатки и уложенныхъ вокругъ нихъ верблюдовъ.

ротившись въ противоположную отъ вѣтра сторону. Ночевали въ степи; названія этого урочища намъ не удалось записать, такъ какъ возчики не знали его, а мѣстныхъ жителей мы не встрѣтили.

26 ноября, наученные вчерашнимъ неприятнымъ опытомъ, мы пересѣли на верблюдовъ съ легкими вьюками, что оказалось гораздо удобнѣе верховой ѣзды на этихъ животныхъ. Непривычнымъ ѣздокамъ должно рекомендовать въ продолжительной, въ особенности зимней, дорогѣ садиться на вьюки. Этотъ способъ выгоденъ еще тѣмъ, что при частыхъ гобийскихъ вѣтрахъ, несущихъ песокъ и пыль, можно сидѣть, отво-

27 ноября взяли воды изъ колодца Ара-чинда и ночевали въ степи.

28 ноября начинается настоящая „гоби“. Монголы въ характеристикѣ мѣстностей употребляютъ слова „хангай“ и „гоби“. Первымъ словомъ обозначаютъ мѣста, обильныя растительностью и проточною водою, а вторымъ—безводную степь со скудною растительностью; „гоби“ мѣстами обитаема. Ночевали у колодца Хара-толгой (черная горка).

29 ноября ночевали у колодца Булумъ (уголь) близъ монастыря Шинэ-чойра, что значить „новый учебный дворъ“. Должно замѣтить, что такое названіе произошло вслѣдствіе недавняго основанія монастыря, а не какъ отличіе отъ прежняго „старого“. Монастырь этотъ, принадлежащій хошуну Дайчин-цзасака, отецъ котораго именовался Уйцзан-гунь, имѣеть около тысячи духовныхъ. Хошунъ же состоитъ изъ 5 сомунувъ (ротъ) и долженъ быть признанъ однимъ изъ богатыхъ хошунувъ Халхи вообще и тушету-ханскаго аймака въ частности.

30 ноября—Хуберъ. 1 декабря—Дэрсу; 2-го—Тэбчійн-булумъ. 3-го—Ара-чинда. 4-го—ключъ Хармакту. 5-го—открытая степь. 6-го—южный склонъ хребта Шанхай. 7-го—къ ЮЗ отъ горъ Хоир-ундуръ. Вотъ мѣста ночлеговъ за эти дни.

8 декабря миновали по западной сторонѣ монастыря Долоншига - цзагинъ сумэ, принадлежащій хошуну гобійскаго тушегуна тушету-ханскаго аймака. Ночевали въ мѣстности Бударга-найн-шинэ-усу. 9-го—степь. 10-го—высохшая рѣчка Думда-гунь. 11-го—степь къ Ю отъ Ноян-элисусу. 12-го—степь. 13-го—колодець Арайн-гашун-худукъ.

14 декабря ночевали недалеко отъ колодца Добойн-цзакъ. Между кочевьями хошуна халхасскаго тушегуна и землями алашанскаго вана находится западный уголь владѣній трехъ уратскихъ гуновъ, входящихъ въ составъ Улан-цабскаго сейма южныхъ монголовъ.

Второе перерожденіе Чжэ-бцун-дамба-хутухты.

Третье перерождение Чжэ-бцзун-дамба-хутухты.

вступилъ въ бракъ съ одной женщиной. Она вскорѣ забеременѣла и должна была родить сына, который сдѣлался бы всемирнымъ царемъ. Но китайскіе астрологи-тайновѣды узнали объ этомъ и сообщили богдохану о грозившей его династїи опасности. Богдоханъ въ тревогѣ вызвалъ далай-ламу въ Пекинъ для допроса, а жену его приказалъ тотчасъ убить. Съ дороги въ Пекинъ, а именно изъ Алашани, опальный далай-лама послалъ къ двору трупъ своего случайно умершаго спутника, выдавъ за свой, а самъ, переодѣвшись нищимъ-монахомъ, скрылся и бродилъ инкогнито по разнымъ мѣстамъ непросвѣщенной Монголіи, родного Тибета и священной Индіи. Затѣмъ въ Алашани онъ сталъ проявлять много чудесъ, на что обратила вниманіе Абао, супруга алашанскаго вана. Она признала въ немъ далай-ламу и воздала почести.

15 декабря ночевали невдалекѣ отъ монастыря Тукумун-сумэ, принадлежащаго хошуну алашанскаго циньвана. Говорятъ, что этотъ монастырь былъ основанъ шестымъ далай-ламой, Цан-ян-чжямцо, жившимъ въ Тибетѣ съ 1683 по 1706 г., и имѣеть въ настоящее время до двухсотъ постоянно живущихъ монаховъ. Оставляя до надлежащаго мѣста историческія свѣдѣнія объ этомъ далай-ламѣ, здѣсь приведемъ лишь народное сказаніе о немъ. Шестой перерожденецъ далай-ламы, Цан-ян-чжямцо нарушилъ обѣты высшаго духовнаго званія и

Вниманіе, оказанное княжескимъ дворомъ, конечно, сильно подѣйствовало на простой народъ и онъ сталъ уже боготворить вновь открытаго далай-ламу. Послѣдній, воспользовавшись пріобрѣтеннымъ почетомъ и вліяніемъ, основалъ въ Алашани нѣсколько монастырей, въ томъ числѣ и этотъ Тукумун-сумэ.

16 декабря — Бургастайн-булакъ. *17-го* — Хурай-чинда.

18 декабря миновали Чжартайн-дабасуну-байшинъ, т. е. домики Чжартайской соли, коихъ здѣсь три,—одинъ для надзирателя и сборщика пошлинъ съ соли, другой—для казенныхъ рабочихъ, третій—для соли. Они находятся на юго-восточной сторонѣ озера Чжартайн-нуръ; соль же добывается на сѣверо-западной сторонѣ рабочими, нанимаемыми канцеляріей алашанскаго вана, а вывозится отсюда добровольными извозопромышленниками главнымъ образомъ въ городъ Дын-коу, находящійся на лѣвомъ берегу рѣки Хуан-хэ или Желтой, въ разстояніи трехдневнаго караваннаго пути отъ озера. Соль извлекаютъ изъ глубокихъ ямъ княжескіе рабочіе. Покупатель самъ кладетъ въ мѣшки и подходитъ къ байшину для расчета. Я лично не видѣлъ работы, такъ какъ мѣсто добыванія соли находилось по сѣверо-западную сторону, верстахъ въ четырехъ отъ байшиновъ. За количество соли, составляющее вьюкъ одного верблюда (около 10 пудовъ), платятъ, какъ передавалъ мнѣ мѣстный монголъ, 4 фына (6 копеекъ) за трудъ по добыванію и 2 фына (3 коп.) пошлины

Четвертое перерожденіе Чжэ-бцзун-дамба-хутухты.

въ казну вана. Заплативъ такимъ образомъ за выюкъ соли на мѣстѣ 6 фыновъ (9 коп.), продають таковой въ Дын-коу, смотря по спросу за стоимость отъ одного до двухъ кирпичей чая, или отъ четырехъ до восьми циновъ серебра (60 коп. —

Пятое перерожденіе Чжэ-бцзун-дамба-хутухты.

отъ вышеупомянутыхъ домиковъ въ рошѣ дерева цзакъ, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ саксаулъ. Вслѣдствіе того, что наши возчики брали домой изъ этой роши дрова, — намъ пришлось продневать здѣсь слѣдующее 19-ое число. 20-го — колодецъ Цзуха.

21 декабря прошли мимо колодца Чахарун-худукъ и пришли къ стойбищу нашего возчика. Онъ жилъ въ двухъ войлочныхъ юртахъ, одна изъ коихъ представляла какъ бы чистую половину, гдѣ стоялъ жертвенный столъ съ бурханами, а другая служила постояннымъ жилищемъ хозяевъ съ домочадцами.

1 р. 20 к.). Этимъ извозомъ занимаются главнымъ образомъ ближайшіе жители, начиная съ наступленія осеннихъ холодовъ, т. е. примѣрно съ октября. Говорять, что ежегодно вывозится отсюда соли не менѣе, чѣмъ на ста тысячахъ верблюдахъ. Кромѣ этой соли, въ Алашани славится еще соль, добываемая въ Хотонугой и Цаган-булакъ; эти мѣста добыванія соли находятся въ западной части кочевій, а потому соль оттуда вывозятъ преимущественно въ города Дэрисун-хото и Лань-чжоу-фу.

Остановливаемся ночлегомъ недалеко

Мѣстность эта называется Гун-худукъ (глубокій колодець), или по другому колодцу Сумэйн-худукъ (колодець храма). Тотъ и другой колодець отстоятъ отъ этого стойбища не ближе четырехъ-пяти верстъ. Здѣсь провели мы и 22-ое число.

23 декабря доставили насъ въ ямунь алашанскаго вана, гдѣ мы прожили до 1-го января 1900 г., подыскивая себѣ новыхъ подрядчиковъ до Гумбума, такъ какъ прежній былъ нанятъ только до сюда.

Городъ Дын-юань-фу или Ва-ян-фу называется монголами Алаша-ямунь или Ямунь-хото, т. е. алашанской канцеляріей, или канцелярскимъ городомъ. Онъ находится на берегу рѣчки, стекающей съ горы Бугуту Алашанскаго хребта и состоитъ изъ двухъ частей: кремля и слободы. Кремль расположенъ на южной сторонѣ невысокаго холма и обнесенъ толстой кирпичной стѣной, обычной у китайскихъ городовъ, достигающей вышиною чуть ли не до 10 саженей. Двое воротъ съ юга и востока, оба съ обшитыми желѣзомъ воротами, ведутъ во внутрь города, гдѣ помѣщаются дворецъ и канцелярія вана, цокчэнскій дуганъ, театръ, лавки и дома манджуровъ, китайцевъ и монголовъ. Непосредственно къ югу отъ кремля расположена слобода, превосходящая числомъ жителей и оживленной торговлей первую часть города. Изъ достопримѣчательностей можно упомянуть только о цокчэнскомъ дуганѣ мона-

Шестое перерожденіе Чжэ-бцзун-дамба-хутухты.

Седьмое перерождение Чжэ-бцзун-дамба-хутухты.

стыря Ямуня, въ которомъ красиво соединены стили китайскій и тибетскій.

Главную торговлю этотъ городъ ведетъ съ городомъ Нинся-фу, лежащимъ по другую сторону Алашанскихъ горъ, на лѣвомъ берегу Хуав-хэ, и называемымъ монголами Иргай-хото. Караваны доходятъ до него въ четыре дня. Изъ Иргая доставляются въ Ямунь главнымъ образомъ рисъ, просо, ковры и китайскій спиртъ въ обмѣнъ на верблюжью и овечью шерсть, шкуры и соль. Иргай особенно славится выдѣлкой ковровъ, большіе

заказы которыхъ дѣлаютъ тангутскіе, монгольскіе и даже наши бурятскіе монастыри, специально для этого посылая сюда людей. Спросъ на ковры для монастырей обусловливается тѣмъ, что въ ламаитскихъ храмахъ украшаются преимущественно коврами колонны и скамейки, на коихъ сидятъ монахи во время богослуженія.

Черезъ этотъ городъ проходятъ дороги, соединяющія южную и сѣверную Монголію съ Амдо, а далѣе—съ Тибетомъ. Это выгодное для транзита положеніе, а также значительный вывозъ изъ страны соли сдѣлали большимъ подспорьемъ для хозяйства мѣстныхъ монголовъ извозъ на верблюдахъ. Помимо провоза тибетскихъ торговцевъ и монгольскихъ богомольцевъ изъ этого города въ Лань-чжоу и Гумбумъ съ одной стороны, и въ Ургу и Пекинъ съ другой, нѣкоторые предприниматели вывозятъ въ Ургу рисъ и просо, въ Гумбумъ кирпичный чай.

Обратно ходятъ, преимущественно, съ порожними верблюдами, почему за случайную кладь берутъ плату какъ разъ половинную противъ приводимыхъ ниже въ передній путь. За полный верблюжій выюкъ во время нашего посѣщенія Ямуня брали: до Урги 8—11 лановъ, до Гумбума $3\frac{1}{2}$ —5 лановъ и до Пекина 7—10 лановъ серебра. Колебаніе цѣнъ, конечно, зависитъ отъ размѣра спроса и предложенія, пользоваться которыми алашанскіе монголы умѣютъ всегда съ отмѣннымъ искусствомъ.

Вывозимый въ Ургу, рисъ покупаютъ на мѣстѣ по 5—8 циновъ за четверикъ—сулга (30 гиновъ, т. е. китайскихъ фунтовъ), въ Ургѣ даютъ отъ 15 до 22 гиновъ на ланъ серебра; цибики чаю, въ 39 кирпичей, на мѣстѣ покупаютъ отъ 14 лановъ 5 циновъ до 15 лановъ 5 циновъ и въ Гумбумѣ продаютъ за 18 лановъ 5 циновъ—20 лановъ.

Алашанскіе монголы принадлежатъ къ большой группѣ олѣтовъ и составляютъ одинъ хошунъ, подъ управленіемъ хошунцинь-вана, каковой титулъ впервые получилъ князь Лобсан-дорчжэ въ 1765 году. Онъ женился въ 1750 году на царевнѣ и получилъ званіе богдоханскаго зятя. Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени алашанскіе князья женятся на фиктивныхъ (пріемныхъ) дочеряхъ богдохана, вслѣдствіе чего забыли уже простоту монголовъ и приняли дурныя стороны китайской жизни. Они обнаруживаютъ

Восьмое перерожденіе Чжэ-бцун-дамба-хутухты.

(Нынѣ живущій).

чрезвычайный деспотизмъ и изолированность отъ подданныхъ, содержать роскошный, по своему, дворъ со множествомъ слугъ и актеровъ для домашняго театра, многочисленныхъ чиновниковъ и лицъ свиты, живущихъ взяточничествомъ; многіе изъ князей предаются куренію опиума или вообще ведутъ разгульную жизнь.

Такая жизнь правителей требуетъ громадныхъ расходовъ, къ которымъ присоединяются еще ежегодные подарки въ Пекинъ. Всѣ эти расходы ложатся, конечно, тяжелымъ бременемъ на подданныхъ - плательщиковъ, среди коихъ на каждомъ шагу слышится глухой ропотъ на разореніе. Много семействъ изъ сѣверной части кочевій, отчаявшись въ надеждѣ на наступленіе лучшихъ временъ и боясь окончательнаго разоренія, тайно откочевали въ западную Халху и, можетъ быть, еще далѣе.

Особенной расточительностью отличается нынѣшній князь. Отъ одного мѣстнаго монгола пришлось услышать, что недавно ихъ князь-ванъ, нуждаясь въ деньгахъ, продалъ европейцамъ сто молодыхъ женщинъ, за что его хотѣли вызвать въ Пекинъ на судъ. Предугадывая дурной исходъ для своего дѣла, онъ велѣлъ донести, что князь умеръ, и ходатайствовать о назначеніи въ правители его старшаго сына. Повѣрить въ Пекинѣ мнимой смерти монгольскаго князя могли, конечно, только по внесеніи внушительнаго числа серебряныхъ слитковъ чиновникамъ ли-фанъ-юаня, т. е. инородческаго приказа.

Главнымъ занятіемъ простаго народа служить скотоводство или точнѣе верблюдоводство. Изъ осматриванія алашанскихъ юрть я получилъ впечатлѣніе, что онѣ скорѣе походятъ на киргизскія, лишь съ меньшею выпуклостью концовъ „ханъ“. Народъ алашанскій сильно подвергся китайскому вліянію. Покрой одежды мужчинъ—китайскій, и рѣдкій мужчина не говоритъ по-китайски. Степныя женщины болѣе сохранили свои обычаи, хотя ямунскія сильно стараются не отставать отъ манжурокъ, только мѣшаетъ имъ монгольская прическа. Съ приближеніемъ къ ямуню начинаютъ попадаться фанзы китайцевъ-хлѣбопашцевъ и огородниковъ. Они, какъ и въ Ямунѣ, живутъ вмѣстѣ съ женами, хотя бы и на дневномъ разстояніи отъ Великой стѣны. Въ нравственности алашанца можно найти смѣсь худшихъ сторонъ, какъ китайской цивилизаціи, такъ и характерныхъ чертъ природнаго монгола. При первой встрѣчѣ алашанецъ поражаетъ наружной вѣжливостью и обходитель-

ностью, но послѣ недолгой бесѣды нельзя не узнать, что у него одна мысль, какъ бы побольше получить выгоды для себя отъ случайнаго знакомаго. Среди зажиточныхъ и въ особенности среди чиновничества много курильщиковъ опиума. Женщины весьма свободны на свои ласки, а въ городѣ развита и проституція. У алашанцевъ встрѣчается нерѣдко двое- и многоженство.

Въ этомъ городѣ много китайцевъ, занимающихся торговлей, ремеслами и огородничествомъ. Также немало китайцевъ занимаются тканьемъ узкой шерстяной рогожи (по-монгольски—урмукъ), идущей на мѣшки и верблюжьи сѣдла.

Въ 30-ти верстахъ на юго-востокъ отъ города, на сѣверной сторонѣ Баян-сумбэръ, одной изъ трехъ выдающихся вершинъ Алашанскаго хребта, находится монастырь Барун-хитъ, извѣстный усыпальницею шестого далай-ламы, о которомъ упомянуто выше. На сѣверо-востокъ отъ горы Бугуту—Цзун-хитъ. Оба монастыря въ обыкновенное время имѣютъ по 200—250 духовныхъ.

1 января 1900 года намъ были поданы верблюды, подряженные, за два дня предъ этимъ, до Гумбума по 4 лана за cadaго. Сегодняшній первый день новаго года возбудилъ во мнѣ воспоминаніе о дорогомъ отечествѣ, отъ котораго я все болѣе и болѣе удалялся. О немъ же напомнилъ мнѣ сегодня и одинъ изъ мѣстныхъ простолюдиновъ, рассказывая о первомъ европейцѣ, появившемся въ ихъ кочевьяхъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Этотъ европеецъ (по-монгольски — оросъ) собиралъ шкуры дикихъ животныхъ и птицъ, а также насѣкомыхъ и травы, изъ чего я догадался, что рѣчь идетъ о Н. М. Пржевальскомъ. Къ этому онъ добавилъ, что уже послѣ него стали появляться европейцы на границѣ Алашани съ Китаемъ и повысили цѣну на верблюжью и овечью шерсть.

Возчикъ, взявши воду изъ попутнаго колодца, довезъ насъ до мѣстности Цаганъ-хошунъ, гдѣ не было колодца. Затѣмъ сталъ отговариваться везти насъ далѣе подъ предлогомъ, что долженъ подождать своего брата, съ которымъ поѣдетъ далѣе вмѣстѣ. Такимъ образомъ онъ продержалъ насъ въ напрасномъ ожиданіи слѣдующія 2-ое и 3-е числа.

Ждать было тѣмъ неприятели, что по близости не было колодца и мы должны были добывать воду, оттаивая снѣгъ, смѣшанный съ пескомъ. Добытая такимъ способомъ вода была

грязновата и мутна. Къ чести алашанцевъ должно сказать, что въ ихъ кочевьяхъ почти нѣтъ воровства. Поэтому даже цѣнные выюки оставляли мы въ палатокъ.

Отъ нечего дѣлать мы бродили по песчанымъ валамъ и спутники наши собирали окаменѣлыя трубочки изъ мелкаго песку, увѣряя, что онѣ бываютъ нужны для заклинанія жрецовъ секты „сангаспа“, которая весьма распространена у амдоскихъ тангутовъ.

„Нашими спутниками“ я называю другихъ членовъ этого каравана: шесть халхаскихъ монголовъ-ламъ, ѣхавшихъ въ Гумбумъ для поклоненія его святынямъ, двухъ бурятскихъ ламъ, направлявшихся въ Лабранъ за выясненіемъ перерожденца бывшаго ширетуя Цугольскаго дацана Забайкальской области Иванова, который очень славился среди прихожанъ своею ученостію, и одного тибетца, торговавшаго въ городѣ Донкѳрѣ.

Одинъ изъ бурятскихъ ламъ, по имени Шри-бадзаръ, везъ списокъ мальчиковъ, родившихся въ годъ, слѣдующій за годомъ смерти Иванова. По этому списку Лабранскій Чжамьян-шадба долженъ былъ указать перерожденца Иванова.

4 января нашъ подрядчикъ довезъ насъ до колодца Тосѳ (масло) и снова заставилъ продневать слѣдующее *5-е* число.

6 января двинулись далѣе, хотя не могли дожидаться товарища нашего возчика, и, взявъ воду изъ колодца по восточную сторону горы Ундур-хайрханъ (высокій милостивецъ), ночевали въ степи. Настоящее названіе этой горы—Шангин-далай (въ литературѣ—Сангун-далай (море сокровищъ), но монголы изъ почтенія къ духамъ, владѣльцамъ горы, не произносятъ этого названія на виду ея, увѣряя, что если произнести его, то случается вьюга или какое-нибудь другое несчастье въ пути.

7 января прошли мимо монастыря Цокту-хуре и, взявъ воду изъ колодца при началѣ песковъ Сэрхэ, остановились ночлегомъ среди самихъ песковъ. *8-го*—Хара-обѳ.

9 января подошли къ Тэнгри-элису „Небесные пески“—въ смыслѣ обилія, обширности песковъ—и, взявъ воду изъ колодца Ехэ-тунхэ на сѣверной сторонѣ песковъ, перешли черезъ это песчаное волнистое море. У богомольцевъ существуетъ повѣрье, что если перейти черезъ эти пески пѣшкомъ, то приобрѣтается добродѣтель, равная прочтенію сочиненія „Чжя-дѳн-па“, т. е. „Восьми тысячнаго“ (8.000 стиховъ—8 тысячная Праджня-пара-

мита). Поэтому некоторые из наших спутников слѣзли съ верблюдовъ и отправились пѣшими. Среди этихъ песковъ, ближе къ юго-западному краю ихъ, находится при самой дорогѣ „обò“ (куча), основанный, по преданію, третьимъ банчэн-эрдэни, Балдан-ешей, переправлявшимся черезъ эти пески при проѣздѣ въ Пекинъ въ 1779 году. „Обò“ это представляетъ большой кустъ, вышиною около сажени, обвѣшанный хадаками и лентами, привязываемыми набожными путниками. Кромѣ того, прохожіе бросаютъ въ кустъ китайскія мѣдныя монеты (чохи), сжигаютъ куренія и дѣлаютъ земные поклоны. Проходящіе нищіе-монахи подбираютъ эти чохи и снимаютъ съ куста болѣе или менѣе цѣнные хадаки.

Ночуемъ тотчасъ по выходѣ изъ песковъ. 10-го — колодець Чулун-онгоца (каменная колода).

11 января перешли черезъ границу кочевьевъ алашанскаго вана и собственно Китая. Здѣсь подлѣ дороги стоитъ на гранитномъ пьедесталѣ таковая же плита, вышиною около двухъ аршинъ, на лицевой и тыловой сторонахъ исписанная китайскими іероглифами, говорящими о поводѣ постановки, лицахъ, бывшихъ при разграниченіи, и о годѣ постановки: „29 годъ правленія „Даогуань“ добавочнаго 4-го мѣсяца 20-й день“ (1838 г.), и на ребрахъ монгольскія надписи: на сѣверо-восточной сторонѣ — „Алашань-цинъ-вангунъ нутугунъ чжиха“ (разговорная форма дзаха).

т. е. граница кочевьевъ алашанскаго цинъ-вана, и на юго-западной сторонѣ: — „Улаган-эргинъ хушіе чилагу“, т. е. каменная плита изъ Краснаго яра.

Уже въ четырехъ верстахъ къ югу попались намъ развалины китайской деревни. Въ нихъ, впрочемъ, ютились въ бѣдной хижинѣ два китайца.

Ночуемъ на юго-западѣ отъ китайскаго поселенія Байдунъ (по-монгольски Цаган-сонджа „бѣлая пирамида“), гдѣ живутъ китайцы-верблюдоводы, занимающіеся извозомъ.

Праджня-парамита.

Чохъ.

12 января перешли через заставу Са-ян-чжинъ, гдѣ для проходящихъ въ западномъ направленіи установлена уплата пошлины. Китайская административная безпорядочность не установила опредѣленной платы и здѣсь берутъ отъ 100 до 200 чоховъ съ каждаго, руководствуясь, вѣроятно, исключительно произволомъ.

Съ насъ взяли по 140 чоховъ, при чемъ сборщикъ укралъ не мало чоховъ, спуская ихъ при счетѣ въ широкіе рукава своего платья. Ночевали у китайской деревни Ван-чжа-дянь.

13 января—падъ Ши-ва-цзы.

14 января, пройдя около 7 верстъ отъ мѣста ночлега, остановились у деревни Сун-чанъ, гдѣ живутъ тангуты и китайцы. Сюда переселяется въ настоящее время духовенство монастыря Даг-лунъ (тигровая падъ), который находился прежде на сѣверо-западъ отсюда и былъ разоренъ во время мусульманскаго движенія. Здѣсь приходили къ намъ 5 оборванныхъ китайскихъ нищихъ и просили милостыню. Когда мы дали по нѣсколько чоховъ, они отказались взять ихъ, прося чего-нибудь съѣстнаго. Возчикъ нашъ увѣрялъ насъ, что эти же нищіе придутъ ночью для кражи и потому съ сегодняшней ночи необходимо держать караулъ. Пришлось прибрать все выюки въ палатки и попеременно окарауливать весь лагерь.

15 января встрѣтили по дорогѣ чрезвычайно много цзэреновъ (хара-сультъ), которые очень смиренны и я, благочестивый паломникъ, съ трудомъ воздерживался отъ выстрѣловъ по нимъ. Здѣшнія мѣста еще не успѣли заселиться послѣ мусульманскаго разоренія въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія: тамъ и сямъ видны развалины отдѣльных хуторовъ и деревень, а былыя нивы заросли густою травой и служатъ теперь пастбищемъ однихъ только антилопъ-хара-сультъ.

Ночевали въ узкой пади, не доходя верстъ 10 до города Пин-хуа-чэнь.

16 января остановились ночлегомъ подъ городомъ Пин-хуа-чэнь, называемомъ тангутами и монголами Чжѳн-лунъ. Сегодня насъ нагналъ товарищъ нашего возчика, въ ожиданіи котораго мы потеряли нѣсколько дней въ началѣ пути. Прибытіе его было все же пріятно для насъ, такъ какъ теперь мы избавлялись отъ ночныхъ карауловъ. По общепринятому обычаю здѣшнихъ извозопромышленниковъ и нанимателей, первые отвѣчаютъ

за цѣлость багажа, почему и окарауливаніе его лежитъ на ихъ обязанности. Требовать исполненія этого условія отъ нашего возчика было невозможно, такъ какъ онъ былъ одинъ и длинныя ночи были весьма холодны.

17 января перешли по льду черезъ рѣку Чжѳн-лунъ и, переваливъ черезъ право-береговой хребетъ, расположились ночлегомъ.

18 января перешли по льду черезъ рѣку Дайтунъ и, пройдя по правому ея берегу внизъ по теченію около пяти верстъ, стали подниматься по узкому ущелью, ведущему на Тэнгри-даба (небесный—въ смыслѣ высоты—перевалъ) и остановились ночлегомъ въ этомъ же ущельѣ.

19 января первый день китайскаго новаго года или монгольскій „цагалганъ“. Утромъ всѣ члены каравана поздравили другъ друга съ праздникомъ, по обычаю соединяя руки и обмѣниваясь табакерками съ просьбой принять „новогодняго табаку“. Закончивъ этимъ празднованіе новаго года, мы навьючили верблюдовъ и направились къ перевалу Тэнгри-даба. Подъемъ на перевалъ идетъ по извиистой дорогѣ и, имѣя въ длину около трехъ верстъ, въ главной своей части довольно крутъ. На самой вершинѣ перевала—китайскія жилища содержателей почтовой станціи и постоялыхъ дворовъ. Склоны здѣшнихъ горъ сплошь обработаны трудолюбивымъ земледѣльцемъ.

Менѣе крутой спускъ ведетъ въ ущелье, выходящее въ долину рѣки Сининъ. Мы проходимъ около семи верстъ уже по лѣвому берегу послѣдней рѣки и ночуемъ среди китайскихъ пашень.

20 января верстахъ въ 20-ти отъ мѣста ночлега, прошли мимо города Нянъбо-сянь, названіе котораго въ монгольскихъ устахъ слышится „Нямби“-хото. Верстахъ въ 10—12 выше города, мы по льду перешли на правый берегъ рѣки Сининъ и ночевали.

21 января мы видѣли по другую сторону рѣки маленькій монастырь Марсан-лха (у Потанина по амдоскому чтенію—Марцзанъ). Про этотъ монастырь существуетъ легенда, упомянутая у Г. Н. Потанина въ его „Тангутско-Тибетской окраинѣ Китая“. Мы же съ своей стороны добавимъ, что эта легенда относится къ тибетскому хану Дарма, прозванному за гоненіе буддизма Ландарма, (т. е. скоть Дарма) и царствовавшему, повидимому, въ концѣ IX вѣка по Р. Х.

Убийцей его былъ лама-отшельникъ Лха-лун-бал-дорчжэ, который, отправляясь на убіеніе царя, выкрасилъ бѣлую лошадь сажей и надѣлъ наизнанку черное платье съ бѣлой подкладкой. По-слѣ убіенія царя онъ смылъ въ водѣ черную окраску лошади и перевернулъ платье на черную сторону. Погоня была обманута этой хитростью и не изловила его.

Марсан-лха.

(По фотографіи W. Woodville Rockhill).

слѣ убіенія царя онъ смылъ въ водѣ черную окраску лошади и перевернулъ платье на черную сторону. Погоня была обманута этой хитростью и не изловила его. Въ Марсан-лха, по преданію, находился прахъ этого Бал-дорчжэ, но во время послѣдняго дунганскаго возстанія былъ уничтоженъ. Разрушенный тогда же монастырь нынѣ восстанавливается. Названіе Марсанъ, какъ вѣрно объясняетъ Г. Н. Потанинъ, происходитъ отъ краснаго цвѣта мѣстныхъ скалъ.

Буквально, Марсан-лха значитъ красное (доброе) божество.

Далѣе, верстахъ въ десяти выше этого монастыря, тамъ, гдѣ горы обоихъ береговъ подступаютъ къ самой рѣкѣ Сининъ, перекинутъ деревянный мостъ. На правомъ берегу у самага спуска съ моста находится таможня, гдѣ должны осматривать караваны, идущіе изъ Монголіи, чтобы не провозили кирпичнаго чая. При нашемъ проходѣ изъ таможни выбѣжалъ молоденькій китаецъ и, какъ бы не обращая на насъ никакого вниманія, пропустилъ караванъ мимо себя и вернулся обратно въ домъ, вѣроятно, исполнивъ этимъ свой служебный долгъ. На моихъ глазахъ наши спутники провезли до 50 цибиковъ запрещеннаго чая, обернувъ ихъ въ войлоки, мѣшки и т. п. Ночевали верстахъ въ трехъ выше таможни.

22 января навьючили верблюдовъ около полуночи и на разсвѣтѣ уже проходили мимо города Синин-фу, называемаго монголами и тибетцами Сэлинъ. Затѣмъ повернули на рѣку Гуй, поднимались по ней верстъ 17 и, взявши дорогу направо, перевалили черезъ небольшой холмъ. Съ вершины этого перевала предъ нами открылся видъ на монастырь Гумбумъ, отстоящій отъ Синин-фу верстахъ въ 25-ти. Не имѣя въ монастырѣ знакомыхъ, я недоумѣвалъ, гдѣ бы остановиться, но тотчасъ по въѣздѣ въ монастырь съ нами встрѣтился одинъ молодой бурятскій лама, который посоветовалъ намъ остановиться въ домѣ прорицателя Лон-бо-чойчжона. Здѣсь мнѣ оказали хорошій приемъ и отвели небольшую комнату, гдѣ я прожилъ отъ 22 января до 6 февраля и отъ 28 февраля до самаго выѣзда въ Тибетъ, 25 апрѣля 1900 года. Промежутокъ времени между 6 и 28 февраля я употребилъ на поѣздку въ монастырь Лабранъ.

Въ слѣдующей главѣ мы дадимъ краткое описаніе этихъ знаменитѣйшихъ монастырей Амдо—Гумбума и Лабрана.

Пограничный камень между Алашанью и Китаемъ.

Манџушри.

ГЛАВА II.

Амдоскія святыні: Гумбумъ и Лабрань.

Гумбумъ.

Монастырь, извѣстный въ обыденной рѣчи у тибетцевъ и у монголовъ подъ названіемъ Гумбумъ, а у китайцевъ Та-сы (монастырь ступы), въ литературѣ имѣетъ болѣе полное названіе Гумбумъ Чжамба-линъ, т. е. „Миръ Майтреи со 100 тысячами изображеній“, и находится въ вершинѣ рѣчки или, вѣрнѣе, глубокаго оврага Цзонха, т. е. падь дикаго лука.

Указатель святынь или адресная книга этого монастыря, книга, которою мы пользовались, дѣлится на четыре части, изъ коихъ въ первой повѣствуется объ основаніи монастыря, во второй перечисляются имена настоятелей съ краткими біографическими данными, въ третьей находится перечень достопримѣчательностей въ смыслѣ ихъ святости, наконецъ, въ четвертой указывается польза отъ поклоненія этимъ святынямъ. Не входя въ подробности третьей части названной книги—указателя, скажемъ, что, судя по подробному перечню предметовъ и статуй, всѣ храмы содержатъ статуи божествъ и святыхъ ламъ, субурганы съ прахомъ, волосами знаменитыхъ ламъ, принадлежности одѣянія

ихъ, престолы, предметы употреблявшіеся у знатныхъ ламаитскихъ святителей и т. п. Въ храмахъ хранятся цѣнные экземпляры разныхъ книгъ.

Разказы объ основаніи этого монастыря связаны съ именемъ великаго реформатора ламаизма Цзонхавы, фамилію

Львиноголосый Авалокитешвара.

котораго можно было бы перевести „Цзонханецъ“ или „Диколукскій“. Такъ, передаютъ, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ главная святыня монастыря—большой субурганъ (ступа), родился въ 1357 году самъ Цзонхава и здѣсь была пролита кровь отъ его пунка. Черезъ три года послѣ этого на этомъ мѣстѣ стало расти сандалное дерево „цан-данъ“, на

листьяхъ котораго были видны изображенія божествъ: Львиноголосаго, Манджушри, Ямантаки, Махакалы и др.

Затѣмъ, когда Цзонхава былъ уже въ центральномъ Тибетѣ, его престарѣлая мать, скучая по сынѣ, письмомъ звала его на свиданіе. На это письмо матери Цзонхава отвѣтилъ, что если она построитъ надъ вышеупомянутымъ деревомъ субурганъ со ста тысячами изображеній (откуда и названіе Гумбумъ) Львиноголосаго, то это будетъ равносильно ихъ свиданію и отъ этого произойдетъ великая польза для живыхъ существъ. Мать исполнила желаніе сына.

Въ 1560 году лама Ринчэн-цзондуй-чжямцо построилъ подлѣ субургана небольшую келью и въ ней поселилъ около десяти своихъ учениковъ, число коихъ затѣмъ увеличилось до 30.

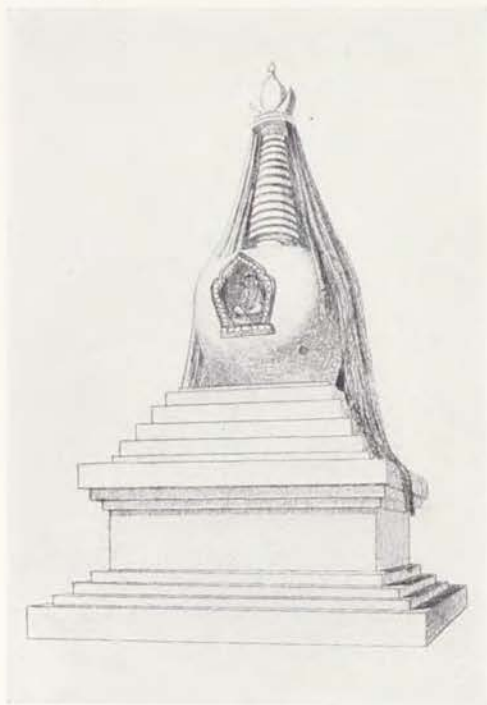
Въ 5-мъ году правленія Минскаго императора Вань-ли, въ годъ огненной коровы (т. е. 1577 г.) былъ построенъ храмъ, въ которомъ была поставлена статуя двѣнадцатилѣтняго „спасителя Майтреи“ (по-тибетски Чжамба-гонбо), сдѣланная изъ „лекарственной глины“. Это обстоятельство послужило причиной происхожденія второй части упомянутаго выше полнаго названія монастыря. Храмъ этотъ стоитъ по правую сторону субургана, смотря отъ субургана.

Въ 1583 году третій далай-лама Соднам-чжямцо, на вторичномъ пути къ тумэтскому Алтан-хану, посовѣтовалъ ламѣ Цзондуй-чжялцань-санбо и мѣстнымъ свѣтскимъ правителямъ построить монастырь, что и было исполнено. Затѣмъ четвертый, монгольскій, далай-лама Юн-дан-чжямцо на пути своемъ въ Тибетъ, а именно въ 1604 году, выселилъ изъ монастыря свѣтскихъ жителей.

Основанный такимъ образомъ, монастырь находится въ вершинѣ, обращеннаго на сѣверъ, глубокаго оврага, который въ свою очередь образуется изъ двухъ овраговъ, соединяющихся на южномъ краю монастыря. Всѣ общественныя зданія, за исключеніемъ сада для лѣтнихъ диспутовъ, расположеннаго на правой сторонѣ оврага, находятся на лѣвой его сторонѣ.

Среди нихъ самой главной святыней должно считать вышеупомянутый субурганъ надъ деревомъ „цан-данъ“, который помѣщается нынѣ въ особомъ зданіи, построенномъ на фундаментѣ изъ сѣраго тесанаго гранита изъ облицованнаго зеленою фаланью кирпича; дерево, именуемое „сэрдон-чэнмо“, т. е.

большое золотое дерево, находится въ пустотѣ внутри субургана. Зданіе это, довольно красивой архитектуры, въ два свѣта, имѣетъ двойную золоченую крышу. Зданіе это называютъ „Сердэн-

Субурганъ надъ деревомъ „цанданъ“.

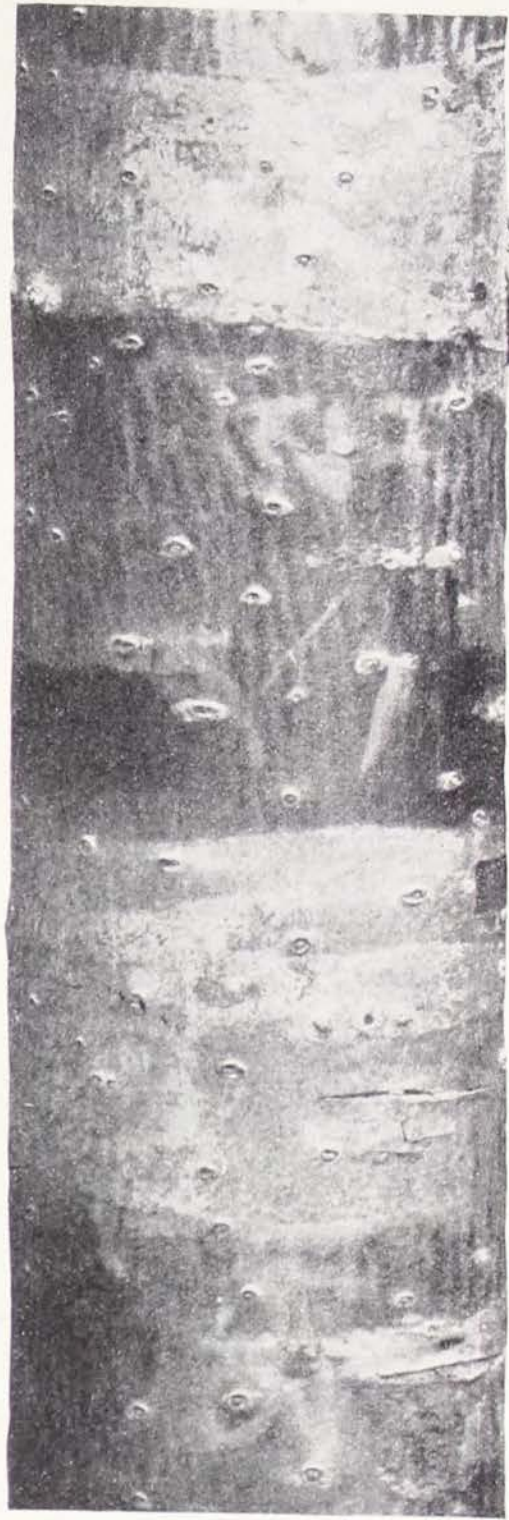
(По наброску Г. Ц. Цыбикова).

чэнмо“, т. е. большимъ золотымъ субурганомъ. Раньше храмъ назывался просто „Лхахан-чэнмо“, т. е. большой храмъ, и названіе Сердэнчэнмо получилъ лишь послѣ того, какъ лѣтъ 15 тому назадъ была позолочена его крыша. Самый субурганъ облицованъ кованнымъ серебромъ и задрапированъ желтымъ китайскимъ атласомъ. Въ верхней части его „бумбы“ вставлена въ углубленіе золотая статуя Цзонхавы, вышиною въ 1 аршинъ. Вышина всего субургана болѣе трехъ сажень.

На нижнемъ, четырехугольномъ основаніи субургана, а также на отдѣльныхъ подставкахъ группируются многочисленныя статуи и маленькіе

субурганы съ прахомъ знаменитыхъ ламъ этого монастыря. Передъ субурганомъ на длинной синей доскѣ въ роскошной рѣзной съ позолотой рамѣ находится надпись на одномъ китайскомъ языкѣ. Здѣсь же поставленъ столъ (скамейка) съ непрерывно горящими большими свѣтильниками, среди коихъ одинъ золотой, два серебряныхъ, одинъ каменный, а остальные изъ желтой мѣди; кромѣ того набожные богомольцы постоянно ставятъ предъ святыней свѣтильники, покупая ихъ здѣсь же готовыми по 5 китайскихъ чоховъ каждый (менѣе одной копейки на наши деньги).

У зданія три двери, обращенныя на востокъ, и надъ ними устроенъ навѣсъ, подъ которымъ на гладкомъ деревянномъ полу богомольцы совершаютъ земные поклоны, растягиваясь на землѣ всѣмъ тѣломъ. Саженьяхъ въ двухъ отъ дверей находится другое дерево, которое, какъ вѣрятъ, имѣетъ одинъ корень съ заключеннымъ въ субурганъ цанданомъ. На корѣ молодыхъ отростковъ этого дерева болѣе или менѣе ясно видны тибетскія буквы желтаго цвѣта. Про происхожденіе этихъ буквъ, однако,

Отрубокъ дерева „дан-данъ“.

никто изъ европейскихъ путешественниковъ не даетъ положительнаго объясненія. Вѣрующіе, конечно, не сомнѣваются назвать ихъ самопоявившимися. Мы же скажемъ, что должны представлять какой-либо интересъ только способъ, какимъ воспроизводить такъ искусно буквы на древесной корѣ.

Рядомъ съ этимъ храмомъ, направо стоитъ небольшое зданіе съ зеленой черепитчатой крышей, въ которомъ помѣщается вышеупомянутая статуя двѣнадцатилѣтняго Майтреи, а направо такое же

Майтрея.

Чагдорь
(Ваджрапани страшного вида).

Лхамо.

зданіе, называемое Чжово-ханъ и заключающее въ себѣ статую семилѣтняго Майтреи съ тремя его главными спутниками, а также и изображение Чжово, которое въ смутное время произнесло слово китайскому войску. Немного впереди послѣдняго храма стоитъ также черепитчатокровельное зданіе, въ которомъ поставлены статуи страшныхъ охранителей ученія, какъ однолицый Чжигчжэдъ, Чагдоръ, Лхамо, шестирукій Махакала, Кшэтрапала, Дэмчокъ и др.

Передъ зданіемъ, прикрывающимъ субурганъ, находится цокчэн-дуганъ или „сборный домъ великаго собранія“, гдѣ происходятъ общія собранія монаховъ всего монастыря. Онъ чисто тибетской архитектуры;

золотой крыши, упоминаемой Г. Н. Потанинымъ, я не видѣлъ.

Ниже по оврагу, въ отдѣльномъ дворѣ растутъ такія же деревья цан-данъ и также съ „самобытными“ буквами. Листья этихъ деревьевъ послѣ спада тщательно собираются ламами, блюстителями храма Шабдан-лха-ханъ (т. е. храмъ долголѣтія, буквально „прочности ногъ“) построеннаго при этихъ деревьяхъ для чтенія молитвъ о долгоденствіи 7-го далай-ламы Галсанчжамцо.

Листья продаютъ набожнымъ богомольцамъ, вѣрующимъ, что они, употребленные какъ чай, облегчаютъ роды женщинъ, въ особенности при замедленіи послѣдовъ, такъ какъ здѣсь, по преданію, былъ зарытъ послѣдъ матери Цзонхавы.

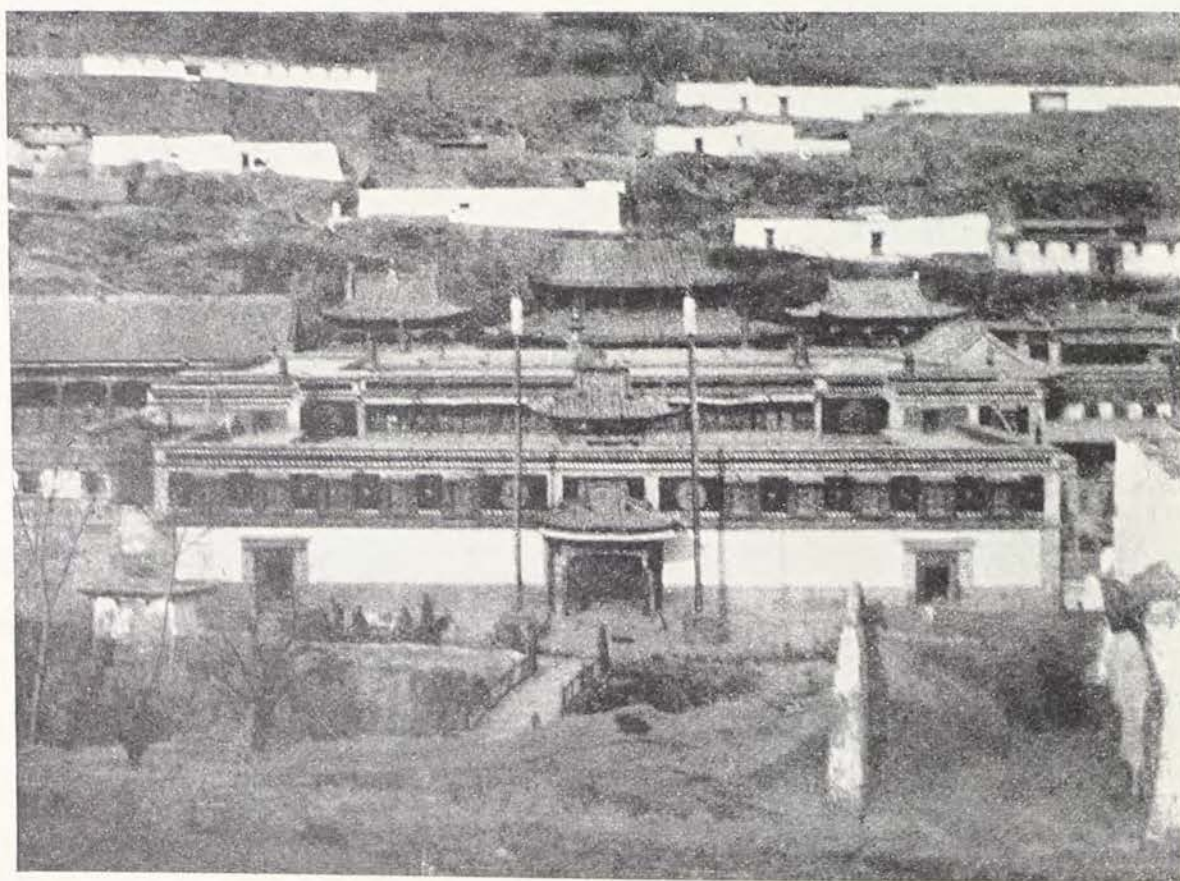
Еще далѣе по тому же оврагу находится храмъ Нэйчунчойчжѳна съ китайскою надписью, которую можно перевести

Кшэтрапала.

„величественная добродѣтель блестяще править“. Онъ впервые построенъ въ 1692 году и заключаетъ много изображеній охранителей ученія и предметовъ, относящихся къ ихъ культу. Въ этомъ храмѣ прежде ниспускался духъ одного изъ „хранителей ученія“ царя Бэхара, называемаго чаще Найчун-чойчжонъ, но во время магометанскаго движенія лама-прорицатель его, спустивъ своего „хранителя“, въ экстазѣ кинулся во вражью рать и былъ убитъ. Съ тѣхъ поръ „чойчжонъ“ уже ни на кого здѣсь не спускается, что объясняется его гнѣвомъ на монаховъ Гумбума, которые принимали активное участіе въ борьбѣ съ магометанами, нарушая такимъ образомъ завѣты своей религіи.

Что касается учебной части, то монастырь имѣетъ у себя четыре дацана или факультета: богословскій, медицинскій и два мистическихъ: дуйнхоръ и чжюдь. Основаніе богословскаго или цан-нидскаго факультета относится къ 1612 году. Въ настоящее время цан-нидъ изучается по руководствамъ

Цокчэн-дуганъ въ Гумбумѣ.

Агван-цзондуйя, перваго перерожденца лабранскаго Чжамьян-шадба. Лишь на восьмомъ году ученія отдѣляются изучающіе цан-нидъ и по толкованіямъ сэраскаго Чжэбцунбы. Особаго

зданія для этого факультета не существуетъ, и учащіеся собираются въ обширномъ дворѣ храма Чжамьян-кун-сигъ, подлѣ

Царь Бэхарь, въ группѣ „Пяти Царей“.

цокчэнскаго дугана, а въ дурную погоду пользуются послѣднимъ. Лѣтомъ собираются въ особомъ саду, о коемъ упомянуто выше.

Медицинскій факультетъ (по-тибетски манба-дацанъ) былъ задуманъ чубсанскимъ перерожденцемъ Лобсан-данбій-чжялцаномъ (18-мъ настоятелемъ Гумбума), но вслѣдствіе возникшихъ тогда на Кукунурѣ безпорядковъ не былъ открытъ. Открытъ же онъ былъ лишь послѣ умиротворенія этихъ безпорядковъ и основателемъ его называютъ врача Няндагъ, а время опредѣляется пятидесятыми годами XVIII вѣка. Зданіе его находится по лѣвую сторону цокчэнскаго дугана.

Факультетъ Дуйнхоръ основанъ при 51-мъ настоятелѣ Гумбума Агван-чжамьян-ван-чжяль около 1825 года и посвященъ мистическимъ обрядностямъ, относящимся главнымъ образомъ къ божеству Дуйнхоръ (по санскритски Калачакра). Зданіе его по правую руку отъ цокченскаго дугана.

Наконецъ, четвертый факультетъ Чжюдъ находится ближе къ верхнему краю оврага и основанъ въ 1649 году ламой

Дэмчокъ (Самвара).

Лэгба-чжямцо по образцу перваго мистическаго дацана въ Лхасѣ, именуемаго Чжюдмадъ. Въ этомъ дацанѣ хранится черепъ матери Цзонхавы, на которомъ само по себѣ явилось слово „хумъ“. Онъ обдѣланъ въ золото въ видѣ чаши (габала) и, обращенный кверху, содержитъ въ себѣ зерна риса, которыя раздаются богомольцамъ, какъ священные, имѣющія силу исцѣлять болѣзни. Кромѣ того говорятъ, что эти зерна сами размножаются, почему они очень способствуютъ обогащенію своихъ владѣльцевъ.

Вслѣдствіе строгости своей дисциплины факультетъ Чжюдмадъ привлекаетъ очень мало слушателей.

Всѣхъ духовныхъ въ Гумбумѣ не болѣе 2000, притомъ болѣе всего духовныхъ изъ южной Монголіи.

Администрацію монастыря можно раздѣлить на двѣ части: духовную и свѣтскую, хотя представителями той и другой являются духовныя лица. Во главѣ всего духовенства стоитъ „хамбо“, именуемый въ литературѣ ти-тогъ, т. е. главнопрестольный. Нынѣ онъ избирается изъ перерожденцевъ преж-

нихъ хамбо, и служитъ три года. Выбранный перерожденецъ живетъ въ особомъ дворцѣ, который стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, былъ построенъ манджурскимъ правительствомъ домъ для третьяго банчэн-эрдэни, Балдан-ешей. Послѣдній, по отбытіи своемъ изъ Гумбума, предоставилъ дворецъ хамбамъ. Не знаемъ, насколько это вѣрно, но въ исторіи монастыря говорится, что въ 1687 году перерожденецъ Ачжя, по имени Шэй-раб-санбо, построилъ дворецъ для хамбо. Какъ бы то ни было прежній дворецъ былъ разрушенъ во время дунганскаго движенія въ 70 годахъ только что минувшаго XIX вѣка и нынѣ на томъ же мѣстѣ построенъ новый, который, по словамъ оче-

Габала (чаша-черепъ).

видцевъ, положительно нельзя сравнить съ прежнимъ по богатству и красотѣ отдѣлки: такъ-де онъ плохъ! Хотя это и такъ,

но и нынѣшній дворецъ, окрашенный въ красный цвѣтъ, является однимъ изъ лучшихъ домовъ монастыря.

Внѣшними атрибутами должности хамбо служатъ желтый зонть и желтая же шапка особаго образца, называемая цзонхавинской или банчэнской, съ длинными наушниками, по тибетски банша-нэринъ. Когда онъ проходитъ по улицѣ, то его сопровождаютъ игрой на особыхъ духовыхъ инструментахъ, въ родѣ кларнетовъ, и впереди цокчэнскій гѣбкой несетъ зажженные курительныя свѣчи. Играющіе (двое) идутъ впереди хамбо. Когда они слишкомъ забѣгутъ впередъ, останавливаются, продолжая играть, обратившись лицомъ къ хамбо, съ приближеніемъ котораго снова идутъ впередъ. Слово „хамбо“ — значитъ учитель, соотвѣтственно чему хамбо является высшимъ наставникомъ всего духовенства и періодически читаетъ проповѣди, раздаетъ ученые степени и т. п.

Для полицейско-распорядительной власти подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ хамбо находится, такъ называемый цокчэн-гѣбкой, что можно перевести „правитель добродѣтели великаго собранія“, или шамо, слѣдящій за исполненіемъ духовными ихъ дисциплинарныхъ обязанностей. Онъ разрѣшаетъ и судебныя дѣла, возникающія въ монастырѣ. За небольшіе проступки наказываетъ тутъ-же своимъ распорядительскимъ жезломъ, а для болѣе серьезныхъ случаевъ передъ дверями дугана висятъ длинныя плети. Онъ назначается на годъ и имѣетъ помощника, назначаемаго на полгода и называемаго шабдог-ба, кромѣ того, каждый факультетъ имѣетъ своего тиба, т. е. престольнаго и гѣскоя, власть коихъ по отношенію къ своему дацану такова-же, какъ и вышеупомянутыхъ лицъ по отношенію ко всему монастырскому духовенству.

Свѣтская власть находится въ рукахъ трехъ чиновниковъ, называемыхъ китайскимъ словомъ лао-ѣ со степенями: да — старшій, эррлз — второй и санъ — третій. Мнѣ передавали, что да-лао-ѣ является въ настоящее время лишь почетнымъ званіемъ. Гораздо большую власть имѣетъ второй чиновникъ, который утверждается въ должности китайскимъ правительствомъ и ведетъ всѣ дѣловыя сношенія съ сининскимъ амбанемъ, въ вѣдѣніи коего находятся всѣ амдоскіе монастыри. Сан-лао-ѣ слѣдитъ за прислугой въ управленіи и хозяйственными работами. Всѣ они, составляя особый комитетъ цокчэн-чжиба, засѣдаютъ и живутъ

въ особомъ общественномъ домѣ, называемомъ цокчэн-чжисо, (общее хозяйство большого собранія). Они завѣдуютъ всѣмъ общемонастырскимъ имуществомъ и земельными угодьями, вмѣстѣ съ крестьянами, живущими на нихъ. Монастырь особенно обогатился земельными угодьями послѣ подавленія недавняго мусульманскаго возстанія, когда безчеловѣчная рѣзня, произведенная китайскими войсками надъ обезоруженными побѣжденными, высвободила массу пахотной земли въ окрестностяхъ монастыря, гдѣ обитало много магометанъ. Пашни сдаются въ аренду обычно изъ 60% съ количества засѣваемыхъ сѣмянъ, причемъ участки разъ навсегда измѣрены по количеству посѣва.

Очень важныя дѣла обсуждаются съ участіемъ старшинъ (по-тибетски гэрганъ) шести отдѣльныхъ общинъ (цо-дугъ), на которыя раздѣляются подданные монастыря.

Духовенство живетъ въ домахъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ оврага, амфитеатромъ. Дома по большей части китайскаго образца и лишь у богатыхъ перерожденцевъ они тибетскаго стиля. Дома или подворья перерожденцевъ и отдѣльныхъ общинъ называются карба или гарба.

Такихъ подворьевъ насчитываютъ до 80. Самые знатные изъ владѣльцевъ гарба суть перерожденцы Ачжя и Шинза, считающіеся перерожденцами отца и матери Цзонхавы, Сэртогъ, Чэшѡй, Чжяягъ, Гончжа, Миньягъ, Тууганъ и др. Многие изъ этихъ перерожденцевъ живутъ по своимъ монастырямъ, находящимся въ другихъ мѣстахъ, но числятся въ спискахъ монастыря и для своихъ временныхъ посѣщеній содержатъ гарба.

Улицы монастыря не отличаются прямизной и многія изъ нихъ довольно узки. Чистота ихъ поддерживается лишь собаками и китайскими земледѣльцами, которые собираютъ человѣческія нечистоты для удобренія полей и огородовъ въ особыя плетенныя корзины, носимыя на спинѣ. Лошадиный-же пометъ усердно собираютъ сами монахи для топки печей подъ нарами (каны), а также и кухонныхъ. Впрочемъ, для топки послѣднихъ чаще употребляютъ солому, и лишь болѣе зажиточные топятъ мелкимъ кустарникомъ, продающимся сравнительно дорого (отъ 25 до 35 коп. на наши деньги за ослиный выюкъ).

Торговымъ мѣстомъ Гумбума служитъ площадь на нижнемъ краю монастыря; сюда однако приносятъ только мясо, булки, лукъ, топливо и т. п. предметы самой первой необходимости.

Торжище это называютъ цон-ра, т. е. торговый дворъ. Гораздо оживленнѣе идетъ торговля въ китайской слободѣ, располо-

„Цон-ра“ въ Гумбумѣ.

женной въ одной верстѣ на сѣверъ отъ монастыря и называемой Лаосирь. Здѣсь, кромѣ китайскихъ лавокъ и постоянныхъ дворовъ, находятся еще дома земледѣльцевъ, огородниковъ и разныя мастерскія. Въ этой же деревнѣ происходятъ всѣ жизненныя сцены, запрещенныя строгимъ монастырскимъ уставомъ. Торговля ведется на вѣсовое серебро и китайскіе

мѣдныя чохи. За тысячу чоховъ здѣсь считаютъ связку въ 460 штукъ, слѣдовательно за сотню идутъ 46 чоховъ.

Занимая положеніе на пути каравановъ, ходящихъ между Тибетомъ и Монголіей, Гумбумъ съ давнихъ поръ извлекаетъ большія выгоды отъ такого посредническаго положенія, какъ по отношенію къ торговлѣ, такъ и по отношенію къ пропагандѣ ламаитскихъ идей среди монголовъ. Многіе изъ здѣшнихъ монаховъ вывозятъ въ Тибетъ китайскія произведенія, мѣстныхъ лошадей и лошаковъ и привозятъ тибетскія произведенія, идущія главнымъ образомъ на удовлетвореніе потребностей монголовъ. Благодаря такому же положенію, Гумбумъ въ разное время посѣтили 3, 4, 5, и 7-й далай-ламы и 3-й банчэнъ, каковыя посѣщенія не мало послужили, понятно, сильному возвышенію монастыря во всѣхъ отношеніяхъ. Не только они лично во время своего пребыванія здѣсь, но даже оставленные ими престолы, на коихъ они сидѣли, и части ихъ одѣяній, не исключая юбокъ и сапогъ, привлекали и привлекаютъ множество богомольцевъ. Затѣмъ, здѣшніе ламы, получившіе образованіе въ монастыряхъ центральнаго Тибета, часто приглашаются въ Монголію и служатъ такимъ образомъ посредниками духовнаго общенія Тибета съ Монголіей. Сверхъ того, являясь ближайшимъ, а потому и доступнѣйшимъ мѣстомъ, связаннымъ съ именемъ Цзонхавы, реформатора ламаизма, этотъ монастырь

посѣщается ежегодно сотнями богомольцевъ. Все это служитъ источникомъ существованія и обогащенія монастыря. Значительный смѣтный ежегодный доходъ получаютъ отъ кукунурскихъ или, точнѣе, цайдамскихъ монголовъ: къ послѣднимъ ежегодно посылается для сбора пожертвованій специальное посольство, которое пригоняетъ сотни головъ крупнаго и мелкаго скота.

Во время нашего пребыванія въ этомъ монастырѣ, 15-го числа первой луны (2 февраля) происходило празднество, называемое чжунгай-чѳдба, т. е. жертва пятнадцатаго (числа), на которое стекается много народа изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ, а также изъ Монголіи. Торговля, ищущая вездѣ большое стеченіе народа, проникла на это празднество и, можетъ быть, сама въ свою очередь удвоила число посѣтителей, такъ что въ настоящее время 15-е число является не столько религіознымъ праздникомъ, сколько ярмаркой.

Въ заключеніе скажемъ, что Гумбумъ, какъ монастырь, не отличается особенной строгостью своей дисциплины, какъ учебной, такъ и нравственной. Масса монаховъ изъ мѣстныхъ Чжахоровъ не умѣютъ даже читать. Женщины свободно допускаются въ монастырь и могутъ оставаться и на ночь; въ домахъ можно застать попойку, куреніе табаку, (нюхать табакъ нигдѣ не воспрещается) и т. п.

Такъ какъ до обычнаго выѣзда богомольцевъ изъ Гумбума въ Тибетъ оставалось еще болѣе 2¹/₂ мѣсяцевъ, то я рѣшился посѣтить другой знаменитый амдоскій монастырь Лабранъ, находящійся на югъ отъ рѣки Хуан-хэ. Для этого я нанялъ себѣ на службу одного бурятскаго ламу, направлявшагося въ Тибетъ. Мой прежній слуга, дошедши до Гумбума, отказался отъ дальнѣйшаго пути и пожелалъ возвратиться на родину. Причиною отказа послужила его боязнь за свою жизнь, такъ какъ онъ наслышался отъ бурятъ и монголовъ немало страшнаго о путешествіи въ Тибетъ. Ему наговорили о вредномъ дѣйствии разрѣженнаго воздуха, о вооруженныхъ нападеніяхъ голоковъ и черныхъ тангутовъ и т. п. Пришлось, пожалѣвъ о его малодушіи, снарядить его въ обратный путь.

Самъ же я сталъ отыскивать подводы до Лабрана. Впрочемъ, отыскиваніе это состояло лишь въ непропусканіи случая нанять прибывшихъ сюда китайскихъ татаръ-саларовъ изъ деревни

Ламурчжанъ, находящейся на правомъ берегу Хуан-хэ, такъ какъ исключительно они возятъ путешествующихъ между Гумбумомъ и Лабраномъ. Эти подрядчики-монополисты имѣютъ постоянно опредѣленную таксу за проѣздъ, а именно по 3 лана 5 циновъ за каждые 150 китайскихъ фунтовъ выюка ($5\frac{1}{2}$ пудовъ), при чемъ челобѣкъ считается за 120 китайскихъ фунтовъ ($4\frac{1}{2}$ пуда). Они ходятъ между Гумбумомъ и Лабраномъ партіями въ 5—6 челобѣкъ съ 10—12 мулами. Отыскавъ нанимателей, они вѣсятъ багажъ и, получивъ половинную или полную плату впередъ, сажаютъ путешественниковъ на лошаковъ, а сами идутъ пѣшими.

Постоянно промышляя такимъ извозомъ, они ежедневно проходятъ опредѣленные разстоянія и ночуютъ постоянно въ однихъ и тѣхъ же постоянныхъ дворахъ. Въ послѣднихъ пассажиры, возчики и ихъ выючныя животныя помѣщаются въ одной комнатѣ или, вѣрнѣе, сараѣ, въ которомъ у одной стѣны устроены нары для людей, а у другой стойла для животныхъ.

Нанявъ такихъ саларовъ, мы выѣхали изъ Гумбума 6 февраля и ночевали въ китайской деревнѣ Дама.

7 февраля пришлось перевалить черезъ два чрезвычайно высокихъ хребта, такъ какъ салары идутъ по прямой дорогѣ. Всюду по дорогѣ начинаются полевые работы: трудолюбивые земледѣльцы жгутъ на горахъ дернъ и возятъ на пашни. Ночлегъ былъ въ городѣ Цзаба.

8 февраля ночевали въ городѣ Баянь, расположенномъ за высокимъ хребтомъ лѣваго берега Хуан-хэ. Хуан-хэ зовется по-тангутски—Ма-чу; по-монгольски—Хатунай-голь, т. е. рѣка царицы, съ каковымъ названіемъ связанъ разсказъ о кончинѣ Чингисхана отъ коварной мести плѣнной царицы. Она, смертельно ранивъ ночью Чингисхана въ дѣтородный членъ, сама утопилась въ этой рѣкѣ.

На сегодняшнемъ пути по сторонамъ отъ дороги видны тангутскіе монастыри. Здѣшніе тангуты занимаются исключительно земледѣліемъ.

9 февраля выѣхали задолго до разсвѣта и перевалили черезъ вышеупомянутый хребетъ. Въ недлинной пади южной стороны перевала видны тангутскія и магометанскія деревни.

Спустившись по лѣвому берегу Хуан-хэ около 5—6 верстъ, противъ деревни Ламурчжанъ переправляемся на большомъ

карбасѣ черезъ рѣку и останавливаемся въ названной деревнѣ въ домѣ нашего возчика.

Деревня эта называется самими саларами Маголь и въ ней, какъ мнѣ рассказывали, вспыхнуло начало послѣдняго дунганскаго движенія въ 1893—1894 годахъ. Оно началось похищеніемъ молодой жены одного пожилого и богатаго магометанина этой деревни. Оскорбленный мужъ со своими сторонниками понесъ мстительное оружіе въ деревню Хумэ-лунъ и убилъ несчастную женщину вмѣстѣ съ ея соблазнителемъ. Родственники убитыхъ напали на деревню Маголь и чѣмъ дальше, тѣмъ больше разыгрывалась междуусобная распря. Районъ междуусобицы увеличился и саларское оружіе направилось противъ инновѣрныхъ китайцевъ и амдосцевъ. Конецъ смутамъ положили китайскія войска, проявившія послѣ побѣды свою обычную безпощадную жестокость къ побѣжденнымъ.

Въ частности деревня Ламурчжанъ была разрушена и сожжена, а остатки ея жителей, купившіе себѣ жизнь у китайскихъ военачальниковъ, не успѣли еще обстроиться, но все-же энергичные и крайне трудолюбивые салары начинаютъ снова обзаводиться хозяйствомъ.

Салары говорятъ между собою по-тюркски, носятъ костюмъ одинаковый съ китайцами, лишь шапочки у нихъ отличаются отъ китайскихъ синимъ цвѣтомъ и заостренностью на верхушкѣ, гдѣ помѣщается шарикъ, сдѣланный изъ золотыхъ нитокъ. Женщины не уродуютъ, подобно китайкамъ, своихъ ногъ и носятъ широкіе шаровары на выпускъ. Прическа на затылкѣ обыкновенно обвертывается чернымъ платкомъ на подобіе конуса.

Салары, повидимому, усердные приверженцы ислама и среди нихъ достаточно распространена тюркская грамотность.

10 февраля было днемъ обычнаго домашняго отдыха нашихъ возчиковъ.

11 февраля двинулись въ путь и шли по правому берегу Хуан-хэ до устья рѣчки Кушмыкъ (саларское названіе), черезъ которую перекинутъ хорошій деревянный мостъ. Затѣмъ поднимались по послѣдней рѣчкѣ до устья пади Сэшинъ (тангут-

Головной уборъ саларскихъ женщинъ.

ское названіе), гдѣ и ночевали въ магометанской деревнѣ Хумэй-лунъ. Верстахъ въ пяти ниже Ламурчжана находится городокъ Я-сы.

12 февраля. Наши возчики оказались вооруженными фитильными ружьями, такъ какъ путь до Лабрана населенъ тангутами, которые не прочь пограбить путниковъ, если они имъ

„Банакъ“.

подъ силу. Ношеніе оружія дозволено магометанамъ только на этомъ пути, потому, идя обратно, оставляютъ ружья въ Хумэй-лунъ. Въ пади Сэшинъ на лѣвой сторонѣ стоитъ тангутскій монастырь того же имени, а на правомъ берегу въ лѣсу мѣстопробываніе аскетовъ, называемое ри-тодъ.

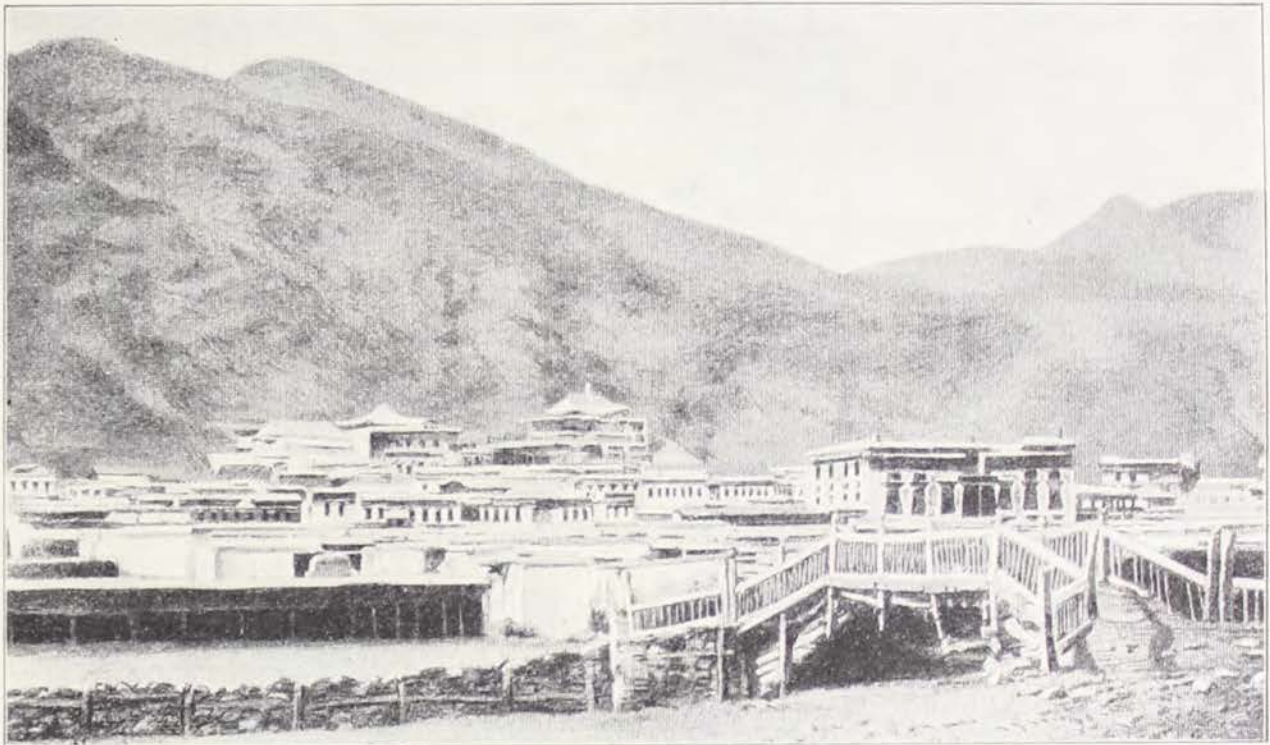
Въ вершинѣ этой пади приходится переваливать черезъ два хребта. Падь на южную сторону отъ нихъ называется Нималай-лунъ (солнечная падь), гдѣ мы и остановились почевать подъ открытымъ небомъ.

13 февраля спустились внизъ по той же пади и вышли на широкую долину, называемую Ганчжа-танъ (снѣжная равнина?) На этой равнинѣ много тангутскихъ черныхъ палатокъ и въблизи ихъ пасутся многочисленныя стада овецъ, яковъ и лошадей. Кстати скажемъ, что эти палатки называются банакъ. Буквальный переводъ этого слова—черная палатка, что указываетъ на приготовленіе этихъ палатокъ изъ грубой ткани изъ черной яковой шерсти.

Изъ Ганчжа-тана черезъ высокій перевалъ попадаемъ въ долину рѣки Сан-чу, гдѣ и стоитъ монастырь Лабранъ. Въ немъ я пробылъ съ *13-го по 21-е февраля.*

Полное названіе этого монастыря Лабран-дашійнчилъ или Балдан-дашійнчилъ, т. е. „Ламскій дворецъ — круговоротъ-благъ“. Основателемъ его считается первый перерожденецъ Чжамьян-шадбы, знаменитый философъ своего времени Агванцзондуй, который родился въ Амдо въ 1648 году и двадцати лѣтъ отъ роду отправился учиться въ центральный Тибетъ.

Тамъ онъ обнаружилъ прекрасныя способности и былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ пятымъ, „Великимъ“ далай-ламой. Въ 1700 г. онъ сдѣлался настоятелемъ гоманскаго дацана въ монастырѣ Брабунъ и составилъ свои толкованія по богословію. Эти толкованія были приняты за руководство сначала въ гоманскомъ дацанѣ, а нынѣ ими руководствуются почти всѣ бо-

Лабранъ.

(По фотографіи А. И. Скасси).

гословскіе факультеты Амдо, Монголіи и нашего Забайкалья. Еще въ 1703 году его приглашалъ на родину въ Амдо, ѳлѳтскій князь Галдан-эрдэни-чжинонъ и предлагалъ основать монастырь, но онъ возвратился изъ центрального Тибета лишь въ 1708 году и въ 1709 году положилъ основаніе монастырю, извѣстному нынѣ подъ названіемъ Лабранъ. Умеръ Агван-цзондуй въ 1721 году.

Основанный этимъ ламой, монастырь находится на лѣвомъ берегу рѣчки Сан-чу (чистая рѣка) у южной подошвы высокой горы. При вѣздѣ въ монастырскую улицу всѣ должны слѣзать съ лошадей и идти далѣе пѣшкомъ. При этомъ путешественника пріятно поражаетъ чистота улицъ, хотя узкихъ и кривыхъ: на нихъ нѣтъ бродячихъ собакъ и человѣческихъ нечистотъ, обычныхъ для другихъ ламаитскихъ монастырей.

Майтрея.

тайскимъ императоромъ. Слова надписи можно перевести: „благословенно-радостный храмъ“. Вообще же про статуи, называемыя „80-футовыми“, должно сказать, что онѣ обыкновенно не достигаютъ сихъ размѣровъ, но именуются такъ потому, что, по вѣрованію ламаитовъ, Майтрея, будда — будущаго міроваго періода, будетъ имѣть 80-футовый ростъ. Для оправданія же меньшихъ размѣровъ статуй говорятъ, что это Майтрея такого-то возраста, часто дѣтскаго 8-ми или 12-ти лѣтъ. Далѣе немного влѣво и впереди отъ названнаго храма находится большое зданіе цокчэн-дугана, въ которомъ въ особой комнатѣ у задней стѣны находятся субурганы съ прахомъ предыдущихъ перерожденцевъ Чжамьян-шадбы.

Дома простыхъ монаховъ низенькіе, одноэтажные, глинобитные и окнами выходятъ во дворъ. Среди нихъ тамъ и сямъ возвышаются храмы и дворцы (нанчэнъ) перерожденцевъ.

Самой чтимой святыней этого монастыря является мѣдная вызолоченная статуя восьмидесяти-футоваго Майтреи. Она стоитъ въ высокомъ каменномъ зданіи съ золоченой крышей, имѣющемъ надъ наружными дверями доску, на которой надпись на четырехъ языкахъ — знакъ утвержденія

Цзонхава.

Изъ другихъ достопримѣчательностей, пожалуй, упомянемъ про большія мѣдныя статуи Цзонхавы и Долмы (Дара-эхэ), имѣющія каждая особыя храмы. Про амдоскія статуи божествъ вообще можно сказать, что онѣ въ большинствѣ случаевъ дѣлаются въ Долон-норѣ изъ мѣди.

Что касается предметовъ изученія, то въ этомъ монастырѣ пять дацановъ или факультетовъ, изъ коихъ четыре одинаковы съ упомянутыми выше гумбумскими, какъ по названію, такъ и по изучаемымъ предметамъ. Пятый же дацанъ, основанный при нынѣшнемъ, четвертомъ перерожденцѣ Чжамьян-шадбы, зовется просто дацан-сума, т. е. „новымъ“ дацаномъ и занимается изученіемъ мистической философіи, а равно и богослуженіями о благополучіи своего основателя. Время основанія прочихъ факультетовъ относится къ XVIII столѣтію, а именно: богословскій или цан-нидскій факультетъ учрежденъ тотчасъ по основаніи монастыря, дацанчжюдъ въ 1720 г., дуйнхоръ— въ 1759 г. и медицинскій въ 1792 г. Большая часть монаховъ состоитъ на богословскомъ факультетѣ и поступаютъ на другіе факультеты, по крайней мѣрѣ, по выслушаніи 5 первыхъ курсовъ цан-нида.

Монастырь отличается строгостью своей дисциплины, касающейся всей жизни монаховъ, не исключая и ихъ домашней обстановки. По правиламъ, предписаннымъ ею, каждый монахъ долженъ имѣть отдѣльную келью особаго устройства. Она состоитъ изъ двухъ комнатъ: рунхана или кухни и симхана или спальни. При этомъ послѣдняя находится надъ каномъ, подъ которымъ проходитъ труба кухонной печи, устраиваемой у са-

Долма (Бѣлая Тара).
(Съ фотографіи Б. Б. Барадійна).

мага кана и отдѣляемой деревянной перегородкой отъ чистой комнаты. Въ перегородкѣ между кухней и спальней продѣланы дверцы и, открывая ихъ, монахъ, сидя въ спальнѣ, можетъ доставать изъ котла на печи чай и пищу. Топливомъ для печи долженъ служить исключительно овечій сыпучій пометъ.

Затѣмъ, въ каждомъ дворѣ должны находиться колодець и клозетъ. Колодцы, какъ говорятъ, содержатъ дурную воду и потому монахамъ разрѣшено брать воду изъ рѣки Сан-чу.

Каждое утро монахи собираются въ цокчэнскомъ дуганѣ. Во время этого собранія разбираются проступки монаховъ и виновные наказываются тутъ же розгами. Считается особымъ удалствомъ не кричать отъ боли и не просить пощады. Участваніе въ этомъ общемъ собраніи не для всѣхъ обязательно, но ежедневная раздача во время чая небольшого кусочка (приблизительно $\frac{1}{4}$ русскаго фунта) масла привлекаетъ многихъ небогатыхъ монаховъ.

Послѣ сего собранія монахи могутъ выходить на рынокъ, который происходитъ на южномъ краю монастыря. Въ Амдо рынокъ называютъ цон-ра, въ Центральномъ Тибетѣ — томъ. Торговля производится подъ строгимъ контролемъ монастырской администраціи и прекращается около 10 часовъ утра. На этомъ рынкѣ производится также послѣднее наказаніе приговоренныхъ къ изгнанію изъ монастыря: ихъ бьютъ розгами и оттаскиваютъ за ноги на край рынка.

Послѣ рынка монахи обязаны посѣщать въ учебное время (по-тибетски чой-тогъ) факультеты своей спеціальности. Въ общемъ, учебное время бываетъ только полгода, а остальные полгода уходятъ на перерывы.

Въ неучебное время (по-тибетски чойнцамъ), съ наступленіемъ сумерекъ монахи ниже 8-го богословскаго курса должны взбираться на крышу своего дома (по-тибетски лха-ха) и здѣсь читать вслухъ заучиваемые наизусть тексты. Такое чтеніе продолжается зимой приблизительно до 9 часовъ, когда прислуга цокчэнской кухни начинаетъ „сливать“ чай для завтрашняго дня, сопровождая этотъ процессъ громкимъ чтеніемъ извѣстной формулы „мани“ — ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ. „Сливать“ въ Забайкальѣ называютъ процессъ завариванія чая. Берутъ ковшъ и черпнувъ имъ чая изъ котла, поднимаютъ вверхъ и понемногу льютъ обратно. Чѣмъ дольше дѣлаютъ это, тѣмъ лучше полу-

чается чай, или вѣриѣ, тѣмъ равномерѣе распредѣляются чай и молоко по огромному котлу. Въ Тибетѣ это дѣлается для замѣшиванія масла. Монахи высшихъ курсовъ не обязаны выходить на крышу, но должны сидѣть дома въ темнотѣ и предаваться созерцанію. Въ это время ворота монашескихъ дворовъ не должны быть заложеными для того, чтобы администрація могла свободно наблюдать за исполненіемъ правилъ. Часто надзоръ ходитъ тайкомъ. Уличенный въ нарушеніи правилъ тутъ же наказывается розгами.

Духовная администрація монастыря такая же, какъ и въ Гумбумѣ, поэтому не стоитъ повторять уже сказаннаго. Добавимъ только, что здѣшній хамбо — именуется цокчэн-тиба. Но если Гумбумъ имѣетъ въ своемъ управленіи выборное начало, то надъ должностными лицами Лабрана стоитъ особа перерожденца Чжамьян-шадбы, хозяина этого монастыря. Всѣ должности замѣщаются или утверждаются этимъ перерожденцемъ. Не малое вліяніе на монастырскія дѣла имѣетъ и правитель его дѣлъ, именуемый цагцзадба, слышится скорѣе шанзаба или шаганзадъ. Завѣдующимъ монастырскимъ имуществомъ и управляющимъ данниками монастыря является старшій казначей монастыря, именуемый чжиба.

Нынѣшній перероженецъ Чжамьян-шадбы, имя коего Кал-сан-тубдан-ванчукъ, считается четвертымъ отъ основателя монастыря Агван-цзондуя. Какъ извѣстно, Агван-цзондуй возвысился въ глазахъ ламаитовъ еще въ Тибетѣ, благодаря своимъ обширнымъ сочиненіямъ, которыя затѣмъ, если можно такъ выразиться, популяризировались въ громадномъ боль-

Четвертый перероженецъ Чжамьян-шадбы.

(По фотографіи А. И. Скасси).

шинствѣ факультетовъ. Олѣты, завладѣвъ Кукунуромъ и Тибетомъ, всюду старались покровительствовать желтошапочной сектѣ. Поэтому и князь ихъ Галдан-эрдени-чжинонъ приглашаетъ въ Амдо Агвана-цзондуя, просить основать монастырь и дарить землю вмѣстѣ съ подданными. Его примѣру послѣдовали и другіе князья, вслѣдствіе чего Агван-цзондуй оказался не только духовнымъ, но и свѣтскимъ княземъ. Затѣмъ имя знаменитаго перваго перерожденца Чжамьян-шадбы и слѣдующихъ также не бездарныхъ его перерожденцевъ Гончог-чжиг-мэда и Тубдан-чжиг-мэда привлекло сюда много монаховъ и „милостынедателей“ изъ Амдо и Монголіи, которые быстро обогатили монастырь, чѣмъ дали возможность содержать еще большее число монаховъ. Слѣдовательно, этотъ монастырь обязанъ своимъ процвѣтаніемъ появленію даровитой личности Агван-цзондуя, слѣдующіе перерожденцы котораго сумѣли удержать за собою авторитетъ и вліяніе свое въ Лабранѣ. Они имѣютъ нѣсколько дворцовъ, какъ въ монастырѣ, такъ и внѣ его.

Въ настоящее время въ Лабранѣ есть еще нѣсколько преемственныхъ перерожденцевъ, хотя менѣе вліятельныхъ, чѣмъ Чжамьян-шадба, но сильно чтимыхъ въ Амдо и въ особенности въ Монголіи. Главнѣйшіе изъ нихъ суть: Соднам-дагна, извѣстный подъ сокращеннымъ названіемъ Содагъ, Гунтанъ, Ньяндагъ, два—Гоманъ, перерожденцы двухъ Брѣбун-гоманскихъ хамбо, Корсанъ—перерожденецъ 51-го галданскаго сэрти, Чжамба и другіе.

Всѣхъ монаховъ въ монастырѣ около 2.500 и они дѣлятся на много мелкихъ общинъ. Монголы выдѣлены въ особыя общины, числомъ 9, изъ коихъ одна принадлежитъ нашимъ Забайкальскимъ бурятамъ. Во время моего посѣщенія въ послѣдней общинѣ было около 70 членовъ. Каждая община получаетъ утвердительную грамоту (по-тибетски чжа-игъ) отъ перерожденца Чжамьян-шадбы, въ которой излагаются и правила для общины. Кстати скажемъ, что официально признанная мѣстными властями община ламъ изъ нашихъ забайкальскихъ бурятъ встрѣчена нами только здѣсь.

Въ полуверстѣ на востокъ отъ монастыря находится торговая слободка Таба, населенная преимущественно саларами и отчасти китайцами и тангутами, эти послѣдніе зовутъ себя „амдо-ва“.

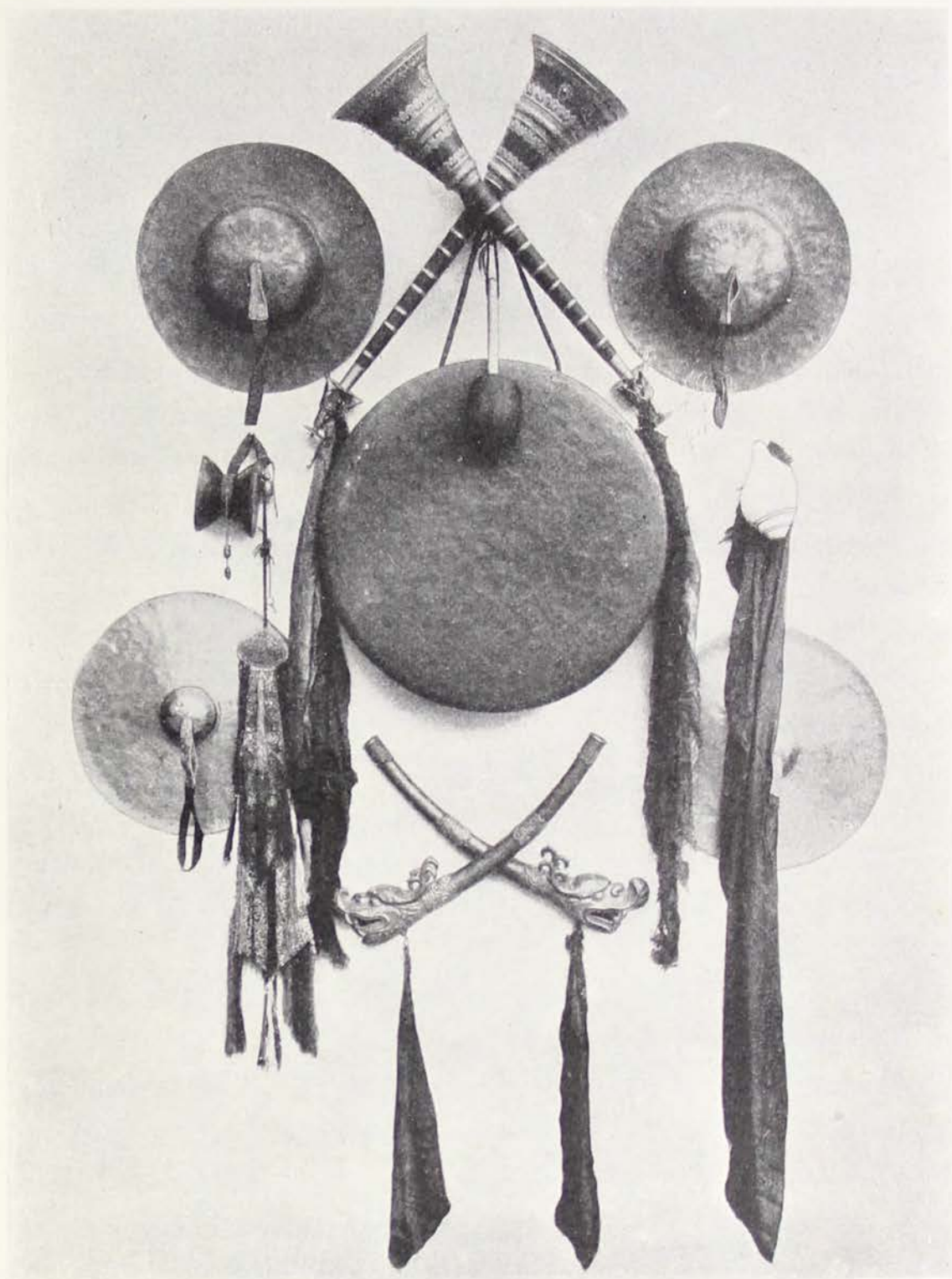
Между упомянутой слободкой и монастыремъ находится большой субурганъ, поставленный, какъ говорятъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи долженъ быть построенъ дуганъ для „лхаса-скаго мѳнлама“ (о немъ будетъ сказано подробно ниже), когда центръ религіи перейдетъ изъ внутренняго Тибета въ Амдо. Матеріаломъ для постройки будетъ служить тотъ, нынѣ запобѣдннй, лѣсъ, который растетъ противъ монастыря на склонахъ горы праваго берега Сан-чу. Ежегодно въ 13 день бѣлой (первой) луны происходитъ церемонія встрѣчи этого „мѳнлама“, состоящая въ выѣздѣ въ нарядныхъ костюмахъ и на украшенныхъ лошадяхъ старшинъ монастыря вереть на 5 на западъ и исполненіи чтенія молитвъ. Основатель монастыря, положившій начало такому повѣрью, можетъ быть, честолюбиво помышлялъ о томъ, что его монастырь будетъ центромъ ламаизма. Во всякомъ случаѣ это повѣрье сильно притягиваетъ сердца набожныхъ къ этому монастырю.

Въ ущельѣ, на сѣверъ отъ монастыря находится родъ монастырскаго кладбища, гдѣ трупы умершихъ отдаются на сѣденіе грифамъ. Родственники или знакомые покойнаго выносятъ трупъ сюда и кладутъ на опредѣленной площадкѣ. Тотчасъ прилетаютъ жадные и привыкшіе къ человѣческому мясу громадные грифы и ягнятники и принимаются клевать трупъ. Для ускоренія уничтоженія трупа мясо разрѣзаютъ на мелкіе куски, а кости толкутъ на камняхъ. Все это быстро уничтожается упомянутыми птицами. Только трупы совершенно безродныхъ бросаются сюда цѣлыми и обращаются тѣми же птицами въ скелеты, обреченные на уничтоженіе лишь собаками.

Въ заключеніе опишу церемонію ниспусканія Нѳйчун-чойчжѳна, которую мнѣ пришлось видѣть здѣсь 19 февраля, второго числа второй луны по мѣстному счисленію. Днемъ для ниспусканія чойчжѳна предпочтительно избираютъ именно второе число каждой луны потому, что, по вѣрованію почитателей, въ тотъ день чойчжѳнъ нисходитъ самъ, а въ другіе дни посылаетъ кого-нибудь изъ своихъ товарищей-помощниковъ (по-тибетски хоръ). Прорицатель былъ приглашенъ изъ монастыря Чувсанъ, находящагося въ сѣверномъ Амдо. Мѣстомъ для ниспусканія служитъ особый храмъ, называемый Нѳйчун-цзан-ханъ, посвященный этому чойчжѳну. Онъ находится саженьяхъ въ двухстахъ отъ западнаго края монастыря и пред-

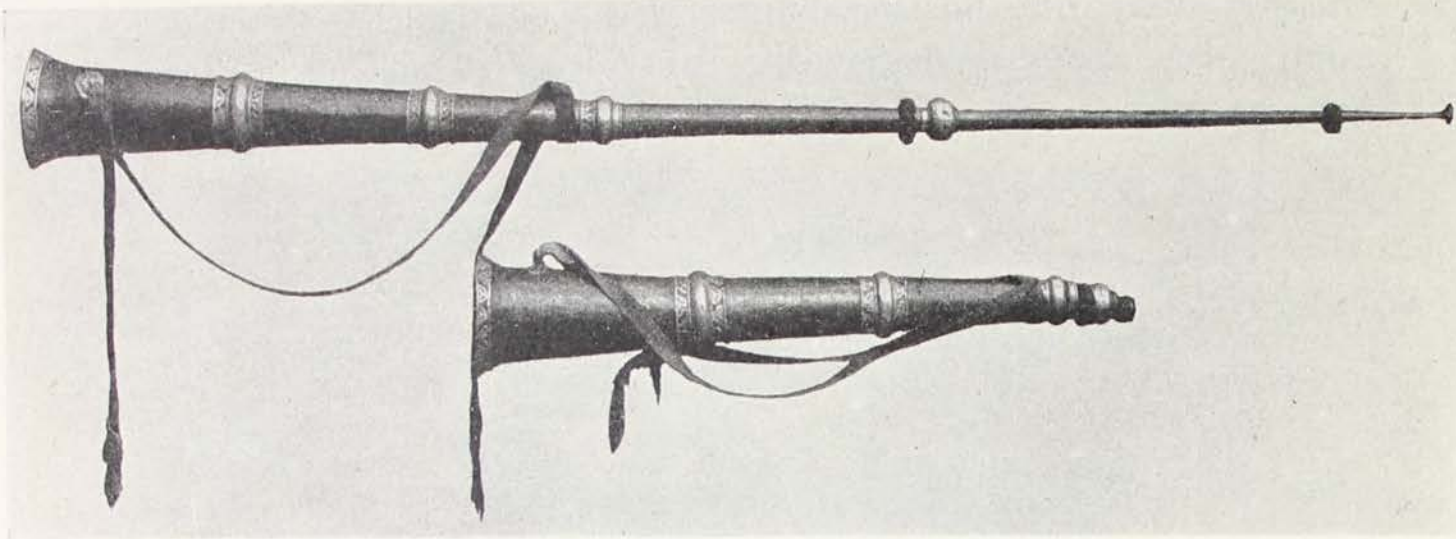
ставляет дуганъ обыкновеннаго тибетскаго типа съ небольшимъ дворомъ передъ собою. Въ назначенный день съ ранняго утра монахи выходили на рынокъ и покупали хвою древовиднаго можжевельника (по-тибетски шуг-па). Затѣмъ начали понемногу собираться во дворѣ цзан-хана и сжигать упомянутую хвою въ двухъ особыхъ, печеобразныхъ курильницахъ. Около 8^{1/2} часовъ утра явился подъ звуки трубъ лама-прорицатель (по-тибетски чойржэ или гуртэнба со свитой. Спустя немного прибылъ и перерожденецъ Чжамьян-шадбы, несомый четырьмя ламами въ маленькихъ, прекрасно сдѣланныхъ носилкахъ китайскаго образца. Верхняя часть ихъ желто-зеленаго цвѣта, а нижняя—краснаго. Собравшіеся монахи толпились во дворѣ. Перерожденецъ Чжамьян-шадбы стоялъ передъ дверями храма, откуда слышны были звуки трубъ, желто-мѣдныхъ ударныхъ тарелокъ и барабановъ: читали, какъ говорили, призывныя молитвы. Спустя немного подъ тѣ же звуки показался на крыльцѣ прорицатель въ полномъ облаченіи, главную часть котораго составлялъ шлемъ съ флажками и одежда изъ парчи. Въ правой рукѣ онъ держалъ саблю, упирая конецъ ея на свое бедро, а въ лѣвой — лукъ. Лишь только онъ вышелъ, перерожденецъ Чжамьян-шадбы перекинулъ черезъ его шею длинный шарфъ (хадакъ). Прорицатель, принявъ этотъ даръ съ видимымъ почтеніемъ, направился къ особо устроенному сѣдалищу. Лицо его было искажено и изъ раскрытаго рта выступала пѣна, которую прислужники вытирали хадаками. Сначала къ нему подходила монастырская администрація и просила предсказаній относительно благополучія монастыря, а затѣмъ и частныя лица, интересующіяся своею судьбой. Прорицатель хриплымъ голосомъ отрывисто указывалъ, какія книги и сколько разъ нужно читать и т. п. Все это онъ дѣлалъ стоя. Затѣмъ онъ сѣлъ на сѣдалищѣ и тогда стали по порядку подходить для прикладыванія простые монахи, поднося большею частью хадаки. Нѣкоторые давали на благословеніе особыя ленточки съ узелкомъ по срединѣ для ношенія на шеѣ. Благословеніе состояло въ томъ, что прислужникъ прорицателя подносилъ ленточку ко рту его и вытиралъ выступавшую изо рта пѣну, если прорицатель не предупреждалъ его легкимъ плевкомъ на ленточку. Когда приложились всѣ монахи, прорицатель въ новомъ, усиленномъ экстазѣ кинулся къ наружнымъ воротамъ и отъ нихъ вынулъ

стрѣлу изъ лука. Возвратившись снова на террасу храма, онъ произнесъ краткую наставительную рѣчь, обращаясь ко всему

Ударные и духовые инструменты, употребляемые при богослуженіи.

духовенству, и послѣ сего ушелъ во внутрь храма. Церемонія кончилась. Всѣ стали расходиться. Уѣхалъ и перерожденецъ Чжамьян-шадбы. Немного спустя вышелъ изъ храма и прорицатель, уже обратившись въ простого ламу.

Труба, употребляемая при богослуженіи (въ раскрытомъ и сложенномъ видѣ).

28 февраля мы покинули этотъ монастырь, который, по своей дисциплинѣ, занимаетъ въ настоящее время первое мѣсто среди ламаитскихъ монастырей. Обратный путь мы сдѣлали съ тѣми же возчиками, саларами, и по тѣмъ же мѣстамъ, что и впередъ. Поэтому не стоитъ перечислять снова мѣста ночлеговъ. Развѣ скажу, что въ долину Хуан-хэ уже сѣяли хлѣбъ. Пахали обыкновенно на парѣ ословъ, лошаковъ, воловъ и часто можно было видѣть пашущихъ на парѣ осла съ волкомъ, лошади съ волкомъ и т. п.

29 февраля мы прибыли снова въ Гумбумъ, гдѣ и провели, какъ уже сказано выше, время до 24 апрѣля, когда мы выѣхали въ Тибетъ.

Время это я отчасти провелъ въ научныхъ работахъ, а отчасти въ приготовленіяхъ къ дальнѣйшему пути. Приготовленія требовали не мало труда и затратъ. Дѣло въ томъ, что далѣе приходилось ѣхать на своихъ лошадяхъ. Къ сожалѣнію, не способный къ физическому труду, я уже не могъ рассчитывать на свои силы для навьючиванія и ухода за своими животными. Поэтому пришлось нанять трехъ товарищей, причемъ одинъ впоследствии оказался лишнимъ и нанятымъ лишь по моей неопытности. Увеличеніе числа ихъ повлекло покупку большаго числа подводъ, что въ свою очередь заставило запасти больше провизіи, какъ для людей, такъ и для лошадей. Въ концѣ концовъ пришлось купить 14 животныхъ, въ томъ числѣ 4 лошади и 10 муловъ. Лошади стоили отъ 18 до 50 лановъ, а мулы отъ 25 до 40 лановъ, смотря, конечно, по качеству животнаго.

Для пути въ Тибетъ мулы предпочитаются лошадямъ потому, что, во-первыхъ, они выносливѣе для выюковъ и, во-вторыхъ, ихъ можно выгоднѣе продать въ Лхасѣ.

Затѣмъ пришлось приготовить полный комплектъ верховыхъ и выючныхъ сѣделъ, закупить для людей сушеного мяса, крупчатки, муки, поджаренаго ячменя (по-тибетски цамба) и масла, а для выючныхъ животныхъ дробленаго гороху. Все это, за исключеніемъ мяса, надо было запастись, въ количествѣ, достаточномъ для всего пути до Лхасы (3 мѣсяца).

Ко дню выѣзда было все готово. День этотъ былъ определенъ ламами-гадателями, по просьбѣ большинства богомольцевъ, и приходился на девятое число четвертой луны, какое число соотвѣтствовало 24 апрѣля стараго стиля 1900 года.

Шестирукій Махакала.

Ямангак.

ГЛАВА III.

Дневникъ паломника отъ Гумбума до Лхасы.

Дулань-кигъ.

Цайдамъ.

24 апрѣля. Заранѣе было условлено, что богомольцы отправятся въ Цайдамъ по южному берегу Кукунура потому, что во-первыхъ, по этому пути бываютъ лучше корма для животныхъ и во-вторыхъ, идя этимъ путемъ, избѣгали непріятнаго столкновенія съ начальникомъ тангутовъ Ганса-ламой Рабтаномъ, живущимъ на сѣверо-восточной сторонѣ упомянутаго озера и привыкшимъ брать пропускной налогъ со всѣхъ монголовъ, ѣдущихъ черезъ его кочевья.

По разсказамъ, этотъ лама въ ранней молодости учился въ Гумбумѣ, но потомъ мирной монастырской жизни предпочелъ болѣе дѣятельную, разбойничью на своей родинѣ, гдѣ онъ неоднократно принималъ участіе въ войнѣ съ какимъ-нибудь враждебнымъ племенемъ или просто въ нападеніи на проходящіе караваны монгольскихъ богомольцевъ. Отличаясь большой физической силой и отчаянною смѣлостью, онъ приобрѣлъ громадное вліяніе среди своего племени и сдѣлался его главой. Однажды при прохожденіи чрезъ Кукунуръ каравана, везшаго ургинскаго хутухту изъ Тибета въ Монголію, онъ дерзновенно окружилъ этотъ караванъ и потребовалъ выкупа. Ни многочисленные монголы, сопровождавшіе хутухту, ни даже китайскій амбанъ не могли ничего сдѣлать съ настойчивымъ разбойникомъ: пришлось дать большой подарокъ, причемъ, для снисканія его благосклонности на будущее время, отъ имени хутухты просили оказывать покровительство всѣмъ проходящимъ чрезъ его владѣнія монголамъ. Корыстолюбивый Рабтанъ быстро сообразилъ, какая выгода можетъ быть извлечена изъ такого по-

рученія, и далъ тотчасъ свое полное согласіе. Покровительство это стало выражаться въ томъ, что Рабтанъ сталъ брать со всѣхъ, проходящихъ чрезъ его кочевья, богомольцевъ монголовъ извѣстный налогъ, приблизительно по 2 цина (30 коп.) съ каждаго человѣка, какъ бы плату за свои заботы по благополучному прохожденію каравановъ. Въ случаѣ отказа онъ требовалъ уплаты вооруженною силой и горе, если караванъ оказывался ему подъ силу. Тогда онъ грабилъ все до-чиста. Монгольскіе богомольцы, сознавая невозможность бороться съ такимъ сильнымъ разбойникомъ, заботятся только о томъ, чтобы подешевле отдѣлаться отъ него, покорно уплачивая несправедливый налогъ, санкціонированный будто бы ургинскимъ хутухтой.

При нашемъ прохожденіи чрезъ Кукунуръ, онъ былъ въ глубокой старости—ослѣпшимъ человѣкомъ, но все же повелѣвавшимъ своими соплеменниками. На нашемъ обратномъ пути его уже не было въ живыхъ.

Вслѣдствіе вышеупомянутаго условія, пройдя по дорогѣ Гумбумъ—Донкоръ только 5—6 верстъ, мы поворотили на лѣвую руку и, переваливъ черезъ одинъ хребетъ, вышли на рѣчку Раку, объявленную мѣстомъ сбора всѣхъ паломниковъ. Здѣсь пришлось простоять до 28-го числа, выжидая прибытія запоздавшихъ. Молодой травы почти не было и лошадямъ приходилось довольствоваться только прошлогодней. Мѣстность эта принадлежитъ кочевымъ чжахорамъ (окитае — отангутившіеся монголы)—данникамъ монастыря Гумбума. Близъ нашего стойбища не было видно жителей, которые, говорятъ, имѣютъ привычку приносить молоко и разные молочные продукты, коими напутствуютъ путниковъ, конечно, не безъ желанія получить отдарки. Пройдено за день примѣрно 30 верстъ.

28 апрѣля. Къ сегодняшнему дню собралось изъ разныхъ мѣстъ болѣе полутора ста человѣкъ, помѣщавшихся въ двадцати восьми палаткахъ различныхъ размѣровъ и типовъ. Рано навьючили животныхъ, тронулись постепенно въ путь и остановились въ пади праваго берега рѣчки Донкоръ, сдѣлавъ переходъ почти въ 10 верстъ.

29 апрѣля перешли на лѣвый берегъ рѣчки Донкоръ и, двигаясь по ней вверхъ, миновали монастырь того же имени, прошли черезъ ворота, отдѣляющія земли Кукунура отъ собственно Китая, и остановились немного выше этихъ воротъ,

сдѣлавъ путь примѣрно 30 верстъ, близъ мѣстечка Чжинь-ху (Чжинь-коу). Сегодня выпалъ небольшой снѣгъ, что заставило насъ передневать на томъ же мѣстѣ слѣдующее 30-е число.

Въ день этой своей дневки богомольцы, по инициативѣ старшихъ, сложили изъ дерна жертвенный столъ, вышиною около 1^{1/2} аршинъ, и на немъ стали сжигать собранныя отъ всѣхъ палатокъ муку съ масломъ, благовонную хвою и травы. Къ этому же столу снесли все свое оружіе, состоявшее изъ фитильныхъ ружей, сабель, европейскихъ винтовокъ (Бердана) и нѣсколькихъ револьверовъ, и привязали къ воткнутымъ въ землю пикамъ съ развѣвающимися небольшими кусками матеріи въ родѣ флаговъ, съ напечатанными на нихъ молитвами. Когда все было готово, собравшіеся ламы заняли мѣста вокругъ жертвенника и стали читать такъ называемый санъ, т. е. кушанье и сэрчжемъ, т. е. золотой напитокъ—молитвы о благополучномъ пути. Такое чтеніе было приурочено именно къ сегодняшнему дню потому, что завтра мы вступали въ кочевья кукунурскихъ тангутовъ, отличающихся любовью къ воровству и грабежамъ. „Тангутъ“, называютъ этихъ людей монголы. Сами они называютъ себя или бѳ(д)ба, т. е. тибетецъ, или амдо-ва (амдосецъ), или еще по болѣе частному названію своего племени, напр. „Миньягъ“ и т. п. Оружіе было собрано для освященія, такъ какъ съ завтрашняго дня приходилось быть постоянно готовыми отстаивать свою собственность съ оружіемъ въ рукахъ.

Послѣ окончанія чтенія молитвъ, каждый взялъ свое оружіе и эта вооруженная толпа обходила вокругъ временнаго жертвенника съ криками „лха-ржял-ло“ (божество побѣдило), соотвѣствующими нашему „ура“. Затѣмъ здѣсь же состоялся сходъ представителей отъ каждой палатки, который избралъ, большинствомъ голосовъ, начальникомъ каравана казначея перерожденца Чэшѳй изъ Гумбума. Онъ ѣхалъ въ Лхасу за своимъ хозяиномъ, который жилъ тамъ уже цѣлый годъ. Этотъ казначей былъ прежде въ Тибетѣ только одинъ разъ, поэтому нѣкоторые желали избрать предводителемъ другого члена каравана, нѣкоего Ешей-тамба, бывавшаго въ Лхасѣ девять разъ и прекрасно знавшаго путь. Перевѣсъ палъ на сторону казначея перерожденца Чэшѳй, только благодаря богатству и знатному имени перерожденца, который долженъ былъ заочно покровительствовать своему человеку и, потому, отвращать всѣ путевыя непріятности.

На обязанности главы каравана, по установившемуся съ давнихъ поръ обычаю, лежало опредѣленіе времени отправленія, назначеніе мѣстъ для ночлеговъ и дневокъ, наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ мѣстахъ, опасныхъ отъ разбоевъ, ѳхали всѣ вмѣстѣ и т. п.

1 мая, рано на разсвѣтѣ, со стороны палатки главы каравана раздалась команда начинать навьючивать животныхъ. Когда всѣ были готовы къ выступленію въ путь, весь караванъ понемногу сталъ трогаться. Глава каравана ѳхаль на хорошей лошади, съ саблей за поясомъ, длинной пикой въ рукѣ и ружьемъ за плечами и, повидимому, имѣлъ самодовольно воинственное настроеніе. Вообще всѣ амдосцы, ѳхавшіе въ этомъ караванѣ, были болѣе ими менѣе сносно вооружены и у нихъ замѣтно было рѣшеніе не быть пассивными свидѣтелями грабежа своего имущества. Большинство же монгольскихъ богомольцевъ не имѣло, напротивъ, никакого оружія и готово было перенести всѣ обиды, философски объясняя ихъ только „плодомъ“ своихъ же „дѣяній“.

Въ этотъ день мы увидѣли озеро Кукунуръ съ бугра послѣ перевала черезъ высокій хребетъ Алтан-сорго. Сдѣлавъ за весь день путь около 30 верстъ, остановились возлѣ небольшой китайской крѣпости на правой сторонѣ рѣки Ара-голь, впадающей въ Кукунуръ. Крѣпость эта, какъ говорятъ, была построена во время безпорядковъ на Кукунурѣ въ XVIII вѣкѣ. Въ настоящее время она представляетъ лишь заброшенные кирпичныя стѣны, гдѣ собирается сеймъ тангутскихъ старшинъ, когда прѣзжаетъ сюда для разбора дѣлъ чиновникъ (тун-ши) отъ сининскаго амбана.

2 мая шли внизъ по той же рѣкѣ и, пройдя около 25 верстъ, остановились ночлегомъ на ней же.

3 мая сдѣлали почти 40 верстный переходъ и ночевали въ двухъ верстахъ отъ берега озера, называемаго по-монгольски Кукунуръ, по-китайски — Цинъ-хай, по-тибетски — Цо-нонбо (разговорно—Цо-омбо). Всѣ три названія означаютъ „Синее озеро“, вслѣдствіе красиваго синяго цвѣта его воды. Ночью выпалъ небольшой снѣгъ, каковое обстоятельство заставило насъ продневать слѣдующее 4-е число. Въ день этой дневки спутники наши ходили на берегъ озера мыться его водой съ вѣрой, что она исцѣляетъ отъ многихъ болѣзней.

5 мая прошли около 25 верствъ и остановились почти противъ острова-горы, находящагося посреди озера. На этомъ островѣ-горѣ, какъ передаютъ, находится небольшой монастырь съ 5—6 ламами. Они сообщаются съ окрестными жителями только зимой по льду и, запасшись провизіей на лѣто, уходятъ въ монастырь. Здѣсь, за неимѣніемъ лодокъ, они проводятъ въ полномъ уединеніи отъ міра все время, пока холодъ слѣдующей зимы не устроитъ для нихъ ледяного моста.

6 мая прошли около 30 верствъ.

7 мая я впервые увидѣлъ стада дикихъ ословъ, называемыхъ по-тибетски — кѣангъ, (по-амдоски — ржангъ), а по-монгольски — хуланъ (каурый) или чихэтэй (ушатый). Рѣзвилось также не мало стадъ антилопъ. Прошли около 35 верствъ.

8 мая дорога, шедшая до сихъ поръ въ виду Кукунура и частью по его берегу оставила озеро и направилась на сѣверо-западъ къ верхнимъ монголамъ. Въ этотъ день мы прошли также около 35 верствъ и, вступивъ въ долину рѣки Бухайн-голь (рѣка дикаго-яка по-монгольски), ночевали у подошвы горъ праваго ея берега.

9 мая перевалили черезъ Южно-кукунурскій хребетъ, который по высотѣ перевала оказался весьма тяжелымъ для нашихъ животныхъ. Поэтому пришлось остановиться ночлегомъ. Тутъ же подъ переваломъ, слѣлавъ за день около 25 верствъ.

10 мая прошли по стени къ сѣверо-востоку отъ соленаго озера Дабусун-нуръ—по-монгольски, а по-тибетски—Ца-(м)цо и остановились послѣ 35 верстнаго перехода.

Здѣшнія мѣста носятъ чисто гобійскій характеръ: солончакъ почва поросла растеніями „дэрису“ и „бударгана“, на коихъ пасутся стада антилопъ. Озеро Дабусун-нуръ находится во владѣніи кукунурско-өлөтскаго Корго-цзасака, подданные котораго, какъ и всѣ вообще кукунурскіе монголы, сильно подверглись вліянію тангутовъ. Къ намъ во время пути подѣзжалъ одинъ молодой парень, по внѣшности чистый тангутъ, и заговорилъ по-тангутски. Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что онъ мѣстный монголъ, но знаетъ свой родной языкъ до того плохо, что не можетъ вести разговора на немъ.

Соль этого озера въ значительномъ количествѣ вывозится тангутами и монголами въ городъ Донкоръ. Ее на мѣстѣ добываютъ бѣднѣйшіе изъ жителей и продаютъ извозопромышлен-

никамъ за невысокую плату, преимущественно въ обмѣнъ на съѣстные припасы.

11 мая, переваливъ черезъ значительный хребетъ, вступаемъ въ ущелье Шарга, гдѣ кочуютъ тангуты изъ рода Миньягъ большого племени Бумтаръ. Прошли около 35 верстъ.

12 мая происходила дневка. Въ этотъ день двое изъ моихъ спутниковъ подверглись небольшой опасности. Они пошли нарубить кольевъ для палатки въ лѣсу на сосѣдней горѣ. Въ ущельѣ горы къ нимъ подѣхалъ верховой тангутъ-пастухъ съ обычной саблей за поясомъ и, слѣзши съ лошади, попросилъ показать топоръ русскаго издѣлiя, бывший въ рукѣ у одного изъ нихъ. Тотъ доврчиво подалъ топоръ, но тангутъ, послѣбно вырвавъ его, замахнулся на подающаго и только проворство избавило послѣдняго отъ удара. Затѣмъ оба бурята обратились въ бѣгство, тангутъ за ними и уже нагонялъ ихъ. Къ счастью, одинъ изъ нихъ вспомнилъ про револьверъ, находившiйся у него за пазухой, и вытащивъ его, погрозилъ знаками, что будетъ стрѣлять. Это обстоятельство произвело на тангута сильное впечатлѣнiе и онъ уже самъ обратился въ бѣгство, бросивъ топоръ. Товарищи были такъ испуганы происшедшимъ, что не нарубили кольевъ и впопыхахъ, прибѣжавъ въ лагерь, рассказали о маленькомъ траги-комическомъ случаѣ. Тангутъ, вѣроятно, хотѣлъ, напугавъ ихъ, воспользоваться ихъ топоромъ.

13 мая прошли мимо монастыря Дулан-китъ, принадлежащаго Цинхайскому вану, котораго монголы зовутъ Шинъ-ханъ. По вѣшности этотъ монастырь представляетъ общiй типъ всѣхъ цайдамскихъ монастырей. По срединѣ дуганъ съ глиняной оградой и кругомъ около десятка дворовъ съ убогими глинобитными домиками.

Въ этомъ монастырѣ имѣетъ почти постоянное мѣстопробыванiе перерожденецъ Хутухтуйн-гэгень, котораго очень чтутъ и сосѣднiе тангуты. Вслѣдствiе этого онъ часто выступаетъ въ роли третейскаго судьи и примирителя между монголами и тангутами.

Подлѣ монастыря сравнительно много хвойнаго лѣса, что даетъ жителямъ его возможность заниматься столярнымъ мастерствомъ. Весь Цайдамъ снабжается домашней деревянной утварью почти исключительно отсюда. Материаломъ для выдѣлыванiя посуды служитъ древоидный можжевельникъ (Juniper-

rus pseudosabina), душистая хвоя котораго, какъ упомянуто выше, идетъ на воскуреніе передъ буддами, а истолченная древесина составляетъ главную часть смѣси, изъ коей выдѣлываются курительныя свѣчи (по-тибетски бѳй).

Самъ князь Цин-хай-ванъ живетъ на Кукунурѣ, здѣсь же находится небольшая часть его подданныхъ. Хошунъ его официально называется „западное переднее знамя цинхайскихъ хошотовъ“.

Ночевали немного ниже монастыря, пройдя за день не болѣе 15 верстъ.

14 мая. Намъ попадались на пути небольшія пашни, а затѣмъ встрѣтились остатки города, приписываемаго преданіемъ нѣкоему Цокто-хану. По этому преданію, ламы однажды предсказали Цокто-хану, что ему угрожаетъ большая опасность отъ враговъ. На просьбу указать средства отвращенія ея, они въ отвѣтъ посоветовали ежегодно строить по одному большому субургану. Цокто-ханъ послѣдовалъ этому совѣту и сталъ строить субурганы. Прошло шесть лѣтъ и его подданные, утомленные ежегодной работой и притомъ не видѣвшіе никакой явно угрожавшей опасности, подняли ропотъ и отказались отъ работъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ и вдругъ напалъ на Кукунуръ Гуши-ханъ. Онъ убилъ Цокто-хана и разрушилъ его городъ. Остатки развалившихся стѣнъ нынѣ называются „городомъ Цокто-хана“, а субурганы, сильно испорченные временемъ, уже не возбуждаютъ у ламаитовъ никакого религіознаго чувства.

Преданіе это связано со слѣдующимъ историческимъ сказаніемъ: „Въ 1582 году у хошотскаго хана Гонбо родился сынъ Турубайху, который двадцати пяти лѣтъ получилъ прозваніе Гоошри, по-монгольски—Гуши-ханъ. Въ февралѣ 1637 г. онъ пришелъ на Кукунуръ и въ происшедшей битвѣ безъ остатковъ истребилъ сорокатысячное войско Цокто“.

Субурганъ.

Ночевали въ безлюдной мѣстности Дам-намакъ, пройдя за этотъ день около 25 верстъ. На лѣвую руку остается озеро Хара-нуръ, а на правую соляное озеро Сэрку, принадлежащее Кукэ-бэйлэ. Къ востоку отъ этого озера видны развалины селенія Кукэдэй-байшинъ, разрушеннаго недавнимъ дунганскимъ движеніемъ.

Вечеромъ, когда привязывали на ночь своихъ выючныхъ животныхъ, двое бурятскихъ ламъ, ѣхавшихъ въ нашемъ караванѣ, замѣтили исчезновеніе двухъ своихъ лошаковъ: они бѣжали обратно. Лошаковъ обыкновенно дѣлятъ на двѣ породы: ослиный лошакъ и лошадиный лошакъ. Первый бываетъ небольшого роста, крѣпкаго сложенія и чрезвычайно выносливъ, но имѣетъ дурную привычку скучать по родинѣ и поэтому стараться при всякой возможности бѣжать обратно; второй же красивѣе и больше ростомъ, но слабѣе перваго. Убѣжавшіе лошаки принадлежали какъ разъ къ „ослиной“ породѣ и не разъ до сего дня дѣлали попытку бѣжать. Удача выпала имъ только сегодня по неаккуратности окарауливавшаго ихъ халхасца, который, какъ выяснилось, заснулъ.

15 мая, уступая просьбѣ спутниковъ съ одной стороны, а съ другой, слѣдуя этикѣ путешественниковъ, глава каравана и я остались на мѣстѣ ночевки и снарядили въ погоню за лошакими двухъ ихъ хозяевъ, одного изъ моихъ слугъ и одного бурята, добровольно присоединившагося къ нимъ. Въ часъ дня они вернулись ни съ чѣмъ, говоря, что, судя по слѣдамъ, лошаки долго шли по дорогѣ, но вдругъ кто-то выѣхалъ на дорогу съ боку и увелъ лошаковъ въ сторону, чѣмъ скрылъ и слѣды. Не оставалось дѣлать ничего другого, какъ помириться со случившимся и поспѣшно ѣхать въ догонку ушедшаго утромъ каравана, который прошелъ за этотъ день около 45 верстъ и остановился въ мѣстности Далан-турганъ.

16 мая послѣ 25 верстнаго перехода остановились въ мѣстности Эргэцэ или Эргэцуль, гдѣ дневали и 17 число.

Мы находились уже въ Цайдамѣ. Слово это тибетское и значитъ „соляное болото“, или „соляная грязь“, что весьма мѣтко характеризуетъ эту обширную равнину. Мѣстные монголы часто называютъ свои кочевья—Табунъ Цайдамъ, т. е. пять Цайдамовъ. Такое названіе, безъ сомнѣнія, произошло оттого, что въ Цайдамѣ въ настоящее время находятся пять

хошуновъ: Кукэт-бэйлэ, Курлук-бэйсэ и цзасаковъ: Барунъ, Цзунъ и Тайчжинаръ. Въ китайскомъ сочиненіи „Мэнь-гу-ю-му-цзи“ они названы: западное заднее знамя, знамя сѣвернаго лѣваго крыла, заднее знамя западнаго праваго крыла и среднее знамя западнаго праваго крыла цин-хайскихъ хошотовъ.

Я, по крайней мѣрѣ теперь, не могу объяснить происхожденіе названія „кукэтъ“, но остальные объясняются такъ: „курлукъ“, правильнѣе „курлокъ“, произошло оттого, что хошунъ этотъ прежде находился на берегахъ Хуан-хэ у горы Куръ; затѣмъ онъ былъ вытѣсненъ оттуда тангутами и, поселившись въ Цайдамѣ, сталъ называться „возвратившимся“ (по-тибетски — локъ) отъ „Куръ“, барунъ (западный) и цзунъ (восточный) название по мѣсту расположенія ихъ кочевьевъ. Наконецъ, названіе Тайчжинарскаго хошуна произошло отъ того, что въ 1725 году въ немъ было учреждено выборное цзасачество изъ 33 тайчжи. Въ настоящее время цзасачество или правленіе хошуномъ находится только въ рукахъ трехъ княжескихъ домовъ, наследующихъ цзасачество попеременно.

Перекочевка цайдамцевъ.

Въ частности, мѣстность, гдѣ мы сегодня остановились, принадлежитъ Кукэт-бэйлэ. Здѣсь живутъ только около 60 семействъ и называются цзабсар-кукэтъ, т. е. промежуточными кукэтами.

18 мая во избѣжаніе сильно тонкой грязи, мы взяли дорогу лѣвѣе по пескамъ, находящимся на краю болотъ, и, сдѣлавъ переходъ около 35 верстъ, достигли рѣки Шара-голь. Остановились здѣсь въ кустахъ тамарикса (по-монгольски сухай) (*Tamarix Pallasii*).

19 мая, сдѣлали переходъ почти въ 15 верстъ и остановились на рѣкѣ Баян-голь. Мѣстные жители надобдають разспросами о русскихъ, пришедшихъ въ хошунъ Барун-цзасака, т. е. объ экспедиціи П. К. Козлова. Вспоминаютъ также объ „іэхэ гэдэсуту амбанѣ“ (больше-брюхомъ генералѣ), подъ которымъ должно разумѣть знаменитаго Пржевальскаго, а также о мно-

гихъ другихъ европейскихъ путешественникахъ, собственныхъ именъ которыхъ не знаютъ, но опредѣляютъ по какимъ-нибудь отличительнымъ признакамъ.

Въ ихъ разсказахъ съ примѣсью былей и небылицъ замѣчается какое-то уваженіе къ русскимъ, сознание справедливости ихъ требованій, сознание того, что даже „уртай-амбань“, т. е. „сердитый генералъ“ (Пржевальскій) наказывалъ лишь за неправильный поступокъ и щедро награждалъ за полезныя услуги.

Здѣсь надо было рѣшить вопросъ объ избраніи дальнѣйшаго направленія пути. Главныхъ дорогъ, ведущихъ изъ южнаго Цайдама въ Тибетъ, двѣ: первая черезъ перевалъ Бурхан-бү-дай, вторая черезъ Найчжи. Первая идетъ изъ хошуна Барун-цзасака, вторая изъ хошуна Тайчжинаровъ. Изъ нихъ нашъ караванъ избралъ вторую дорогу въ виду того, что она изобилуетъ травой и короче въ той своей части, которая пролегаетъ по сѣверо-тибетскому безлюдному плоскогорью.

Про происхожденіе названія перваго перевала разсказываютъ слѣдующую легенду. Халхаскій ханъ Абатай (въ

Гонбо-гуру (Бѣлый Махакала).

XVI вѣкѣ) приобрѣлъ въ Тибетѣ статую божества Гонбо-гуру. Когда онъ, везя ее, поднялся на этотъ перевалъ, то статуя спустилась на землю. Люди Абатая никакъ не могли поднять ее для навьюченія. Тогда разсерженный ханъ разсѣкъ статую пополамъ со словами: „не желающей задъ остаться, а желающее туловище пусть пойдетъ“ и повезъ одно туловище, которое теперь читается въ халхаскомъ монастырѣ Эрдэни-цзу.

Слово „спуститься“ будетъ на разговорномъ монгольскомъ языкѣ „бүху“, а божество „бурханъ“. „Бур-

хань бусань“ — божество спустилось, но какимъ образомъ получилось слово будай — мнѣ не извѣстно. Но вѣрно лишь то, что это названіе перевала всѣ монголы связываютъ съ упомянутой легендой.

Продневавъ на рѣкѣ Баян-голь два слѣдующихъ дня 20 и 21 числа, 22 мая переправились черезъ рѣку Баян-голь (богатая рѣка) верстахъ въ десяти ниже стоянки и по лѣвому берегу ея сдѣлали еще около четырехъ верстѣ, пересѣкши затѣмъ песчаную и болотистую площадь, переправились черезъ рѣчки Эбкэсунъ и Цаганъ, гдѣ и остановились послѣ 25 верстнаго пути.

23 мая сдѣлали переходъ почти въ 25 верстѣ и остановились у Цзунэй-байшинъ, который у Пржевальскаго именуется Хырма Цзун-цзасака. Мѣстные монголы называютъ его манай (наше), байшинъ (построеніе), хурѣ (монастырь) и хэрэмъ (крѣпость), а жители другихъ хошуновъ лишь замѣняютъ опредѣленіе „наше“ словами Цзунэй или Цзунъ цзасагай. Каждое изъ этихъ названій имѣетъ свое основаніе. Дѣло вотъ въ чемъ: Цзунэй байшинъ, какъ и всѣ „байшины“ цайдамскихъ монголовъ, представляетъ небольшую группу глинобитныхъ домиковъ, расположенныхъ на сравнительно сухомъ мѣстѣ среди тощихъ болотъ. Въ центрѣ этой группы, среди прочихъ строеній, немного возвышается зданіе (сумэ), гдѣ совершаются ежегодныя богослуженія въ первомъ, шестомъ и десятомъ лунныхъ мѣсяцахъ. Постоянно же при сумэ живетъ лишь настоятель его (по-монгольски ширету), приглашаемый на три года изъ тибетскаго монастыря Гаданъ, съ тибетской же прислугой въ 3—4 человекъ. Третье названіе „хэрэмъ“ происходитъ отъ того, что сюда укрываются во время грабительскихъ набѣговъ тангутовъ.

Упомянувъ о годовыхъ богослуженіяхъ, должно, однако, сказать, что они совершаются всѣми мѣстными ламами. Среди нихъ иногда бываютъ и тѣ, которые живутъ и учатся въ монастыряхъ амдоскихъ и тибетскихъ. Впрочемъ, такихъ ламъ едва ли наберется болѣе десяти человекъ со всего Цайдама.

Цайдамка.

Озабоченные хозяйствомъ и семьей мѣстные ламы, конечно, не могутъ жить при сумэ постоянно, но собираются лишь въ вышеуказанные періоды. При общей бѣднотѣ цайдамцевъ, называемыхъ другими монголами „верхними“, каждый принужденъ искать средства для существованія лишь въ своемъ трудѣ—скотоводствѣ, которое, сверхъ того, требуетъ вооруженной охраны отъ тангутовъ.

Между тѣмъ, влекомые религіознымъ, чувствомъ многіе стремятся посвятиться въ духовные обѣты. Поэтому у нихъ очень много ламъ и всѣ они женаты, чего, какъ извѣстно, не допускаетъ исповѣдуемый ими буддизмъ вообще и цзонхавизмъ въ частности.

Причинами такого противорѣчія между исповѣдуемой религіей и жизнью служатъ: во-первыхъ, необходимость жены-помощницы въ скотоводческомъ хозяйствѣ и, во-вторыхъ, естественный законъ борьбы за существованіе, которое они должны отстаивать физической силой отъ вышеупомянутыхъ разбойниковъ.

Домики, находящіеся у сумэ, не столько служатъ для проживанія въ нихъ, сколько для складыванія излишняго домашняго скарба и всего, что цѣнно въ невзыскательномъ инвентарѣ домашняго имущества кочевника. Поэтому, въ этихъ домикахъ можно найти разныя шкуры, кошмы, шубы, домашнюю утварь, принадлежности жертвоприношеній богамъ, лучшія ружья, сабли, пики и вообще все то, чего не требуется для постоянного употребленія въ юртѣ. Сохраняются эти вещи здѣсь для того, во-первыхъ, чтобы избавиться отъ лишней клади при перекочевкахъ и, во-вторыхъ, чтобы было безопасно въ случаѣ разбойничьихъ набѣговъ.

Въ тѣхъ же видахъ здѣсь постоянно находится и канцелярія хошуннаго цзасака, гдѣ хранится печать и скудные канцелярскія принадлежности. При канцеляріи постоянно дежурятъ чиновникъ, начальникъ стражи, лама для чтенія жертвенныхъ молитвъ передъ чойчжѳномъ (духомъ-хранителемъ) и 16 чело-вѣкъ стражи.

Должно сказать, что нигдѣ у цайдамскихъ монголовъ не наложено столько натуральныхъ повинностей, какъ у Цзун-цзасака. Онъ постоянно держитъ при своей юртѣ десять юртъ подданныхъ, дежурящихъ по году. Сверхъ того, по десяти дней

у него дежурять по пяти человекъ: одинъ пасеть его табунъ лошадей, другой овецъ, третій рогатый скотъ и двое помогаютъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Подданные не должны кочевать на заранѣ назначенныхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ жить цзасакъ, а въ случаѣ поправки такихъ запретныхъ пастбищъ налагается штрафъ.

Года три тому назадъ цзасакъ Бутучи, знакомый генерала Пржевальскаго, вышелъ въ отставку, передавъ власть своему восьмилѣтнему сыну, Вандан-дорджи. Самъ, неизлѣчимо больной калѣка, состоитъ регентомъ и отличается среди своихъ сородичей образованностью и хитростью, что у этихъ, какъ вообще у всѣхъ монголовъ, отождествляется съ умомъ.

24 мая сдѣлали переходъ около 20-ти верстъ и остановились на рѣчкѣ Хорголчи. Сегодня пришлось дѣлать обходы топкихъ грязей, но и то лошаки часто вязли въ грязи.

25 мая, пройдя всего около 12 верстъ, остановились на полянѣ называемой Исэлчжинъ, съ прекрасной травой и ключевой водой.

26 мая прошли по кустамъ тамарикса и хармыка около 10 верстъ и остановились на ключѣ Урту.

27 мая прошли по такимъ же кустамъ около 30 верстъ и остановились близъ покинутой китайской крѣпости Номогон-хото. Здѣсь подъ кустами тамарикса находятся пашни тайчжинаровъ и подданныхъ цзун-цзасака. Засѣваютъ преимущественно ячмень и орошаютъ канавами изъ рѣчки Номогон-голь.

28 мая, нѣсколько западиѣ Номогон-хото, на песчаной площади встрѣтили развалины какого-то другого укрѣпленія, вѣроятно, относящагося къ событіямъ, происходившимъ въ Центральномъ Тибетѣ и Кукунурѣ въ началѣ и серединѣ XVIII вѣка, потому, что деревянные части его сохранились по сіе время. Но мѣстные монголы не задумываются рассказывать, что это остатки города ширагольскихъ хановъ, съ которыми воевалъ легендарный Гэсэръ-ханъ. Въ этихъ развалинахъ монголы иногда находятъ порохъ, что заставляетъ ихъ говорить, что Гэсэръ взорвалъ этотъ городъ порохомъ.

Немного дальше этихъ развалинъ на краю кустовъ тамарикса находится своеобразный маленькій домикъ изъ сырого кирпича съ куполообразной глиняной крышей. Обращенная на юго-востокъ, дверь этого домика довольно высока и широка:

въ нее можно свободно вѣхать верхомъ на лошади. Сѣверо-западная сторона крыши проломилась и выпала. Конечно, отъ мѣстныхъ жителей и на этотъ разъ не удалось узнать положительныхъ данныхъ, а пришлось услышать слѣдующій разсказъ

Гэсэр-ханъ.

Въ этомъ домикѣ жилъ заклинатель (тарничи) ширагольскихъ хановъ. Онъ читалъ заклинанія и былъ ими такъ силенъ, что его не могъ побѣдить ни Гэсэръ, ни покровитель его, хранитель ученія (чойчжонъ) Дамдинъ. Тогда послѣдній употребилъ хитрость. Онъ обратился въ двухъ воронъ, считаемыхъ у этихъ монголовъ священными птицами, подъ видомъ коихъ можетъ являться Дамдинъ-чойчжонъ. Вороны стали драться на крышѣ

домика заклинателя въ то время, когда онъ читалъ свои заклинанія. Шумъ дерущихся воронъ отвлекъ вниманіе заклинателя и прервалъ сосредоточенность его мысли. Этимъ моментомъ воспользовался Гэсэръ-ханъ и, проломивъ крышу, задавилъ заклинателя ея обломками.

Послѣ 20 верстнаго перехода остановились въ мѣстности Тэнгэликъ.

29 мая весь караванъ двинулся далѣе за исключеніемъ нашей палатки. Мы со спутниками пришлось простоять здѣсь еще 30 и 31 числа, въ ожиданіи трехъ мѣшковъ гороха, отправленнаго въ мартѣ изъ Гумбума въ Цзунэй-байшинъ и, по недобросовѣстности подрядчика, понаваго въ Барунай-байшинъ. Узнавъ объ этомъ, я изъ Цзунэй-байшина послалъ одного монгола привезти мой горохъ въ Тэнгэликъ. Горохъ былъ доставленъ 31 числа.

1 июня, нанявъ проводника, мы выступили въ путь и послѣ 22 верстнаго пути по грязному грунту остановились въ мѣстности Ехэ-намакъ, гдѣ дали лошадямъ отдыхъ. Такъ какъ прямая, такъ называемая цайдамская, дорога чрезвычайно грязна и почти непроходима, то, по совѣту проводника, рѣшено было ѣхать черезъ твердую песчаную площадь (по-монгольски шила), находящуюся по лѣвую руку, ближе къ южно-цайдамскимъ горамъ. При этомъ, вслѣдствіе неудобства

Дамдинъ (Хаягрива).

ѣхать по пескамъ въ полуденную жару, мы предпочли перейти шила ночью, пользуясь луннымъ свѣтомъ, и двинулись въ путь въ 10 часовъ вечера. Часа черезъ два (8 верстъ) мы были уже

на краю шила, но вѣтеръ, дувшій тихо съ вечера, постепенно усилился и поднялъ песокъ, бившій намъ прямо въ лицо.

Гэсэр-хангъ.

Ни зги не было видно. Пришлось остановиться и дожидаться разсвѣта. Мы слѣзали съ лошадей, но не развьючивали животныхъ, чтобы не потерять въ пескѣ мелкихъ вещей. Держа животныхъ за поводья, мы легли на землю и проспали до утра.

2 июня утромъ вѣтеръ понемногу стихъ и мы послѣ 30 верстнаго перехода достигли мѣстности Далай.

3 июня. Со вчерашняго полудня до сегодняшняго утра шелъ дождь. Навьючили животныхъ въ

6¹/₂ часовъ утра и двинулись далѣе, держась по возможности лѣвой стороны во избѣжаніе топкихъ грязей, но тѣмъ не мѣнѣе животныя часто вязли.

При проходѣ по топкимъ мѣстамъ худшими изъ व्यючныхъ животныхъ оказываются лошаки, тонкія ноги коихъ сильно вязнутъ. Кромѣ того, по своему кровному родству съ ослами, нѣкоторые изъ нихъ бываютъ до того упрямы, что ни частые удары кнута и палки, ни одобрительные крики погонщиковъ не побуждаютъ ихъ сдѣлать усиліе подняться даже тогда, когда весь व्यюкъ снятъ. Тогда приходится пробовать свои силы, чтобы вытащить упряма и поставить на ноги на прочномъ грунтѣ.

Въ этотъ день мы сдѣлали почти 30 верстъ и пришли въ мѣстность Урду-тулай.

4 июня навьючили въ 6 часовъ утра во время сильнаго дождя, и послѣ 30-ти верстнаго перехода достигли мѣстности Хойто-тулай, гдѣ нагнали нашъ караванъ, и отпустили проводника, выдавъ ему условленные 4 цина серебра за услуги.

Трава въ этихъ мѣстахъ за отсутствіемъ мѣстныхъ жителей хороша, но здѣсь чрезвычайно много комаровъ, которые не даютъ животнымъ покоя. Они надоѣдаютъ, впрочемъ, не однимъ вьючнымъ животнымъ, но беспокоятъ и людей. Отъ нихъ немного можно избавляться только напусканіемъ въ палатку дыма отъ аргала, выбирая изъ двухъ золъ меньшее.

Здѣсь мы простояли до 13 числа сего мѣсяца. Во время этой стоянки, я и другіе богомольцы ѣздили къ лѣтникамъ мѣстныхъ монголовъ въ мѣстность Голнута или Голнуса, т. е. „рѣки“. Названіе это произошло отъ того, что рѣка Найчжійнголь, по выходѣ своемъ изъ юго-западныхъ горъ, развѣтвляется на три рукава, которые образуютъ какъ бы много рѣчекъ, и урочища по этимъ рукавамъ называются Голнута. Эти мѣста принадлежатъ кочевьямъ вышеупомянутаго тайчжинарскаго хошуна, начинающагося у Номогон-хото на востокѣ и кончающагося урочищемъ Гасъ на западѣ.

Цѣль поѣздки моей и другихъ была покупка барановъ, масла и т. п. провизіи, а также пріобрѣтеніе лошадей мѣстной породы. Меринъ стоитъ здѣсь отъ 10 до 20 лановъ, а кобылица отъ 8 до 15 лановъ. Я купилъ 8 барановъ по одному лану 5 циновъ и одного молодого мерина за 15 лановъ.

13 июня. Караваны, идущіе изъ Гумбума въ Тибетъ, обыкновенно проводятъ въ Цайдамѣ, по меньшей мѣрѣ, полмѣсяца на одномъ мѣстѣ для того, чтобы дать отдыхъ животнымъ послѣ перехода сюда и позволить имъ набрать силы для предстоящаго труднаго пути по сѣверо-тибетскому плоскогорію, отличающемуся скудною растительностью. Слѣдуя этому обычаю, установленному многолѣтнимъ опытомъ богомольцевъ, и нашъ караванъ долженъ былъ прожить здѣсь нѣкоторое время. Остаться въ Цайдамѣ не было цѣлесообразно потому, что вышеупомянутые комары и мошки не только не давали животнымъ отдыха, но и истощали еще болѣе ихъ силы. Вслѣдствіе этого необходимо было избрать мѣсто, гдѣ бы не было этихъ назойливыхъ насѣкомыхъ, и такимъ мѣстомъ было только верховье рѣки Найчжи.

Закупивъ у мѣстныхъ жителей все необходимое для пути до самаго Тибета, мы двинулись въ путь. Въ первый день предстояло пройти очень большое разстояніе, около 70 верстъ, тянущееся черезъ площадь съ твердой почвой, почти лишенной растительности. Она начинается тотчасъ по выходѣ изъ Хойто-тулай. Пообѣдавши на пути, мы лишь съ закатомъ солнца пришли на рѣку Шугуйн-голь и послѣ переправы черезъ нее остановились почевать тутъ же въ кустахъ тамарикса. Бараны, коихъ у всего каравана было не болѣе 40 головъ, могли придти къ тому же мѣсту только позднимъ вечеромъ, когда было уже совершенно темно. Крутой, узкій спускъ между двумя береговыми скалами такъ напугалъ барановъ, что они, подойдя къ нему, бросились назадъ и только послѣ долгихъ усилій были спущены и переправлены черезъ быструю, шумящую рѣчку.

14 іюня утромъ оказалось, что изъ стада барановъ не доставало 10 головъ, но въ то же время на высокой скалистой горѣ противъ лагеря замѣтили 8 головъ. Снаряженные за ними люди съ трудомъ дошли до нихъ, но запуганные вчера бараны кинулись въ сторону. Послѣ долгой возни съ ними, четырехъ удалось добыть живыми, одного застрѣлить; три же убѣжали на другую сторону недоступныхъ скалъ и были оставлены на произволъ судьбы.

Затѣмъ двинулись въ путь и, пройдя около 7—8 верстъ, переправились черезъ Найчжин-голь. Остановились ночлегомъ здѣсь же у переправы на лугу, называемомъ Ногон-тохой, покрытомъ хорошей травой при отсутствіи комаровъ и мошекъ. Выючныя животныя, оставшіяся вчера голодными цѣлый день, требовали ограничиться сегодня только этимъ маленькимъ переходомъ. Да и некуда было сѣшнить. Предпочтительнѣе было дѣлать небольшіе переходы и предоставлять большую часть дня животнымъ на отдыхъ. Поэтому, движеніе отсюда вверхъ по рѣкѣ Найчжин-голь было медленное.

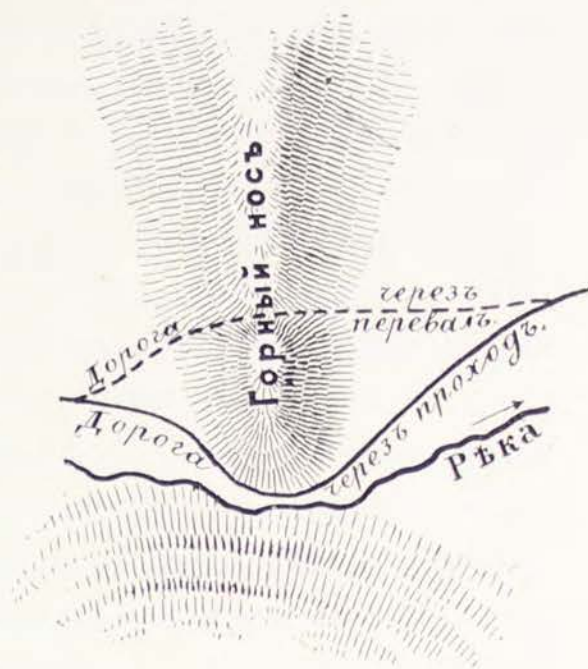
15 іюня прошли около 15 верстъ. На этомъ пути пришлось переправиться черезъ трудный перевалъ Куку-тоно. Дѣло въ томъ, что горный носъ лѣваго берега Найчжи близко подступаетъ къ руслу рѣки. Противоположный же берегъ представляетъ высокій отвѣсный обрывъ. Между этими двумя подступившими берегами, по рассказамъ очевидцевъ, на большой глубинѣ течетъ рѣка. По узкому карнизу скалы, висящей надъ

рѣкой, можетъ пройти только аккуратно навьюченный мулъ или лошадь, но проходъ для верблюдовъ совершенно невысмыслимъ. Верблюдовъ поневолѣ приходится вести черезъ перевалъ горнаго носа. Подъемъ и въ особенности спускъ съ этого перевала на западную сторону весьма круты, такъ что при спускѣ необходимо развьючивать всѣхъ верблюдовъ и испытать свою работоспособность, спуская выюки на себѣ по ступенямъ скалъ иногда около аршина вышины, при значительной абсолютной высотѣ мѣста.

16 июня мы прошли около 18 верстѣ.

17 июня сдѣлали около 13 верстѣ.

18 июня прошли около 18 верстѣ и остановились противъ устья рѣки Думба-найчи. Такъ какъ на слѣдующій день предполагали стать лагеремъ уже въ вершинѣ пади Думда-найчи, то рѣшили сегодня выжечь углей для дороги. Во время дождей, когда пометъ животныхъ въ степи мокръ, угли оказываютъ неоцѣнимую услугу при разведеніи огня. Для сего дѣлаютъ въ землѣ небольшое углубленіе, куда кладутъ немного углей. Затѣмъ накладываютъ на нихъ аргаль, выбирая посуше, и раздувая огонь посредствомъ ручныхъ мѣховъ, готовятъ пищу. Мѣхи эти состоятъ изъ цѣльной шкуры преимущественно домашней козы, содранной безъ разрѣзовъ вдоль тѣла, вслѣдствіе чего полу-

Перевалъ Куку-тоно.

(Планъ).

Перевалъ Куку-тоно.

(Профиль).

чается какъ бы мѣшокъ съ тремя небольшими отверстіями (двѣ переднія ноги и голова), изъ коихъ два послѣ выдѣлки кожи зашиваются, а въ третье, на переднемъ концѣ шеи вставляется желѣзная трубочка. Раздуваніе состоитъ въ томъ, что взявшись двумя руками за широкое отверстіе мѣшка, дѣйствуютъ такъ, чтобы воздухъ заключенный въ мѣшкѣ выходилъ при надавливаніи только чрезъ трубочку, направленную въ огонь. Непривычный человѣкъ ничего не подѣлаетъ на первые раза съ такими мѣхами, потому, что для успѣшнаго употребленія ихъ нуженъ большой навыкъ, чтобы не выпускать воздухъ чрезъ верхнее, широкое отверстіе мѣшка.

19 іюня перекочевали версты на 5 вверхъ по вышеупомянутой доли и здѣсь простояли до 27 числа. Въ долигѣ Найчжин голъ мы застали только 5 монгольскихъ юртъ. Несмотря на прекрасные здѣшніе корма для домашнихъ животныхъ и отсутствіе назойливыхъ комаровъ, монголы не селятся здѣсь, потому, что эта мѣстность часто посѣщается тангутскими и голокскими разбойниками. Но заманчивое обиліе дикихъ яковъ и упомянутыя удобства все же привлекаютъ сюда 4—5 смѣлыхъ семействъ, небогатыхъ скотомъ и питающихся охотой на яковъ, черепа коихъ съ громадными рогами валяются въ изобиліи въ этихъ мѣстахъ.

Открытое нападеніе тангутовъ никогда не встрѣчаетъ со стороны монголовъ серьезнаго сопротивленія. Несмотря на это, сами тангуты стараются не прибѣгать къ силѣ, а предпочитаютъ или украсть, или отнять, лишь запугавъ. Такой характеръ тангутовъ и голоковъ объясняется отчасти вліяніемъ ламаизма, но въ большей степени врожденною трусостью ихъ самихъ. Если въ шайкѣ ихъ убить двухъ-трехъ, то они обращаются въ бѣгство, бросая часто свое имущество. Мѣстная хроника происшествій богата нападеніями разбойниковъ, перестрѣлками, убіеніемъ людей съ той и другой стороны, но всѣ рассказы о нихъ свидѣтельствуютъ о перевѣсѣ тангутовъ.

За время здѣшней стоянки захворалъ отъ вліянія разрѣженного воздуха одинъ изъ моихъ людей, бурятскій лама Дашій-дондубъ. Онъ жаловался на головную боль и учащенное дыханіе. По совѣту спутниковъ дали ему выпить китайской водки и выпустили кровь со внутренней стороны локтя. Отъ такого врачеванія ему стало легче и онъ постепенно выздо-

ровѣль, хотя дѣлалъ уже свое духовное завѣщаніе. Онъ говорилъ, что уже однажды года три тому назадъ онъ доѣхалъ до Лабрана и на вопрошеніе у Чжамьян-шадба, можетъ ли онъ тогда достигнуть Лхасы, получилъ отрицательный отвѣтъ. Пришлось ему вернуться на родину, разставшись съ давно дѣлѣянною мыслью. Нынѣ, когда прошло указанное въ запрещеніи время, онъ снова предпринялъ путешествіе и въ Лабранѣ отъ того же ламы получилъ благоприятный отвѣтъ. Онъ рассказывалъ это въ ожиданіи смерти, но тѣмъ не менѣе не выражалъ своего недовѣрія къ ламѣ, а говорилъ, напротивъ, что его грѣхи заставили его превратно понять слова „всеѣдущаго ламы“.

27 *іюня*, на разсвѣтѣ, тронулись съ мѣста стоянки и тотчасъ начали подниматься на перевалъ Найчжи, абсолютная высота котораго, по опредѣленію Пржевальскаго, достигаетъ 14.600 футовъ.

Такая значительная высота является вступленіемъ на сѣверо-тибетское плоскогорье и началомъ мѣстъ съ разрѣженнымъ воздухомъ, оказывающимъ значительное вліяніе на организмъ непривычныхъ людей и лошадей. Это вліяніе монголы зовутъ „гаузарай-суръ“ или просто „суръ“, что значитъ „величіе“ или „сила земли“. Имѣя обыкновение во всемъ видѣть нѣчто сверхъестественное, монголы и „суръ“ объясняютъ силой какой-то травы, выросшей по заклинанію нечистаго духа. Кромѣ того, они вѣрятъ, что „суръ“ насылаютъ за непочтеніе духи обладатели горъ, рѣкъ и т. п. Поэтому и на перевалѣ Найчжи богомольцы поднимаются съ замѣтною робостью, стараясь предугадать, какъ вынесутъ они мѣстный „суръ“, и все время не перестаютъ читать разныя молитвы.

На самой вершинѣ перевала находится маленькое озеро отъ дождевой воды. Затѣмъ послѣ крутого, но недлиннаго спуска, дорога вступаетъ на песчано-каменистую неплодную полосу, находящуюся между хребтами Найчжи и Ангир-такчэнь. По минованіи этой полосы, мы перешли черезъ нѣсколько небольшихъ холмиковъ и оказались уже по другую сторону послѣдняго хребта, снѣговья горы котораго остались вдали на лѣвую руку.

Пройдя за весь день около 45 верстъ, мы остановились ночлегомъ на первой понавшейся травѣ, хотя она была скудна, а топлива уже вовсе не было.

28 июня путь холмистъ. Почевали послѣ 40 верстнаго перехода на лѣвомъ притоцѣ рѣки Чу-маръ (красная рѣка).

29 июня, пройдя около 7 верстъ отъ мѣста ночлега, переправились черезъ рѣку Чу-маръ или Улань-мурэнь или еще Хаптагай-улань-мурэнь. Дно этой рѣки съ краснымъ иломъ, отъ котораго, безъ сомнѣнія, произошло названіе ея. Когда мы переправлялись черезъ нее, воды было мало, но лошади, шедшія первыми, вязли въ илѣ и даже падали. Вода скоро уносила поднятый илъ и послѣднія лошади переправились уже совершенно легко.

Затѣмъ взяли направленіе къ Куку-шилэ, причемъ нашъ предводитель ошибся и повелъ караванъ немного лѣвѣе. Верстъ черезъ 25 отъ мѣста ночлега остановились лагеремъ у подошвы Куку-шилэ.

Въ этотъ день нѣкоторые амдоскіе ламы ходили на охоту и убили трехъ антилопъ оронго (оронго—по-монгольски, а по-тибетски цзодъ), *Pantholops Hodgsoni* — зоологовъ. Принеся мясо въ лагерь, они сварили его и угощали всѣхъ спутниковъ. Этимъ они платили дань своему родному обычаю устраивать пиршество послѣ охоты. Я спрашивалъ ихъ, почему они, будучи ламами, убиваютъ животныхъ. На это они отвѣчали, что они еще на родинѣ отказались отъ духовныхъ обѣтовъ и примутъ ихъ снова, лишь по возвращеніи туда, потому что на трудномъ пути въ Тибетъ, гдѣ могутъ быть случайныя сраженія съ разбойниками, невозможно соблюсти монашескихъ правилъ. Вслѣдствіе этого они теперь простолюдины и имъ можно убивать животныхъ. Таково было разсужденіе сихъ ламъ-охотниковъ!

30 июня пришлось искупить вчерашнюю ошибку переваломъ по довольно высокому мѣсту черезъ Куку-шилэ, тогда какъ немного правѣе перевалъ былъ бы почти незамѣтнымъ. Путь—25 верстъ.

1 июля прошли около 20 верстъ.

2 июля переправились черезъ рѣку Хапчик-улань-мурэнь, вода которой доходила до животовъ лошадей. Дно ея съ краснымъ иломъ, но не особенно вязко. Затѣмъ поднялись по пади перевала Дун-буре и остановились здѣсь послѣ 30 верстнаго, приблизительно, перехода.

3 июля, а равно 4 числа были дневки, вслѣдствіе вынавашаго сибга. Во второй день мнѣ нездоровилось: меня лихора-

дило, и, когда измѣрилъ температуру тѣла, то оказалось 38,5°. Пришлось принять порядочную дозу хинина; послѣ того заснулъ, закутавшись потеплѣе.

5 *юля* я всталъ совершенно здоровымъ. Прошли около 20 верстъ, перевалили черезъ Дун-буре и остановились въ одной изъ южныхъ падей.

6 *юля* прошли внизъ по той-же пади около 5 верстъ, перевалили черезъ небольшой хребтикъ между двухъ скалъ, прошли твердую песчаную площадь, усѣянную дикимъ лукомъ „мангирь“ и, переваливъ еще черезъ невысокій холмъ, вступили на довольно широкую равнину съ двумя извилистыми рѣчками. Миновавъ эти рѣчки, ночевали послѣ 40 верстнаго перехода на равнинѣ съ хорошей травой и обильной водой въ маленькихъ лужахъ-озеркахъ, образовавшихся отъ дождей.

7 *юля* мнѣнія относительно направленія дальнѣйшаго пути раздѣлились и въ караванѣ произошло разногласіе. Одни, въ томъ числѣ и предводитель, предпочитали ѣхать по восточную сторону горнаго возвышенія Буха-магнай (лобъ дикаго яка), а другіе по западную его сторону. Первые оправдывали свое предложеніе тѣмъ, что дорога по данному направленію короче, а вторые говорили, что хотя предлагаемый ими путь длиннѣе, но за то рѣчки по нему имѣютъ много рукавовъ и потому не такъ глубоки, что чрезвычайно важно въ виду дождливаго времени года. Произошло нѣчто въ родѣ безмолвной баллотировки, состоявшей въ томъ, что каждый отправился по желанному имъ пути. Мы въ частности присоединились къ первымъ, но другая партія взяла перевѣсъ и первые присоединились ко вторымъ, и соединеннымъ лагеремъ остановились ночлегомъ, пройдя только 13 верстъ.

8 *юля* переправились черезъ Нанчиту-улань-мурэнь, которая текла въ этихъ мѣстахъ въ трехъ рукавахъ. Течение — быстро и дно — илисто. Вода доходила до середины животовъ лошадей (около 5 четвертей), особыхъ несчастій при переправѣ не было, хотя нѣкоторые лошади и лошаки падали въ воду, но благополучно были вытаскиваемы. Затѣмъ, переваливъ черезъ невысокій хребтикъ, остановились по сѣверную сторону горы Буха-магнай у источниковъ рѣчки, текущей на югъ. Ледъ, накопившійся здѣсь за зиму, еще не оттаялъ и имѣлъ видъ небольшихъ озерковъ. Обильная почвенной водой мѣста

тибетскаго плоскогорія, бываютъ обросшими травой бухачигирикъ (въ разговорѣ буха-чирикъ—сила яка). Трава эта имѣетъ твердый стебель и небольшую головку и растетъ густо. Будучи твердой, она плохо поддается зубамъ старыхъ животныхъ, которыя скоро худѣютъ и дѣлаются негодными для пути. Поэтому вѣдущимъ въ Тибетъ должно рекомендовать брать съ собою только молодыхъ животныхъ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ кормомъ для нихъ будетъ служить исключительно эта трава.

Пройдено за этотъ день около 30 верстъ.

9 июля подошли къ рѣкѣ Мурсѣйн-голь немного выше соединенія двухъ главныхъ верховьевъ этой рѣки. Первая рѣка была не глубока и доходила лишь до животомъ лошадей, за то переправа черезъ вторую стоила не малыхъ хлопотъ, какъ по поиску брода, такъ и по самой переправѣ. Испробовавъ на разстояніи одной версты много бродовъ, мы, наконецъ, выбрали одинъ изъ нихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка течетъ во многихъ руслахъ. Бродъ можно было назвать удачнымъ, такъ какъ серьезныхъ несчастій не было. Лошади шли вплавъ съ вьюками. Подмочка почти всего багажа и шедшій въ это время снѣгъ заставили насъ остановиться тутъ же на правомъ берегу, хотя трава была скудна, а топлива еще меньше. Сдѣлали за день почти 35 верстъ.

10 июля вслѣдствіе вчерашняго труднаго пути и подмоченныхъ, но еще не высушенныхъ вещей, мы должны были сдѣлать переходъ лишь до первой хорошей травы. Она нашлась верстахъ въ пяти отъ мѣста ночлега, послѣ того, какъ мы перешли черезъ невысокій холмъ. Здѣсь остановились и провели остальную часть, къ счастью, яснаго дня.

11 июля путь нашъ лежалъ къ мѣсту соединенія двухъ дорогъ, ведущихъ изъ Цайдама черезъ перевалы Бурхан-бу-дай и Найджи на рѣчку, текущей съ хребта Дан-ла. Собственнаго названія этой рѣчки мнѣ не удалось узнать, но по ней находятся извѣстныя богомольцамъ три Хабцагай („горы“): эхинъ, думда и адакъ, т. е. верхній, средній и нижній, которые представляютъ собою выступы лѣвобереговыхъ холмовъ этой рѣчки. Послѣ 30 верстнаго перехода остановились на мѣстѣ соединенія вышеупомянутыхъ дорогъ.

12 июля шли по той же рѣчкѣ и, послѣ 25 верстнаго перехода, ночевали въ Думда-хабцагай.

13 июля идемъ далѣе и ночуемъ у Эхин-хабцагай. Переходъ 25 верстъ.

14 июля, послѣ 20 верстнаго перехода, остановились на полянѣ съ обильнымъ буха-чирикомъ, которая богомольцами зовется Хуйтун-чирикъ.

15 июля подходили къ перевалу Дан-ла и здѣсь у сѣверной его подошвы намъ впервые отъ Найчжи попались жители. Это были егран, принадлежавшіе къ племени голоковъ. Ихъ было около 80 банаковъ. Мужчины съ женщинами и дѣтьми выбѣгали на дорогу и съ любопытствомъ осматривали проходившій караванъ.

Самый перевалъ очень каменистъ и по отношенію къ окрестностямъ не высокъ, хотя абсолютная высота его, какъ извѣстно, опредѣлена Пржевальскимъ въ 16.700 футовъ. Такая высота, конечно, служитъ причиною сильнаго разрѣженія воздуха и потому и сильнаго дѣйствія послѣдняго на расположенныхъ болѣть отъ этого. Поэтому богомольцы подступаютъ къ этому перевалу съ большимъ безпокойствомъ и всячески стараются умиловить духа этого мѣста. Изъ почтенія къ нему не произносятъ настоящаго названія перевала и зовутъ его не иначе, какъ Убаши-хайрханъ, т. е. милостивый убаша, а убаша значить „мірянинъ съ духовнымъ обѣтомъ“. Здѣсь и обонъ, состоящій изъ кучи камней и разныхъ другихъ приношеній, какъ-то: яковыхъ роговъ, костей, тряпокъ, хадаковъ и т. п., гораздо бѣльшихъ размѣровъ, чѣмъ на другихъ перевалахъ. Богомольцы, проходя мимо него, непременно сжигаютъ куренія и т. п. Прошли около 25 верстъ и остановились недалеко отъ перевала. Сегодня къ нашимъ баранамъ пристала овца, блуждавшая по горамъ, очевидно, потерянная прежними богомольцами. Когда пришли къ мѣсту ночлега, на овцу предъявилъ свои права одинъ монгольскій лама, какъ увидѣвшій ее первымъ, и хотѣлъ зарѣзать. Но нашелся одинъ благочестивый человекъ изъ амдосцевъ, который купилъ ее за 1 ланъ серебра и, привязавъ на ея шею цѣтаръ (охраненіе жизни), состоящій изъ разноцвѣтныхъ лентъ, прогналъ снова на гору.

16 июля прошли по пади помянутаго перевала около 25 верстъ. На сегодняшнемъ пути найдены одинъ истощенный верблюдъ и собачка-дворняжка, брошенные на произволъ судьбы. Цѣлый день шелъ дождь, подъ вечеръ обратившійся

въ сибгъ, что заставило насъ продневать на этомъ же мѣстѣ 17 число.

17 июля сдѣлали переходъ лишь въ 15 верстѣ вслѣдствіе того, что много лошадей захромали при перевалѣ черезъ каменистый хребетъ Дан-ла. Верблюды, котораго нашли третьяго дня, оставался въ день дневки на попеченіи одного амдосца, пожелавшаго вести его далѣе, но сегодня положительно отказался встать и только жалобно кричалъ. Амдосецъ съ сожалѣніемъ снялъ съ него, надѣтую имъ понону и оставилъ. Собачка пристала къ моей палаткѣ и слѣдовала за караваномъ до самой Лхасы.

19 июля прошли около 25 верстѣ и остановились на рѣкѣ Сан-чу. Невдалекѣ былъ видѣнъ банакъ тибетскихъ сторожевыхъ солдатъ, набранныхъ изъ мѣстныхъ жителей, которыхъ еще не было видно. Еще въ февралѣ я слышалъ въ Гумбумѣ, что старшина тибетскихъ торговцевъ въ Донкорѣ отправилъ 12 верховыхъ людей въ Лхасу съ донесеніемъ о приходѣ русскихъ, т. е. экспедиціи П. К. Козлова, и о намѣреніи ихъ отправиться въ Тибетъ.

Поэтому тибетское правительство дало мѣстнымъ жителямъ приказъ особенно зорко сторожить границу и немедленно донести въ Накчу, а оттуда въ Лхасу, о появленіи русскихъ. Лишь только мы расположились лагеремъ, пришли къ намъ эти солдаты провѣдать, кто мы такіе и кстати захватили съ собою масла на продажу. Въ обмѣнъ брали тибетскія монеты, китайскія матеріи, но охотнѣе всего—китайскую водку. Если они находили у кого-нибудь водку, то нельзя было отдѣлаться отъ ихъ настойчивыхъ просьбъ продать. Желаящій совершить выгодныя, но въ общемъ грошевыя сдѣлки, могъ хорошо поэксплуатировать страсть этихъ дикарей къ водкѣ.

20 июля перевалили черезъ хребетъ Бум-цзэй (сто тысячъ вершинъ) и послѣ 30 верстнаго перехода ночевали по южную сторону его.

21 июля, послѣ 35 верстнаго перехода, достигли мѣстности, называемой Накчу-донра. Это широкая равнина, на юго-западномъ краю которой находится небольшое озеро.

Богомольцы, прибывающіе изъ Монголіи, останавливаются тутъ въ своихъ знакомыхъ банакахъ, если бывали здѣсь прежде, или же знакомятся вновь по рекомендаціямъ бывавшихъ.

22 июля караванъ разбился на партіи и каждая группа поѣхала къ знакомымъ банакамъ. Мы послѣдовали за казначеемъ перерожденца Чэшой къ его знакомому и, пройдя около 20 верстъ, остановились вблизи его банака. Богомольцы, намѣревавшіеся черезъ мѣсяць возвратиться обратно, оставляли здѣсь для обратнаго пути животныхъ, остатки съѣстныхъ припасовъ и т. п. Нѣкоторые скупили исхудалыхъ лошадей, чтобы, оставивъ ихъ здѣсь для отдыха, воспользоваться ими на обратномъ пути. Желаящіе остаться въ Лхасѣ на болѣе продолжительное время продаютъ за безцѣнокъ такимъ скупщикамъ животныхъ, которымъ не дотащить до мѣста назначенія.

23 июля глава нашего каравана захотѣлъ насъ поэксплоатировать. Узнавъ о такомъ его намѣреніи, пришлось, скрѣпя сердце, исполнить его желаніе, такъ какъ мы не знали здѣшнихъ порядковъ и намъ тяжело было помириться съ мыслью, что, не будучи пущены въ столицу далай-ламы, придется вернуться отсюда.

Хитрый на мелочи, онъ сталъ говорить, что будущими въ нашемъ караванѣ монголами распущенъ слухъ о пребываніи среди бурятъ одного свѣтскаго человѣка съ русскими манерами, очевидно, подразумѣвая меня. Для того, продолжалъ онъ, чтобы слухъ этотъ не послужилъ къ задержанію всѣхъ бурятъ, надо сдѣлать, при его посредствѣ, подарокъ накчускому хамбо хотя бы лановъ въ пять серебра. Онъ совѣтовалъ далѣе поѣхать двумъ изъ насъ къ хамбо и представиться ему, что было равносильно показанію физіономіи. Самъ онъ поѣхалъ для доклада.

Опасаясь, чтобы не произошло непріятностей изъ-за пустяковъ, поѣхали къ хамбо я и типичнѣйшій изъ ѣхавшихъ съ нами бурятскихъ ламъ Чойнчжоръ Аюшіевъ. Казначей перерожденца Чэшой представился хамбо первымъ, какъ прежній знакомый, оставивъ насъ во дворѣ присутствія. Хамбо жилъ въ двухъ-этажномъ домѣ тибетской архитектуры. Снаружи передъ дверями висѣли плети для наказанія виновныхъ. Плети эти состоятъ изъ палки $2\frac{1}{2}$ четвертей и плетеной изъ кожи веревочки къ ней. Нижній кончикъ веревки имѣетъ болѣе или менѣе значительный узелъ, который и причиняетъ самую чувствительную боль. Въ Гумбумѣ онѣ одинаковы съ описанными. Изъ нижняго этажа выходили какіе-то молодые люди и съ любопытствомъ осматривали

насъ. Послѣ продолжительной бесѣды, казначей перерожденца Чэшѳой позвалъ насъ къ хамбо, во второй этажъ. Мы поднялись по каменной наружной лѣстницѣ и, войдя въ комнату, на правой рукѣ у окна увидѣли обыкновеннаго тибетскаго ламу среднихъ лѣтъ, правителя здѣшнихъ кочевниковъ. На лѣвой сторонѣ сидѣлъ свѣтскій человѣкъ, довольно пожилой, съ бамбуковымъ перомъ, воткнутымъ въ волоса. Передъ нимъ были письменныя принадлежности и онъ, какъ оказалось потомъ, былъ секретаремъ.

На нашъ привѣтъ хамбо кивнулъ слегка головой и продолжалъ бесѣду съ казначеемъ, повидимому, нисколько не касавшуюся насъ. Затѣмъ послѣдній вышелъ съ нами и предложилъ ѣхать обратно въ лагерь, такъ какъ хамбо приказалъ прикочевать къ монастырю всѣмъ и, по уплатѣ налога по 2 тибетскихъ монеты съ каждой палатки, отправиться въ дальнѣйшій путь. Мы возвратились къ своей стоянкѣ.

24 июля, черезъ десятиверстный, приблизительно, путь, прибыли къ небольшому монастырю Нак-чу-гонба (въ разговорѣ гомба), резиденціи вышеупомянутаго хамбо, лежащему верстъ на 10 сѣвернѣе рѣки Нак-чу. Это поселеніе со свѣтскимъ и духовнымъ населеніемъ, строго говоря, нельзя назвать монастыремъ, хотя въ немъ имѣются два дугана. Оно, какъ административный центръ окрестныхъ кочевыхъ тибетцевъ, называется еще Нак-чу-цзонъ, гдѣ живутъ два равноправныхъ правителя: одинъ духовный (хамбо) и одинъ свѣтскій (нансо).

Мы остановились лагеремъ саженой на 400 западнѣе монастыря, находящагося на лѣвомъ берегу рѣчки Дре-чу, лѣвомъ притока рѣки Нак-чу, верстахъ въ 7—8 отъ послѣдней. Никакого особаго осмотра палатокъ не было. Выходилъ, между прочимъ, на поляну между лагеремъ и монастыремъ хамбо со свитой (свѣтскій правитель былъ боленъ) и изъявилъ желаніе купить лошадь или лошака. Богомольцы показывали животныхъ, но онъ давалъ столь низкія цѣны, что не состоялось ни одной сдѣлки. Вечеромъ казначей перерожденца Чэшѳой пришелъ ко мнѣ и попросилъ дать 5 лановъ серебра, будто бы требуемыхъ хамбо. Въ противномъ случаѣ послѣдній, по его словамъ, хотѣлъ задержать насъ и послать въ Лхасу нарочнаго за справками. Хотя было обидно за такую выходку казначея, но пришлось примириться, памятуя пословицу: „худой миръ лучше доброй ссоры“.

25 *юля*, переправившись черезъ Дре-чу и отойдя отъ монастыря верстъ восемь, мы пришли къ рѣкѣ Нак-чу. Здѣсь пришлось остановиться на лѣвомъ берегу, такъ какъ вода въ рѣкѣ была чрезвычайно высока и переправа совершенно невозможна. Въ ожиданіи убыли воды пришлось передневать здѣсь и 26-е число.

27 *юля* переправились благополучно черезъ рѣку, хотя вода доходила до сѣделъ лошадей, а малорослые лошаки шли вплавь со своими выюками. Послѣ переправы дорога идетъ черезъ холмы въ юго-западномъ направленіи. Сдѣлавъ за день путь въ 30 верстъ, остановились на ночлегъ.

28 *юля* тронулись въ путь еще до разсвѣта. Пройдя около 30 верстъ, остановились для обѣда и кормленія лошадей. У всѣхъ было пылкое желаніе поскорѣе доѣхать до Лхасы. Кромѣ общаго стремленія къ конечной цѣли далекаго и утомительнаго пути, къ этому побуждаетъ еще экономическій расчетъ, состоящій въ томъ, что лхасскіе торговцы стараются скупить первыхъ лошаковъ и лошадей, такъ какъ многіе изъ нихъ уже имѣютъ заключенные контракты на доставленіе извѣстнаго ихъ числа въ Индію. Поэтому торговцы, не зная какое число лошаковъ прибудетъ изъ Амдо, конкурируютъ между собою и покупаютъ первыхъ лошаковъ, за повышенныя сравнительно цѣны, но зато, если увидятъ, что предложеніе превышаетъ спросъ, начинаютъ понижать плату. Зная такую привычку лхасскихъ скупщиковъ, путешественники также конкурируютъ между собою, чтобы попасть въ Лхасу первыми. Вслѣдствіе этого мы въ этотъ день впервые нарушили общій порядокъ движенія: навьючили незадолго до заката солнца, прошли еще около 35 верстъ и остановились на лугу Сан-чунской казенной станціи. Пустили лошадей на кормъ, а сами легли спать, не разводя огней: лугъ этотъ, назначенный для станціонныхъ животныхъ, запрещенъ для пользованія посторонними. Снѣговая гора Самтан-кансаръ остается по правую руку.

29 *юля*, тайно потравивъ казенный лугъ, мы, понятно, должны были и откочевать съ него до разсвѣта, что и сдѣлали. Затѣмъ, пройдя около 20-ти верстъ, повернули немного направо, перешли одну рѣчку, названіе которой я не узналъ, и другую рѣчку, Ра-чу, и перевалили черезъ хребетъ Чог-ла. На западной сторонѣ перевала стоятъ восемь субургановъ, поставленныхъ

рядомъ и нынѣ пришедшихъ въ большую ветхость. По этимъ субурганамъ монголы и мѣсто нашего ночлега называли Найманъ-субурга (восемь субургановъ). За день сдѣлали около 30 верстѣ. Чог-ла является южной границей распространенія дикихъ ословъ, кои впервые начали попадаться намъ на Кукурѣ. У нихъ въ то время былъ самый разгаръ течки. Болѣе

Бром-гон-ба.

сильный жеребецъ, побѣдивши и прогнавъ своихъ соперниковъ, собираетъ табунъ ослицъ и старается держать ихъ въ одной кучѣ. Неприятные крики ословъ-жеребцовъ оглашаютъ окрестности.

30 июля, пройдя далѣе около 20-ти верстѣ, поворотили на югъ въ узкое ущелье, при устьѣ котораго стоитъ домикъ съ цилиндромъ со ста тысячами „мани“. Затѣмъ перевалили черезъ двойной перевалъ Лани и ночевали въ ущельѣ южной стороны его. Прошли за день около 30 верстѣ.

31 июля идя далѣе по этому ущелью, встрѣтили сначала 4—5 ба-

наковъ, но скоро стали попадаться первыя пашни тибетцевъ, съ населеніемъ осѣдло живущимъ въ домахъ. Здѣшніе жители находятся въ подданствѣ Радэнскаго хутухты, владѣтеля монастыря того же имени, находящагося на рѣкѣ Ра-чу, верстахъ въ 5 въ сторонѣ отъ дороги. Миѣ не удалось побывать въ земь. Очевидцы же рассказываютъ, что онъ расположенъ на южной сторонѣ горы въ густомъ лѣсу дрововиднаго можжевельника. Основанъ этотъ монастырь отшельникомъ, извѣстнымъ

подъ именемъ Бром-тон-ба, который жилъ въ XI столѣтїи и былъ главнымъ ученикомъ знаменитаго индїйскаго проповѣдника Чжово-балдан-адиша.

У устья помянутаго ущелья мы нагнали ушедшихъ вчера впереди спутниковъ и, двинувшись далѣе вмѣстѣ съ ними внизъ по рѣкѣ Ра-чу, прошли всего за день 18 верстъ.

1 августа, утромъ, послѣ 6—7 верстнаго движенія пришли къ рѣкѣ По-мдо, которая является однимъ изъ главныхъ притоковъ рѣки Уй. Вода была довольно высока, почему пришлось перевести багажъ на кожаныхъ лодкахъ, а животныхъ погнать вплавъ. Лодокъ было только двѣ и потому переправа тянулась довольно долго, такъ какъ одна лодка могла вмѣщать вьюки только шести лошаковъ. Черезъ эту рѣку перекинуть своего рода цѣпной мостъ. Онъ состоитъ изъ двухъ желѣзныхъ цѣпей, натянутыхъ на разстояніи $1\frac{1}{2}$ —2 аршинъ другъ отъ друга параллельно между быками на обоихъ берегахъ рѣки. Затѣмъ, между этими цѣпями натянуты ремни въ видѣ слабыхъ петель, около аршина по сторонѣ. На этихъ ремняхъ наложены то узкія доски, то тонкія жерди. По мосту можетъ одновременно пройти только одинъ человекъ съ ежеминутнымъ опасеніемъ поскользнуться и упасть въ воду. Страхъ, наводимый этимъ мостомъ на идущихъ по нему, послужилъ поводомъ появленія повѣрья, что при переправѣ очищаются всѣ грѣхи.

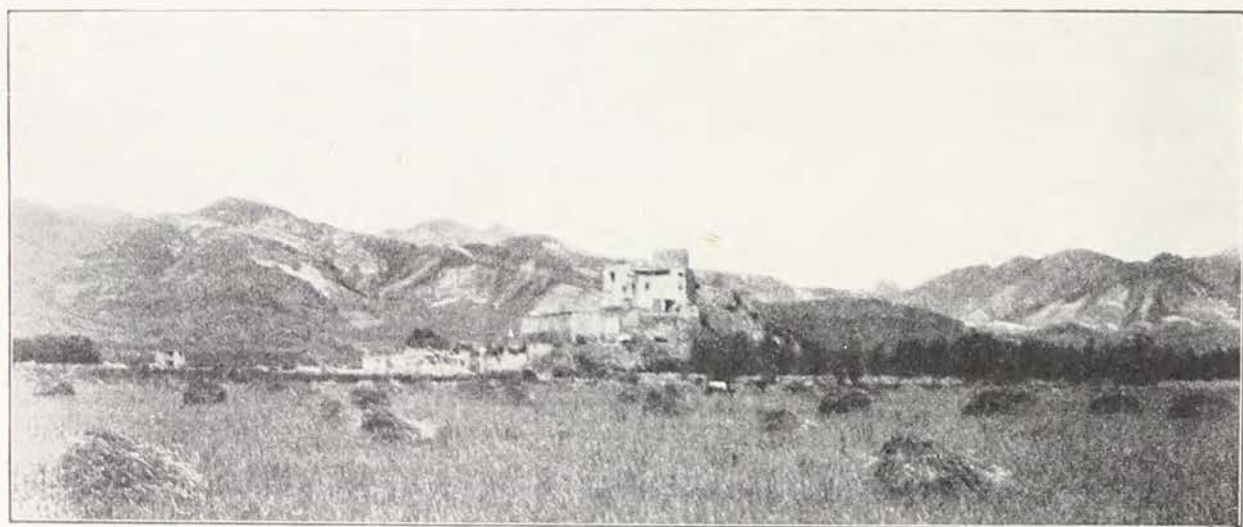
На другой сторонѣ рѣки находится замокъ По-мдо-цзонъ, гдѣ сосредоточено управленіе мѣстнаго уѣзда. Въ пади этого „цзона“ находится монастырь красношапочной секты Даг-лунъ, владѣльцемъ коего является весьма чтимый лама Даглун-маринбочэ. Дорога наша, не доходя около $2\frac{1}{2}$ верстъ до этого монастыря, поворачиваетъ на лѣвую руку. Мы ночуемъ, сдѣлавъ отъ По-мдо-чу около 25 верстъ.

2 августа перевалили черезъ высокій хребетъ Чаг-ла (переваль рука) и по южной его пади стали спускаться въ долину рѣки Пэнбо. Ближе къ устью этой пади находится на отдѣльной горкѣ замокъ Лхун-дуб-цзонъ. Обѣдали на самой рѣкѣ Пэнбо. Долина этой рѣчки, извѣстная въ литературѣ подъ названіемъ Пэн-юль, является однимъ изъ густонаселенныхъ мѣстъ центральнаго Тибета. Жилища расположены или отдѣльными помѣстьями или небольшими деревнями.

Тибетцы любятъ, повидимому, садить возлѣ домовъ все новыя деревья или, по крайней мѣрѣ, сохранять прежнія.

Послѣ обѣда мы снова навьючили и стали подниматься вверхъ по пади перевала Го-ла (перевалъ голова) и почевали почти на серединѣ подъема, пройдя за день около 30 верстъ.

Изъ Пэнбо въ Лхасу ведетъ еще другая дорога. Она длиннѣе на разстояніе однодневнаго караваннаго пути, потому стараются, по возможности, избѣгать ее. Впрочемъ, казенные

Богатое помѣстье.

караваны и вообще проѣзжающіе по казеннымъ станціямъ ѣздятъ по этой обходной дорогѣ, поневолѣ избираемой и караванами на верблюдахъ, которымъ крутой и каменистый перевалъ Го-ла очень неудобенъ или даже невозможенъ для движенія.

3 августа поднялись на перевалъ Го-ла, откуда въ ясную погоду бываетъ видна Лхаса съ золочеными крышами своихъ храмовъ, а также и дворецъ далай-ламы Потала. Въ частности при нашемъ проходѣ на темени горъ былъ густой туманъ, сквозь который ничего, конечно, не было видно. Я не въ состояніи описать того чувства радости и нравственнаго удовлетворенія, которое является у набожныхъ богомольцевъ, когда они, при видѣ вдали священнаго города, падаютъ ницъ на землю и дѣлаютъ три земныхъ поклона въ сторону его. Пріятно было также и мнѣ увидѣть, наконецъ, конечную цѣль моего назначенія, къ которой я стремился уже девятый мѣсяць.

Версты 4 не доѣзжая до Лхасы, мы встрѣтили одного монгольскаго ламу, вышедшаго на встрѣчу монгольскимъ па-

ломникамъ. Онъ былъ посланъ, по обычаю, халхаскимъ мицаномъ монастыря Брѣбуна для указанія богомольцамъ квартиръ знакомыхъ, если таковыя есть у кого-нибудь изъ нихъ, или отвода общественной квартиры, если нѣтъ вовсе земляковъ. Услыхавъ о прїѣздѣ бурятъ отъ прибывшихъ въ городъ первыми, бурятскій лама Гончокъ встрѣтилъ меня со спутниками за городомъ и, освѣдомившись о моей родинѣ, повелъ къ ламѣ земляку моему Данпэлъ Суходоеву, у котораго я и остановился. Спутники мои были отведены къ своимъ знакомымъ и землякамъ. Пройдено за этотъ день 20 верстъ.

Мой землякъ жилъ почти въ центрѣ города въ домѣ называемомъ Чжамьян-шягъ и принадлежащимъ дацану Гоманъ въ Брѣбунѣ. Въ частности этотъ домъ назывался „восточнымъ“ (шяръ), такъ какъ такихъ домовъ было три, стоящихъ рядомъ и купленныхъ извѣстнымъ настоятелемъ Гомана, первымъ перерожденцемъ Чжамьян-шадбы; при отбытіи своемъ изъ Лхасы, онъ пожертвовалъ свои дома дацану, который увѣковѣчилъ его имя названіемъ этихъ домовъ. Связь же этихъ домовъ съ перерожденцами своего владѣтеля сохраняется лишь въ томъ, что во время пребыванія въ Лхасѣ лабранскаго перерожденца Чжамьян-шадбы, ему отводится квартира въ „восточномъ“ подворьѣ.

Лишь только мои выючныя животныя были введены во дворъ нашей квартиры и развьючены, начали приходять разные покупатели за лошаками. Мой хозяинъ, прожившій въ Тибетѣ около двадцати лѣтъ безвыѣдно, взялъ всѣхъ животныхъ подъ свою опеку и началъ продавать. Въ Монголіи и Тибетѣ, какъ вѣроятно, и всюду въ Китаѣ, принято запрашивать возможно больше, а покупатель даетъ возможно меньше. Сдѣлка совершается послѣ продолжительныхъ переговоровъ „сбавленій и прибавокъ“, всегда сопровождаемыхъ многократными клятвами „Чжу-шѣ“ („знаетъ Будда“). Въ теченіе двухъ дней были проданы всѣ мои лошади и лошаки, за исключеніемъ двухъ, не нашедшихъ покупателей. Расплата производилась исключительно мѣстными монетами, причемъ покупатель, по обычаю, долженъ былъ заплатить по 2 монеты за каждое животное въ пользу домовладѣльца. За животныхъ была выручена ихъ первоначальная стоимость въ Гумбумѣ, не считая, конечно, прокорма на мѣстѣ и въ пути а также сѣдель и прочаго снаряженія, часто

остающагося въ Лхасѣ безъ покупателей. Но если умѣло по-купать лошаковъ въ Амдо можно, по приходѣ въ Лхасу, покрыть всѣ путевые расходы а при удачѣ получить еще прибыль. Для этого слѣдуетъ покупать высокихъ иноходистыхъ лошаковъ, исключительно кобылицъ саврасой, каурой, гнѣдой и вороной мастей съ бѣлыми рѣтами и пахомъ. Кромѣ того лошаки должны быть, по возможности, не старше четырехъ лѣтъ. Лошаковъ-жеребцовъ или мериновъ, а также и пожилыхъ, тибетцы покупаютъ очень неохотно, даже за низкія цѣны.

Теперь, оглянувшись на путь отъ Гумбума до Лхасы подведемъ ему итоги. Отъ Гумбума до конечнаго пункта пути въ Цайдамѣ—Хойто-тулай сдѣлано 30 переходовъ при 12 дневкахъ, отъ Хойто-тулай до Думда-найчжи—7 переходовъ. Въ Хойто-тулай и Думда-Найчжи отдыхали всего 15 дней.

Отъ Думда-найчжи, являющагося краемъ сѣверо-тибетской пустыни, до селенія Нак-чу сдѣлано 24 перехода съ четырьмя дневками, отъ послѣдняго до Лхасы—10 переходовъ съ одной дневкой въ ожиданіи спаденія воды.

Нисколько не претендуя на точность, мы полагаемъ, что приблизительное разстояніе отъ Гумбума до Хойто-тулай примѣрно 800 верстъ, отъ Хойто-тулай до Думба-найчжи—150 верстъ, отъ Думда-найчжи до Нак-чу—625, отъ Нак-чу до Лхасы—275 верстъ, т. е. отъ Гумбума до Лхасы—1850 верстъ.

Что касается обычнаго порядка движенія, то утромъ старались встать и приготовить чай до разсвѣта, а напившись, вьючили животныхъ. Затѣмъ двигались въ путь и движеніе въ среднемъ продолжалось 5—6 часовъ, послѣ чего останавливались лагеремъ, дѣлая изъ палатокъ, по возможности, кругъ и пускали животныхъ на подножный кормъ.

При этомъ отъ Гумбума до Цайдама, гдѣ возможны нападенія разбойничьихъ шаекъ, животныхъ постоянно пасли вооруженные люди. Съ закатомъ солнца животныхъ пригоняли къ лагерю, гдѣ, привязавъ ихъ внутри круга, образованнаго палатками, давали по немногу гороха. Они оставались на привязи всю ночь, причѣмъ отъ Гумбума до Цайдама и отъ Мурсѣй-голь до самой Лхасы окарауливались. Особенно безпокоятъ богомольцевъ воры изъ накчускихъ тибетцевъ, коихъ монголы, по ихъ распушеннымъ волосамъ, зовутъ просто сэкеэргъ, т. е. „мохнатые“. Въ случаяхъ совершившагося конокрадства монголы

совершенно беззащитны. Обратиться съ жалобой къ ихъ правителямъ—значитъ прибавить въ ихъ активъ новый доходъ. Они такъ или иначе отыщутъ укравшихъ и, получивъ отъ нихъ, что слѣдуетъ, отпустятъ съ миромъ, а въ случаѣ справки потерпѣвшихъ отвѣтятъ, что все еще не могутъ отыскать воровъ. Лишь взятки, поднесенныя имъ въ размѣрѣ не меньшемъ стоимости украденнаго, могутъ тронуть великодушіе правителей и возвратить потерянное имущество. Зная изъ многолѣтняго опыта такіе мѣстные порядки, монголы предпочитаютъ вовсе не отыскивать потеряннаго, если сами оплошали досмотрѣть за своимъ имуществомъ.

Паломники на привалѣ.

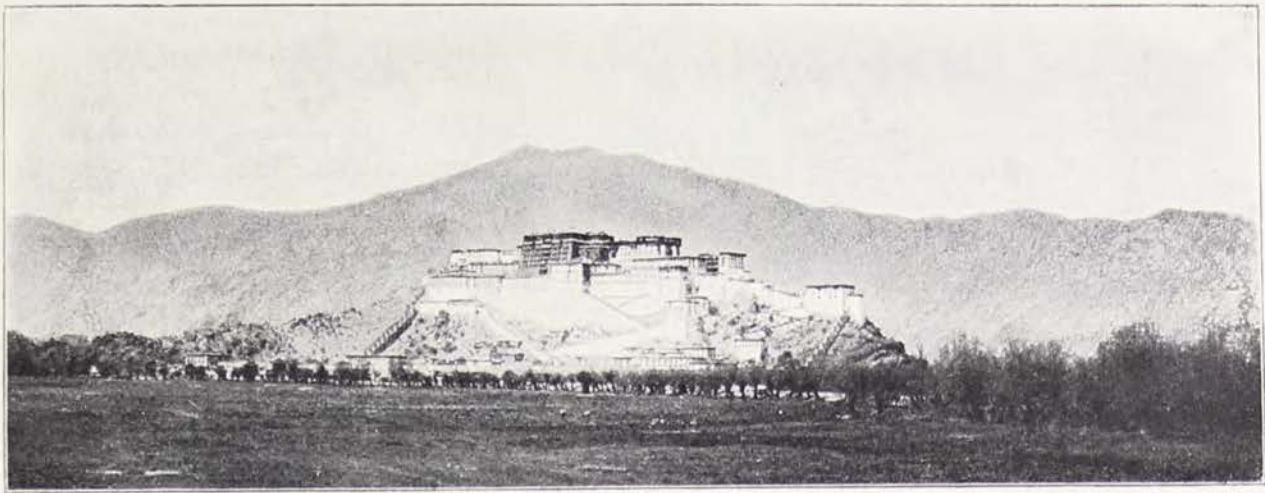
Царь Срон-цзан-гамбо, легендарный основатель Тибета.

ГЛАВА IV.

Лхаса, городъ и его главныя святыни.

Лхаса съ востока.

Потала — дворець далай-ламы.

1. Городъ.

Живая рѣчь и прозаическая литература называютъ этотъ главный городъ центрального Тибета не иначе, какъ Лхаса, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „страна небожителей“ или „область боговъ“. Только въ поэтическихъ произведеніяхъ иногда встрѣчается названіе Лхаданъ, т. е. „полный небожителями“.

Происхожденіе этихъ, въ сущности, однозначущихъ названій объясняется пребываніемъ въ этомъ городѣ двухъ статуй будды Шакьямуни, полученныхъ, согласно преданію, тибетскимъ царемъ Срон-цзан-гамбо (629—711 по Р. Х.), въ качествѣ приданого двухъ его женъ, царевенъ непальской и китайской.

Статуи эти тибетецъ называетъ Чжово (слышится скорѣе Чжу) причемъ большая статуя именуется полнѣе „Чжу-ринбо-чэ“, малая — „Чжу-рамочэ“. Общее названіе Чжу, въ формѣ „Цзу“ перешло къ монголамъ не только для обозначенія сихъ статуй, но ихъ мѣстопробыванія—города Лхасы. Въ дальнѣйшемъ монголы стали называть этимъ именемъ вообще весь центральный Тибетъ.

Точнаго года основанія Лхасы мы пока не можемъ назвать, но историческое преданіе говоритъ, что жена царя Срон-цзан-гамбо, непальская царевна, построила въ 653 году для привезенной съ собою статуи Чжу храмъ, находящійся нынѣ въ центрѣ города и называемый Прул-нан-цзуг-лаг-ханъ, что буквально значитъ „храмъ чудеснаго сіянія“, а царь построилъ замокъ на горѣ Марбо-ри, гдѣ нынѣ Потала, дворець далай-

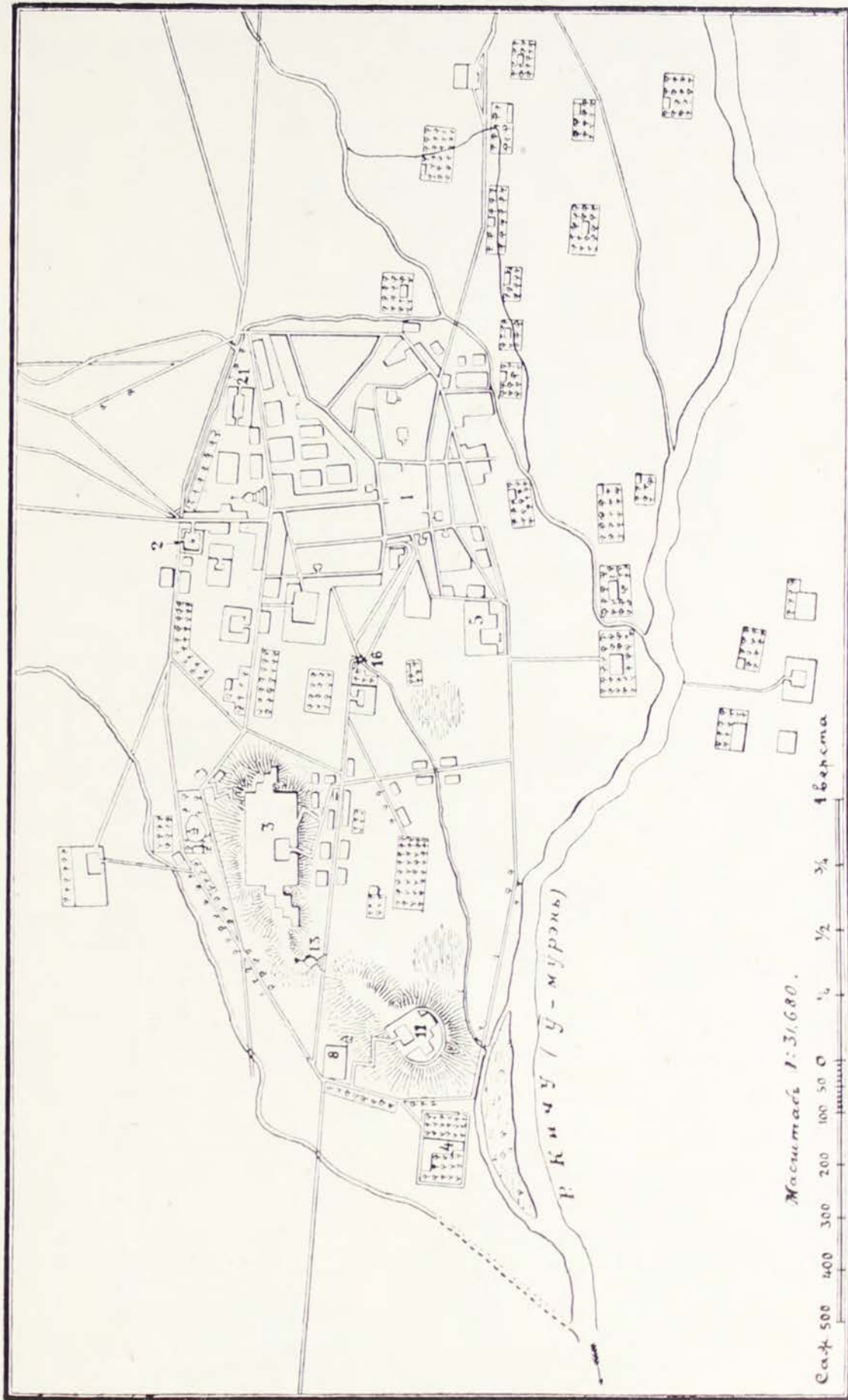
ламы. Этотъ періодъ, т. е. пятидесятыя года VII столѣтія, вѣроятно, можно назвать временемъ основанія Лхасы.

Городъ этотъ находится на правомъ берегу рѣки Уй-чу, почти въ одной верстѣ отъ ея русла. Рѣка Уй-чу въ литературѣ носитъ чаще названіе Чжи-чу, а по другой транскрипціи Къи-чу или Кји-чу—„счастливая рѣка“, но въ разговорѣ чаще называютъ ее Уй-чу—„срединная, центральная рѣка“. Можетъ быть послѣднее названіе болѣе поздняго происхожденія, такъ какъ явилось вмѣстѣ съ возникновеніемъ Уйской провинціи (какъ главной, центральной), т. е. когда политическій центръ Тибета перешелъ въ долину этой рѣки. Въ этомъ мѣстѣ сѣверныя горы отступаютъ отъ рѣки верстъ на 5 и образуютъ такимъ образомъ довольно широкую равнину, на которой возвышается продолговатая скалистая горка. На трехъ вершинахъ этой горки построены Потала и другія зданія, о коихъ рѣчь будетъ впереди.

Ежегодный разливъ рѣки Уй, да вообще всѣхъ ближайшихъ рѣчекъ, происходящій отъ обильныхъ лѣтнихъ дождей, повидимому, издавна служитъ причиной заботъ правительства объ искусственной защитѣ отъ этихъ разливовъ. Такъ, по берегу рѣки Уй, на протяженіи почти десяти верстъ, устроена каменная плотина, ежегодно подновляемая особымъ видомъ общественной работы. Кромѣ того, для рѣчки, текущей съ перевала Го-ла, устроено искусственное русло съ высокими песчаными валами по обоимъ берегамъ. Къ цѣлямъ же защиты города отъ наводненія, безъ сомнѣнія, должны быть отнесены и многочисленные отводные каналы, устроенные какъ по городу, такъ и внѣ его. Тѣмъ не менѣе обиліе лѣтнихъ дождей нерѣдко заставляеть воду выступать изъ канавъ и образовывать небольшія озерки и лужи на городскихъ площадяхъ и во дворахъ, а нѣкоторыя улицы обращаетъ въ быстро-текущія ручейки.

Направленіе большихъ улицъ Лхасы преимущественно съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, хотя, при отсутствіи правильной планировки города, много улицъ тянется и въ другихъ направленіяхъ. При этомъ большинство улицъ кривы, узки и грязны.

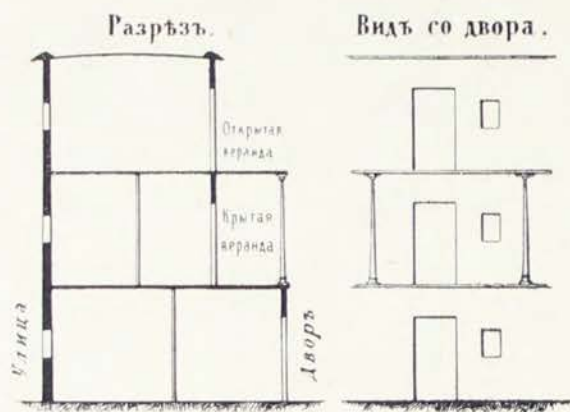
Дома преимущественно изъ сырого кирпича, но нижній этажъ у большинства изъ нихъ изъ каменныхъ плитъ, а у богатыхъ изъ тесанаго камня. Они по большей части двухъ-

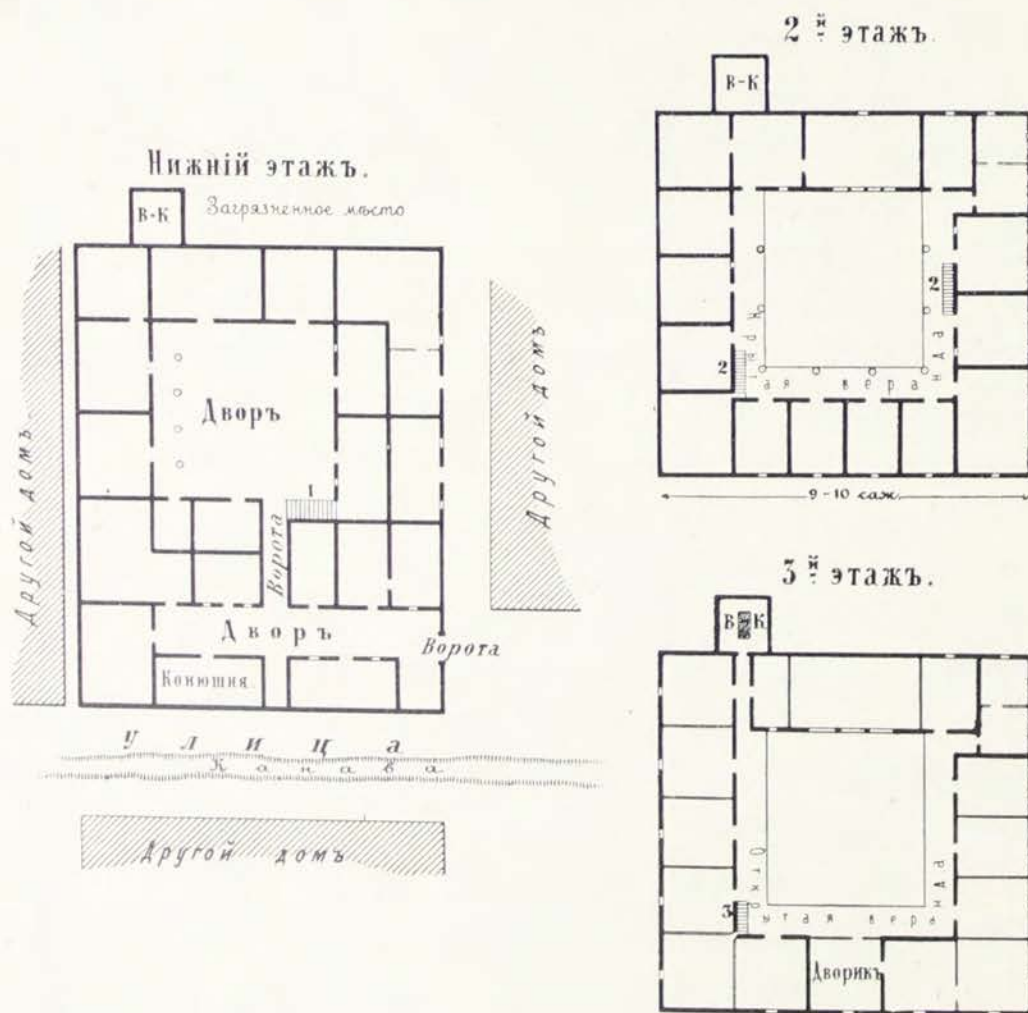
Планъ Лхасы, составленный по данным мандата А—к.

этажные, хотя между ними не мало одно и трех-этажных. Строятся же „колодцем“, т. е. со внутренним двором на подобие больших европейских домов, причем бель-этаж имѣетъ передъ собою навѣсъ, который поддерживаетъ ходъ въ квартиры верхняго этажа.

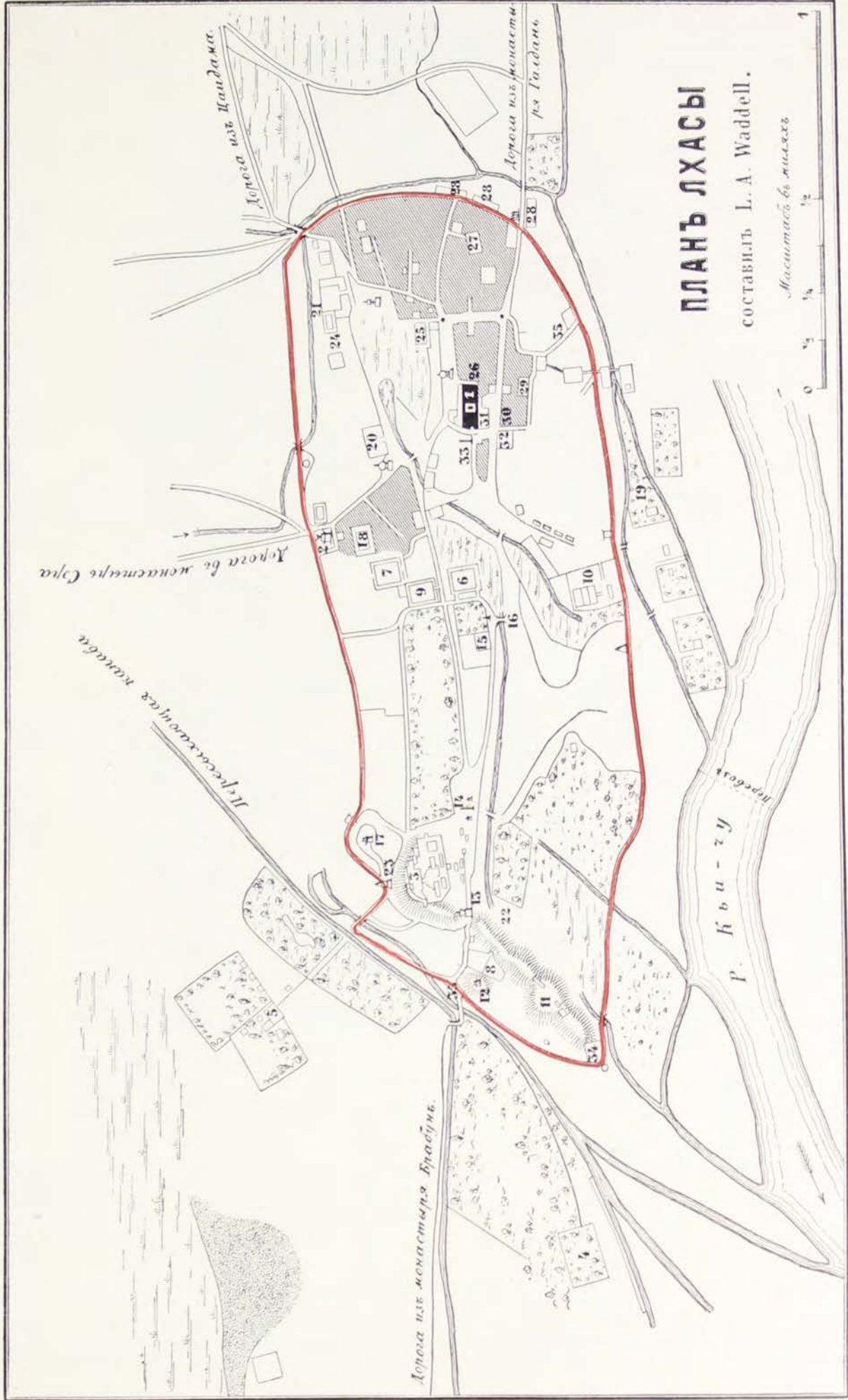
На разрѣзѣ это можно показать такъ:

Вотъ схематическій планъ дома, гдѣ я жилъ.

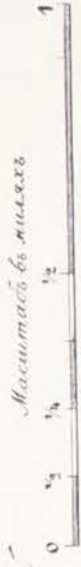
Квартиры въ домахъ по большей части состоятъ изъ двухъ комнатъ: 1) кухни (по-тибетски „рунханъ“), у самаго входа и

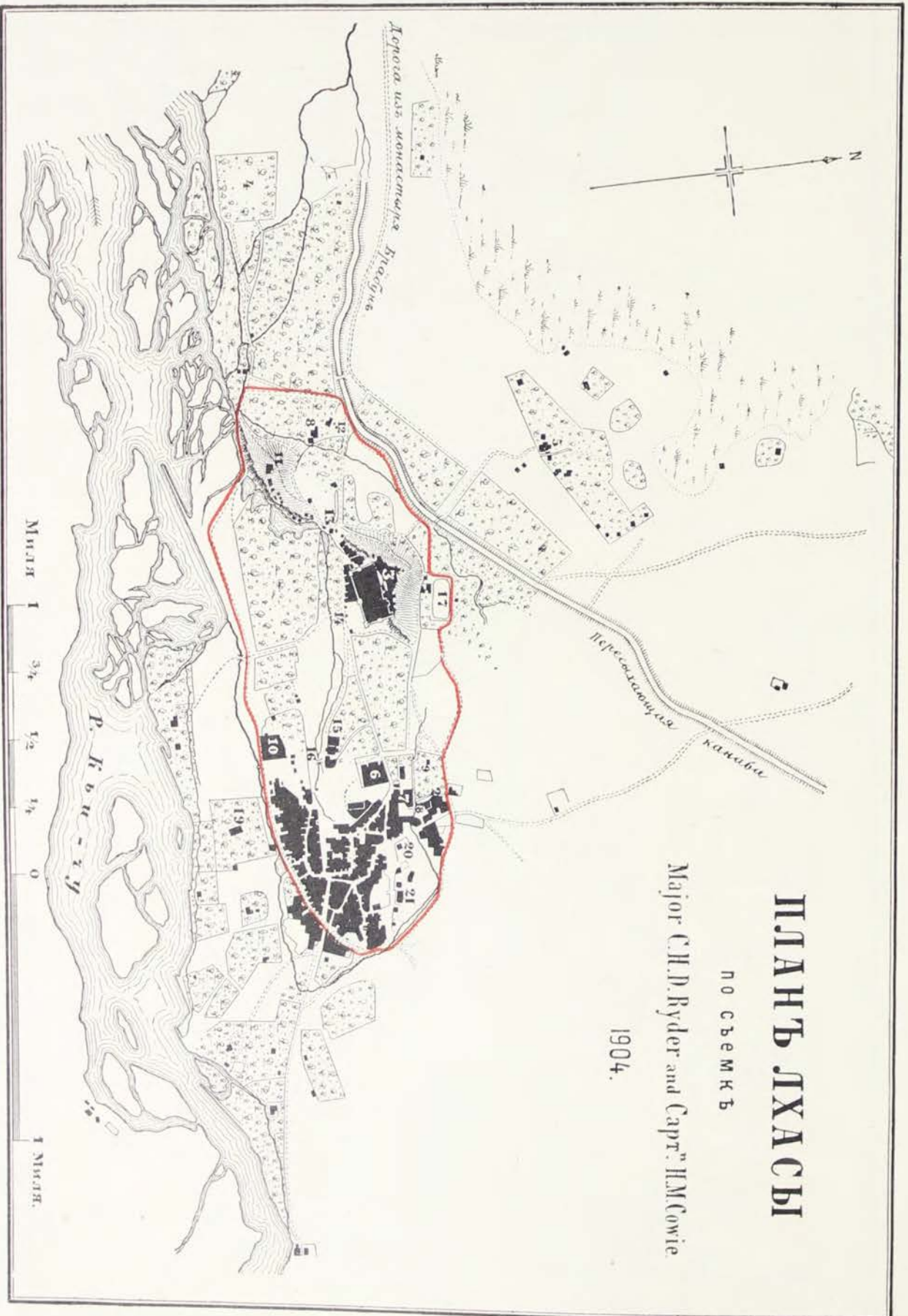

ПЛАНЪ ЛХАСЫ

составилъ Л. А. Waddell.

Масштабъ въ миляхъ

ПЛАНЪ ИХАЦЫ

по съемкѣ

Major С.И.Рыдер and Capt. Н.М.Говие

1904.

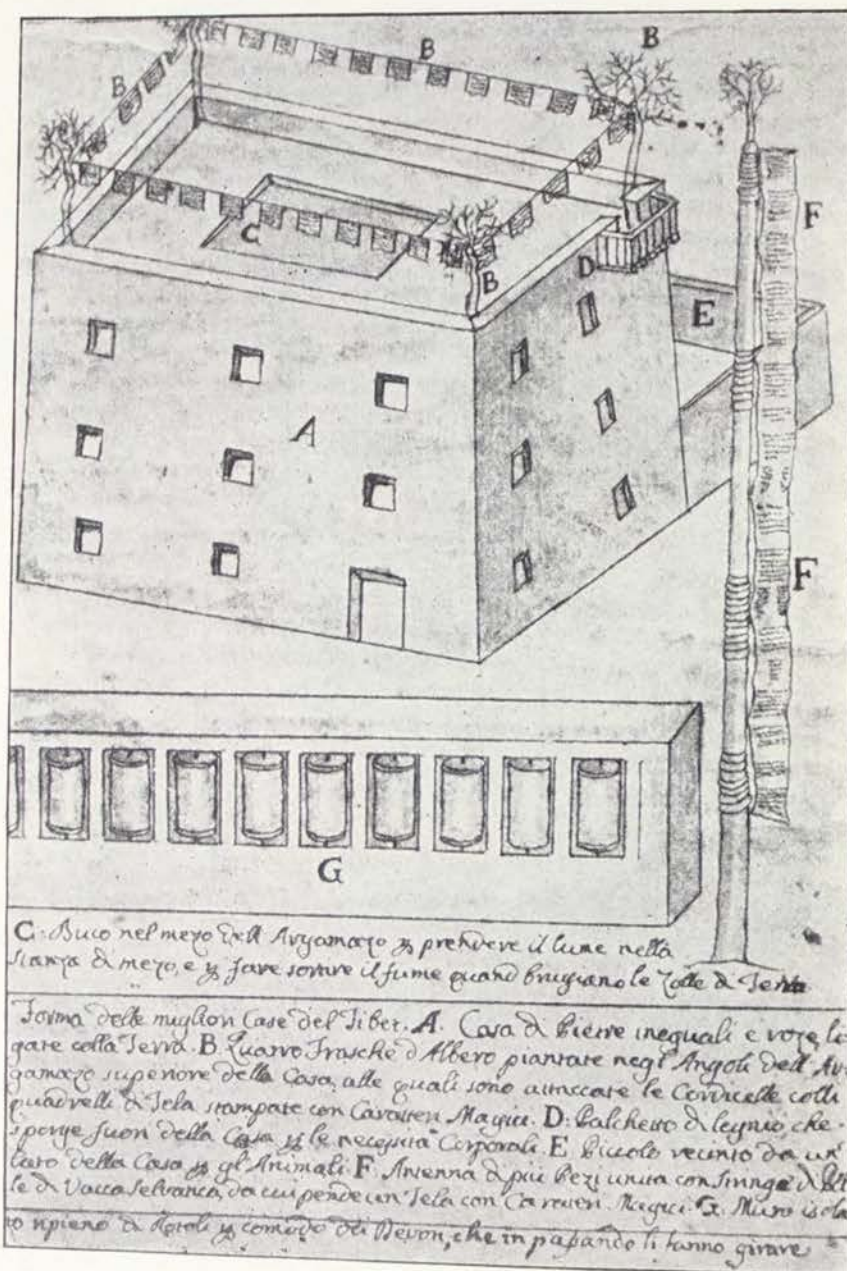

Копія съ „Большого Чжу“.

2) горницы (по-тибетски „симханъ“, т. е. спальни), но много квартиръ и однокомнатныхъ. Вообще должно сказать, что квартиры, ради экономіи мѣста, устраиваются довольно тѣсными. За то и плата сравнительно не велика. Напримѣръ, за квартиру въ двѣ квадратныхъ сажени въ нижнемъ этажѣ платится приблизительно 10 тибетскихъ монетъ (2 рубля на наши деньги), я же лично платилъ 40 мѣстныхъ монетъ въ годъ за квартиру

въ двѣ комнаты, пространствомъ по 4 кв. сажени каждая, въ бель-этажѣ. Крыши—плоскія.

Окна достаточно велики, но, за отсутствіемъ стеколъ, заклеиваются на зиму бумагой мѣстнаго производства или обтяги-

Видъ дома, молитвенныхъ цилиндровъ и молитвенной мачты.

Изъ рукописи капуцина Белигатти, миссіонера XVIII вѣка.

(По фотографіи А. Н. Казнакова).

ваются бѣлымъ каленкоромъ; у нѣкоторыхъ богатыхъ домовъ встрѣчаются рѣшетчатая рамы китайскаго стила. Для огражденія отъ воровъ окна закрываются ставнями съ внутренней стороны.

Полы глинобитные, но въ богатыхъ домахъ встрѣчаются глянцовитые, сдѣланные посредствомъ трамбовки мелкихъ камней вмѣстѣ съ глиной. Потолки поддерживаются колоннами и бал-

ками, на коихъ разложены тонкія жерди. Промежутки между послѣдними закладываются сверху щепками и каменными тонкими плитками для удержанія глинобитной крыши или такого же пола слѣдующаго этажа.

Дымовыя отверстія находятся лишь въ верхнихъ этажахъ и для защиты ихъ отъ дождя надъ ними или устраиваютъ небольшіе навѣсы или въ нихъ вставляютъ горшки безъ дна. Послѣдніе, конечно, только для того, чтобы дождевая вода не размывала отверстій. Дыму же изъ печей нижнихъ этажей предоставляется выходить черезъ окна и двери, что, конечно, не обходится безъ того, чтобы онъ предварительно не наполнилъ кухни.

Спальни не имѣютъ вовсе печей, потому, что сравнительно теплыя зимы позволяютъ обходиться безъ нихъ; нагрѣваются эти комнаты только посредствомъ углей, наложенныхъ въ особыя глиняныя сосуды, называемыя „мэпоръ“.

Въ богатыхъ квартирахъ кухонныя печи имѣютъ трубы, выводящія дымъ наружу по стѣнамъ дома. Такія печи устраиваются въ родѣ печей, предназначенныхъ для топки каменнымъ углемъ, т. е. съ отверстіемъ внизу (поддуваломъ) для лучшей тяги воздуха.

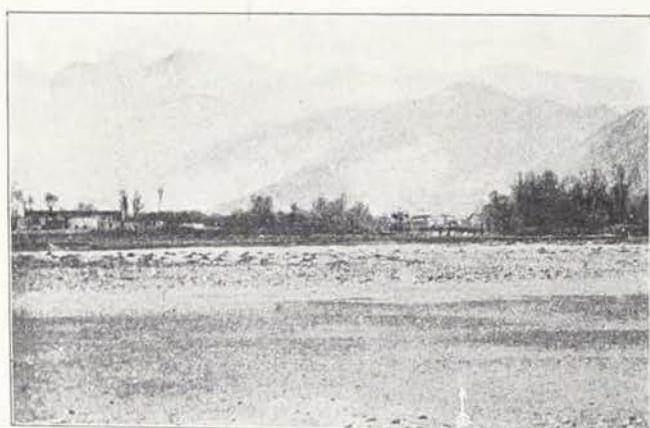
Квартиры нижнихъ этажей отличаются сыростью, потому въ нихъ по необходимости ютится бѣдность или для удобства помѣщаются лавки торговцевъ; верхніе этажи вслѣдствіе сильныхъ дождей часто страдаютъ подтеками съ крыши, слѣдовательно, лучшими являются квартиры среднихъ этажей.

Въ каждомъ порядочномъ домѣ устраивается отхожее мѣсто— В—К на планѣ, Д на рисункѣ Белигатти (Beligatti), одно на весь домъ, для чего избирается обыкновенно верхній этажъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы нечистоты могли стекать на площадь или безлюдную улицу. Впрочемъ тибетцы никогда не стѣсняются отправлять свои естественныя потребности ни мѣстомъ, ни присутствіемъ людей другого пола. Поэтому пройти по излюбленнымъ обывателями улицамъ можно, только крѣпко зажавши носъ и пристально смотря подъ ноги. Содержаніе въ чистотѣ дворовъ и прилежащихъ улицъ лежитъ на обязанности квартирантовъ, надъ которыми въ каждомъ домѣ есть надсмотрщикъ или надсмотрщица, въ родѣ нашихъ старшихъ дворниковъ. Этотъ же надсмотрщикъ завѣдуетъ сдачей въ наемъ квартиръ и сборомъ платы, почему и называется хан-ньеръ.

На обязанности хан-нъеровъ лежитъ окрашиваніе каждую осень (въ октябрѣ) домовъ въ бѣлый цвѣтъ известью. Въ это время бываетъ сухой періодъ года и всѣ жители возобновляютъ окраску домовъ, изрядно смытую лѣтними частыми дождями. Окрашиваніе производится посредствомъ окатыванія ведрами въ нижнихъ частяхъ, а въ верхнихъ краска пускается особыми жолобками, проводимыми подъ самой крышей. Такое окрашиваніе очень неряшливо и неравномѣрно. Только богатые дома, не щадящіе красокъ, бываютъ издали достаточно бѣлы.

Особыхъ названій частей города нѣтъ, если не считать восточную часть города, гдѣ группируются преимущественно торговцы изъ Кама и которая называется „Банак-шодъ“. Другія же части именуются по близъ находящимся извѣстнымъ домамъ или подворьямъ.

2. Храмъ Большого Чжу.

Крыши храма Большого Чжу издали.
(См. стрѣлку).

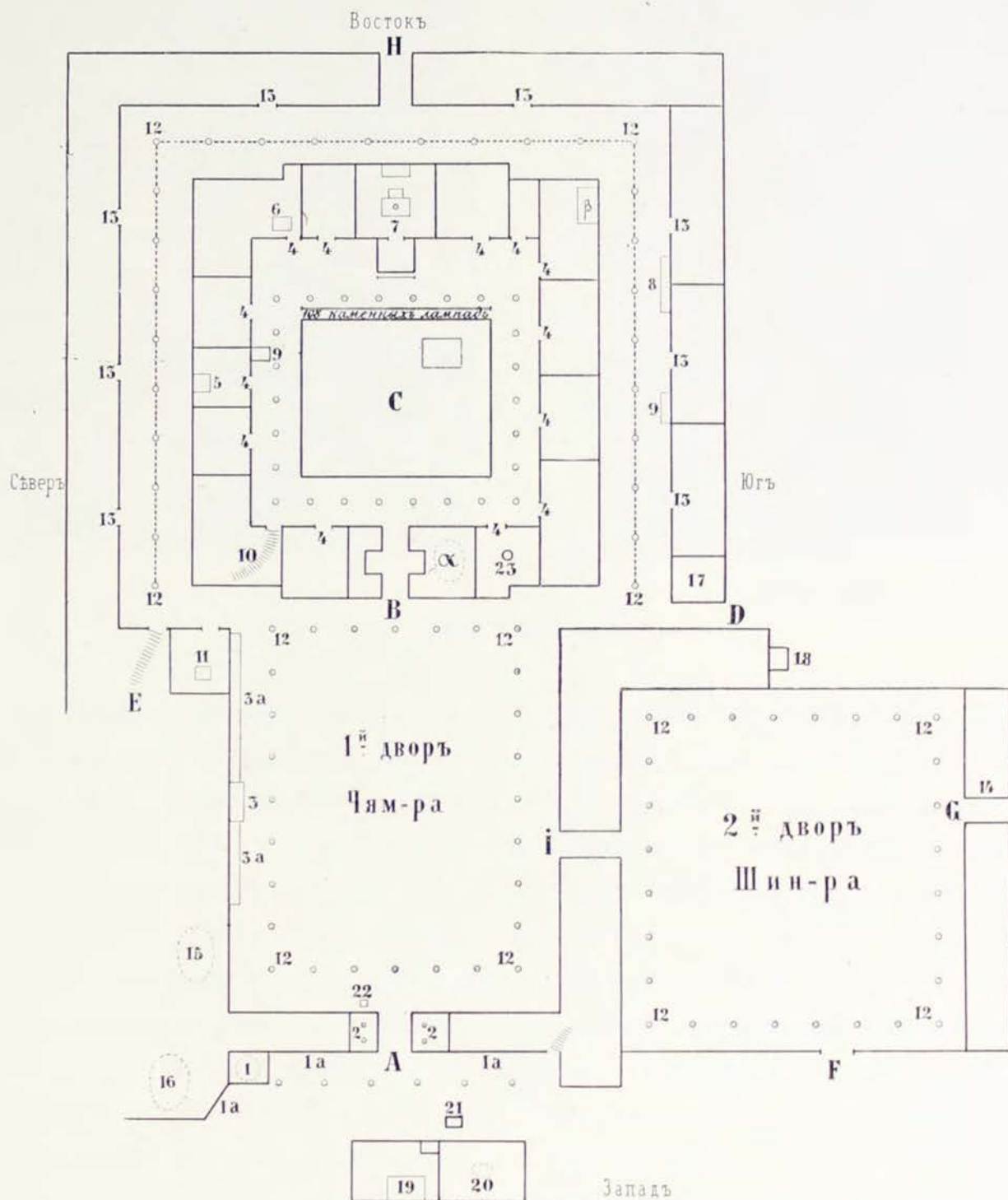
Переходя къ описанію отдѣльных достопримѣчательностей, должно, понятно, поставить на первомъ мѣстѣ храмъ большой статуи Чжу,—главной святыни города (1 плановъ Лхасы).

Онъ находится въ самомъ центрѣ города и составляетъ съ пристройками значительную часть центрального квартала.

Главный фасадъ этого храма обращенъ на западъ.

Подходя къ главнымъ воротамъ съ запада, посѣтитель вступаетъ подъ навѣсъ, поддерживаемый шестью деревянными столбами, подъ которымъ на лѣвой рукѣ въ углу большой молитвенный цилиндръ (1), приводимый во вращеніе нищимъ, специально приставленнымъ къ нему по своего рода конкурсу, такъ какъ должность приноситъ нѣкоторый доходъ. Подъ этимъ же навѣсомъ съ раннего утра до поздней ночи можно встрѣтить поклоняющихся монаховъ и простолюдиновъ. Вся наружная стѣна подъ этимъ навѣсомъ покрыта вставленными

въ нее большими каменными плитами (1,а) исписанными вырѣзанными китайскими текстами. Нѣсколько плитъ находится и на боковой стѣнѣ на лѣвую руку отъ смотрящаго въ ворота.

Схематическій чертежъ плана храма Большого Чжу.

Далѣе, зайдя подъ ворота (А) направо и налѣво въ плохо освѣщенныхъ помѣщеніяхъ (2), за рѣшетчатыми перегородками, онъ увидитъ четыре, обычныхъ для каждаго буддійскаго храма статуи махараджъ (по-тибетски—Чжал-чен-ши—„Четыре великихъ царя“; „Махараджа“—слово санскритское: „Великій царь“). По двѣ статуи съ каждой стороны прохода, обращенныхъ лицами

Вирупакша.

Вирудхака.

МАХАРАДЖИ.

къ проходящему во дворъ, вышиною въ 4—5 аршинъ. Миновавъ ихъ, вступаютъ въ довольно просторный дворъ, именуемый Чям-ра, гдѣ происходятъ богослуженія, требующія большого числа духовенства, главнымъ образомъ во время собранія духовенства окрестныхъ монастырей, именуемаго „Лхаса-мѳн-ламъ“, въ этомъ дворѣ разсаживаются высшіе ученые и старшіе монахи монастыря Брѣбуна. На лѣвую руку отъ вошедшаго, у самыхъ дверей, стоитъ каменная, вышиною около одного аршина тумба (22), на верхнемъ концѣ которой укрѣплено желѣзное приспособленіе для сжиганія воскурений, которыя, повидимому здѣсь уже давно не производились. Тумба эта стоитъ передъ написаннымъ на стѣнѣ изображеніемъ бородатаго героя съ женой и сыномъ, героя, покорившаго Тибетъ и подарившаго его далай-ламѣ. Это монгольскій Гуши-ханъ. Онъ изображенъ бесѣдующимъ съ первымъ банчэн-ринбочэ, своимъ влиятельнымъ современникомъ. Легенда говоритъ, что изображеніе его было воспроизведено здѣсь по приказанію облагодѣтельствованнаго имъ пятаго далай-ламы. Спустя нѣкоторое время оно чудеснымъ образомъ произнесло: „миѣ одному скучно, дайте миѣ собесѣдника“. Тогда къ нему подрисовали банчэна,

Вайшравана.

Дхритараштра.

МАХАРАДЖИ.

которымъ онъ удовлетворился, но еще разъ проявилъ чудесное неудовольствіе по поводу того, что далай-лама при посѣщеніи храма Чжу входитъ чрезъ главныя ворота, заставляя такимъ образомъ „его, старца, вставать очень часто“. Вслѣдствіе этого далай-лама ради того, чтобы не беспокоить старика, донинѣ входитъ чрезъ вторыя западныя ворота (F) и проходитъ далѣе по узкому проходу (I), соединяющему Шѳн-ра съ Чям-ра. Затѣмъ у сѣверной стѣны подъ навѣсомъ устроена высокая каменная каѳедра (З) для возсѣданія далай-ламы, во время помянутыхъ богослуженій, а по обѣ стороны скамейки (За) для настоятелей отдѣльныхъ дацановъ.

Пройдя этотъ дворъ, поклонникъ уже подходитъ къ собственно храму Большого Чжу, нынѣ представляющему квадратное зданіе, каждая сторона котораго равна приблизительно 20 саженьямъ. Внутри его маленькій дворикъ (С), обнесенный невысокой деревянной рѣшеткой и называемый Чилхординъ, т. е. „круговой навѣсъ“. Въ этомъ дворѣ находится большая статуя будды будущаго міра въ обыкновенной позѣ Майтреи (по-тибетски Чжамба) изъ золотистаго металла. Лишь только войти въ этотъ дворъ черезъ единственныя двери (В), обращенныя

на западъ, и начать обходъ, подчиняясь общему обычаю ламантовъ, т. е. посолонь, то въ стѣнахъ встрѣчаются маленькія двери (4), ведущія въ отдѣльныя комнаты со статуями разныхъ

Десятиликий Авалокитешвара.
(Обычный видъ).

божествъ, передъ коими горятъ свѣтильники въ разной величины лампадахъ, между которыми много каменныхъ.

Общее устройство этихъ комнатъ таково. По стѣнамъ на каменныхъ или глиняныхъ скамейкахъ аршина въ $1\frac{1}{2}$ —2 вышины находятся статуи божествъ. Середина комнаты занята

столбомъ, вокругъ котораго размѣщены свѣтильники. Огромное большинство этихъ статуй глиняныя, раскрашенныя въ соответствующіе цвѣта. Лица у многихъ золоченыя.

Не всѣ божества пользуются одинаковымъ почетомъ и по свѣтильнику сразу можетъ отличить болѣе чтимыхъ. Такъ, въ серединѣ сѣверной стѣны находится комната (5) съ бѣльшимъ

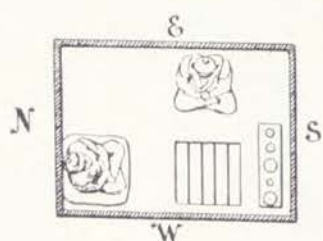
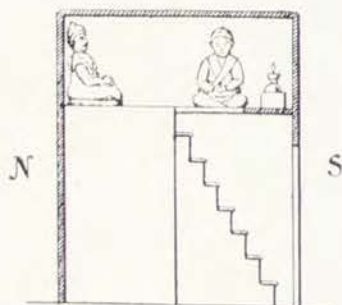

Десятирукій Авалокитешвара.
(Болѣе рѣдкій видъ).

числомъ свѣтильниковъ, среди коихъ находятся 4—5 золотыхъ лампадъ и большія каменныя съ прислуживающими при нихъ ламами. Въ этой комнатѣ помѣщена весьма чтимая статуя десятиликаго Арьябало или Авалокитешвары (по-тибетски Туг-чжэ-чэн-бо „Великомилосердный“, или Чжан-рай-сигъ „Видящій глазами“, перерожденцами котораго считаются далай-ламы. Статую эту, по преданію, слѣпили изъ смѣси разныхъ благовонныхъ травъ по приказу царя Срон-цзан-гамбо и помѣстили въ ней также сандальную статую того же Авалокитешвары,

привезенную изъ Индіи. Къ этому присовокупляютъ еще преданіе, что въ годъ желѣзной собаки, т. е. въ 650 году нашей эры, самъ царь съ двумя супругами, непальской и китайской царевнами, слился съ этой статуей, проникнувъ во внутрь ея. Согласно такому повѣрью, ее принято называть въ литературѣ „Туг-чжэ-чэн-бо ран-чжѳн-нья-данъ“, что значитъ „самопоявившійся, полный пятью Великомилосердный“, подразумѣвая, что она состоитъ: во 1-хъ, изъ главной статуи, во 2-хъ, сандаальной, привезенной изъ Индіи, въ 3-хъ, царя Срон-цзан-гамбо, и въ 4-хъ и 5-хъ, двухъ царицъ, женъ этого царя. Статуя Арьябало, сдѣланная по приказанію Срон-цзан-гамбо въ его именно ростъ, стоитъ на полу и лицо его вровень съ лицомъ человѣка средняго роста.

Далѣе черезъ одну комнату, надъ лѣстницей на антресоляхъ подь самымъ потолкомъ находится большая глиняная и раскрашенная статуя въ платьѣ, Цзонхавы (6), сдѣланная, повидимому, въ натуральную величину еще при жизни самого реформатора ламаизма и сидящая обращенной лицомъ въ южную сторону. Про эту статую говорятъ, что ее сдѣлали по приказанію и указанію еще хана Срон-цзан-гамбо, который-де предсказалъ, что впоследствии явится такой лама, который въ сильной степени распространитъ буддійское вѣроученіе. Когда самъ Цзонхава увидѣлъ ее, то призналъ въ ней самого себя, о чемъ сообщилъ постороннимъ. Тѣ тогда были изумлены дѣй-

ствительно поразительнымъ сходствомъ и воздали почести какъ статуѣ, такъ и самому великому ламѣ. Передъ этой статуей горятъ три золотыхъ свѣтильника и при нихъ постоянно сидитъ лицомъ къ западу монахъ, читающій разныя молитвы Цзонхавѣ.

Еще черезъ одну комнату находится уже главная святыня: статуя Шакьямуни больше человѣческаго роста. Передъ комнатой этой статуи устроена особая площадка, гдѣ висятъ два небольшихъ колокола желтой мѣди (вѣсомъ около 3 фунтовъ каждый). Богомолецъ, прежде чѣмъ войти къ святынь, ударяетъ въ одинъ изъ этихъ колоколовъ деревяннымъ языкомъ, оповѣщая о своемъ приближеніи и увеселяя Будду музыкой.

Статуя Будды находится въ особомъ, открытомъ съ трехъ сторонъ кивотѣ (7), поставленномъ почти по серединѣ квадратной комнаты ($2\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$ сажени). Лицевая сторона кивота совершенно открыта и крыша поддерживается двумя столбиками съ вьющимися вокругъ нихъ драконами, довольно хорошей работы. Передъ нимъ устроены одна ниже другой двѣ длинныя узкія полки (6 чертежа на слѣдующей страницѣ), на коихъ поставлены жертвенныя чаши и, преимущественно, золоченыя лампы (сэргонъ). Полъ этого балдахина-кіота поднять надъ долженъ подняться по ступенькамъ лѣстницъ (7 чертежа), прилѣпленныхъ съ правой и лѣвой стороны статуи къ отверстіямъ (около аршина шириною въ $1\frac{1}{2}$ —2 аршина вышиною) въ боковыхъ стѣнкахъ этого мѣднаго, золоченаго кіота. Обычно богомолецъ подходитъ сначала къ правому колѣну. Внутри кіота, направо отъ входящаго сидитъ лицомъ на югъ (лицо Чжу обращено на западъ), такъ называемый ханьер-чэн-бо, что можно перевести „старшій святильщикъ“ (4

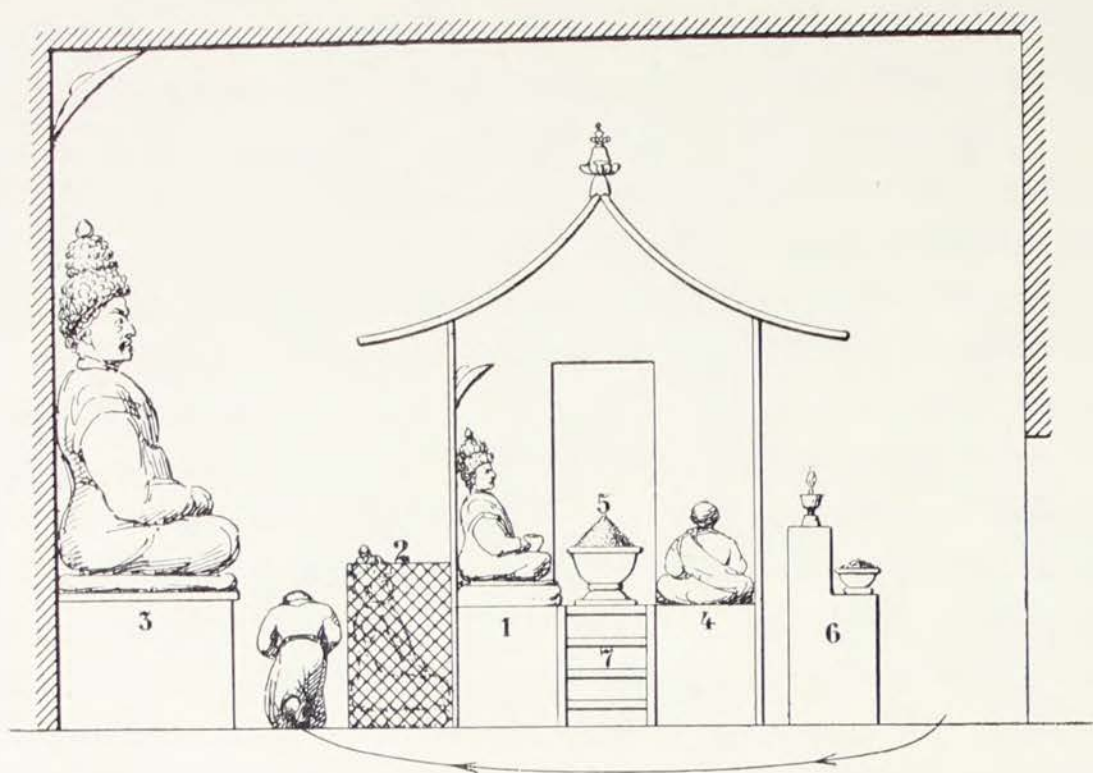
Жертвенная чаша.

Сэргонъ.

поломъ комнаты приблизительно аршина на полтора. Поэтому поклоняющійся, чтобы приложиться къ колѣнамъ статуи (8 чертежа), который почти непрерывно читаетъ молитвы къ Буддѣ и въ то же время слѣдитъ за прикладывающимися богомольцами. Въ дни большихъ праздниковъ, когда богомольцы приносятъ много хадаковъ, налѣво отъ поклоняющагося становится молодой монахъ, который собираетъ хадаки и кладетъ на шею статуи. Когда же ихъ наберется много, онъ снимаетъ ихъ.

Кромѣ чествуемой нынѣ статуи Побѣдоноснаго (Будды) въ этой комнатѣ еще двѣ ея же: одна (3 чертежа) у задней стѣны около полутора сажени вышины лѣпная изъ глины, или же высѣченная изъ камня, другая (2 чертежа), около двухъ аршинъ вышины, позади кивота на полу обращена лицомъ къ кивоту и потому поклоняющійся можетъ видѣть ее лишь сзади и то не всю, такъ какъ она помѣщена за загородкой. Сіи статуи по своему построению и величинѣ находятся въ симметріи съ упомянутой большой статуей. Это обстоятельство невольно вселило во мнѣ мысль, что всѣ три статуи

Чертежъ расположенія статуи въ комнатѣ 7 плана храма.

Будды суть постепенно смѣнившіе другъ друга кумиры религіознаго культа, который съ развитіемъ искусства всегда ищетъ болѣе изящныхъ и дорогихъ изображеній своихъ божествъ. Подтверженіемъ такой же мысли можетъ служить историческое преданіе, рассказываемое въ тибетскихъ сочиненіяхъ, на примѣръ, пятаго далай-ламы „Чжял-рабъ“, „Лондол-ламы“ и др. Въ нихъ говорится, что вслѣдствіе распространившагося слуха, что на Тибетъ идутъ китайцы, поставили Чжу въ южныхъ зеркальныхъ дверяхъ и, облицовавъ (заложивъ) дверь (проходъ), нарисовали тутъ изображеніе Манджушри. Спустя немного, прибыли китайскіе войска и сожгли „Поталаскій дворецъ“. Хотя они не могли унести сокрытаго въ стѣнѣ Чжу-шакья-муни, но увезли на однодневный путь „Мичжод-дорчжэ“. Затѣмъ въ концѣ VІІІ-го столѣтія китайская царица, мать царя Тисрондэвцзана, „вызвала изъ южной зеркальной двери“ Чжу, пребывавшаго въ темнотѣ въ теченіе трехъ царствованій, о чемъ не знали тибетцы, и поставивши посреди храма, принесла жертвы. По стѣнамъ разставлены высокія, приблизительно аршинъ въ пять, статуи, слѣпленныя, повидимому, изъ глины, разныхъ божествъ-геніевъ.

Что касается нынѣ чтимой статуи (1 чертежа), то она сдѣлана изъ мѣди (преданіе называетъ ее золотою), вышиною около

1¹/₂ аршина и изображаетъ великаго учителя въ сидячемъ положеніи, съ опущенной къ колѣну правой рукой и согнутой лѣвой, держащей обычную чашу нищенствующаго монаха (по санскритски—патра, по-тибетски—лхун-сэдъ), но съ другой стороны она отличается отъ знакомыхъ намъ изображеній древняго индійскаго учителя своими болѣе или менѣе роскошными украшеніями. Такъ индійская прическа волосъ прикрыта богатымъ вѣнцомъ (урчжянъ) изъ кованаго золота со вставками изъ драго-и дешевоцѣнныхъ камней; вокругъ шеи и главнымъ образомъ на груди ожерелье (гулчжянъ) въ родѣ пластрона съ большимъ числомъ крупной бирюзы, на груди же вставлена бѣлая цѣльная раковина съ завитками по направленію часовой стрѣлки. Такія раковины называются дун-кар-яй-чилъ, т. е. „бѣлая раковина съ кругами направо“ и цѣнятся очень дорого сравнительно съ раковинами, завитыми въ противоположную сторону. Кромѣ того, на шеѣ висятъ крупныя четки, какъ у китайскихъ мандариновъ. Про эти четки говорятъ, что онѣ первоначально были пожалованы китайскимъ императоромъ минской династіи основателю монастыря Сэра и уже симъ послѣднимъ принесены въ даръ чтимой святыни. Всѣ же остальные изъ упомянутыхъ украшеній были возложены на статую реформаторомъ ламаизма Цзонхавой въ 1409 году, какъ о томъ повѣствуетъ его біографія. На плечи статуи надѣта желтая мантия изъ китайской шелковой матеріи, поверхъ которой черезъ шею перекинуты хадаки разныхъ цвѣтовъ.

Впереди статуи на особой подставкѣ стоитъ вторая чаша (первая на лѣвой рукѣ статуи), наполненная жаренымъ ячменемъ, куда поклонники кладутъ цвѣты, фрукты, монеты и т. п. На этой второй чашѣ ставится такъ называемый „мандалъ“—символическое изображеніе всего міра, съ горою Сумеру посрединѣ и четырьмя мірами вокругъ него. Мандалъ дѣлается изъ различныхъ металловъ: золота, серебра, мѣди и т. п. и представляетъ собою кругъ, среди котораго иногда дѣлается маленькая пирамида съ уступами—долженствующая представлять гору Сумеру. Края круга, которые очень часто бываютъ чеканной работы, загибаются внизъ, образуя какъ бы подставку. На мандалъ кладутъ зерна ячменя, золотыя и серебряныя вещи, драгоценныя камни и т. п., изъ чего образуется особая конусообразная куча. Посредствомъ поднесенія мандала съ молитвой:

„Подношу, направляя въ страну буддъ эти земли, окуренные благовоніями и покрытыя цвѣтами, гору Сумеру съ четырьмя мірами, украшенныя солнцемъ и луной“—и совершенія обряда омовенія „туй“—чествуются въ ламаитскомъ мірѣ особенно чтимыя статуи божествъ, а также и живые святыя.

Въ сѣверо-восточномъ углу одна за другой стоятъ двѣ статуи какихъ то святыхъ, а въ юго-западномъ углу стоитъ

Мандалъ.

постоянно одинъ монахъ, который наливаетъ на подставленную ладонь богомольца „святой воды“, находящейся здѣсь въ большомъ чанѣ. Вода эта собирается въ чанъ изъ маленькихъ жертвенныхъ чашъ, стоящихъ передъ статуей Чжу и наполняемыхъ должно быть водою изъ колодцевъ.

Богомольцы часто приносятъ сюда для освященія статуи и писанья образа божествъ. Статуи ставятся передъ Чжу, а образа вывѣшиваются на западной стѣнѣ, обращенными къ святынѣ. За сутки обычнаго пребыванія ихъ здѣсь платятъ по одной монетѣ со штуки.

Выйдя изъ этой комнаты, встрѣчаемъ, далѣе, такія же комнаты съ разными статуями милостивыхъ и гнѣвныхъ божествъ, но болѣе чтимыя святыни находятся внѣ комнатъ, подъ откры-

тымъ навѣсомъ. Мы говоримъ о статуяхъ хана Срон-цзан-гамбо (8) съ двумя супругами и дѣтьми хана и нерукотворномъ, по преданію, образѣ Манджушри (9) съ мечомъ въ правой рукѣ и книгой на лотосѣ въ лѣвой, нарисованномъ на шероховатой поверхности стѣны.

Говорятъ, что этотъ Манджушри однажды засмѣялся вышеупомянутому Агвану Цзондую, почему онъ и его перерожденцы получили наименованіе Чжамьянъ (тибетское названіе Манджушри) шадба, т. е. „смѣющийся Манджушри“. Еще нельзя не упомянуть о статуѣ пѣвца людскихъ страданій и блаженства, достигшаго всевѣдѣнія, поэта XI вѣка Миларайбы, (9 на сѣверной сторонѣ) изображаемаго истощеннымъ, полунагимъ, съ распущенными волосами, приложившимъ правую руку къ уху. (У ламаитовъ пѣвцы любятъ держаться этой позы). Онъ, по преданію, сдѣлался „буддой“ въ теченіе этой одной жизни. Философы приводятъ его въ примѣръ, утверждая, что человѣкъ, при усердіи, въ одной земной жизни можетъ достигнуть состоянія „будды“. Миларайба, выкрашенный бѣлой краской, сидитъ здѣсь въ прекрасно сдѣланной пещерѣ.

Всѣ промежутки между дверями этихъ отдѣльныхъ комнатъ заняты или статуями, или субурганами, или же молитвенными цилиндрами. Въ послѣдней передъ выходомъ комнатъ находится, между прочимъ, деревянный, въ обхватъ толщины, подпирающій потолокъ, столбъ (d 23), имѣющій, по по-

Царь Срон-цзан-гамбо.

вѣрью, силу исполнять всѣ желанія. Поэтому постоянно можно видѣть, какъ богомолецъ, обхвативъ этотъ столбъ, нашептываетъ ему, какъ тайну, свои желанія.

Затѣмъ по внутренней лѣстницѣ (10), имѣющей входъ съ внутренняго двора въ сѣверо-западномъ углу зданія, поднимаются во второй этажъ, гдѣ поклонники измѣняютъ обычное обхожденіе посолонь, такъ какъ сѣверная и восточная стѣны

Миларайба.

заняты разнымъ старымъ имуществомъ храма. Въ полутемномъ корридорѣ надъ лѣстницей стоятъ нѣсколько большихъ молитвенныхъ цилиндровъ, кои приводятся въ движеніе бѣдными старыми монахинями и монахами (но не монастырскими). Эти вращатели цилиндровъ сопровождаютъ свою ручную работу громкимъ чтеніемъ нараспѣвъ мани или весьма популярной молитвы къ 21-ой Тара. Благочестивые поклонники подаютъ имъ деньги.

Въ этомъ этажѣ также находится нѣсколько

комнатъ, съ разными статуями, въ числѣ коихъ едва-ли не наибольшимъ почетомъ пользуется статуя хана Срон-цзан-гамбо (на планѣ а).
Продолженіе вышеупомянутой лѣстницы (10) ведетъ въ третій этажъ, гдѣ богомольцу предоставлено поклоняться только одной святынѣ „Балдан-Лхамо“ (на планѣ б), каковое названіе въ живой рѣчи звучитъ, скорѣе, Бэлхамо. Эта богиня чувствуется всѣми жителями Лхасы, но въ особенности женщинами, которыя, во всѣхъ случаяхъ душевныхъ тревоженій, обращаются къ этой покровительницѣ. Вслѣдствіе этого передъ

ней постоянно можно встрѣтить много женщинъ и мужчинъ, держащихъ въ рукахъ глиняные или другіе кувшинчики, наполненные ячменнымъ виномъ сэрчжэмъ— „золотой напитокъ“ для возліянія этой богинѣ. Для чтенія молитвъ при этомъ священнодѣйствіи постоянно дежуритъ лама; но едва-ли въ Лхасѣ найдется хоть одна женщина, которая бы не знала положенной молитвы наизусть и не вторила чтецу-ламу, получающему по 10 копѣекъ съ каждаго поклоняющагося съ возліяніемъ.

По столу съ жертвами, стоящему передъ святыней, и по самой статуѣ бѣгаютъ длиннохвостыя мыши, для конхъ въ одеждѣ и углубленіяхъ статуи находятся отличныя гиѣзда, а непрерывно льющееся вино съ щедро разбрасываемыми зернами ячменя доставляютъ неистощимую пищу. Онѣ считаются священными и продажа труповъ издохшихъ изъ нихъ (по 10 копѣекъ каждый), доставляетъ значительный доходъ ламамъ-служителямъ.

Мясо ихъ считается весьма полезнымъ при затруднительныхъ родахъ и поэтому вывозится богомольцами за предѣлы Тибета. Статуя Бэлхамо роскошно украшена и на ней можно найти много драгоценныхъ женскихъ украшеній: какъ-то кіотки для амулетовъ (гау), кольца, серьги и т. п., подаренныя статуѣ благочестивыми владѣтельницами или ихъ наследниками.

Золотое гау.
(Въ Эрмитажѣ).

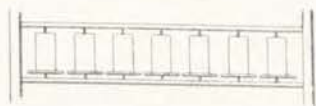
Золотое гау Эрмитажа.
(Въ Эрмитажѣ).

Въ этомъ же, третьемъ, этажѣ, ближе къ восточной сторонѣ, сдѣлано четырехъугольное возвышеніе, на которомъ стоятъ двѣ

большія курильницы, въ которыхъ сжигаются благовонныя травы и хвоя. На это возвышеніе ведетъ небольшая лѣстница, и часто можно видѣть, какъ богомольцы, ставъ на него, приносятъ жертву изъ вина, брызгая во всѣ стороны, обмокнутымъ въ вино небольшимъ пучкомъ травы.

Такая же лѣстница ведетъ на крышу, гдѣ собственно четвертаго этажа нѣтъ, но на юго-восточномъ и юго-западномъ углахъ устроены небольшія комнатки, гдѣ находятся также статуи. Надъ четырьмя главными святынями (5, 7а и 6) одновременно были устроены золоченыя крыши въ китайскомъ вкусѣ, называемыя гѣпи(6ъ).

Внѣ этого главнаго зданія помѣщается еще одна, весьма чтимая, святыня, находящаяся въ отдѣльной комнатѣ (11) въ углу перваго двора, обращенной дверями на востокъ. Эта статуя богини Тары (зеленой, по-тибетски Дол-ма), по преданію, прежде находилась внутри главнаго храма, но монгольскій Гушихань, въ гнѣвѣ за ея молчаніе на его вопросы, повелѣлъ вынести ее вонъ; когда же ее вынесли и дошли до мѣста нынѣшняго ея нахождения, она вдругъ промолвила: „Я останусь здѣсь“. Пораженные такимъ чудомъ, ее оставили на этомъ мѣстѣ и воздали почести, которыя продолжаются и донынѣ. Здѣсь въ различныхъ мѣстахъ тѣсно разставлены и другія статуи, изображающія различныхъ Тара. Главная святыня выдается своей величиной, золоченымъ ликомъ и роскошной драпировкой одежды. По ней также бѣгаетъ множество сѣренькихъ мышей, одинаковыхъ съ тѣми, что бѣгаютъ по Балхамо, но онѣ, повидимому, не считаются священными. Въ этой комнатѣ, налѣво отъ статуи, постоянно находятся два-три монаха, читающихъ молитвы и пристающихъ къ богомольцамъ съ просьбой о денежной подачкѣ.

Молитвенные цилиндры.

Приложившись къ этой статуѣ, богомольецъ обыкновенно дѣлаетъ обходъ главнаго храма, проходя подъ навѣсомъ, поддерживаемымъ рядомъ деревянныхъ столбовъ (12), между коими сплошь установлены небольшіе деревянные молитвенные цилиндры, которые приводятся во вращеніе богомольцами посредствомъ крестообразнаго приспособленія, придѣланнаго къ нижней части ихъ или же выступами граней. Стѣны по лѣвую

руку, равно какъ и наружныя стѣны главнаго зданія, разукрашены изображеніями различныхъ божествъ и религіозныхъ процессій. Двери же по лѣвую руку (13), ведущія въ комнаты со статуями различныхъ божествъ, открываются для публики только однажды въ годъ (15-го числа IV-ой луны).

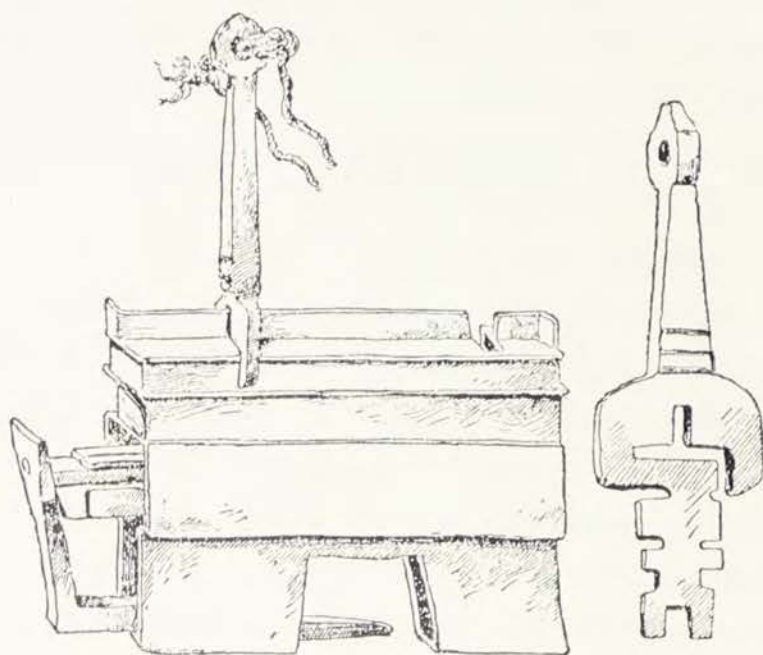
Обходомъ вокругъ главнаго храма оканчивается обычное поклоненіе богомольцевъ, но для полноты описанія всѣхъ зданій, мы должны упомянуть, что, пройдя изъ перваго двора черезъ ворота (I), попадаютъ въ другой, какъ бы второстепенный дворъ, именуемый шин-ра (дровяной дворъ), гдѣ разсаживаются духовные младшихъ курсовъ монастыря Брэйбунъ во время „Лхаса-мѳнламъ“. Въ этомъ дворѣ въ юго-восточномъ углу находится кухня (14), кормящая чаемъ и похлебкой около 20 тысячъ народа во время упомянутаго собранія. Во второмъ этажѣ этого двора помѣщается администрація того же собранія, о чемъ будетъ упомянуто немного ниже.

Въ эти дворы ведутъ шесть воротъ (A, E, H, D, G и F). Здѣсь сосредоточены не только главныя святыни, но и главныя присутственныя мѣста. Такъ, въ сѣверо-западномъ углу (16) помѣщается временный дворецъ далай-ламы, на время его пребыванія въ (Лхасѣ) городѣ, затѣмъ надъ воротами (D) высшее судилище гашягъ (17), гдѣ происходятъ совѣщанія четырехъ галоновъ, а подлѣ временнаго дворца—казначейство (15) этого дворца и много другихъ построекъ, для храненія казеннаго имущества.

Для довершенія описанія этихъ зданій, скажемъ, что на южной сторонѣ, на площадкѣ, гдѣ происходятъ диспуты духовныхъ, устроено значительное возвышеніе—сѣдалище (18) для далай-ламы.

Передъ главными воротами (A) находится старинный, извѣстный „до-ринъ“ (21) (буквально „длинный камень“), каменная колонна, исписанная текстомъ договора между китайскимъ императоромъ и тибетскимъ царемъ Адаг-ти-Рал-па-чаномъ, который жилъ въ концѣ 9-го и началѣ 10-го вѣка. Царь этотъ отличался покровительствомъ буддизму и велъ войну съ Китаемъ. Распря между ними была улажена китайскимъ хэшаномъ и тибетскимъ ламой, явившимися примирителями воюющихъ. Въ знакъ установленія дружбы между Китаемъ и Тибетомъ, былъ заключенъ клятвенный договоръ, который былъ написанъ на

трехъ каменныхъ колоннахъ, одной изъ коихъ является этотъ „доринъ“. Колонна эта представляетъ тесанную плиту шириною около одного аршина и вышиной около $1\frac{1}{2}$ сажени съ небольшимъ расширеніемъ наверху, гдѣ сдѣланъ родъ украшенія посредствомъ закругленія верхняго конца. Колонна эта врыта въ землю. Китайскій текстъ этой колонны попорченъ тибетцами, которые просверлили на немъ массу углубленій своими руками и, повидимому, также и камнями, считая это за какое-то богоугодное дѣло. Позади этого дорина, т. е. рядомъ на западной сторонѣ, стоитъ дерево (20), называемое „коралловымъ“. Дерево это окружено оградой, на западной сто-

Тибетскій желѣзный замокъ.

(По W. Woodville Rockhill).

ронѣ которой вставлены плиты съ барельефными изображеніями разныхъ божествъ, къ коимъ прикладываются богомольцы.

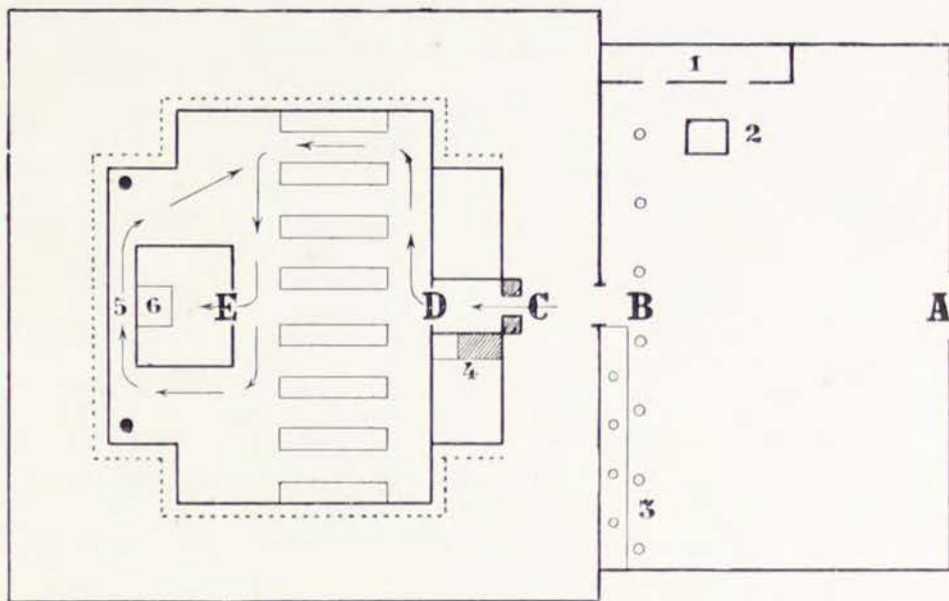
Ограда эта продолжена далѣе на сѣверъ и здѣсь находится другая колонна (19), которая, повидимому, поставлена изъ почтенія къ храму Чжу. Видѣть эту колонну изъ-за ограды нельзя.

Для поклоненій богомольцевъ храмъ большо-

го Чжу открывается трижды въ день: рано утромъ, въ полдень и вечеромъ. Богомольцы, становясь другъ за другомъ по очереди прихода, составляютъ длинную цѣпь, подвигающуюся впередъ, заходя во всѣ комнаты со статуями буддъ. Многіе изъ нихъ носятъ въ рукахъ зажженные свѣтильники или топлениое коровье масло въ кастрюляхъ. Изъ тѣхъ и другихъ сосудовъ подбавляютъ по нѣсколько капель въ каждый свѣтильникъ передъ статуями. Налить же масло въ золотыя лампы разрѣшается только по внесеніи установленной таксы—одной тибетской монеты (20 копѣекъ). Приносить и возжигать курительныя свѣчи здѣсь запрещено.

3. Храмъ „Малаго Чжу“ или Ра-мочэ.

Большую статую считаютъ привезенною китайскою царевною и помещенною въ храмъ, предназначенномъ для статуи Багавана (Будды), привезенной изъ Непала. Эта послѣдняя находится въ особомъ храмѣ на сѣверномъ краю города и именуется, какъ сказано выше, „Чжу-ра-мочэ“. Зданіе обращено фасадомъ на востокъ и отличается значительно меньшими размѣрами, чѣмъ храмъ большого Чжу.

Планъ храма Ра-мочэ.

Войдя въ ворота (А), вступаютъ въ пустой дворъ, гдѣ только на правой рукѣ видны кухня (1) и колодець (2), а прямо небольшія ворота, направо отъ конхъ (а отъ входящагоhalbво) подѣ навѣсомъ за деревянною перегородкой видны статуи четырехъ махараджей (3). Тутъ подѣ потолкомъ нѣчто похожее на шкуру громадной змѣи. Вслѣдствіе большого слоя пыли, осѣвшей на нее, и вообще значительной ветхости нельзя разобрать хорошо, что это такое, но мѣстные жители увѣряютъ, что это—шкура змѣи, посланной врагами „желтой вѣры“ для истребленія духовенства, но, убитой хранителями ученія прежде, чѣмъ достигла своей цѣли. Она ползла къ Лхасѣ съ сѣверо-запада чрезъ гору, которая видна изъ монастыря Сэра. На вершинѣ этой горы замѣтна желтая песчаная линія въ родѣ дороги, которая образовалась будто бы отъ прохода змѣи.

Затѣмъ, пройдя еще ворота (В), посѣтитель оказывается передъ наружными дверями храма и, войдя въ нихъ, на лѣвую

руку отъ себя видитъ темную, освѣщенную лампадами, комнату (4), откуда почти постоянно бываетъ слышенъ голосъ чтеца молитвъ, прерываемый ударами въ музыкальные инструменты и звуки трубы. Здѣсь чувствуется духъ-хранитель этого храма. По открытіи слѣдующихъ дверей (D), внутренность

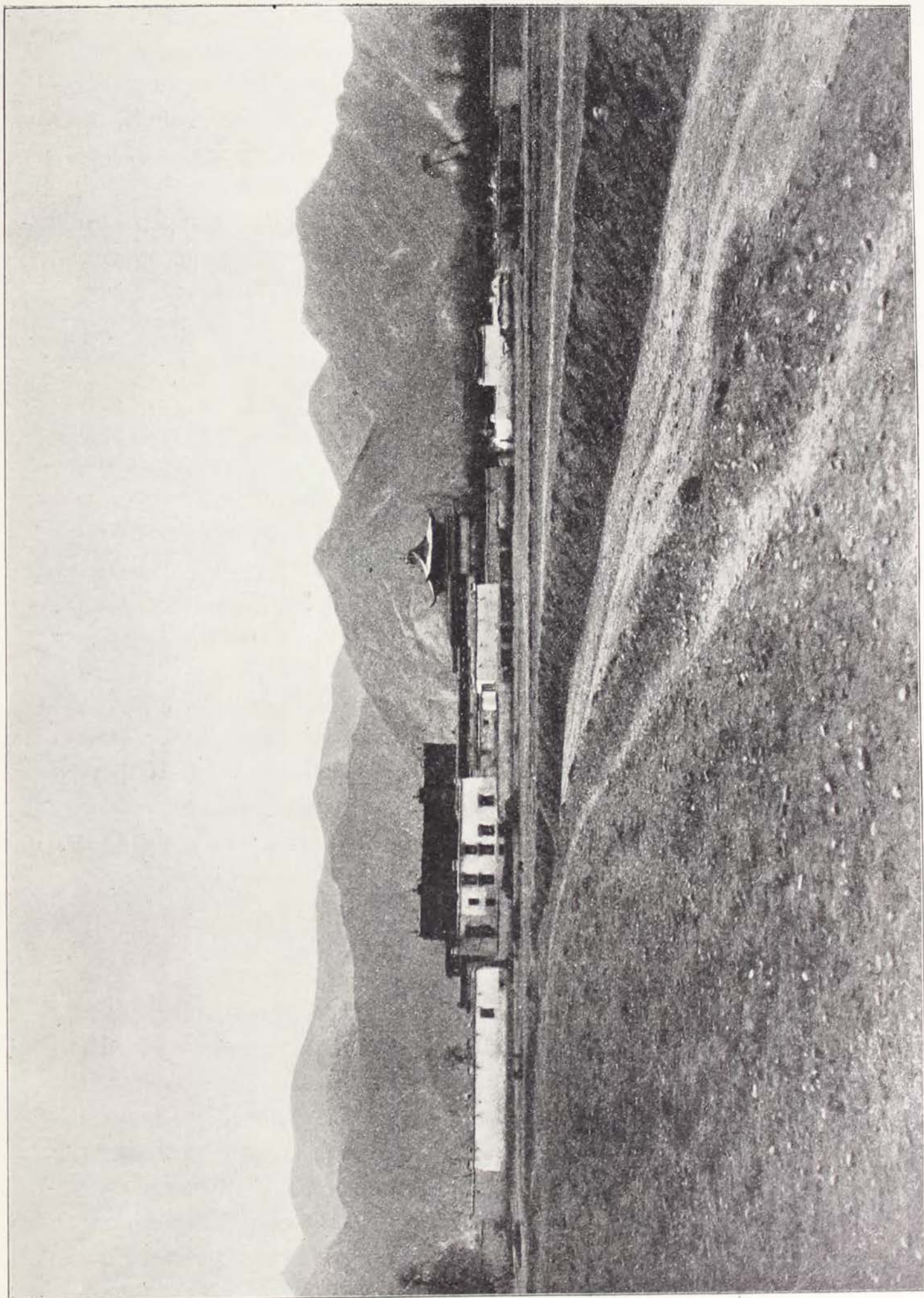

„Путь змѣи“ черезъ гору.

храма представляетъ обычный ламантскій дуганъ съ рядами длинныхъ скамеекъ для сидѣнія духовенства дацана Чжюд-додъ, о которомъ будетъ сказано ниже. Въ задней части храма устроена небольшая комната съ дверями (E) изъ желѣзныхъ колецъ, составляющихъ сѣть.

Въ этой комнатѣ на высокомъ сѣдалищѣ сидитъ статуя Чжу, изо-

бражающая Будду въ восьмилѣтнемъ возрастѣ. Статую эту называютъ также Чжово Ми-чжод-дорчжэ. Легенда говоритъ что когда тибетскій ханъ Срон-цзан-гамбо послалъ непальскому хану, многочисленныхъ пословъ, во главѣ съ „Искуснымъ сановникомъ“ (Лонбо-гарь) и царевна, Лха-чжиг-тибцзунъ, перерожденка „Гнѣвной“ (т. е. Тары) выходила замужъ (за хана Срон-цзан-гамбо), то Ти-бцзунъ обратилась къ своему отцу со словами: „Если я отправлюсь въ такую далекую (непросвѣщенную) страну, то въ святыни для приобрѣтенія моихъ добродѣтелей прошу дать мнѣ Шакьямуни, предметъ чествованія моего отца“. Въ отвѣтъ на это отецъ объяснилъ происхожденіе этой статуи, сказавъ, что когда Чжя-чжинъ (Хормузда), сдѣлавшись милостынедателемъ, поставилъ статую размѣрами тѣла восьмилѣтняго Побѣдоноснаго (Будды), то самъ Будда освятилъ ее. Эта статуя во время пути въ Тибетъ въ тѣснинахъ, гдѣ скалы борются съ водою, шла на своихъ ногахъ, а также испускала лучи свѣта. Она, по преданію, лѣплена изъ разныхъ драгоценностей чудесными мастерами. При этомъ, главнѣйшая составная часть глина. Статуя облачена въ мантию, а лицо вызолочено. Цзонхава, одновременно съ украшеніемъ большой статуи Чжу, не оставилъ безъ такихъ же украшеній

Храмъ Ра-мочэ (съ китайской кровлей) и домъ Галдан-кансарь (темное здание).

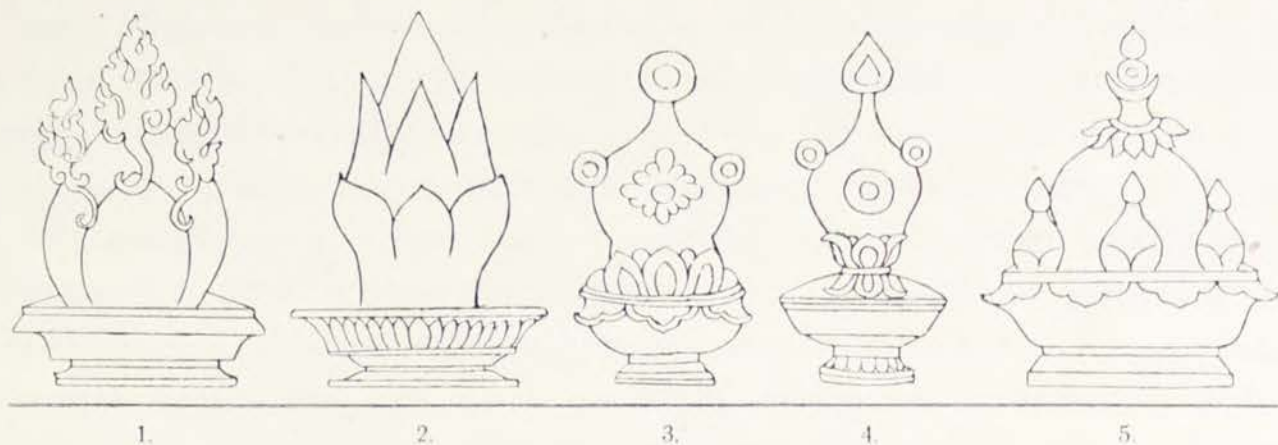
и этого кумира, но они сдѣланы изъ серебра, а не изъ золота, какъ у большого Чжу. Эта статуя, повидимому, пользуется меньшими почестями у современныхъ поклонниковъ: передъ нею меньше свѣтильниковъ и также поклоняющихся, чѣмъ у большой статуи. Выйдя изъ комнаты статуи, богомолецъ можетъ, по общему обычаю, обойти эту комнату по узкому проходу (F), удобному только для одного человѣка и выйти, затѣмъ, по прежней дорогѣ наружу. Здѣсь онъ также обходитъ храмъ по-солонь, причемъ можетъ приводить во вращеніе многочисленные цилиндры, поставленные вокругъ стѣнъ, расписанныхъ прекрасною (по мѣстному) религіозною живописью. Надъ храмомъ, или точнѣе надъ комнатой статуи Чжу, находится золоченая крыша въ китайскомъ стилѣ.

Всѣ статуи обоихъ храмовъ помѣщаются въ темныхъ комнатахъ, такъ какъ въ наружныхъ стѣнахъ нѣтъ оконъ, вѣроятно, во избѣжаніе возможности проникновенія во внутрь воровъ. Комнаты эти освѣщаются главнымъ образомъ свѣтильниками и въ меньшей степени свѣтомъ, проникающимъ черезъ небольшія двери. Для свѣтильниковъ употребляется исключительно коровье топленое масло, наливаемое въ различнѣйшихъ величинъ лампы, имѣющія въ діаметрѣ отъ одного вершка до одного аршина, сдѣланныя изъ золота, или серебра, или красной и желтой мѣди, или выдолбленныя изъ камня. Въ большія лампы вставляется по нѣсколько фитилей. Посѣтитель ламаистскихъ святынь Монголіи и Тибета нигдѣ, въ другомъ мѣстѣ, не увидитъ такого обилія свѣтильниковъ, какъ въ храмахъ обоихъ Чжу.

4. Поклоненіе святынямъ.

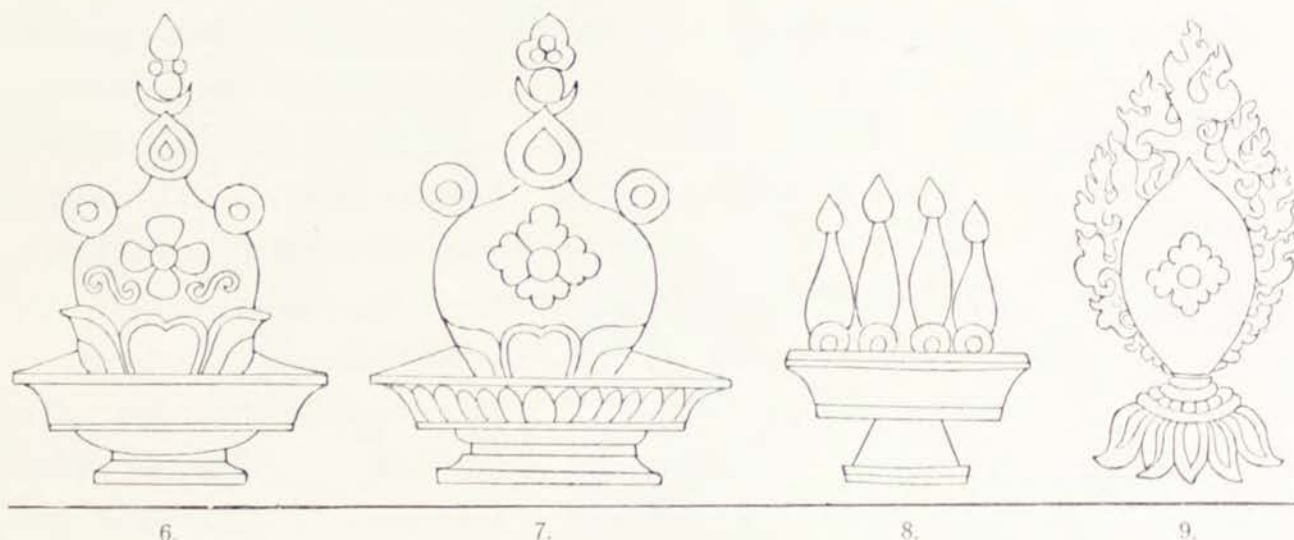
Чествованія и поклоненія этимъ двумъ святынямъ бывають слѣдующихъ родовъ: 1) Простое прикладываніе лбомъ къ правому колѣну статуи. При прикладываніи къ лѣвому колѣну, богомольцы шепотомъ высказываютъ свои желанія. Прикладываніе къ лѣвому колѣну малаго Чжу сопряжено съ представленіемъ особой лѣстницы за плату въ размѣрѣ половины тибетской монеты. 2) Поклоненіе со своими лампадами, кои носятъ въ своихъ рукахъ и масло ихъ подливаютъ въ свѣтильники, причемъ масло можно носить и въ кастрюляхъ. 3) Поклоненіе

съ наполненіемъ золотыхъ лампадъ, что, кромѣ принесеннаго масла, требуетъ, какъ сказано выше, платы по одной тибетской монетѣ за каждую лампаду. 4) Поклоненіе съ подношеніемъ

Балины для разныхъ божествъ.

золота ликамъ сихъ статуй. Дѣло въ томъ, что вообще лики всѣхъ здѣшнихъ статуй красятся золотымъ порошкомъ, разведеннымъ въ водѣ съ клеемъ. Такой порошокъ изготовляется непальскими мастерами и продается въ видѣ маленькихъ круглыхъ лепешекъ на вѣсъ тибетской монеты, причемъ за золото

Балины для разныхъ божествъ.

вѣсомъ въ одну монету платится 27—28 монетъ, т. е. цинъ золота стоитъ около 3 лановъ. Червонное золото въ слиткахъ продается $3\frac{1}{2}$ —4 лана за цинъ, слѣдовательно порошокъ въ лепешкахъ содержитъ значительную долю клея, а можетъ быть еще какой-нибудь смѣси, что удешевляетъ его цѣну. Богомолецъ помимо своего золота долженъ уплатить казенному богомазу $3\frac{1}{3}$ монеты, да прислужнику при статуѣ 2 монеты. 5) Поклоненіе съ поднесеніемъ чжа-чодъ, т. е. „ста жертвъ“,

состоящихъ изъ ста лампадъ малыхъ размѣровъ и ста небольшихъ балиновъ, фигуръ изъ тѣста, цзамбы. При этомъ лампы и балины готовятся на дому и будучи принесены въ храмъ, ставятся на полу передъ дверями той комнаты, гдѣ стоитъ божество, которому они предназначены. За мѣсто, занимаемое этими жертвами, а также ламами, приглашенными для чтенія установленной молитвы, взывается по 1 тибетской монетѣ съ каждой сотни лампадъ. Для чтенія же молитвъ принято приглашать ламъ или лично знакомыхъ, или принадлежащихъ къ одной общинѣ съ жертвоприносителемъ. 6) Поклоненіе съ подношеніемъ тысячи жертвъ дѣн-чѣдъ, состоящихъ изъ тысячи свѣтильниковъ и тысячи балиновъ, для приготовления коихъ особому завѣдующему или, вѣрнѣе, откупщику этихъ жертвоприношеній платится порядочная сумма (около 200 руб. на наши деньги). Для чтенія установленныхъ молитвъ приглашаютъ всѣхъ или часть духовныхъ одного изъ дацановъ Чжюдъ. Размѣръ платы духовнымъ зависитъ отъ воли жертвоприносителя, но обыкновенно не менѣе одной тибетской монеты на каждого простого монаха. 7) Человѣкъ, не вѣрующій въ силу разныхъ жертвоприношеній, едва ли не найдетъ самымъ полезнымъ

Поклоненіе въ растяжку.

поклоненія въ растяжку передъ главными воротами святынь. Поклоненія эти состоятъ въ томъ, что совершающій ихъ складываетъ ладони и подноситъ ихъ ко лбу, затѣмъ, опустивъ руки, опускается на колѣни и протягиваетъ руки впередъ и весь растягивается ничкомъ, какъ бы измѣряя на землѣ свою са-

жень, потомъ встаетъ и повторяетъ тоже самое. Такъ какъ поклонникъ обыкновенно стремится совершить сто тысячъ поклоновъ, то такое обстоятельство обращаетъ поклоненія въ машинальную работу съ веденіемъ счета по четкамъ. Хотя паденіе всѣмъ тѣломъ сразу, т. е. со своего рода самоистязаніемъ, и считается болѣе добродѣтельнымъ, но большинство поклонниковъ опу-

скаются сначала на колѣни, затѣмъ на руки и т. д. Во избѣжаніе ссадинъ многіе подкладываютъ подъ ладони тряпки или спеціально приготовленныя подушечки. У дверей большого Чжу во всякое время можно встрѣтить не менѣе десятка такихъ поклонниковъ. Подобная гимнастика едва ли не приноситъ значительной пользы для укрѣпленія здоровья. Съ подобными же поклонами многіе обходятъ Лхасу по внѣшней круговой дорогѣ (Лин-хоръ); есть и такіе, которые доходятъ до Дашій-лхунбо; хотя изрѣдка, но находятся и обладающіе такимъ усердіемъ и настойчивостью, что доходятъ непрерывными поклонами до столицы Непала, въ окрестностяхъ коей находится весьма чтимый ламаитами субурганъ „Чжя-ронхашоръ“. При такихъ трудныхъ поклоненіяхъ на ладони рукъ надѣваютъ небольшія дощечки, а на колѣни и грудь кожаный фартукъ.

Конечно, у читателя явится вопросъ, кому же идутъ доходы съ этихъ двухъ храмовъ, доходы, которые должны быть значительны? Они всецѣло поступаютъ въ доходъ надсмотрщиковъ. Дѣло въ томъ, что, въ силу когда-то приобрѣтенныхъ правъ, надзоръ за храмомъ большого Чжу принадлежитъ духовенству дацана Лосалинъ въ Бройбунѣ, а малаго — духовенству дацана Чжюд-додъ. Не знаю, какъ устанавливается этотъ надзоръ среди духовенства послѣдняго; но Лосалинъ сдаетъ этотъ надзоръ какому-нибудь своему богатому члену, за известную откупную сумму. Откупщикъ содержитъ отъ себя всѣхъ своихъ помощниковъ. Вообще въ монастыряхъ очень практикуется образованіе своего рода артелей. Какой-нибудь вліятельный лама собираетъ себѣ прислужниковъ, соединяя свое имущество съ ихнимъ. Доходы составляютъ также ихъ общую собственность.

5. Потала—дворецъ далай-ламы и его окрестности.

Продолжая описаніе достопримѣчательностей Лхасы, мы переходимъ къ описанію мѣстопребыванія другой святыни, уже живой, которая въ глазахъ набожныхъ стоитъ едва ли ниже статуи основателя буддизма. Мы говоримъ о дворцѣ далай-ламы, хотя онъ находится почти въ одной верстѣ на западъ отъ города.

Дворецъ этотъ, внѣ всякаго сомнѣнія, является самымъ замѣчательнымъ зданіемъ не только Лхасы, но и всего Тибета. Полное названіе его Ду-цзин-ньибій-побранъ Потала, что въ переводѣ значитъ „Потала, дворецъ второго кормчаго“. Основаніе этого дворца, какъ мы имѣли уже случай упомянуть, приписываютъ царю Срон-цзап-гамбо. Несомнѣнно одно, что на этой скалѣ, именуемой почему-то Марбо-ри, т. е. „Красной горой“, находился замокъ прежнихъ владѣтелей, испытавшій, можетъ быть, много превратностей судьбы, сообразно съ перемѣной счастья мелкихъ удѣльныхъ князей. Наконецъ, въ серединѣ XVII-го столѣтія Потала дѣлается резиденціей пятого далай-ламы, знаменитаго Лобсан-чжямцо, который приобрѣлъ первенствующую власть въ Тибетѣ.

Къ его времени относится постройка главныхъ частей дворца и отдѣлка прежнихъ зданій. Народное преданіе вспоминаетъ о томъ тяжеломъ времени для тибетскихъ престолю-

Потала по рисунку іезуита Грюбера, посѣтившаго Лхасу въ Октябрѣ 1661 года.

Потала съ юго-запада.

(По фотографіи въ книгѣ P. Millington „To Lhasa at last“)

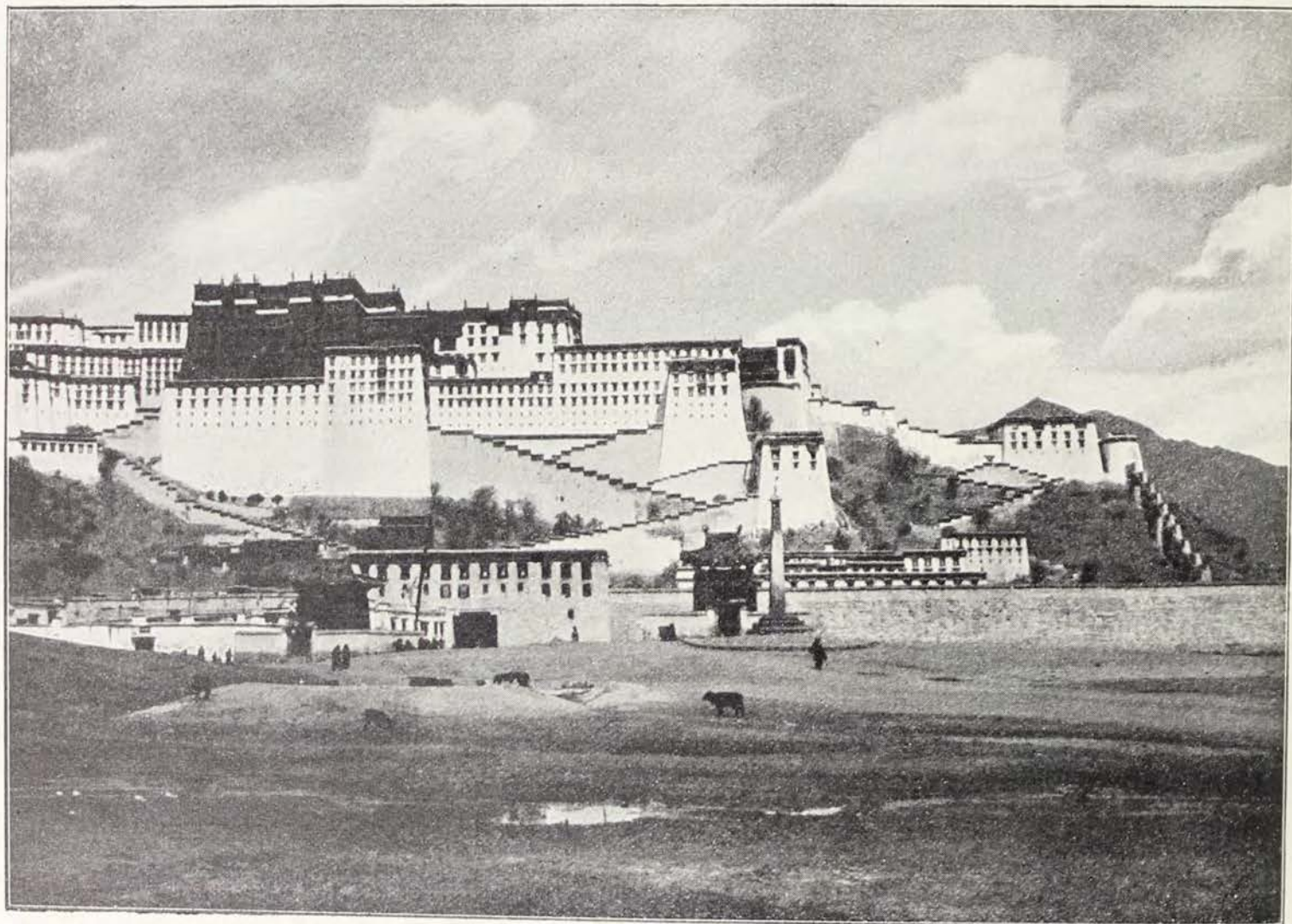
диновъ, когда они, какъ рабы, строили сей дворецъ въ теченіе десятковъ лѣтъ. По этому преданію, для воодушевленія изнемогавшихъ подъ тяжелымъ трудомъ рабочихъ, находчивый далай-лама составилъ пѣсню, которую поютъ чернорабочіе и донинѣ. Еще рассказываютъ, что смерть застала пятого далай-ламу, когда дворецъ не былъ оконченъ, почему правитель дѣлъ и приближенный сотрудникъ его, Санчжай-чжямцо, скрывалъ отъ народа смерть своего патрона въ теченіе 16 лѣтъ, будто бы только съ тою цѣлью, чтобы тибетцы, потерявъ вліятельнѣйшаго своего главу, не бросили бы постройки, которая требовала большихъ затратъ и труда.

Построенный, такимъ образомъ, дворецъ представляетъ цѣлый кварталъ на южномъ склонѣ скалистой горки и имѣеть въ длину, по глазомѣрному опредѣленію, почти 200 саженей. Лицевая сторона окружена стѣной, которая въ нѣсколькихъ мѣстахъ замѣнена постройками.

Главный дворецъ построенъ на вершинѣ горки; архитектура его обще-тибетскаго стиля и основаніе заложено, сообразуясь съ природой самихъ скалъ, т. е. не затрагивая выступовъ и только заполняя углубленія. Довольно красивый видъ дворца съ лицевой (южной) стороны, однако, значительно исчезаетъ съ

боковъ и еще болѣе сзади, гдѣ къ непривлекательности заднихъ стѣнъ зданій присоединяются отбросы человѣческаго организма, въ изобиліи стекающіе изъ отверстій клозетовъ.

Во дворецъ ведутъ три каменныхъ лѣстницы съ лицевой стороны и двѣ дороги съ сѣверо-запада и сѣверо-востока. Впрочемъ, дойдя до круглаго двора, послѣднія обращаются въ лѣст-

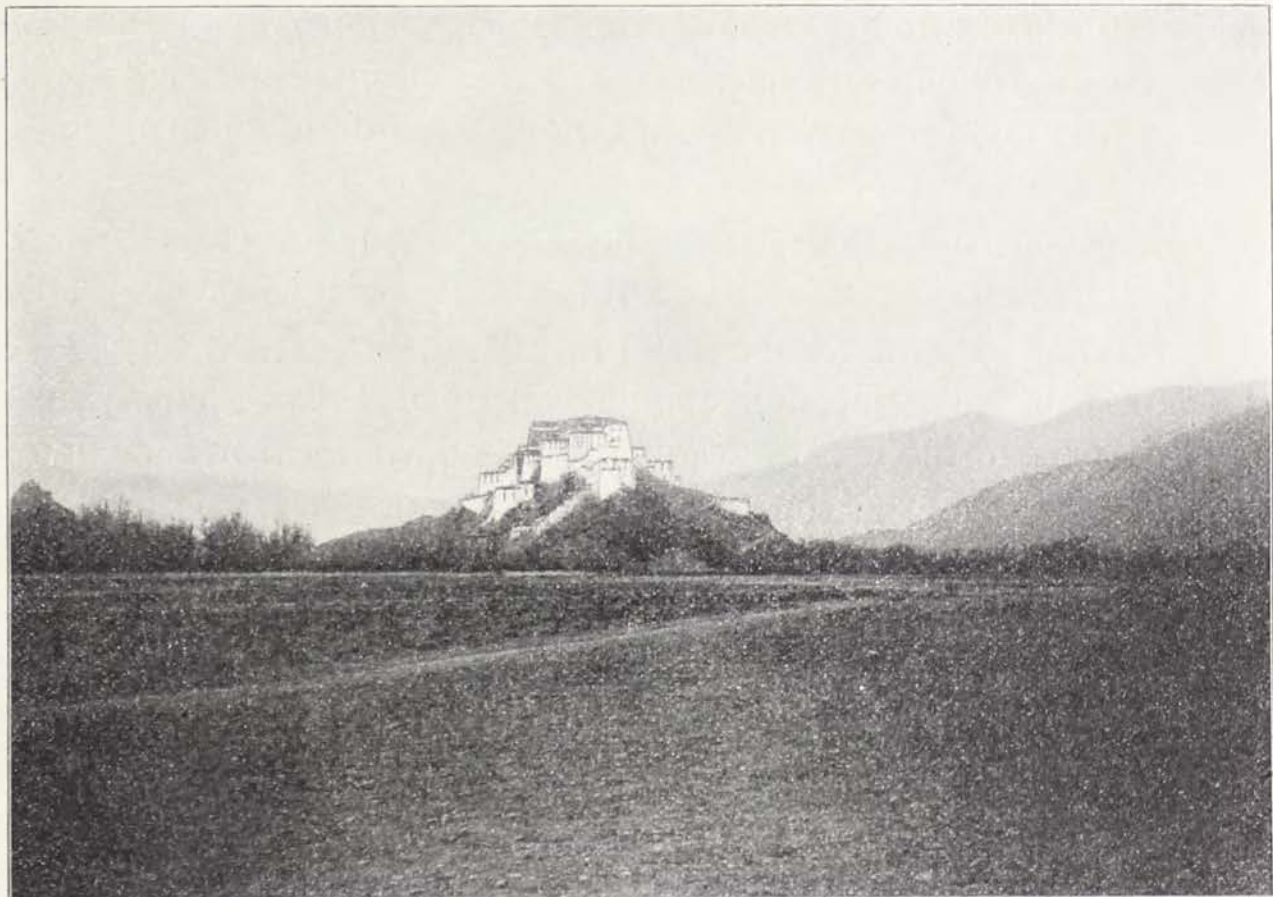
Потала съ юга.

ницы. Эти задніе пути предназначены для должностныхъ лицъ при далай-ламѣ и вообще для тѣхъ, кои могутъ подняться на лошадяхъ до упомянутого двора и, оставивъ здѣсь животныхъ, продолжать дальнѣйшій, болѣе короткій путь пѣшими.

Внутренность дворца дѣлится на множество комнатъ, число коихъ, по рассказамъ, доходитъ до 999.

Главныя святилища и апартаменты далай-ламы находятся въ центральной части дворца, выкрашенной въ красно-коричневый цвѣтъ и называемой „Краснымъ дворцомъ“ (Побран-Марпо).

Здѣсь въ среднемъ этажѣ находится залъ для духовенства дворцоваго дацана Нам-чжяль (или Намчжя-ра). Духовенство это, въ числѣ 500 человѣкъ, постоянно живетъ здѣсь и совершаетъ богослуженія за здравіе далай-ламы. Выше его субурганъ далай-ламы, начиная отъ пятого перерожденца. Прахъ предшественниковъ находится въ Бройбунскомъ Галдан-побранѣ, за исключеніемъ перваго далай-ламы, похороненнаго въ монастырѣ Дашій-лхунбо. Самымъ великолѣпнымъ изъ нихъ нужно счи-

Потала съ востока.

тать субурганъ пятого далай-ламы, сдѣланный изъ кованныго золота. Говорятъ, что на него ушло все золото и всѣ драгоцѣнные камни тибетскаго казначейства. Субурганъ этотъ, фотографія котораго имѣется въ книгѣ L. A. Waddel: Lhasa and its mysteries, на стр. 396, превосходитъ остальные размѣрами, возвышаясь въ вышину болѣе трехъ сажени. Изъ прочихъ субургановъ отличается богатствомъ отдѣлки субурганъ седьмого далай-ламы Галсан-чжямцо.

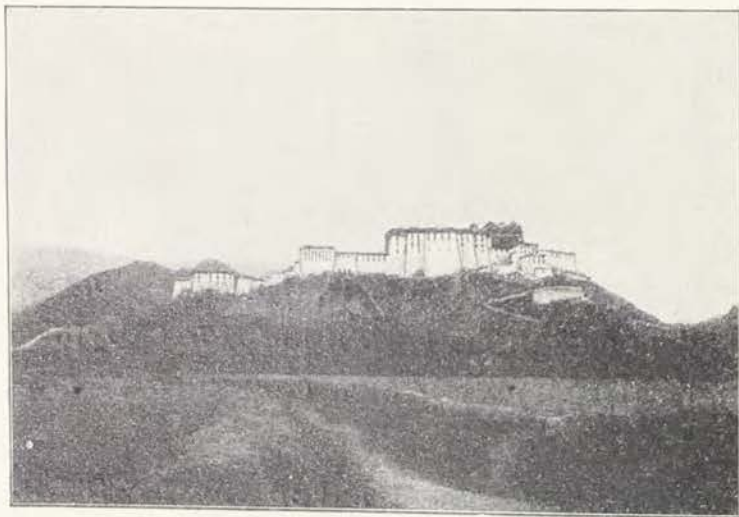
Покои далай-ламы находятся въ самомъ верхнемъ этажѣ. Намъ удалось побывать, въ числѣ поклоняющихся, лишь въ

одной приемной залѣ. Въ этомъ же дворцѣ находятся квартиры, такъ называемаго чжишаб-хамбо далай-ламы, четырехъ высшихъ сановниковъ-ламъ, именуемыхъ придворными писцами, по-тибетски дун-јигши и т. п. Совѣтъ ихъ называется јигцанъ и, являясь однимъ изъ отдѣловъ верховнаго правленія Тибета, завѣдуетъ духовными дѣлами.

Въ прочихъ частяхъ зданія, именуемыхъ „бѣлымъ дворцомъ“ (побран-карбо) помѣщаются квартиры придворнаго штата, приемныя залы, кладовыя и т. п. На лѣвомъ отъ дворца углу на скалѣ находится главная тюрьма верховнаго правленія Тибета. Подъ горою во дворѣ, находятся разныя зданія, между коими должно упомянуть о монетномъ дворѣ и ямынѣ „поталаскаго низа“.

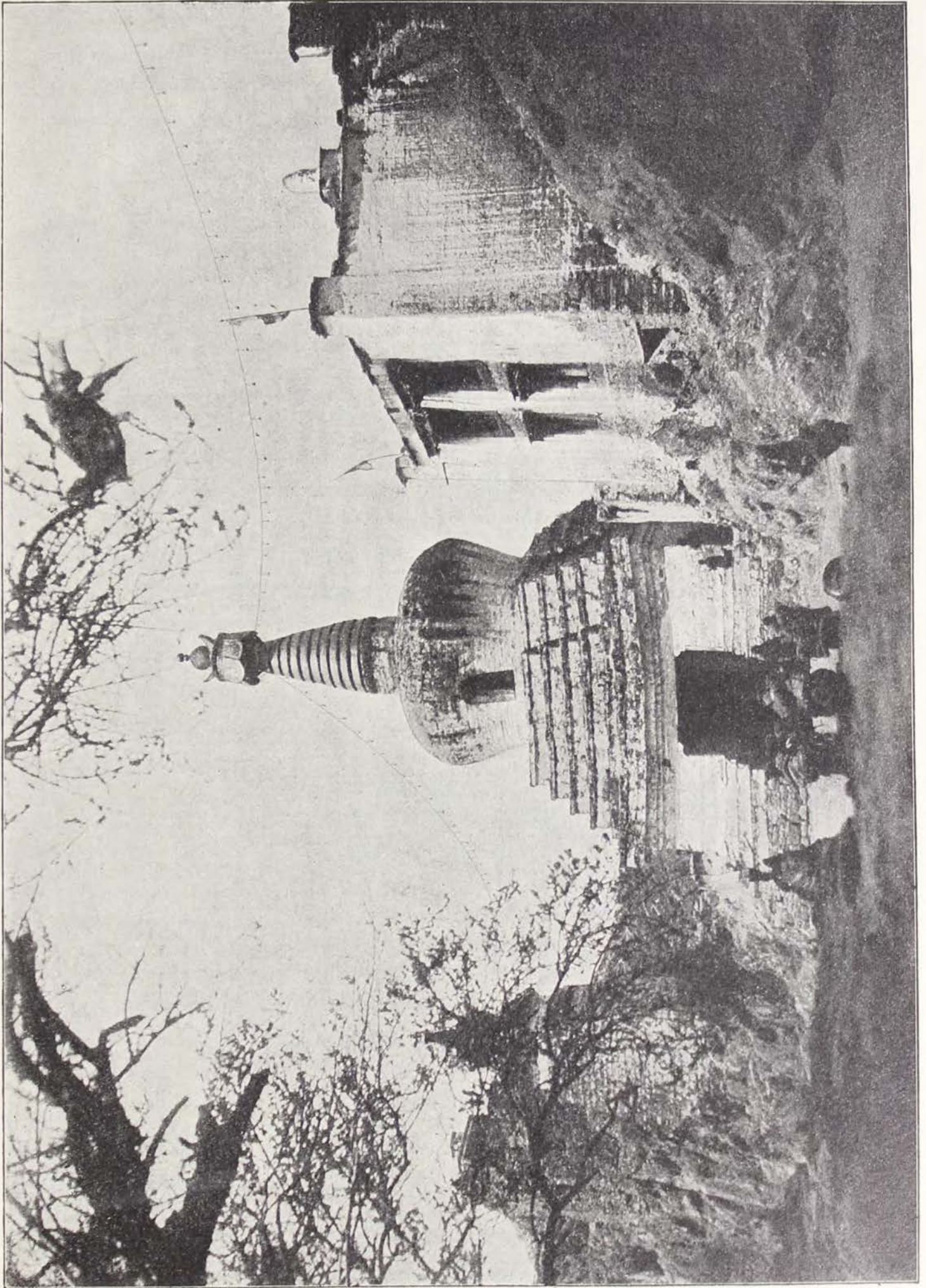
Дворецъ этотъ построенъ съ такимъ замысломъ, чтобы, въ случаѣ надобности, могъ служить крѣпостью. Съ этой цѣлью трое воротъ, ведущихъ во внутрь стѣнъ съ трехъ сторонъ, совнутри защищены особою стѣной, такъ что, войдя въ наружныя ворота, должно пойти въ сторону и, обогнувъ этотъ стѣнной щитъ, войти уже во дворъ. Кромѣ того, если вѣрить рассказамъ, изъ дворца устроены подземные ходы и т. п.

Снаружи стѣнъ находятся уже частныя дома. Впрочемъ, на южной сторонѣ стѣнъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ, находятся два желтенькихъ домика съ крышами въ китайскомъ вкусѣ, обнесенные каждый стѣной. Внутри ихъ я, сквозь щели, неоднократно видѣлъ каменные плиты, изъ которыхъ одна была поставлена на большой каменной черепахѣ, а другая на каменномъ же пьедесталѣ, и сожалѣлъ объ отсутствіи возможности

Потала сзади, съ сѣвера.

проникнуть во внутрь и прочесть надписи. Однако передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Тибета, двери открылись для ремонта развалившихся крышъ, покрытыхъ зеленой черепицей, но неразборчивость надписей, вслѣдствіе высоты и загрязненности плитъ, да къ

Бар-чод-дэнгъ.

тому же постоянное присутствіе ремонтирующихъ рабочихъ помѣшали мнѣ сдѣлать болѣе полные списки. Мнѣ удалось сдѣлать лишь списокъ монгольскаго текста той плиты, которая стоитъ въ домикѣ на лѣвой рукѣ, если смотрѣть отъ Поталы. Въ виду историческаго интереса памятника, мы даемъ его въ примѣчаніяхъ въ дословномъ спискѣ и въ переводѣ на русскій языкъ.

Надпись эта сдѣлана по повелѣнію императора Канъ-си въ шестидесятый годъ его правленія, т. е. въ 1721 году по Р. Х.

Надпись вырѣзана на четырехъ языкахъ: на лицевой сторонѣ плиты находятся манджурскій и монгольскій тексты, а на тыловой китайскій и тибетскій.

Надпись на другой плитѣ на тѣхъ же языкахъ, но я по вышеупомянутымъ причинамъ не могъ разобрать всей надписи. Судя же по прочитаннымъ строчкамъ, она носитъ наставительно-законодательный характеръ и поставлена въ 57-й годъ правленія императора Цян-лунъ, т. е. въ 1792 году.

Между этими домиками, по другую сторону дороги стоитъ гранитная колонна (по-тибетски „до-ринъ“) на такомъ же пьедесталѣ. Теперь, если отъ этой колонны обходить Поталу по-солонь, т. е. имѣя ее съ правой руки своей, то, пройдя передъ рядами низенькихъ домиковъ, образующихъ довольно кривую линію, приходятъ къ большому субургану, называемому Бар-чöd-дэнъ или Бар-гö-ханъ, что въ переводѣ значитъ „Промежуточная пирамида“ или „Промежуточный портикъ“ (проходной домъ). Субурганъ этотъ соединяетъ вершину Марбори, съ другой вершиной, называемой Чжагбо-ри, или по другой транскрипціи, Чагбо-ри.

Говорятъ, что эта цѣпь скалистыхъ горокъ представляетъ изъ себя дракона, который, какъ извѣстно, служитъ гербомъ Китая и въ то же время есть владыка водной стихіи. Какъ корыстолюбивая китайская власть, такъ и вода, угрожающая наводненіями, породили въ тибетцахъ опасеніе, что этотъ драконъ причинитъ бѣдствія странѣ. Поэтому, чтобы парализовать его силу или точнѣе убить его, разсѣкли гору на двѣ части. На мѣстѣ этого сѣченія поставили субурганъ.

Скорѣе, возникновеніе этого субургана должно приписать тому обстоятельству, что по этому мѣсту лежитъ главная и самая удобная дорога изъ Лхасы на западъ. Для удобства про-

Тан-шуй-линъ.

хожихъ и проѣзжающихъ должно было вырыть проходъ. Исполнивши эту задачу, строитель, побуждаемый, можетъ быть, своею набожностью, а можетъ быть просто художественнымъ вкусомъ, задумалъ поставить надъ проходомъ субурганъ. Далѣе этотъ же вкусъ, вѣроятно, подсказалъ ему поставить два небольшихъ субургана на выступахъ сосѣднихъ скалъ и соединить ихъ съ большимъ посредствомъ проволоки, увѣшанной колокольцами, издающими тихій звонъ при колебаніи вѣтромъ.

Богомолецъ, совершающій, такъ называемый, „лин-хоръ“, т. е. круговой обходъ всѣхъ святынь Лхасы, не проходитъ подъ воротами, а минуетъ ихъ, оставивъ ихъ по правую руку свою, и идетъ по подошвѣ горы Чагбо-ри, вдоль берега рѣчки. На этомъ пути нѣтъ ничего особо замѣчательнаго вплоть до юго-западной стороны этой горки, гдѣ дорога поднимается на скалистый ея выступъ къ берегу рѣчки Уй-чу. Здѣсь на скалахъ онъ встрѣчаетъ массу высѣченныхъ на природной скалѣ и на отдѣльныхъ плиткахъ изображеній божествъ различнѣйшей величины. Большая часть этихъ изображеній раскрашены въ соответствующіе цвѣта. Здѣсь же въ углубленіяхъ скалъ, образующихъ какъ бы неглубокія пещеры, сидятъ мастера-каменосѣки съ инструментами и красками. Они изготовляютъ на плиткахъ иконы и желающій можетъ тутъ же сдѣлать заказъ или купить готовую. Затѣмъ, выбравъ мѣстечко, не подверженное возможности быть замоченнымъ дождемъ (краски акварельныя, потому могутъ смыться), набожный богомолецъ ставитъ свою икону. Отъ множества такихъ приношеній эти скалы представляютъ какъ бы громадный иконостасъ или стѣны со множествомъ иконъ. Изображеніе этого иконостаса подъ открытымъ небомъ имѣется въ упомянутой книгѣ Уадделя.

Затѣмъ, дорога спускается со скалистаго подъема и идетъ далѣе по ровному мѣсту, оставляя по правую руку Чагбо-ри и ея небольшой отрогъ на западную сторону, идя все время лѣвымъ плечомъ впередъ. Обогнувъ гору и поворачивъ рѣзко въ сѣверо-восточномъ направленіи богомолецъ пересѣкаетъ дорогу, идущую изъ Лхасы на западъ, описанную ниже, и направляется къ задней сторонѣ Поталы.

Далѣе, приходится пройти по пустынному, сравнительно, пути и только сзади, противъ краснаго дворца встрѣчаются конюшни далай-ламы и другія постройки, во дворѣ коихъ со-

держатся, между прочимъ, слоны. Во время нашего посѣщенія было два слона, одинъ большой и другой маленькій, недавно привезенные изъ Индіи спеціальнымъ посломъ. Передъ отъѣздомъ моимъ прошелъ слухъ, что маленькій слонъ погибъ. Немного позади и восточнѣе этихъ зданій, стоитъ особый храмъ, посвященный драконамъ и именуемый поэтому Лу-ханъ „Драконовъ храмъ“. Здѣсь совершается постоянное богослуженіе о правильности, т. е. своевременности и соразмѣрности осадковъ, имѣющихъ сильное вліяніе на экономическое благосостояніе населенія, занимающагося почти исключительно земледѣліемъ. Затѣмъ, уже до конца круговаго обхода, не встрѣчается ничего достопримѣчательнаго.

Послѣдовательность описанія мѣстопробыванія знатнѣйшихъ святинь и вліятельнѣйшихъ особъ духовной іерархіи, заставляетъ обратиться теперь къ такъ называемымъ линамъ, что переводится на русскій языкъ „міръ“ или „мѣстопробываніе“. Лины суть дворцы или, вѣрнѣе, домовые храмы знатныхъ хутухтъ, которые занимали „ханскій“ престолъ, т. е. должность верховнаго правителя Тибета. При этихъ дворцахъ находится свой штатъ духовенства, живущаго на иждивеніи у такого-то перерожденца и пользующагося значительными привилегіями. Такихъ линовъ пять: 1) Тан-чжэй-линъ („мѣстопробываніе распространенія ученія“, „распространяющій ученіе міръ“) находится на западномъ краю города и принадлежитъ перерожденцамъ Дэмо хутухты, ведущаго свое происхожденіе отъ извѣстнаго по легендамъ Урана (Тангарикъ—по-монгольски, по-тибетски—Гаръ), жившаго при царѣ Срон-цзан-гамбо, 2) Шидэ-линъ („мѣстопробываніе четырехъ отдѣловъ“, „Четырехъ-отдѣльный міръ“) расположенъ на сѣверо-западномъ краю города и является собственностью Ра-дэнскаго хутухты, хозяина одного изъ древнѣйшихъ монастырей того же имени, о которомъ мы упоминали выше, 3) почти рядомъ, налѣво отъ него, находится самый большой изъ линовъ Цэмё-линъ („мѣстопробываніе желанія долголѣтія“, „Желающій долголѣтія міръ“), принадлежащій Чжонэйскимъ номун-ханамъ, 4) далѣе на сѣверо-восточномъ краю города находится старинный линъ Мэру-линъ, основанный еще при тибетскомъ царѣ Адаг-ти-Ралпа-чанѣ, но пришедшій затѣмъ въ упадокъ. Чжово-Адиша возобновилъ его. Во время 3-го далай-ламы онъ присоединенъ къ цзонхавистамъ.

Въ немъ въ послѣднее время поселился „Чжялронскій“ хутухта. 5) Послѣдній линъ, называемый Гун-дэ-линъ („всеспокойный мѣръ“), находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города, а именно на юго-западъ отъ Поталы, по южную сторону большой дороги, ведущей на западъ. Онъ принадлежитъ хутухтамъ Дацагъ или Дагца.

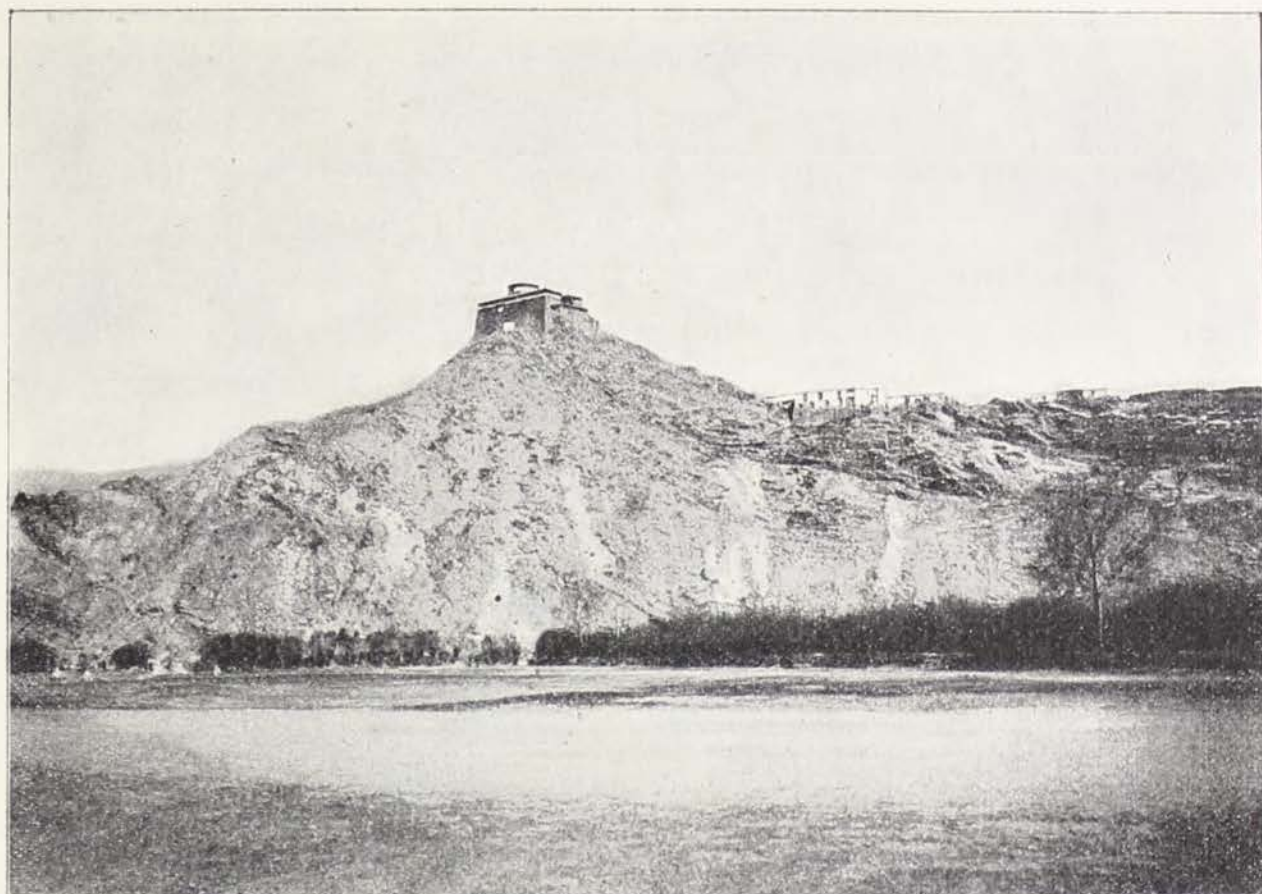
Затѣмъ къ достопримѣчательностямъ же города надо отнести храмъ Чжянбум-ганъ, находящійся на одной улицѣ съ Рамочэ,

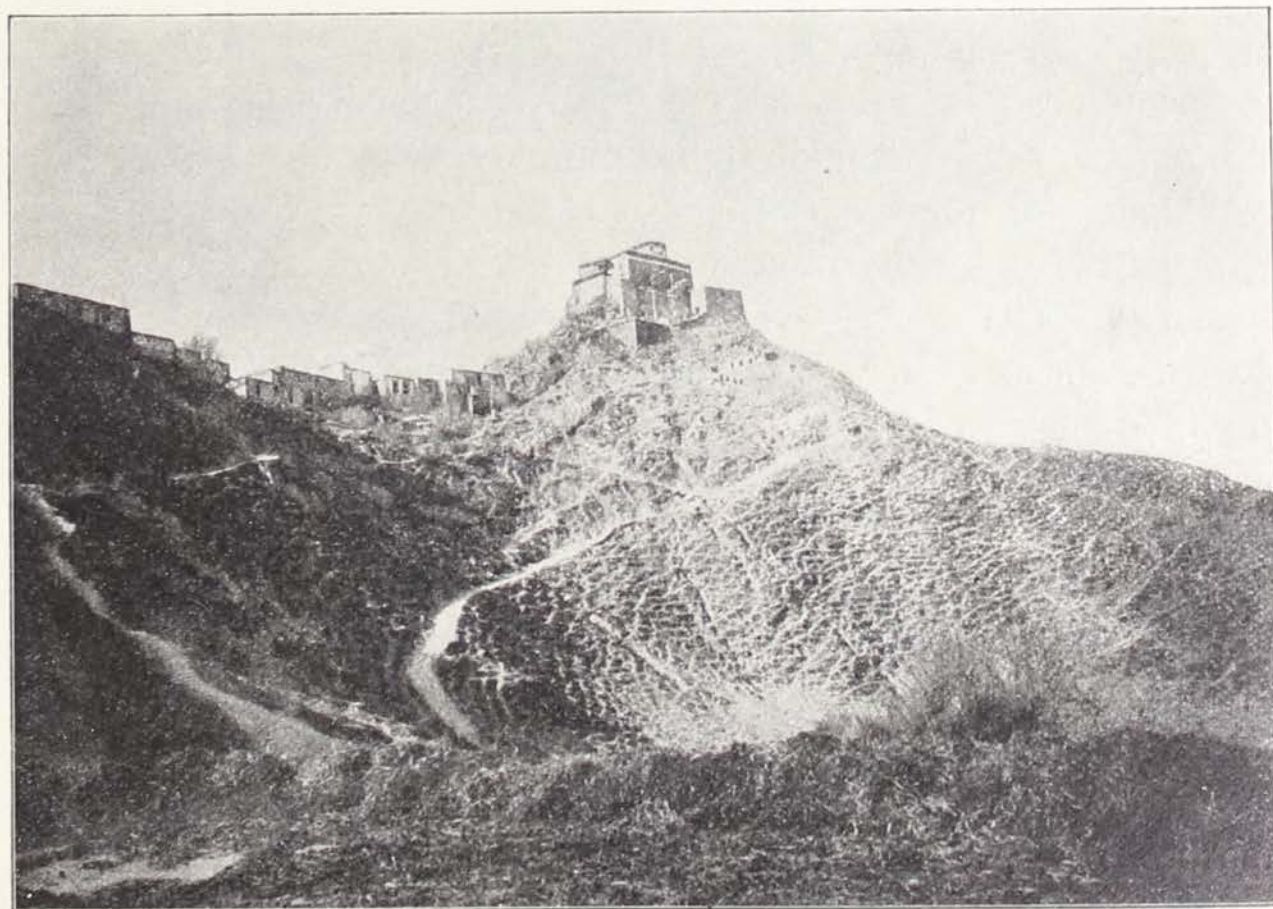
Гун-дэ-линъ—на первомъ планѣ и Ба-мо—на заднемъ.

заключающій въ себѣ большой субурганъ и имѣющій много цѣнныхъ типографскихъ досокъ; дуганъ дацана Чжюд-дод, расположенный направо отъ Мэру-лина почти рядомъ съ нимъ, Гарма-шягъ въ юго-восточной части, служащій мѣстопробываніемъ прорицателя божества того же имени.

Наконецъ, должно упомянуть о медицинскомъ дацанѣ (Манба-дацанъ), едва ли не единственномъ въ центральномъ Тибетѣ, расположенномъ на указанной уже выше скалѣ Чагбо-ри. Онъ представляетъ небольшое зданіе, гдѣ въ комнатѣ у задней стѣны указываютъ статуи разныхъ божествъ, сдѣланныя изъ ко-

Чагбо-ри и Манба-дацагъ съ юго-востока.

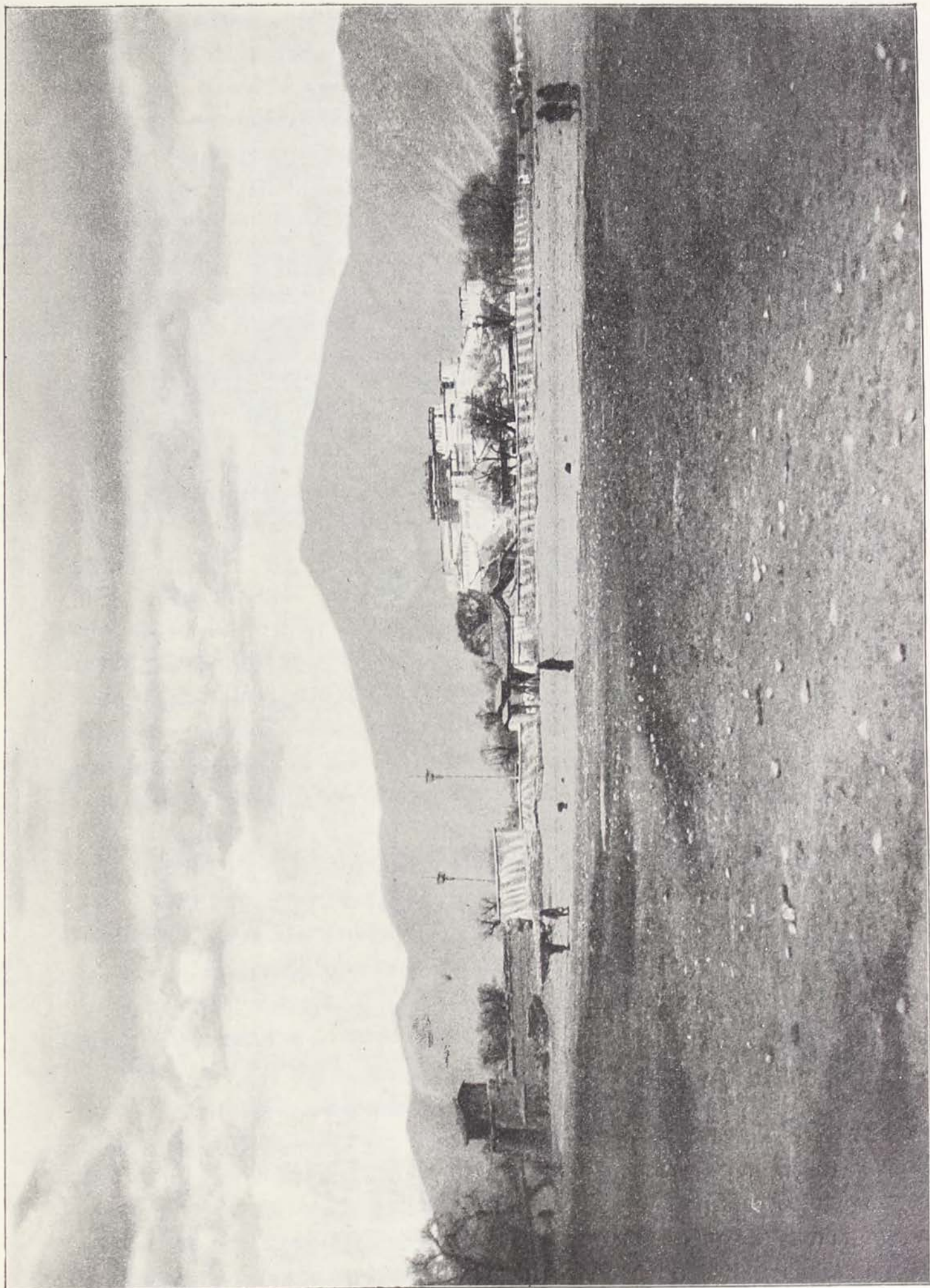
Чагбо-ри и Манба-дацагъ съ сѣверо-запада.

рала, бирюзы, малахита, б'лаго сандала и др. святыни, связанныя съ именами знаменитыхъ врачей инд'йско-тибетской медицины. Наприм'ръ, указываютъ каменную ступу и песть, принадлежавшіе, будто бы, основателю инд'йско-тибетской медицины Сочжэд-шон-ну, что по-тибетски значитъ— „молодой исц'литель“. Особенно почитается зд'сь тибетскій врачъ Ютог-гонбо. Этотъ дацанъ основанъ, или кореннымъ образомъ реформированъ знаменитымъ пятымъ далай-ламой. Многие думаютъ, что онъ принадлежитъ „красношапочной“ сект'б. Утверждать это, однако, нельзя, такъ какъ зд'сь съ одной стороны читается, между прочимъ, такъ называемая „миг-цзэ-ма“—хвалебная молитва къ Цзонхав'б, основателю желтошапочной секты, съ другой стороны читаютъ и н'которыя изъ сочиненій пятого далай-ламы изъ отд'бла „красной секты“, которою онъ, повидимому, въ значительной степени интересовался, а можетъ быть и сочувствовалъ. Штатъ духовенства состоитъ изъ 60 человекъ, спеціально прикомандированныхъ по одному человеку изъ разныхъ монастырей. Они получаютъ содержаніе изъ казны далай-ламы и живутъ въ домахъ, построенныхъ на этой же гор'б, подл'б дацана. Монахи эти и составляютъ студентовъ факультета. Зав'дуетъ ими хамбо, который въ мое время состоялъ также лейбъ-медикомъ далай-ламы.

Немного западн'бе, на низенькомъ отрог'б этой горы находится китайская кумирня Ба-мо синей секты.

Окончивъ р'чь о святыняхъ и дворцахъ духовныхъ особъ, прибавимъ къ этому н'сколько словъ и о домахъ св'тскихъ правителей. Д'бло въ томъ, что каждый родовитый, богатый вельможа, всякій, дослужившійся до высокихъ степеней, чиновникъ, равнымъ образомъ и тотъ своего рода „счастья баловень безродный“, который оказался отцомъ или братомъ далай-ламы, строитъ себ'б особый домъ, отчасти напоминающій т'б же лины.

Къ такимъ домамъ относятся: Рага-шяг, находящійся противъ южной стороны храма Чжу на другой сторон'б улицы; Шадда, дворецъ принадлежащій изв'стной фамиліи калонъ одинъ изъ коихъ занимаетъ эту должность и въ настоящее время; старинный домъ фамиліи Доринъ, расположенный почти противъ вторыхъ (F) западныхъ воротъ храма Чжу, влад'блецъ котораго нын'б находится въ заточеніи по проискамъ брата бывшего Д'эмо хутухты; дворецъ брата нын'бшняго далай-ламы

Ямьнь китайскаго резидента.

Ябши-гуна, построенный на южномъ краю города съ обширнѣйшимъ садомъ; домъ гуна Ютогъ (фамилія князя), находящійся на западномъ краю города.

Всѣ эти дома построены въ тибетскомъ стилѣ, но неизмѣнный китайскій консерватизмъ сохранилъ свою архитектуру въ домѣ высшаго представителя китайскаго императора—маньчжурскаго амбана. Домъ и канцелярія его находятся на юго-западномъ краю города подлѣ остатковъ старинной городской стѣны и ничего особеннаго не представляютъ, только двѣ высокія мачты передъ ними подскажутъ знатоку характера китайскихъ присутственныхъ мѣстъ, что здѣсь не такой же китайскій

Боковой фасадъ дворца Галдан-кансаръ.

огородъ, какихъ много по западную сторону его, а мѣстопробываніе китайскаго сановника, облеченнаго властью карать и миловать.

Собственно казенное зданіе, гдѣ отводятся помѣщенія для лицъ изъ дальнихъ странъ и пословъ отъ князей, приносящихъ значительные дары далай-ламѣ, называется Том-си-ханъ, т. е.

„домъ, смотрящій на рынокъ“ и находится въ центрѣ города, недалеко отъ квартала Чжу и обращенъ своимъ длиннымъ фасадомъ на рынокъ.

Другой домъ, уже пренебрегаемый тибетскимъ правительствомъ и почти заброшенный на произволъ дѣйствія времени, называется Галдан-кансаръ. Это громадное зданіе, служившее некогда дворцомъ тибетскихъ правителей, находится между храмомъ малаго Чжово (Рамо-чэ) и Цэмѵ-линомъ. Онъ уже не подкрашивается извѣстью, какъ другіе дома, потому стѣны его темнаго цвѣта.

О какихъ-либо общественныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ не можетъ быть рѣчи. Также нѣтъ и увеселительныхъ заведеній, какъ театры, рестораны и т. п. Существующій, едва ли не единственный, театръ, или, точнѣе, открытая сцена, находящаяся въ юго-западной части города, принадлежитъ китайцамъ. Равнымъ образомъ нѣсколько ресторановъ, находящихся

въ центральной части города, принадлежатъ китайцамъ, которые содержатъ ихъ при помощи тибетской прислуги. Въ нихъ продаются чай, кушанья и китайскія лепешки. Горячительныхъ

Ютог-самба.

нанитковъ и ѿтъ, но допускается игра въ китайскія карты. Китайской водкой торгуютъ одинъ, два кабака въ невидныхъ мѣстахъ. Гораздо больше кабаковъ тибетскихъ съ мѣстной водкой. Китайская водка (спиртъ)—ара, мѣстная—чанъ.

Выше было сказано, что по городу проведено много канавъ. На мѣстахъ пересѣченія этихъ канавъ улицами и дорогами устроены каменные или, рѣже, деревянные мосты, между коими первенствующее мѣсто занимаетъ „бирюзовый мостъ“ по-тибетски Ютог-самба, поставленный на главной дорогѣ отъ воротъ храма Чжу къ Поталѣ. Это родъ галереи, покрытой зеленой черепицей. Тибетцы очень гордятся этимъ мостомъ и относятъ его къ „чудесамъ“ своей столицы.

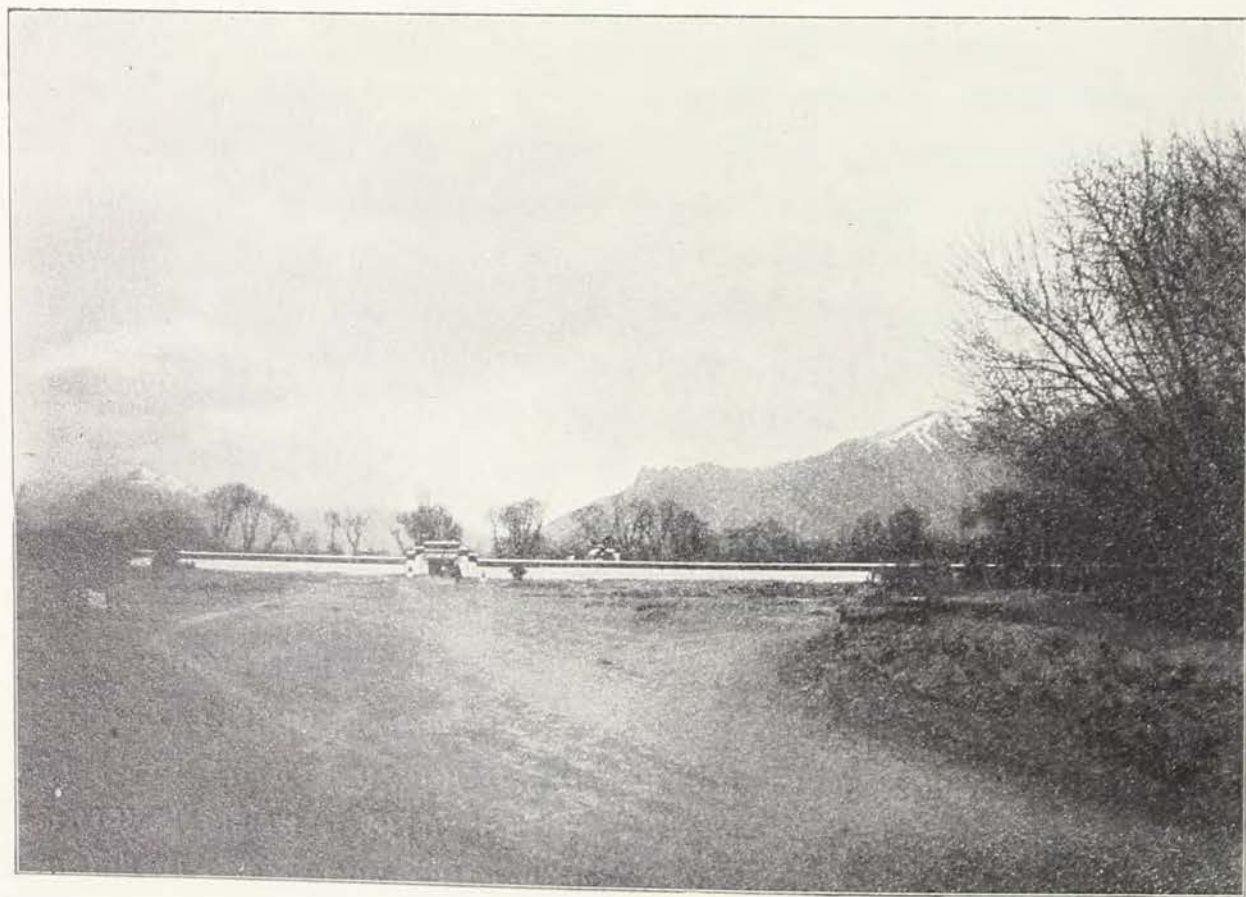
Этимъ можно кончить описаніе всего того, что находится внутри круговой дороги, именуемой лин-хоръ и имѣющей длину около 10 верстъ. Что же находится внѣ этой дороги? Съ сѣверной и восточной части города близко подходятъ къ нему воздѣланные поля; по юго-восточную, южную и отчасти юго-западную и западную сторону, тамъ и сямъ, находятся болѣе или менѣе обширные сады. Дѣло въ томъ, что тибетцы очень лю-

бять деревья и весьма охотно отправляются пить самодѣльное вино (или пиво) въ тѣни деревьевъ.

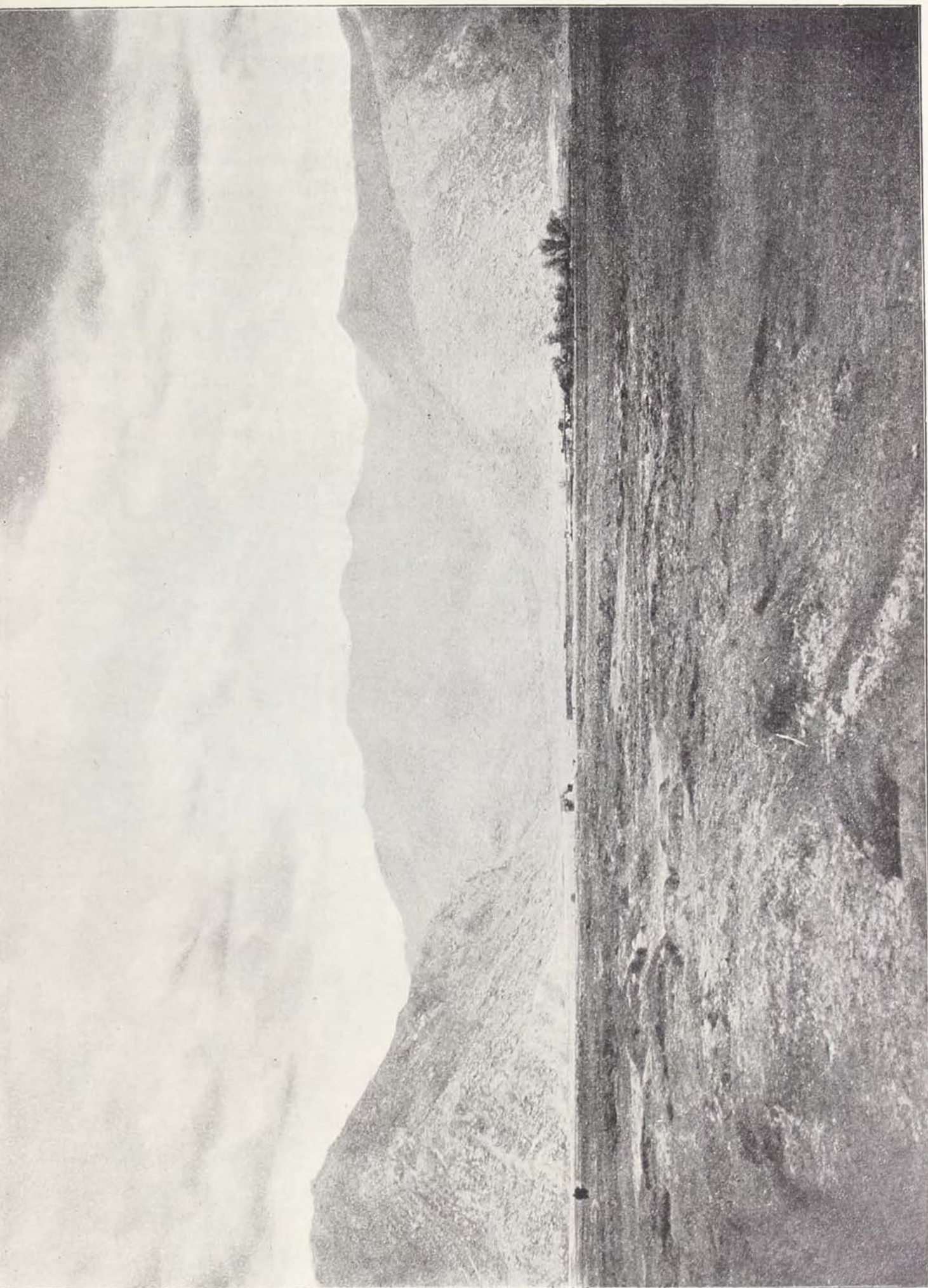
Богатые люди имѣютъ внѣ города дома и огороженные сады, которыми, впрочемъ, можетъ пользоваться всякій, только не портя деревьевъ и не срубая ихъ. Къ числу такихъ дачныхъ мѣстъ относится и лѣтній дворецъ далай-ламы Норбу-линха, находящійся на самомъ берегу рѣки Уй, къ юго-западу отъ Поталы. Здѣсь далай-лама проводитъ большую часть года. Изъ другихъ же подобныхъ дачъ остается упомянуть о Чжашитанѣ (равнина усмиренія врага), гдѣ находятся казармы китайскаго гарнизона, канцелярія и квартира начальника этого гарнизона. Часть гарнизона, состоящая изъ туземныхъ и давно живущихъ китайцевъ, живетъ въ городѣ, въ различныхъ частяхъ. О болѣе мелкихъ дачахъ не стоитъ уже говорить, развѣ упомянуть только, что на сѣверо-западѣ отъ Поталы находится большое помѣстье гуна Аха-лу, потомка родителей двѣнадцатаго далай-ламы.

Противъ Ахасы на другой сторонѣ рѣки находится монастырь Цэчог-линъ—„Миръ высокаго возраста“.

Улицы Ахасы весьма неправильны и, какъ уже сказано, грязны. Вслѣдствіе того, что тибетецъ особенно любитъ пач-

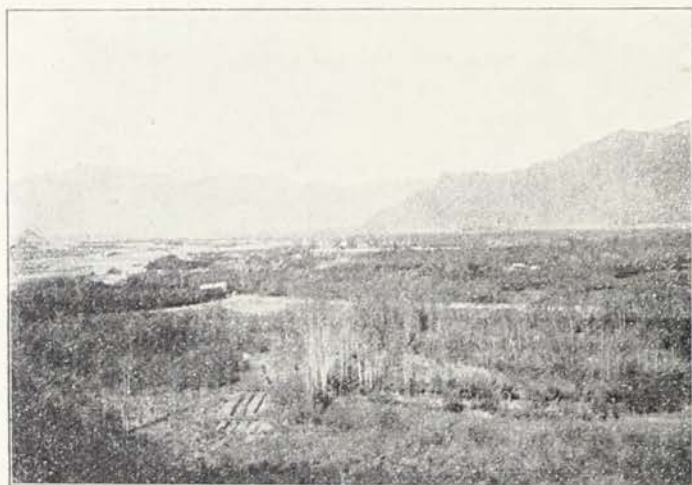
Норбу-линха.

Чжаштанъ.

коть берега канавъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы пользовались водою изъ этихъ канавъ; поэтому городъ беретъ воду исключительно изъ колодцевъ, которые весьма неглубоки и достаточно многочисленны.

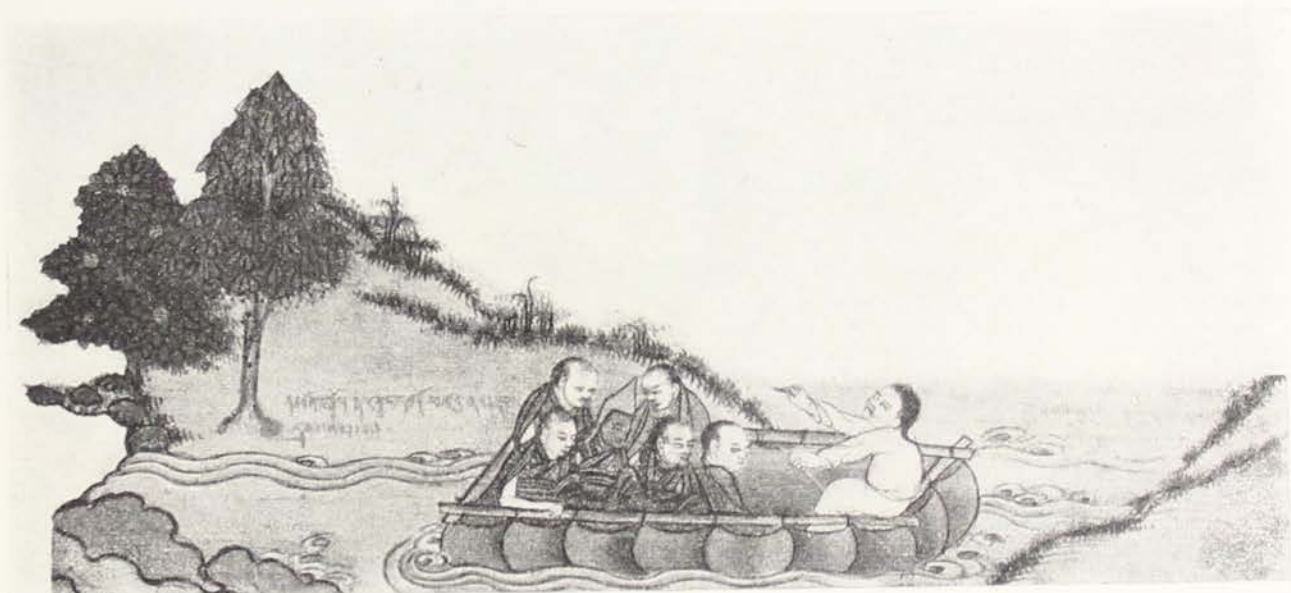
Еще упомянемъ о домахъ бѣдняковъ и хлѣвахъ для свиней, сдѣланныхъ изъ яковыхъ роговъ. Они находятся преимущественно въ юго-восточной части города, гдѣ находятся и бойни, если таковыми называть улицы, на коихъ рѣжутъ скоть. Рога скрѣпляются глиной. Такое обиліе этого цѣннаго въ Европѣ матеріала объясняется тѣмъ, что изъ роговъ тибетцы ничего не выдѣлываютъ, за исключеніемъ развѣ небольшихъ табакерокъ изъ верхнихъ кончиковъ ихъ.

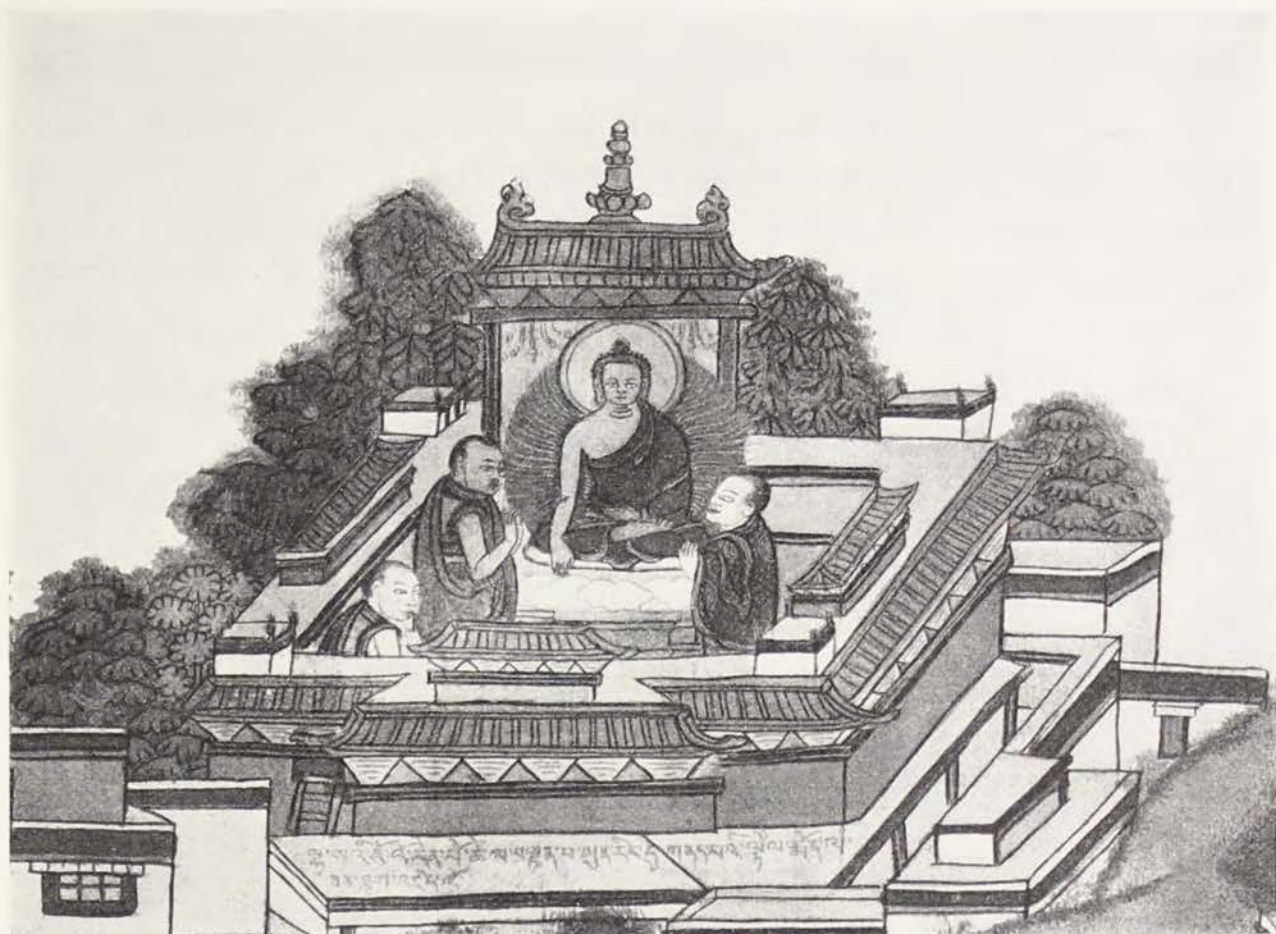
Видъ съ Чагбо-ри на западъ.

ГЛАВА V.

Населеніе Лхасы.

Тибетскіе монахи въ лодкѣ.

Туземное изображеніе „Большого Чжу“ въ Лхасѣ.

1. Составъ.

Въ столицѣ далай-ламы насчитываютъ до 10 тысячъ постоянныхъ жителей, большинство коихъ по племенному составу, конечно, тибетцы, а по половому различію не менѣе $\frac{2}{3}$ приходится на женщинъ.

Тибетцы именуютъ себя бө(д)па, каковое названіе въ Лхасѣ, однако, относятъ только къ жителямъ провинціи Уй, жителей же другихъ мѣстностей принято называть по собственнымъ названіямъ провинцій, а для болѣе точнаго опредѣленія и по названіямъ отдѣльныхъ уѣздовъ и т. п. Такъ уроженецъ Кама называется—Кам-ба, Цзана—Цзан-ба, Амдо—Амдо или Амдо-ба, Арій—Арій-ба, Лхоха (южный Уй)—Лхоха-ва и т. д.

Второе, по численности, мѣсто занимаютъ китайцы, коихъ литература зоветъ чжянакъ, а народная рѣчь изъ учтивости къ нимъ—чжями. Они, большею частью, выходцы изъ провинціи Сы-чу-ань и, главнымъ образомъ, изъ города Да-цзян-лу (по-

тибетски Дарцзэ-до, который служитъ главнымъ транзитнымъ пунктомъ для товаровъ, идущихъ въ Тибетъ изъ Сычуани. Къ китайцамъ же относятся и китайскіе мусульмане, бѣжавшіе въ Тибетъ во время дунганскихъ безпорядковъ. По прибытіи въ Лхасу эти мусульмане вступаютъ по религіи въ общину кашмирцевъ, а въ административномъ отношеніи въ китайскую. При этомъ нужно замѣтить, что природныхъ китайцевъ гораздо меньше, чѣмъ потомковъ ихъ отъ тибетскихъ матерей. Эти тибето-китайцы носятъ китайскіе костюмы, хотя часто не знаютъ китайскаго языка. Большая часть китайцевъ числится въ мѣстныхъ гарнизонахъ и обезпечена содержаніемъ, нѣкоторые ведутъ оптовую торговлю, еще меньше ремесленниковъ, преимущественно парикмахеровъ и столяровъ, немногіе содержатъ чайные дома и бойни скота. Однако послѣднія два предпріятія ведутся почти исключительно черезъ мѣстныхъ рабочихъ и приказчицъ.

Затѣмъ почти равными по числу являются кашмирцы, по-тибетски хачэ (большеротый), и непальцы, по-тибетски—бѣл-бо. Непальцевъ едва ли не больше, чѣмъ кашмирцевъ. Тѣ и другіе ведутъ свои сношенія съ Тибетомъ уже съ давнихъ временъ, причемъ у непальцевъ эти сношенія, судя по историческимъ сказаніямъ, сначала имѣли подъ собою скорѣе религіозную почву и только со временемъ, съ упадкомъ буддизма въ Индіи и процвѣтаніемъ его въ Тибетѣ, они перешли всецѣло на торговые и промышленные интересы. Нынѣ они ведутъ болѣе или менѣе крупную торговлю, не исключая, впрочемъ, и мелочной. Кромѣ того, непальцы съ древнихъ временъ являются наилучшими архитекторами—строителями ламаитскихъ храмовъ, художниками, скульпторами и иконописцами, наилучшими красильщиками мѣстныхъ суконъ, ювелирами, слесарями, кузнецами и т. п. По вѣроисповѣданію, кашмирцы—исключительно магометане, а непальцы—буддисты.

Первые, по характеру своихъ религіозныхъ убѣжденій, конечно, не имѣютъ въ духовномъ отношеніи ничего общаго съ туземцами, поэтому у нихъ своя отдѣльная молельня въ южной части города, свое отдѣльное кладбище, верстахъ въ четырехъ къ западу отъ него, они строго соблюдаютъ свои праздники и обычаи, какъ обрѣзаніе и др. Несмотря на это, они безирепятственно вступаютъ въ бракъ съ туземками, пред-

варительно обративъ ихъ въ свою вѣру и взявши клятву не поклоняться Чжу-ринбочэ (т. е. статуѣ Чжу). Впрочемъ случаи женитьбы на туземкахъ очень рѣдки, такъ какъ мусульмане воспитываютъ своихъ дѣтей непремѣнно въ мусульманствѣ же, почему и нѣтъ недостатка въ мусульманкахъ, которыя въ свою очередь могутъ связывать себя брачными узами только съ правовѣрными. Мужчины носятъ халаты преимущественно синяго или темно-синяго цвѣта изъ дешевыхъ бумажныхъ тканей, на головѣ ихъ неотлучный тюрбанъ бѣлаго цвѣта, на ногахъ чаще всего можно видѣть китайскіе башмаки.

Вторые, т. е. непальцы, вслѣдствіе единства вѣры, поклоняются мѣстнымъ святынямъ едва ли съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ туземцы, но не признаютъ тибетскихъ ламъ, такъ какъ не принадлежатъ къ желтошапочной сектѣ. Какова сущность секты буддизма непальцевъ я не знаю, но знаю, что они имѣютъ своихъ духовныхъ лицъ и читаютъ молитвы не только на своемъ языкѣ, но и на санскритскомъ. Они свободно совершаютъ религіозныя процессіи по улицамъ города и вокругъ храма Большого Чжу, среди золотыхъ свѣтильниковъ коего не мало лампадъ съ вырѣзанными именами непальцевъ, благочестивыхъ и щедрыхъ жертвователей. Всѣ непальцы носятъ длинные халаты, преимущественно коричневаго цвѣта изъ мѣстныхъ или европейскихъ суконъ, особыя шапочки чернаго цвѣта, часто съ мѣховой отдѣлкой, и унты, не отличающіяся отъ мѣстныхъ женскихъ.

Во время религіозныхъ процессій и дома болѣе зажиточные непальцы надѣваютъ костюмы европейскаго образца нѣсколько своеобразнаго покроя. Браковъ съ туземками непальцы избѣгаютъ, потому что, какъ мнѣ сказали, по ихъ государственнымъ законамъ, вступившаго въ такой бракъ на родинѣ ждетъ смертная казнь. Поэтому нарушившіе этотъ законъ остаются въ Тибетѣ навсегда, спасаясь, если только вѣрно первое свѣдѣніе, отъ неминуемой смерти. Непальцы, благодаря воинственнымъ наклонностямъ господствующаго на ихъ родинѣ племени—гурка, умѣютъ оберегать свои интересы отъ посягательствъ мѣстнаго населенія. Такъ рассказываютъ, что около четверти вѣка тому назадъ, мѣстное духовенство, недовольное высокомернымъ отношеніемъ къ нимъ непальскихъ купцовъ, однажды по незначительному случаю подняло безпорядки, чѣмъ восполь-

зовалась и толпа. Разграблены были почти все непальские магазины. Непальское правительство потребовало от тибетских властей полного возмещения убытков, угрожая в противном случае войной. Тибетское казначейство принуждено было выдать потребованные суммы. Но, как уверяют ламы, этот инцидент заставил и непальцев быть более почтительными к местному духовенству.

Монголовъ, живущихъ въ самой Лхасѣ, почти нѣтъ, за исключеніемъ, конечно, временныхъ посѣтителей-богомольцевъ. Во время моего пребыванія, тамъ постоянно жилъ одинъ халхасецъ, прежде бывшій духовнымъ лицомъ и за провинности выгнанный изъ монастыря. Онъ сожительствовалъ съ тибетянкой и оба питались попрошайничествомъ и другими честными и нечестными заработками, но все же онъ не покидалъ надежды увидѣть когда-нибудь родныя кочевья. Еще жила одна старушка, принявшая обѣты монашества. Она происходила изъ Алашани и, проживая на счетъ добровольныхъ подаяній, неуклонно стояла на своемъ рѣшеніи продолжать до самой смерти счастье—каждодневно лицезрѣть обѣ статуи „Учителя“—Будды.

2. Соціальное дѣленіе.

Въ соціальному отношеніи туземное населеніе дѣлится на свѣтское и духовное сословіе. Во главѣ перваго сословія стоятъ потомственные князья съ манджурскими титулами не выше пятой степени, т. е. гуновъ. При новой организаціи управленія въ 1751 году ихъ было утверждено очень немного, но впоследствии число ихъ стало увеличиваться, такъ какъ отецъ или братъ каждаго далай-ламы и банчэня эрдэни обычно возводится въ степень гуна. Второе сословіе дѣлится на перерожденцевъ и простыхъ монаховъ безъ различія того, изъ какого сословія они вышли.

Князья, высшіе перерожденцы, монастырскія общины и высшее центральное управленіе являются собственниками земель, имѣя своихъ подданныхъ (по-тибетски ми-сре или ми-сэръ), которые живутъ на этихъ земляхъ и являются какъ бы свободными крестьянами, и рабовъ, уже невольныхъ работниковъ (жокъ или цзэ-жокъ). Однако подчиненность ми-сре выражается главнымъ образомъ въ уплатѣ аренды за земельное пользованіе,

а, кромѣ того, они подвергаются суду владѣльцевъ, которые высылаютъ на свои земли правителей, или назначаютъ ихъ изъ мѣстныхъ же жителей. Вслѣдствіе постановки на первый планъ исправнаго поступленія податей, здѣсь чрезвычайно развита откупная или арендная система. Получая извѣстный участокъ часто съ аукціона, откупщикъ или арендаторъ, понятно, старается извлечь какъ можно больше выгоды для себя, что является большимъ матеріальнымъ гнетомъ для подчиненныхъ. Однако оставленіе земельного пользованія не избавляетъ крестьянина отъ податей и повинностей и онъ долженъ уплачивать, смотря по средствамъ, извѣстную сумму своимъ господамъ.

Духовенство, по законамъ религіи, считается „вышедшимъ изъ дому“, поэтому оно свободно отъ податей и подчиняется только своей монастырской администраціи. Но суровая дѣйствительность съ постоянной борьбой за существованіе приводитъ бѣдныхъ изъ нихъ къ роднымъ, чтобы принимать участіе въ обработкѣ полей или отыскиваніи другихъ заработковъ. Все же они являются лично свободными, лишь бы не нарушали монастырскихъ уставовъ настолько, чтобы быть прогнанными.

3. Домашняя обстановка.

Домашняя обстановка различныхъ классовъ населенія, конечно, отличается такимъ разнообразіемъ, что никакъ не можетъ быть подведена подъ одну категорію. Вообще же должно сказать, что каждый классъ живетъ относительно грязно, иначе говоря, чистота въ жилищахъ никогда не соотвѣтствуетъ роскоши обстановки.

Кромѣ того, сама домашняя обстановка, по большей части, не соотвѣтствуетъ состоятельности хозяевъ; однако наибольшая роскошь съ затратой значительнаго капитала наблюдается въ предметахъ культа, коимъ въ богатыхъ домахъ отводятся даже отдѣльныя комнаты. Съ другой стороны, бѣдность часто имѣетъ лишь одну глиняную лампаду, поставленную на полочкѣ въ переднемъ углу передъ какимъ-нибудь старымъ и убогимъ изображеніемъ божества. Не беря на себя задачи описанія домашней обстановки такихъ разнообразныхъ слоевъ мѣстнаго общества, я все же хотѣлъ бы дать въ общихъ чертахъ картину квартирной обстановки тибетца средняго класса.

Этотъ классъ населенія занимаетъ квартиру въ двѣ большыя комнаты, одна изъ коихъ служитъ кухней, а другая—спальней. Въ послѣдней, обыкновенно въ одномъ изъ противо-

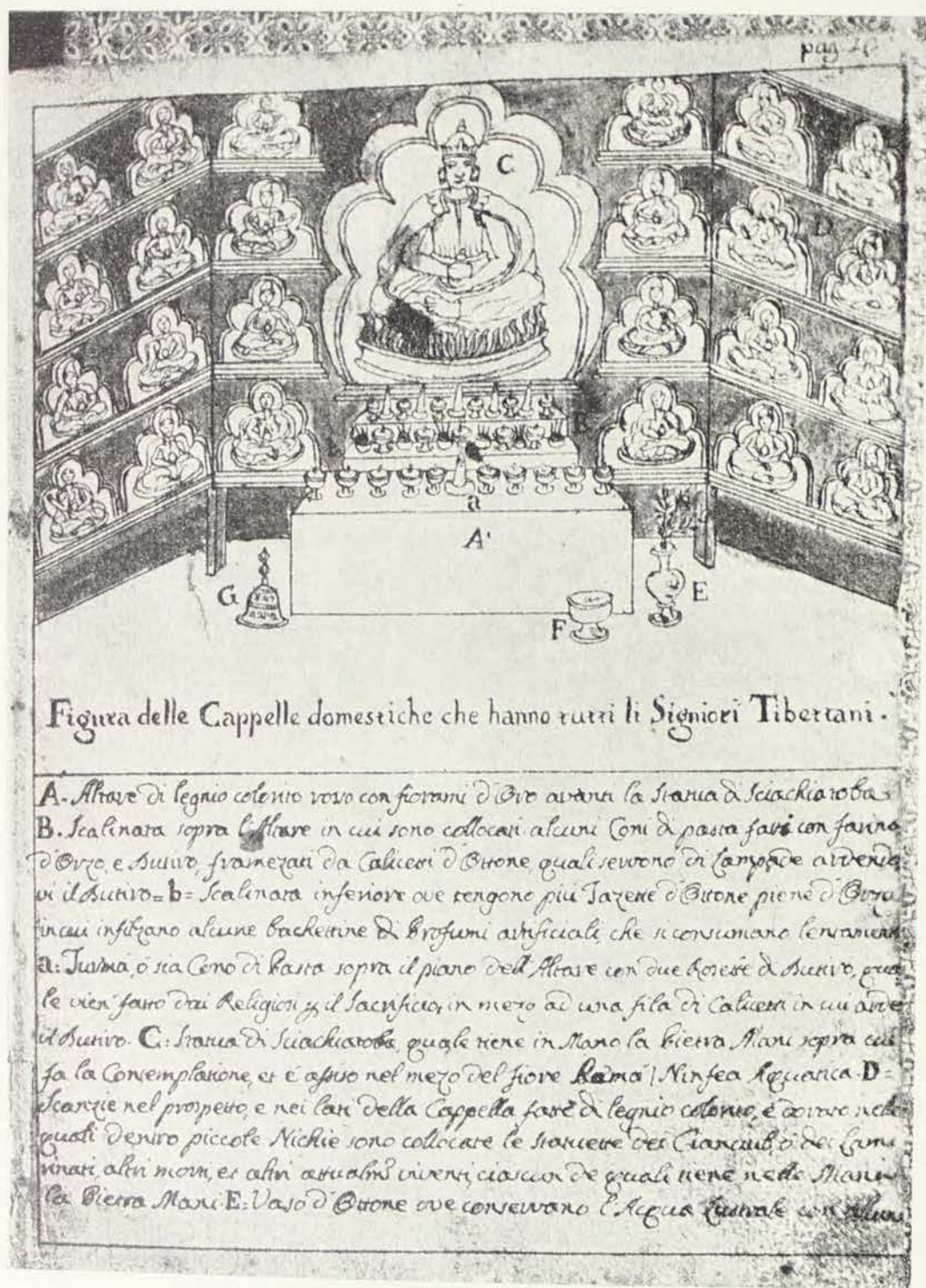

Figura delle Cappelle domestiche che hanno tutti li Signori Tibertani.

A. Altare di legno colorito rosso con figure d'oro avanta la stana di Sciachiarova
 B. Scalinata sopra l'Altare in cui sono collocati alcuni Coni di pasta fatti con farina
 d'Orzo e di grano frammessi da Calicini d'Orzo quali servono di lampade ardenti
 in il servizio. b= Scalinata inferiore ove tengono più Tazene d'Orzo piene d'Orzo
 in cui infondono alcune bacchette di profumo artificiale che si consumano lentamente
 a. Tasma o na Sono di Vaso sopra il piano dell'Altare con due botte di diuino, qua-
 le vien fatto dai Religiosi e il sacrificio in mezzo ad una fila di Calicini in cui viene
 il diuino. C: Stana di Sciachiarova, quale tiene in Mano la Vienna Mani sopra cui
 fa la Concentrazione, et è aperto nel mezzo del fiore Kama. Ninfesha Kama
 D. Scarpie nel proprio, e nei lati della Cappella fatte di legno colorito, e ornate nelle
 quadri dentro piccole Nicchie sono collocate le stanne dei Ciambus o dei Coni
 invari altri nomi, et altri attributi diversi di quali tiene nelle Mani
 la Vienna Mani. E: Vaso d'Orzo ove conservano l'Acqua sacra con diuino

Божница богатаго частного лица, по рисунку Beligatti.

(По фотографіи А. Н. Казнакова).

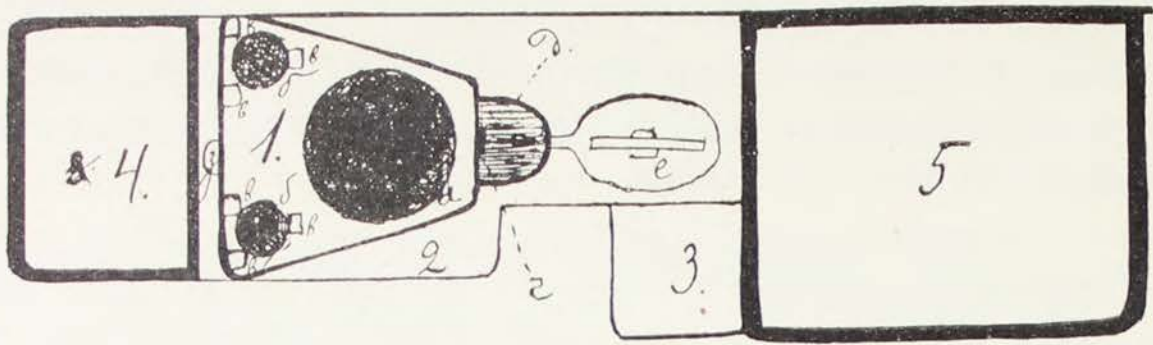
положныхъ входу угловъ, находится столъ для буддъ или, иначе, домашній алтарь. На немъ, ближе къ стѣнѣ, разставляютъ статуи буддъ, которыя чаще находятся въ отдѣльныхъ кіотахъ или имѣютъ одинъ общій шкафикъ съ открытой передней стѣнкой,

иногда задѣланной оконнымъ стекломъ. Передъ ними два или три ряда жертвенныхъ чашекъ, наполненныхъ водой, цзамбой, ячменемъ, цвѣтами и т. п. Каждый рядъ этихъ чашекъ имѣеть по одной лампадѣ, наполняемой исключительно коровьимъ топленымъ масломъ.

Затѣмъ, по стѣнамъ комнаты низенькія деревянныя кровати съ тюфяками, называемыми по-тибетски—бойдәнъ. Последніе покрываются сверху коврами мѣстнаго производства. вмѣсто тюфяковъ часто встрѣчаются и войлочные постели, покрытыя мѣстнымъ сукномъ или другими матеріалами. Специальныхъ подушекъ замѣчать не приходилось. Подъ голову кладутъ чаще платье, свернутое и сложенное въ мѣшки. Одѣяла ткнутся изъ овечьей шерсти, узкими полосами на подобіе ковровъ, такъ что со внутренней стороны немного напоминаютъ искусственный мѣхъ. Затѣмъ эти полосы сшиваются между собою. Такія одѣяла стоятъ, смотря по качеству, отъ полутора до четырехъ рублей.

Передъ кроватями—небольшіе низенькіе столики, на коихъ ставятъ тарелки, чашки и т. п., но почти неотлучно на нихъ стоитъ цзампоръ, большая деревянная чашка съ крышкой, обыкновенно выкрашенная въ красный цвѣтъ. Въ нее кладется мука цзамба, которая постоянно предлагается гостямъ первымъ кушаньемъ. Тутъ же, по близости, можно найти такъ называемый мэ-поръ, родъ глинянаго горшка съ большимъ отверстіемъ сверху; въ него плотно накладываются угли догорающаго аргала. Мэ-поръ, служа для поддержанія постоянно теплымъ поставленнаго на него чайника съ чаемъ, въ зимнее время, кромѣ того, нагрѣваетъ комнату, замѣняя печь, которой не бываетъ въ спальнѣ. Въ этой же комнатѣ хранятся деревянные сундуки и вообще всѣ пожитки хозяевъ. Стѣнныхъ украшеній почти нѣтъ, если не считать таковыми разныя изображенія религіознаго характера.

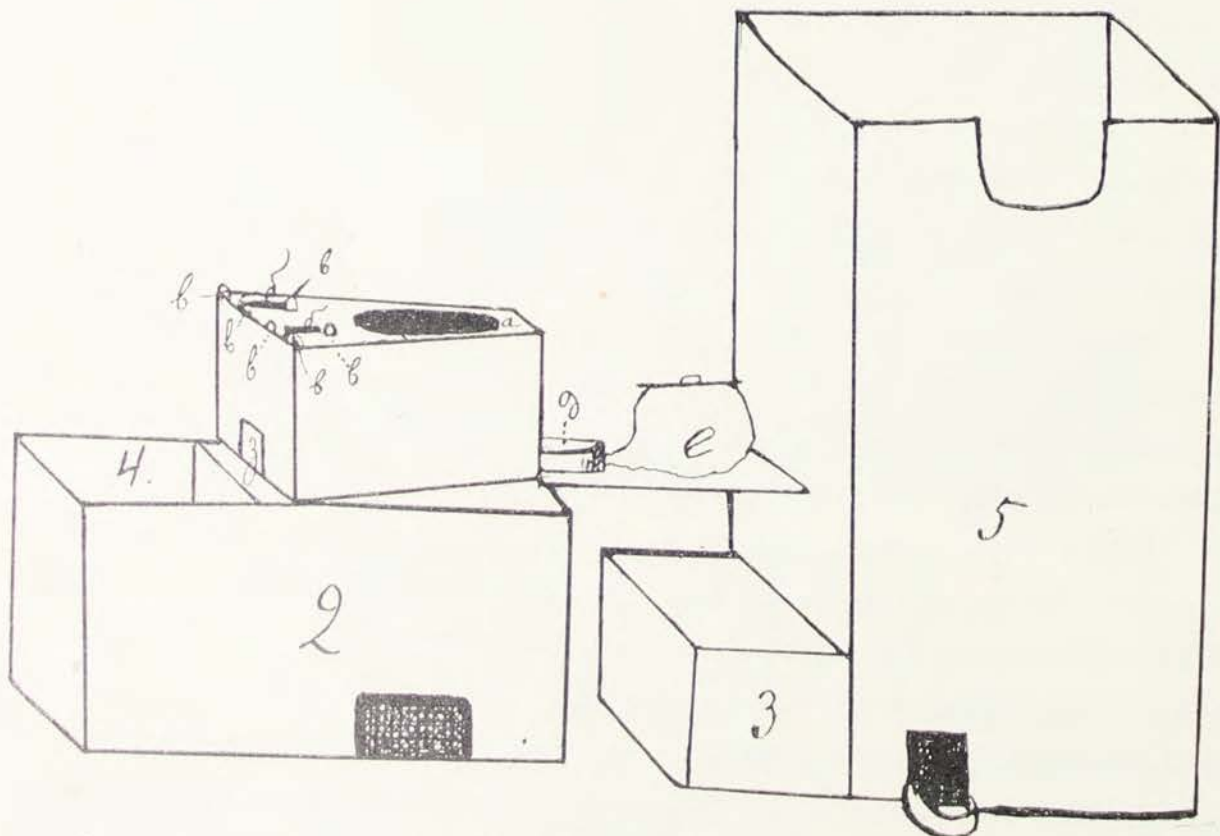
На кухнѣ самое главное—печь или, вѣрнѣе, очагъ (по-тибетски табъ), который при взглядѣ сверху напоминаетъ внѣшними очертаніями трапецію, имѣющую ближе къ болѣе узкому концу большое круглое отверстіе (а) для вставленія при приготовленіи пищи котла, а по острымъ угламъ своимъ небольшія отверстія (б) съ выступающими подпорками (в) по краямъ. На нихъ ставится небольшая посуда. Высота такой

Очагъ въ планѣ.

печи не бываетъ болѣе $\frac{1}{2}$ аршина. У узкаго же конца, сбоку, дѣлается большое отверстіе (г) для накладыванія топлива. Къ нему придѣлывается полукруглая съ невысокими стѣнами отгородка (д), въ которую вдѣлывается конецъ желѣзной трубы раздувальнаго ручнаго мѣха (е). Въ противоположной къ ней сторонѣ пробивается небольшое отверстіе (з) для выбрасыванія золы. Печь эта дѣлается изъ глины и, хорошо обожженная, продается на базарѣ отдѣльно.

Для удобства она ставится на особое основаніе (2), вышиной около $\frac{3}{4}$ аршина, со скамейкой (3) для сидѣнія истопника и загородкой для сваливанія золы (4). Подлѣ каждой печи почти всегда устраивается помѣщеніе (5) для храненія топлива.

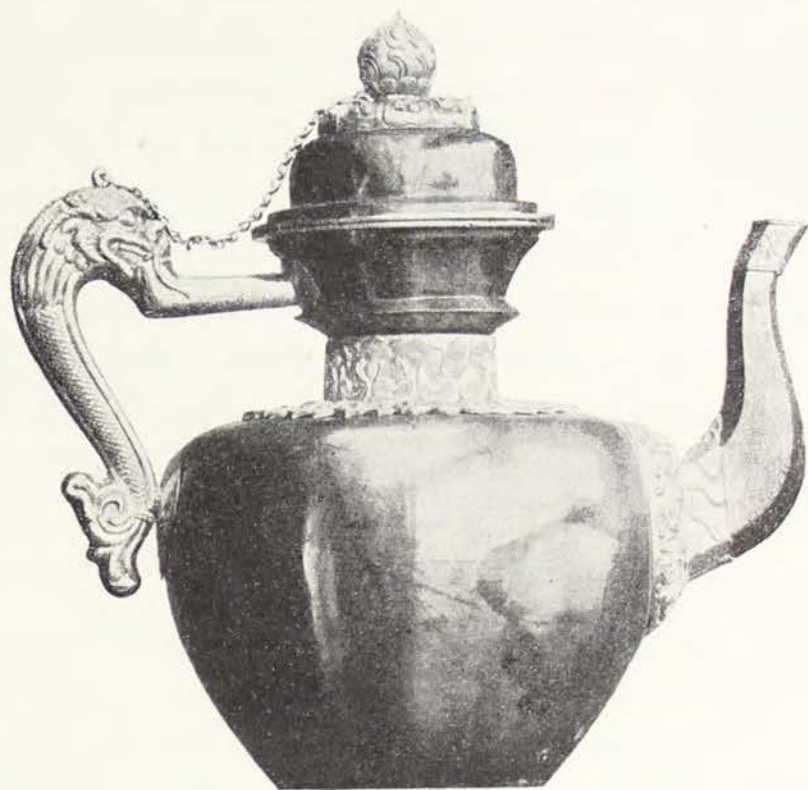

Перспективный видъ очага.

которымъ въ Лхасѣ, да и по всему Тибету, служить преимущественно сухой пометъ рогатаго скота (по-тибетски — мэ-шинъ — дрова).

Здѣсь же на кухнѣ, конечно, можно видѣть и всю кухонную посуду, которая почти цѣликомъ сдѣлана изъ хорошо обожженной глины. Кстати должно сказать, что въ гончарномъ искусствѣ тибетцы достигли значительнаго совершенства, какъ по художественности отдѣлки, такъ и по умѣнію обжигать глину.

Касаясь частныхъ, назовемъ главнѣйшіе виды глиняной кухонной посуды: 1) чурاما—большой сосудъ для воды, 2) чу-

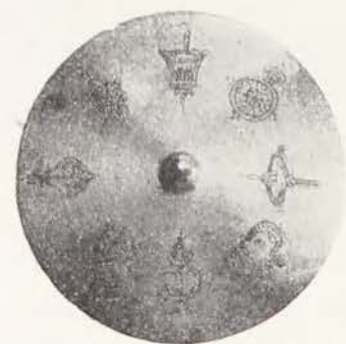
Чайникъ богатыхъ людей (глиняный, обдѣланный серебромъ).

бинъ—такой же сосудъ меньшихъ размѣровъ для носки воды (носятъ на спинѣ), 3) хог-ди—чайникъ для наливапія приготовленнаго для питья чая, 4) чжя-хог—горшокъ для храненія чайной настойки, изъ которой берутъ небольшую дозу и, разбавивъ кипяткомъ, получаютъ чай для питья, 5) хог-ма—котель для приготовленія пищи, 6) мѳ-хог—особый высокій горшокъ съ выступами внутри для вставленія деревянныхъ рѣшетчатыхъ загородокъ параллельно дну, предназначаемый для испеченія посредствомъ пара особыхъ пирожковъ (мѳ-мѳ).

Кромѣ этихъ глиняныхъ вещей, почти въ каждомъ домѣ можно найти особый цилиндрической сосудъ, называемый домо

или донмо и служащей для взбалтывания (задѣлывания) чая съ масломъ посредствомъ поршня. Если къ этому прибавить

деревянные и мѣдные ковши, а также деревянные и китайскія фарфоровыя чашки, то этимъ и ограничивается кухонный инвентарь первой необходимости.

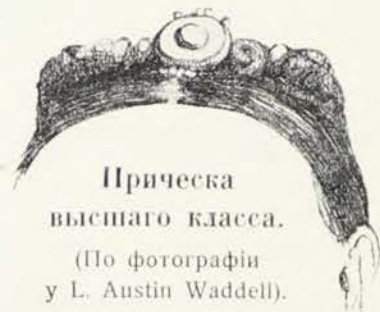
Деревянная чашка
съ крышккой.

Въ настоящее время въ зажиточныхъ домахъ глиняная посуда уже начинаетъ уступать мѣсто эмальированной, которая въ послѣднее время въ прогрессирующихъ размѣрахъ стала ввозиться изъ британской Индiи. Кромѣ того, въ богатыхъ домахъ въ большомъ употребленiи посуда изъ красной мѣди и въ особенности желтой мѣди, но у бѣдныхъ вся посуда исключительно глиняная, приготовленная, какъ мы говорили, на гончарномъ кругѣ. Самъ я не видѣлъ производства глиняной посуды, такъ

какъ въ Лхасѣ нѣтъ заводовъ, за отсутствiемъ соотвѣтствующей глины. Гончарныя работы производятся гдѣ-то въ сторонѣ отъ Лхасы.

4. Одежда и украшенiя.

Свѣтскiе мужчины центрального Тибета имѣютъ троякаго рода прическу волосъ. Высшiй и среднiй классы, а также окраинныя пастушескiя племена, никогда не брѣютъ волосъ на головѣ. При этомъ первый классъ, состоящiй изъ наследственныхъ титулованныхъ князей и высшихъ чиновниковъ, дѣлаетъ особую прическу, собравши всѣ волосы на темени въ пучекъ, который украшается еще золотымъ или серебрянымъ съ камнями (преимущественно бирюзой) гау (хранилище амулетовъ). Второй же классъ заплетаетъ одну косу на затылкѣ, дѣлая спереди проборъ точь-въ-точь какъ у русскихъ деревенскихъ дѣвушекъ. Пастушескiя племена чаще ходятъ съ распущенными волосами. Простой народъ брѣетъ часть головы, оставляя косу на подобiе китайской.

Прическа
высшаго класса.
(По фотографiи
у L. Austin Waddell).

Тѣ и другіе украшаютъ косы, ближе къ плечамъ, разными кольцами, или же болѣе или менѣе дорогими гау.

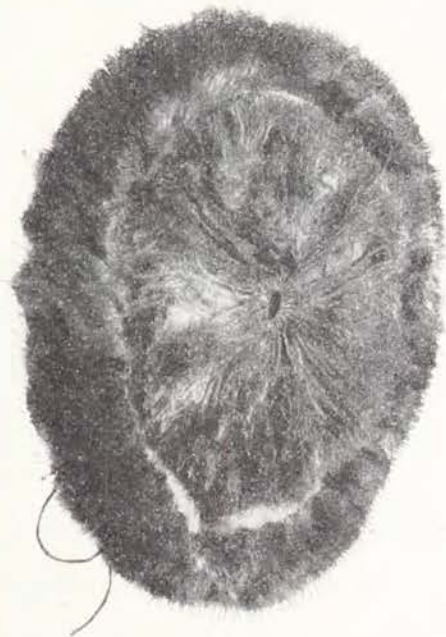
Серьга богатыхъ людей.

Въ правомъ ухѣ носятъ преимущественно одну бирюзу (ю) на шелковой ниточкѣ, а въ лѣвомъ—большое кольцо съ бирюзой (по-тибетски алунъ), знатные, а также богатые носятъ въ лѣвомъ ухѣ одиночную золотую серьгу (со-чжя), состоящую изъ кольца около 1½ дюйма въ діаметрѣ. Одинъ конецъ его остается свободнымъ для вдѣванія въ ухо, а другой—продолжается книзу и на него вдѣваются шарики съ бирюзовыми вставками. Оканчивается онъ продолговатымъ, заостреннымъ книзу, зеленымъ камнемъ или стекломъ.

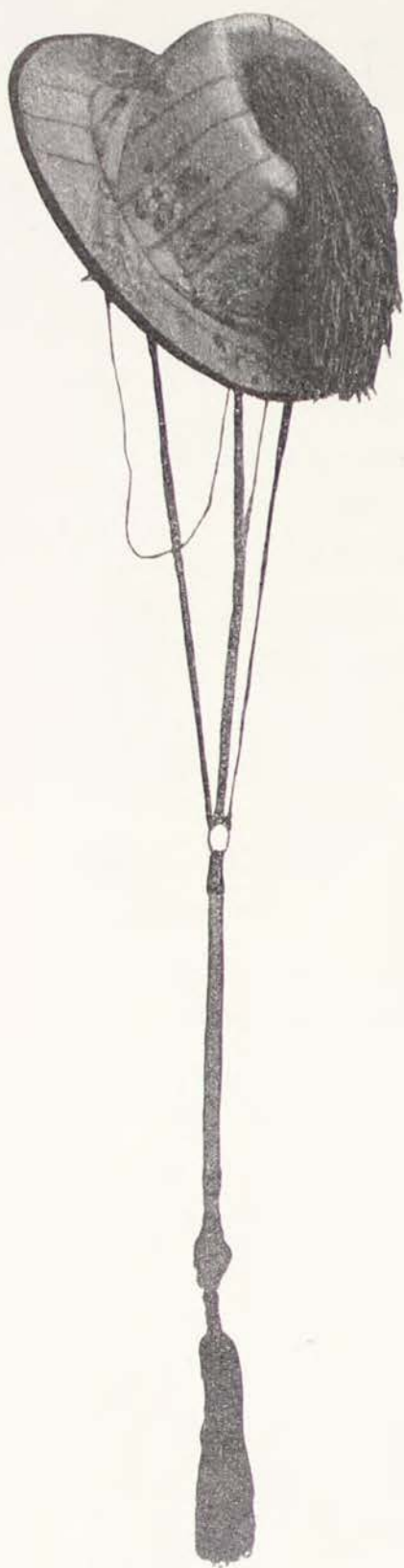

Тибетская безкозырка.

Головные уборы или шанки не отличаются однообразіемъ. Простой народъ носитъ обыкновенно войлочные шанки безъ козырька, какія носятъ китайскіе крестьяне сининскаго края, а также шанки различнѣйшихъ образцовъ своего изготовленія. Торговцы и зажиточные люди въ обыкновенное время любятъ надѣвать извѣстныя китайскія шапочки. Болѣе своеобразными являются шанки, надѣваемые должностными лицами. Князья и высшіе сановники въ торжественныхъ случаяхъ носятъ собольи шанки манджурскаго образца, а въ обыденное время — шляпы съ неширокими прямыми полями. Тѣ и другія украшаются пучкомъ нитокъ, поверхъ коего прикрѣпляется шарикъ степени его чина и павлинье перо (по-китайски — линцзы). Потомки древнихъ князей, покровителей религіи, являющіеся духовной аристократіей, въ большинствѣ случаевъ занимаютъ должности дунхоръ и носятъ особыя бѣлыя шапочки на самомъ темени, прикрывая извѣстную прическу. Болѣе низшія должностныя лица обыкновенно носятъ

Парадная соболья шапка высшихъ сановниковъ (недостаётъ шарика).

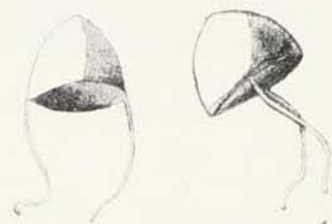

Шляпа, носимая сановниками въ обыденное время.

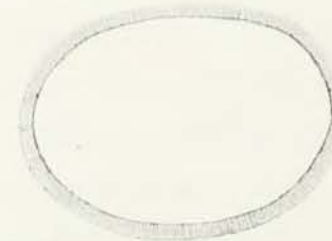
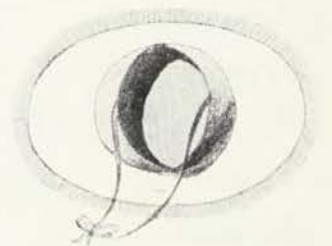
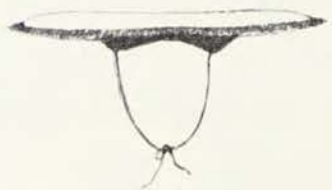
желтыя шапки, напоминающія фуражки безъ околышей и козырьковъ (по-тибетски богда), а свитная прислуга сановниковъ носить шапку, состоящую изъ большого краснаго круга, по краямъ котораго торчитъ красная же бахрома изъ шерсти, и небольшого приспособленія для надѣванія на голову, дѣлаемаго изъ парчи. Мнѣ приходилось слышать объясненіе, что такія шапки представляютъ шею послѣ отрубленія головы, изъ которой льется кровь, изображаемая бахромой. Этимъ символизируется то, что слуга постоянно долженъ опасаться быть обезглавленнымъ своимъ господиномъ, если только обнаружитъ невинное.

Покрой одежды тибетцевъ, какъ и у всѣхъ восточныхъ народовъ, отличается однообразіемъ, отличаясь, конечно, цвѣтомъ и разнообразіемъ матерій, изъ которой она строится. Мужская одежда состоитъ изъ: 1) рубашки (огчжу (гъ), которая дѣлается или съ широкими рукавами, но безъ пуговицъ, или безъ рукавовъ, но застегивающейся пуговицами; та и другая запахивается къ правой рукѣ; 2) панталонъ (гутунъ), съ разрѣзами внизу для отправления потребностей безъ помощи рукъ; у рабочаго

класса панталоны чаще дѣлаются вмѣстѣ съ безрукавной рубашкой, какъ у нашихъ маленькихъ дѣтей; 3) унтовъ (лхамгой), состоящихъ изъ войлочной, часто простеганной подошвы, края которой изогнуты кверху, при-

Шапочка дунхоровъ.

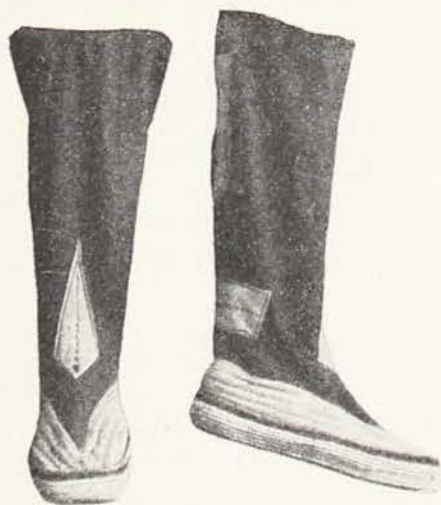

Шапка свитной прислуги: въ перспективѣ, снизу и сверху.

близительно на $\frac{1}{2}$ —1 дюймъ; къ этимъ краямъ пришивается головка изъ разноцвѣтнаго европейскаго сукна (гоньямъ), отъ которой идетъ вверхъ голенище изъ мѣстнаго сукна, почти исключительно темно-краснаго цвѣта. Такъ какъ голенище очень мягко, то оно требуетъ повязки (лхам-чжю(гъ)) на верхнемъ концѣ. Рабочій деревенскій людъ носитъ чаще сапоги съ сыромятными головками и голенищами изъ полосатаго мѣстнаго сукна; 4) поверхъ рубашки любятъ носить родъ нашего жилета; 5) сверху же надѣваютъ халатъ (чуба), который всегда запахивается къ правой рукѣ. Халатъ постоянно подпоясывается кушакомъ (пра).

Что касается цвѣта „чуба“, то у князей она желтаго цвѣта (обыкновенно китайскій атласъ), у средняго класса — темнокраснаго, у простолюдиновъ — бѣлаго, у солдатъ — темносиняго. Края одежды отдѣляются парчей, привозимой изъ Индіи.

Отъ дождя и солнца зажиточные жители Лхасы защищаются зонтиками европейскаго издѣлія и по большей части чернаго цвѣта, изрѣдка можно видѣть и неуклюжіе китайскіе зонтики краснаго или красножелтаго цвѣта изъ промасленной матеріи.

Дорожные сапоги монаховъ.

Переходя къ описанію женскихъ нарядовъ, предварительно замѣтимъ, что по причeskѣ и костюму почти нельзя различить взрослыхъ дѣвицъ и замужнихъ женщинъ. Развѣ скажемъ, что дѣвицы чаще оставляютъ одну маленькую косу на макушкѣ головы, но и это не всегда, повидимому, соблюдается. Только маленькія дѣвочки носятъ одну большую косу, но какъ только имъ наступитъ 12 — 13 лѣтъ, родители всѣми силами стараются сдѣлать имъ прическу взрослыхъ съ ея неотлучными принадлежностями. Эта прическа состоитъ изъ одной маленькой косы, упомянутой выше, и двухъ большихъ косъ (ра) сзади ушей. Онѣ спускаются на спину и снабжаются

Парадный костюмъ дунхоровъ.

отъ начала до конца не малымъ количествомъ фальшивыхъ волосъ. Вслѣдствіе этого, лхохасскія и вообще уйскія женщины могутъ поразить густотой и длиной своихъ волосъ чловѣка, незнакомаго съ этой поддѣлкой. Въ концѣ этихъ двухъ косъ влетаютъ красные шнуры съ пучками на концахъ, достигающихъ почти до пятокъ. У поясницы эти косы соединяются нѣ-

Группа женщинъ, впереди которыхъ монахи.

сколькими нитками, длиной около 7—8 вершковъ, нанизанными у богатыхъ жемчугомъ, а у менѣе зажиточныхъ—мелкими фарфоровыми бѣлыми бусами.

Поверхъ косъ на голову надѣвается уборъ, называемый бачжу. Онъ состоитъ изъ упругаго, деревяннаго, почти круглаго обруча, обшитаго обыкновенно краснымъ европейскимъ сукномъ, кругомъ его попеременно пришиваются коралль (шюру) и бирюза (ю).

Въ ушахъ женщины носятъ большія своеобразныя серьги, называемыя эго и дѣлаемыя у зажиточныхъ изъ золота, а у небогатыхъ изъ серебра. Онѣ одного образца и отличаются лишь размѣрами, а также и качествомъ бирюзы, которою онѣ облицовываются.

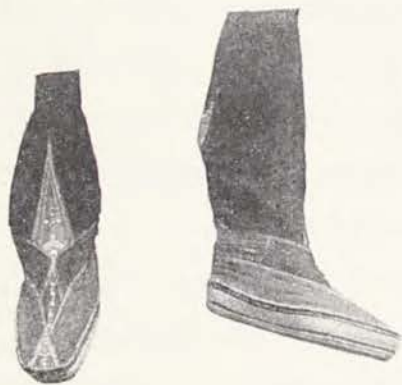
На шеѣ поверхъ одежды носить небольшіе кивоты, называемые гау, предназначенные для храненія амулетовъ, но въ настоящее время являющіеся исключительно груднымъ украшеніемъ. На лицевой сторонѣ его вставляется преимущественно бирюза, но у богатыхъ нерѣдко приходилось наблюдать между бирюзой брилліанты и рубины.

Мѣдное гау.

На правой рукѣ у кисти носить браслетъ изъ цѣльной, просверленной вдоль, бѣлой раковины и называютъ его дунко. Онъ надѣвается двѣмъ, когда ей около 10—11 лѣтъ, такъ что, когда она достигнетъ полного физическаго развитія, браслетъ не можетъ уже сниматься черезъ кисть руки. На пальцахъ носятъ различныя кольца (цэго). На лѣвой рукѣ носятъ обыкновенно браслеты изъ разныхъ металловъ.

Женщины обыкновенно не носятъ шляпъ, но въ жаркое и холодное время года, въ особенности въ дорогѣ, употребляютъ, какъ головную повязку, красный шарфъ (карэй — кашемирская матерія). Нижняя рубашка по покрою сходна съ мужской. Панталонъ онѣ не носятъ вовсе, но ихъ замѣняетъ юбка, называемая

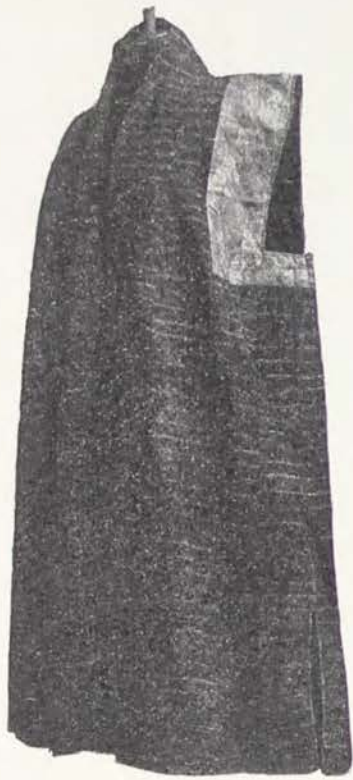

Женскіе сапоги.

однако гутунъ (т. е. панталоны), въ отличіе отъ ламскихъ мэд'-югъ. Сапоги одинаковы съ мужскими, только на головкахъ ихъ синяя полоса мужскихъ замѣняется зеленой. Въ холодное время женщины обыкновенно надѣваютъ халаты, похожіе на мужскіе, но въ теплое время большинство носятъ халаты безъ рукавовъ (пуми — безрукавка), такъ что получается отдаленное сходство съ сарафаномъ русской деревни.

Сходство костюмовъ еще увеличится, если добавимъ, что всѣ женщины носятъ четырехугольный фартукъ (бандэ), сшиваемый изъ мѣстнаго, специально для него изготовляемаго, сукна. Затѣмъ богатыя женщины, являясь въ лучшихъ своихъ

нарядахъ, привѣшиваются на поясъ, немного сзади бедеръ, серебряныя цѣпочки (ихъ пара), называемыя паг-гö(й) хаб-шю(г), что значитъ „поясной футляръ для иголокъ“; таково, очевидно,

Женская безрукавка, носимая безъ пояса поверхъ халата.

было первоначальное назначеніе привѣсокъ, футляръ находился въ нижней части; теперь это только украшеніе. Нижніе концы цѣпочекъ заканчиваются пучками шелковыхъ нитокъ, доходящими почти до земли.

Помимо этихъ нарядовъ должно упомянуть объ обычаѣ тибетянокъ намазывать лицо темно-коричневымъ составомъ, приготовляемымъ, какъ передавали мнѣ, путемъ долгаго кипяченія чая. Красятъ лицо или часть его, по своему усмотрѣнію, и молодья и старья. Не мажутъ ихъ только княжескія жены, да жены магометанъ, да изрѣдка какія-нибудь кокетки. Показываться на улицѣ съ невымазаннымъ лицомъ считается неудобнымъ.

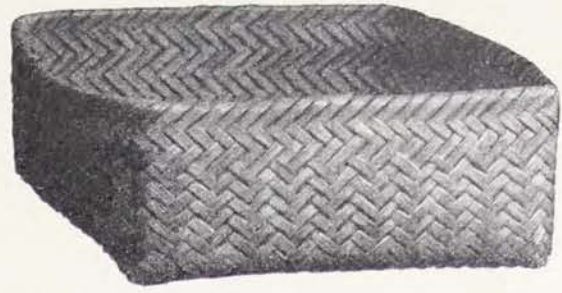
Таковы вообще костюмы и украшенія уйскихъ тибетцевъ. Упомянемъ о нѣкоторыхъ отступленіяхъ, дѣлаемыхъ въ зависимости отъ состоянія и званія. Такъ, богатая женщины обыкновенно носятъ жемчужное бачжу (мудиг-бачжу), которое въ такомъ случаѣ имѣетъ ромбоидальную форму. На четырехъ углахъ его по два крупныхъ коралла; промежутки обтянуты нитями, нанизанными жемчугомъ. Жены князей и высшихъ сановниковъ носятъ поверхъ халата еще особую неструю накидку и на голову надѣваютъ особую шапочку, похожую на ермолку, сдѣланную изъ нитокъ мелкаго жемчуга.

Касательно матеріи, изъ которой изготовляются эти костюмы, должно сказать, что преобладаютъ сукна мѣстнаго производства, но въ послѣднее время получаютъ большое распространеніе сукно и бумажныя матеріи европейскаго издѣлія.

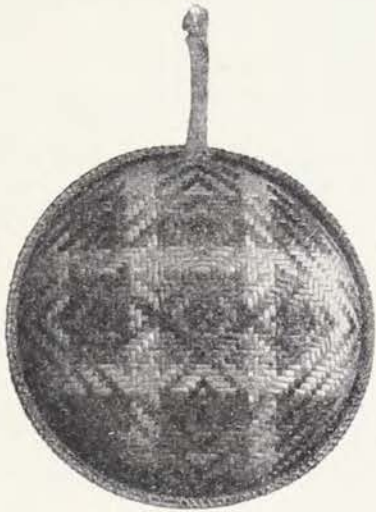
5. Рынокъ и торговля.

Главными рыночными мѣстами Лхасы являются улицы вокругъ квартала „Чжу-ринбочэ“, которая почти сплошь за-

няты лавками и мелочной торговлей. При этомъ лавки и магазины занимаютъ обыкновенно нижніе этажи почти всѣхъ частныхъ домовъ по обѣимъ сторонамъ этихъ улицъ. Хозяевами этихъ лавокъ являются, преимущественно, непальцы, кашмирцы и тибетцы изъ Бутана (бругпа). Всѣ они предпочитаютъ торговать английскими, индійскими и китайскими товарами; впрочемъ, непальцы торгуютъ и мѣстными сукнами. Особенно бойко торгуютъ дешевыми английскими сукнами, молескиномъ, коленкоромъ, бязью, эмальированной посудой, вывозимыми изъ Англии и британской Индіи; кораллами, привозимыми изъ Италіи; кашмирской парчей, тростниковымъ сахаромъ и другими многочисленными предметами, при выборѣ которыхъ торговцы, по видимому, руководствуются дешевизною, отводя уже второе мѣсто качеству товара. Въ лавкахъ происходятъ болѣе крупныя сдѣлки, но гораздо оживленнѣе идетъ

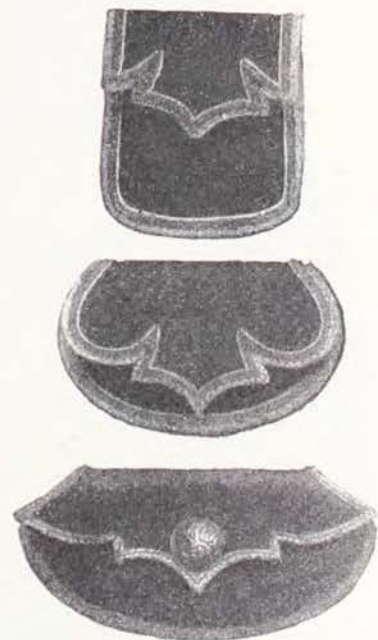
Корзина для хлѣба, лепешекъ и т. п.

Корзинка съ крышкой для хлѣба, лепешекъ и т. п.

уличная мелочная торговля, которая представляетъ слѣдующій видъ. На улицахъ—въ узкихъ мѣстахъ подъ стѣнами домовъ, а въ широкихъ (какъ на восточной и отчасти на сѣверной сторонахъ отъ квартала Чжу) располагаются рядами торговцы и торговки, выставивъ свой товаръ на разостланныхъ подстилкахъ изъ грубыхъ матерій и на циновкахъ. Большая ихъ часть женщины, проводящія время не особенно скучно въ сообщеніи другъ другу сплетень и пересудовъ о прохожихъ, въ остроумныхъ замѣчаніяхъ покупателямъ и веселыхъ шуткахъ съ послѣдними, что всегда сопровождается хоровымъ смѣхомъ сосѣдокъ и т. д. Среди нихъ-же сидятъ и сурово-мрачные кашмирцы, часто занимаю-

уличная мелочная торговля, которая представляетъ слѣдующій видъ. На улицахъ—въ узкихъ мѣстахъ подъ стѣнами домовъ, а въ широкихъ (какъ на восточной и отчасти на сѣверной сторонахъ отъ квартала Чжу) располагаются рядами торговцы и торговки, выставивъ свой товаръ на разостланныхъ подстилкахъ изъ грубыхъ матерій и на циновкахъ. Большая ихъ часть женщины, проводящія время не особенно скучно въ сообщеніи другъ другу сплетень и пересудовъ о прохожихъ, въ остроумныхъ замѣчаніяхъ покупателямъ и веселыхъ шуткахъ съ послѣдними, что всегда сопровождается хоровымъ смѣхомъ сосѣдокъ и т. д. Среди нихъ-же сидятъ и сурово-мрачные кашмирцы, часто занимаю-

Сумочка-портмона (носятъ за пазухой).

шіеся чтеніемъ своихъ книгъ, и женственно-граціозные непальцы, назойливо зазывающіе покупателя. Преобладающимъ видомъ товара на рынкѣ являются англійскія бездѣлушки: стеклянныя бусы, жестяныя баночки съ портретами на наружной сторонѣ крышки европейскіхъ и азіатскіхъ государей, среди коихъ чаще всего встрѣчаются изображенія германскаго императора, турецкаго султана, персидскаго шаха съ соотвѣтствующими надписями вокругъ нихъ на англійскомъ языкѣ, хотя на днѣ этихъ баночекъ красуется надпись: „made in Germany“; затѣмъ дудочки, иглы, карандаши, записныя книжки, жестяныя тарелочки, красильныя вещества, сѣрныя и шведскія спички, преимущественно „made in Japan“.

Коврикъ для сѣдла.

Всматриваясь въ эти вещи, случалось поинтересоваться оцѣнкой всего товара отдѣльнаго торговца и часто не удавалось насчитать и на пять рублей. Какую же выгоду получаютъ отъ такого капитала? Безъ сомнѣнія весьма малую. Но эти торговки никогда не теряютъ даромъ времени и всѣ бываютъ заняты какимъ нибудь постороннимъ дѣломъ; одна няньчитъ и кормитъ грудью своего ребенка, другая прядетъ овечью шерсть для тканья мѣстныхъ суконъ, третья вяжетъ чулки, четвертая, въ болѣе преклонныхъ лѣтахъ, вертитъ молитвенный цилиндръ и т. п.

Цзамхокъ—мѣшокъ для цзамба.

Помимо этихъ торговцевъ тутъ же сидятъ торговцы мѣстными произведеніями: сукномъ (по-тибетски нѣм-бу), тэр-ма (болѣе тонкая и узкая матерія, чѣмъ первое), деревянными и глиняными издѣліями, разнымъ готовымъ платьемъ и т. п. Здѣсь же происходитъ продажа старья, на которое очень падки

тибетцы. Подъ видомъ же продажи старья часто происходятъ вольные и невольные аукціонные торги.

Съѣстные продукты продаются преимущественно на прилежащихъ улицахъ. Розничная продажа чая и масла, главнымъ образомъ, находится въ рукахъ мѣстныхъ торговцевъ, хотя привозъ изъ Китая и оптовая продажа первого продукта производится

Подставка и крышка для фарфоровыхъ чашекъ.

камскими купцами, а масло оптомъ покупается отъ перекупщи ковъ, кочевыхъ тибетцевъ, живущихъ на окраинахъ страны.

Хотя рынокъ бываетъ довольно оживленнымъ весь день, отъ восхода и до захода солнца, но самое большое оживленіе замѣчается подъ вечеръ, когда происходитъ такъ называемый гун-томъ (вечерній рынокъ)

Въ это время жители Лхасы имѣютъ обыкновеніе обходить по-солонь (т. е. оставляя святыню по правую руку) вокругъ

квартала Чжу и въ то-же время просматривать выставку товаровъ, соединяя такимъ образомъ пріятное съ полезнымъ и душеспасительнымъ. Путь, по которому обходятъ кварталъ Чжу, называется среднимъ кругомъ — бар-хоръ. Послѣ захода солнца къ нимъ присоединяются окончившіе занятіе торговцы, часто неся на себѣ весь свой товаръ, такъ что въ это время вся улица заполняется безконечной вереницей идущихъ въ одну сторону, только кашмирцы демонстративно прогуливаются въ противоположномъ направленіи. Съ наступленіемъ темноты эти улицы пустѣютъ и мѣста людей занимаютъ бродячія собаки, ищущія чѣмъ поживиться на мѣстахъ выставки съѣстного и положительно осаждающія запоздалыхъ прохожихъ.

Для дополненія обзора рыночной дѣятельности скажемъ о мѣрахъ и монетахъ, употребляемыхъ въ здѣшней торговлѣ. Для сыпучихъ тѣлъ употребительная мѣра четверикъ (ду) — китайское — доу, равный 10 гарнцамъ (брэ); но цзамба при продажѣ измѣряется коробкою, ёмкостью меньше китайскаго гарнца — шэн-цзы. Вѣсовой единицей служитъ ньага, равная четыремъ китайскимъ ланамъ; 5 ньага образуютъ 1 бо, а четыре бо равны одному кхэ. Эта послѣдняя обыкновенно служитъ наибольшей вѣсовой мѣрой. Вѣсовыми инструментами служатъ безмѣны китайскаго образца, но можно съ увѣренностью сказать, что рѣдко двое вѣсовъ бываютъ согласны между собою. Поэтому покупатель всегда слѣдитъ, у кого вѣсы добросовѣстнѣе, и, понятно, у того и покупаетъ охотнѣе. Многіе торговцы имѣютъ одни увеличенные вѣсы для покупокъ, другіе уменьшенные для продажи.

Это обстоятельство заставляетъ оптоваго продавца сравнивать вѣсы у многихъ покупателей и сообразно качеству ихъ назначать цѣны. Значитъ, добросовѣстность вѣсовъ нормируется только интересами самого мелочного торговца. Самая мелкая продажа дѣлается на глазомѣръ.

Матеріи разцѣниваются и продаются сообразно своей ширинѣ (по-тибетски ха—ротъ), а мѣстное сукно — на маховую сажень или кусками, приноровленными къ количеству, достаточному на извѣстную вещь.

Торговля во всемъ центральномъ Тибетѣ ведется на монеты (по-тибетски — дам-хà), которыя были заимствованы у непальцевъ, но въ настоящее время чеканятся ручнымъ способомъ на монетномъ дворѣ у Поталы мѣстными наемными кузнецами

подъ присмотромъ казначеевъ—ламъ. Мнѣ разъ удалось видѣть чеканку монетъ. Она производилась кузнецами ручнымъ способомъ изъ сплава серебра и мѣди. Сначала выковываютъ на

Монета далай-ламской чеканки
болѣе старая.

Монета далай-ламской чеканки
болѣе новая.

Подѣлка подъ монету далай-ламской
чеканки, съ сильной примѣсью мѣди.

Монета типа далай-ламской чеканки,
негодная и испорченная.

Монета дань-чжай-линской чеканки
(1791 г.).

Монета дань-чжай-линской чеканки
(1792 г.).

Монета дань-чжай-линской чеканки
(1890 г.).

Монета дань-чжай-линской чеканки
(1890 г. подѣлка).

каменныхъ наковальняхъ длинныя, узкія, тонкія полосы, затѣмъ изъ нихъ вырѣзаютъ ножницами кружки, которые затѣмъ выби-

ваются въ тискахъ съ вырѣзкою. Во время моего пребыванія въ Лхасѣ, одинъ иностранецъ, повидимому, индѣецъ, установилъ на монетномъ дворѣ машину для чеканки монетъ, но монетъ этой новой чеканки мнѣ не удалось видѣть.

Дамха номинально равняется по вѣсу $1\frac{1}{2}$ китайскаго цина; изъ этого количества одинъ цинъ—чистаго серебра, а $\frac{1}{2}$ цина—мѣди. На дѣлѣ же теперешняя монета не достигаетъ этого вѣса и проба ея гораздо ниже, хотя старыя монеты болѣе добросовѣстной чеканки. Въ обращеніи находится много и совершенно недобросовѣстныхъ монетъ, кои у насъ именуются фальшивыми. Но въ Тибетѣ въ поддѣлкѣ ихъ нерѣдко виновны сами казначей и правители, выпускающіе такія монеты изъ личной корысти.

Дамха въ разное время чеканки имѣли и разные рисунки. Самой распространенной въ современномъ обращеніи является монета съ надписью: Галдан-побран-чог-лай-нам-чжялѣ, т. е. съ названіемъ далай-ламскаго дворца въ Брѣбунѣ, гдѣ она, какъ говорятъ, сначала и чеканилась, но сохранила свою надпись и по перенесеніи монетнаго двора въ Поталу. Слѣдующими по численности являются монеты съ обозначеніями годовъ чеканки, выраженными двумя группами цифръ, первая изъ коихъ показываетъ „раб-чжунъ“, т. е. шестидесятилѣтіе, начиная съ 1027 г., а вторая порядокъ года въ немъ. Мнѣ попадались лишь монеты съ обозначеніемъ двухъ годовъ $\frac{13}{46}$ и $\frac{15}{24}$, что соотвѣтствуетъ 1792 и 1890 г.г. христіанской эры. Кромѣ того въ ходу непальскія монеты, даже XVII и XVIII вѣковъ.

Курсъ этой монеты на китайское вѣсовое серебро въ послѣднее время сильно мѣнялся. Мнѣ передавали, что лѣтъ двадцать тому назадъ за ланъ китайскаго серебра на монетномъ дворѣ давали 12 монетъ, лѣтъ 10 тому назадъ давали $10\frac{2}{3}$ монеты, но во время моего пребыванія въ Лхасѣ ланъ серебра вымѣнивался лишь на 8 монетъ. Немного дороже скупаютъ китайское серебро камскіе купцы, торгующіе въ Да-цзян-лу.

Особыхъ монетъ бѣльшей цѣнности нѣтъ и болѣе крупными единицами счета служатъ: а) с(р)анъ (по-китайски ланъ), который состоитъ изъ $6\frac{2}{3}$ монеты (такъ что 20 монетъ равны тремъ сранамъ и в) доцѣ(д) или ямбу, заключающій въ себѣ 50 срановъ, или $333\frac{1}{3}$ монеты. Равнымъ образомъ нѣтъ монетъ и меньшей цѣнности, а при дробномъ счетѣ употреб-

ляютъ монету особаго образца (болѣе высокой пробы), разсѣкая ее двояко: или пополамъ, или на три части. При послѣднемъ разсѣченіи двѣ трети остаются вмѣстѣ, $\frac{1}{3}$ часть монеты, долженствующая вѣсить 5 китайскихъ фыновъ, называется гарма-на, что буквально значитъ „пять звѣздочекъ“, а въ пере-

Непальская монета Pratāpasimha sāha
1698 śāka—1777 по Р. X.

$\frac{2}{3}$ монеты.

$\frac{2}{3}$ монеты.

$\frac{2}{3}$ монеты.

$\frac{1}{3}$ монеты.

$\frac{1}{3}$ монеты.

носномъ значеніи 5 фыновъ; $\frac{1}{2}$ монеты называется че(дб)-чжă(дъ), „разсѣченная половина“; $\frac{2}{3}$ —соотвѣтствующія одному цинну, называются шоганъ—„одинъ цинъ“; разница между двумя послѣдними, а также между чечжă и гармана, т. е. $\frac{1}{6}$ монеты, называется кхаганъ, т. е. „одна шестая часть“, но для послѣдней нѣтъ отдѣльнаго кусочка и въ обиходѣ она уплачивается вышеупомянутыми разницами. Точно также нѣтъ, конечно, отрубка для $\frac{5}{6}$ монеты, хотя и существуетъ для нихъ особое наименованіе хачă(дъ), т. е. „недостатокъ (до монеты) одной части“. Къ этому слѣдуетъ добавить, что разсѣченныя части

почти никогда не встрѣчаются въ цѣломъ видѣ, а обращаются въ дуги слесарями, видящими выгоду въ серебрѣ, отсѣченномъ изъ середины полукруга.

Золотыхъ монетъ въ обращеніи нѣтъ, а золото продается въ слиткахъ. Въ 1901 году ланъ золота стоилъ около 40 с(р)ановъ мѣстныхъ монетъ, т. е. 53,33 руб., или 1 золотникъ золота стоилъ около 5 рублей.

Кромѣ мѣстной монеты въ Лхасѣ охотно принимаются за 3 и $3\frac{1}{3}$ монеты британско-индійскія рупіи (по-тибетски пилинь гормо). Монеты эти охотно скупаются кунцами изъ провинціи Камъ, гдѣ, какъ говорятъ, индійскія рупіи стали ходячей денежной единицей.

При торговлѣ принято употреблять всѣ способы, рекомендуемые извѣстной поговоркой: „не обманешь—не продашь“. Поэтому привыкли при продажѣ весьма сильно запрашивать цѣну на ряду съ непремѣннымъ восхваленіемъ предлагаемаго товара и неоднократнымъ призываніемъ въ свидѣтели своихъ словъ „Чжу“ или „Чжу-Ринбочэ“, къ которому въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ и магометане-кашмирцы. Покупатель,

Индійская рупія.

понятно, начинаетъ давать съ самой малой цѣны. Постепеннымъ пониженіемъ запрошенной цѣны продавцомъ и повышеніемъ данной цѣны покупателемъ, наконецъ, приходятъ къ соглашенію. Послѣ отмѣрки, покупатель обычно проситъ сдѣлать прибавку; это практикуется въ особенности при покупкѣ съѣстныхъ припасовъ. Тогда продавецъ обычно дѣлаетъ прибавку, а затѣмъ и слѣдующія постепенно уменьшая дозу, болѣе назойливые покупатели просятъ прибавки до 6—7 разъ. Принято дѣлать обыкновенно прибавку три раза, хотя бы такими долями, что приходится удивляться терпѣнію той и другой стороны. Если продавецъ не уступчивъ на прибавку, нерѣдко покупатель бросаетъ товаръ и удаляется. Когда сдѣлка уже кончена и стоимость уплачена, покупатель заставляетъ продавца „сказать благопожеланіе“ (по-тибетски „мѳилам-дабъ или чжѣб“). Тогда продавецъ беретъ проданный товаръ въ руки и читаетъ заговоръ, смыслъ котораго сводится къ тому, чтобы вещь служила

очень долго и доставила счастье и долгоденствіе потребителю. Потомъ, приложивъ ее къ своему лбу, отдаетъ покупателю, который и уноситъ купленное.

б) Занятія жителей.

Лхаса не отличается никакой отдѣльной промышленностью, которой можно было бы охарактеризовать занятіе его жителей. Жизнь этого города обусловлена тѣмъ, что онъ является религиознымъ и административнымъ центромъ ламаитскаго міра и центрального Тибета, притягивающимъ многочисленныхъ богомольцевъ и не мало чиновнаго люда. Скопленіе народа, какъ извѣстно, требуетъ торговли, которою и можно охарактеризовать занятіе жителей этого города. Торговля, какъ сказано выше, преобладаетъ мелочная, состоящая въ перепродажѣ деревенскихъ продуктовъ и товаровъ оптовыхъ продавцовъ.

Оставивъ подробности о занятіяхъ исключительно столичныхъ жителей, скажемъ нѣсколько словъ про занятія жителей вообще центрального Тибета.

Главнымъ занятіемъ тибетцевъ должно считать земледѣіе и скотоводство, причемъ земледѣіемъ заняты всѣ долины рѣкъ и вообще болѣе низкія и удобныя мѣста, а скотоводствомъ—травянистыя горы и высокія окраины страны.

Земледѣльцы сѣютъ главнымъ образомъ ячмень (арнаутская пшеница), изъ котораго готовится мука цзамба, составляющая главную пищу всѣхъ классовъ населенія; затѣмъ пшеницу для производства крупчатки, горохъ и бобы. Огородники сажаютъ преимущественно китайскую (съ красной корой) и тибетскую (съ бѣлой коркой) рѣдьку, которая служитъ главнымъ приварочнымъ и закусочнымъ овощемъ, два вида капусты, затѣмъ картофель, рѣпу и морковь.

Ослы, завьюченные топливомъ.

Скотоводы разводятъ яковъ и овецъ, а также небольшое число лошадей. Разводятъ также и помѣсь между якомъ и рогатымъ скотомъ, называемую цзо. Это болѣе красивое и выносливое животное, чѣмъ его родители. Земледѣльческое населеніе подспорьемъ своего главнаго хозяйства разводитъ ословъ и простой рогатый скотъ, идущихъ подъ полевые работы и вьюки, а также овецъ для полученія шерсти и мяса. Кромѣ того, уже въ самомъ ограниченномъ числѣ, разводятъ муловъ и лошадей. Всѣ эти животныя отличаются низкимъ ростомъ и вообще некрасивымъ видомъ, но зато чрезвычайно выносливы и невзыскательны въ пищѣ и уходѣ за ними.

Обработка полей производится небольшими сохами, въ которыя впрягается, преимущественно, пара цзо или яковъ. Бороньба чаще производится ручнымъ способомъ: граблями и деревянными молотками. Намъ не приходилось наблюдать отдыхающихъ полей. Вслѣдствіе недостатка въ удобной для хлѣбо-

Яки подъ ярмомъ.

пашества земли, пашни засѣваются ежегодно, причемъ удобряются золой, смѣшанной съ человѣческими изверженіями. Весною, при посѣвѣ, поля обильно орошаются посредствомъ

канавъ, въ достаточномъ числѣ проведенныхъ даже на большія разстоянія. Въ земледѣльческомъ районѣ очень мало подножнаго корма для скота даже лѣтомъ, поэтому зимою кормятъ скотъ исключительно соломой и горохомъ. Трава, вырываемая съ болотистыхъ мѣстъ и промежутокъ засѣянныхъ нивъ, стоитъ сравнительно дорого и составляетъ кормъ болѣе дорогихъ, преимущественно, городскихъ животныхъ. Трава, растущая на болотистыхъ мѣстахъ, высокая, грубая въ родѣ камыша. Ее скармливаютъ зеленой, такъ какъ высыхая она настолько твердѣетъ, что дѣлается негодной для корма.

Пастушеское населеніе не дѣлаетъ запасовъ сѣна и животныя цѣлый годъ проводятъ на подножномъ корму.

Передвиженіе по странѣ совершается только верхомъ и вьючнымъ способомъ. Намъ приходилось видѣть неуклюжія двухколесныя телѣги только для перевозки большихъ каменныхъ глыбъ и то очень рѣдко. Толстыя бревна, даже на большія разстоянія, переносятся пѣшими людьми на плечахъ.

7) Общія замѣчанія.

Изъ сказаннаго выше, что Тибетъ страна ламаитовъ, читатель уже можетъ заключить, что среди населенія должно быть очень большое число духовенства, требуемое уже характеромъ религіознаго ученія. Эти „совершенно вышедшіе“ рабчюнгъ (подразумѣвается изъ дома, какъ мірской жизни) дѣлятся на монаховъ и монахинь. Тѣ и другія, по теоріи, должны питаться на добротныя подаванія мірянъ. На дѣлѣ же, конечно, этого нѣтъ, но тѣмъ не менѣе духовенство составляетъ уже особое свободное сословіе, имѣющее громадное вліяніе на бытъ и экономическое положеніе простолюдиновъ. Общая численность монашескаго сословія намъ неизвѣстна, но монахи или, вѣрнѣе, духовные

Богатая женщина верхомъ, впереди идетъ слуга.

численно далеко превосходятъ мірянъ мужчинъ, монахини же составляютъ меньшинство женщинъ.

Недостатокъ мужчинъ мірянъ обуславливаетъ то, что женщины должны переносить на себѣ всѣ тягости, какъ отдѣльныхъ хозяйствъ, такъ и общественныхъ повинностей. Вѣковая борьба съ жизненными невзгодами развила въ женщинахъ центрального Тибета значительную самостоятельность, т. е. умѣніе существовать безъ помощи мужчинъ. Поэтому женщина

Деревенскія женщины подъ Лхасой.

является главною рабочею силою страны и затруднительно найти такой родъ занятія, гдѣ она не принимала бы преимущественнаго участія. Такъ, мы видимъ болѣе или менѣе обширные монастыри, принадлежащіе исключительно самостоятельнымъ общинамъ монахинь; видимъ по городамъ и селамъ отдѣльныя группы послѣднихъ (обыкновенно четыре человекъ въ каждой), ходящія съ предложеніемъ совершить чтеніе краткихъ молитвъ, видимъ прорицательницъ, предвѣщающихъ, наравнѣ съ ламами-прорицателями, судьбу того или другого общества и человекъ и подающихъ разные совѣты вопрошателямъ; затѣмъ видимъ ихъ торговками и приказчиками, нерѣдко ведущими значи-

тельное предпріятіе самостоятельно, чернорабочими въ полевыхъ работахъ, при постройкахъ домовъ, прядильщицами и ткачихами при приготовленіи мѣстныхъ шерстяныхъ матерій, подмастерьями въ типографіяхъ, кузнечныхъ, слесарныхъ, токарныхъ мастерскихъ, кожевенныхъ заводахъ, водоносками, чистильщицами нечистотъ въ городахъ и селеніяхъ, сторожиками и дворничиками при правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и т. д.

Эта самостоятельность, вызванная общественною жизнью, оставляющею большинство женщинъ внѣ брака, съ другой стороны даетъ имъ полную свободу въ любви, которая выражается, какъ извѣстно, въ распущенности. Развратъ этотъ мы не хотѣли бы назвать—примѣнительно къ большинству—проституціей, какъ ремесломъ, такъ какъ даже въ сравнительно многолюдномъ городѣ, какъ Лхаса, нѣтъ специальныхъ домовъ и даже специальныхъ одиночныхъ женщинъ, какія встрѣчаются въ другихъ странахъ. Конечно, немало женщинъ, пользующихся мужскою слабостью и эксплуатирующихъ дурныя склонности мужчинъ, но, повторяемъ, это совершается тихо, некриливо и не оставляя своихъ обычныхъ занятій. Зачастую женщина имѣетъ знакомаго изъ окрестныхъ мѣстъ, который во время своихъ пріѣздовъ въ городъ квартируетъ у нея и живетъ, какъ съ женой, часто имѣя отъ нея дѣтей. Рожденіе ребенка нисколько не считается позоромъ для женщины, а лишь радуется материнское чувство и обнадеживаетъ ее имѣть современемъ помощника въ трудной борьбѣ для изысканія средствъ къ существованію.

Ребята подъ Лхасой.

Содержаніе большого числа духовенства, малопродуктивность страны и почти полное отсутствіе промышленности служатъ, повидимому, причиной общей бѣдности простого народа. Бѣдность эта заставляетъ тибетца ограничиваться самыми малыми потребностями. Простой народъ очень скромный въ пищѣ: питается исключительно низшимъ сортомъ ячменнаго толокна

(цзамба), почти никогда не употребляя мяса и лишь изредка заблженный маслом чай. Его можно обвинять разве только в страсти к ячменному вину, но опять-таки чрезмерно пьяных редко можно встретить, даже в дни больших праздников.

Тибетское привѣтствіе.

Только при малыхъ потребностяхъ тибетца можетъ существовать такая заработная плата: чернорабочій получаетъ въ день не болѣе $\frac{1}{3}$ дамха (около 7 коп.) на хозяйскомъ продовольствіи; наилучшій ткачъ мѣстнаго сукна— $\frac{2}{3}$ дамха (14—20 к.), при тѣхъ же условіяхъ; домашняя прислуга—не болѣе 20 дамха въ годъ, но чаще живетъ за пищу и небольшое пособие въ одеждѣ, монахъ-чтецъ—20 копѣекъ за день непрерывнаго чтенія, группа изъ 4 монахинь за $1\frac{1}{2}$ —2 часовое непрерывное чтеніе хоромъ—не болѣе $\frac{1}{3}$ дамха (7 коп.) на всѣхъ и т. п.

Эта общая бѣдность служитъ причиною господства богатыхъ, которые, пользуясь своими капиталами, подчиняютъ себѣ бѣдноту. Этимъ, безъ сомнѣнія, объясняется преклоненіе передъ всемірнымъ кумиромъ—деньгами, которыя въ Тибетѣ имѣютъ особенную силу, служа мѣриломъ добродѣтели до святости и знатности, до высшихъ степеней сановничества. Въ этомъ преклоненіи передъ богатствомъ кроется причина забитости и показной льстивости тибетца. Онъ, увидѣвъ на улицѣ хотя не знакомаго, но болѣе или менѣе хорошо одѣтаго человѣка, не преминетъ показать знаки почтенія, которые состоятъ, главнымъ образомъ, въ сниманіи шапки и высовываніи языка, почесываніи затылка, или еще почтительнѣе, прикладывать свою руку на задницу, а при разговорѣ ежеминутно называть собесѣдника „гюшю“ (высокородный, святой) и на всякое слово отвѣчать „Лха, лѣг-со“—(хорошо)!

Бѣдность и отсутствіе общественнаго призрѣнія развили въ странѣ огромное число нищихъ самыхъ различныхъ возрастовъ обоюга пола. Часто попрошайничество сопровождается чтеніемъ молитвъ или пѣніемъ съ игрою на двухструнной скрипкѣ, пляской малышей и т. п.

Особенно назойливыми являются могильщики—дон-цхон-па, люди, которые относят трупы на съѣденіе собакамъ (въ городахъ) или птицамъ (въ монастыряхъ). Они ходятъ толпами и выпрашиваютъ съ громкимъ хоровымъ крикомъ, сопровождаемымъ по временамъ страшно жуткимъ визгомъ. Въ случаѣ подачи малаго количества цзамбы или денегъ они отказываются брать, но если ихъ прогнать, то при уходѣ не стѣсняются выругаться и погрозить намекомъ, что хорошую расправу сдѣлаютъ они съ тѣломъ скряги послѣ его смерти. Это, конечно, неприятно дѣйствуетъ на иныхъ людей. Не менѣе нахальными, но не связанными извѣстнымъ отношеніемъ къ жителямъ послѣ смерти, являются нищіе-преступники. Эти лишенные тѣхъ или иныхъ органовъ и частей тѣла, какъ-то: глазъ, носовъ, кистей рукъ, закованные въ вѣчные кандалы и колодки по судебному приговору, обыкновенно ходятъ также небольшими группами и, при малѣйшемъ недосмотрѣ хозяевъ, крадутъ все, что плохо лежитъ.

Въ семейной жизни у тибетцевъ существуетъ, между прочимъ, полиандрія и полигамія. При этомъ намъ довелось только узнать, что женитьба нѣсколькихъ братьевъ на одной и выходъ нѣсколькихъ сестеръ за одного считается идеаломъ родственныхъ отношеній. Къ этому добавимъ, что даже во временныхъ связяхъ съ женщиной братья имѣютъ одну любовницу и нѣсколько сестеръ—одного любовника.

Простой народъ Тибета очень нечистоплотенъ и одежда ихъ изобилуетъ вшами. Тибетецъ не стѣсняется въ присутствіи другихъ отыскивать ихъ въ одеждѣ своей и давить ихъ зубами. Когда смотришь на такую сцену, то, кажется, что онъ съѣдаетъ ихъ. Не разъ я видѣлъ, какъ женщина, отыскавъ вошь въ волосахъ другой, передавала ее собственницѣ, которая клала ее въ ротъ. Повидимому, давить зубами чужую вошь считается неудобнымъ: вѣдь, нельзя-же предположить, чтобы вошь представляла такое лакомство, что исключительное право на раздавливаніе ее зубами принадлежитъ обладателю ея.

Монахи въ силу религіознаго ученія избѣгаютъ непосредственнаго убіенія насѣкомыхъ своего платья, но, поймавъ ихъ, бросаютъ на землю или на полъ, такъ что гость монашеской квартиры не гарантированъ отъ унесенія съ собою, приставшихъ къ его платью, назойливыхъ насѣкомыхъ. Во время обычныхъ

долгихъ и монотонныхъ богослуженій въ храмахъ въ заднихъ рядахъ сидящихъ монаховъ можно видѣть черномазыхъ малышей, которые, добывъ изъ-подъ платья насѣкомое и, оглядываясь на строгихъ блюстителей порядка, ловятъ удобный моментъ, чтобы положить въ ротъ пойманное насѣкомое. Малыши эти очень напоминаютъ обезьянъ. II, дѣйствительно, это сходство заставляетъ нынѣ обратиться къ легендѣ о происхожденіи тибетцевъ, легендѣ, которая на тибетскій взглядъ оправдываетъ эту современную, некрасивую манеру уничтоженія насѣкомыхъ.

Эта легенда, какъ извѣстно, приписываетъ происхожденіе тибетскаго народа связи обезьяны съ женскимъ духомъ (якша). Потомство появилось похожимъ на обезьяну. Къ нему принадлежатъ всѣ цари Тибета и вообще благородное сословіе, покровительствующее и покровительствовавшее ламаизму. Поэтому всякій тибетецъ не гнушается давить въ своемъ рту насѣкомое, отысканное на своемъ тѣлѣ: вѣдь это признакъ благороднаго (благочестиваго), происхожденія.

8. С е к т ы.

Въ виду особеннаго положенія, какое занимаетъ въ Лхасѣ и въ Тибетѣ духовенство, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о буддійскихъ сектахъ въ Тибетѣ.

Туземное населеніе, по вѣроисповѣданію, почти всѣ буддисты и при томъ самыхъ различныхъ сектъ, появившихся уже на туземной почвѣ. Первоначальное введеніе буддизма, какъ извѣстнаго религіозно-философскаго ученія, относится къ VII-му столѣтію по Р. Х.; въ VIII столѣтіи главнымъ проповѣдникомъ его называютъ Падма-Самбаву. Но его проповѣдь давала преобладающее значеніе мистикѣ, и, повидимому, была очень близка къ первобытной народной религіи. Распространившись по центральному Тибету, это ученіе стало подвергаться различнымъ измѣненіямъ, благодаря нововведеніямъ и вліянію болѣе или менѣе знаменитыхъ проповѣдниковъ. При сильной обособленности общественной жизни во времена удѣльной системы, ни одно вѣроученіе не могло охватить всей страны, что послужило причиной развитія и сохраненія разныхъ сектъ посредствомъ введенія тѣхъ или другихъ ученій. Такихъ сектъ насчитываютъ до 18-ти, но мы упомянемъ здѣсь только о глав-

нѣйшихъ изъ нихъ, такъ какъ мы лично имѣли дѣло почти исключительно съ представителями господствующей секты гэлуг-па.

Первоначальная туземная религія была бонская (по-тибетски бон-па или бон-по), которая сходна съ древней религіей монголовъ — шаманствомъ (по-монгольски — бо). Съ введеніемъ буддизма она была оттѣснена на окраины и въ настоящее время одинъ бонскій монастырь, ближайшій къ Лхасѣ, находится въ верховьяхъ долины Цэнбо.

Буддійскія секты дѣлятся на двѣ большія группы, которыя принято называть въ нашей литературѣ «красношапочной» и «желтошапочной». Первая группа имѣетъ общее опредѣленіе «Ньин-ма», т. е. старой, и въ свою очередь дѣлится на много отдѣловъ, самыми крупными представителями коихъ считаются; Са-кья, главный монастырь которой находится къ западу отъ Дашій-лхунбо; Кар-гю(д)ба, Ньинмаба, Брихунба (или Дихунба) и друг. Послѣдняя господствуетъ въ восточной части провинціи Уй и имѣетъ своего перерожденца. Вторая группа, называемая иначе еще «Сарба», т. е. новая, имѣетъ своимъ главнымъ представителемъ секту «гэлуг-па», основателемъ коей былъ, неразъ упоминавшійся выше, Цзонхава. Къ этой сектѣ принадлежатъ главнѣйшіе монастыри около Лхасы, цзанскій монастырь Дашій-лхунбо и много мелкихъ. Она является господствующей не только въ Тибетѣ, но и въ другихъ ламаитскихъ странахъ. Не входя въ разборъ тонкостей отличій этихъ старыхъ и новыхъ сектъ, мы скажемъ, что духовенство первыхъ можетъ вступать даже въ открытый бракъ, тогда какъ монахъ—гэлуг-па долженъ вести безбрачную жизнь.

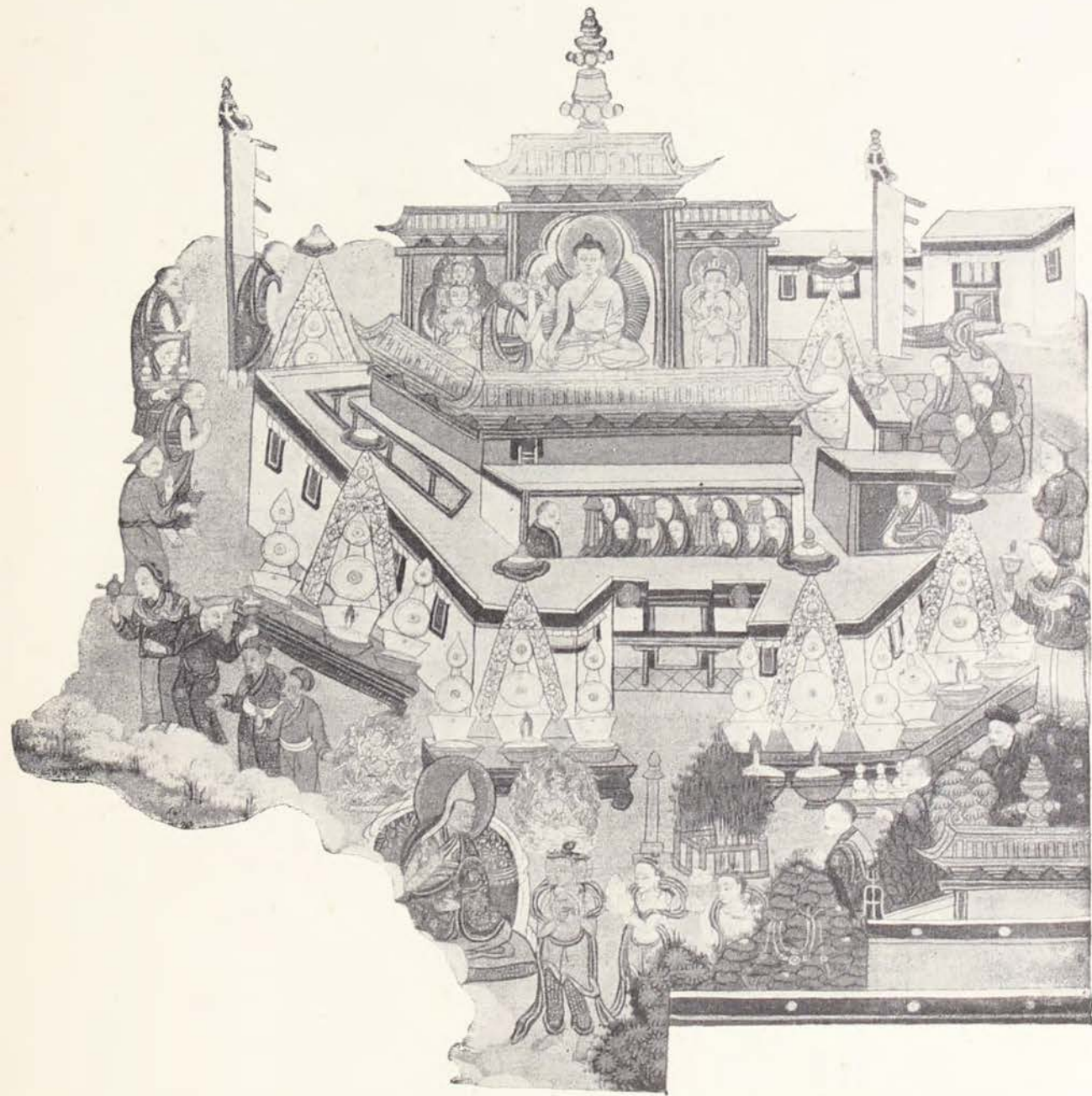
Кромѣ того, должно замѣтить, что при существованіи всѣхъ этихъ подраздѣленій не только простой народъ, но и само духовенство питаетъ одинаковое религіозное чувство къ жрецамъ другихъ сектъ.

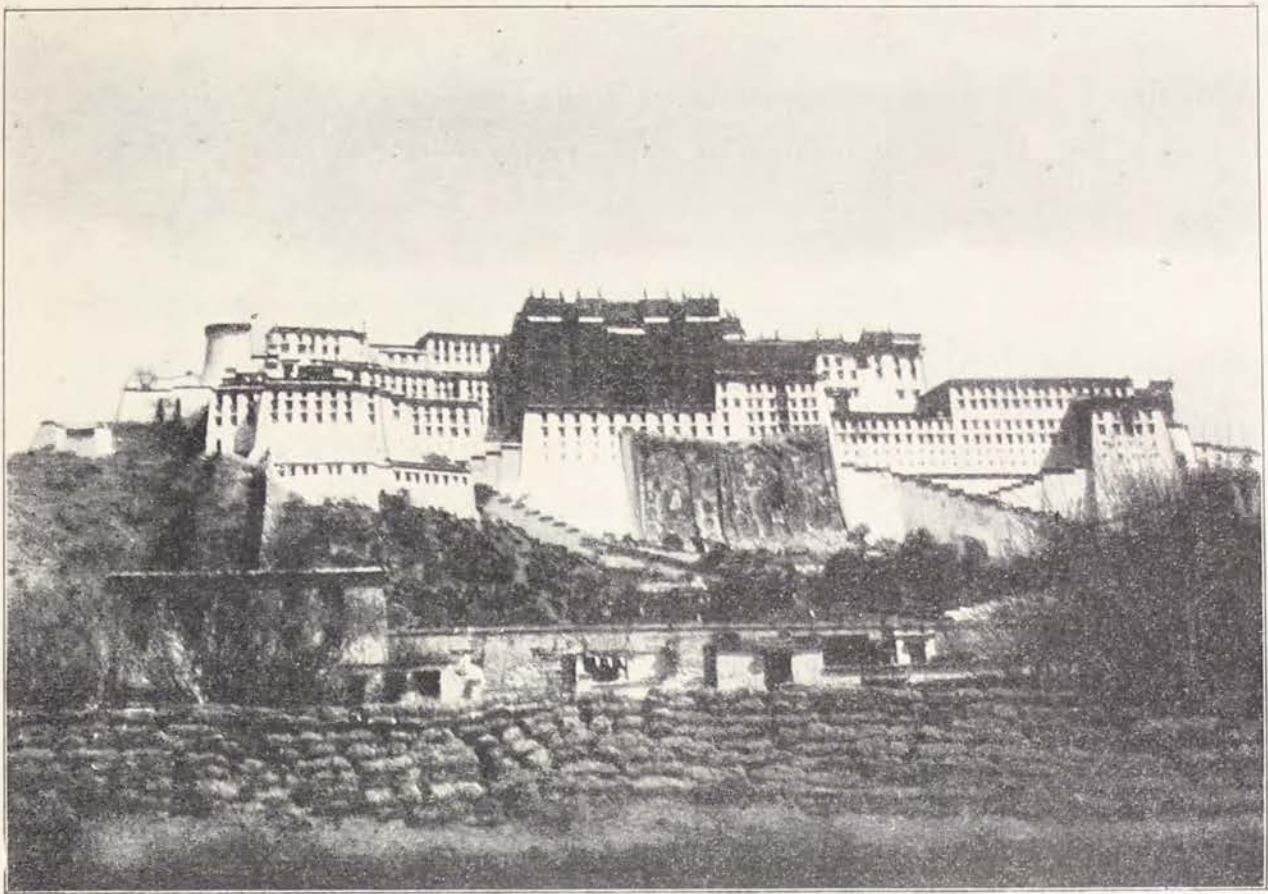
На рынокъ.

ГЛАВА VI.

Жизнь Лхасы.

Изображеніе мѣнлама на тибетскомъ образѣ.

Украшения Поталы во время малаго мѣлама.

Для полноты описанія обычной жизни города, сдѣлаю теперь нѣсколько выписокъ изъ моего дневника, когда обыденная однообразная жизнь и городская и моя немного разнообразились; оставляя до другой очереди описаніе жизни окрестныхъ монастырей, придержимся порядка очередныхъ записей 1900 и 1901 гг.

16 августа 1900 г., по мѣстному 2-го числа 7-ой луны, мѣстный прорицатель Карма-шяръ, спустивъ своего чойчжѳна въ своемъ домѣ, расположенномъ въ восточной части города, совершалъ шествіе вокругъ квартала Чжу въ сопровожденіи многочисленныхъ, вооруженныхъ пиками и пашками слугъ, въ особыхъ нарядахъ, и нѣсколькихъ ламъ музыкантовъ. Густая толпа народа слѣдовала за нимъ. Двое прислужниковъ поддерживали его подъ мышки. Въ большомъ шлемѣ съ изображеніемъ человѣческихъ череповъ и развѣвающимися флажками, одѣтый въ пеструю парчевую одежду, съ искаженнымъ до-пельзя лицомъ, шелъ онъ ускоренными шагами, порывисто покачиваясь изъ стороны въ сторону. На южной сторонѣ квартала онъ быстро обратился назадъ. Толпа въ испугѣ остановилась и черезъ

минуту въ страшномъ смятеніи отстранилась на обѣ стороны: прорицатель бросилъ въ толпу мечъ, который во время шествія онъ держалъ въ правой рукѣ. Мечъ ни въ кого изъ людей не попалъ и упалъ безвредно для видимыхъ существъ на землю, недалеко отъ меня. Я, въ удивленіи отъ такой неожиданной выходки, при которой прорицатель могъ ранить кого-нибудь, поинтересовался посмотрѣть — что это за мечъ? Оказалось, что онъ былъ сдѣланъ изъ тонкаго мѣднаго листа, такъ что, и попавъ въ человѣка, не причинилъ бы большого вреда, но, по вѣрованію народа, въ толпѣ невидимо шелъ какой-нибудь врагъ религіи, котораго чойчжонъ, безъ сомнѣнія, поразилъ этимъ мечомъ. Далѣе церемонія продолжалась по-прежнему. Дойдя до главныхъ воротъ Чжу, прорицатель и процессія отправились на поклоненіе Чжу-ринбочэ. По выходѣ оттуда, процессія въ томъ-же порядкѣ направилась въ домъ прорицателя.

21 августа — я, придерживаясь обычая благочестивыхъ паломниковъ, пригласилъ своихъ бурятскихъ ламъ для чтенія и поднесенія чжямчө(дъ) двумъ статуямъ Чжу. Въ вознагражденіе за трудъ я роздалъ всѣмъ имъ по 3 мѣстныхъ монеты (по 65 к.). Ихъ оказалось 45 человѣкъ, за исключеніемъ двухъ живущихъ въ монастырѣ Сэра. Эти 47 бурятскихъ ламъ распредѣлялись по монастырямъ такъ: въ Галданѣ — 3, Сэра — 2, а остальные въ Брѣбунѣ.

Начиная съ *16 августа*, почти цѣлую недѣлю, шли представленія уличныхъ актеровъ, коихъ я видѣлъ 12 августа (по мѣстному 30-го числа 6-ой луны) въ Брѣбунѣ на церемоніи смѣны шамо, рѣчь о чемъ будетъ впереди. Эти актеры даютъ групповыя представленія во дворахъ богатыхъ домовъ и на площадкахъ рынка. Въ тѣхъ и другихъ случаяхъ имъ даютъ деньги и чаще съвѣдное (цзамба) и хадаки. Торговцы даютъ какую-нибудь бездѣлицу. Актеры ходятъ и по-одиночкѣ и по-парно. Тибетцы, вообще большіе охотники до зрѣлищъ, сопровождаютъ актеровъ большой толпой и скопляются на мѣстахъ представленій.

25 августа — подлѣ дома «Том-сиханъ», гдѣ остановился проѣздомъ изъ Пекина непальскій, или, вѣрнѣе, гуркаскій князь, собралась большая толпа. Народъ хотѣлъ ворваться во дворъ. Вдругъ кто-то выскочилъ изъ дома, откуда раздавались чьи-то душу раздражающіе крики, и, выгнавъ всѣхъ, закрылъ ворота.

Народъ былъ въ сильно возбужденномъ состояніи. Мелкіе рыночные торговцы ближайшихъ мѣстъ стали убирать товары, за ними посѣбно стали закрываться и лавки въ домахъ, въ особенности непальскія. На мой вопросъ мнѣ разъяснили, что свита князя затащила къ себѣ одного простого монаха и, связавъ, била весьма жестоко. Толпа, однако, успокоилась, когда узнала, что былъ виновенъ самъ наказываемый. Говорили, что если возмутится толпа и ламы, то происходитъ уличная драка, легко переходящая въ разграбленіе лавокъ.

11 сентября, сегодня (по-китайскому счисленію 30-ое число 7-ой луны, а по-тибетскому 1-ое 8-ой луны) видѣлъ церемонію поклоненія манджурскаго амбана статуѣ Чжу. Утромъ стали собираться у наружныхъ воротъ китайскіе чиновники. Незадолго передъ абманемъ пріѣхалъ на лошакѣ его помощникъ съ краснымъ шарикомъ на шапкѣ и съ краснымъ почетнымъ зонтомъ, который несли сзади его. Амбанъ явился въ синихъ носилкахъ, несомыхъ четырьмя китайцами. Впереди шли до двадцати солдатъ, вооруженныхъ саблями, трезубцами и коньями, въ красныхъ съ черными каймами курткахъ съ обычными китайскими надписями, обозначающими ихъ воинскую часть. Сзади ѣхали свитскіе чиновники и несли также красный зонтъ.

18 сентября (8-ое число). Процессія, состоящая приблизительно изъ 30 человекъ тибетскихъ чиновниковъ и ламъ, верхомъ объѣхала по-солонь кварталъ Чжу и направилась въ сторону китайскаго абмана. Мнѣ объяснили, что это ѣдутъ для осмотра казенныхъ хлѣбовъ, посѣянныхъ и сжатыхъ въ окрестностяхъ города. Дѣйствительно, при вечернемъ ихъ возвращеніи можно было видѣть на копьяхъ хлѣбные колосья, пестро украшенные цвѣтами.

18 ноября 1900 г. намъ пришлось видѣть одну церемонію, исполненную совмѣстно двумя дацанами Чжюдь. Тибетское правительство, оповѣщенное тогда объ извѣстныхъ беспорядкахъ въ Китаѣ, потребовавшихъ вмѣшательства оружія европейцевъ, заказало обоимъ дацанамъ Чжюдь чтеніе книги Дордокъ Кшэтрапалы съ приготовленіемъ двухъ «соровъ» и опрокидываніемъ котла. Для исполненія этого порученія, монахи двухъ упомянутыхъ дацановъ три дня собирались во дворѣ большого Чжу и читали вышеназванное сочиненіе. Въ назначенный день (18 ноября 1900 г.) собралась депутація отъ Сэ-нбрэ-гэ-сума,

т. е. трехъ главныхъ монастырей въ 500 человѣкъ. Всѣ монахи дацановъ Чжюдь во главѣ съ настоятелемъ Галдана и депутаты съ высшими хутухтами, по опредѣленному церемоніалу, вышли на восточную сторону города, гдѣ приготовлены были солома для сожженія «соровъ» и большой котелъ съ чаемъ, въ который было наложено много масла и яствъ.

Первыми отправились на церемонію духовные Сэ-нбрэ-гэ-сума, впереди коихъ шелъ старшій шамо Брѣбуна съ пачкой зажженныхъ курительныхъ свѣчей. Сзади его шли послѣдовательно: умцзадъ (главный уставщикъ) Брѣбуна, хамбы дацановъ, перерожденцы и простые монахи. О какомъ-нибудь правильномъ шествіи (маршѣ) у тибетцевъ нечего говорить: его нѣтъ даже у солдатъ. Придя къ мѣсту церемоніи, главный уставщикъ занялъ мѣсто на приготовленномъ возвышенномъ сѣдалищѣ, а остальные—на землѣ. Распоряжался общимъ порядкомъ шамо, стоя и прохаживаясь взадъ и впередъ. Началось чтеніе молитвъ. Спустя около часа времени пріѣхалъ на лошакахъ со свитой прорицатель Гадонъ. Почти одновременно съ нимъ явились и духовные Чжюдь со старшими впереди и пѣшкомъ Галданскій Сэрти со свитой и своимъ отличительнымъ желтымъ зонтомъ.

Сначала сожгли «соры», затѣмъ въ особой палаткѣ прорицатель Гадонъ, о которомъ слово впереди, спустилъ чойчжѳна и отправился къ котлу, куда собрались и всѣ монахи. Послѣ непродолжительной пляски и жестикуляціи прорицатель выпустилъ изъ лука одну стрѣлу на востокъ, причемъ котелъ вмѣстѣ съ содержимымъ былъ опрокинутъ въ яму и монахи, снявъ свои желтыя шапки, потрясли ими и этимъ церемонія закончилась. Намъ не удалось добиться удовлетворительнаго объясненія значенія этой церемоніи, но говорили, что кушанье готовится какъ бы для угощенія чойчжѳновъ-хранителей, а опрокидывается въ наказаніе за ихъ нерадѣніе въ войнѣ съ врагами богдохана. Тогда, говорятъ, страшные чойчжѳны за лишеніе кушанья (т. е. воздаянія почестей) должны мстить врагамъ. Намъ передавали, что точно такая-же церемонія была совершена во время недавней японско-китайской войны, исходъ которой, благодаря этой церемоніи, былъ въ пользу Китая, какъ установилось мнѣніе простого народа въ Тибетѣ.

4 февраля 1901 г. я былъ на поклоненіи у далай-ламы, какъ обыкновенный богомолецъ. За три дня до этого я внесъ

черезъ монгольскаго переводчика, состоящаго въ штатѣ далай-ламы въ званіи цзэдунъ, восемь лановъ мѣстныхъ монетъ, т. е. 10 руб. 66 коп. на наши деньги. Изъ этой суммы 5 лановъ идутъ въ казну далай-ламы за прокатъ упомянутыхъ ниже предметовъ, а 3 лана на угощеніе. Переводчикъ, обязанный руководить всѣми поклоняющимися монголами, изъ предосторожности велѣлъ намъ придти во дворецъ немного позже полудня. Въ точности исполняя его слова, я, въ сопровожденіи трехъ монгольскихъ ламъ, пожелавшихъ поклониться со мною, пошелъ въ Поталу и поднялся по многочисленнымъ лѣстницамъ въ залъ на лицевой сторонѣ. Въ этой пріемной не было никакой мебели. Только стѣны и частыя колонны могли немного облегчать ногамъ неудобное времяпрепровожденіе. Здѣсь собрались и другіе поклонники изъ верхнихъ или цайдамскихъ монголовъ, во главѣ которыхъ былъ одинъ дряхлый старикъ, принявшій подъ старость обѣты гэлона и пріѣхавшій со своимъ сыномъ, вѣроятно, на послѣднее въ этой своей жизни поклоненіе далай-ламѣ. Онъ также внесъ, какъ оказалось, восемь лановъ серебра,—такъ что и онъ и я оказались съ одинаковыми правами на поклоненіе.

Въ числѣ людей, желавшихъ воспользоваться случаемъ поклониться въ качествѣ товарищей старика, оказался одинъ цайдамскій монголъ вмѣстѣ съ женой. Эта супружеская чета, осмѣлившаяся, или, вѣрнѣе, вынужденная ѣхать изъ Цайдама въ Лхасу только вдвоемъ, подверглась подлѣ перевала Данла нападенію разбойниковъ еграевъ, которые отобрали у нихъ лошадей и всю кладь, а самихъ израненныхъ бросили на произволь судьбы. Счастье покровительствовало имъ,—на нихъ наѣхалъ караванъ камскихъ торговцевъ, которые дали имъ подводы и довели до жителей Накчу. Тамъ они оправились отъ изнуренія и пѣшими пришли въ Лхасу, гдѣ въ нихъ приняли участіе сородичи. Впослѣдствіи мнѣ случайно пришлось узнать, что такая смѣлая поѣздка имѣла подъ собою романическую подкладку. Именно, этотъ несчастный супругъ соблазнилъ жену своего сосѣда и, чтобы укрыться отъ преслѣдованія закона, предпринялъ данную поѣздку, кончившуюся такъ печально.

Во время долгаго и скучнаго ожиданія къ намъ изрѣдка заходилъ переводчикъ и отбиралъ хадаки для той или иной надобности при церемоніи поклоненія. Немного раньше заката

солнца, послѣ того какъ мимо насъ прошелъ первый совѣтникъ далай-ламы «чжишаб-хамбо» въ желтой длинной курткѣ, — насъ пригласили подняться еще на одинъ этажъ и мы очутились подъ навѣсомъ второго сверху этажа Краснаго дворца, середина котораго — обычный колодезь тибетскихъ построекъ — была окружена рѣшетчатой стѣной. Противоположныя рѣшеткѣ стѣны имѣли множество дверей, очень массивныхъ и выкрашенныхъ, съ рѣзью по косякамъ. Двери на южную сторону вели въ квартиры четырехъ «придворныхъ писцовъ» (дун-ѵигши). На западной стѣнѣ были рѣшетчатыя окна, изъ-за которыхъ была видна верхушка золотой ступы съ прахомъ пятаго «великаго» далай-ламы, а внизу были видны и ступы другихъ далай-ламъ, бывшихъ послѣ него. На сѣверной и восточной сторонѣ было нѣсколько дверей, ведущихъ неизвѣстно куда. Съ закатомъ солнца насъ повели еще на одинъ этажъ выше, по деревянной, очень крутой лѣстницѣ, и мы очутились подъ открытымъ небомъ, имѣя передъ собою широкую площадку передъ дверью пріемнаго зала далай-ламы. Здѣсь у стѣнъ по сторонамъ отъ двери, на болѣе высокихъ скамейкахъ, сидѣли болѣе знатные ламы, а подъ прямымъ угломъ къ нимъ на длинныхъ коврахъ сидѣли простые ламы изъ придворнаго штата. Поставили насъ гуськомъ; впереди всѣхъ сталъ я, за мною слѣдовали мои товарищи, за ними сталъ упомянутый старикъ монголъ, имѣя за собою своихъ товарищей. Такихъ товарищей можно имѣть сколько угодно. Здѣсь пришлось ждать недолго, минутъ черезъ десять, въ теченіе которыхъ переводчикъ снова повторялъ правила предстоящей церемоніи, насъ ввели въ залъ, который представлялъ довольно большую комнату, страдающую, какъ всякая тибетская комната, малымъ количествомъ свѣта, къ чему въ данную минуту присоединилось и позднее время. Прямо противъ двери былъ поставленъ высокій тронъ, обращенный къ двери, на которомъ по восточному возсѣдалъ далай-лама, завернувшись желтой мантией, называемой чжянши, что буквально значитъ китайская шелковая матерія съ разноцвѣтнымъ шитьемъ (рисунками), съ богато отдѣланнымъ воротомъ. Голова его была покрыта желтой остроконечной шапкой цзонхавинскаго образца. Его престолъ представлялъ простое возвышеніе изъ дерева около 1½ аршина надъ поломъ въ родѣ кубическаго сундука, но отдѣланнаго рѣзью. Подробно рассмотреть рѣзью не

было возможности, но обыкновенно такіе престолы бываютъ съ изображеніями двухъ львовъ въ положеніи какъ бы поддерживающихъ престолъ (верхнюю доску). Остальное пространство наполняется различными рисунками, какъ-то цвѣтовъ, листьевъ, просто узоровъ и т. д. Сверху дерева было наложено нѣсколько толстыхъ квадратныхъ тюфячковъ, обшитыхъ матеріей мѣстнаго и китайскаго производства. Лицевая сторона престола была закрыта отдѣльнымъ шелковымъ платомъ, на которомъ были изображены два вачира (вишваваджра, а по-тибетски дорчжэ), сложенныхъ на-крестъ; а за спиной была стѣнка, обшитая желтымъ китайскимъ атласомъ. По обѣ стороны этого престола напоминавшаго въ общемъ тотъ престолъ, на которомъ, на стр. 11 этой книги, изображенъ сидящимъ нынѣ живущій восьмой перерожденецъ Чжэ-бцзун-дамба, стояла свита, состоявшая изъ 4—5 человекъ, среди коихъ на первомъ планѣ стояли два тѣлохранителя, выбираемые изъ самыхъ высокихъ и представительныхъ по наружности ламъ. Большая половина зала осталась на лѣвую руку отъ далай-ламы. Здѣсь, на низкихъ скамейкахъ сидѣли знатные ламы и высшіе сановники. Лишь только мы вошли въ дверь, началась какая-то спѣшная погоня насъ, стоявшіе здѣсь ламы заставляли какъ можно скорѣе двигаться впередъ, а если кто обращалъ взоры въ сторону или инымъ образомъ мѣшквалъ, того немилосердно толкали впередъ. Мы, приблизившись къ далай-ламѣ, сдѣлали поспѣшно три земныхъ поклона, а затѣмъ, держа на вытянутыхъ впередъ рукахъ длинные хадаки, приблизились къ престолу. Тутъ сбоку одинъ изъ свитскихъ прислужниковъ поставилъ на хадакъ послѣдовательно четыре вещи: мандалъ, будду, книгу и субурганъ. Далай-лама дотрагивался до нихъ, какъ бы принимая поднесеніе, а стоящій по правую руку свитскій лама поспѣшно убиралъ. Послѣ всѣхъ подношеній, далай-лама принялъ хадакъ и благословилъ меня приложеніемъ своей правой руки къ моему темени. Въ это время ему подали шнурокъ изъ ленты шелковой матеріи, онъ связалъ узелъ и, дунувъ на него, положилъ на мою шею. Такой шнурокъ съ узломъ называется по-монгольски цзангя, а по-тибетски с(р)ун-дуд, т. е. охранительный узелъ, освященный дуновеніемъ послѣ прочтенія извѣстнаго заклинанія считается талисманомъ, предохраняющимъ отъ несчастій. Я отошелъ въ сторону; моихъ товарищей онъ только благословилъ помянутымъ способомъ. Когда очередь

дошла до стараго цайдамца, то онъ продѣлалъ то-же, что и я. Затѣмъ насъ посадили на тоненькій коврикъ, разостланный недалеко отъ престола, противъ его лицевой стороны, перпендикулярно къ ней, такъ что мы сидѣли бокомъ къ далай-ламѣ

Фарфоровая чашка для высшихъ духовныхъ лицъ, употребляемая въ торжественныхъ случаяхъ.

Изъ подобной чашки пилъ далай-лама на аудиенціи.

и спинами обращенными къ тѣмъ лицамъ, которыя были въ аудіенцъ-залѣ. Передъ нами въ одной сажени была только голая стѣна; между нею и нами стоялъ одинъ лишь, достаточно надѣвшій насъ, переводчикъ. Внесли въ кувшинѣ чай. Я и старикъ должны были встать и подойти къ престолу и подставить свои чашки. Намъ налили по глоточку. Мы выпили и сдѣлали по три земныхъ поклона. Тогда налили этого чая далай-ламѣ, который откушалъ одинъ глотокъ. Тогда мы

сѣли на прежнія мѣста и всѣмъ въ чашки налили по нѣсколько капель чая. Въ это время далай-лама громко, обыкновеннымъ голосомъ, но скороговоркой спросилъ: «хорошо-ли вы совершили путь и благополучны-ли всѣ на вашей родинѣ?»— Мы, по церемоніалу, не должны были ничего не отвѣчать, а только немного приподняться съ мѣста и сдѣлать поклонъ въ сторону переводчика, который передавалъ намъ эти слова по-монгольски. Переводчикъ тоже безмолвно сдѣлалъ поясной поклонъ далай-ламѣ. Послѣ этого принесли варенаго риса, далай-лама также отвѣдалъ изъ поданной ему чашки и сполоснулъ ротъ изъ особаго кувшинчика. Намъ же понаклали въ чашки рису очень щедро и даже черезъ края, но не успѣли мы и отвѣдать его, какъ сказали, что церемонія кончена и нужно посрѣбно удалиться. Конецъ вышелъ не особенно гостепріимный. Два громадныхъ тѣлохранителя съ бичами въ рукахъ выталкивали и кричали въ присутствіи самого далай-ламы: «убирайтесь поскорѣе». Мы, понятно, въ нѣкоторомъ смятеніи бѣжали вонъ и... ушли домой. Вся церемонія не тянулась и десяти минутъ.

7 февраля 1901 г. былъ мѣстный Новый годъ (по-тибетски—ло-сарь). Въ этотъ день жители города встаютъ задолго до раз-

свѣта и совершаютъ поклоненія дома и въ храмахъ Чжу. Затѣмъ, послѣ разсвѣта, начинаютъ разносить по знакомымъ и сосѣднимъ квартирамъ въ особомъ кувшинѣ ячменное вино и на тарелкѣ цзамбу, изъ которой дѣлаютъ коническую кучку и втыкаютъ въ нее стебельки травъ и вылѣпленные изъ масла цвѣтки. Эта мука съ украшеніями называется чи-марь, т. е. — мука и масло. Хозяева того дома, куда приносятъ чи-марь, сначала должны захватить щепотку муки и бросить вверхъ, какъ-бы въ жертву духамъ, а затѣмъ взять другую щепотку и положить въ свой ротъ. Затѣмъ это запивается принесеннымъ виномъ. Когда въ этотъ день входятъ въ знакомый домъ, то гостей угощаютъ тѣмъ же чи-марь и виномъ. Цѣлый день тянутся поклоненія въ храмахъ Чжу. Дѣти и взрослые пускаютъ безпрестанно бураки, причемъ главное вниманіе, повидимому, обращаютъ не на цвѣтъ, а на звукъ. Въ темнотѣ разжигаютъ спички, дающія розовый свѣтъ. На улицахъ пляшутъ хороводы съ пѣснями; дѣти, взрослые и въ особенности женщины бьютъ «жестку» и прыгаютъ черезъ веревку слѣдующимъ образомъ: двѣ женщины держатъ за концы не особенно длинную веревку и вертятъ ее; третья женщина, преимущественно дѣвушка лѣтъ 10—15, ставъ по срединѣ, перепрыгиваетъ черезъ веревку, перемѣняя ноги. Это продѣлываютъ или на ходу или стоя на одномъ мѣстѣ; причемъ между двумя женщинами, съ одной стороны, и дѣвицей, съ другой, происходитъ короткій разговоръ, который я не записалъ въ точности, но только узналъ, что держащія за веревку первыя спрашиваютъ прыгающую: «куда идете?»—«Туда-то».—«Зачѣмъ изволите идти?»—«Новый годъ справлять» и т. д.

8 февраля, за неимѣніемъ у этой луны второго числа, сегодняшній день считаютъ уже третьимъ. У тибетцевъ, какъ извѣстно, счетъ времени по луннымъ мѣсяцамъ. Астрологи, заготовляя заранѣе календарь на извѣстный годъ, какимъ-то образомъ опредѣляютъ неблагоприятное совпаденіе чиселъ съ днями недѣли (7 дней). Этого не должно допускать и такое число выключается. Напримѣръ, вчера было первое число, сегодня третье, потому что второго числа не должно быть въ этомъ мѣсяцѣ. Но если такое выключеніе причиняетъ неправильность въ фазисахъ луны, то какое-нибудь число удваивается. Напримѣръ, можетъ случиться два 21 числа и т. п.

Сегодня день прїѣзда въ Лхасу духовенства изъ Сэ-нбрэ-гэ-сума, главнымъ образомъ администраціи, для предстоящаго собранія духовенства, для, такъ называемаго, лхаса мѳнламъ, или мѳнламъ чэнмо т. е. «лхасаскихъ благопожеланій», или «великихъ благопожеланій». Администрація эта состоитъ изъ двухъ цокчэнскихъ шамо Брѳбунскаго монастыря, изъ двухъ ихъ помощниковъ (шаддэгма), одного шин-нера (буквально — завѣдующій дровами, но, собственно, хозяйственной частью), подчи-

Процессія во время малаго мѳнлама.

ненныхъ ему 21 гѳнка, изъ которыхъ четверо держатъ на плечахъ по желѳзному жезлу четырехъ старшихъ администраторовъ и нѳсколькихъ свѳтскихъ прислужниковъ (табјокъ). Всѳ они прїѣзжаютъ на разукрашенныхъ лошадяхъ въ самыхъ лучшихъ своихъ нарядахъ и по пути въ Лхасу заѳзжаютъ на Цоталу для поклоненія далай-ламѳ. Только табјоки идутъ пѳшими; нѳкоторые изъ нихъ ведутъ подъ уздцы лошадей двухъ шамо и двухъ ихъ помощниковъ, а остальные, держа въ рукахъ длинные прутья, идутъ спереди и сзади и громко кричатъ «па - чжю - чжи» — «отстраняйся» или «бѳги прочь»!

Городскіе жители со страхомъ встрѳчаютъ прибытіе сихъ полновластныхъ временныхъ правителей города, вычистивъ улицы, по которымъ они должны шествовать. Эти правители

управляютъ Лхасой въ теченіе 20 дней въ первой лунѣ, вполнѣ полновластно и съ нѣкоторыми ограниченіями въ теченіе 11-ти дней въ послѣдней трети 2-ой луны. Обѣхавъ кварталъ Чжу по-солонь, они слѣзаютъ съ лошадей у вторыхъ западныхъ воротъ храма Чжу и послѣ поклоненія Чжу размѣщаются по своимъ квартирамъ, отводимымъ во второмъ и нижнемъ этажахъ домовъ второго двора этого же храма. Все это происходило часа въ 3 пополудни.

Незадолго до заката солнца по улицамъ раздаются тѣ-же крики, что и при въѣздѣ администраторовъ. На этотъ разъ всѣ вышеназванныя лица, за исключеніемъ двухъ шамо, уже пѣшими выходятъ изъ дома, гдѣ квартируютъ и идутъ по тому же солнцекругу, причемъ шабдэгма имѣютъ въ рукахъ четырехгранные, желѣзные, съ позолоченной рѣзьбой жезлы, шин-неръ—толстую палку длиной около двухъ сажени, совершенно освобожденную отъ коры, а гэйки—палки немного менѣе сажени длиной, очищенные отъ коры на половину. Эти палки бываютъ сырыя, только что вырубленные изъ садовъ по рѣкѣ Уй. Толщина и длина ихъ находятся, какъ мнѣ передавали, въ зависимости отъ того, который годъ служить гэйкъ, обладатель ея,—гэйки болѣе старшіе по службѣ имѣютъ менѣе толстыя, но болѣе длинныя палки, а новички—самыя короткія, но толстыя. Впрочемъ, нѣкоторую роль играетъ удалство гэйка, т. е. тотъ кто хочетъ показать свою физическую силу, беретъ палку потяжелѣе. Табјоки имѣютъ тѣ-же длинныя хворостины, какія имѣли при вступленіи въ городъ. Вся эта процессія проходитъ до площади передъ судилищемъ города, называемымъ нанца(д)-шыгъ. Здѣсь гэйки и табјоки окружаютъ площадь, которая уже вычищена отъ мусора и разукрашена кругами изъ сухой извести. На средину выступаютъ два шабдэгма и шин-неръ. Народъ окружаетъ площадь и удерживается лишь угрозами и дѣйствіями вышеназванныхъ лицъ.

Первымъ выступаетъ старшій шабдэгма и, обращаясь къ поставленнымъ передъ крыльцомъ судилища писцамъ и прислужникамъ нанца(д)-шыга, стоящимъ изогнувшись въ поясъ, говоритъ въ грозныхъ выраженіяхъ, такъ называемый, цокдамъ, т. е. слово передъ собраніемъ, или наставленіе собранію, состоящее въ изложеніи происхожденія и правилъ большого мѣнлама. Въ концѣ онъ говоритъ, какъ должны вести себя жители города во время мѣнлама.

По окончаніи—его рѣчи говоритъ второй шабдэгма, рѣчь котораго болѣе касается наказаній, которыя ждутъ нарушителей правилъ. Тотъ и другой при рѣчи имѣютъ на головѣ свои желтыя монашескія шапки, называемыя шасэръ, и послѣ каждой паузы стучатъ концомъ своего тяжеловѣснаго жезла о землю. Рѣчи произносятся, расхаживая взадъ и впередъ очень важной походкой и при произнесеніи сильныхъ выраженій топаютъ съ силой ногами. Въ словахъ своихъ они ничуть не скрываютъ, что достаточно малѣйшаго повода, чтобы безжалостно и безпощадно раззорить каждого нарушителя установленныхъ правилъ.

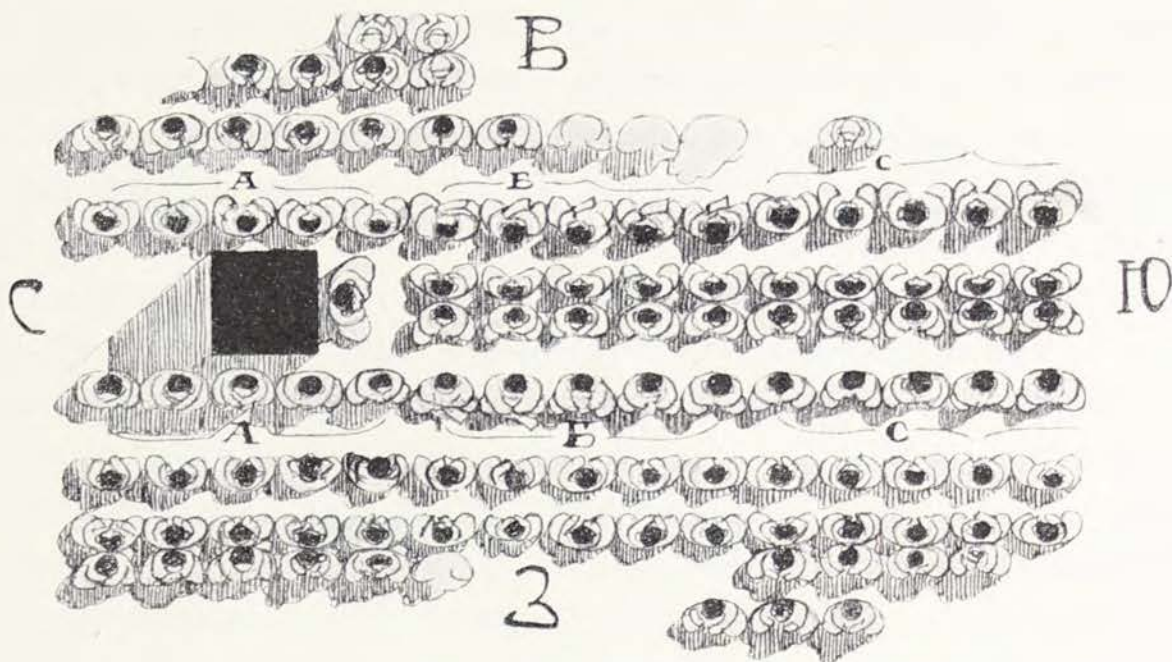
Послѣ окончанія рѣчей, процессія тѣмъ же порядкомъ двигается далѣе и на сѣверо-восточномъ углу квартала ее ожидаетъ прислужникъ отъ лхасаскаго чойчжѳна, вышеупомянутаго Карма-шяръ. Онъ становится также въ положеніи поясного поклона. Тутъ говоритъ рѣчь только старшій шабдэгма. Суть рѣчи состоитъ въ томъ, что теперь настало время вступленія Лхасы подъ покровительство Нѣйчунъ-чойчжѳна, а потому Карма-шяръ не долженъ быть спускаемъ, не долженъ ни давать предсказаній, ни проявлять какихъ-либо дѣйствій въ соперничество Нѣйчуну.

Затѣмъ они отправляются къ тремъ общественнымъ колодцамъ, расположеннымъ въ различныхъ частяхъ города, и говорятъ имъ также цокдамъ, чтобы они давали духовенству большого мѳнлама хорошую и обильную воду. Въ противномъ случаѣ угрожаютъ совершенно засыпать ослушавшіеся колодцы. Значеніе этой церемоніи зиждется, понятно, на вѣрѣ, что каждый колодецъ имѣетъ своего хозяина-дракона.

Обойдя съ такими наставленіями почти весь городъ, процессія возвращается домой. Такъ начинается время лхасаскаго мѳнлама.

Сегодня же, какъ передавали мнѣ, происходило спусканіе трехъ цзанцевъ по веревкѣ съ верхушки Поталаскаго дворца. Для этой ежегодной церемоніи съ юго-восточнаго угла Краснаго дворца натягивается веревка къ каменному столбу-тумбѣ на землѣ передъ дворцомъ. Эти три акробата надѣваютъ кожаные передники и рукавицы и скатываются сверху внизъ по веревкѣ на животѣ. Продѣлавшій это освобождается, говорятъ, на одинъ годъ отъ податей.

9 февраля. Сегодня первый день мѳнлама. Происходитъ заниманіе мѳста монахами. Разсаживаетъ ихъ администрація каждаго дацана. Главныя мѳста въ двухъ большихъ дворахъ Чжу занимаютъ монахи монастыря Брѳбуна. У центральной колонны навѳса сѳверной стороны садится такъ называемый цокчѳн-умцзадъ (главный уставщикъ) монастыря Брѳбуна, обратившись лицомъ на югъ. Отъ него на югъ идетъ главный рядъ, состоящій въ свою очередь изъ четырехъ рядовъ, обращенныхъ по два на западъ и востокъ. Ближе къ умцзаду, въ крайнихъ рядахъ (Б), садятся чтецы, изъ которыхъ главные, име-

Размѳщеніе монаховъ на дворахъ Большого Чжу во время мѳнлама.

нуемые кадайба, являются какъ бы помощниками умцзада. Они первые подхватываютъ начатую умцзадомъ молитву и читаютъ установленнымъ тономъ до конца. Остальные изъ многотысячнаго духовенства участвуютъ лишь незначительнымъ числомъ желающихъ, начиная и прекращая чтеніе совершенно произвольно. Далѳе садятся перерожденцы, приобрѳтшіе званіе дацанскаго чоймцзада, а за ними, имѳющіе духовныя степени (С) лхарамбы, сограмбы, дорамбы, габчжу, т. е. такъ называемые „гѳбшей“, о которыхъ рѳчь будетъ ниже. Высшіе перерожденцы (А), имѳющіе званіе цокчѳн-чоймцзадъ, садятся рядомъ и выше умцзада. Весь дворъ занимается такими четверными рядами, между конями оставляется узкій проходъ для надзирателей и лицъ, раздающихъ чай и кашу. Точно также

занимается и рядомъ находящійся южный дворъ, гдѣ имѣется своей умцадъ. Монахи изъ Сэра и Галдана занимають мѣста подъ навѣсомъ, передъ самымъ храмомъ Чжу и въ круговомъ дворѣ его. Не помѣстившіеся во дворахъ, разсаживаются на второмъ этажѣ или, вѣрнѣе, на крышахъ навѣса. Сюда понятно идутъ маленькіе послушники, такъ какъ здѣсь слабѣе надзоръ и потому болѣе свободы для дѣтскихъ шалостей. При заніманіи мѣсть строго соблюдается порядокъ старшинства поступленія въ извѣстный факультетъ. Занявшіе не подобающее себѣ мѣсто наказываются плетями или дубинами гѣиковъ, а иногда и желѣзными жезлами высшихъ распорядителей. Вообще, должно сказать, что при исполненіи всѣхъ распоряженій приходится въ значительной мѣрѣ прибѣгать къ помощи дубинъ, жезловъ и длинныхъ прутьевъ.

Когда всѣ монахи, числомъ около 20 тысячъ, займутъ свои мѣста во дворахъ Чжу, въ главный дворъ являются всѣ распорядители, и идутъ оба шамо по обѣ стороны центрального ряда, старшій на восточной сторонѣ, слѣдующіе два прохода занимають двое шабдэгма, гѣики идутъ по разнымъ рядамъ. Затѣмъ всѣ, за исключеніемъ двухъ шамо и состоящихъ при шамо двухъ гѣиковъ, расходятся по другимъ дворамъ. Послѣ краткаго доклада собранію, старшій шамо читаетъ, такъ называемый, чжаикъ большого мѣнлама, или, иначе, законоположеніе, составленное пятымъ далай-ламой. Чжаикъ написанъ на китайскомъ желтомъ атласѣ и представляетъ свертокъ, бережно хранимый въ двухъ шелковыхъ платкахъ. Свертокъ этотъ приноситъ гѣикъ на своемъ плечѣ и, ставши передъ шамо, начинаетъ развертывать при помощи другого. Развернувши, одинъ конецъ подають шамо. Тотъ начинаетъ читать сначала речитативомъ, но затѣмъ переходитъ уже въ бѣглую декламацию. По окончаніи чтенія, чжаикъ свертывается по прежнему и уносится, а шамо, надѣвши свою шанку и взявъ въ руки жезлъ, начинаетъ говорить цокдамъ, т. е. правила, какія должны соблюдаться при мѣнламѣ. Излагаетъ ихъ, ходя взадъ и впередъ по главному проходу, иногда останавливаясь и обращая свои взоры въ какую-нибудь сторону. Собраніе хранитъ глубокое молчаніе. Между прочимъ, онъ сказалъ: „я не побоюсь челоуѣка высокопоставленнаго, я не обижу челоуѣка ничтожнаго“. По окончаніи имъ рѣчи, говориль рѣчь и второй шамо, но гораздо короче. Онъ угро-

жалъ, между прочимъ, тѣмъ, что такъ какъ онъ очень любитъ деньги, то карманамъ нарушившихъ установленные законы не будетъ никакой пощады. Рѣчи эти, произносимыя изъ года въ годъ, имѣютъ свою установленную приблизительно программу и измѣненія дѣлаются лишь въ стилистическомъ отношеніи, въ зависимости отъ ораторскаго таланта и индивидуальныхъ способностей каждаго шамо.

Начало происхожденія „большого“ мѣнлама относятъ ко времени реформатора Цзонхавы. Въ біографіяхъ послѣдняго говорится, что въ 1409 году Цзонхава, сдѣлавши для статуи Чжу вышеуказанныя украшенія, установилъ чтеніе мѣнлама. Говорятъ, что съ этого времени вошло въ обыкновеніе чтеніе мѣнлама, но, повидимому, окончательное установленіе его относится ко времени пятого далай-ламы, современника манджурскаго императора Канъ-си, который, какъ говорятъ, утвердилъ эти правила.

Лишь только входятъ шамо, за ними идутъ гуськомъ разливальщики чая съ мѣдными посеребренными или съ чисто серебряными кувшинами. Кувшины обшиты или обернуты кожей или тряпками полотна, которыя довольно грязны, и остается только удивляться совмѣщенію грязи съ роскошью, но это свойственно народамъ дальняго востока. Разливальщиками служатъ простолюдины, прибывшіе, какъ передавали мнѣ, изъ Цзана по долгу натуральной повинности. Между ними есть и пожилые, но большинство люди молодые и очень немного мальчиковъ отъ 12 приблизительно лѣтъ. Распоряжаются ими во время разливанія нѣсколько духовныхъ изъ дацана Дзянъ въ Брѣбунѣ. Распорядители эти набираются изъ молодыхъ людей, отличающихся болѣе физическимъ развитіемъ, чѣмъ умственнымъ. Это особый контингентъ монастырской братіи, извѣстный подъ названіемъ дѣбда или дѣбдага (силачи), о коихъ еще упомяну ниже.

Послѣ окончанія богослуженія монахи расходятся по домамъ. Квартируютъ они въ разныхъ частяхъ города, обыкновенно очень тѣсно, потому что, при стараніи ихъ помѣститься по возможности ближе къ центру, бываетъ недостатокъ квартиръ, да къ тому-же и хозяева квартиръ стараются помѣстить возможно большее число, потому что съ каждаго лица взимается плата, установленная таксой, а именно $1\frac{1}{3}$ монеты, или около

27 копѣекъ на наши деньги за время мѳнлама—т. е. за 1 мѳ-сяць. Большой мѳнламъ, какъ уже сказано, длится 20 дней и малый—10 дней.

10 февраля. Сегодня передъ самымъ закатомъ солнца происходилъ обходъ двухъ шабдѳгма. Они шли въ своихъ шапкахъ съ обычными жезлами въ рукахъ. Ихъ сопровождали по нѳсколько гѳиковъ и табѳоковъ. Свита усердно выкрикиваетъ знакомыя намъ слова „па-чжюгъ-чжи“. Во время такихъ обходовъ домовладѳльцы должны держать въ чистотѳ прилежащія улицы, а духовные вовсе не должны показываться обходящимъ на глаза. Говорятъ, что эти обходы стали происходить послѳ, упомянутыхъ выше, безпорядковъ съ непальцами, учиненныхъ духовными во время мѳнлама, и какъ разъ въ сумерки. Попавшихся по неосторожности или тутъ-же наказываютъ розгами и отпускаютъ, или сажаютъ въ кутузку, освобожденіе изъ которой уже обусловливается уплатою извѳстнаго денежнаго штрафа.

20 февраля. Сегодня 15-ое число первой луны. Утромъ происходило, такъ называемое, „круговращеніе Майтреи“ (по-тибетски чжямкоръ), т. е. обнесеніе кругомъ квартала Чжу изображенія Майтреи—будды будущаго міра. Церемонія эта, весьма пышно обставляемая въ монгольскихъ и бурятскихъ монастыряхъ, проходитъ здѳсь совершенно незамѳтно, при весьма небольшомъ стеченіи народа. Этотъ будда будущаго едва-ли не больше почитаемъ настоящаго Шакьямуни. Замѳчательна вѳра въ будущее. Даже будды не вѳчны и должны уступить свои мѳста другимъ. Нѳтъ надобности заботиться о настоящемъ, а должно заботиться только о будущемъ! Нужно примиряться со всѳми невзгодами въ настоящее время, потому что онѳ не вѳчны, а заботиться исключительно о лучшемъ будущемъ! Вечеромъ были устроены обычныя въ ламаитскихъ монастыряхъ „жертвоприношенія 15-го (числа)“ (чжунгай-чѳдба). По улицамъ квартала Чжу, на высокихъ столбахъ и подставкахъ выставлены различныхъ размѳровъ щиты (натянутая на рамы яковая кожа) съ барельефными фигурами и узорами изъ масла, окрашеннаго въ разные цвѳта. Эти фигуры налѳпляются на щиты. Болѳе крупныя фигуры дѳлаются вчернѳ изъ дерева, затѳмъ облицовываются масломъ. Передъ ними поставлены столы, на коихъ горятъ свѳтильники. Всѳ щиты обращены тыломъ къ Чжу, т. е. поставлены на правой рукѳ отъ идущаго по-солонь. Столбы, повидимому, не

закапываются въ землю, а укрѣпляются кучами камней. Особенно большими размѣрами щитовъ и изобиліемъ и художественностью фигуръ отличается чѳдба далай-ламскихъ казначеевъ, устроенная у главныхъ воротъ Чжу и двухъ дацановъ Чжюдъ, помѣщенные на восточной улицѣ квартала. Такихъ чѳдба чрезвычайно много и каждая устроена на средства отдѣльныхъ монастырскихъ общинъ. Фигуры лѣнятся особыми мастерами-монахами за особую плату, которая соразмѣряется съ искусствомъ мастеровъ. Когда съ наступленіемъ ночи зажигаются свѣтильники, выходы прилежащихъ улицъ окарауливаются тибетскими солдатами, для того, чтобы не допускать народъ, пока не осмотритъ чѳдба административная власть, въ числѣ коей первое мѣсто принадлежитъ, понятно, далай-ламѣ и манджурскому амбаню. Далай-лама осматриваетъ чѳдба только тогда, когда онъ спеціально поселяется въ Лхасѣ (въ самомъ городѣ). Въ нынѣшнемъ году его нѣтъ въ городѣ, поэтому осматривали чѳдба манджурскій амбань и мѣстные князья и перерожденцы.

Послѣ осмотра высокопоставленными лицами къ чѳдба допускается простой народъ, который, какъ упомянуто уже раньше, вообще очень падохъ на зрѣлища. Женщины и мужчины ходятъ толпами и, взявъ другъ друга за руки, съ громкимъ пѣніемъ, пляшутъ передъ каждой группой чѳдба. Многіе ходятъ съ факелами. Это удовольствіе продолжается до поздней ночи. Подъ конецъ, какъ передавали мнѣ, выступаютъ различные хулиганы, которые ловятъ одинокихъ женщинъ. Въ этомъ преступленіи особенно попадаются природные китайцы, но еще въ большей степени китайцы отъ мѣстныхъ матерей.

21 февраля. Отъ вчерашнихъ чѳдба уже ничего не осталось. За ночь успѣли ихъ убрать. Камни сложены на боковыхъ улицахъ въ кубы. Они затѣмъ будутъ снесены благочестивыми монахами и простолюдинами на рѣку Уй и прибавлены къ плотинѣ, которая такимъ образомъ ежегодно надстраивается. Плотина эта или, вѣрнѣе, обкладка праваго берега камнемъ, какъ бы набережная, сдѣлана тамъ, гдѣ теченіе рѣки отклоняется къ правому берегу. Ниже этого мѣста набережной нѣтъ; немного есть только у Норбу-линха.

22 февраля. У набожныхъ ламаитовъ въ большомъ обычаѣ поднесеніе пожертвованій духовенству лхасаскаго мѳнлама или

деньгами, или, такъ сказать, натурой. Послѣдняя состоитъ изъ поднесенія духовенству похлебки (тугпа) и чая. Самымъ дешевымъ, а потому болѣе доступнымъ и обычнымъ является подношеніе чая (по тибетски ман-чжя, т. е. „чай для множества“), которое обходится приблизительно въ 120 сановъ мѣстныхъ монетъ (160 рублей на наши деньги). Я, съ своей стороны, слѣдуя, во первыхъ, обычаю средне-состоятельныхъ богомольцевъ, каковымъ я былъ извѣстенъ среди духовенства, а, во вторыхъ, по своему взгляду, почему же не выразить свое сочувствіе просвѣщенію народа, которое у ламаитовъ выражается, пока, лишь одностороннимъ изученіемъ богословія и отчасти мистицизма, внесъ еще осенью 20 сановъ монетъ, 2 лошади и лошака въ казну лабранскаго чянцзада, откуда мнѣ выдали квитанцію въ пріемѣ стоимости одной ман-чжя большого мѣна-лама. Лабран-чянцзады называются казначеи или правители имущества дворца далай-ламы при Чжово-ханѣ.

Вчера черезъ гѣргана Брѣбунскаго камцана Самло, объявили мнѣ, что чай моего имени будетъ подноситься сегодня утромъ и, чтобы я къ тому времени былъ бы совершенно готовъ и приготовилъ бы три пачки курительныхъ свѣчей, а также представилъ бы свой докладъ, т. е. текстъ тѣхъ пожеланій, къ исполненію коихъ я стремлюсь подношеніемъ ман-чжя духовенству. Текстъ этотъ я заготовилъ при помощи ламы-тибетца, который составилъ его по шаблону подобныхъ рѣчей.

Придя раннимъ утромъ съ тремя пачками курительныхъ свѣчей, опоясанныхъ красной бумажной лентой, такъ какъ чай подносился за здравствующихъ (за умершихъ — бѣлыя ленточки), я встрѣтилъ здѣсь гѣргана Самлоскаго камцана, который былъ одѣтъ въ свое лучшее платье. Когда младшій шамо, завѣдующій специально разливаніемъ чая, привелъ вереницы разливальщиковъ и поднятіемъ своего жезла на плечо (въ родѣ военнаго: „ружья вольно!“) далъ знакъ начать разливаніе, разливальщики поспѣшно стали наливать чай въ подставляемые монахами деревянныя чашки. Когда они кончили разливаніе въ среднихъ рядахъ, старшій шамо, ставъ въ нижнемъ концѣ главнаго прохода, снялъ свою шапку и мантию и сложилъ на сѣнь (по-тибетски, орхимчжи по-монгольски), услужливо растянутый двумя монахами, сидѣвшими—другъ противъ друга по обѣимъ сторонамъ прохода, сдѣлалъ три молитвенныхъ поклона, при-

ставляя лобъ къ своей поднятой шапкѣ, такъ какъ дѣлать поклоны ниже не позволяетъ, во первыхъ, его ужасно тяжелый костюмъ, а во вторыхъ и грязь пола, облитаго чаемъ съ масломъ, къ которому неудобно прикасаться не только наряднымъ костюмомъ, но даже самой оборванной юбкой монаха-пролетарія. Послѣ этого онъ снова надѣлъ свою мантию и, держа шапку въ рукѣ, началъ читать тексты докладовъ тѣхъ лицъ, которыя въ данный періодъ подносятъ чай. Въ это время меня съ камцанскимъ гѣрганомъ ввелъ на конецъ главнаго прохода лама-депутатъ отъ лабранскихъ чянцзадовъ. Онъ взялъ въ руку одну пачку курительныхъ свѣчей, вторую далъ камцанскому гѣргану, а третью мнѣ, и всѣмъ намъ тремъ зажгли ихъ. Лишь только кончилось чтеніе старшаго шамо, мы одинъ за другимъ въ вышеназванномъ порядкѣ стали проходить между рядами духовныхъ. Когда дошли до дверей Чжу, то вошли въ храмъ и поклонились статуѣ Чжу-ринбочэ. При самомъ входѣ въ комнату Чжово свѣчи отбираются и выдаются при выходѣ. Затѣмъ мы обошли одинъ разъ внутренній храмъ по-солонь; этимъ завершилась церемонія и отъ насъ отобрали остатки пачекъ свѣчей. Остатки этихъ свѣчей продаются по двѣ монеты (новая цѣлая пачка стоитъ 1 монету) желающимъ благочестивымъ людямъ. Они покупаются съ вѣрой въ особенную ихъ

Хамбо Агван-Ловсанъ Доржіевъ.

цѣлительную силу, какъ служившихъ такому множеству духовенства. Съ той же вѣрой въ благотворную силу покупаются и палки гѣиковъ по 20 коп.

Депутату за сопровожденіе полагается уплачивать двѣ монеты, камцанскому гѣргану 5 монетъ; но, кромѣ этихъ узаконенныхъ расходовъ со стороны жертвователя, къ нему пристають, находящіеся вблизи, гѣики, прося „на водку“ или „на чай“, что въ большомъ обычаѣ въ центральномъ Тибетѣ, даже въ

Овше Норзуновъ, калмыкъ.

гораздо большемъ, чѣмъ въ нашемъ отечествѣ. Скупящійся на нѣсколько монетъ долженъ, какъ можно скорѣе, покинуть храмъ. Когда я пришелъ на квартиру, то явились поздравители изъ служителей камцана, которыхъ тоже неудобно отпустить съ пустыми руками и нужно дать хотя бы по одной монетѣ.

26 февраля пріѣхалъ изъ нашего отечества Агванъ Доржіевъ вмѣстѣ со своими спутниками бурятами и ставропольскимъ калмыкомъ Овше Норзуновымъ, который взялся

сдѣлать снимки для Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Онъ снабженъ такимъ же аппаратомъ, какимъ я уже съ осени дѣлаю снимки. Чтобы не возбуждать разныхъ толковъ, я скрываю аппаратъ отъ него, какъ и вообще отъ всѣхъ мѣстныхъ жителей, не исключая и бурятъ, моихъ земляковъ, и монголовъ различныхъ аймаковъ. Непосредственно мнѣ не пришло никакихъ вѣстей съ родины, но отъ вновь пріѣхавшихъ я узналъ подробности боксерскаго движенія, охватившаго тогда сѣверо-восточный Китай, о чемъ очень смутные слухи уже раньше доходили изъ китайскихъ и монгольскихъ источниковъ.

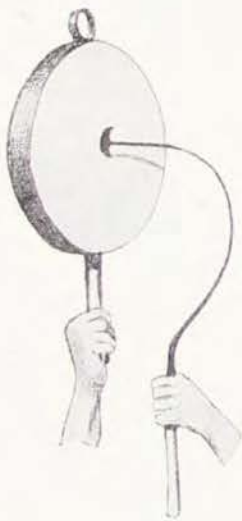
1-го марта. Сегодня, 24-го числа первой луны, происходило обычное сжиганіе двухъ дугчжуба (шестидесятниковъ), т. е. двухъ

Процессия передъ сжиганіемъ дугжубы (стрѣлкой указана дугжуба).

По рисунку капуцина Беллагатти XVIII вѣка.

большихъ соровъ, такъ какъ дугчжуба—тотъ же соръ. Дугчжуба состоитъ изъ деревяннаго столбика, прикрѣпленнаго къ квадратной доскѣ, съ четырехъ угловъ которой къ верхушкѣ столба идутъ картонныя полосы красноватаго цвѣта, на полосахъ этихъ узорчатая вырѣзки, очень красивыя, долженствующія изображать огненные языки. На верхушкѣ столбика прикрѣпляется, сдѣланный изъ тѣста, бѣлый черепъ. Въ промежуткахъ между полосами еще бумажныя украшенія. Шестидесятникомъ онъ называется потому, что служитъ въ теченіе цѣлаго года изъ 60-ти лѣтняго періода, предотвратителемъ разныхъ несчастій и бѣдствій, насылаемыхъ нечистыми духами, врагами людей и религіи. Въ чтеніи молитвъ и церемоніи сжиганія участвуютъ два дацана: брабунскій Агна и поталаскій Намчжяль. На церемонію сжиганія явился галданскій сэрти, или намѣстникъ Цзонхавы, о которомъ будетъ сказано подробно въ XI главѣ. Онъ шелъ впереди всѣхъ въ предшествіи старшаго шамо, который несъ зажженную пачку курительныхъ свѣчъ. Сзади его тянулись другіе знатные ламы. Немного поодаль по обѣ стороны шли одинъ за другимъ монахи двухъ вышеназванныхъ дацановъ, въ лучшихъ парадныхъ костюмахъ, держа въ рукахъ: идущіе впереди—мѣдныя тарелки (ручныя музыкальные инструменты), а идущіе позади—барабаны съ деревянными рукоятками, за которыя ихъ несутъ. Еще далѣе, уже по краямъ улицъ, шли пѣшіе солдаты съ фитильными ружьями, изъ коихъ они попеременно стрѣляли холостыми зарядами въ сторону.

Барабанъ и ударникъ къ нему.

Дугчжубы выносятся и сжигаются на площади передъ домомъ манджурскаго амбана въ двухъ кострахъ, устроенныхъ изъ сѣна на подобіе конуса, причѣмъ остовомъ служатъ длинныя шесты изъ сырого дерева. Лишь только бросятъ дугчжубы въ костеръ, бѣднота бросается къ кострамъ, желая достать что-нибудь изъ узорчатыхъ украшеній, а еще болѣе—недогорѣвшіе шесты. Процессія послѣ сего возвращается тѣмъ же порядкомъ. Вслѣдъ за этимъ происходитъ пальба изъ пушки въ гору, находящуюся противъ Поталы, на той сторонѣ рѣки Уй. Мѣдная пушка вкапывается въ землю, на полѣ передъ Поталой. Я не подходилъ къ самой пушкѣ, но наблюдалъ стрѣльбу съ нѣко-

торого разстоянія. Сначала дѣлають три выстрѣла холостыми зарядами, а затѣмъ четыре—ядрами. Существуетъ повѣрье, что гора эта, на которой находится могила злого хана Лан-дармы, известнаго гонителя буддизма въ Тибетѣ, понемногу приближается къ рѣкѣ и постепенно тѣснить воду къ правому берегу, чтобы въ концѣ концовъ совершенно загородить ее русло и, направивъ ее на городъ, потопить Лхасу съ ея святынями. Для отвращенія этого бѣдствія, ежегодно обстрѣливаютъ ее въ этотъ день, послѣ чего она отодвигается назадъ на прежнее мѣсто. Тѣ люди, которые приносятъ обратно ядра, освобождаются на годъ отъ податей; поэтому тамъ ожидаютъ постоянно челобѣта четыре, чтобы добыть упавшее ядро. Прицѣломъ служитъ черная палатка, поставленная ближе къ вершинѣ горы. Мнѣ передавали, что въ этой палаткѣ привязываютъ козла, но за достовѣрность этого не ручаюсь, такъ какъ не удалось добыть болѣе точныхъ свѣдѣній. Ядра, поднимая много пыли, падали не особенно близко отъ палатки, хотя стрѣлявшіе, повидимому, старались прицѣлиться въ нее.

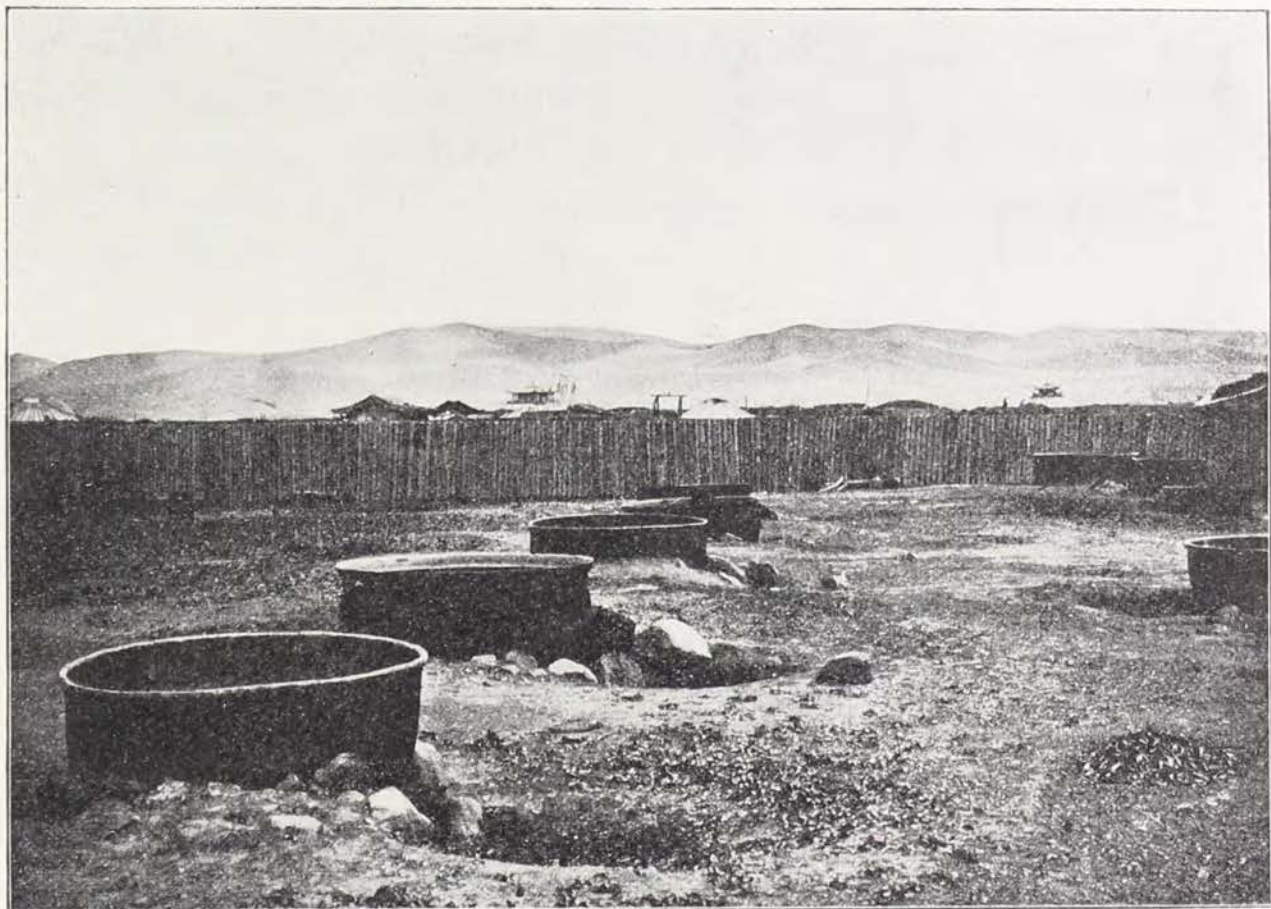
2 марта. Сегодня 25-го числа первой луны—послѣдній день большого мѣнлама. Послѣ утренняго собранія духовныхъ, богослуженія прекращаются и начинаются игры уже свѣтскихъ людей. Игры происходятъ на площади, на южной сторонѣ второго двора Чжу. Знатные князья садятся на балконѣ второго этажа этого дома-двора. Народъ стоитъ толпой на площади и сидитъ на крышахъ прилежащихъ домовъ. Уличный порядокъ поддерживается при помощи дубинъ гѣиковъ и палокъ табюковъ. Игры состоятъ въ борьбѣ пары почти голыхъ людей, вымазавшихъ все свое тѣло бобовымъ, или инымъ растительнымъ масломъ; затѣмъ въ бѣгѣ пѣшихъ людей и свободныхъ лошадей. Тѣ и другіе „бѣгунцы“ отводятся на поле, къ западу отъ Поталы, на большую дорогу, идущую въ Брѣбунъ и оттуда пускаются бѣжать. Свободныя лошади бѣгутъ впереди, погоняемая пѣшими, а также и конными людьми. Впрочемъ, какъ говорили мнѣ, нѣкоторыя лошади предпочитаютъ этому славному состязанію насущный хлѣбъ и, уходя въ сторону, щиплютъ траву. Я, стоя на площади, видѣлъ только двухъ лошадей, пригнанныхъ однимъ верховымъ погонщикомъ. Онѣ, ободряемая дикими криками толпы, дѣйствительно, очень стремительно бѣжали по улицѣ. Затѣмъ прибѣжали и пѣшіе,

разодѣтые въ пестрые костюмы. Повидимому, ни тѣ, ни другіе не получаютъ значительныхъ поощреній своему искусству. Народъ скоро послѣ этого разошелся. Немного спустя уѣхали и брабунскіе шамо, положительно, державшіе городъ въ террорѣ въ теченіе 20 дней. По дорогѣ они заѣзжаютъ на Потау, къ далай-ламѣ, который даетъ имъ (кладетъ на шею) хадаки, благодаря за труды, понесенные во время большого мѣнлама.

Если подвести вкратцѣ итогъ обычному ходу собранія мѣнлама, то день его начинается раннимъ утромъ, при началѣ разсвѣта. Въ это время двое табюковъ выходятъ на два пункта въ сѣверной и восточной части города и громкимъ крикомъ призываютъ духовныхъ на собраніе. Когда духовные займутъ свои мѣста, начинается чтеніе молитвъ и почти одновременно съ этимъ разливаніе чая по двѣ чашки, а затѣмъ одной чашки тугна или похлебки. Чай бываетъ черный, но забѣленный масломъ, которое, впрочемъ, попадаетъ въ изобиліи только въ чашки, сидящихъ въ центральныхъ рядахъ, такъ какъ для нихъ назначаются первые чайники изъ заготовленнаго чая. Занимающіе такія мѣста монахи имѣютъ, кромѣ своихъ большихъ чашекъ, еще особыя закрывающіеся сосуды для собиранія масла посредствомъ сдуванія съ поверхности чая. За все время мѣнлама сидящіе въ центральныхъ рядахъ собираютъ масла почти на 6—7 рублей на наши деньги. Зато сидящимъ въ послѣднихъ рядахъ приходится довольствоваться только теплой водой, потому что по мѣрѣ убыванія чая въ котлахъ, къ нему непрерывно добавляется холодная вода, чтобы напоить все собраніе. Тугна готовится изъ развареннаго риса, съ небольшимъ количествомъ мяса. Опять таки и эта тугна для „центральныхъ“ является болѣе или менѣе густой рисовой кашей, для слѣдующихъ постепенно обращается въ жидкую похлебку, а самымъ послѣднимъ нерѣдко достается мутно-бѣловатая вода (рисовый отваръ) съ однимъ или двумя десятками зеренъ. Послѣ этого утренняго чая, при выходѣ раздаютъ обыкновенно по $\frac{1}{6}$ мѣстной монеты на каждаго ($3\frac{1}{3}$ коп.).

Немного спустя послѣ этого происходитъ собраніе на площади, называемой сун-чой-ра, находящейся на южной сторонѣ квартала Чжу, у имѣющагося тамъ далай-ламскаго

сѣдалища изъ каменныхъ плитъ, скрѣпленныхъ глиной. Сѣдалище квадратной формы со ступенями. Здѣсь, впереди сего трона готовится престолъ для галданскаго намѣстника, а кругомъ, на ступеняхъ этого возвышенія, садятся ученые ламы, которымъ предстоитъ держать диспутъ для получения ученой степени лхарамба, значеніе коей будетъ выяснено въ X главѣ настоящаго труда. Предлагать имъ вопросы можетъ всякій, по своему желанію. Я замѣчалъ, что въ такихъ желающихъ

Котлы для варки чая.

(Эти котлы въ Ургѣ,—котлы въ Лхасѣ такіе же).

не бываетъ недостатка: выступаютъ, по бѣльшей части, молодые монахи, отчасти желающіе выяснить интересующій ихъ вопросъ и услышать мнѣніе почтенныхъ ученыхъ, а отчасти и пылкіе молодые люди, желающіе блеснуть передъ собраніемъ своей эрудиціей или просто ораторскимъ искусствомъ, а иногда и просто игрой словъ. Но многіе принимаютъ участіе въ диспутахъ изъ убѣжденія, что посредствомъ участія въ религіозномъ собесѣдованіи настоящей жизни они удостоятся въ будущей неразлученія съ ученіемъ Побѣдоноснаго, т. е. Будды.

Далѣе, немного ранѣе полудня, происходитъ собраніе, называемое гунциг-ман-чжя (полуденный чай) съ двумя чашками чая и похлебкой.

Послѣ полудня происходитъ собственно мѳнламъ, т. е. чтеніе благопожеланій передъ дверями храма Чжу. Для этого тронъ галданскаго сэрти устанавливается въ нѣкоторомъ отдаленіи передъ дверями храма Чжу, лицевой стороной къ этимъ дверямъ. По обѣ стороны отъ трона садятся хамбы Сэ-нбрэ-гэ-сума. Главный и второстепенные умцады садятся противъ сэрти у стѣны храма, обратившись лицомъ къ сэрти. Собраніе это ограничивается чтеніемъ и священнодѣйствіями безъ раздачи чая. На него собирается очень мало духовенства.

Послѣднее собраніе происходитъ уже подъ вечеръ и называется гон-чжя, т. е. вечерній чай. Во время этого собранія монахамъ подаютъ по 3 чашки чая.

Если полагается раздача монетъ, то она происходитъ послѣ гунциг-ман-чжя и гон-чжя, поэтому эти собранія бываютъ самыми многолюдными. Въ виду разнорѣчивыхъ указаній числа духовныхъ Лхасаскаго мѳнлама, показываемаго въ нѣкоторыхъ источникахъ въ 70 тысячъ, а въ нѣкоторыхъ въ 50 тысячъ, я однажды сталъ считать духовныхъ у главнаго выхода во время раздачи монетъ. Я насчиталъ около 2250 человекъ. Такихъ выходовъ 7, слѣдовательно всего вышло никакъ не болѣе 20 тысячъ человекъ.

Интересно бываетъ смотрѣть этотъ выходъ многочисленнаго духовенства въ дни раздачи монетъ. Въ главныя ворота выходятъ сначала весьма чинно хамбы дацановъ и высшіе перерожденцы и ученые ламы, но послѣ нихъ начинается выходъ обыкновенныхъ монаховъ, что сопровождается страшной давкой. Надсмотрщиками надъ порядкомъ являются шамо и гѣйки, усердно пускающіе въ дѣло палки (шамо оставляютъ тяжелые жезлы и берутъ въ руки болѣе легкія палки). Жутко бываетъ иногда видѣть, какъ гѣикъ изо всей силы ударяетъ монаха своей дубиной, отъ такого удара иногда падаютъ. По временамъ кажется, что гѣикъ бьетъ ради своего удовольствія, такъ какъ, начавъ бить одного, ударяетъ всѣхъ его сосѣдей поголовно, не разбирая ни правыхъ, ни виноватыхъ. Если гѣикъ, при исполненіи своихъ обязанностей, убьетъ монаха, то за брѣбунскаго монаха штрафуется 20 копѣйками, а за монаха

другихъ монастырей 10 копѣйками, причемъ штрафъ увеличенъ для первыхъ изъ тѣхъ видовъ, что у гѣиковъ, назначаемыхъ, исключительно, изъ Брѣбуна, можетъ проявляться мечь къ своимъ знакомымъ, которыхъ больше всего, конечно, бываетъ въ своемъ монастырѣ. Мнѣ передавали старожилы, что такое убійство бываетъ очень рѣдко, и послѣдній на памяти случай относили за 4—5 лѣтъ тому назадъ (1896—1897 г.), когда поплатился жизнью одинъ монахъ изъ Сѣра, затѣявшій драку съ гѣикомъ въ сообществѣ съ другими товарищами. Гѣикъ былъ поставленъ въ критическое положеніе и, обнаживъ постоянно носимую за поясомъ саблю, убилъ нападавшаго.

Не менѣе интересно, происходящее внѣ воротъ. Тутъ, на скамейкѣ у одного столба стоитъ назначаемый отъ лабранскихъ чянцизадовъ чиновникъ (свѣтскій или духовный). Противъ него, ближе къ воротамъ, на полу стоитъ раздавальщикъ монетъ, а рядомъ съ нимъ—служитель, держащій мѣшокъ съ монетами, на другой же сторонѣ счетчикъ. Монахи выходятъ одинъ за другимъ и, подставляя руку, получаютъ монету, или часть. Въ послѣднемъ случаѣ отсчитываютъ извѣстное число монаховъ, смотря по тому, какая часть монеты выдается въ данномъ случаѣ, и монета дается послѣднему, который и дѣлитъ ее. Гѣики все время желаютъ разными неправдами и попрошайничествомъ получить монеты. Способовъ этихъ, какъ я наблюдалъ, три: 1) встать въ шеренгу между простыми монахами и, спрятавъ свою дубину на другой сторонѣ тѣснаго ряда, протянуть руку, 2) провести, пользуясь своимъ правомъ входа и выхода, подъ своимъ покрываломъ маленькихъ послушниковъ и поставить ихъ снова въ рядъ и 3) уже самый некрасивый, это—вырываніе монеты у оплошавшаго монаха послѣ того, какъ казначей положитъ монету ему въ руку, или же вырываніе у самого казначея. Выдающіе строго слѣдятъ за продѣлками монаховъ, стараясь не поддаваться на ихъ хитрости.

Я не говорю уже о томъ, какъ гѣики выпрашиваютъ подачки у казначеевъ, такъ какъ такое выпрашиваніе практикуется не только ими, но и полновластными шамо.

Послѣ гон-чжя начинаются снова диспуты лхарамбъ, уже въ главномъ дворѣ передъ храмомъ Чжу и продолжаются до вечера.

Этимъ кончается день мѣилама.

Раздача духовенству монетъ, кромѣ утренней, происходитъ по мѣрѣ поступления пожертвованій. Обыкновенныхъ раздачъ бываетъ четыре: одна монета отъ далай-ламы, одна монета отъ банчэн-эрдэни, 15-го числа одна монета изъ процентовъ неприкосновеннаго капитала одного камскаго кунца и 24-го—одна монета отъ центрального правленія Тибета—дэба-шуна. Частный жертвователь долженъ внести, при желаніи раздачи по одной монетѣ, 80 ямбовъ, или $26.666 \frac{2}{3}$ мѣстныхъ монетъ (около 5.333 р. 33 коп.). Сумма пожертвованій должна быть внесена въ казну лабранскихъ чянцзадовъ, которые и берутъ на себя дальнѣйшія хлопоты, конечно, не безъ выгоды для себя, такъ какъ установленная сумма взноса выше дѣйствительно раздаваемого количества. Расходы-же на чай и кашу едва-ли превышаютъ 30—35 тысячъ рублей на наши деньги.

Всѣхъ денегъ, получаемыхъ въ обыкновенное время однимъ монахомъ во время всего мѣнлама, бываетъ отъ 15 до 20 мѣстныхъ монетъ, т. е. отъ трехъ до четырехъ рублей.

Въ дни, когда нѣтъ раздачи денегъ, къ воротамъ при выходѣ подходятъ тѣ же лица и счетчики, и вмѣсто денегъ предъ каждымъ монахомъ помахиваютъ хадакомъ, привязаннымъ къ свертку бумаги (или палкѣ?). Этимъ дѣйствіемъ, какъ бы,

каждому духовному подносится хадакъ, такъ какъ нельзя отпустить духовныхъ безъ вознагражденія. Къ этому добавляють, что прежде, когда у людей было больше благочестія, жертвуемыхъ денегъ хватало на каждый выходъ. Но теперь времена испортились!

3 марта. Незадолго до окончанія мѣнлама въ Лхасу сзывается изъ своихъ домовъ по деревнямъ гарнизонъ тибетскаго войска. Солдаты прибываютъ изъ деревень и размѣщаются по частнымъ квартирамъ. Гарнизонъ этотъ состоитъ изъ пѣхоты и конницы. Обучение его производится за городомъ на сѣверной сторонѣ его, но въ городѣ онъ въ полномъ своемъ составѣ участвуетъ на церемоніи сжиганія дугчжубы, ко-

Тибетскій пѣхотинецъ въ панцырѣ и шлемѣ; сабля, по старинному, на правомъ боку.

Старинный тибетскій панцырь.

торая, на этотъ разъ, происходила, какъ сказано выше, 24-го числа этой луны. Впереди пѣхоты ѣхали военачальники (дабонь), въ концѣ каждой сотни на лошакахъ какія-то лица, повидимому нѣчто вродѣ знаменосцевъ. Вооруженіе пѣхоты: сабли, луки и щиты; на тѣлѣ — чешуйчатый панцырь, на головѣ — шлемъ. Щиты, повидимому, изъ плетенаго тростника (мелкаго бамбука). Впрочемъ, въ вооруженіи нѣтъ единства: нѣкоторые имѣютъ пики, нѣкоторые — луки, а нѣкоторые — фитильныя ружья. При вступленіи въ городъ и также при шествіи церемоніи, пѣхотинцы то и дѣло палятъ холостыми зарядами. Конные также въ шлемахъ и панцыряхъ; въ рукахъ у нихъ пики, на спинѣ

фитильныя ружья съ рожками (ножками), на бедрахъ луки и колчаны съ четырьмя стрѣлами. Военачальники ѳхали на прекрасныхъ лошадяхъ, въ парчевыхъ халатахъ, въ собольихъ, на манджурскій образецъ, шапкахъ съ шариками на макушкахъ; вооруженіе ихъ—лукъ и колчанъ съ пятью стрѣлами; на плечахъ коротенькая соболья накидка, въ родѣ пелерины. По городу конница шла двумя рядами, гуськомъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Между этими рядами ѳхали военачальники со свитой. Лошади простыхъ воиновъ плоховаты и малорослы, такъ какъ всѣ мѣстной породы.

Сегодня за городомъ на участкѣ, принадлежащемъ князю Лха-лу-гуну, подлѣ его усадьбы, происходилъ своего рода смотръ

Старинный желѣзный шлемъ, (не достаеъ пучка перьевъ, вставляемыхъ въ трубку наверху шлема).

конницы. Я не засталъ начала, но прибылъ къ срединѣ его. По одному краю площади была вырыта прямая неглубокая канавка, на протяженіи около 100 сажень, въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ. На восточной сторонѣ была растянута большая палатка, подъ которой сидѣли военачальники. Площадь была свободною, а края ея и ближайшія поляны были заняты палатками болѣе богатыхъ зрителей, между конми располагались тамъ и сямъ кружки семействъ и знакомыхъ. Разставлены были и столы торговцевъ булками, лепешками, виномъ и вообще съѣст-

нымъ. Тибетцы, не любящіе упускать случая загородныхъ гуляній съ вышивкой и игрой въ кости, прибыли сюда въ большомъ числѣ.

Подлѣ вышеупомянутой канавки, саженьхъ въ 50-ти другъ отъ друга, были повѣшены мишени, состоящія изъ мягкаго круга около $\frac{1}{2}$ аршина въ діаметрѣ. Выѣзжаютъ всадники къ юго-западному концу канавки по пяти человѣкъ, затѣмъ скачутъ по очереди, по одному. Всадникъ пускаетъ лошадь въ галопъ. Около перваго круга онъ снимаетъ изъ-за плечъ ружье и стрѣляетъ по мишени холостымъ зарядомъ, затѣмъ, надѣвъ ружье, до слѣдующаго круга снимаетъ лукъ, вынимаетъ изъ колчана

стрѣлу и пускаетъ ее во вторую мишень. Это-же самое продѣлываютъ и послѣдующіе. Несмотря на то, что въ мишени приходится стрѣлять почти въ упоръ, многіе промахиваются и стрѣлы вонзаются въ землю на площади. Кромѣ этого бываетъ

Тибетскія сабли.

много неудачъ: нѣкоторые падаютъ съ лошади, нѣкоторые не успѣваютъ продѣлать второй стрѣльбы, нѣкоторые, вмѣсто того, чтобы надѣть ружье, роняютъ его за спину и т. п., но лошади всегда пробѣгаютъ безошибочно по канавѣ, со свойственнымъ тибетской породѣ смирениемъ.

Когда кончается упражненіе одной партіи въ пять чело-вѣкъ, то она, сѣвшившись, подходитъ къ палаткѣ военачаль-

никовъ и всѣ получаютъ въ подарокъ по два хадака, что цѣнится на наши деньги въ 12 копѣекъ. Послѣ полученія подарка они дѣлаютъ передъ начальствомъ нѣчто очень похожее на дамскій реверансъ и уходятъ, размахивая руками, къ своимъ лошадямъ, сѣвъ на коихъ, отъѣзжаютъ, а на смѣну имъ выѣзжаетъ слѣдующая пятерка всадниковъ.

Это длится до самаго вечера, и мнѣ не удалось дожидаться конца, такъ какъ нужно было ѣхать домой въ городъ.

Весь гарнизонъ, созданный въ Лхасу, доходилъ до 500 человѣкъ, 3 сотни пѣхоты и 2 сотни конницы.

26 марта, а по мѣстному 19-го числа второй луны, происходитъ второй съѣздъ монаховъ Сэ-нбрэ-гэ-сума для чтенія, такъ называемаго, „малаго“ мѣнлама или „цок-чѣд-мѣнлама“. Первый, большой мѣнламъ, читается ради долгоденствія и благополучія манджурскаго императора, а малый—въ тѣхъ-же видахъ для далай-ламы. Разница между ними, во-первыхъ, въ числѣ дней чтенія (первый длится—20 дней, а этотъ—10 дней), во-вторыхъ, на первый должны собираться всѣ монахи безъ исключенія, на второй-же могутъ не являться тѣ, кто внесетъ $1\frac{1}{3}$ монеты въ Брѣбунѣ и $\frac{2}{3}$ въ другихъ монастыряхъ—въ пользу цокчэнскихъ шамо. Въ остальномъ происходитъ почти буквальное повтореніе большого мѣнлама, но въ соотвѣтственно меньшихъ размѣрахъ.

30 марта я впервые увидѣлъ того человѣка, который вскорѣ долженъ быть изгнанъ, въ видѣ человѣческой жертвы, за долгоденствіе далай-ламы. Это мірянинъ, довольно хорошо одѣтый. Говорятъ, что онъ служитъ писцомъ въ канцеляріи духовныхъ дѣлъ (жиг-цанъ) при далай-ламѣ. Онъ обходилъ лавки торговцевъ и собиралъ милостыню или скорѣе подати съ торговцевъ. Каждый торговецъ долженъ дать $\frac{1}{2}$ монеты, или вещь этой стоимости. Помимо этихъ обязательныхъ подачекъ, къ нему стекается немало и доброхотныхъ даяній, такъ какъ вѣрятъ, что онъ приметъ на себя и грѣхи подающаго. Онъ ходитъ съ пушистымъ чернымъ яковымъ хвостомъ, который онъ имѣетъ при себѣ и при церемоніи изгнанія. Сопровождаетъ его прислужникъ, которому онъ передаетъ получаемыя вещи.

4 апрѣля, по мѣстному 28-го числа второй луны, за неимѣніемъ завтрашняго 29-го числа, происходила церемонія изгнанія вышеупомянутаго человѣка „лу-гонъ“ или „гонъ“, т. е. высшій

выкупъ или выкупъ за спасителя (далай-ламу). Церемонію эту совершаетъ духовенство монастыря Чжян-чуб-лина, основаннаго, какъ говорятъ, пятымъ далай-ламой и принадлежащаго „старой сектѣ“ (нѣн-ма), въ сообществѣ съ галданскимъ намѣстникомъ. Задолго до начала церемоніи народъ стоялъ непроницаемой толпой передъ главными воротами Чжу, гдѣ происходитъ начало церемоніи, и имъ-же были заняты крыши сосѣднихъ домовъ. Я поднялся на крышу одного изъ домовъ, составляющихъ главный дворъ. Чтеніе курима, т. е. заклинаній, происходило внутри двора и зрѣлище для публики открывается лишь съ того момента, какъ за ворота выходятъ галданскій сэрти въ сопровожденіи духовныхъ вышеназваннаго монастыря; сюда же выходитъ и лу-гонъ въ одеждѣ изъ бѣлой козьей шкуры, надѣтой шерстью наружу. Половина лица у него вымазана бѣлой краской, а другая половина—черной. Онъ держитъ свой неотлучный черный яковый хвостъ. На головѣ родъ шлема. Здѣсь между галданскимъ сэрти и лу-гономъ происходитъ какъ бы споръ, кому изъ нихъ быть изгнаннымъ. Наконецъ, они соглашаются метать жребій посредствомъ кубиковъ съ очками. У галданскаго сэрти небольшой кубикъ со многими очками на каждой сторонѣ, а у лу-гона большой, грубо сдѣланный, у котораго на каждой изъ шести сторонъ по одному очку. Метаніе происходитъ трижды, такъ какъ лу-гонъ не соглашается уступить послѣ первыхъ неудачъ. Послѣ третьяго раза лу-гонъ въ досадѣ топчетъ кубикъ и обращается въ бѣгство на западную, или точнѣе юго-западную сторону. Ламы Чжян-чуб-лина въ облаченіяхъ тарнистическихъ церемоній совершаютъ тутъ-же мистическую пляску съ соотвѣтствующими жестикюляціями. Въ это время выносятъ на одной подставкѣ соръ, а на другой изображеніе далай-ламы въ футъ вышиной въ полномъ духовномъ облаченіи.

Послѣ окончанія пляски начинается процессія вслѣдъ за лу-гономъ. Впереди несутъ соръ и изображеніе далай-ламы. За нимъ слѣдуютъ ламы Чжян-чуб-лина въ числѣ около 20 человекъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, сзади нихъ, духовенство дацана Чжюд-мѣдъ, со своимъ лама-умцзадомъ во главѣ, выносятъ соръ.

За ними идетъ галданскій намѣстникъ. Вслѣдъ за намѣстникомъ, вслѣдствіе отсутствія въ настоящее время прорицателя

Найчунъ-чойчжона, несли только полное его облачение и изображение чойчжона въ сопровожденіи всей той свиты, какая полагается при жизни прорицателя, который умеръ отъ оспы, свирѣпствовавшей въ центральномъ Тибетѣ въ 1900 г. Впереди каждой изъ перечисленныхъ группъ шелъ одинъ изъ высшихъ членовъ администраціи мѣнлама. Такъ, передъ ламами монастыря Чжян-чуб-лина шествовалъ младшій шабдэгма: передъ дацаномъ Чжюдъ—старшій шабдэгма, передъ намѣстникомъ—старшій шамо, передъ Найчуномъ—младшій шамо. Гэнки и табѣрки поддерживали порядокъ среди зрителей. Солдаты шли по краямъ улицы и часто стрѣляли холостыми зарядами изъ своихъ фитильныхъ ружей.

Сжиганіе соровъ происходитъ передъ домомъ амбаня.

Лу-гонъ, какъ говорили мнѣ, добѣгаетъ до рѣки Уй и тамъ, переодѣвшись и вымывшись, садится на приготовленную лодку, на которой уплываетъ въ монастырь Самъ-яй. Тамъ онъ дѣлаетъ пожертвованія духовнымъ и заказываетъ молебенъ уже за свою жизнь, такъ какъ онъ, продавъ себя на искупленіе жизни далай-ламы отъ нечистыхъ духовъ, понятно, этимъ самымъ подвергается опасности быть фактически взятымъ сими послѣдними, т. е. умереть.

Церемонія началась въ половинѣ перваго и кончилась въ три часа пополудни.

5 апрѣля, а по мѣстному 30-го числа второй луны, происходило большое религіозное шествіе, называемое сэр-прэнъ (по мѣстному произношенію сэр-тэнъ), т. е. „золотыя четки“. Четки эти состояются изъ 1000 молодыхъ монаховъ, назначенныхъ пропорціонально численности духовенства главнѣйшихъ монастырей. Получившіе назначеніе монахи за время всего малаго мѣнлама садятся въ центральныхъ рядахъ, чтобы получить выгоду отъ вышеупомянутой продажи масла, извлекаемаго изъ чая.

Но эта выручка, зачастую, вся уходитъ на наемъ на прокатъ хорошаго параднаго платья, которое бываетъ или у очень богатыхъ лицъ, или у ламъ, занимающихъ административныя должности.

Всѣ они утромъ сегодняшняго дня собираются во дворъ Чжу и здѣсь изъ кладовыхъ казначейства, при поручительствѣ администраторовъ своихъ факультетовъ, получаютъ разныя вещи, которыя они должны нести во время процессіи.

Вещи эти суть различные символическіе предметы изъ разноцвѣтной шелковой матеріи, какъ чжялцаны (побѣдный знакъ — цилиндръ изъ разноцвѣтной матеріи), зонты, родъ хоругви, трубы, раковины, барабаны, мандалы, маски разныхъ небожителей, балдахины, изображенія словъ и т. п.

По мѣрѣ полученія священныхъ предметовъ, всѣхъ постепенно ставятъ другъ за другомъ по улицѣ квартала Чжу. Послѣ окончанія разстановки участниковъ, эта длинная вереница гуськомъ тянется вдоль улицъ, которыя къ этому дню старательно вы-

Процессія монаховъ „сэр-прэнь“.

метаются и посыпаются бѣлымъ и желтымъ пескомъ въ видѣ дорожекъ. Обошедши одинъ разъ кварталъ Чжу, процессія тянется черезъ Ютогскій мостъ къ Поталѣ. Къ ея приходу на лицевой сторонѣ Поталы бывають сдѣланы необходимыя приготовленія, а именно на стѣнѣ растягивается громадное полотно съ изображеніемъ Будды-Шакьямуни и бѣлой Тары (по тибетски Долкаръ). У подножія его устраиваются сѣдалища для высшихъ свѣтскихъ сановниковъ. Когда процессія подходитъ къ этому мѣсту, то выступаютъ особые плясуны въ маскахъ и подобающемъ одѣяніи и совершаютъ танцы, имѣющіе мистическое значеніе. Народъ густой толпой размѣщается по утесамъ и крышамъ домовъ. Далай-лама, какъ говорятъ, смотритъ на процессію изъ дворцоваго окна.

Послѣ этого процессія двигается далѣе и, пройдя подъ проходнымъ субурганомъ, обходитъ вокругъ Поталы. Во время этого прохожденія провели большого живого слона, на спинѣ котораго было поставлено изображеніе кучи „чиндамани“ (драгоценностей). Повидимому, слонъ не могъ поддѣлаться подъ тихое движеніе процессіи и былъ проведенъ мимо, идущихъ гуськомъ, участниковъ процессіи быстрымъ шагомъ, затѣмъ, вѣроятно, водворенъ въ свой дворъ.

Далѣе процессія немного отдыхаетъ на сѣверо-восточной сторонѣ Поталы и, обойдя храмъ Чжу-рамочэ возвращается

во дворъ „большого“ Чжу. Здѣсь сдають обратно взятая вещи чѣмъ и оканчивается церемонія. Процессія кончилась около двухъ часовъ дня, а началась она въ 7 ч. утра. Такая продолжительная процессія чрезвычайно утомляетъ ея участниковъ, въ особенности тѣхъ, коимъ приходится нести болѣе тяжелыя

Пятый далай-лама.

вещи. Изъ нихъ достойны упоминанія барабанщики. Они несутъ на спинѣ громадныя барабаны, имѣющіе въ діаметрѣ около $1\frac{1}{2}$ аршинъ, и во все время процессіи должны приплясывать и ударять въ эти барабаны.

Начало этой церемоніи приписываютъ извѣстному пятому далай-ламѣ, который, какъ говорятъ, однажды видѣлъ сонъ, что

тысяча красивыхъ монаховъ въ наилучшихъ костюмахъ съ разными драгоценностями и священными предметами обходятъ Поталу. Онъ объяснилъ это внушеніемъ боговъ и затѣмъ осуществилъ сонъ наяву.

6 апрѣля—конецъ мѣсяца. Духовенство и его администрація выѣхали изъ Лхасы. Только галданскіе монахи остаются въ городѣ, такъ какъ во главѣ со своимъ цзонхавинскимъ намѣстникомъ поклоняются далай-ламѣ въ его лѣтнемъ дворцѣ Норбу-линха.

10 апрѣля. Въ послѣдніе дни на базарныхъ площадяхъ и на боковыхъ улицахъ появилось около десятка мужчинъ и женщинъ, повидимому, низшихъ степеней монашества, рассказывающихъ религіозныя поэмы. Они натягиваютъ на стѣнѣ дома или забора рисованныя изображенія святыхъ или буддъ. Между ними чаще всего встрѣчаются изображенія Падма-Самбавы, извѣстнаго проповѣдника буддизма IX вѣка, и знаменитаго Миларайбы, поэта и подвижника XI вѣка. Они помѣщаются по срединѣ полотна въ сравнительно большихъ размѣрахъ, а вокругъ нихъ изображаются разныя сцены изъ ихъ біографіи. Передъ этими картинами ставятъ жертвенныя чашки съ ячменемъ или рисомъ, а иногда и совершенно пустыя. Рассказчикъ становится подлѣ изображенія съ желѣзной указкой и нараспѣвъ рассказываетъ подвиги святости или вообще біографическія данныя. Тибетцы, какъ не разъ я упоминалъ раньше, остаются вѣрными своему любопытству, но въ данномъ случаѣ къ нему присоединяется еще религіозное благоговѣніе къ святымъ, которыхъ восхваляютъ рассказчики, и потому любятъ ихъ послушать, причемъ многіе приносятъ муку-цзамба, ячмень (поджаренный), а болѣе зажиточные—мѣстныя монеты. Все это кладется въ жертвенныя чашки передъ изображеніями и, понятно, поступаетъ затѣмъ въ пользу рассказчиковъ. Слушатели обыкновенно стоятъ, но болѣе усердные просиживаютъ передъ рассказчиками цѣлыя часы, перебирая четки и вертя ручные молитвенные цилиндры.

Съ наступленіемъ ночи или ненастной погоды рассказчики убираютъ эти изображенія, складываютъ все въ длинный, небольшой сундукъ и, положивъ его на спину, удаляются на квартиру.

Они бываютъ обыкновенно плохо одѣты и суть, повидимому, странствующие рассказчики, питающіеся добротными

подаяніями. Миѣ говорили, что они періодически посѣщаютъ различные города и мѣстечки центрального Тибета.

15 апрѣля. Сегодня я, проходя по городу, замѣтилъ у южныхъ воротъ второго двора Чжу очень представительнаго, порядочно одѣтаго, пожилого мужчину, сидѣвшаго съ большой колодой на шеѣ. Колода эта представляла квадратную (5×5 четвертей) доску, толщиною около $1\frac{1}{2}$ вершковъ, въ срединѣ которой сдѣлана круглая дыра, черезъ которую проходила шея преступника. Подлѣ него сидѣла какая-то женщина, повидимому служанка, принесшая ему мѣстное вино. Онъ держалъ въ рукѣ четки и читалъ „мани“. Лицо его имѣло довольно грустное выраженіе и онъ поминутно выпивалъ подаваемое ему вино. Необыкновенный видъ преступника и необычность мѣста его нахождения заинтересовали меня и я, подойдя къ нему, прочелъ обычную надпись, приклеиваемую на верхней сторонѣ колоды. Въ этой надписи было сказано, что онъ за своевольные проступки, по приговору четырехъ галоновъ долженъ пробыть въ этой колодѣ 20 дней, затѣмъ долженъ быть наказанъ 200 плетями и, наконецъ, надѣтъ вѣчную колоду. Изъ собранныхъ мною дальнѣйшихъ свѣдѣній выяснились слѣдующія подробности. Онъ—изъ мѣстности Пэн-юль (Пэн-бу), въ молодости былъ бѣденъ и находился въ услуженіи въ одной богатой семьѣ. Со временемъ онъ приобрѣлъ такую власть въ домѣ, что сдѣлался полнымъ распорядителемъ имущества хозяевъ, изъ коихъ мужа уже не было въ живыхъ. Старшій сынъ ихъ, недовольный его своеволіемъ, искалъ случая избавиться отъ него. Поводомъ къ этому послужило, какъ говорятъ, то, что онъ послѣ конфискаціи имущества и удушенія дэмо-хутухты высказалъ мнѣніе, что далай-лама и галоны желали только воспользоваться большимъ богатствомъ хутухты. Упомянутый сынъ донесъ объ этомъ галонамъ, пошло разслѣдованіе, слѣдствіемъ чего явился и настоящій приговоръ.

6 іюня. Наступившая третьяго дня пятая луна мѣстнаго временичисленія считается здѣсь мѣсяцемъ спусканія чойчжоновъ, т. е. въ этой лунѣ чойчжоны посвящаютъ свою дѣятельность этому нашему міру, тогда какъ въ другое время они могутъ быть заняты въ другихъ мірахъ. Поэтому центральное правительство, монастырскія общины и частныя лица имѣютъ обыкновение обращаться къ прорицателямъ съ просьбой спустить ихъ чойчжоновъ.

Слѣдую такому обычаю, и наша бурятская община монаховъ Брѣбуна рѣшила просить спустить чойчжона Гадона завтра 7-го числа. Община обыкновенно соединяетъ это съ устройствомъ, своего рода, загороднаго гулянья, свободнаго отъ строгаго надзора монастырской администраціи. Старшины общины пригласили и меня принять участіе въ этомъ соединеніи пріятнаго съ полезнымъ. Я же, съ одной стороны заинтересованный случаемъ поближе видѣть спусканіе одного изъ большихъ чойчжоновъ, съ другой, желая провести нѣкоторое время въ удивительной атмосферы города на чистомъ воздухѣ, отправился сегодня въ сопровожденіи одного халхасца-монаха въ резиденцію вышеназваннаго прорицателя.

Онъ живетъ въ монастырѣ Гадонѣ, который до господства желтой секты, былъ однимъ изъ большихъ монастырей въ окрестностяхъ Лхасы. Этотъ монастырь находится въ первой отъ устья лѣво-береговой долины Додлунъ верстахъ въ 17—18 отъ Лхасы и расположенъ довольно высоко на склонѣ горы. Немного не доходя до него, указываютъ большую яму, глубиной около 6 сажень, а въ діаметрѣ около трехъ. Есть повѣрье, что она образовалась во время послѣдней войны съ непальцами, будто-бы отъ заклинаній послѣднихъ. Но тибетцы, отыскивая средства противодѣйствія, поставили подлѣ этой ямы субурганъ, который остановилъ дальнѣйшее образованіе проваловъ.

Когда я съ моимъ спутникомъ подошелъ къ монастырю, то узналъ, что нашимъ бурятамъ отведенъ домъ, находящійся въ саду прорицателя на западной сторонѣ монастыря. Придя въ этотъ домъ, мы застали тамъ уже почти всѣхъ бурятскихъ ламъ. Расположившись въ довольно обширномъ, по мѣстнымъ понятіямъ, домѣ, съ отдѣльной кухней, монахи позволяли себѣ нѣкоторыя вольности, какъ игру въ домино, борьбу между собою во дворѣ на зеленой травѣ, бѣга въ перегонку по обширному саду и проч. Столъ, болѣе роскошный чѣмъ въ обыкновенное время, былъ устроенъ общій, на собранья въ складчину деньги. Соблюдая полное равенство членовъ общины, былъ нанятъ особый поварь-тибетецъ, тогда какъ всѣ эти монахи въ монастырѣ своемъ обходятся безъ прислуги.

Монастырь состоитъ изъ нѣсколькихъ домиковъ, среди коихъ выдѣляется болѣе солидное зданіе—дуганъ, гдѣ живетъ

прорицатель и гдѣ происходитъ спусканіе чойчжѳна. Духовенство, или вѣрнѣе придворный штатъ прорицателя составляютъ около 25 человѣкъ. Большинство изъ нихъ, равно какъ и самъ прорицатель, могутъ быть женатыми. Поэтому здѣсь смѣсь свѣтскаго и духовнаго населенія, такъ что монастырь этотъ удобнѣе назвать тибетскимъ селомъ.

7 іюня. Сегодня около 9 часовъ утра происходило спусканіе чойчжѳна Гадона. Прорицатель-лама, на котораго спускается чойчжѳнъ въ настоящее время, занимаетъ должность цзэдуна (чиновникъ духовнаго званія) центрального правленія дѣбашуна. Даръ или, точнѣе, право прорицанія здѣсь передается отъ отца къ сыну, поэтому прорицатель бываетъ въ молодости женатымъ. Настоящій прорицатель, человѣкъ уже пожилой, на видъ ему около 50 лѣтъ и имѣетъ уже взрослога сына, принявшаго также духовные обѣты, но женившася недавно на княжнѣ Лха-лу-гунъ. Этотъ сынъ постоянно прислуживаетъ отцу во время спусканія чойчжѳна и долженъ наследовать должность прорицателя.

Въ назначенное время, когда всѣ буряты собрались въ дуганѣ, явилось придворное духовенство и стало со своими духовыми музыкальными инструментами впереди насъ. У задней стѣны была небольшая комната, совершенно открытая въ залу, такъ что представляла своего рода эстраду. На этой эстрадѣ было поставлено большое кресло, а немного позади его небольшой столикъ, на которомъ было сложено полное одѣяніе прорицателя.

Прорицатель явился изъ своихъ комнатъ въ сопровожденіи двухъ человѣкъ, сына и еще другого ламы. Поджидавшіе его два прислужника, въ сообществѣ съ вновь прибывшими, принялись одѣвать его. Въ концѣ концовъ прорицатель оказался одѣтымъ въ парчевой съ широкими рукавами халатъ, съ разными привѣсками, изъ коихъ можно упомянуть о кругломъ металлическомъ зеркалѣ на груди, на которомъ изображенъ вызолоченный мистическій знакъ „хри“. На лѣвомъ бедрѣ—шашка въ ножнахъ, на правомъ—колчанъ со стрѣлами. На головѣ—своеобразный шлемъ со многими флажками на палочкахъ, воткнутыхъ нижними концами въ шлемъ. Верхніе концы ихъ украшены шариками изъ бѣлаго пуха грифвъ. Шлемъ этотъ очень тяжелъ и потому его надѣваютъ на прорицателя уже предъ самымъ приходомъ его въ экстазъ.

Затѣмъ прорицатель садится въ кресло, обратившись лицомъ къ публикѣ, и ламы начинаютъ читать призывныя молитвы, сопровождаемыя тихими звуками кларнетовъ. Одинъ изъ прислужниковъ усердно воскуряетъ благовонными травами вокругъ прорицателя, который сидитъ первое время молча и неподвижно съ почти закрытыми глазами, какъ бы стараясь внушить себѣ вхожденіе въ него духа-хранителя. Но лишь только мускулы начнутъ приходить въ содроганіе, прислужники надѣваютъ на его голову шлемъ и туго затягиваютъ ленту, идущую отъ него, подъ подбородкомъ. Въ правую руку даютъ мечъ, а въ лѣвую—лукъ.

Первыми начинаютъ дрожать ноги, затѣмъ все выше и выше остальные части тѣла. Это происходитъ съ такою постепенностью, что маленькіе бубенцы (колокольчики), въ изобиліи привѣшанные къ разнымъ частямъ одѣянія, начинаютъ издавать звукъ, приводя слушателя въ полную иллюзію приближенія кого-то издали. Въ концѣ, когда все тѣло уже дрожитъ и лицо судорожно искажается, прорицатель, оставаясь на креслѣ, наклоняется впередъ и проводитъ головой какъ бы полукругъ отъ лѣвой руки къ правой такъ, что концы маленькихъ флажковъ почти касаются пола, а самые флажки тащатся по землѣ. Дойдя до конца полукруга, онъ моментально откидываетъ свою голову назадъ и смотритъ вверхъ. Это продѣлывается три раза. Значеніе такихъ движеній объясняютъ тѣмъ, что чойчжонъ, до вопрошанія поклонниковъ о различныхъ вещахъ, обзрѣваетъ своими очами три міра, находящіеся, по вѣрованію ламаитовъ, внизу и три міра, находящіеся вверху, въ томъ числѣ и нашу землю.

Послѣ этого обзрѣванія міровъ чойчжонъ является во всеоружіи знанія: онъ ясно видитъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, видитъ судьбу каждаго живого человѣка, а также участь покойниковъ, онъ предвидитъ и будущее. Тогда двое служителей берутъ прорицателя подъ руки и подводятъ къ краю эстрады, гдѣ ставятъ особое высокое кресло и стелютъ подъ ноги барсовую шкуру.

Грозный Гадонъ, царь премудрости (по-тибетски ёнданъ чжялбо), стоитъ передъ нами съ сильно искаженнымъ лицомъ, раскрывъ ротъ и высунувъ языкъ. Изъ горла издается какой-то хриплый звукъ. Въ это время къ нему по очереди начинаютъ

подходить поклонники, съ обычными хадаками въ рукахъ. Хадаки отбираетъ стоящій рядомъ прислужникъ, а поклоняющійся

Хадакъ.

прикладывается лбомъ къ зеркалу, висящему на груди прорицателя. Въ это же время желающіе изъ поклонниковъ предлагаютъ тѣ или другіе интересующіе ихъ вопросы. Прорицатель, по выслушаніи, даетъ тотъ или другой лаконическій отвѣтъ, который тутъ же записывается однимъ изъ прислужниковъ на доску, обсыпанную золой. Всѣмъ поклонникамъ, знатнымъ лицамъ самъ, а второстепеннымъ прислужникъ, раздаетъ благословенные шнурки, носимые на шеѣ. Если же кто предлагаетъ вопросы письменно, то текстъ читается теперь же, и краткій отвѣтъ записывается также на доскѣ, откуда уже послѣ переписывается, въ обработанномъ видѣ, на листъ самого перечня вопросовъ и возвращается вопрошателю съ приложеніемъ печати чойчжона.

Послѣ того, какъ не останется уже ни одного вопрошающаго, прорицателю подають въ чашкѣ, сдѣланной изъ человѣческаго черепа, зерна ячменя, которыя онъ благословляетъ легкимъ плевкомъ и бросаетъ въ толпу. Послѣдняя жадно ловить ихъ, подставляя подолъ платья или концы своихъ покрывалъ, если лицо духовное. По числу попавшихъ зеренъ также опредѣляютъ хорошія и дурныя предзнаменованія. Наконецъ, прорицатель тяжело падаетъ на кресло и въ этотъ моментъ вселившійся духъ какъ бы покидаетъ прорицателя, съ котораго тотчасъ снимають облаченіе. Онъ обратился въ простаго человѣка и сильно усталый уходится своими приближенными въ жилия комнаты. Мы же отправились на нашу временную квартиру.

Я поинтересовался узнать, сколько заплатили наши буряты за эту церемонію или, если хотите, за этотъ молебенъ. Оказа-

лось, что уплатили 20 монетъ, т. е. около 4 рублей на наши деньги, но надо принять въ расчетъ то обстоятельство, что мы пользовались квартирой, кухонной посудой и мебелью прорицателя въ теченіе трехъ сутокъ.

8 *іюня* происходило спусканіе того же чойчжѳна для всего духовенства дацана Гоманъ монастыря Брѳбуна. Для поклоненія собрались почти всѳ члены этой духовной общины: тутъ была вся администрація дацана со своимъ хамбо во главѳ, всѳ знатные перерожденцы, старшимъ изъ коихъ является дацагскій хутухта, имѳющій право занимать „ханскій престолъ“ центрагнаго Тибета, и многочисленное простое духовенство, въ числѳ котораго были и наши бурятскіе ламы, проживавшіе здѳсь уже третій день.

Спусканіе чойчжѳна происходило описаннымъ вчера порядкомъ, но къ поклоненію внутри дугана допускались лишь лица административныя и высшіе перерожденцы. Лицамъ поважиѳе прорицатель проявляетъ особую вѳжливость, доходящую даже до заискиванія передъ ними. Такъ передъ хамбо онъ дѳлалъ значительный поклонъ впередъ, а дацагскаго хутухту онъ пѳжно охватилъ за шею и что-то шепталъ ему на ухо. Такое обстоятельство нисколько не поражаетъ ламанта, такъ какъ онъ знаетъ, что чойчжѳнъ—хранитель ученія долженъ относиться съ почтеніемъ къ его „держателямъ“, или иначе къ тѳмъ, кто олицетворяетъ это ученіе. Послѳ окончанія поклоненія важныхъ лицъ, прорицатель выходитъ на террасу передъ дуганомъ, куда допускаются ламы и администраторы болѳе низкихъ степеней. Простое духовенство разсаживается во дворѳ. Прорицатель въ предшествіи трехъ-четырехъ музыкантовъ, поддерживаемый служителями, почти бѳгомъ обходитъ вокругъ всего этого духовенства и, снова поднявшись на террасу, допускаетъ уже единичныхъ простыхъ монаховъ, которые послѳ поклоненія снова занимаютъ свои прежнія мѳста. Послѳ окончанія подхожденія всѳхъ поклонниковъ, прорицатель вмѳстѳ съ духовными издаетъ одинъ протяжный рѳзкій крикъ или вѳрнѳе визгъ, похожій на звукъ „гисъ“, ударяя при этомъ въ ладоши. Съ этимъ крикомъ какъ бы вылетаетъ духъ-хранитель и прорицатель, уже совершенно изнуренный, тяжело падаетъ на кресло и его почти на рукахъ уносятъ въ дуганъ. Какъ и не утомиться! Почти двухъ съ половиною часо-

вое страшно напряженное состояніе съ утомительной мимикой и въ значительно тяжелыхъ дспѣхахъ!

Высшіе перерожденцы и администраторы прибыли на болѣе или менѣе красивыхъ лошадяхъ, въ сопровожденіи одного или нѣсколькихъ лицъ свиты; все же простое духовенство при-

Мостъ черезъ рѣку Дѳлунъ-чу.

шло пѣшкомъ. Въ томъ же порядкѣ тотчасъ же двинулись въ обратный путь.

Воспользовавшись близостью монастыря Чжѳрмолуна, находящагося почти противъ Гадона на другой сторонѣ Дѳлунской долины, я рѣшилъ сходить туда и въ сопровожденіи своего слуги, халхасца, отправился въ дорогу.

По прямому пути онъ отстоитъ отъ Гадона не болѣе, чѣмъ на 8—9 верстѣ, но по этому пути нѣтъ мостовъ, а рѣка въ настоящее дождливое время недоступна для брода не только пѣшеходамъ, но и верховымъ. Поэтому пришлось идти по обходной дорогѣ, къ большому мосту въ устьѣ долины, отчего и разстояніе нашего пути увеличилось почти до 15 верстѣ, и мы пришли въ монастырь подъ самый вечеръ. Мы получили отъ своихъ сородичей рекомендацію остановиться у одного, постоянно проживающаго здѣсь, монгольскаго ламы, котораго легко отыскали.

Онъ занималъ довольно сносную, по мѣстнымъ понятіямъ, квартиру, состоящую изъ трехъ комнатъ съ отдѣльной кухней. Онъ принялъ насъ безъ видимаго радушія, какъ бы исполняя только свой долгъ передъ сородичами, и отвелъ намъ отдѣльную комнату, предоставивъ кромѣ того пользоваться кухней и топливомъ. По родному обычаю, угостилъ насъ тотчасъ чаемъ, предоставивъ дальнѣйшія заботы о пищѣ намъ самимъ, что было, конечно, для насъ очень удобно.

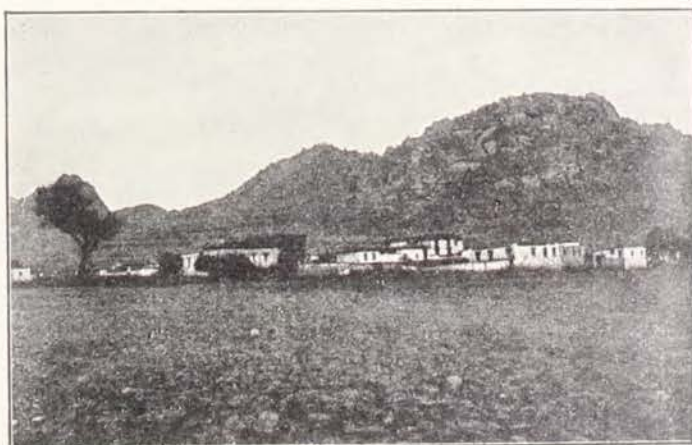
Изъ разговоровъ съ нимъ, да и отъ другихъ старожиловъ, мы узнали, что онъ прожилъ въ Тибетѣ безвыѣздно 41 годъ, будучи родомъ монголь изъ тумэтовъ, входящихъ въ

составъ Чжосотускаго сейма южныхъ монголовъ. Векорѣ, послѣ прибытія въ Тибетъ, онъ, благодаря своей представительной вѣшности и хорошему голосу, приобрѣлъ должность умцзада въ гоманскомъ дацанѣ, въ которомъ онъ прослужилъ 22 года. Девять лѣтъ тому назадъ, онъ—по объясненію его самого и его сторонниковъ—по клеветѣ недоброжелателей, былъ изгнанъ изъ монастыря, причемъ все его значительное имущество было конфисковано властями. Поводомъ послужилъ слѣдующій случай. Однажды послѣ праздника въ монастырѣ, на которое допускаются женщины, рано утромъ въ его квартирѣ застали мать одного изъ его учениковъ, а слѣдовательно его знакомую. Этого достаточно было для доноса цокчэнскимъ шамо, которые и закончили дѣло вышеупомянутымъ образомъ.

Послѣ этого онъ не захотѣлъ вернуться на родину, хотя его приглашали неоднократно, и поселился въ этомъ монастырѣ. Чѣмъ объяснить его рѣшеніе остаться навсегда въ Тибетѣ—неизвѣстно. Но онъ говоритъ, что не желаетъ или вѣрнѣе стыдится показаться своимъ роднымъ и землякамъ послѣ такого фіаско его духовной карьеры. Ему теперь 61 годъ. Онъ питается заработкомъ отъ чтенія книгъ у зажиточныхъ людей. Онъ говоритъ, что рѣдкій день ему приходится быть дома: такъ любятъ окрестные жители приглашать его. Но, какъ извѣстно, плата за чтеніе довольно низка (около 20 коп. за цѣлый день) и только дешевизна мѣстной жизни позволяетъ ему проводить свои послѣдніе годы безбѣдно.

9 іюня. Переночевавъ у этого бывшаго умцзада, я отправился утромъ на осмотръ монастыря, но въ немъ оказалось мало такого, что было доступно незнатнымъ богомольцамъ.

Чжөрмолунъ — одинъ изъ старинныхъ монастырей, гдѣ въ до-цзонхавинское время процвѣтала богословская школа, въ которой учился и Цзонхава. Но, какъ знаменитый ученикъ затмилъ имена своихъ учителей, такъ и монастыри, основанные его послѣдователями, послу-

Чжөрмолунъ.

жили причиною упадка прежнихъ славныхъ центровъ богословской науки. Sic transit gloria mundi! Въ настоящее время въ Чжөр-молунѣ не болѣе 100 монаховъ, большинство коихъ состоитъ въ спискахъ монаховъ Брѣбуна, хотя отправляются туда только въ дни раздачи денегъ. Въ главномъ храмѣ указываютъ центральной святыней статую „Безконечнолѣтняго“ Люши, а по-тибетски Цэбѣгмэдъ. Здѣсь происходитъ спусканіе на мѣстнаго прорицателя хана Поханъ, одного изъ пяти хановъ или царей, къ коимъ принадлежатъ вышеупомянутые Гадонъ и Нѣйчунъ.

Рядомъ съ этимъ храмомъ, выкрашеннымъ въ коричневый цвѣтъ, стоитъ бѣлый домъ-дворецъ хозяина этого монастыря, перерожденца Арій, который живетъ и числится въ спискахъ гоманскаго дацана Брѣбуна. Въ настоящее время перерожденецъ въ отсутствіи; онъ приглашенъ въ Западную Монголію.

Домовъ въ монастырѣ очень мало, круговая дорога всего монастыря не болѣе 400 сажень. Здѣсь живутъ и свѣтскіе жители обоого пола.

Считая безцѣльнымъ дальнѣйшее пребываніе, мы тотчасъ же направились къ монастырю Санпу, расположенному по другую сторону рѣки Уй-чу, но по дорогѣ узнали, что переправа черезъ нее не возможна, почему пришлось повернуть къ Лхасѣ, куда и прибыли въ 5 часовъ вечера. По дорогѣ зашли въ одну тибетскую кухмистерскую, гдѣ попросили по чашкѣ супу; но поданное блюдо было до того гадко, что я не могъ ничего съѣсть. Только неизбалованный и небрезгающій мой спутникъ уничтожилъ, не безъ аппетита, обѣ порціи. Я же принужденъ былъ купить топлива и въ саду одного помѣстья, съ разрѣшенія его караульнаго, приготовилъ чай, который выпилъ съ большимъ удовольствіемъ у быстрой рѣчки, въ которую превратилась отъ вышнихъ дождей оросительная канава.

14 іюня мнѣ сообщили, что на третьемъ этажѣ храма большого Чжу происходитъ какая-то церемонія. Я тотчасъ отправился туда, но засталъ только конецъ ея. На плоской крышѣ храма стояли три вооруженныхъ солдата и пѣли что-то, размахивая пашками въ ножнахъ. Въ одномъ углу (ю.-з.) крыши была натянута палатка, гдѣ сидѣли чиновники и ламы. Передъ палаткой стояли три женщины въ дорогихъ нарядахъ,

съ куполообразными шапками на головѣ, сдѣланными изъ нитокъ, унизанныхъ, какъ-будто, жемчугомъ. Такія шапочки, но только меньшихъ размѣровъ, носятъ княгини, о чемъ упомянуто выше. Онѣ пѣли какой-то гимнъ передъ старшимъ изъ чиновниковъ. По окончаніи пѣнія всѣ стали расходиться. Распрашивая затѣмъ о бывшей церемоніи у мѣстныхъ жителей, я узналъ только, что въ этотъ 11-ый день пятой луны происходитъ особое чествованіе покровительницы города Бѣлхамо, о которой я упоминалъ раньше.

15 іюня. Рано утромъ я отправился въ помѣстье прорицательницы чойчжѳна Дамчжань-дорчжэ-дагдань, который принадлежитъ къ среднимъ хранителямъ и изображается вѣдущимъ на буромъ козлѣ. Помѣстье это было извѣстно мнѣ еще раньше, такъ какъ хозяйка его поддерживаетъ знакомство со всѣми бурятами, прѣзжающими сюда. Она—прорицательница, женщина на видъ около 50-ти лѣтъ, невысокаго роста, съ открытымъ, довольно пріятнымъ лицомъ, достаточно хорошо упитанная. Помѣстье ея состоитъ изъ большого дома и хозяйственныхъ пристроекъ. Рядомъ находится огородъ, въ одномъ углу котораго отведено мѣсто для цвѣтника, устроеннаго въ видѣ квадрата, съ площадкой по срединѣ. Немного далѣе былъ довольно большой садъ, правда, съ однообразными деревьями. Дворъ и домъ содержатся въ примѣрной чистотѣ. Во внутреннемъ дворѣ были отгорожены три молодыхъ деревца, среди которыхъ хозяйка не безъ гордости указывала на древовидный можжевельникъ, хвоя котораго, какъ извѣстно, идетъ на воскуренія передъ богами, въ особенности передъ чойчжѳнами. Она не скрывала своего мнѣнія, что это дерево принялось здѣсь не безъ покровительства спускаемыхъ ею чойчжѳновъ, такъ какъ можжевельниковъ въ садахъ около Лхасы почти нѣтъ.

Сюда же собралась наша бурятская община и расположилась въ саду, поставивъ большую палатку хозяйки. Здѣсь монахи проводили время такъ же, какъ и въ саду гадонскаго прорицателя; они намѣревались провести здѣсь трое сутокъ и сдѣлали складчину на провизію изъ пяти монетъ, т. е. по одному нашему рублю.

16 іюня происходило спусканіе чойчжѳна или вѣрнѣе чойчжѳновъ, но не такъ торжественно, какъ у гадонскаго прорицателя.

Въ верхнемъ этажѣ дома прорицательницы былъ особый залъ, гдѣ у задней стѣны стоялъ столъ съ жертвенными чашами и другими принадлежностями культа. Направо отъ него—высокое сѣдалище для прорицательницы, а еще далѣе—шкафъ съ книгами и изображеніями божествъ. По стѣнамъ висѣли разные воинскіе доспѣхи и оружіе. У двухъ срединныхъ колоннъ зала стояли другъ противъ друга изображенія двухъ какихъ-то божествъ въ воинскихъ-же доспѣхахъ, вооруженныхъ пиками, Такимъ образомъ комната напоминала оружейный музей.

Прорицательница передъ спусканіемъ чойчжѳна снимаетъ съ себя обыкновенные женскіе сапоги и надѣваетъ сапоги того образца, какой носятъ духовные; снимаетъ съ головы свою бачжу, (т. е. головное украшеніе) и фартукъ. Затѣмъ надѣваетъ широкій парчевый халатъ и, подноясавшись, садится на обыкновенный стулъ. Единственная прислужница, ея пожилая сестра, подаетъ ей нѣсколько зеренъ поджареннаго ячменя. Она, взявъ ихъ въ правую руку и приложивъ ко лбу, шепотомъ читаетъ какую-то молитву съ закрытыми глазами. Проходитъ около четырехъ минутъ, она вдругъ встаетъ, разбрасываетъ зерна по направленію жертвеннаго стола и, поднявшись по ступенькамъ на упомянутое сѣдалище, садится по-восточному, обратившись лицомъ къ зрителямъ. Сестра быстро надѣла на ея голову, бывшій наготовѣ, шлемъ, но уже не такой громоздкій, какъ у Гадона, и затянула его шнурками подъ подбородкомъ. Она дрожала всѣмъ тѣломъ и схвативъ правой рукой, поставленное у стѣны, копье, стала трясти его. Въ лѣвой-же рукѣ она держала красный платокъ, которымъ поминутно вытирала ротъ и лицо, причемъ дѣлала учащенные плевки. Тотчасъ-же сестра подала ей въ правую руку большой мѣдный вачиръ (дорчжѳ), а въ лѣвую—чашку съ ячменными зернами. Тогда стали подходить поклонники съ обычными хадаками. Прорицательница благословляла вачиромъ, прикладывая его крестообразно къ спинѣ поклонника. Затѣмъ сестра три раза мѣняла ея головной уборъ шапками трехъ другихъ формъ, и всякій разъ подходили поклонники съ новыми хадаками, причемъ прорицательница вручала только зерна, беря ихъ тремя пальцами. Если-же кто хотѣлъ спросить какое нибудь предсказаніе, то онъ предлагалъ свой вопросъ тутъ-же, каковой вопросъ повторяла сестра ея. Тогда она давала довольно лаконичный и непонятный для другихъ отвѣтъ, обыкновенно ско-

роговоркой своей сестрѣ, которая затѣмъ болѣе пространно передавала его вопрошавшему. При каждой перемѣнѣ шапки ей подносили въ серебряной чашѣ ячменное вино, котораго она выпивала одинъ глотокъ. Послѣ окончанія всего этого, она взяла коротенькую толстую палку, на одномъ концѣ которой были привязаны разноцвѣтные хадаки, такъ что палка напоминала своего рода бичъ, и протянула ноги впередъ, какъ-бы готовясь слѣзть съ сѣдалища. Затѣмъ она сдѣлала три удара концомъ палки о подушки на сѣдалищѣ и каждый разъ присутствующіе произносили „лха-ржял-ло!“ Послѣ этого она слѣзла съ трона и пришла въ обыкновенное состояніе и, снявъ

Чойчжѳнъ цѣмо—государственный оракуль Тибета.

свое облаченіе, уже вела обычную бесѣду со знакомыми. Когда-же ее спрашивали о какомъ-нибудь непонятномъ отвѣтѣ, она говорила, что совершенно не знаетъ, что отвѣчала, и предлагала обращаться за разъясненіями къ сестрѣ ея. По теоріи выходитъ, что разумъ ея, какъ человѣка, совершенно исчезаетъ при воплощеніи въ нее чойчжѳна—потому сама прорицательница, придя въ видъ обыкновенной смертной, и не знаетъ его отвѣта.

17 іюня, проведя у гостепріимной хозяйки три дня, я подъ вечеръ возвратился въ Лхасу.

18 и 19 июня, въ загородномъ саду прорицателя Кармашаръ происходило спусканіе этого чойчжона, совмѣстно съ чойчжонемъ Сэтабъ (Краснолицый на рыжемъ конѣ), прорицатель котораго живетъ въ монастырѣ Санпу. Оба прорицателя спускали вмѣстѣ, одновременно. Спусканіе происходитъ въ особомъ большомъ шатрѣ. На поклоненіе стекаются преимущественно свѣтскіе жители Лхасы. Эти дни являются какъ-бы большимъ народнымъ праздникомъ. Всѣ надѣваютъ свои наилучшія одежды и, взявъ съ собою съѣстные припасы и, главнымъ образомъ, туземное вино, отправляются за-городъ въ упомянутый садъ, а также занимаютъ мѣста въ сосѣднихъ садахъ. Они располагаются здѣсь отдѣльными семейными группами и пируютъ, посѣщая и своихъ знакомыхъ. Проведя такъ весь день, подъ вечеръ возвращаются въ городъ въ веселомъ настроеніи и многіе усердные любители вина пошатываются, но однако нѣтъ безобразно пьяныхъ, а тѣмъ болѣе нарушителей общественной тишины. Только хороводы женщинъ и мужчинъ до поздней ночи оживляютъ городъ пѣніемъ и пляской. Впрочемъ, въ нихъ принимаетъ участіе только низшій классъ населенія. Такъ проходятъ два дня, въ теченіе коихъ многіе мелочные торговцы на рынкѣ прекращаютъ свои обыденныя занятія.

5, 6, и 7 июля. Въ теченіе этихъ трехъ дней далай-лама пожаловалъ желающимъ, такъ называемые, „Чжянърайсиг-гиванъ“ и „Цэбѣгмэд-чжи ванъ“. Это—посвященія, коими предоставляется принявшимъ ихъ право (ванъ) читать эти книги. Вообще въ ламаитскомъ вѣроученіи строго соблюдается право преемственности, которое имѣетъ свое основаніе въ томъ убѣжденіи, что никакія наставленія и никакія мистическія заклинанія не имѣютъ силы для руководствующихся и читающихъ, если только не выслушаны отъ лицъ, преемственно унаслѣдовавшихъ ихъ отъ самого составителя. Поэтому каждый ведетъ у себя болѣе или менѣе длинный списокъ, если можно такъ выразиться, генеалогію своего духовнаго наслѣдства. Первоначальная цѣль преемственности заключалась въ томъ, чтобы текстъ ученія не подвергался измѣненіямъ. Это достигалось тѣмъ, что преемникъ не долженъ былъ ни сокращать, ни добавлять словъ. Затѣмъ въ этомъ же можно, пожалуй, усмотрѣть и матеріальную сторону авторскаго права, такъ какъ всякій, принимающій посвященіе, по принятому обычаю, подноситъ

болѣе или менѣе значительное вознагражденіе посвящающему. Посвященіе дается только по полученіи просьбы о разрѣшеніи проповѣдывать извѣстную книгу, что, по отношенію къ далай-ламѣ, дѣлается отъ лица знатныхъ князей (совѣта галоновъ и др.), если нѣтъ, конечно, какого-нибудь посторонняго знатнаго или, скорѣе, богатаго „милостынедателя“. Публика же собирается какъ бы сочувствуя первымъ просителямъ, коимъ лестно имѣть многихъ желающихъ, такъ какъ то обстоятельство, что они даютъ возможность многимъ выслушать ученіе, является ихъ добродѣтельной заслугой.

Рѣка Уй-чу или Ки-чу.

Раздача вана происходила въ загородномъ лѣтнемъ дворцѣ далай-ламы Норбу-линха. Здѣсь во дворѣ была поставлена большая четырехъ-угольная палатка съ узорчато-вышитой крышей. Стѣна со стороны слушателей была высоко приподнята, такъ что внутренность палатки была совершенно открыта. Тамъ, по срединѣ задней стѣны былъ поставленъ высокій тронъ для далай-ламы. Собравшійся народъ, въ числѣ не менѣе 5000 духовныхъ и свѣтскихъ людей, расположился подъ открытымъ небомъ, передъ палаткой. Каждый стремился сѣсть ближе къ палаткѣ, отчего происходила страшная тѣснота и давка. Порядокъ охранялся тѣлохранителями далай-ламы и придворными прислужниками, при помощи плетей и палокъ.

Когда народъ, утомленный долгимъ ожиданіемъ, наконецъ, былъ разсаженъ, и распорядители доложили объ этомъ далай-ламѣ, со стороны дворца стали доноситься тихіе звуки линбу (небольшая труба), которые постепенно приближались. Народъ притаилъ дыханіе, и взоры всѣхъ направились въ ту сторону, откуда доносились эти звуки... Сначала показались музыканты, затѣмъ какой-то лама съ пачкой горящихъ курительныхъ свѣчей, а за нимъ уже самъ воплощенецъ „Велико-милосерднаго“, т. е. далай-лама. Онъ былъ въ духовномъ одѣяніи съ шапкой цзонхавинскаго образца на головѣ (такая, какъ изображается на рисункахъ на Цзонхавѣ и далай-ламахъ). Надъ нимъ несли зонть зеленаго цвѣта. Непосредственно за нимъ шли высшіе ламы и князья въ своихъ обычныхъ желтыхъ шелковыхъ халатахъ. Когда далай-лама подошелъ къ своему престолу, онъ сдѣлалъ ему три молитвенныхъ поклона, снявъ свою шапку. Свита стояла, предварительно занявъ свои мѣста, по обѣ стороны престола, вдоль боковыхъ стѣнъ. Затѣмъ далай-лама сѣлъ на престолъ и накинулъ на себя свою желтую мантию. Тогда стали по очереди подходить лица свиты и, снимая шапки, нагибались передъ нимъ. Онъ же благословлялъ ихъ обычнымъ прикладываніемъ своей руки къ ихъ головѣ. Послѣ этого ламы и князья заняли свои мѣста и усѣлись, причемъ ламы сидѣли по правую руку отъ далай-ламы, а свѣтскіе князья— по лѣвую. Далай-лама началъ чтеніе, которое продолжалось около 1¹/₂ часа. Послѣ окончанія, народъ, страшно утомленный тѣснотой подъ палящими лучами солнца, кинулся къ выходу и въ общемъ смятеніи уже нельзя было увидѣть обратнаго шествія. Я видѣлъ вышеописанное во второй день.

Въ третій разъ народу собралось еще больше. Приходъ далай-ламы и церемонія восхожденія его на тронъ были совершенно тождественны со вчерашнимъ. Побывъ въ началѣ чтенія, я вышелъ на нѣкоторое время изъ двора, чтобы прохладиться и отдохнуть подъ кустами на берегу рѣки, протекающей подъ самыми стѣнами ограды. Но, возвратившись обратно, я засталъ уже совершенно иную картину. Вся эта толпа просто ломилась въ палатку, чтобы поскорѣе получить благословеніе. Происходила невѣроятная давка и руки распорядителей устали бить народъ, не разбирая ни возраста, ни пола, ни званія. Но всякій подошедшій къ далай-ламѣ получалъ благословеніе и знакомую ленточку

съ благословеннымъ узломъ, причемъ свѣтскимъ людямъ давали ленточку бѣлаго цвѣта, а духовнымъ—краснаго. Уже выйдя за ворота, каждый, вздохнувъ свободнѣе, разсматривалъ поврежденія въ своихъ украшеніяхъ и на видимыхъ мѣстахъ своего тѣла. Особенно пострадавшими оказывались женскія украшенія: отъ ударовъ палками разбивались кораллы, рвались четки и т. п.

У меня не хватило терпѣнія дожидаться конца и мужества протѣсниться черезъ тысячную толпу и я отправился домой въ Лхасу, не получивъ благословенія и не увидѣвъ окончанія церемоніи.

Субурганъ.

Двурукій Падманани.

ГЛАВА VII.

Управление Тибета.

Семь драгоценностей.

Банчэн-эрдэни со свитой.

Тибетъ находится подъ верховнымъ вліяніемъ Китая еще со временъ юаньской династіи (XIII в. по Р. Х.), хотя во внутреннемъ управленіи всегда былъ независимъ.

Народы, обитающіе въ отдѣльныхъ ущельяхъ высокихъ, почти недоступныхъ, горъ, сообщающіеся только чрезъ узкіе проходы или крутые перевалы, обыкновенно жили въ старину небольшими группами, политически независимыми другъ отъ друга и часто враждовавшими между собою. Въ такой стадіи исторической жизни, какъ разъ, находился Тибетъ того времени. Онъ былъ раздробленъ на нѣсколько удѣловъ, общее главенство надъ коими, временами, принимали только выдающіеся завоеватели или весьма энергичные и сильные волею люди. Чуть ослабѣвала, по какимъ бы то ни было причинамъ, общая верховная власть, удѣлы снова принимали самостоятельность и ждали новаго возвышенія какого-нибудь князя, который подчинилъ бы ихъ своей власти. Точно такая-же система суще-

ствовала и въ отдѣльныхъ удѣлахъ,—тамъ власть принадлежала ловкимъ и энергичнымъ людямъ.

Поэтому въ Тибетѣ среднихъ вѣковъ мы находимъ возвышеніе и паденіе разныхъ главенствующихъ лицъ или небольшихъ династій. Затѣмъ, помимо свѣтскихъ правителей, на сцену жизни народа выступило новое сословіе—духовенство, которое, будучи, безъ сомнѣнія, самымъ развитымъ и въ то же время властолюбивымъ элементомъ, приобрѣло громадное вліяніе на народъ и его правителей—князей, стоявшихъ почти на одной ступени съ нимъ по своему міровоззрѣнію.

Помимо того, по характеру ламаитскаго ученія, лама, въ силу своихъ духовныхъ обѣтовъ и предначертанной ему цѣли служить „для пользы всѣхъ живыхъ существъ“, долженъ стоять выше своихъ духовныхъ сыновъ. Насколько они умѣютъ отстаивать свои права и независимость, а также подчинять себѣ даже сильныхъ царей, видно изъ характернаго эпизода, повѣствуемаго въ историческихъ сказаніяхъ. Когда могущественный ханъ Хубилай, по увѣщанію своей супруги, согласился принять наставленія (духовное посвященіе) отъ молодого ламы Мати-дхваджа (по-тибетски Лодой-чжялцань), если только тотъ сядетъ на престолъ ниже его, то молодой лама отказался давать наставленія въ такомъ положеніи. Только послѣ обоюдныхъ уступокъ они сѣли на троны одинаковой высоты.

Не входя въ дальнѣйшія подробности объ удѣльной системѣ центральнаго Тибета, только скажемъ, что въ старину Тибетъ дѣлился на тринадцать главныхъ удѣловъ или областей, извѣстныхъ подъ названіемъ ти-кѳр-чжу-гсумъ, а также, оставивъ до слѣдующей главы краткое изложеніе исторіи возвышенія далай-ламъ, перейдемъ къ тому времени, когда было положено начало нынѣшней системѣ управленія.

Въ 1640 году монгольскій (хошотскій) завоеватель Гушиханъ, о которомъ мы имѣли случай упомянуть выше, подчинилъ своей власти центральный Тибетъ. Въ 1642 году онъ, въ сообществѣ съ далай-ламой и банчэн-эрдэни, будучи осведомленъ о возвышеніи манджуровъ, послалъ къ нимъ въ Мукденъ посольство съ изъявленіемъ покорности.

Конецъ этого столѣтія и почти все слѣдующее XVIII столѣтіе — время царствованій въ Китаѣ знаменитыхъ императоровъ Канъ си, Юнь-чжэна и Цян-луна—были ознаменованы въ

исторіи китайскихъ инородцевъ вообще большими смутами, приведшими ихъ къ полному подчиненію Китаю. Смуты эти охватили и Тибетъ.

Послѣ событій, изложенныхъ въ слѣдующей главѣ, въ 1720 году монголы были окончательно удалены изъ Тибета и въ 3-мъ году царствованія манджурскаго императора Юнь-чжэна (1725 г.) управленіе Тибетомъ было вручено слѣдующимъ лицамъ, содѣйствовавшимъ манджурамъ въ борьбѣ съ чжунгарами: 1) бывшему дэба Ханчэн-нэй, 2) Лумбаба (по-манджурской транскрипціи—Лумбунай), 3) Аподба (по-манджурски—Арбуба) и 4) Полхаба (по-манджурски—Поланай).

Юнь-чжэнъ въ данномъ случаѣ далъ впервые тибетскимъ правителямъ манджурскіе чины, а именно: Ханчэн-нэйю и Аподба — „знаменныхъ бэйсэ“, Лумбаба — „помогающаго государству гуна“ (по-китайски фу-го-гунь), Полхаба — „тайчжи первой степени“.

Первымъ тремъ повелѣлъ управлять провинціей Уй, съ мѣстопробываніемъ въ Лхасѣ, а послѣднему Цзаномъ. Всѣ они были названы галонами. Тотчасъ послѣ этого начались интриги между лхасаскими правителями изъ-за того, будто бы, что Ханчэн-нэй, какъ прежній дэба, сталъ пренебрегать своими товарищами и хотѣлъ управлять Тибетомъ единолично. Къ двумъ послѣднимъ присоединился еще нѣкто Бжяраба (по-манджурски Джарнэй). Эти три сообщника вскорѣ убили Ханчэн-нэйя и захватили власть. Тогда противъ нихъ поднялъ оружіе Полхаба (имя его Соднам-доб-чжя). Собравши войска въ Цзанѣ онъ, когда услышалъ про приближеніе манджурской арміи для подавленія мятежныхъ галоновъ, поспѣшилъ въ Лхасу и, привлеки на свою сторону духовенство окрестныхъ монастырей, схватилъ упомянутыхъ трехъ галоновъ и представилъ манджурскому главнокомандующему, который казнилъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ сыновьями.

За такія заслуги предъ манджурами Полхаба или Поланай въ 1728 году былъ назначенъ правителемъ центральнаго Тибета, затѣмъ въ 1730 году былъ награжденъ титуломъ князя третьей степени „бэйлэ“, а въ 1736 повышенъ во вторую степень — „цзюнь-ванъ“. Кромѣ того, за неизмѣнное служеніе манджурскимъ интересамъ, императоръ Цян-лунъ пожелалъ утвердить означенный титулъ за его потомствомъ наследственно

и запросилъ самого Полхабу, котораго изъ своихъ двухъ сыновей онъ предпочитаетъ назначить наслѣдникомъ. Отецъ указалъ на младшаго своего сына Чжюрмэдъ Намчжяла, который и былъ утвержденъ императорскимъ рескриптомъ въ 1746 году въ степени „цзюнь-вана“.

Но этотъ новый князь не оправдалъ надеждъ ни императора, ни отца. Свою дѣятельность онъ началъ съ того, что въ слѣдующемъ же году отравилъ своего престарѣлаго отца, затѣмъ сформировалъ туземное войско и выказалъ явное неповиновеніе манджурскимъ военачальникамъ, пребывавшимъ тогда въ Лхасѣ, причемъ извелъ своего болѣзненнаго старшаго брата Чжюрмэдъ Цэбтаня. Спустя немного (въ десятой лунѣ года желѣзнаго коня—1750 г.) военачальники Пуцзинь и Лабдунь пригласили его, посредствомъ обмана, на второй этажъ своего жилища, гдѣ и убили собственноручно. Сторонникъ убитаго, лама Лобсан-ешей, сопровождавшій его, тотчасъ спустился со второго этажа и сталъ призывать народъ къ мятежу. Возбужденная толпа подошла къ дому военачальниковъ, которые погибли тутъ же въ пламени. Бѣжавшій подстрекатель былъ пойманъ по приказу далай-ламы.

По усмирении этого мятежа въ 1751 году было учреждено новое управленіе центрального Тибета, во главѣ котораго былъ поставленъ Совѣтъ изъ четырехъ сановниковъ-галоновъ (или шаб-пѣ, что въ переводѣ значитъ „лотосъ-ногъ“, т. е. далай-ламы, въ томъ значеніи, что они суть помощники его), назначаемыхъ изъ туземцевъ высочайшею властью. Вотъ переводъ указа Цян-луна (изъ монгольской книги „Плэтхэлъ-шастиръ“ пекинскаго изданія), даннаго первымъ галонамъ: „Тибетъ—чистая, безмятежная страна, сильно распространяющая желтое ученіе. Далай-лама заставляеть весьма процвѣтать религіозныя правила, управляя принятымъ на себя ученіемъ будды западной страны. Въ прежнее время для всѣхъ дѣлъ, по чествованію и содержанію далай-ламы, были утверждены четыре наслѣдственныхъ галона. Когда дѣло дошло до Чжюрмэдъ-Намчжяла, то амбани, пребывающіе въ Лхасѣ, казнили его по той причинѣ, что онъ тайно составлялъ особые планы, присваивая себѣ всѣ дѣла, не совѣщаясь съ (другими) многими галонами и поступаая своевольно, чѣмъ и оплатилъ неблагодарностью за милость. Вслѣдствіе того, что нельзя допускать, чтобы дѣла га-

лоновъ насильно рѣшалъ одинъ человекъ, я, по истинѣ, приказалъ Цэрину (командированному для рѣшенія тибетскихъ дѣлъ, главнокомандующему манджурской арміей) и другимъ старательно выбрать хорошихъ, способныхъ людей и снова, согласно прежнихъ узаконеній, распредѣлилъ управление между четырьмя галонами. Такъ какъ управление распредѣлено между вами всѣми, то вы, благоговѣя предъ моею милостью и усердно уважая далай-ламу, сообща приложите усердіе мыслей и силъ, исполняя должность, и не возбуждайте недоразумѣній, лелѣя впредь это въ (своей) мысли! Заботьтесь, взаимно совѣщаясь и не различая другъ друга: я, ты!.. Если будетъ важное дѣло, то, доложивши далай-ламѣ и лхасаскимъ амбанямъ, поступайте по ихъ указаніямъ. Вы, преклоняясь предъ моею милостью и выказывая усердіе, содѣйствуйте моимъ намѣреніямъ покровительствовать желтой вѣрѣ и осчастливить всѣ живыя существа!¹⁴

Первыми галонами были назначены: 1) гунъ Гашиба-пандита (ноёнъ), родственникъ упомянутаго выше Ханчэн-няя, 2) тайчжи первой степени Цэрин-ванчжяль, 3) Тон-ба и 4) духовный цзэдунъ Нима-чжялцань.

Кромѣ нихъ были назначены пять дабоней, три дэба и одинъ хамбо. Дабони—это высшіе военачальники (командиры 1000 солдатъ), соотвѣтствующіе нашимъ генераламъ; дэба—начальники отдѣльныхъ отраслей правленія и хамбо—правитель по духовнымъ дѣламъ. Всѣ упомянутыя выше лица должны рѣшать тибетскія дѣла общимъ Совѣтомъ, подчиняясь далай-ламѣ и находящимся въ Лхасѣ амбанямъ.

Такой составъ центрального управленія остался и по сіе время.

Предсѣдателемъ этого центрального управленія, именуемаго обыкновенно „дэбашунъ“, является далай-лама, который по этой должности титулуется въ просторѣчій „тибетскимъ ханомъ“ (по-тибетски бѳдчжи чжялбо). Вскорѣ послѣ утвержденія новаго управленія, а именно въ 1757 году, когда умеръ седьмой далай-лама, возникъ вопросъ о временномъ исправленіи должности далай-ламы. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ назначеніемъ перваго замѣстителя далай-ламы, каковымъ и былъ дэмо-хутухта, по имени Чжамбал-дэлэг-чжямцо. Съ этого времени уже входитъ въ обычай избраніе такого намѣстника, который утверждается императорскою властью подъ наимено-

ваніемъ „правителя казначейства далай-ламы“, съ титуломъ „номунь-ханъ“ (слово монгольское, означающее царь ученія).

Чжанчжа-хутухта перерожденецъ, лама въ Пекинѣ.

(Нынѣ живущій. Съ фотографіи, снятой нѣсколько лѣтъ тому назадъ).

Тибетскій литературный языкъ именуется его „чжялцабъ“, т. е. намѣстникъ хана, а обыденная рѣчь зоветъ „бѣд-чжялбо“, т. е. тибетскимъ ханомъ. Намѣстничество или регентство должно продолжаться до совершеннолѣтія вновь избраннаго далай-ламы, и оно замѣщалось до сихъ поръ поочередно изъ числа пяти хутухтъ, хозяевъ пяти упомянутыхъ раньше дворцовъ (линовъ). Каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ цзасакъ-ламу, какъ личнаго секретаря, правителя дѣлъ. Впрочемъ, въ 1862 году,

въ видѣ исключенія, эту должность занималъ свѣтскій, бывшій галонъ изъ фамиліи Шядда, съ титуломъ также номунь-хана.

Желаніе занять эту высшую въ странѣ должность, а затѣмъ стремленіе занимать ее какъ можно дольше, служили всегда причиной многочисленныхъ интригъ между хутухтами.

Обыкновенныя засѣданія Совѣта четырехъ галоновъ состоящаго изъ трехъ свѣтскихъ лицъ и одного духовнаго, происходятъ въ особомъ домѣ, называемомъ „га-шыгъ“, т. е. приказный домъ или судилище галоновъ. Обыкновенный Совѣтъ происходитъ подъ предсѣдательствомъ того галона, который дольше другихъ занималъ эту должность. Онъ именуется галон-тидба (предводительствующій сановникъ). Въ мое время таковымъ былъ галонъ изъ фамиліи Шядда. Надъ балкономъ этого

дома виситъ обычная доска китайскаго образца, съ надписью въ высокопарныхъ выраженіяхъ на четырехъ языкахъ.

Смысль этой надписи можно передать такъ: „Внутреннее государство и внѣшніе отдѣлы (его) въ совокупности владѣютъ добродѣтелью и благожеланіями“.

Финансами и вообще государственнымъ имуществомъ управляютъ два казначейства: одно — „талду“ (сборъ податей), завѣдующее казной и имуществомъ собственно далай-ламы, и другое, которое, повидимому, не имѣетъ особаго названія и именуется по должностямъ казначеевъ „лабран-чянцзадъ“, т. е. дворцовые распорядители, изъ коихъ двое старшихъ: свѣтскій и духовный завѣдуютъ общеказеннымъ имуществомъ и казной.

Рѣшеніе исключительно духовныхъ дѣлъ находится въ рукахъ Совѣта четырехъ придворныхъ писцовъ „дунјиг-ши“, подъ предсѣдательствомъ, такъ называемаго, „чжишаб-хамбо“.

Всѣ вышеуказанныя должностныя лица составляютъ большой Совѣтъ дэбашуна, но на обсужденіе особенно важныхъ дѣлъ, какъ, напримѣръ, при слухахъ о появленіи на границахъ центральнаго Тибета европейцевъ, приглашаются еще старшіе администраторы главныхъ монастырей.

Такимъ образомъ, большой Совѣтъ дэбашуна состоитъ подъ предсѣдательствомъ: 1) далай-ламы или замѣняющаго его, 2) чжялцаба, сохраняющаго голосъ и въ присутствіи далай-ламы, 3—6) изъ четырехъ галоновъ, 7—11) пяти дабоней, 12—15) четырехъ дунјиг-ши, 16—17) двухъ талду, 18—19) двухъ лабран-чянцзадовъ, 20 — 22) трехъ настоятелей Сэ-нбрѣ-гэ-сума и 23) цзасакъ-ламы чжялцаба. Таковъ наибольшій составъ большого Совѣта дэбашуна. Точно установленнаго состава, я думаю, нѣтъ вовсе.

Для мѣстнаго управленія центральное управленіе назначаетъ, такъ называемыхъ, „цзон-бонь“, начальниковъ цзоновъ, преимущественно по два на каждый цзонъ, или уѣздъ. Такихъ уѣздовъ числится теперь 53. Главная обязанность этихъ цзон-боней, изъ которыхъ духовнаго зовутъ „цзэдунъ“, а свѣтскаго „дунхоръ“, заключается въ сборѣ податей, поступающихъ большею частію натурой: хлѣбомъ, масломъ, сукнами и т. п. Только въ Накчу, въ виду важности этого пункта, духовный цзон-бонь называется „хамбо“, а свѣтскій „нансо“ (въ просторѣчій „заботящійся о внутреннемъ“).

Намъ, къ сожалѣнію, не удалось ознакомиться съ кодексомъ современнаго судопроизводства въ Тибетѣ, но говорятъ, что руководствуются старинными правилами управленія, составленными ханомъ Срон-цзан-гамбо. По какимъ бы законамъ ни управлялась страна, правосудіе въ Тибетѣ довольно призрачно, такъ какъ вѣками укоренившееся взяточничество сдѣлало мѣриломъ правоты количество поднесенныхъ взятокъ...

Самымъ жестокимъ наказаніямъ подвергаются за воровство, совершаемое, преимущественно, какъ и всюду на свѣтѣ, бѣдною частью населенія. Жертвъ страсти къ чужой собственности ежедневно можно видѣть въ Лхасѣ съ отрѣзанными пальцами, носами, а еще больше ослѣпленными, занимающимися попрошайничествомъ. Затѣмъ, въ обычаѣ пожизненное надѣваніе небольшихъ круглыхъ колодъ на шею, желѣзныхъ оковъ на ноги, ссылка на окраины и отдача въ рабы князьямъ и начальникамъ цзонговъ. Самымъ большимъ наказаніемъ является, конечно, смертная казнь, производимая утопленіемъ въ рѣкѣ (въ Лхасѣ) или сбрасываніемъ со скалы (въ Шихацзэ). Намъ рассказывали очевидцы про ужасающія картины выставленія на рынкѣ приговоренныхъ къ смерти на показъ народу, заключенныхъ въ клѣтки, и про самую казнь утопленія, когда къ шеѣ преступника привязываютъ тяжеловѣсный булыжникъ. За отмѣной нынѣшнимъ далай ламой смертной казни, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ лишь публичныхъ наказаній посредствомъ плетей.

Существованіе смертной казни въ буддійской странѣ, у людей, которые избѣгаютъ убивать даже насѣкомыхъ, кусающихъ ихъ, вполне объясняется философами-ламами тѣмъ, что, ради блага многочисленныхъ живыхъ существъ, нѣтъ грѣха убивать злонамѣренныхъ людей. Казнь, кромѣ того, весьма полезна для самого злодѣя, такъ какъ она избавляетъ его отъ дальнѣйшихъ грѣховъ! Таково оправданіе смертной казни!

При допросѣ производятся пытки, практикующіяся, какъ извѣстно, повсюду въ китайской имперіи; самой жестокой изъ нихъ здѣсь считаютъ прижиганіе тѣла посредствомъ расплавленнаго сургуча. Отъ тѣлеснаго наказанія не избавляются и женщины, которыя наравнѣ съ мужчинами подвергаются публичному наказанію плетьюми.

Зависимость Тибета отъ Китая, какъ извѣстно, выражается нынѣ назначеніемъ одного или двухъ манджурскихъ

амбаней, которые слѣдятъ за верховной политикой страны, какъ во внутреннихъ дѣлахъ, такъ и въ дѣлахъ по сношеніямъ съ другими странами. Они завѣдуютъ китайской колоніей, къ которой принадлежатъ, упомянутые раньше, дамскіе монголы, а также рѣшаютъ по китайскимъ законамъ и дѣла туземцевъ, когда они затрагиваютъ интересы китайцевъ и монголовъ. Во время нашего пребыванія былъ только одинъ амбань, помощникомъ его былъ начальникъ гарнизона.

Значительное вліяніе амбаней выражается при выборахъ новыхъ перерожденцевъ и назначеніяхъ новыхъ правителей страны. Всѣ ламаитскіе перерожденцы, утверждаемые манджурскимъ правительствомъ, и такъ называемые высшіе хутухты (числомъ 9), а также и три великихъ ламы, т. е. банчэн-эрдэни, далай-лама и ургинскій хутухта, выбираются посредствомъ жребія, метаемаго передъ статуей большого Чжу или передъ изображеніемъ императора въ Поталѣ. Имена трехъ представляемыхъ кандидатовъ пишутся на отдѣльныхъ билетикахъ, которые опускаются въ урну. Манджурскій амбань вынимаетъ китайскими палочками, замѣняющими вилки, одинъ изъ билетиковъ.

Назначеніе же высшихъ правителей еще болѣе зависитъ отъ амбаня, такъ какъ онъ представляетъ на утвержденіе пекинскаго правительства предназначенныхъ кандидатовъ. Все это служитъ доходной статьёй амбаней и поэтому эти должности считаются весьма выгодными, но отдаленность Тибета отъ Китая и трудность пути туда служатъ причиной того, что амбани назначаются изъ незначительныхъ чиновниковъ, часто зависящихъ отъ какого-нибудь вліятельнаго покровителя. Тѣ же причины вызываютъ и то, что амбани живутъ въ Лхасѣ очень недолго, едва дослуживая трехлѣтній срокъ. За это время они стараются вознаградить себя за понесенные труды и съ лихвой возмѣстить предварительные расходы, сдѣланные въ столицѣ богдохана для полученія должности.

Говоря объ управленіи Тибета, нельзя не упомянуть, что манджурскіе императоры послѣ подчиненія Тибета старались привить здѣсь такое же управленіе, какъ въ другихъ, подчиненныхъ Китаю, инородческихъ странахъ. Поэтому они хотѣли поставить въ члены совѣта управленія Тибетомъ наслѣдственныхъ князей съ манджурскими титулами.

Первыя отличія отъ манджуровъ получили, понятно, тѣ лица, которыя содѣйствовали имъ при подчиненіи Тибета активными дѣйствіями противъ сопротивлявшихся или же пассивнымъ бездѣйствіемъ.

Вотъ перечень такихъ отличенныхъ манджурскимъ правительствомъ лицъ:

1) Упомянутый выше Чжюрмэдъ Цэбтань, старшій сынъ Полхабы, еще при жизни своего отца былъ награжденъ послѣдовательно младшими чинами до туше-гуна (чжэнь-го-гунъ—по китайски). Въ 1750 году онъ былъ убитъ своимъ младшимъ братомъ, Чжюрмэдъ Намчжяломъ, который, какъ извѣстно, былъ казненъ манджурскими амбаниями. Императоръ Цян-лунъ, во вниманіе къ заслугамъ Чжюрмэдъ Цэбтаня, наградилъ въ 1752 году его второго сына, Чжюрмэдъ Ванчжяла, титуломъ „помогающаго государству гуна“ (по-китайски „фу-го-гунъ“). Послѣ смерти послѣдняго, титулъ перешелъ къ его усыновленному сыну, Норбу-пунцокъ, а въ 1784 году этотъ титулъ былъ закрѣпленъ за нимъ наслѣдственно.

2) Отецъ 7-го далай-ламы, какъ будетъ сказано ниже, именовался Соднам-дарчжяй. Онъ много содѣйствовалъ манджурамъ при подчиненіи и успокоеніи Тибета, а также весьма усердно оберегалъ и воспитывалъ своего сына—далай-ламу. Въ 1729 году онъ представился императору, вмѣсто своего сына, и поднесъ подарки. За это онъ былъ награжденъ коралловымъ шарикомъ, павлиньими перьями на шанку и титуломъ „фу-го-гунъ“. Послѣ его смерти императоръ передалъ титулъ его второму сыну (старшій былъ далай-ламой), по имени Куньга-данцинь. Этотъ умеръ въ 1774 году и ему наслѣдовалъ сынъ его Дашій-намчжяль; но вскорѣ въ палатѣ внѣшнихъ сношеній (лифань-юань) былъ возбужденъ вопросъ о наслѣдованіи титула во многихъ поколѣніяхъ родственниками далай-ламы. Императоръ склонился въ пользу мнѣнія о неудобствѣ и незаконности такого наслѣдованія, но въ данномъ случаѣ, во вниманіе къ исключительнымъ заслугамъ отца 7-го далай-ламы, онъ захотѣлъ оставить за его потомствомъ наслѣдственный титулъ, пониженный въ тайчжи 1-й степени.

3) Братъ, упомянутого выше, князя Ханчэн-нэя, Гашиба-цэбтань-дашій, во вниманіе къ заслугамъ убитаго его младшаго брата, былъ награжденъ императоромъ Юнь-чжэномъ въ

1728 году титуломъ тайчжи 1-й степени. У него было два сына: Гашиба-намчжял-цэбтань и Пандита, которые наслѣдовали одинъ за другимъ этотъ титулъ.

4) Цзасакъ тайчжи 1-й степени Цэрин-ванчжялъ, по ходайству Полхабы, былъ возведенъ въ 1729 году въ названную степень и назначенъ помощникомъ Полхабы. Въ 1765 году наслѣдовалъ внукъ его Соднам-ванчжялъ, который въ 1789 году, во время нападенія на Тибетъ гуркасцевъ, провинился и его потомство лишилось титула.

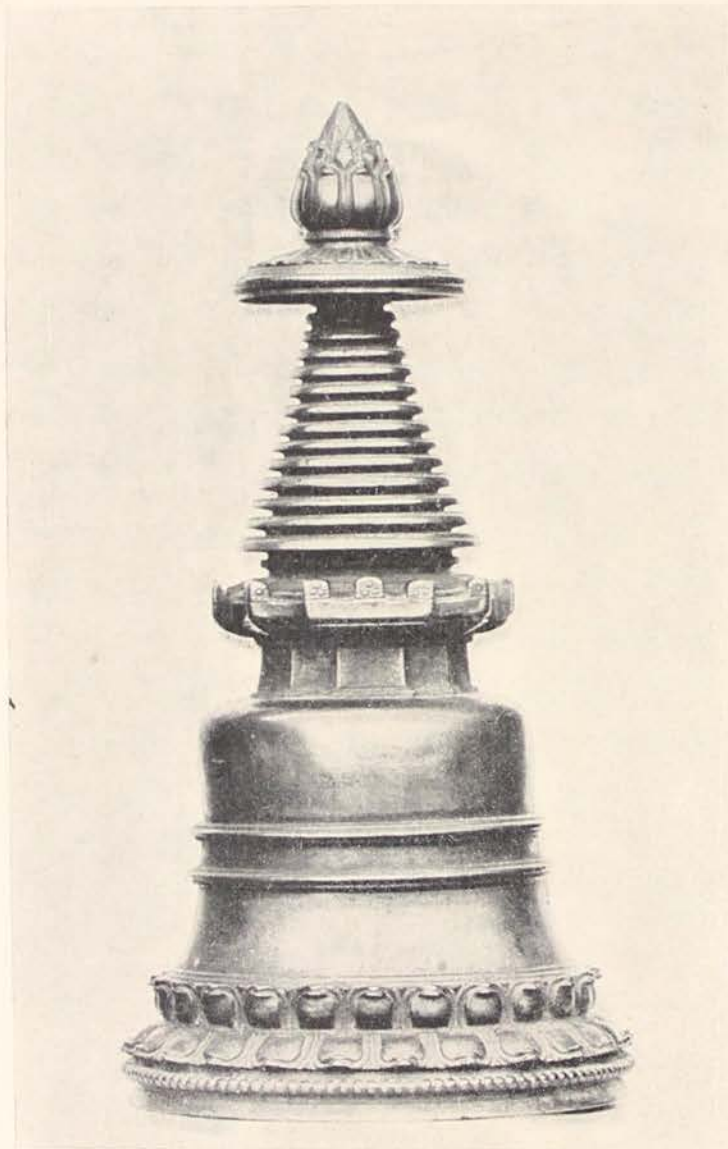
5) Ноянъ Хошочи, оказавшій услуги во время усмиренія мятежа галоновъ Аподба и другихъ, по представленію Полхабы, въ 1729 году былъ награжденъ титуломъ цзасака тайчжи 1-й степени.

Такимъ образомъ, потомственныхъ титулованныхъ особъ въ Тибетѣ было пять, изъ коихъ впоследствии былъ лишенъ титула одинъ цзасакъ тайчжи первой степени. Къ этому нужно прибавить, что родитель далай-ламы, а если его уже нѣтъ въ живыхъ, то братъ далай-ламы обыкновенно возводится въ титулъ гуна, который сохраняется теперь только въ одномъ поколѣніи.

Титулованныя лица, если не занимаютъ какихъ-либо должностей по высшему управленію Тибета, не участвуютъ въ рѣшеніи дѣлъ, но они, какъ представители потомственныхъ аристократическихъ родовъ, пользуются большимъ почетомъ и, по большей части, занимаютъ высшія должности.

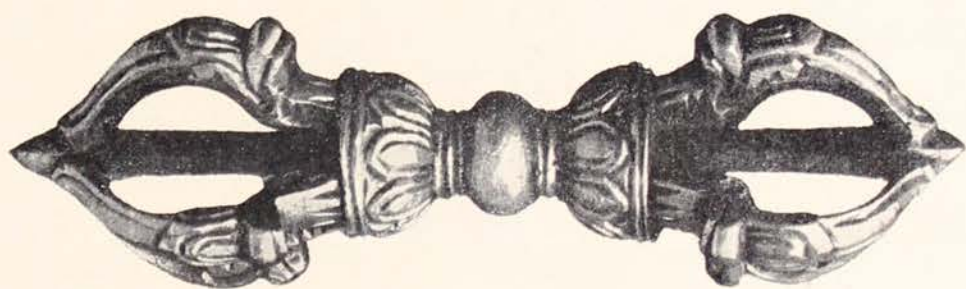
Гау.

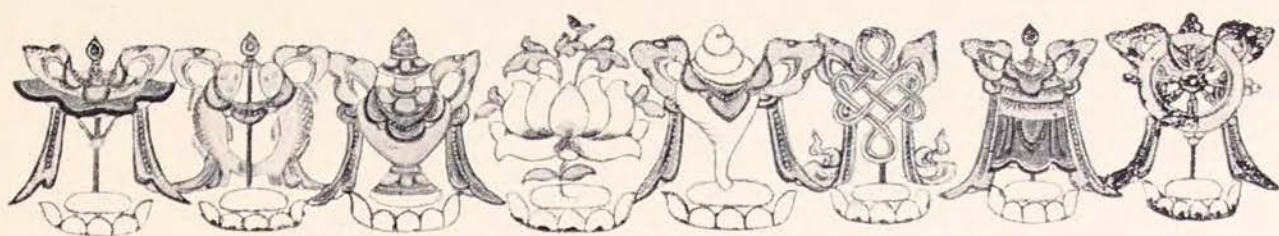
Субурганъ.

ГЛАВА VIII.

О далай-ламахъ.

Дорчжэ.

Восемь символовъ счастья.

У людей, сколько-нибудь интересующихся Дальнимъ Востокомъ вообще и ламаитскимъ въ частности, едва-ли не самымъ популярнымъ является названіе далай-ламы, именуемаго главой ламаитской іерархіи. Но при этомъ у насъ въ литературѣ пока еще нѣтъ ни одной болѣе или менѣе подробной біографіи всѣхъ, существовавшихъ до сихъ поръ, далай-ламъ. Нашъ извѣстный монголистъ профессоръ А. М. Позднѣевъ въ примѣчаніяхъ къ „Хожденію въ Тибетъ База-бакши“ даетъ перечень ихъ именъ съ обозначеніемъ времени ихъ жизни по Waddel'ю, другой списокъ находимъ и у проф. Грюнведеля. Мы собрали матеріалъ на тибетскомъ языкѣ, необходимый для составленія біографій далай-ламъ, и намѣрены въ будущемъ дать болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ, теперь же ограничимся только краткимъ перечисленіемъ ихъ.

Далай-ламы считаются перерожденцами бодисатвы одиннадцатиликаго Авалокитешвары (по-тибетски—Пагба Чжан-рăй-сигъ).

Почитатели культа перерожденцевъ любятъ относить ихъ происхожденіе къ отдаленнѣйшимъ временамъ, на примѣръ, къ эпохѣ жизни Будды. Такъ и въ данномъ случаѣ, первымъ воплощенцемъ считаютъ бодисатву Пагба Чжан-рăй-сига, ближайшаго ученика Будды.

По сказаніямъ тибетскихъ сочиненій, составленныхъ въ болѣе позднее время, первые 37 перерожденцевъ появлялись въ Индіи, то царями-покровителями религіи, то учеными просвѣтителями. Въ первый разъ въ Тибетѣ появился 38-й перероженецъ—ханъ Няти-цзаньбо, жившій въ III вѣкѣ до Р. Х. Затѣмъ перерожденцами его являются знаменитые цари Тибета, извѣстные покровительствомъ буддизму, какъ-то: 40-мъ Срон-цзан-гамбо, 41-мъ Тисрон-дэвцзанъ (802—845), 42-мъ Адаг-ти-Рагъ (866—902) и знаменитые ученые: 45-мъ Бром-дѣньба, 46-мъ Сачжя (Сакьяскій) Гуньга-Нин-бо и т. д.

Первый далай-лама.

Первымъ перерожденцемъ, приверженцемъ цзонхавизма, считается Гэндунь-дубъ, являющійся по прежнему порядку 51-мъ. Онъ родился въ 1391 году, а умеръ въ 1474 г. и былъ основателемъ цзанскаго монастыря Дашій-лхунбо. при описаніи котораго приведемъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о немъ, здѣсь скажемъ лишь, что онъ оставилъ послѣ себя пять томовъ сочиненій, деревянные стереотипы коихъ находятся въ поталаской типографіи въ Лхасѣ. Его сочиненія, въ числѣ прочихъ, имѣющихся въ продажѣ собраній сочиненій всѣхъ далай-ламъ, привезены мною.

Вторымъ перерожденцемъ считается Гэндунь-чжямцо, родившійся въ 1475 г. въ провинціи Цзань отъ красношапоч-

наго ламы Гуньга-чжялцаня и жены его Гуньга-бälмо. Въ 1486 году онъ былъ посвященъ въ монастырѣ Дашій-лхунбо въ первые духовные обѣты и получилъ имя Гэндунъ-чжямцо. Въ 1494 году онъ отправился въ монастырь Брăбунъ, находящійся у Лхасы. Здѣсь онъ обучался богословскимъ наукамъ и путешествовалъ по разнымъ мѣстамъ центральнаго Тибета для усовершенствованія въ наукахъ. На 43-мъ году жизни, т. е. въ 1517 году, онъ достигъ мѣста настоятеля (10-й по счету) Брăбуна. Лама этотъ отличался своею ученостью и пользовался большимъ почетомъ среди духовенства и народа. Его, повидимому, стали считать за перерожденца его земляка, знаменитаго

Второй далай-лама.

Гэндунь-дуба, но офіціального объявленія объ этомъ еще не было. Въ 1518 году китайскій императоръ повелѣлъ построить для него въ Брѣбунѣ дворець Галдан-побрань. Умеръ онъ въ 1542 году, оставивъ послѣ себя три тома сочиненій.

Третій далай-лама.

Третій перерожденець, Соднам - чжямцо, былъ сыномъ начальника цзона Намчжял - дагны отъ жены его Балдзом-бутидь и родился въ 1543 году. Его отецъ, какъ владѣтель цзона, былъ, безъ сомнѣнія, очень вліятельнымъ человѣкомъ и пожелалъ объявить своего сына перерожденцемъ только что умершаго Брѣбунскаго настоятеля Гэндунь-чжямцо. Онъ достигъ

своей цѣли и въ 1547 году сынъ его былъ уже возведенъ въ настоятеля. Его взялъ подъ свое покровительство знаменитый ученый того времени, 15-й намѣстникъ Цзонхавы, Соднам-дагпа (1478—1554), который и былъ его первымъ учителемъ. Затѣмъ онъ получилъ отличное образованіе. Кромѣ того, положеніе настоятеля самага большаго изъ тибетскихъ монастырей, къ тому-же перваго перерожденца - настоятеля, распространило о немъ славу, которая дошла до монголо-тумэтскаго Алтан-хана. Послѣдній въ 1576 году пригласилъ Соднам-чжямцо къ себѣ въ Монголію. По прибытіи его въ 1578 году и по полученіи отъ него различныхъ религіозныхъ наставленій, Алтан-ханъ далъ ему титулъ „Вачира-дара-далай-лама“. Слѣдовательно, титулъ „далай-ламы“ впервые былъ данъ перерожденцамъ Брѣбунскаго настоятеля монгольскимъ Алтан-ханомъ. Самый терминъ „далай-лама“ самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія. Оно по монгольски значитъ лишь—„лама-море“ [далай—море, лама—священникъ]. Поводомъ къ такому титулу, безъ сомнѣнія, послужило собственное имя Соднам-чжямцо „добродѣтель-море (Соднам—добродѣтель, чжямцо—море), послѣдняя часть котораго перешла въ титулъ. Этотъ титулъ сохранился за далай-ламами только въ официальныхъ бумагахъ, а народъ и духовенство титулуетъ ихъ: „чжямгонь-тамчжя-чѣньба“, что значитъ „всебѣдующій спаситель“. Послѣ смерти Алтан-хана въ 1584 году, наслѣдники его снова пригласили Соднам-чжямцо, который и умеръ затѣмъ въ Монголіи въ 1588 году. Онъ былъ признанъ „великимъ ламой, живымъ буддой“ также Минскимъ императоромъ.

Четвертый перерожденецъ, Юн-дан-чжямцо, родился въ Монголіи отъ отца Сумэр-дайчинъ и матери Дара, 1-го числа 1-ой луны года земляной коровы, т. е. 1589 г. Два вліятельныхъ прорицателя Тибета—чойчжѣновъ Нѣйчунъ и Сѣтабъ признали его за перерожденца далай-ламы Соднам-чжямцо. О послѣдующемъ Санан-сэцэнъ говоритъ: „Когда услышали, что онъ истиннѣ высокій перерожденецъ священнаго всебѣдующаго Вачира-дары-далай-ламы, и прибыли послы для увоза его въ „Вѣчную страну“ (т. е. Тибетъ), то монголы не отпустили его, вслѣдствіе своей малой развитости и большой гордости, говоря такъ: „Нашъ ребенокъ малъ, какъ его послать? Не пошлемъ раньше 13-ти лѣтняго возраста!“ Безъ сомнѣнія, этотъ фактъ приглашенія на престолъ настоятеля Брѣбуна сына монгольскаго

князя является самым интереснымъ въ отношеніяхъ тибетскихъ ламъ къ монголамъ, только что обращеннымъ въ ламаизмъ. Въ данномъ случаѣ тибетцы, безъ сомнѣнія, уступали настойчивому желанію воинственныхъ монголовъ и, главнымъ образомъ, имѣли въ виду поднять успѣхи ламаизма въ Монголіи; этой, съ ихъ стороны сравнительно небольшой, уступкой, такъ какъ далай-ламы въ то время не имѣли еще того вліянія, какое

Четвертый далай-лама.

приобрѣли внослѣдствіи пятый и седьмой перерожденцы. Если они думали и о матеріальной выгодѣ, то монголы могли принести громадныя доходы тибетскому духовенству, о чемъ можно

было судить по тѣмъ подношеніямъ, какія сдѣлали Алтан-ханъ и халхаскій Абатай-ханъ третьему далай-ламѣ. Но какъ-бы то ни было, новый перерожденецъ въ 1604 году былъ доставленъ въ Тибетъ, возведенъ въ званіе Брѣбунскаго настоятеля, принялъ духовные обѣты, учился, путешествовалъ по Тибету и умеръ въ 1616 году. Прахъ его раздѣлили между собою халхаскій князь Чихуръ и тумэтскій тайчи. Первый сдѣлалъ для своей доли серебряный субурганъ и поставилъ его въ Брѣбунскомъ Галдан-побранѣ. Среди монголовъ есть преданіе, что тибетцы убили Юн-дан-чжямцо изъ ненависти къ нему, какъ монголу, распоровъ ему животъ, т. е. тѣмъ же способомъ, какимъ убиваютъ монголы барановъ.

Пятый перерожденецъ, самымъ знаменитымъ изъ далай-ламъ, является не разъ уже упомянутый Агван-Ловсан-чжямцо, именуемый сокращенно „А-ба-чэньбо—Великій пятый“, сынъ начальника области Чѣн-чжяй Дуддул-рабтана и его жены Гунь-галхамдзей, родившійся въ 1617 году (его изображеніе на стр. 218). Онъ былъ посвященъ въ духовный санъ ламой, впоследствии банчэнемъ, Ловсан-Чойчжи-чжялцанемъ, который былъ затѣмъ его главнымъ воспитателемъ и наставникомъ.

До сихъ поръ далай-ламы считались перерожденцами Брѣбунскаго настоятеля и послѣдовательно занимали лишь эту должность. Хотя Брѣбунъ былъ самымъ большимъ, по числу духовенства, монастыремъ Тибета, но въ политической жизни всего Тибета ни монастырь, ни его настоятели не играли большой роли. Тибетъ въ это время дѣлился на удѣлы, управленіе коихъ было почти самостоятельнымъ, и владѣльцы ихъ вели между собою раздоры. Видя слабость тибетскихъ свѣтскихъ правителей и желая захватить власть надъ ними, честолюбивый далай-лама Ловсан-чжямцо послалъ хошотскому Гуши-хану приглашеніе явиться въ Тибетъ. Исторія говоритъ, что у хана Ноянъ-хонхоръ хошотскаго было 6-ть сыновей. Изъ нихъ четвертый Туруль-байхуръ родился въ 1582 году. Онъ уладилъ однажды споръ между халхасцами и ойратами, за что получилъ титулъ Гуши-хана.

Въ 1637 году Гуши-ханъ вторгся въ Кукунуръ и овладѣлъ имъ. Въ это время пришло къ нему вышеупомянутое приглашеніе и онъ, дѣйствительно, явился на призывъ въ Тибетъ, сначала лишь въ качествѣ благочестиваго богомольца, а спустя

три года, т. е. въ 1640 г.—во главѣ большого войска и вступилъ въ борьбу съ самымъ сильнымъ изъ его владѣльцевъ, жившимъ въ городѣ Шихацзэ, цзанскимъ Гарма-даньчжонь, дѣдъ котораго былъ простымъ подданнымъ владѣльца Ронскаго Риньбун-цзона и достигъ власти надъ Тибетомъ. Въ это самое время на востокѣ начинали возвышаться манджуры, побѣждавшіе одно за другимъ монгольскія племена и шедшіе побѣдоносно къ самому Пекинскому престолу. Дальновидные Ловсан-чжямцо, Ловсан-Чойчжи-чжялцань и Гуши-хань, ища покровительства у этого народа, отправили въ 1642 году къ манджурскому двору нарочитаго посла, провозглашая Тайцзуна (такъ именовался полководецъ манджурскій, покорившій Китай): „Великимъ-Хуанди-Манджушри“ (тибетскій Чжамьянь), по созвучію названія этого божества со словомъ „манджу“—манджурь.

Въ 1643 году Гуши-хань послѣ 7-ми мѣсячной осады завладѣлъ Шихацзономъ и убилъ его владѣтеля. Захватывая Тибетъ, Гуши-хань оправдывался тѣмъ, что онъ защищаетъ угнетенную религію Цзонхавы. Логическимъ послѣдствіемъ такого оправданія было то, что онъ поднесъ власть надъ Тибетомъ далай-ламѣ, хотя власть эта пока была лишь номинальной, такъ какъ фактическимъ главой Тибета сначала былъ самъ Гуши-хань, а затѣмъ онъ поставилъ своего сына Даяна, наименовавъ его Очирту-ханомъ въ силу принятаго обычая давать особое наименованіе годамъ правленія.

Въ 1652 году далай-лама былъ принятъ манджурскимъ императоромъ Шунь-чжи на аудіенціи и получилъ высочайшую грамоту и золотую печать. Въ этой грамотѣ онъ официально былъ титулованъ „Вачира-дара-далай-лама“.

Въ 1668 году умеръ Очирту-ханъ и ему наследовалъ сынъ его Пунцокъ, съ титуломъ Далай-хана.

Въ 1695 году принялъ подданство Китая сынъ Далай-хана Лхавсанъ или Лхацзанъ, который и былъ послѣднимъ монгольскимъ ханомъ Тибета. Пятый, знаменитый далай-лама умеръ въ 1682 году, оставивъ послѣ себя 25 большихъ томовъ сочиненій.

Послѣ смерти его наступаетъ самый смутный періодъ въ новѣйшей исторіи Тибета вообще и далай-ламъ въ частности. Дѣло въ томъ, что еще при жизни пятого далай-ламы въ 1675 году во главѣ управленія его дѣлами сталъ даровитѣйшій изъ

его учениковъ дэба Санчжяй-чжямцо, человекъ съ большимъ образованіемъ и замѣчательный политикъ. Онъ хотѣлъ отстоять независимость Тибета, какъ отъ Китая, такъ и отъ Монголіи. Для этой цѣли онъ задумалъ воспользоваться междоусобіями монголовъ и враждою чжунгаровъ къ Китаю и началъ съ того.

Шестой далай-лама.

что скрылъ смерть пятого великаго далай-ламы, чтобы не терять своей власти. Затѣмъ онъ, для вида, выказывалъ повиновеніе Китаю съ одной стороны, съ другой поддерживалъ тайно Галдана-хана чжунгарскаго въ борьбѣ съ халхасцами. Когда же переговоры между монголами не достигли умиротворенія и чжунгарскій Галданъ былъ побѣжденъ императоромъ Канъ-си, обнару-

жились дѣянiя Санчжэй-чжямцо и онъ объявилъ далай-ламой своего ставленника Цан-янъ-чжямцо, уроженца Монъ-цзона, котораго официальная лѣтопись Илѣтхэлъ-шастиръ называетъ ламой Ловсан-ринъчэнемъ. Уличенный въ своей двуличной политикѣ, Санчжэй-чжямцо вступилъ въ открытую борьбу съ Лхавсанъ-ханомъ, но былъ убитъ послѣднимъ въ 1705 году. Лхавсанъ обвинилъ въ измѣнѣ и далай-ламу Цан-янъ-чжямцо, котораго хотѣлъ доставить въ Пекинъ. Во время пути, по официальнымъ даннымъ, опальный далай-лама умеръ въ Кукунурѣ, но народное преданiе заставляетъ его еще долго жить, о чемъ упомянуто выше. Онъ считается тибетцами *шестымъ* далай-ламой, жившимъ съ 1683 по 1706 г. Послѣ этого споръ о новомъ далай-ламѣ происходитъ уже между самими монголами: съ одной стороны Лхавсанъ-ханъ желалъ провозгласить далай-ламой Агвана-ешей-чжямцо, а съ другой стороны кукунурскiе монгольскiе князья желали Галсан-чжямцо, уроженца камскаго Литана.

Когда Лхавсанъ-ханъ объявилъ о вновь опредѣленномъ далай-ламѣ Агван-ешей-чжямцо, то кукунурскiе князья возбудили вопросъ о подозрительности такого опредѣленiя Лхавсана, т. е. заподозривъ послѣдняго въ ошибочномъ опредѣленiи истиннаго далай-ламы, выставили съ своей стороны кандидатуру вышеназваннаго Галсан-чжямцо, т. е. признали перваго „жедалай-ламой“.

Въ виду такихъ разногласiй, пекинское правительство командировало сановника Хэ-шу для разслѣдованiя дѣла. Въ 1709 году Лхавсанъ-ханъ и банчэн-эрдэни доложили, что признанный ими новый далай-лама весьма свѣдущъ въ религiозномъ ученiи и дѣлахъ правленiя, и просили пожаловать ему печать и грамоту. Тогда императоръ возвелъ его въ *шестые* далай-ламы, не признавая, конечно, прежняго ставленника Санчжэй-чжямцо. Въ свою очередь кукунурскiе князья доложили, что слова Лхавсана ложь, а истинный далай-ламскiй перерожденецъ—литанскiй Галсан-чжямцо. Императоръ запросилъ банчэня, который подтвердилъ истинность словъ Лхавсана.

Такой споръ не предвѣщалъ ничего хорошаго, и потому пекинское правительство сочло необходимымъ разрѣшить его какимъ бы то ни было образомъ. Съ этой цѣлью оно командировало особаго чиновника, который собралъ на сеймъ кукунур-

скихъ князей и показалъ имъ докладъ банчэня съ его печатью, въ которомъ говорилось объ истинности перерожденца далай-ламы, поставленнаго Лхавсанъ-ханомъ. Правительство предложило одновременно съ этимъ поселить Галсан-чжямцо въ Пекинѣ. Кукунурскіе князья упорно отказались отъ этого, говоря, что они не могутъ доставить его такъ далеко. Истинная же причина, вѣроятно, заключалась въ ихъ опасеніи, что правительство хочетъ захватить кандидата на далай-ламскій престолъ и извести его, какъ причину раздоровъ. Только послѣ угрозы военной силой, они согласились поселить его въ монастырѣ Гумбумѣ. Споръ продолжался и кукунурскіе князья стали въ весьма враждебныя отношенія къ Лхавсанъ-хану. Послѣ разныхъ козней и интригъ

Седьмой далай-лама.

между монгольскими князьями, въ 1717 году чжунгарскій полководецъ Цэрин-дондубъ, посланный Цэван-рабтаномъ, явился на границѣ центральнаго Тибета. Ему противосталъ сынъ Лхавсана Сурцза, но въ происшедшей битвѣ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Лхасу, гдѣ укрылся въ Поталаскомъ дворцѣ. Тибетскіе измѣнники, войдя въ переговоры съ Цэрин-дондубомъ, открыли ему крѣпостныя ворота. Тогда Цэрин-дондубъ убилъ укрывавшагося во дворцѣ хана Лхавсана и заключилъ въ темницу далай-ламу Агвана-ешей-чжямцо. Сынъ Лхавсана Сурцза, пытавшійся бѣжать, былъ также схваченъ Цэрин-дондубомъ.

Когда манджурское правительство стало готовиться къ походу въ центральный Тибетъ, Цэрин-дондубъ возвратился отсюда и донесъ, что всѣ тибетцы весьма почитаютъ ламу Галсан-чжямцо и что, если его возвести въ далай-ламы, то страна успокоится.

Императоръ, уступая такимъ обстоятельствамъ, въ 1719 году возвелъ въ далай-ламы литанскаго перерожденца Галсан-чжямцо (опять въ *шестые* же далай-ламы) и пожаловалъ ему грамоту и печать.

Такимъ образомъ съ 1706 по 1718 годъ было двое далай ламъ. Въ 1719 году вновь утвержденный далай-лама былъ отправленъ въ Тибетъ подъ защитой кукунурцевъ и посаженъ на далай-ламскій престолъ, а заключенный въ тюрьму прежній далай-лама Агван-ешей-чжямцо выпущенъ на свободу. Новый далай-лама, какъ сказано, официально считается *шестымъ*, а тибетцами *седьмымъ*. Отца его звали Соднам-дарчжяй, а мать Ловсан-чоймцо. Въ 1722 году почести его были сравнены съ таковыми пятого далай-ламы, почему и была выдана соответствующая печать.

Только послѣ возведенія на престолъ этого далай-ламы, манджурское правительство стало считать, что въ Тибетѣ наступило спокойствіе и что эта страна вполне подчинилась манджурской династии. По этому поводу императоръ Канъ-си написалъ грамоту, которую повелѣлъ высѣчь на каменной плитѣ, о которой было упомянуто при описаніи города, и поставить еѣ въ Лхасѣ.

Въ 1723 году были назначены вышеупомянутые Ханчэн-най, Аподба, Лумбаба и Полхаба тибетскими правителями. Но послѣдующія событія показали, какъ указано выше, что тибетцы далеко не считали себя подчиненными манджурамъ и начали

враждебныя дѣйствія между собою. Изъ этихъ междоусобій, какъ извѣстно, вышелъ побѣдителемъ приверженецъ манджуровъ Полхаба. Во время этихъ смуть пребываніе далай-ламы въ Тибетѣ стало уже небезопаснымъ, почему пекинскій дворъ приказалъ поселить его на его родинѣ, въ камскомъ Литанѣ, откуда онъ возвратился въ 1732 году, послѣ пятилѣтняго тамъ пребыванія, но участія въ свѣтскомъ управленіи онъ не принималъ до 1751 года, когда былъ окончательно усмиренъ мятежъ.

Съ этого времени далай-лама начинаетъ имѣть вліяніе на свѣтскія дѣла. Этотъ перерожденецъ былъ человѣкъ, по-своему, достаточно образованный и даровитый, оставившій послѣ себя 8 томовъ сочиненій, въ коихъ преобладаютъ статьи тарнистическаго ученія. Умеръ онъ въ 1757 году. Отецъ его Соднамдарчжйй былъ возведенъ въ стѣпень князя „фу-го-гуна“ (помогающаго государству гуна).

Восьмой перерожденецъ, далай-лама Чжамбал-чжямцо, родился въ 1758 году въ провинціи Цзанъ, отъ отца Соднамдарчжйй и матери Пунцок-ванмо, которая была сестрой третьяго банчэн-эрдэни Балдан-ешей. Онъ былъ двоюроднымъ братомъ четвертаго халхаскаго Чжэ-бцзун-дамба-хутухты, сына Соднам-дашій, старшаго брата Соднамдарчжйй. Въ 26 году правленія Цян-луна, т. е. 1762 году, была дана императорская грамота, утвердившая его на престолѣ далай-ламы.

Не безынтересно, по нашему мнѣнію, привести здѣсь текстъ этой грамоты въ переводѣ на русскій языкъ.

„Грамота Хуанди, имѣющаго, по предопредѣленію неба, власть надъ обширной землей. Дана перерожденцу далай-ламы. Нынѣ управляющій дѣлами Уйи и Цзана, мэйрэнъ-цзангпнь Пу, согласно нашего повелѣнія, торжественно принялъ тебя, перерожденца. Вслѣдствіе его доклада, что ты, перерожденецъ, имѣешь удивительныя качества, отличныя отъ другихъ, моя мысль чрезвычайно радуется. Далай-лама, въ предъидущемъ образѣ, не ограничившись тѣмъ, что особенно усовершенствовался въ религіозныхъ познаніяхъ, принялъ съ почтеніемъ наши приказанія и согласовалъ съ нашей волей всѣ предпріятія для устроенія въ спокойствіи всѣхъ уйскихъ и цзанскихъ подданныхъ, вслѣдствіе чего мы сильно восхвалили (его) отъ своего радостнаго сердца. Когда онъ умеръ, я сильно сокрушался душой. Теперь выясненіе въ теченіе трехъ лѣтъ перерожденца (его).

Восьмой далай-лама.

будучи пріятнымъ моеѣ мысли, распространило обширную радость. Тебѣ перерожденцу, весьма необходимы бдительныя, безпрестанныя упражненія въ практическихъ занятіяхъ и др., усердно заботиться о выслушиваніи и размышленіи для усиленнаго распространенія законовъ желтой шапки, сердца ученія Будды.

Нынѣ ради благознаменнаго праздника выясненія перерожденца пожаловали золотую статую Аюши, статую Шакьямуни изъ драгоценнаго камня „хасъ“ (яшма) и драгоценныя ручныя четки. Пожаловано это ради долгоденствія перерожденца и распространенія желтошапочнаго ученія.

Въ 12 день первой лѣтней луны 26-го года правленія Цян-луна“.

По смерти его предшественника, былъ назначенъ регентомъ дэмоскій хутухта, Чжамбал - дэлэг - чжямцо, который и началъ рядъ другихъ регентовъ. Онъ управлялъ дѣлами далай-ламы 21 годъ, послѣ него должность чжялцаба занялъ чжонэйскій уроженецъ, 61-й настоятель Галдана Агван-цултимъ.

8-й далай-лама Чжамбал-чжямцо, повидимому, былъ чело-вѣкъ ничѣмъ не выдававшійся и всю свою жизнь онъ провелъ сначала въ ученіи, затѣмъ въ исполненіи разныхъ духовныхъ требъ. Избранію его въ далай-ламы, затѣмъ выдачѣ ему въ 1781 году золотой печати много содѣйствовалъ дядя его третій банчэн-эрдэни Балдан - ешей, лама съ отличными дарованіями.

Девятый далай-лама.

который самъ былъ въ Пекинѣ и получилъ утвержденіе въ званіи банчэн-эрдэни. Въ этомъ же году императоръ захотѣлъ дать титулъ отцу Чжамбал-чжямцо, по примѣру отца 7-го перерожденца, но вслѣдствіе того, что отца его уже не было въ живыхъ, титулъ „гуна“ былъ пожалованъ дядѣ его Соднам-дашій, который, какъ упомянуто выше, былъ отцомъ халхаскаго Чжэ-бцзун-дамба-хутухты.

Умеръ 8-ой далай-лама въ 1804 году.

Девятый перерожденецъ Лундок-чжямцо (полное имя его: Лобсан-даньбій-бжюнпай-Агван-Лундок-чжямцо) родился въ 12-ой лунѣ года деревянной коровы (конецъ 1805 или начало 1806 года). Отца его звали Даньцзинь-чойчжѳнъ, а мать Дондуб-долма. Въ 1808 году онъ былъ возведенъ обычнымъ порядкомъ на далай-ламскій престолъ. Преданіе говоритъ, что онъ былъ болѣзненный, но очень способный мальчикъ. Умеръ онъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ 16-го числа 2-ой луны года деревянной свиньи, т. е. 1815 года.

Десятый перерожденецъ Цултим-чжямцо, родился на родинѣ 7-го далай-ламы, въ камскомъ Литанѣ, отъ отца Ловсан-няндагъ и матери Намчжял-бутидъ. Время рожденія его биографъ опредѣляетъ: „при появленіи первой утренней зари 29-го числа третьей луны года огненной мыши“, т. е. 1816 года. Правившій тогда дѣлами далай-ламы дэмо-хутухта Ловсан-тубдань-Чжигмэд-чжямцо, по указанію чойчжѳновъ—прорицателей и высшихъ ламъ, хотѣлъ сразу возвести на престолъ этого Цултим-чжямцо, который до избранія носилъ имя Чжамбал-чжялцань, но въ то время составила партія противъ такого избранія. Она настаивала на вынутіи жребія посредствомъ золотой урны (сэрбумъ), назначенной для опредѣленія высшихъ перерожденцевъ еще императоромъ Цян-луномъ. Дэмо-хутухта не выполнилъ своего намѣренія, вслѣдствіе своей смерти въ 1819 году. Въ это время перерожденецъ Галданскаго ширетуя, Агван-Чжамбал-цултимъ послалъ въ Пекинъ посла съ поздравленіемъ императора Цзя-цина съ 60-ти лѣтіемъ. Посольство это выхлопотало назначеніе правителемъ далай-ламскаго казначейства Агван-Чжамбал-цултима, каковое назначеніе и состоялось рескриптомъ отъ 8-го числа 2-ой луны правленія Цзя-цина, т. е. въ 1820 г. Въ это-же самое время пришелъ приказъ избрать далай-ламу посредствомъ жребія. На это новшество въ практикѣ из-

бранія далай-ламъ тибетскіе ламы и сановники согласились съ большимъ неудовольствіемъ. Тѣмъ не менѣе, съ приказомъ императора, исполнителями коего являлись два манджурскихъ амбаня, не могли не согласиться и 15-го числа первой луны года водяной лошади, т. е. 1822 г., въ присутствіи нарочито для сего приглашеннаго банчэн-эрдэни, однимъ изъ манджурскихъ амбаней былъ вынутъ одинъ изъ трехъ билетиковъ съ именами кандидатовъ, писанными по-манджурски, изъ золотой урны, поставленной передъ изображеніемъ императора въ Поталаскомъ дворцѣ. Билетикъ оказался съ именемъ Чжамбал-чжялцаня и тогда амбань, обращаясь къ отцу мальчика, присутствовавшему здѣсь-же, сказалъ: „Такъ какъ изъ золотой урны вышелъ твой сынъ Чжамбал-чжялцань, кандидатъ въ драгоценныя далай-ламы, то молись милости великаго императора“!

Такъ произошло избраніе въ десятыя далай-ламы кандидата, выставленнаго большинствомъ тибетцевъ, но мы не беремся сейчасъ сказать, было-ли это случайное совпаденіе или какой-нибудь подлогъ амбаней. Какъ бы то ни было, оно удовлетворило ту и другую сторону. Избранный такимъ образомъ, новый далай-лама былъ посвященъ въ духовный санъ и сталъ учиться духовнымъ книгамъ. Главнымъ учителемъ его былъ престарѣлый Агван-няндагъ, отставной 66-ой Галданскій намѣстникъ и бывший учитель 9-го далай-ламы; послѣ смерти его эту должность занялъ 70-ый намѣстникъ Агван-чойнцэлъ. Но и этотъ далай-лама умеръ также въ ранней молодости, въ седьмой лунѣ 1837 года.

Одиннадцатый перерожденецъ Хайдуб-чжямцо родился на самой границѣ съ Китаемъ, въ восточномъ Камѣ, въ 9-ой лунѣ года земляного пса, т. е. 1838 года. Отца его звали Цэван-дондубъ, а мать Юндун-бутидь. По разнымъ рассказамъ родителей и гаданію ламъ въ немъ намѣтили перерожденца далай-ламы, но официальное избраніе его произошло въ 1841 году, посредствомъ извѣстной уже золотой урны. При этомъ случился какой-то подозрительный инцидентъ, про который біографъ его рассказываетъ, что его имя не сразу вышло изъ урны, а появилось оно послѣ многихъ молитвъ. Затѣмъ 16-го числа 4-ой луны года водяного тигра (1842 г.) обычнымъ порядкомъ былъ прочтенъ рескриптъ императора и новоопредѣленный далай-лама возведенъ на свой тронъ. Онъ умеръ также въ ранней

молодости (17 лѣтъ) 24-го числа 10-ой луны года деревяннаго зайца, т. е. 1855 г.

Двѣнадцатый перерожденецъ носилъ имя Приньлай-чжямцо (скорѣе Тинлай-чжямцо) и родился въ восточной части провинціи Уй, въ уѣздѣ Олха, въ 1856 г. отъ отца Пунцок-цэванъ и матери Цэрин-юдонъ. Въ началѣ 1858 года онъ съ двумя другими мальчиками баллотировался посредствомъ золотой урны и жребіи бытъ далай-ламой палъ на его долю. Но и этотъ далай-лама едва достигъ 20-ти лѣтъ и умеръ въ 20-хъ числахъ 3-ей луны года деревянной свиньи (1875 г.). По разсказамъ современниковъ, этотъ далай-лама умеръ уже явной, насильственной смертью (отрава), о чемъ слышалъ и Н. М. Пржевальскій.

Тринадцатый, нынѣ здравствующій, перерожденецъ далай-ламы, носитъ полное имя Агван-лобсан-тубданъ-чжямцо-чжиг-брал-ванчук-Чюглѳой-намчжялъ или проще Тубданъ-чжямцо.

Лейбъ-медикъ нынѣ живущаго далай-ламы.

Онъ родился въ юго-восточной части провинціи Уй въ 1876 году и, слѣдовательно, ему въ настоящее время (1903 г.) 27 лѣтъ отъ роду. Лѣтъ 7 тому назадъ онъ кончилъ курсъ богословскихъ наукъ и получилъ высшую ученую степень лхарамба. Прохождение наукъ происходило подъ руководствомъ его старшаго учителя или такъ называемаго „юндзинъ-риньбочэ“, что значитъ „драгоцѣнный учитель“ по имени: Лобсан-цултим-Чжямба-чжямцо, извѣстнаго болѣе подъ именемъ „пурбу-чжогскаго

перерожденца Чжямба-риньбочэ“, который умеръ въ августѣ 1901 г., достигнувъ глубокой старости. Для упражненій далай-ламы въ цан-нидскихъ диспутахъ къ нему были приставлены отъ семи богословскихъ академій монастырей Брѣбуна, Сэра и Галдана по одному цанъ-шабъ-хамбо, въ число коихъ отъ го-манскаго дацана Брѣбуна попалъ нашъ забайкальскій буряты Агван-Дорчжievъ, которому сильно покровительствовалъ выше-названный пурбу-чжогскій перерожденецъ. Годовъ 6 тому назадъ произошла борьба между партіями далай-ламы и, такъ на-

зываемаго, правителя его казначейства (тибетскаго хана), дэмо-хутухты. Въ этой борьбѣ побѣда осталась на сторонѣ далай-ламы, вслѣдствіе чего дэмо-хутухта съ приверженцами были обвинены въ совершеніи заклинаній противъ жизни далай-ламы, имущество ихъ было конфисковано, а самъ хутухта посаженъ въ заключеніе. Онъ умеръ затѣмъ насильственной смертью (задушенъ) осенью 1900 года. Взывшій верхъ въ этой борьбѣ, нынѣшній далай-лама, безъ сомнѣнія, избавился отъ участи многихъ своихъ предшественниковъ, умиравшихъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. 13-ый далай-лама по наружности довольно красивый молодой человѣкъ и, повидимому, съ твердымъ характеромъ, такъ какъ онъ проявляетъ въ настоящее время много самостоятельности и энергіи въ свѣтскихъ и духовныхъ дѣлахъ Тибета. Онъ отмѣнилъ, по крайней мѣрѣ на первые годы своего правленія, смертную казнь, отмѣнилъ и открытую продажу должностей—мѣра громадной важности. Что касается вліянія далай-ламы, какъ духовнаго лица, то должно сказать, что онъ почитается лишь жителями ближайшихъ мѣстностей, а дальніе, въ особенности жители другихъ провинцій, знаютъ его лишь, какъ верховнаго правителя Тибета.

Являясь верховнымъ правителемъ, страны и въ то же время будучи верховнымъ ламой, далай-лама, понятно, мало доступенъ народу въ обыкновенное время и доступъ къ нему сравнительно легокъ лишь для поклоненій. Всякій, имѣющій какой бы то ни было „хадакъ“, можетъ подойти къ нему и получить благословеніе, состоящее въ прикладываніи непосредственно правой руки далай-ламы на голову поклонника и пожалованіи шнурка съ благословеннымъ узломъ. Этотъ шнурокъ называется по-тибетски „с(р)ун-дудъ“, а по монгольски „цзангя“. Болѣе сложные обряды поклоненій требуютъ уже внесенія извѣстной суммы денегъ; самое меньшее 5 лановъ мѣстныхъ монетъ, тогда поклоняющійся подноситъ далай-ламѣ мандалъ, статую Будды, книгу и субурганъ, которые какъ-бы берутся на прокатъ за вышеназванную сумму. Если же поклонникъ желаетъ поднести далай-ламѣ чай (по-тибетски сѵй-чжя) и пищу (рисъ—ши-брѣй), то долженъ внести еще три лана (4 рубля). Тогда его сажаютъ у подножія трона и даютъ отвѣдать чаю и варенаго риса. Выше этой суммы подношенія могутъ быть различныя, въ зависимости отъ усмотрѣнія самого поклонника, но наивысшимъ под-

ношеніемъ считается, такъ называемый, „цог-буль“, т. е. поднесеніе собранію духовенства во время лхаскаго мѳнлама. Это подношеніе требуетъ не менѣе 20—25 тысячъ рублей на наши деньги, которыя раздаются всѣмъ духовнымъ (20.000 чел.) и также подносятся самому далай-ламѣ вмѣстѣ съ приближенными, какъ духовными, такъ и свѣтскими. Такъ какъ такія громадныя деньги способенъ подносить не всякій, то „цог-буль“ бываетъ сравнительно рѣдко. Въ годъ нашего пребыванія въ Лхасѣ его не было.

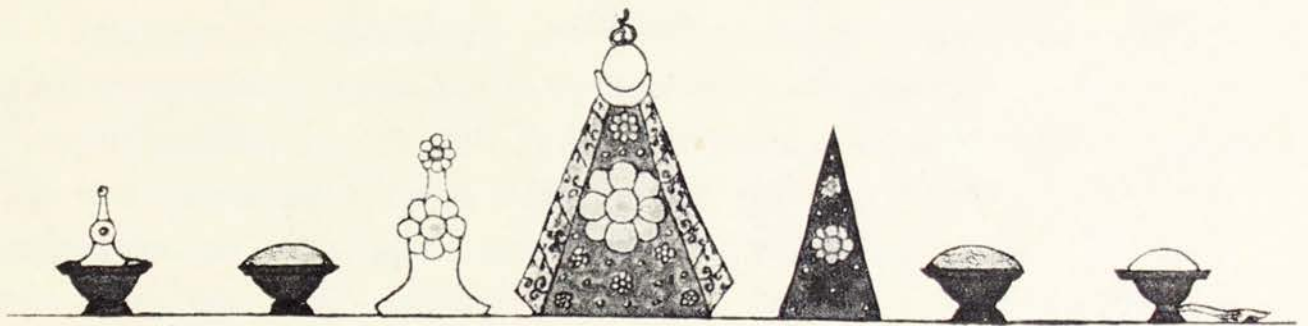
Внѣшними знаками далай-ламскаго достоинства, помимо золотой печати, жалуемой императоромъ, служатъ еще при шествіяхъ: 1) желтыя носилки—чжюэ-цзы (слово китайское, по-тибетски чжядчжюгъ), 2) желтый зонть (по-тибетски ву-дугъ—зонть надъ головой) и 3) опахало изъ перьевъ хвоста павлина (по-тибетски сил-ябма-бжяй до-дугъ). Эти знаки употребляются при парадныхъ шествіяхъ, а при второстепенныхъ, по крайней мѣрѣ, нынѣшній далай-лама больше любитъ ѣздить верхомъ только съ желтымъ зонтомъ, символизирующимъ солнечный кругъ (по-тибетски нимаи чжйл-хоръ).

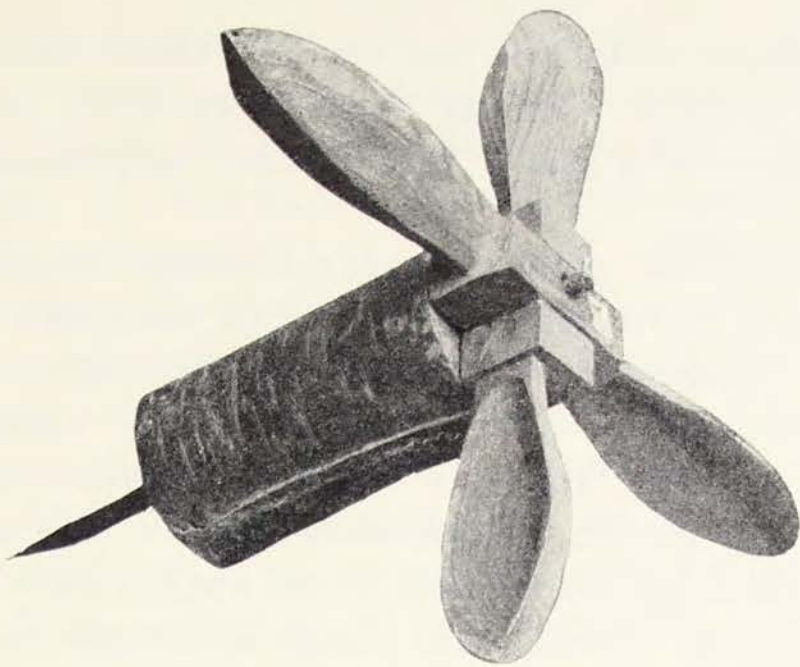
Печать далай-ламы.

ГЛАВА IX.

Эпизодъ изъ жизни правящаго нынѣ далай-ламы.

Банины, символическія жертвы изъ тѣста.

Хурдэ.

Считаемъ не лишнимъ дать нѣкоторыя подробности дѣла вышеупомянутаго дэмо-хутухты, котораго обвиняли въ покушеніи на жизнь нынѣшняго далай-ламы, причемъ предупреждаемъ читателя, что передаемъ лишь слышанное на мѣстѣ отъ людей, стоявшихъ далеко отъ правящихъ сферъ и потому незаслуживающихъ особаго довѣрія; но въ этихъ случаяхъ отражается народное возрѣніе на это дѣло, можетъ быть, возрѣніе, внушенное правительствомъ.

Во время малолѣтства нынѣшняго далай-ламы, регентомъ былъ гун-дэ-линскій дацагъ-хутухта, но по его смерти, около 15 лѣтъ тому назадъ, должность эту занялъ дэмо-хутухта, лама лѣтъ тридцати слишкомъ, происходившій изъ незнатной семьи.

Лишь только онъ былъ назначенъ регентомъ, особенно сильно обнаружилось вліяніе на него его брата Норбу-цэрина, человѣка крайне корыстолюбиваго и не брезговавшаго никакими средствами для удовлетворенія своихъ желаній. Норбу-цэринъ, благодаря назначенію брата регентомъ, добился значительнаго положенія — „лабранскаго распорядителя“ (лабран-чянцзадъ); благодаря этому сталъ очень близокъ къ государственной казнѣ, откуда онъ могъ извлекать не мало доходовъ. Затѣмъ онъ несправедливо обвинилъ въ чемъ-то одного тайчжи стариннаго княжескаго дома Доринъ и добился его ссылки на окраины, чѣмъ освободилъ для себя его жену, съ которой онъ сталъ явно

сожителствовать и имѣлъ уже отъ нея дѣтей. Продажность въ канцеляріи регента достигла высшей степени; для полученія всякой должности и званія устраивались форменные конкурсы деньгами.

Такіе поступки регента, находившагося всецѣло подъ вліяніемъ своего брата, не нравились ни высшимъ администраторамъ, ни духовенству, ни народу и всѣ они стремились избавиться какъ-нибудь отъ господства этихъ братьевъ. Противопоставить регенту, понятно, можно было только самого далай-ламу, когда онъ достигъ совершеннолѣтія. Къ тому же нынѣшній далай-лама оказался человѣкомъ очень предприимчивымъ и энергичнымъ, такъ что нужна была только небольшая поддержка отъ нѣкоторыхъ высшихъ правителей, чтобы онъ самъ началъ борьбу съ регентомъ и его клевретами, благо, не многочисленными. Сторону далай-ламы поддержали весьма вліятельный учитель его, вышеупомянутый пурбу-чжогскій перерожденецъ, тогдашній чжишаб-хамбо и старшій галонъ Шяда. Поводомъ къ обвиненію послужило то, что въ подошвѣ унтовъ, подаренныхъ дэмо-хутухтой далай-ламѣ, были вложены какія-то заклина-

Унты высшихъ духовныхъ лицъ.

нія, предназначенныя для сокращенія жизни далай-ламы. Раскрыть этотъ замыселъ помогъ брабунскій Найчунъ-чойчжонъ, указавъ, по секрету, далай-ламѣ грозящую его жизни опасность. Тогда началось слѣдствіе. Были посланы чиновники къ дэмо-хутухтѣ для допроса о совершенныхъ заклинаніяхъ. Они изъ почтенія къ хутухтѣ и, вѣроятно, не увѣренные еще въ исходѣ начинавшейся борьбы, робко спросили, не соизволитъ ли хутухта знать что-нибудь о совершенныхъ заклинаніяхъ. Тотъ отвѣтилъ отрицательно; допросчики возвратились къ далай-ламѣ и передали результаты допроса. Далай-лама не былъ доволенъ такимъ приѣмомъ допроса и велѣлъ имъ отправиться вмѣстѣ съ палачами и допросить съ примѣненіемъ пытокъ, какъ простаго преступника. Хутухта не захотѣлъ подвергаться пыткамъ и принялъ на себя всѣ обвиненія, въ которыхъ упоминалось и объ участіи въ нихъ Норбу-царина. Очередь дошла до послѣдняго, но никакія пытки и допросы не могли принудить его сознаться. Его стойкость въ утвержденіи своей невинности

создала теперь даже легенду, что, когда били его плетями, онъ не издалъ ни одного звука, хотя кровь текла изъ ранъ въ изобиліи. На-слѣдующій день, продолжаютъ рассказывать далѣе, не оказывалось на тѣлѣ ни одной раны и онъ снова подвергся пыткамъ. Но, несмотря на это, онъ былъ отрѣшенъ отъ должности и заключенъ въ особый арестный домъ, а дэмо-хутухта заключенъ въ особую комнату въ своемъ дворцѣ. Имущество того и другого было отобрано въ казну, но не малая часть его расхищена высшими чиновниками и прислужниками.

Лѣтомъ 1900 года происходило первое путешествіе далай-ламы по знаменитымъ монастырямъ южнаго Уя (Лхоха). Путешествіе это было роковымъ для его предшественника, такъ какъ во время его онъ былъ отравленъ. Такъ и на этотъ разъ думали, что еще могутъ найтись сторонники низверженнаго хутухты и далай-лама сдѣлается жертвой борьбы, но онъ благополучно совершилъ путешествіе, хотя въ монастырѣ Самъ-яй ему пришлось перенести натуральную осну, свирѣпствовавшую тогда во всемъ центральномъ Тибетѣ.

Неизвѣстно, далай-лама ли, убѣдившись, что народные вожди стоятъ на его сторонѣ, по совершеніи путешествія, велѣлъ тайно прикончить съ опальнымъ хутухтой, или самъ хутухта, убѣжденный, что у него нѣтъ никакой надежды на возвратъ свободы и власти, счелъ за лучшее покончить расчеты съ жизнью, но, какъ бы то ни было, осенью 1900 года, онъ оказался задушеннымъ въ своемъ заключеніи хадакомъ и былъ затѣмъ отданъ на съѣденіе птицамъ на погребальномъ камнѣ монастыря Ерба-лха. Норбу-цэринъ сидѣлъ въ заключеніи и во время нашего выѣзда изъ Тибета.

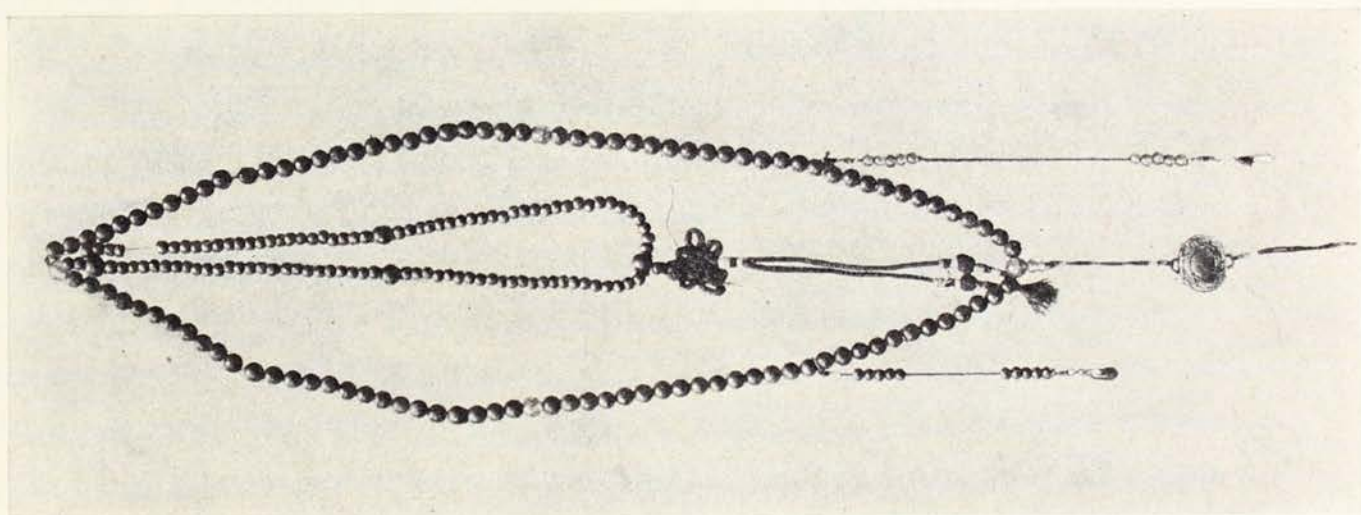
Гау.

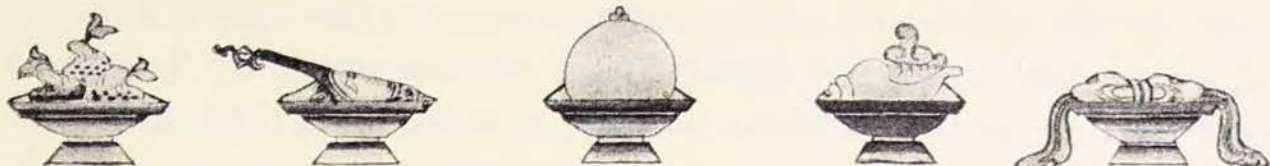
Дрибу.

ГЛАВА X.

Устройство и управление главнѣйшихъ монастырей
въ окрестностяхъ Лхасы.

Четки.

Въ окрестностяхъ Лхасы, какъ религіознаго центра, всегда было много монастырей. До появленія Цзонхавы недалеко отъ нея находились три большіе монастыря: Санпу, Чжөрмолунъ и Гадонъ, извѣстные подъ общимъ именемъ Сан-чжөр-гэ-сумъ, но съ побѣдой новаго ученія этого реформатора, его послѣдователи сосредоточились въ основанныхъ имъ трехъ большихъ монастыряхъ Галданъ, Брѣбунъ и Сэра, которые затмили своихъ предшественниковъ и извѣстны нынѣ подъ общимъ названіемъ Сэ-нбрѣ-гэ-сумъ.

Въ бытность мою въ Тибетѣ, я разновременно посѣтилъ эти три, да еще четвертый большой желтошапочный монастырь Дашій-лхунбо, принадлежащіе господствующему нынѣ ученію Цзонхавы, а также нѣсколько малыхъ монастырей, основаніе коихъ относится къ болѣе древнимъ временамъ. Сии послѣдніе съ появленіемъ новаго ученія или сами приняли его или, уступивъ первенство его послѣдователямъ, сдѣлались безъизвѣстными и малолюдными. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы будемъ говорить о бытѣ только трехъ вышеназванныхъ монастырей; при томъ, въ виду того, что каждый изъ нихъ имѣетъ свои болѣе или менѣе значительныя особенности, которыя нельзя безъ нѣкотораго риска подвести подъ одинъ итогъ, замѣтимъ, что всѣ подробности будутъ безусловно вѣрны лишь для самаго большого изъ упомянутыхъ монастырей Брѣбуна, жизнь котораго намъ ближе всего извѣстна.

Всякій, выдающійся своею ученостью и энергіей, лама, когда приобрѣтетъ себѣ почитателей и обезпечитъ средства существованія, если предвидитъ постоянный приливъ доходовъ, стремится основать отдѣльную общину. Причиной этого, преимущественно, служитъ желаніе распространять ученіе и способствовать его процвѣтанію, что въ возрѣвнн ламаитовъ связано съ увеличеніемъ числа монастырей и монаховъ. Оно и понятно.

такъ какъ собственно, по представленію буддистовъ, путь къ спасенію идетъ черезъ монашество: только тотъ, кто беретъ на себя болѣе трудныя обѣты монаха, можетъ окончательно вступить на „путь“. При этомъ, конечно, не малую роль играетъ

Монахъ.

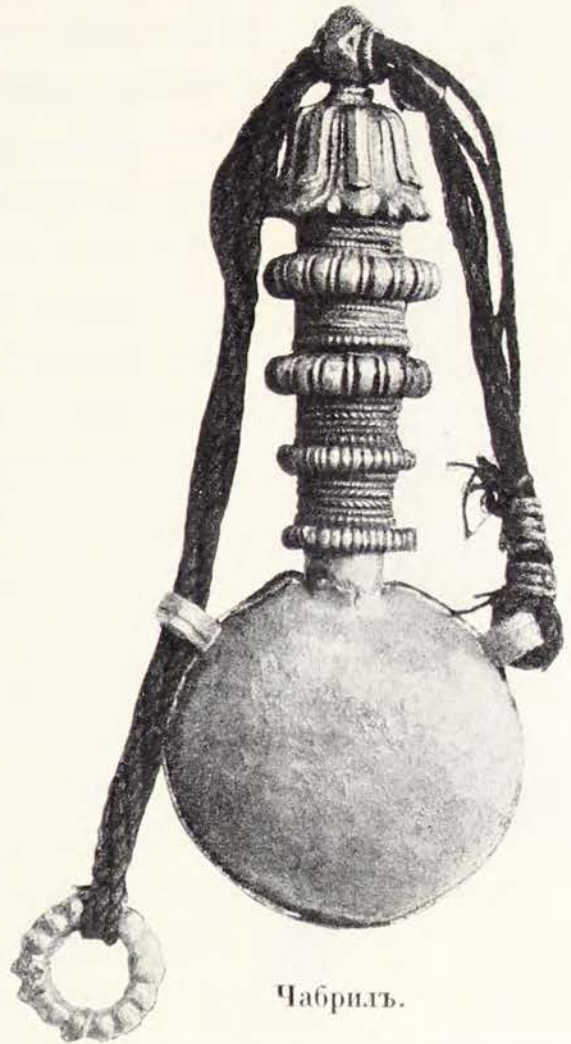
и честолюбіе — быть первымъ въ деревнѣ, а не вторымъ въ городѣ. Задумавъ основать собственный монастырь, монахъ прежде всего избираетъ для него подходящее мѣсто, согласно астрологическимъ указаніямъ и благопріятнымъ признакамъ, и, удаляясь на новое мѣсто, беретъ съ собою самыхъ преданныхъ изъ своихъ учениковъ.

Большинство монастырей центральнаго Тибета занимаютъ мѣста, негодныя для земледѣльческой культуры, такъ напримѣръ: Галданъ стоитъ на вершинѣ горы, Брѣбунъ высоко на склонѣ среди камней, Сѣра, хотя подъ горой, но на песчаной и каменистой почвѣ, Дашій-лхунбо тоже и т. п.

Намѣревающійся основать монастырь собираетъ пожертвованія и набожные люди оказываютъ ему помощь; наиболѣе обеспеченнымъ бываетъ успѣхъ предпріятія, конечно, тогда, когда является какой-нибудь сильный покровитель, въ родѣ мѣстнаго князя; тогда основатель строитъ себѣ и ученикамъ жилища, а затѣмъ особый домъ, гдѣ монахи собираются для совершенія богослуженій. Этотъ домъ, принадлежащій всей общинѣ, называется цокчэн-дуганъ. Слава основателя, дѣятельно поддерживаемая его учениками, притягиваетъ новыхъ почитателей, которые должны свидѣтельствовать свою набожность приношеніемъ пожертвованій на монастырь и его общину, почему и называются „бжійндагъ“ — т. е. милостынедателями (буквально: „хозяевами даяній“). Приношенія эти могутъ состоять изъ предметовъ культа, храмового инвентаря, припасовъ для духовныхъ, денежныхъ пожертвованій, земельныхъ участковъ и т. п. Такимъ образомъ возникаетъ монастырь и обеспечивается его существованіе.

Во главѣ монастыря первоначально стоитъ, конечно, его основатель и именуется его „престольнымъ“ (по-тибетски—тиба, по-монгольски—ширѣту), такъ какъ онъ занимаетъ главный престолъ у задней стѣны дугана, а остальное духовенство располагается у подножія его. Тибба является учителемъ всей общины и, какъ таковой, долженъ быть почитаемъ учениками, согласно ученію Цзонхавы, ничуть не ниже буддъ. Какъ хозяинъ монастыря, содержащій на свои средства монаховъ, онъ является полнымъ распорядителемъ монастырскихъ дѣлъ, но—съ одной стороны—занятый дѣлами, связанными съ священнымъ саномъ, — съ другой — съ увеличеніемъ монастырской общины, не имѣя просто времени для занятія всѣми дѣлами, онъ поручаетъ различныя части управленія другимъ лицамъ. Вслѣдствіе этого стала отдѣляться отъ тиббы власть административно-судебная и экономическая.

Со смертью основателя монастыря, община, конечно, не можетъ существовать безъ начальника и учителя. Поэтому нуженъ намѣстникъ, который бы своей ученостью и вліяніемъ на милостынедателей могъ бы продолжать начатое дѣло. Избранный глава монастыря назывался тибба (въ литературѣ ти-тогъ) или, болѣе скромно, „занимающимъ престолъ“, или каѳедру (ти-цзинъ) и первое время они были пожизненными. Избираемое намѣстничество, да при томъ пожизненное, естественно должно было сдѣлаться предметомъ разныхъ споровъ, истекающихъ какъ изъ соревнованія познаніями, такъ и изъ различныхъ наклонностей намѣстника и т. п. Выходъ изъ такихъ раздоровъ былъ найденъ сначала въ установленіи срока намѣстничества, а затѣмъ самымъ удобнымъ оказалось установить наследственность власти. Наслѣдственность эта могла выражаться у послѣдователей Цзонхавы, которые, какъ извѣстно,

Чабрилъ.

безбрачны, только отыскиваніемъ перерожденцевъ выдающихся лицъ. Въ этомъ случаѣ выгоды были слѣдующія: во 1-хъ, обаяніе святости, производимое на монаховъ и милостынедателей, во 2-хъ, отсутствіе споровъ объ относительной учености того или другого кандидата и, въ 3-хъ, все богатство, накопленное пред-

Мѣшокъ для хадаковъ.

шественникомъ, оставалось въ распоряженіи его перерожденца. Первый опытъ возведенія на кафедру перерожденца былъ сдѣланъ съ вышеупомянутымъ третьимъ далай-ламой, Соднам-Чжямцо. Успѣхъ нововведенія сказался сразу и слава о перерожденцѣ Брѣбунскаго настоятеля дошла до Монголіи. Послѣдующія политическія событія сдѣлали далай-ламу главой всего Тибета. Въ настоящее время далай-лама является настоятелемъ монастырей Сэра и Брѣбуна, а въ монастырѣ Галданъ, изъ уваженія къ памяти великаго основателя желтошапочнаго ученія, сохранена должность отдѣльнаго Галданскаго настоятеля.

Вся монастырская община составляетъ такъ называемое «большое собраніе» (цокчэнъ); затѣмъ она дѣлится на дацаны (факультеты), камцаны (землячества) и мицаны (болѣе мелкое, какъ бы родовое, подраздѣленіе камцановъ). Духовная власть остается у намѣстника-основателя или настоятеля всего монастыря. Для административно-судебнаго управленія назначаются настоятелемъ (въ Сэра и Брѣбунѣ далай-ламой) два гѣбкоя, коихъ живая рѣчь называется чаще «цокчэн-шамо». Оба они равноправны, но одинъ изъ нихъ, именуемый старшимъ, долженъ имѣть обѣты «гэлона», а другой, напротивъ, не долженъ имѣть этихъ обѣтовъ, такъ какъ ему случается постановлять наказанія до смертной казни включительно, недозволяемыя гэлонамъ. Должность эта годовая и смѣна «шамо» въ разныхъ монастыряхъ происходитъ въ различное время. Вслѣдствіе повсемѣстнаго взяточничества и узаконеній о наложеніи денежнаго штрафа и конфискаціи имущества—должности эти являются

весьма доходными, такъ какъ все идетъ въ пользу самихъ шамо. Особенно выгодными являются должности брабунскихъ шамо потому, что они, помимо того, что управляютъ самымъ многочисленнымъ монастыремъ, завѣдуютъ административно-судебною частью, такъ называемыхъ, двухъ „Лхасà мѳнламъ“ (лхасскихъ мѳнламовъ): „большого“, происходящаго съ 3-го по 23-ье число первой луны и „малаго“ или цокчѳдъ мѳнлама, происходящаго съ 20-го по 30-ое число второй луны въ Лхасѳ. На большой мѳнламъ, читаемый за благополучіе китайскаго императора, какъ сказано раньше, должны собираться всѳ монахи изъ Сэ-нбрä-гэ-сума и окрестныхъ небольшихъ монастырей. Онъ происходитъ какъ разъ въ то время, когда присутственныя мѳста Китая, по случаю новогоднихъ каникулъ, бываютъ закрыты, вслѣдствіе чего два шамо дѣлаются полными распорядителями Лхасы. Они собираютъ за это время налоги съ торговцевъ и хозяевъ лошадей, устраиваютъ судъ надъ всѣми, ревизуютъ черезъ своихъ агентовъ чистоту улицъ, налагаютъ штрафы, конфискуютъ имущество и т. п. Въ это время всѳ жители города находятся въ какомъ-то неопредѣленномъ страхѣ, ежеминутно опасаясь нарушить дисциплину или сдѣлаться объектами клеветы недоброжелателей, чѣмъ не преминутъ воспользоваться шамо, видящіе во всякомъ правомъ и неправомъ дѣлѣ только лишнюю статью дохода. Чрезвычайная доходность служить, конечно, причиной того, что на эти должности является много претендентовъ изъ лицъ, имѣющихъ право занять ихъ, а имѣютъ на это право всѳ бывшіе гѣбкои и нерцанъ-дѣба (казначей) всѣхъ дацановъ. До самаго послѣдняго времени должности эти покупались сравнительно дорого: такъ во время регентства дэмо-хутухты цѣна на каждую доходила до 4000 лановъ тибетскихъ монетъ или болѣе 5000 руб. на наши деньги. Съ принятіемъ же верховнаго управленія страной нынѣшнимъ далай-ламой беззастѣнчивая продажа прекратилась, хотя выставленіе своей кандидатуры не обходится безъ значительныхъ расходовъ. Должности эти въ другихъ монастыряхъ не столь доходны, но все же обеспечиваютъ безбѣдное

Мѳшокъ для
чашки.

существованіе до конца жизни тѣмъ, кто умѣло прослужилъ въ нихъ.

Завѣдываніе обще-монастырскимъ имуществомъ лежитъ на обязанности цокчэн-дэбы, который назначается также настоятелемъ (въ данномъ случаѣ далай-ламой) съ шестилѣтней властью. Про должность эту должно сказать, что она скорѣе должна быть названа откупною. Дѣло въ томъ, что казначею-дэба сдаютъ всѣ доходныя статьи монастыря вмѣстѣ съ деньгами и онъ,—эксплуатируя ихъ по своему усмотрѣнію, долженъ ежегодно выполнять всѣ условія раздачи монахамъ денегъ, муки, провизіи и ежедневнаго чая. Затѣмъ, по истеченіи шести лѣтъ, онъ обязанъ сдать монастырское имущество въ первоначальномъ составѣ. Должность эта является весьма доходной, почему

Шляпа духовныхъ чиновъ изъ администраціи (сбоку).

позволяетъ откупщику не только выполнять условія, но и сдѣлать по выслугѣ срока какое-нибудь цѣнное пожертвованіе.

Все духовенство монастыря дѣлится по дацанамъ или факультетамъ. Каждый дацанъ имѣетъ своего настоятеля, именуемаго хамбо (наставникъ — учитель), который назначается далай-

ламой на шесть лѣтъ, при чемъ можетъ быть оставленъ въ должности и на слѣдующія шестилѣтія. Онъ выбирается по возможности изъ самыхъ ученыхъ ламъ, хотя, по укоренившимся обычаямъ, ученость безъ денегъ должна уступать мѣсто посредственности съ деньгами и связями. Хамбо, уже по своему усмотрѣнію, назначаетъ одного дацанскаго гэскоя, который является для дацана тѣмъ-же, чѣмъ шамо для цокчэна. Имуществомъ дацана завѣдуютъ два казначея, именуемыхъ нерцанъ-дэба.

Всякій монахъ долженъ причислиться къ какой-нибудь земляческой общинѣ, именуемой камцанъ. Большіе камцаны имѣютъ еще подраздѣленія на мицаны—еще болѣе тѣсныя родовыя общины. Причислиться къ тому или другому дацану, камцану и мицану для уйскихъ тибетцевъ безразлично, но монахи другихъ провинцій должны причисляться къ своимъ земляческимъ общинамъ. Напримѣръ, относительно монголовъ существуютъ слѣдующія, строго соблюдаемая правила: Халхасцы, въ томъ

числѣ и наши забайкальскіе буряты и южные монголы, должны причисляться къ монастырямъ Сэра и Брѣбуну, сообразно съ установившимся прежде обычаемъ причисленія своихъ однохошунцевъ. Исключеніе дѣлается лишь для подданныхъ (шабинарь) ургинскаго хутухты, которые могутъ избрать монастырь по своему усмотрѣнію. Точно также Галданъ, изъ чувства уваженія къ основателю его, оставленъ доступнымъ для всякаго. Поступивъ въ тотъ или другой монастырь, монголы должны непременно причислиться въ Брѣбунѣ къ Гоманскому дацану, въ Сэра—къ дацану Чжеба и въ Галданѣ—къ Чжянцзэ. Затѣмъ, въ этихъ дацанахъ халхасцы должны причислиться къ камцану—Самлю, а остальные монголы—къ Хамдонъ. Въ сихъ послѣднихъ халхасцы составляютъ отдѣльный мицанъ—халхаскій, а остальные монголы составляютъ три мицана: торгоуты—торгоутскій, остальные öлоты—цохаскій, а южные монголы—чжурчедъ, т. е. манджурскій.

Общее наблюдение за дѣятельностью администраціи, а также рѣшеніе важныхъ дѣлъ въ каждой общинѣ, отъ общемонастырской до мицановъ включительно, находятся въ рукахъ соотвѣствующихъ совѣтовъ. Такъ, общемонастырскій совѣтъ, называемый „ла-чжи“, состоитъ изъ всѣхъ хамбо, цокчен-

скаго дэбы (въ Брѣбунѣ), правителя брѣбунскаго дворца Галданъ—побранъ, старшинъ (камцангэрганъ) камцановъ Самлю и Хамдонъ и др. Засѣданія происходятъ подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго по времени службы хамбо. Должно замѣтить, что отставные хамбо (хамбо сурба) участвуютъ въ засѣданіяхъ на равныхъ правахъ съ настоящими, сядясь даже выше ихъ.

Засѣданія старшинъ дацана происходятъ подъ предсѣдательствомъ хамбо или правителя его дворца, именуемаго лабран-чянцзадъ, а засѣданіе совѣта камцановъ и мицановъ—подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ членовъ.

Относительно матеріальной обезпеченности общинъ должно сказать, что въ этомъ отношеніи между ними существуетъ

Шляпа духовныхъ чиновъ (сверху).

полное неравенство. Въ силу сложившихся историческихъ обстоятельствъ однѣ общины владѣютъ значительными земельными участками, гуртами скота и денежными капиталами, приносящими доходы, тогда какъ другія ничего подобнаго не имѣютъ и существуютъ почти номинально.

Общественная жизнь монастыря начинается утромъ послѣ полного разсвѣта призывомъ на общую молитву въ цокчэнскомъ дуганѣ. Призывъ этотъ производится съ крыши дугана въ Галданѣ ударами въ большой барабанъ, въ Брѣбунѣ — протяжнымъ крикомъ мальчика „пѣбъ“ (пожалуйте!) и въ Сэра — такимъ же крикомъ взрослога. Впрочемъ, еще раньше этого, одинъ изъ ламъ читаетъ на крышѣ трижды молитву къ Цзонхавѣ, известную подъ названіемъ — миг-цзэ-ма — (верхъ стремленія). Собравшіяся ламы, въ ожиданіи открытія дверей, также громко читаютъ эту молитву. Двери же открываютъ съ прибытіемъ двухъ шамо и цокчэнскаго умцзада (соборнаго канонарха), который ведетъ весь порядокъ службы и начинаетъ чтеніе каждой молитвы.

На эту утреннюю молитву обыкновенно собирается очень мало монаховъ; идутъ туда преимущественно только бѣдные, коихъ привлекаетъ чай, ежедневно даваемый во время этой молитвы.

Ежегодно въ цокчэнѣ происходятъ собранія для чтенія покаянныхъ молитвъ въ теченіе 45 дней съ 16-го числа послѣдняго лѣтняго мѣсяца. Собранія эти называются „ярнай“ или „хайленъ“ (санскр. пратимокша) и въ нихъ могутъ участвовать только имѣющіе обѣты гэлѡна и гэцула. Въ виду строгихъ требованій этихъ собраній, отъ нихъ уклоняются очень многіе, хотя участіе обѣщаетъ прощеніе почти всѣхъ грѣховъ. Такъ, на примѣръ, въ 1901 году въ ярнаѣ брѣбунскаго цокчэна участвовало около 500 монаховъ, т. е. $\frac{1}{16}$ или $\frac{1}{17}$ часть всего духовенства.

Кромѣ этихъ обычныхъ собраній бываютъ еще экстренныя, происходящія по особому заказу благочестивыхъ людей. Такія собранія обыкновенно происходятъ тотчасъ за первымъ обычнымъ утреннимъ собраніемъ.

Послѣ ежедневнаго утренняго собранія цокчэнскіе шамо выходятъ на крыльцо дугана и производятъ судъ и расправу надъ всѣми провинившимися противъ монастырской дисциплины. Допросы производятся съ пытками посредствомъ розогъ и привязыванія къ столбу въ карцерѣ. Признанные виновными наказываются, смотря по степени проступковъ, розгами, денежными

штрафами, удаленіемъ изъ монастыря или изгнаніемъ. При послѣднихъ двухъ наказаніяхъ имущество, чаще всего, конфискуется, равно какъ конфискуется оно при приговорѣ къ смертной казни; но должно замѣтить, что къ смертной казни официально не приговариваютъ, а казнятъ ударами розогъ (потолице) какъ бы во время допросовъ или во время приведенія въ исполненіе приговора къ извѣстному количеству ударовъ.

Остальную часть дня монахи должны посвящать занятіямъ по избраннымъ ими факультетамъ или дацанамъ. Ученіе въ нихъ происходитъ въ общемъ въ теченіе $1/2$ года, по $1\frac{1}{2}$ мѣсяца въ каждомъ времени года. Учебное время называется „чойтогъ“, а перерывы — „чойнцамъ“. На богословскихъ факультетахъ, кои составляютъ большинство въ Сэ-нбрä-гэ-сумѣ, занятія бываютъ въ учебное время ежедневно по четыре раза: 1) утромъ, послѣ цокчэнскаго собранія — шöга-чойра, затѣмъ съ небольшими промежутками идутъ 2) дачжа (факультетскій чай), 3) гунцигъ-чойра (полуденное ученіе) и 4) гуримъ-чойра. Всѣ эти собранія происходятъ въ особомъ дворѣ, обсаженномъ деревьями, за исключеніемъ лишь дачжа, происходящаго въ дуганѣ своего дацана, гдѣ монахамъ подается ежедневно чай. Во время этого же дачжа происходитъ угощеніе обѣдомъ, если появится милостынедатель, добровольный или обязательный. Въ неучебное время монахи четырехъ младшихъ курсовъ должны вечеромъ выходить на дворъ и читать вслухъ заучиваемые тексты.

Богословіе называется по тибетски цан-нидъ, что въ переводѣ значитъ „истинное свойство“.

Изучающій цан-нидъ монахъ долженъ избрать себѣ частнымъ образомъ учителя (по-тибетски чой-гэрганъ), который на дому объясняетъ изучаемый отдѣлъ. На собраніяхъ же большая часть времени посвящается чтенію установленныхъ молитвъ, послѣ коихъ происходятъ практическіе диспуты. Способъ изучать богословіе посредствомъ диспутовъ перешелъ въ Тибетъ изъ Индіи, но до времени Цзонхавы диспуты практиковались только для полученія ученыхъ степеней или разрѣшенія споровъ между людьми съ разными взглядами. Послѣдователи Цзонхавы примѣнили эти диспуты для практики изученія богословія въ дацанахъ. Во всѣхъ дацанахъ въ основу изученія высшей догматики кладутся пять книгъ, называемыхъ цзаба-а и являющихся переводами съ санскритскаго. Онѣ суть:

1) Нам-дэ-ль (скр. Прамана вартика) учение о логикѣ, 2) Парчинъ (скр. Парамита) нравственная философія. 3) Умà— (скр. Мадьямика) діалектическая система Нагарджуны, 4) Дзодъ (скр. Абидарма) метафизика и 5) Дулба (скр. Виная) правила монашеской жизни.

Эти „пять основаній“ даютъ, въ большинствѣ случаевъ, въ стихотворной формѣ для облегченія заучиванія наизусть, всѣ главныя положенія буддійскаго ученія. Вслѣдствіе того, что по своей краткости эти „цзаба“ недоступны для пониманія учащихъ, не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя положенія могутъ быть толкуемы различно, ученѣйшіе ламы философы дѣлали болѣе или менѣе обширныя толкованія на всѣ цзаба или на часть ихъ. Такія толкованія называются „иг-ча“. Самымъ послѣднимъ и самымъ популярнымъ толкователемъ всѣхъ цзаба является, не разъ упомянутый выше, первый перерожденецъ лабранскаго Чжамьян-шадбы, Агван-цзондуй.

Всѣ семь цаннидскихъ дацановъ Сэ-нбрä-гэ-сума изучаютъ догматику по различнымъ иг-ча, хотя авторомъ иг-ча брăбунскаго Лосаллина и галданскаго Шярцзэ является одно лицо, Соднам-дагна, но, какъ говорятъ, при составленіи иг-ча для Шярцзэ Соднам-дагна отрекся отъ многихъ прежнихъ своихъ взглядовъ, вслѣдствіе того, что послѣ составленія толкованій для Лосаллина, гдѣ онъ рѣзко высказывался противъ мнѣній своего учителя Сэраскаго Чжэ-бцзун-бы, у него заболѣли глаза и тайновѣды объяснили причину болѣзни этою его рѣзкостью противъ учителя.

Все факультетское учение дѣлится на 13 годовыхъ курсовъ (дзиньда), каждый съ особымъ названіемъ. Вотъ они: Для *нам-дэ-ла*: 1) хадагъ, 2) чжюнбрай, 3) шидувъ и 4) юлчжань. Для *парчина*: 5) дон-дун-чжу, 6) чунсаръ-огъ, 7) чунсаръ-гонъ, 8) габданбо и 9) парчинъ или парчинъ-донмо, что значитъ въ переводѣ парчинское празднество, такъ какъ окончившіе этотъ курсъ устраиваютъ общіе обѣды, обыкновенно весною въ полѣ вѣвъ монастыря. Это празднество сопровождается чтеніемъ молитвъ и диспутами. Для *умы*: 10) умà-сарба и 11) умà-нѣнба. Для *дзоды*: 12) дзодъ-сарба и 13) дзодъ-нѣнба. Дулбу или Винаю могутъ изучать лишь имѣющіе обѣты гэцула и гэлöна, при чемъ первые изучаютъ лишь часть, относящуюся къ ихъ обѣту.

Послѣ окончанія этихъ 13 курсовъ, монахъ причисляется къ такъ называемымъ „гарамба“ (т. е. окончившимъ курсъ ученія), но если онъ желаетъ получить ученую степень, то не долженъ оставлять свои посѣщенія учебныхъ занятій, а долженъ повторять пройденное и участвовать въ диспутахъ съ младшими.

Ученыхъ степеней въ цаннидскихъ дацанахъ 5, онѣ суть слѣдующія:

1) Самая младшая степень, которую собственно даже нельзя назвать ученою, называется *рабчжямба* (весьма милосердный) и можетъ быть получена всякимъ желающимъ по достиженіи въ Гоманѣ седьмого курса, а въ другихъ дацанахъ еще раньше. За эту степень платится отъ двухъ тибетскихъ монетъ (40 к.) до 5 лановъ (около 7 руб.) и для полученія ея положительно не требуется никакихъ ученыхъ знаній.

Спеціально же учеными степенями являются: 2) *Доралмба*, 3) *Габчжу*, 4) *Цогралмба* и 5) *Лхаралмба*. Первая изъ этихъ степеней также не имѣетъ большого значенія, такъ какъ въ Галданѣ, на примѣръ, дается всякому, готовящемуся къ высшимъ степенямъ, а въ Брѣбунѣ покупается у цокчэнскаго шунлайвы (завѣдывающей учебною частью). Три послѣднія раздаются по усмотрѣнію хамбы каждаго дацана самымъ лучшимъ изъ занимающихся монаховъ по числу проведенныхъ въ ученіи годовъ. Степени эти достигаются, смотря по числу монаховъ дацана и по другимъ причинамъ, черезъ различное число лѣтъ, но въ среднемъ не ранѣе 10 лѣтъ по окончаніи курса или, какъ обыкновенно выражаются, послѣ присоединенія къ гарамбамъ, т. е. поступивъ въ число гарамбъ.

Впрочемъ, степени габчжу и лхаралмба могутъ быть покупаемы во всякое время по окончаніи девяти курсовъ. При этомъ первая ученая степень покупается у хамбы дацана и называется въ такомъ случаѣ *линсрѣй-габчжу*, а послѣдняя у далай-ламы или его регента и называется *парма-лхаралмба* и это пріурочивается къ какому-нибудь радостному событію въ жизни далай-ламы, какъ на прим. опредѣленіе его, принятіе имъ обѣтовъ гэлѳна и т. п. Степень эта въ прежнее время, какъ говорятъ, давалась выдающимся ученымъ, а теперь низведена до простой аукціонной продажи и продѣлокъ кумовства.

Получившій, такъ или иначе, одну изъ перечисленныхъ четырехъ ученыхъ степеней долженъ прежде всего угостить

духовныхъ своего дацана обѣдомъ и чаемъ, затѣмъ, за исключеніемъ дорамба, участвовать въ диспутахъ своего дацана (дацанъ - дамчжа), гдѣ желающіе предлагаютъ ему вопросы. Кромѣ того, цограмба и лхарамба держатъ отвѣты на диспутахъ передъ храмомъ большого Чжу во время двухъ лхасскихъ мѣсяцевъ, цограмба — „малаго“ и лхарамба — „большого“. Дорамба держатъ отвѣты на каменной площади („до-бчжѣл“) передъ цокчэнскимъ дуганомъ. Первая часть слова даетъ въ данномъ случаѣ названіе этой степени (до-камень). Предложеніе вопросовъ получающимъ ученія степени въ прежнее время было, понятно, какъ бы экзаменомъ, но въ настоящее время имѣетъ значеніе лишь для народной молвы. Ни одна изъ этихъ ученыхъ степеней не удостоверяется какими-либо официальными документами, и преимущества, даваемые ими, очень невелики, но все же — освобожденіе отъ ежедневнаго посѣщенія учебнаго двора и занятіе первыхъ мѣстъ въ дуганахъ, а равно и право, при стеченіи другихъ благопріятствующихъ обстоятельствъ, занимать высшія должности.

Все монахи, числящіеся въ спискахъ монастырей, должны носить одежду установленной формы. У простыхъ монаховъ она состоитъ изъ слѣдующаго:

1) Унтовъ (саноговъ, по-тибетски лхамгой или лхам-го), нижняя часть коихъ дѣлается изъ цѣльной некрашенной сыромятной кожи, а голенища изъ мѣстнаго краснаго сукна. Они подвязываются красной или желтой шерстяной лентой мѣстнаго же производства;

2) Нижней юбки (мад-югъ) изъ краснаго сукна низшаго сорта;

3) Жилета (додъ-гой), надѣваемого непосредственно на тѣло. Онъ состоитъ изъ трехъ частей: длиннаго широкаго воротника, доходящаго до пояса, самого жилета и широкой обшивки вокругъ верхнихъ краевъ прорѣза для руки. Запахивается онъ на правую сторону и подпоясывается кушакомъ;

4) Верхней юбки — (шямтабъ), сшитой изъ вертикальныхъ полосъ матеріи, называемой тэрма. Она дѣлается очень широкой и совершенно прямой, поэтому при надѣваніи верхній край загибается въ складки на бедрахъ и подпоясывается кушакомъ, прикрываемымъ верхними отгибами.

5) Покрывала (сэнь), сшитаго также изъ вертикальныхъ полосъ мѣстнаго или иностраннаго сукна и имѣющаго въ ширину около одного или полутора аршина. Одинъ конецъ его надѣвается на лѣвое плечо, а затѣмъ оно проходитъ спереди подъ правую руку и, будучи закинута черезъ лѣвое плечо сзади, загибается назадъ, причемъ другой конецъ опускается на правое плечо и руку.

Кромѣ этихъ одеждъ, надѣваемыхъ въ обыденное время, монахъ, отправляясь на богослуженія и учебныя занятія, обязанъ: 1) накинуть на себя длинный, широкій плащъ краснаго цвѣта (у хамбо—желтаго), называемый „дагамъ“ и напоминающій мантию; 2) взять въ руки или положить на плечо желтую шапку шасэръ и 3) взять въ руки четки (танба или прэнба). Имѣющіе же высшіе духовные обѣты (гэцула и гэлѳна) привѣшиваютъ къ поясу особый приборъ, называемый чабриль (см. стр. 283) и представляющій маленькую мѣдную фляжку съ таковымъ же длиннымъ горлышкомъ и пробкой. Фляжка вшивается по срединѣ одной стороны двухъ квадратовъ (около 5 вершковъ) краснаго сукна. Предназначена она для ношенія воды, которою монахъ послѣ ѣды ополаскиваетъ ротъ. Затѣмъ они не должны разстаться съ, такъ называемой, чой-гой (учебная одежда). Эта одежда состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ предметовъ: лагой, намчжаръ и динва, приготовляемыхъ изъ большихъ кусковъ болѣе или менѣе дорогихъ матерій. Вслѣдствіе сложности своей чой-гой для простыхъ монаховъ замѣняется тремя квадратными клочками матерій краснаго и желтаго цвѣтовъ, свернутыхъ въ узелокъ и носимыхъ на поясѣ или за пазухой.

Въ частной жизни монахи живутъ въ наемныхъ квартирахъ домовъ, принадлежащихъ, въ большинствѣ случаевъ, или дацану, или камцану, или мицану. Квартирная плата, вообще, очень низка и съ нея дѣлаются еще скидки для членовъ своей общины. Такъ, напримѣръ, маленькая квартира въ двѣ комнаты во второмъ этажѣ стоитъ 4 тибетскихъ монеты (80 коп.) въ годъ, а большая въ 3 комнаты съ соотвѣтствующей отдѣлкой и удобствами 40 монетъ (8 руб.) въ годъ. Внутренняя обстановка квартиры монаха всецѣло зависитъ отъ матеріальнаго достатка и характера хозяина. Что же касается матеріальнаго обезпеченія жизни монаховъ, то должно сказать, что обычныя раздачи изъ казны далай-ламы, монастырскихъ казначействъ и

приношеній частныхъ милостынедателей, доходящія, въ среднемъ, до 15 лановъ (20 рублей), недостаточны для прожитія самаго невзыскательнаго монаха. Поэтому бѣдные монахи бываютъ принуждены искать заработковъ посредствомъ ремеслъ и предложенія своихъ услугъ болѣе богатымъ. Самой черной работой считается разноска воды на своей спинѣ къ болѣе богатымъ людямъ. Многие изъ мѣстныхъ монаховъ проживаютъ внѣ монастыря у своихъ родныхъ, помогая по хозяйству и являются въ монастырь лишь въ тѣ дни, когда бываетъ раздача денегъ, хлѣба и т. п. Многочисленность монаховъ въ монастыряхъ создаетъ, конечно, ежедневный спросъ на предметы первой необходимости. Для удовлетворенія его у монастырскихъ оградъ происходитъ рынокъ, который обыкновенно кончается раньше полудня, чтобы не отвлекать монаховъ отъ учебныхъ занятій.

Относительно же успѣшности занятій монаховъ справедливость требуетъ сказать, что процентъ занимающихся (лобнерба) очень малъ; причемъ къ занимающимся принадлежатъ преимущественно уроженцы Кама, Чжялрона, Чжонэ, Амдо и монголы. Мѣстные-же монахи, если зажиточны, стараются добиться какихъ-нибудь доходныхъ должностей и занимаются торговлей; если бѣдны, ищутъ всячески средствъ пропитанія. Этого нельзя сказать про мѣстныхъ перерожденцевъ, которыхъ, вообще, очень много. Вслѣдствіе такого ихъ обилія, перерожденцемъ считается и пользуется соотвѣтствующими преимуществами только тотъ, кто сдѣлалъ раздачу денегъ монахамъ. Сдѣлавшій такую раздачу лама (ламами принято называть лишь перерожденцевъ и высшее духовенство), получаетъ наименованіе „чоймцзадъ“ (устроитель священнаго ученія) и соотвѣтственно тому, какой общинѣ сдѣлалъ такую раздачу, именуется чоймцзадомъ цокчэнскимъ или дацанскимъ, или камцанскимъ, или мицанскимъ. Сообразно съ этимъ, „чоймцзадъ“ пользуется привилегіями лишь той общины, гдѣ онъ сдѣлалъ раздачу, причемъ чоймцзадство въ высшихъ общинахъ требуетъ непременно чоймцзадства въ низшихъ.

Среди неуспѣвающихъ монаховъ есть особый разрядъ такъ называемыхъ „дѣбдага“, о коихъ упомянуто въ главѣ VI. Слово дѣбдага значитъ силачъ. Это — молодые, простые монахи, часто незнающіе грамоты, бѣдные по происхожденію и добывающіе своимъ трудомъ средства существованія, но отъ природы крѣпко

сложенные и сильные. Они образуютъ особые кружки въ монастыряхъ и въ назначенные дни уходятъ куда-нибудь подалеже отъ монастыря и тамъ производятъ состязанія въ борьбѣ, метаніи каменныхъ плитъ, кулачномъ бою и т. п. Они же идутъ охотно раздавать чай и кашу духовенству во время угощеній. Эти силачи часто служили, въ особенности въ прежнее время, исполнителями при какомъ-нибудь рискованномъ дѣлѣ, напримѣръ, при отнятій отъ стражи какого-нибудь ссылаемаго знатнаго человѣка и т. п.

Иногда происходятъ состязанія между силачами разныхъ монастырей, напримѣръ Сэра и Брѣбуна.

Когда монахъ умираетъ, то трупъ его выносится изъ монастыря особыми могильщиками изъ свѣтскихъ людей на определенное мѣсто (дуртодъ), гдѣ разрѣзается на части и мясо отдается свѣжымъ грифамъ, а раздробленные кости ягнятникамъ. Сигналомъ приглашенія птицъ служить дымъ отъ сжигаемыхъ воскурений. Жадныя птицы, завидя его на знакомомъ мѣстѣ, быстро слетаются съ сосѣднихъ горъ и устраиваютъ пиръ, соперничая другъ съ другомъ.

Дацаны Чжюдъ.

Кромѣ дацановъ богословскихъ, существуетъ еще два своеобразныхъ дацана, которые какъ бы принадлежатъ всѣмъ тремъ монастырямъ и странствуютъ съ мѣста на мѣсто, хотя одинъ изъ нихъ (Мадъ) былъ основанъ въ Галданѣ. Специальность этихъ дацановъ—изученіе тантръ (по-тибетски чжюдъ). Одинъ изъ нихъ, первый по времени основанія, называется Чжюд-мадъ, т. е. нижній или основной Чжюдъ, а другой Чжюд-додъ, т. е. верхній Чжюдъ (верхній—добавочный, второй).

Основателемъ перваго дацана считается Шейраб-сэнгэ, одинъ изъ учениковъ Цзонхавы, родомъ изъ Цзана. Онъ былъ посвященъ въ духовное званіе въ цзанскомъ монастырѣ Нартанъ, гдѣ и учился въ молодости. Затѣмъ прибылъ въ Уй и здѣсь онъ учился у самого Цзонхавы и его старшихъ учениковъ. Въ 1419 году Цзонхава, во время своего пребыванія въ Сэра-чойдинъ, какъ передаетъ его біографъ, взялъ въ руки книгу толкованія „Сандуя“ (собраніе тайнаго) и спросилъ: „кто можетъ покровительствовать „тарни“, сдѣлавшись хозяиномъ

этой книги? При двоекратномъ повтореніи этого вопроса, никто изъ учениковъ его не отозвался, послѣ третьяго повторенія изъ среды ихъ всталъ Шейраб-сэнгэ и изъявилъ свое желаніе. Тогда Цзонхава очень обрадовался и далъ наставленія, какъ поступать, а также передалъ ему нѣкоторые предметы поклоненія. Послѣ сего въ 1426 г. Шейраб-сэнгэ отправился въ Цзанъ вмѣстѣ съ Гэндунь-дубомъ, и они своими проповѣдями собрали вокругъ себя многочисленныхъ послѣдователей, для коихъ впослѣдствіи былъ основанъ монастырь Дашій-лхунбо, описаніе котораго читатель найдетъ ниже. Затѣмъ Шейраб-сэнгэ отправился странствовать по другимъ мѣстамъ; всюду проповѣдывалъ желтошапочное ученіе и собиралъ послѣдователей, для которыхъ основывалъ монастыри. Въ числѣ такихъ монастырей былъ основанъ на юго-востокѣ отъ нынѣшняго Дашій-лхунбо монастырь Срад-чжюдь. Возвратившись изъ Цзана въ Уй, Шейраб-сэнгэ сталъ проповѣдывать тантры въ Галданѣ и для собравшейся у него общины учениковъ основалъ въ 1433 году, а по другимъ свѣдѣніямъ, въ періодъ между 1439 и 1445 гг., особый дацанъ Чжюд-мэдъ, гдѣ помѣстилъ, какъ объекты почитанія, книги, статуи и другіе предметы, полученные отъ Цзонхавы. Умеръ онъ въ 1445 году.

Основателемъ второго дацана Чжюдь называютъ Гуньга-дондуба, родившагося также въ Цзанѣ въ 1419 году. Поступилъ онъ въ монашество въ Нартанѣ, гдѣ учился у вышеупомянутыхъ Шейраб-сэнгэ и Гэндунь-дуба. Затѣмъ, прибывши въ Уй, онъ учился сначала въ Брѣбунѣ, а затѣмъ поступилъ въ дацанъ Чжюд-мэдъ. Послѣ смерти второго настоятеля дацана Мэдъ, Чжинь-ба-бала, большинство членовъ хотѣло избрать въ настоятели этого дацана Гуньга-дондуба, но вліятельное меньшинство избрало главой дацана нѣкоего Дашій-чжялцана. Во время разногласій и безпорядковъ по этому поводу Гуньга-дондубъ присвоилъ себѣ часть вышеупомянутыхъ предметовъ почитанія, данныхъ Цзонхавой, и удалился въ восточную часть Уя. За нимъ послѣдовало всего 6 учениковъ, но вскорѣ ихъ стало 32. Вслѣдствіе прилива учениковъ и поддержки со стороны вліятельныхъ лицъ, онъ такъ возвысился, что самъ отказался отъ вышеназванной должности, когда ее стали предлагать ему, твердо рѣшивъ основать новый дацанъ Чжюд-

додъ, начало котораго относятъ къ 1462 году. Онъ заботился о его процвѣтаніи до своей смерти въ 1486 году.

Въ основанныхъ такимъ образомъ двухъ дацанахъ Чжюдъ главными защитниками и покровителями считаются три божества: Тайный—Сан-дуй, Блаженный—Дэмчокъ и Страшный—Чжиг-чжэдъ. Устройство и дисциплина этихъ дацановъ почти одинаковы, разница лишь въ мелочахъ. Управление каждаго дацана находится въ рукахъ трехъ лицъ: настоятеля (хамбо), ламы-умцзада и гэбкоя. Первый служитъ 6 лѣтъ, второй 3 года и третій полгода. При этомъ хамбо является духовнымъ главой дацана и распорядителемъ его имущества, доходы съ котораго идутъ на содержаніе монаховъ. Непосредственная же административно-судебная власть надъ монахами находится въ рукахъ его помощника, ламы-умцзада. Гэбкой является помощникомъ ламы умцзада по распорядительной власти на богослуженіяхъ и назначается по порядку старшинства поступленія въ дацанъ. Гораздо труднѣе получить назначеніе на мѣсто ламы-умцзада, на которое является не мало соревнователей. Должность эта тѣмъ важна, что занявшій ее имѣетъ право занимать другія высшія должности безъ всякаго посторонняго конкурса, только соблюдая очередь на освобождающіяся вакансіи. Назначеніе получается отъ далай-ламы и, по заведенному въ Тибетѣ обычаю, не обходится безъ денежныхъ расходовъ со стороны кандидата. Слѣдующія высшія должности занимаются, какъ сказано, по очереди и онѣ суть: 1) хамбо своего дацана Чжюдъ, 2) номинальная, но почетная должность „чойр-чжэ“ галданскихъ дацановъ Шяр-цзэ (изъ Чжюд-додъ) и Чжан-цзэ (изъ Чжюд-мэдъ) и 3) галданскаго намѣстника.

Монахи этихъ дацановъ дѣлятся на двѣ категоріи: общестепенные (чжир-римба) и ученые (гэшей—друзья добродѣтели). Первые суть тѣ, которые, не имѣя никакой ученой степени, поступили въ Чжюдъ по выдержаніи установленнаго экзамена по чтенію наизусть, а вторые тѣ, которые получили

Куртка съ длинными рукавами.

въ цаннидскихъ дацанахъ Сэ-нбрä-гэ-сума или Лхохасскаго Дагна дацана какую нибудь изъ ученыхъ степеней. Разница между этими категоріями въ самомъ дацанѣ та, что общестепенные въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по поступленіи должны постоянно быть на богослуженіяхъ, отбывать всѣ общинныя работы по приготовленію и подачѣ кушаній и чая монахамъ, по переходу изъ одного мѣста на другое и т. п., а вторые должны бывать безъ пропусковъ на богослуженіяхъ лишь въ теченіе одного года и избавляются отъ вышеупомянутыхъ работъ.

Первые научаются всѣмъ обрядностямъ и чтенію разныхъ богослужебныхъ книгъ, почему приглашаются часто общественными учрежденіями и частными лицами для чтенія разныхъ требъ, „гуримовъ“, а вторые болѣе специализируются въ богословскихъ вопросахъ, относящихся къ отдѣлу Ганчжюра Чжюдь и имѣютъ исключительный доступъ къ занятію высшихъ должностей общины, начиная съ гэбкоя.

Тѣ и другіе могутъ получить ученую степень, называемую „аграмба“; первые послѣ 7-ми лѣтняго пребыванія въ дацанѣ, а вторые послѣ 17 лѣтъ. Отъ первыхъ требуется лишь знаніе обрядовыхъ сторонъ тантръ, а отъ вторыхъ философской стороны ихъ. Въ основу изученія философіи кладутся два сочиненія Цзонхавы—Агримъ-чэмо (большая степень тантръ) и Дэлбашибрагъ.

Оба эти дацана можно назвать странствующими, такъ какъ они собираются для богослуженій въ разныхъ мѣстахъ, а именно: Лхасѣ, Сэ-нбрä-гэ-сумѣ, Ярба, Цалгунтанѣ, Чжөрмолунѣ, Чумиглунѣ и другихъ. Происхожденіе этихъ переходовъ съ мѣста на мѣсто объясняютъ тѣмъ, что они въ прежнее время, бѣдные въ матеріальномъ отношеніи, но сильные своими таинственными познаніями по искорененію золь нечистыхъ духовъ, были приглашаемы въ разныя мѣста для совершенія богослуженій. Эти приглашенія со временемъ сдѣлались постоянными, и въ такихъ мѣстахъ стали строить дуганы и другія постройки для храненія имущества дацановъ, необходимаго при новомъ посѣщеніи духовенствомъ этой мѣстности.

При желаніи жителей извѣстныхъ мѣстностей поддерживать связь съ дацанами, выразившемся обезпеченіемъ содержанія, странствованіе вошло въ непремѣнный уставъ дацановъ и нынѣ строго соблюдается. Переходы дѣлаются соборно или въ раз-

бродь. Въ первомъ случаѣ всѣ идутъ пѣшими вмѣстѣ со своей администраціей, останавливаются въ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ имѣютъ общую кухню, и т. д., а во второмъ каждый идетъ пѣшкомъ по своей волѣ и на свой счетъ, лишь бы къ назначенному времени прибыть на мѣсто. Дацаны эти напоминаютъ въ общемъ буддійскаго скитающагося аскета, питающагося подаяніями, но только въ увеличенномъ размѣрѣ.

Духовенство этихъ дацановъ относительно дольше живетъ въ Лхасѣ, гдѣ Чжюд-мѣдъ имѣетъ свой спеціальный дуганъ съ садомъ, а Чжюд-додъ помѣщается въ уступленномъ ему тибетскимъ правительствомъ дуганѣ малаго Чжу и имѣетъ особый садъ подлѣ него. Всѣ ламанты очень любятъ обращаться съ просьбами объ исполненіи разныхъ требъ къ монахамъ этихъ дацановъ, если богаты—ко всей общинѣ, если бѣдны—къ отдѣльнымъ членамъ ея. Каждый изъ этихъ дацановъ живетъ своею отдѣльною жизнью, но когда правительство заказываетъ имъ совмѣстное чтеніе гуримовъ, они соединяются вмѣстѣ, при чемъ распоряжаются администраторы дацана Мѣдъ, какъ старшаго.

Монахи этихъ дацановъ должны быть непременно съ высшимъ духовнымъ обѣтомъ гэлѣновъ, только общестепенные въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ могутъ быть съ обѣтомъ гѣцуловъ, какъ прислужники старшихъ. Какъ строгій блюститель духовныхъ обѣтовъ, каждый монахъ имѣетъ при себѣ нищенскую чашу (по-тибетски „лхун-сѣдъ“, по санскритски „патра“) той формы, какая извѣстна намъ по изображеніямъ будды Шакьямуни. Чаши эти должны быть сдѣланы изъ вороненой или выкрашенной въ черный цвѣтъ стали. Затѣмъ всѣ монахи должны имѣть одного образца „шѣггали“—картонныя, задѣланныя въ бамбуковыя рамки, панки для книгъ; мѣшочки для цзамба (цзамхокъ) и деревянныя чашки особаго образца. Одежда почти одинакова съ таковою же монаховъ другихъ дацановъ.

Шляпа дорожная.

Строго соблюдая дисциплину, составленную согласно съ правилами обѣтовъ гэлѳона, дацаны эти не знаютъ привилегіи перерожденцевъ и знатныхъ особъ, а также достаточно малѣйшаго проступка, чтобы быть публично изгнаннымъ изъ дацана.

Всѣ монахи этихъ дацановъ числятся по монастырямъ и дацанамъ, гдѣ были до поступленія въ Чжюдъ, и не прерываютъ связи съ ними, такъ какъ получаютъ „чжедь“ деньгами и „погъ“ натурой, раздаваемые въ нихъ. Чжедь называютъ обыкновенно случайную раздачу пожертвованій, а погъ — обычную, установившуюся выдачу муки, денегъ и т. п.

Матеріальная обезпеченность общины этихъ дацановъ, вмѣстѣ съ вѣрою въ безпредѣльную пользу участія въ ихъ богослуженіяхъ, привлекаетъ не мало охотниковъ, но строгая неподкупная (чудо въ Тибетѣ!) дисциплина ихъ заставляетъ многихъ вольно или невольно удаляться, и потому число духовныхъ въ каждомъ дацанѣ держится около цифры 600.

Хошанъ-ханъ.

ГЛАВА XI.

Монастырь Галдань.

«Мани» на камнѣ.

Ерба-лха.

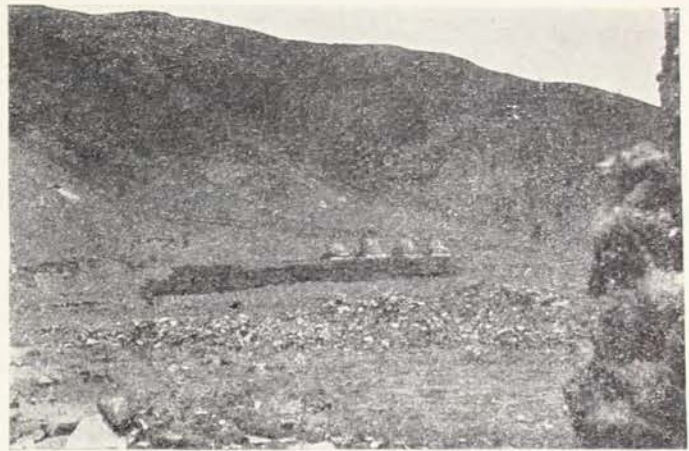
1. Путь къ Галдану.

3-го мая 1901 года я вышелъ иѣшкомъ изъ Лхасы въ сопровожденіи своего переводчика и одного халхасца, по имени Юндань-чжямцо, для посѣщенія монастыря Галдана. На пути къ послѣднему, хотя иѣсколько въ сторонѣ, находится старинный монастырь Ерба, куда мы и направились. Хотя онъ отстоитъ отъ Лхасы всего верстъ на 20, но дойти до него въ этотъ день не удалось, вслѣдствіе сильнаго подъема въ гору и вслѣдствіе того, что мнѣ нездоровилось и появилась сильная одышка. Поэтому пришлось ночевать немного ниже монастыря въ домѣ одного бѣднаго старика. На слѣдующее утро мнѣ стало лучше и мы пошли въ монастырь Ерба или Ерба-лха, который основанъ во времена хана Тисрон-дэвцзана. Монастырь расположенъ въ вершинѣ правобереговой нади рѣки Уй, по правую сторону глубокаго оврага, на лицевой сторонѣ высокой скалистой горы. По лѣвой же сторонѣ оврага, тамъ и сямъ много субургановъ различныхъ размѣровъ. Во рву находится маленькій домикъ, именуемый Мани-ханъ, гдѣ главной свя-

тыней служить самопоявившееся, по преданію, „мани“, представляющее мистическую формулу „ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ“, какъ будто сдѣланную изъ бѣлой эмали на синемъ фонѣ каменной плиты. Безъ сомнѣнія, это—работа искуснаго гравера изъ каменной плиты, одинъ слой которой бѣлый, а другой темно-синій, образцы такихъ плитъ встрѣчаются довольно часто въ этой мѣстности. Дощечка эта, длиною около $\frac{3}{4}$ аршина, но болѣе узкая по ширинѣ, хранится, какъ дорогая святыня, въ деревянномъ шкафу съ желѣзной рѣшеткой на лицевой сторонѣ. Возлѣ этой дощечки поставлена статуя „Долма“ (Дара-эхэ), у которой на спинѣ сдѣлано отверстіе. Если налить воду въ это отверстіе, то она вытекаетъ черезъ другое отверстіе на кончикѣ средняго пальца правой руки. Такая вода считается уже святой и ею обмываютъ буквы мани; святость воды этимъ усугубляется, послѣ чего на ней мѣсятъ составныя части (главнымъ образомъ мука — цамба) красныхъ пилюль, называемыхъ „мани-рилву“. Эти пилюли охотно покупаются богомольцами, такъ какъ, по ихъ вѣрованію, онѣ очень полезны для больныхъ глазами. Для леченія ихъ разводятъ въ водѣ и ею моютъ глаза. Доходы отъ продажи этихъ пилюль такъ значительны, что они обращены въ достояніе всего монастыря, почему и продажа ихъ производится въ цокчэнскомъ дуганѣ монастыря. Въ самомъ монастырѣ много сумэ, пристроенныхъ ко входамъ въ пещеры. Среди нихъ нельзя не упомянуть о громадной статуѣ, сажени три вышиною, Майтреи, поставленной въ большой пещерѣ. Надъ головой его на скалѣ построена маленькая будка съ золоченымъ „ганчжиромъ“. Въ скалахъ горы, сзади монастыря, одна выше другой видны многочисленныя пещеры, служившія, по преданію, мѣстопробываніемъ 80-ти „дубъ-чэновъ“, т. е. великихъ подвижниковъ (ученія), прибывшихъ изъ Индіи въ началѣ распространенія буддизма въ Тибетѣ (IX в. по Р. X.). На юго-западномъ краю монастыря находится дуганъ, принадлежащій общинѣ Чжюдъ-дөдъ, о которой упомянуто выше и которая проводитъ здѣсь 45 дней лѣтняго „хайлена“ (съ 15-го числа 6-го мѣсяца по 30-ое число 7-го луннаго мѣсяца). Затѣмъ среди набожныхъ поклонниковъ въ большомъ почетѣ находящаяся за предѣломъ монастыря каменная плита, на которой разрѣзаютъ трупы покойниковъ для отдачи на съѣденіе грифамъ. Поэтому сюда привозятъ трупы бога-

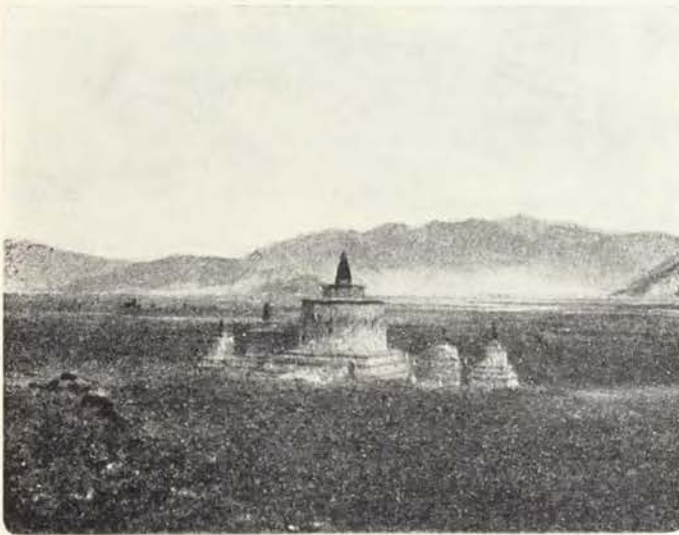
тыхъ людей изъ окрестностей. Бѣднымъ эта плата недоступна, такъ какъ требуетъ подношеній денегъ и угощенія чаемъ и похлебкой изъ мяса и риса всего духовенства монастыря, число коего доходитъ до 200 человѣкъ.

4-го мая мы вышли снова на дорогу, ведущую отъ Лхасы къ Галдану и ночевали у горнаго мыса, гдѣ находится въ особомъ сумѣ статуя страшнаго божества Гонбо (по санскритски Махакала — Великій Черный).

Субурганы выше Ерба-лха.

5-го мая пошли далѣе и, переправившись на кожаной лодкѣ черезъ рѣку Уй-чу, миновали гору, на которой стоитъ Галданъ, для того, чтобы посѣтить субурганъ ламы Намха-чжялцанъ (Личжи-дорчжи). Онъ стоитъ верстахъ въ 4 — 5 восточнѣе Галдана почти на ровномъ мѣстѣ, на южной сторонѣ небольшого холма. Преданіе говоритъ, что учитель Цзонхавы (ско-

Субурганъ надъ прахомъ Намха-чжялцана.

рѣе противникъ его) Лхобрагскій Намха-чжялцанъ, однажды, идя по этому мѣсту, сказалъ: „я паду и умру здѣсь; пусть никто не сдвигаетъ моего трупа съ мѣста“. Дѣйствительно, спустя немного онъ упалъ и умеръ. Однако, ученики его не исполнили въ точности завѣщанія его и, немного сдвинувъ съ мѣста, построили субурганъ. Теперь вѣрятъ, что онъ умеръ, схвативши злого духа, владѣтеля апоплексическаго удара, а ученики, не исполнивъ приказанія своего учителя и сдвинувъ трупъ, этимъ дали возможность духу вырваться и впредь чинить зло людямъ. Тѣмъ не менѣе обхожденіе кругомъ субургана 108 разъ безъ разговоровъ между собою изба-

тивши злого духа, владѣтеля апоплексическаго удара, а ученики, не исполнивъ приказанія своего учителя и сдвинувъ трупъ, этимъ дали возможность духу вырваться и впредь чинить зло людямъ. Тѣмъ не менѣе обхожденіе кругомъ субургана 108 разъ безъ разговоровъ между собою изба-

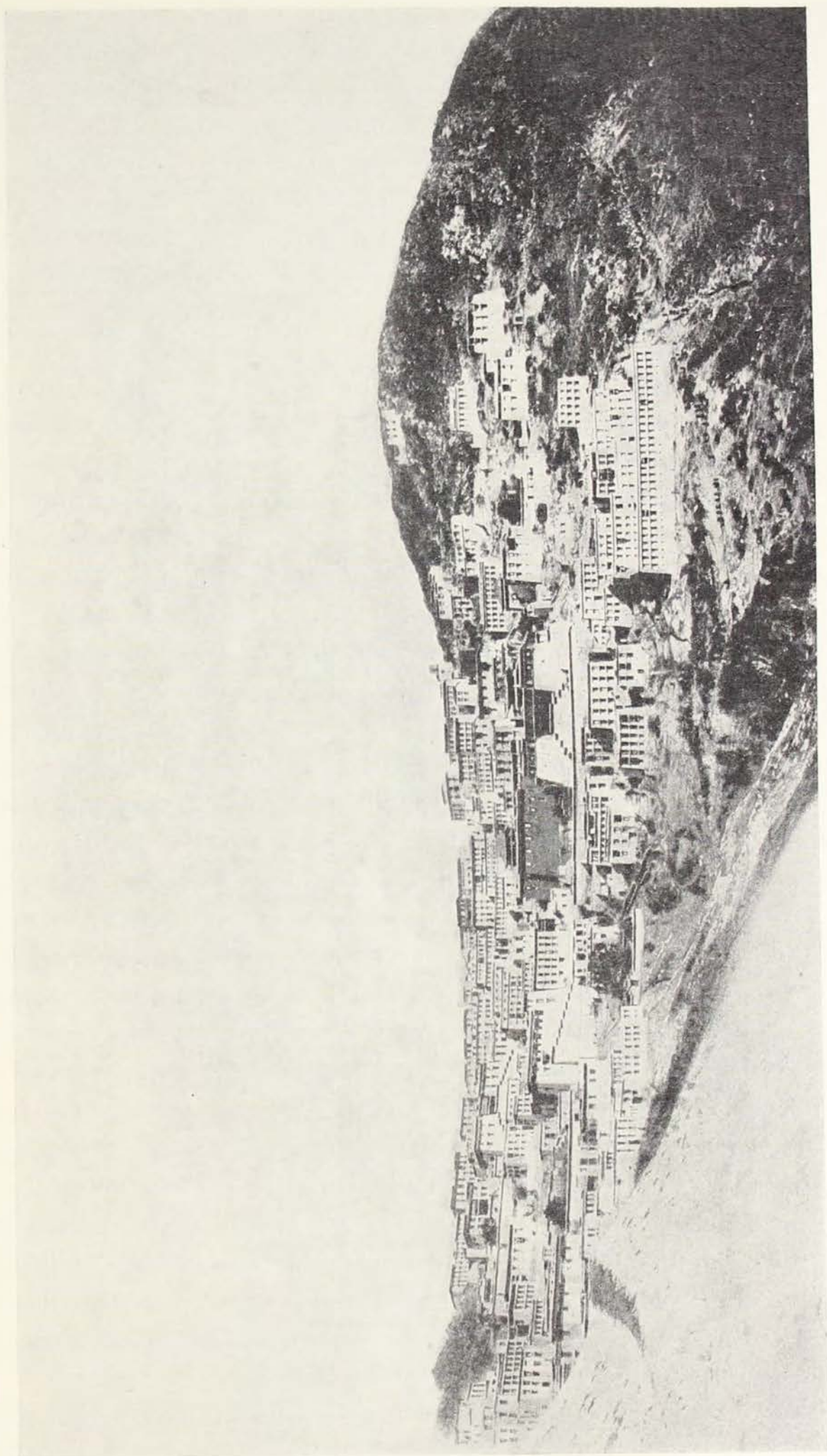
вляеть людей отъ случаевъ удара на всю жизнь. Съ такою вѣрою его обходятъ набожные богомольцы. Во время нашего посѣщенія было много круговращающихся, къ числу которыхъ примкнули и мои два спутника. Я же, скрываясь отъ своихъ спутниковъ и постороннихъ, сдѣлалъ снимокъ съ субургана.

Затѣмъ 6-го мая мы направились къ Галдану, который находится на южной сторонѣ высокой горы Брог-ри. Подъемъ на нее съ восточной стороны является самымъ отлогимъ, но я, признаюсь, и по нему поднимался съ большимъ трудомъ, вслѣдствіе одышки.

2. Галданъ.

Про основаніе этого монастыря въ біографіи Цзонхавы сказано, что тотчасъ послѣ окончанія лхасаскаго мѣла, учрежденнаго въ началѣ 1409 года, Цзонхава со своими послѣдователями отправился на гору Брог-ри (уединенная гора) и, изслѣдовавъ ее, нашелъ, что всѣ примѣты земли и неба весьма хороши и что это, поистинѣ, мѣсто съ признаками полного распространенія и исполненія проповѣди, а также необходимыхъ богатствъ. Затѣмъ старшимъ изъ своихъ учениковъ Дагба-чжялцану, специалисту монастырской дисциплины (винаи) и Дарма-риньчэну, Цзонхава указалъ мѣста для постройки главнаго сумэ, зданія цокчэн-дугана и своего дома, а также планъ зданій для жилищъ духовенства. Они, въ исполненіе этого порученія, въ томъ же году построили указанная зданія и болѣе 70 жилищъ для духовныхъ.

Основанный такимъ образомъ монастырь Галданъ, полное названіе коего Брог-ри-галдан-намбар-чжял-бій-линъ (уединенно-горское вполне радостное обиталище полного побѣдоносца) находится верстахъ въ 25—30 на востокъ отъ Лхасы на лѣвой сторонѣ отъ р. Уй, у самой вершины глубокой сѣдловины, отдѣляющей скалистую вершину Брог-ри отъ болѣе высокой горы Ван-гур-ри. Зданія построены на южной сторонѣ горы полукругомъ и амфитеатромъ и доходятъ до самой вершины. Съ юго-восточной стороны видъ монастыря еще болѣе украшается живописными скалами и мелкимъ лѣсомъ, растущимъ по оврагу ниже скалъ.

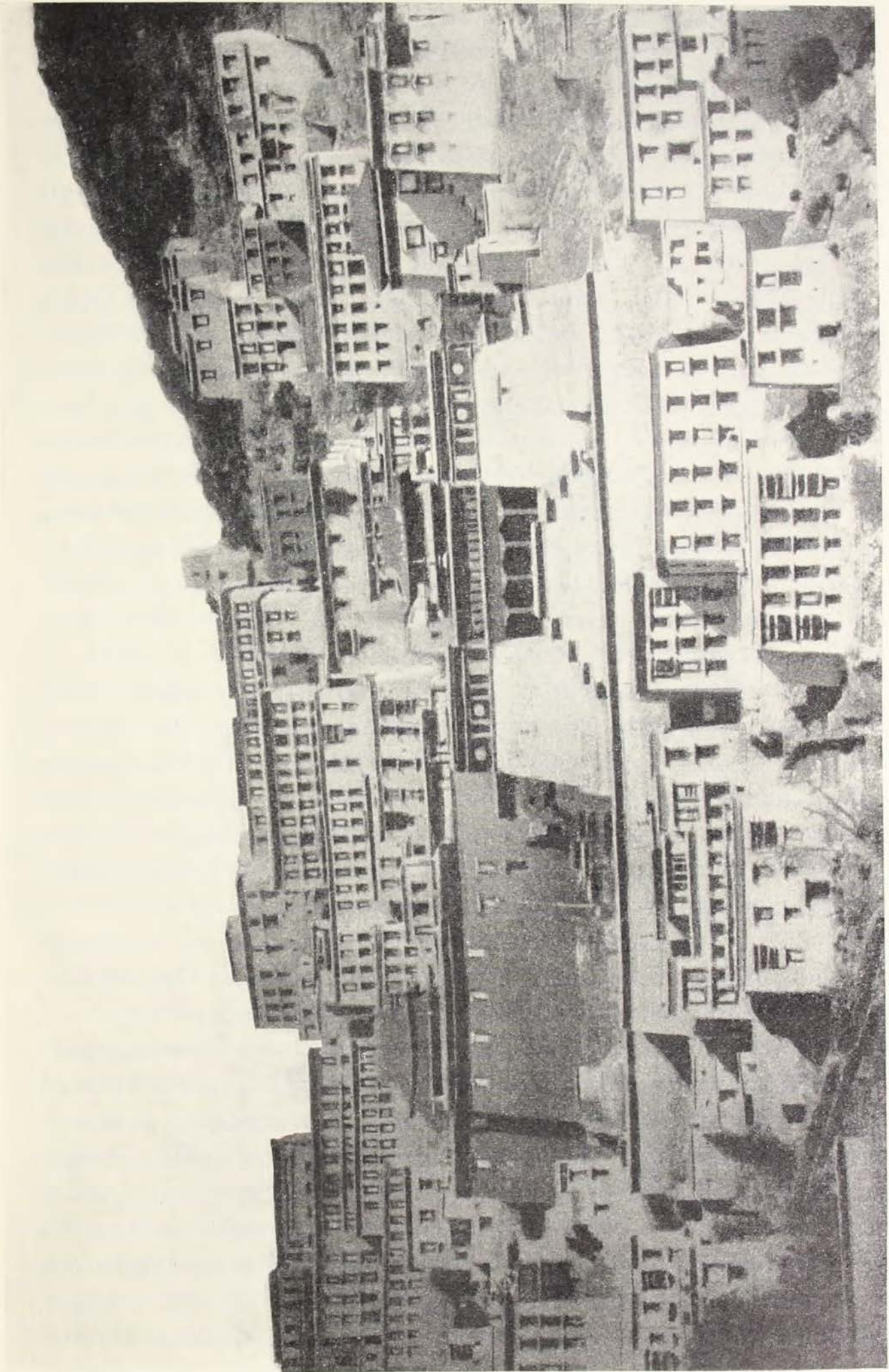

Галанчъ (общій видъ).

Главной святыней монастыря, безъ сомнѣнія, признается такъ называемый „сэрдон-чэмо“ золотое надгробіе или золотая ступа (по-монгольски субурганъ) съ тѣломъ великаго Цзонхавы. Ступа эта находится въ лучшемъ изъ здѣшнихъ зданій, окрашенномъ въ коричневый цвѣтъ съ небольшою золоченою крышей. Послѣ смерти Цзонхавы въ 1419 году старшіе изъ учениковъ, какъ сказано въ біографіи его, стали совѣщаться, сжечь-ли его тѣло или оставить нетронутымъ. Разсудивъ, что, если оставить нетронутымъ, то онъ, какъ будто самъ, дѣйствительно, будетъ жить и будетъ велика польза какъ для продолженія ученія, такъ и для многихъ живыхъ существъ, рѣшили воздавать почести, оставивъ тѣло въ цѣлости. Тутъ же изъ серебра, количествомъ болѣе 18 тибетскихъ мѣръ, поднесеннаго отдѣльными учениками изъ набожности, соорудили субурганъ, украсили его орнаментами изъ разныхъ драгоценностей (камни, серьги, гау, табакерки китайскаго издѣлія изъ разныхъ цѣнныхъ камней, раковины), вставленныхъ въ чеканку. Надъ этимъ субурганомъ въ 1420 году построили большое сумэ. Тѣло же вложили въ гробницу изъ сандалнаго дерева, перенесли изъ дворца и помѣстили въ бумба субургана лицомъ на сѣверо-востокъ въ сидячемъ положеніи.

Впослѣдствіи 50-ый настоятель Галдана (49-й намѣстникъ Цзонхавы) бжябралскій (по названію камцана, къ которому онъ принадлежалъ) Гэндунь-пунцогъ сдѣлалъ всему субургану облицовку изъ чистаго кованаго золота, почему субурганъ сдѣлался какъ бы золотымъ и его нынѣ называютъ „большой золотой ступой“. По правую сторону отъ него находится субурганъ перваго намѣстника Цзонхавы, Чжялцабъ-дарма-риньчэна, а по лѣвую— второго его намѣстника Хайдуб-гэлэг-балсана. Прахъ другихъ намѣстниковъ, коихъ было 84, помѣщается въ металлическихъ субурганахъ (мѣдныхъ, серебряныхъ, золоченыхъ) различной величины въ двухъ этажахъ этого же зданія. Лишь субурганъ послѣдняго 84-го намѣстника (или 85-го настоятеля сего монастыря), Лобсан-цултима, находится во дворѣ подъ навѣсомъ и отличается отъ прочихъ своимъ большимъ размѣромъ и болѣе роскошной отдѣлкой. На многихъ субурганахъ, которые помѣщены въ страшной тѣсотѣ и многіе въ темнотѣ, надписаны имена ламъ, въ нихъ похороненныхъ.

Размѣръ и роскошь отдѣлки субургана всецѣло зависятъ отъ состоятельности покойнаго и благоусмотрѣнія его наслѣд-

Гаганъ (дуганы).

никовъ, которые заботятся о похоронахъ и нахожденіи его перерожденца. Говорятъ, что нѣкоторые изъ намѣстниковъ еще при жизни своей готовятъ субурганы для своего праха. Тѣла всѣхъ слѣдующихъ за Цзонхавой намѣстниковъ сжигаются и въ субурганѣ помѣщается лишь пепелъ, который смѣшивается съ глиной. Изъ такого состава формуютъ цѣльные и барельефныя цацы (статуетки разныхъ божествъ).

Въ этомъ же зданіи находится комната съ изображеніями хранителей ученія „чойчжоновъ“. Главной святыней является старшина чойчжоновъ, страшный Чжиг-чжэдъ (индійскій Яман-така) съ 9-ью головами, 34-мя руками и 16-ью ногами, придавливающими различныя живыя существа. По лѣвую сторону отъ него стоитъ также весьма чтимый кумиръ Дамчжан-чойчжялъ, который сдѣланъ, по преданію, самимъ Цзонхавой. Вообще, должно замѣтить, что покровителемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раболѣпнымъ слугою Цзонхавы считается именно Дамчжан-чойчжялъ, служившій ему подъ разными видами и, между прочимъ, довольно долго въ видѣ его слуги, свѣтскаго парня. Подъ этимъ Дамчжан-чойчжяломъ нѣтъ обычнаго синяго быка.

Рядомъ съ названнымъ зданіемъ находится большое зданіе собранія духовенства или цокчэн-дуганъ, на дверяхъ лицевой стороны котораго виситъ синяя доска съ китайской надписью сюань-цы-фу-фу, которую можно перевести: „Повсюду распространяетъ блаженство“. Достопримѣчательностью этого дугана служитъ золотой тронъ Цзонхавы, находящійся во второмъ этажѣ у задней стѣны, какъ будто на открытой сценѣ, если смотрѣть изъ нижней большой залы дугана. На этомъ тронѣ во время богослуженія садятся намѣстники Цзонхавы и далай-ламы. Зданіе съ маленькой золоченой крышей.

Третьимъ зданіемъ съ золоченой крышей является такъ называемый Одсэр-пугъ, или дворецъ Цзонхавы, построенный еще при жизни великаго реформатора. Здѣсь указываютъ комнату, гдѣ скончался Цзонхава и рисованное на стѣнѣ изображеніе его, которое считается „самопоявившимся“ тотчасъ послѣ его смерти, когда ученики плакали надъ трупомъ покойнаго и въ рыданіи восклицали: „Учитель, гдѣ ты?“ Тогда чудомъ появился на стѣнѣ портретъ учителя и произнесъ: „я—здѣсь!“ Дворецъ этотъ въ настоящее время служитъ квартирой намѣстниковъ Цзонхавы.

Еще должно упомянуть о домѣ второго послѣ Цзонхавы его намѣстника, Хайдуб-гэлэг-балсана, который находится на самомъ верхнемъ краю монастыря, выше только что упомянутыхъ трехъ зданій. Въ этомъ домѣ хранится коллекція предметовъ почитанія, принадлежавшихъ Хайдубу, одному изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ и послѣдователей Цзонхавы. Между этими предметами много статуетокъ и субургановъ индійской работы изъ мѣднаго состава „лима“.

Кромѣ сихъ зданій, принадлежащихъ, такъ сказать, всему монастырю, здѣсь находятся два дугана, или дацана (академіи), для изученія богословія. Первый называется Шяр-цзэ (восточная вершина) и основанъ современникомъ и сподвижникомъ Цзонхавы, Ринчэн-чжялцанемъ. Въ немъ изучаютъ богословіе по догматикѣ, составленной въ болѣе позднее время четырнадцатымъ намѣстникомъ Цзонхавы, Соднам-дагна, жившимъ съ 1478 по 1554 годъ. Духовенство этого дацана дѣлится на 13 общинъ или камцановъ, которые суть слѣдующіе.

1) До-ханъ, 2) По-ханъ, 3) Лхо-ба, 4) Няг-рэ, 5) Чжо-нэ, 6) Тэбо, 7) Сун-чу, 8) Сог-бо, 9) Та-онь, 10) Аріи, 11) Ца-ба, 12) Нян-бо и 13) Гун-ру.

Второй дацанъ называется Чжян-цзэ (сѣверная вершина); основателемъ его считается извѣстный сподвижникъ Цзонхавы и первый его намѣстникъ Чжялцаб-дарма-риньчэнъ. Догматика же изучается по сочиненіямъ нѣкоего Чжямба-дашій, современника вышеупомянутаго Соднам-дагны. Камцановъ въ немъ также 13.

1) Хамдонъ, 2) Самло, 3) Дэбо, 4) Цаба, 5) Сэрханъ, 6) Доръ, 7) Лунбумъ, 8) Брагнй, 9) Бати, 10) Чжялронъ, 11) Гобо, 12) Гон-бо и 13) Аріи.

Кромѣ того, на юго-западномъ краю монастыря стоитъ длинный многооконный домъ, который, какъ говорятъ, прежде былъ дацаномъ, Няг-ронъ, основаннымъ Цэма-ванчжяломъ.

Оба нынѣшнихъ дацана помѣщаются по лѣвую руку отъ упомянутыхъ выше главныхъ зданій и отъ зрителя; первый дацанъ стоитъ ниже второго, имѣющаго два дугана, стоящіе рядомъ. У каждаго изъ нихъ находятся учебные дворы „чойра“ съ насаженными деревьями. Здѣсь происходятъ богословскіе диспуты и читаются установленныя молитвы.

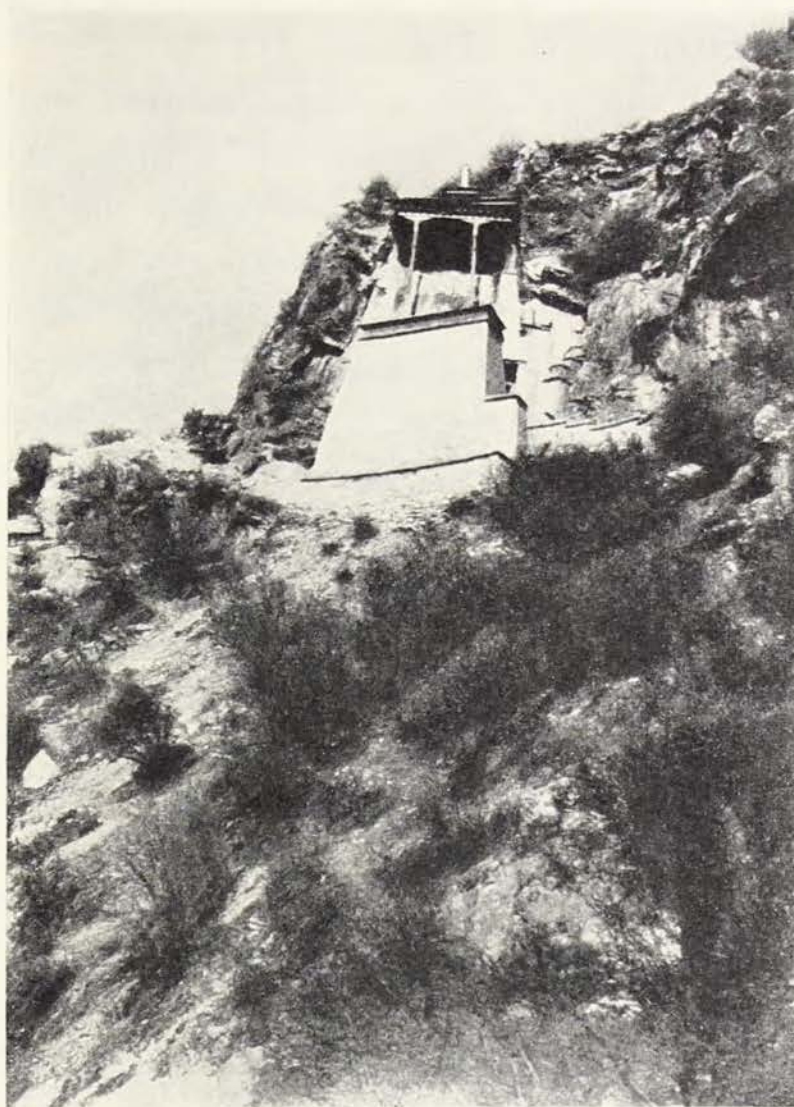
Духовныхъ въ Галданѣ насчитываютъ до 2.000. По дацанамъ Шяр-цзэ и Чжян-цзэ они распредѣляются въ отно-

шеніи 2:1. Охранительницей Чжян-цзэ считается богиня Лхамо, а охранителемъ Шяр-цзэ—Сэтабъ.

Какъ монастырь, основанный Цзонхавой, Галданъ полонъ предметами почитанія, связанными съ именемъ великаго основателя желтошаночнаго ламаизма и его главныхъ сподвижниковъ. Такъ, „круговая дорога“ (горламъ) монастыря полна разными объектами почитанія для набожныхъ. На юго-западной сторонѣ монастыря вамъ показываютъ ключъ-колодець, который, по преданію, явился отъ указанія Цзонхавою на это мѣсто пальцемъ, когда монахи страдали отъ недостатка воды. Далѣе на скалахъ и камняхъ указываютъ слѣды шанки, чѣтокъ, локтей, колѣнъ, пальцевъ и пр. Цзонхавы, также углубленіе въ скалѣ, откуда Цзонхава добыла раковину, спрятанную еще при жизни будды Шакьямуни; изображенія Цзонхавы, рисованныя на скалѣ указательными пальцами Чжялцаба и Хайдуба. Указываютъ домикъ, гдѣ жилъ въ простой обстановкѣ Цзонхава, и маленькую часовню, гдѣ на плитѣ самостоятельно выступило изображеніе троицы „Ригсум-гоньбо“, т. е. Чжамьяна, Чагдора и Чжян-рэй-сига (по индійски Манджушри, Ваджранани и 4-хъ рукаго Авалокитешвары). На восточной сторонѣ обходящему монастырь можетъ броситься въ глаза золотой чжялцанъ (побѣдный знакъ) на скалѣ, а внизу изображеніе Цзонхавы съ его двумя учениками, ниже котораго нарисованъ громадный Дамчжан-чойчжяль. Изъ этой скалы, какъ говорятъ, нынѣшній далай-лама досталъ кладъ, состоявшій изъ шанки и другихъ вещей Цзонхавы, который онъ помѣстилъ въ особый ящикъ у гробницы послѣдняго. Набожные вѣрующіе съ благоговѣніемъ, превосходящимъ удивленіе, прикладываются ко всѣмъ этимъ реликвіямъ, но на чело-вѣка, смотрящаго болѣе хладнокровно, они могутъ произвести впечатлѣніе работъ художниковъ, да притомъ не особенно искусныхъ.

Этимъ, пожалуй, можно было бы окончить описаніе Галдана, если бы въ немъ не было еще одной особенности, именно должности намѣстника Цзонхавы и двухъ кандидатовъ къ нему. Кандидатами я называю такъ называемыхъ „чойрчжэ“ двухъ дацановъ Шярцзэ и Чжян-цзэ, которые по очереди дацановъ вступаютъ на намѣстническій тронъ (о нихъ было упомянуто при описаніи дацановъ Чжюдъ). О возведеніи на золотой тронъ перваго намѣстника Цзонхавы, въ его біографіи сказано слѣдующее:

„Тотчасъ послѣ возданія чествованій Чжэ-ламѣ, т. е. Цзонхавѣ, и послѣ окончанія приношенія мандала, охранитель (спеціалистъ) Винаи (монастырской дисциплины), Дагба-чжялцанъ и великіе учителя ученія единогласно обратились съ просьбой къ Дарма-риньчэну и посадили его съ большими почестями на большой

Памятникъ надъ мѣстомъ клада.

львиный тронъ ученія, на которомъ сидѣлъ всевѣдущій великій Цзонхава, для того, чтобы онъ напутствовалъ непрерывное продолженіе постоянно расширяющагося чистаго ученія законовъ высшаго творенія Цзонхавы“. Затѣмъ Чжялцаб-дарма-риньчэнъ началъ молитвенное обращеніе къ Цзонхавѣ, а собраніе духовныхъ читало вслѣдъ за нимъ. Послѣ этого онъ отправился на жительство во дворецъ Цзонхавы и сталъ во главѣ духовныхъ. Онъ сдѣлался такимъ образомъ первымъ намѣстникомъ Цзонхавы и вторымъ золототроннымъ или золотопрестольнымъ, считая первымъ самого Цзонхаву. Сначала положеніе это, какъ

и въ другихъ монастыряхъ, являлось должностью настоятеля Галданскаго монастыря, со временемъ же, когда были уничтожены должности настоятелей въ двухъ другихъ монастыряхъ (Сэра и БрѣбунѢ), Галданскій настоятель, какъ намѣстникъ Цзонхавы, не только остался, но приобрѣлъ еще большее вліяніе и теперь является лицомъ, почитаемымъ духовными всѣхъ монастырей, сосѣднихъ съ Лхасою.

Настоятели большую часть года живутъ въ ЛхасѢ, хотя не принимаютъ активнаго участія въ свѣтскомъ управленіи старою. Они являются поэтому исключительно хранителями религіозныхъ традицій, ведущихъ начало отъ Цзонхавы, и, какъ намѣстники его, они имѣютъ печать, приписываемую ЦзонхавѢ. Печать эту они прикладываютъ къ отвѣтамъ на вопросы интересующихся предсказаніями и на дипломы, выдаваемые на разныя ученые званія. Дипломы эти въ центральномъ ТибетѢ не имѣютъ особаго значенія, но въ Амдо и въ особенности въ Монголіи почти повсюду признаются дѣйствительными и обладатели ихъ пользуются правами получившихъ высшія духовныя степени по богословскимъ, медицинскимъ и тарнистическимъ наукамъ. Дипломы галданскихъ намѣстниковъ продаются и даже не дорого, но въ Амдо и Монголіи этимъ не интересуются и въ большинствѢ случаевъ не знаютъ, какъ они получаютъ, а получаютъ они слѣдующимъ образомъ. Стоитъ самому написать на гладкомъ китайскомъ атласѢ желтаго цвѣта или просто на бумагѢ текстъ диплома на званіе, которое желаютъ получить, и съ 20 тибетскими монетами подать намѣстнику для приложенія „цзонхавинской“ печати.

Вышнимъ отличіемъ настоятеля является желтая шапка цзонхавинскаго образца „бан-ша“, носимая постоянно, и желтый зонть, несомый надъ нимъ. Сѣдалище его устанавливается немного ниже далай-ламскаго. У тѣхъ изъ бывшихъ настоятелей, которые оставили послѣ себя значительныя средства, достаточныя для содержанія, какъ подобаетъ, своихъ перерожденцевъ, послѣднихъ отыскиваютъ часто на первоначальной родинѢ покойнаго. Поэтому много такихъ перерожденцевъ находится въ Амдо, КамѢ и другихъ провинціяхъ, но не было еще случая, чтобы галданскимъ настоятелемъ былъ монголь. Преданіе говоритъ, что чжунгарскій предводитель Галдан-бошокту покинулъ Тибетъ для мести за убіеніе своего отца лишь нака-

нунѢ своего вступленія на намѣстническій тронѢ, чѣмъ лишилъ послѣдующихъ монголовъ счастья достигнуть этого удѣла, потому что духи хранители, недовольные поступкомъ Галдана-бошукту, стараются не допускать ихъ къ престолу.

Закончивъ этимъ описаніе Галдана, мы скажемъ, что благодаря положенію монастыря на большой высотѢ я двѣ ночи провелъ безъ сна, вслѣдствіе сильной одышки и страшнаго гнета, лишь только начиналъ засыпать. Поэтому 8-го числа рѣшилъ вернуться въ Лхасу и, подъ вечеръ, спустившись съ горы, я спокойно заснулъ въ домѢ одного тибетца, тутъ же подъ горой.

9-го мая отправились далѣе и послѣ 15 верстъ пути прибыли къ старинному замку Дэчэн-цзонъ, гдѣ въ ожиданіи лодокъ пришлось заночевать.

10-го мая, утромъ, сѣли на одну изъ кожаныхъ лодокъ, отправляющихся отсюда ежедневно въ Лхасу, за плату $1/2$ монеты съ человѣка, и въ тотъ же день къ полудню прибыли въ Лхасу.

Дэчэн-цзонъ.

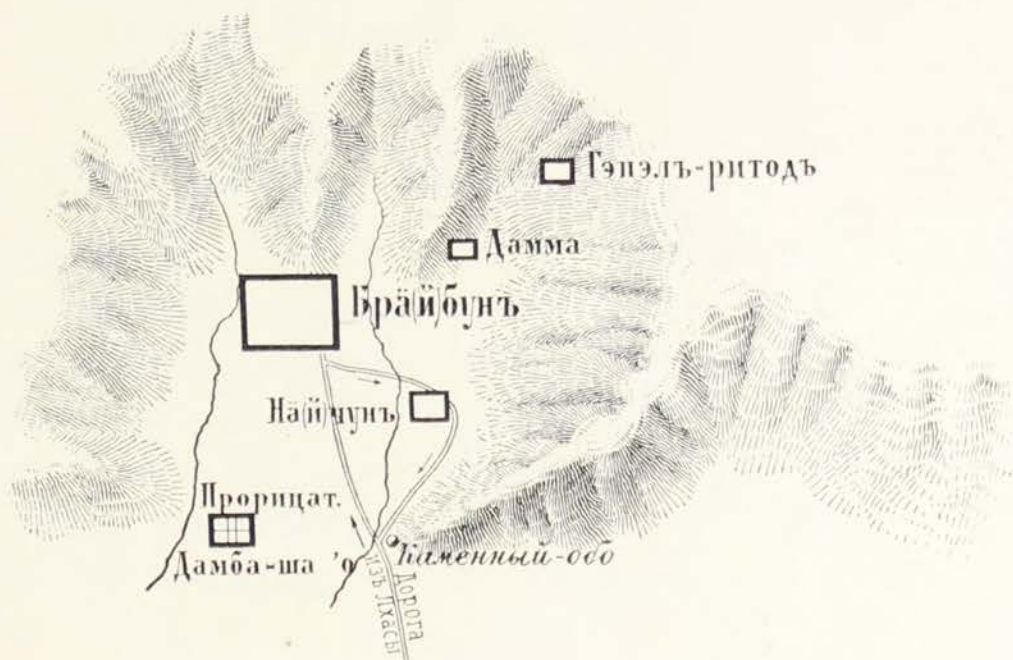

Четырехрукій Арьяболо.

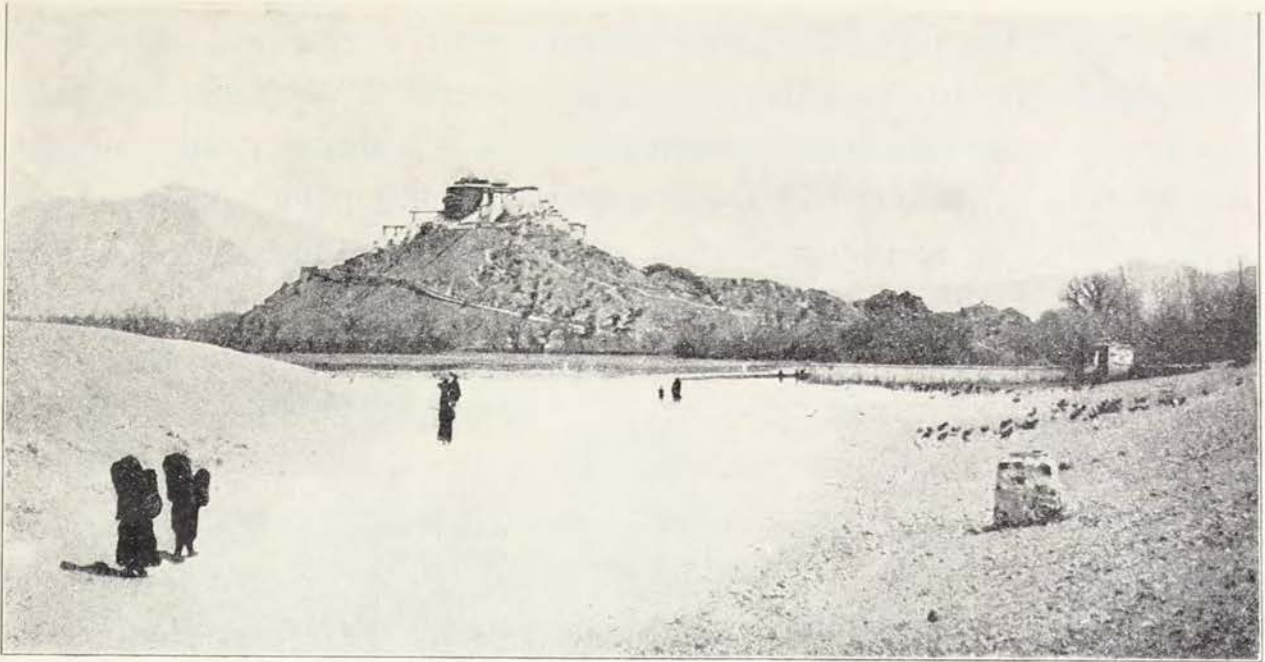
(Подарокъ XIII-го далай-ламы А. В. Григорьеву).

ГЛАВА XII.

Монастырь Брәбунъ.

Путь къ Брәбуну.

Видъ Поталы съ запада, направо — стая пѣтуховъ.

1. Путь отъ Лхасы къ Брѣбуну.

Дорога въ Брѣбунъ въ большей своей части общая съ дорогой на западъ по правому берегу Чжй-чу (Ки-чу, Уй-чу). Эта часть дороги, въ виду частыхъ посѣщеній этого большого монастыря, постоянно исправляется, такъ что представляетъ одну изъ лучшихъ дорогъ во всемъ центральномъ Тибетѣ, гдѣ дороги находятся въ очень плохомъ состоянiи.

Лишь только минуете Бар-чѳд-дэнъ, начинается низкое, заливаемое водой мѣсто, по которому на протяженiи болѣе ста сажень идетъ хорошо утрамбованное, приподнятое шоссе достаточной ширины и никогда не захватываемое водой. Затѣмъ съ прекращенiемъ шоссе начинается песокъ вала лѣваго берега искусственной отводной канавы. Возлѣ этого вала на солнцепекѣ находятся 4—5 банаковъ, жилищъ нищихъ, питающихся подаенiемъ на этой большой дорогѣ, къ тому же въ этомъ мѣстѣ съ ней перекрещивается и дорога Лин-хора. Противъ этихъ нищихъ людей, находятся своего рода нищiе пѣтухи, которыхъ изгоняютъ сюда хозяева, не желающiе лишать ихъ жизни, но въ то же время отказывающiеся держать этихъ бесполезныхъ и безпокойныхъ птицъ въ своихъ курятникахъ. Эти изгнанники питаются также подаенiемъ благочестивыхъ людей, приносящихъ имъ зерно, и проводятъ скучные дни, развлекаясь лишь обычной дракою, хотя и не имѣютъ предметовъ ревности.

Послѣ этого мѣста дорога переходитъ черезъ канаву, на которой ради дождливаго періода устроены каменные мосты. Въ зимнее же время эта канава высыхаетъ и пѣшеходы переходятъ по сухому дну ея. Затѣмъ дорога очень расширяется, такъ какъ, смотря по времени года и степени заливаемости этого мѣста, она постепенно подвигается налѣво къ песчаному валу, идущему параллельно. Почти на концѣ второй версты отъ моста встрѣчается рѣчка, которая требовала бы моста, но котораго почему-то не устроено, и пѣшеходамъ приходится перескакивать съ камня на камень или же проще снимать сапоги и переходить въ бродъ, что не всегда удобно. Затѣмъ почти цѣлая верста идетъ по твердому грунту съ мелкой травой, служащей пастбищемъ городского скота. Тутъ же пастухи поставили свой шалашъ, подлѣ котораго сушатъ тщательно собираемый пометъ пасомаго скота. На концѣ этого участка протекаетъ быстрая, никогда не высыхающая рѣчка, черезъ которую перекинутъ каменный мостъ. На лѣвомъ ея берегу, въ полуверстѣ отъ дороги, находится обширный садъ, принадлежащій здѣшнему кашмирскому обществу. Въ этомъ саду кашмирцы устраиваютъ пикники и празднества. На югозападномъ углу сада находится ихъ кладбище.

Отъ послѣдняго моста дорога снова идетъ по низменному мѣсту, вслѣдствіе чего здѣсь опять выложено шоссе, доходящее до начала подъема въ горы. Длина этого шоссе около 2—2½ версты. На этомъ пути, на правой рукѣ, въ стоячемъ болотѣ, тянущемся въ длину версты на 5, растетъ высокостебельная трава, въ родѣ камыша, которая принадлежитъ центральному правленію и ежегодно выжинается назначенными по наряду простолюдинами, преимущественно женщинами. Эти люди жнутъ траву серпами, стоя въ водѣ выше колѣнъ и вытащивъ её на сухое мѣсто, высушиваютъ и на своихъ же плечахъ ежедневно переносятъ въ Лхасу. Въ этой работѣ за ними слѣдятъ особые надсмотрщики, которые съ большими, длинными палками въ рукахъ побуждаютъ къ усердію, нерѣдко сами залѣзая въ воду.

Лишь только оканчивается шоссе, начинается твердый и каменный грунтъ предгорья. Небольшіе камни, столь сильно мѣшающіе и коннымъ и пѣшимъ путникамъ, понятно, давно служили предметомъ желанія убрать ихъ и тѣмъ очистить дорогу. Такія расчистки дороги изстари сопряжены съ религіознымъ

культомъ, а именно изъ такихъ камней складываются кучи, какъ бы въ жертву духу данной мѣстности. Каждый проѣзжающій, не говоря уже о прохожихъ, считаетъ своимъ долгомъ слѣзть съ коня и, подобравъ съ дороги хотя бы одинъ камень,

Обо.

бросить въ эту кучу. Поэтому въ мѣстахъ, гдѣ очень много камней, образуются довольно солидныя кучи, примѣръ которыхъ можно видѣть и здѣсь, подлѣ скалистой оконечности горнаго носа. Эта куча имѣетъ конусообразный видъ, въ вышину она около $1\frac{1}{2}$ сажень, вышина ея еще увеличивается укрѣпленными на верхушкѣ кучи многочисленными прутьями и палками, къ которымъ привязываются куски матеріи и ленты, часто исписанныя молитвами. Напротивъ этой кучи, на скалѣ, находится маленькая часовня, въ которой, какъ полагаютъ, обитаетъ духъ, хозяинъ этой мѣстности. Между часовней и верхушкой кучи натянуты шерстяныя веревки, съ лоскутами съ молитвами, которыя колышутся отъ вѣтра, что признается равносильнымъ прочитыванію соорудителями молитвъ, начертанныхъ на лоскуткахъ. Дальше этого горнаго носа дорога нѣкоторое

время идетъ по песчаному мѣсту и, пройдя около версты, поднимается вверхъ, снова по твердому грунту высокаго праваго берега глубокаго оврага, а еще черезъ версту или полторы приводитъ къ наружнымъ воротамъ монастыря Брѣбунъ.

Немного выше начала подъема на гору, на лѣвомъ берегу оврага, въ тѣнистомъ саду, находится храмъ Нѣичунъ-чойчжѣна, о которомъ будетъ упомянуто ниже.

2. Брѣбунъ.

Основателемъ Брѣбуна считается ученикъ и послѣдователь Цзонхавы Дашѣй-балданъ, извѣстный болѣе подъ названіемъ Чжамьян-чойрчжэ (по-монгольски „Цорчи“). Родился онъ въ окрестностяхъ монастыря Самъяй въ 1379 году и умеръ въ 1448 году. Учился сначала въ Цзэтанѣ, Санпу и Чжѣрмолунѣ, но затѣмъ перешелъ къ Цзонхавѣ въ только что основанный имъ монастырь Галданъ. Цзонхава, увидѣвъ блестящія способности, проявленныя симъ, сравнительно молодымъ, ламой, повидимому, сразу рѣшилъ расположить его къ себѣ и подарилъ ему раковину, добытую, по преданію, изъ скалы. Затѣмъ онъ посоветовалъ Дашѣй-балдану построить монастырь и, если вѣрить словамъ біографа Цзонхавы, сказалъ ему, что основанный имъ монастырь превзойдетъ Галданъ. По этому совѣту или, можетъ быть, потому, что, согласно преданію, онъ не сходилъ въ нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросахъ со своимъ учителемъ, Дашѣй-балданъ въ 1416 году основалъ монастырь Брѣбунъ, полное названіе коего Балдан-Брѣбунъ — „Блестящая куча плодовъ“. Этотъ монастырь, являющійся въ настоящее время самымъ большимъ изъ желтошапочныхъ монастырей центральнаго Тибета, лежитъ верстахъ въ 6—7-ми на западъ отъ Лхасы у южной подошвы горы Гэнпелъ. Находясь подъ защитой скалистаго горнаго мыса, на значительной высотѣ, будучи построенъ амфитеатромъ и имѣя по обѣимъ сторонамъ сады, онъ издали представляетъ довольно красивый видъ, но по мѣрѣ приближенія этотъ видъ исчезаетъ и, наконецъ, вы вступаете въ узкія устланныя камнемъ улицы, по сторонамъ которыхъ возвышаются многоэтажные дома.

Самыя важныя святыни, какъ вообще въ ламаитскихъ монастыряхъ, связаны, конечно, съ именемъ основателя. Такъ въ

здѣшнемъ домѣ большого собранія, цокчэн-дуганѣ находится статуя Майтреи, имѣющая въ вышину 25 тибетскихъ аршинъ (по 1¹/₂ фута), поставленная при жизни основателя непальскими мастерами.

Затѣмъ прежде здѣсь славилась статуя страшнаго Ямантаки (по-тибетски Чжигчжедь), освященная великимъ Цзонха-

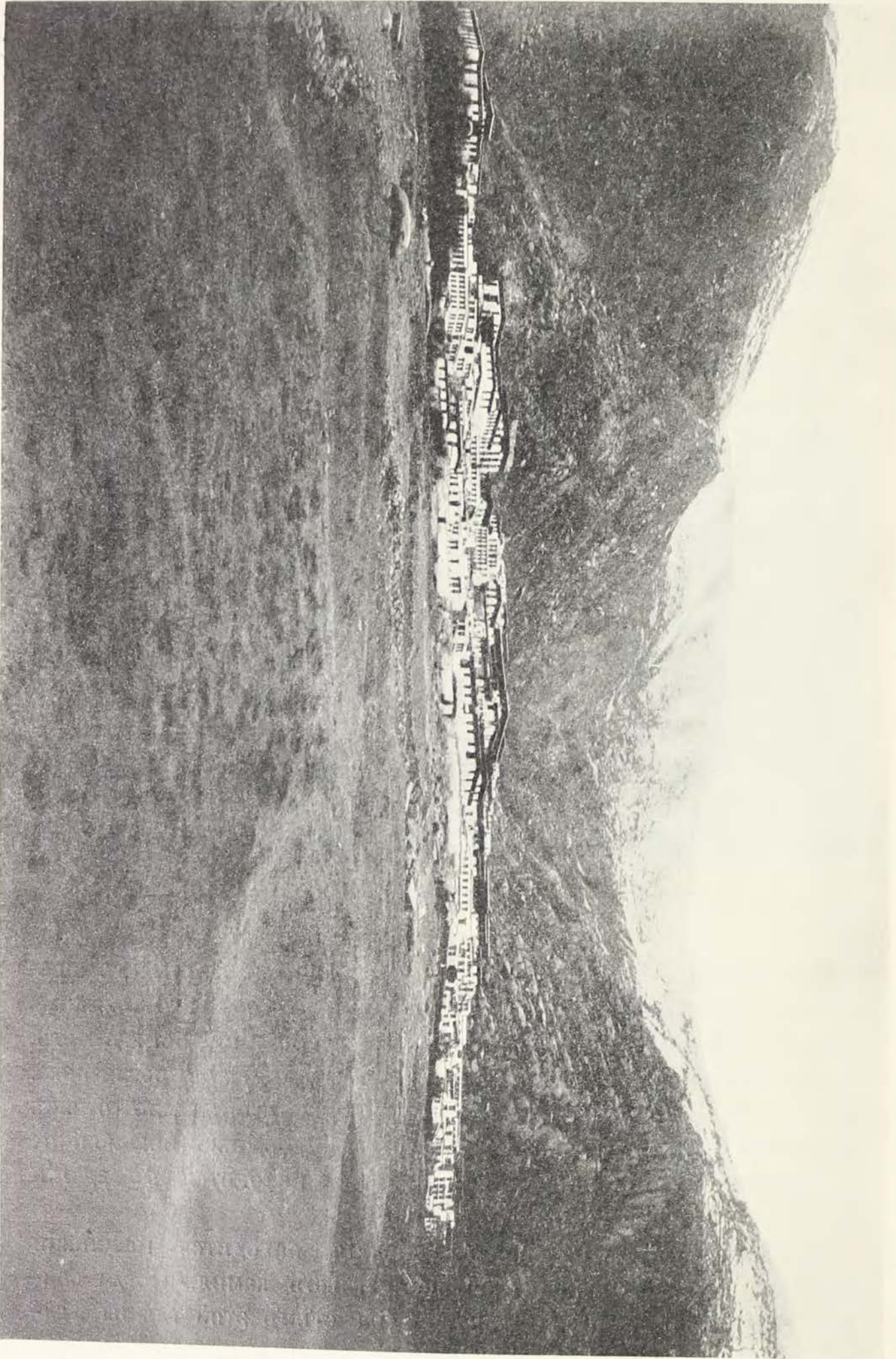

Брѣбунъ.

вой и основателемъ монастыря. Внутри этой статуи, по преданію, было помѣщено тѣло „Ролоцзавы“ (рогатаго толмача), который, посредствомъ долголѣтняго созерцанія, достигъ того, что Ямантака вселился въ него и поэтому у него выросли рога. Статуя эта въ недавнее сравнительно время сгорѣла, но тотчасъ поставили новую такой же величины. Набожные богомольцы чествуютъ ее не менѣе прежней. Она находится въ зданіи тарнистическаго факультета Агна.

Позади дома большого собранія находится маленькій домикъ, пристроенный къ большой глыбѣ камня. Когда войдете въ этотъ домикъ, то внутри, на стѣнѣ этой глыбы указываютъ рельефное и выкрашенное изображеніе Манджушри

Брэдбурнъ въ Дини.

(по тибетски Чжамьянъ), которое, по преданію, явилось само въ то время, когда основатель монастыря жилъ въ этой кельѣ.

Сверхъ того, Брѣбунъ служитъ усыпальницей трехъ далай-ламъ 2-го, 3-го и 4-го. Часть останковъ третьяго далай-ламы, Соднам-чжямцо, вложена въ субурганъ стоимостью въ 7.400 лановъ китайскаго серебра (14.000 серебряныхъ рублей).

Что касается расположенія главныхъ зданій монастыря, то въ центрѣ, немного ближе къ западному краю, стоитъ громадное зданіе съ золоченой крышей, являющееся домомъ для большого собранія, т. е. цокчэн-дуганъ, а на юго-западномъ краю монастыря — дворецъ далай-ламы, называемый Галдан-побранъ. Рядомъ съ послѣднимъ, уже внѣ монастырской черты, находится дворецъ, называемый Дашій-кансаръ и построенный, по преданію, 6-мъ далай-ламой для свѣтской жизни своей.

На юго-восточной сторонѣ цокчэн-дугана стоитъ зданіе дацана Лосалинъ (что значитъ „міръ, питающій разумъ“) и почти на одной линіи съ нимъ къ востоку дацаны Дэянъ (т. е. „изобильный блаженствомъ“) и Гоманъ (т. е. „многодворный“); на сѣверо-западъ отъ цокчэна — дацанъ Агпа. Вся остальная площадь занята домами разныхъ общинъ, отъ общемонастырской до мицановъ включительно.

По отношенію къ учебной части, все духовенство монастыря распредѣляется по дацанамъ, коихъ прежде было семь. Изъ нихъ дацаны Тойсамлинъ или Чжялба, Шяг-горъ и Дулба были закрыты, кажется, въ XVIII вѣкѣ, причемъ остались лишь должности ихъ настоятелей. Изъ остающихся по настоящее время четырехъ дацановъ три изучаютъ богословскія науки (цаннидъ) и одинъ тантры.

Цаннидскіе дацаны суть: 1) Гоманъ, первымъ настоятелемъ котораго считается Дагна-ринчэнъ. Богословіе изучается въ немъ по догматикѣ перваго перерожденца вышеупомянутаго Чжамьян-шадбы, Агван-цзондуя, 2) Лосалинъ, первымъ настоятелемъ котораго былъ нѣкто Лэг-данба. Въ немъ приняты за руководство поясненія, не разъ упомянутаго выше, знаменитаго 15-го настоятеля Галдана Соднам-дагпы, 3) Дэ-янъ, первымъ настоятелемъ коего считается Чжогба-чжанбалъ. Въ немъ изучаютъ богословіе по толкованіямъ пятаго далай-ламы Агван-Лобсан-чжямцо.

Четвертый дацанъ, изучающій тарни и называемый Агпа, считаетъ своимъ настоятелемъ нѣкоего Лодой-чжялцана. На

обязанности этого дацана лежитъ совершение мистическихъ обрядностей за благополучіе монастыря.

Кромѣ того, все монастырское духовенство дѣлится на 42 общины (камцаны), изъ коихъ 16 въ Гоманѣ, а остальные 26 въ Лосалинѣ.

Духовенство двухъ другихъ дацановъ распредѣляется по камцанамъ по своему выбору.

Число монаховъ въ Брѣбунѣ мѣстными ламами опредѣляется въ 10.000, но я думаю, основываясь на приблизительномъ подсчетѣ при раздачѣ имъ денегъ и соображеніяхъ о количествахъ денегъ, уходящихъ на такія раздачи, что оно не превышаетъ восьми тысячъ. По вышеназваннымъ дацанамъ Гоманѣ, Лосалинѣ, Дзянѣ и Агна монахи распредѣляются въ отношеніяхъ 8: 25: 2: 1.

Брѣбунскій монастырь извѣстенъ своимъ почитаніемъ прорицателей, на которыхъ нисходятъ, по вѣрованію, такъ называемые, чойчжоны или хранители ученія. Культъ чойчжоновъ былъ введенъ въ Тибетѣ впервые извѣстнымъ проповѣдникомъ конца VIII-го и начала IX-го вѣка Бадма Самбавой и ко времени Цзонхавы такъ прочно утвердился, что сохранился и при новомъ, господствующемъ нынѣ, ученіи его. Изъ всѣхъ чойчжоновъ, число коихъ довольно велико, сходятъ на прорицателей, однако, очень немногіе, при чемъ всѣ они считаются принадлежащими къ низшему разряду. Самыми популярными изъ чойчжоновъ являются, такъ называемые, „пять царей“, а между ними царь Бэхаръ, или „царь дѣяній“, который нынѣ у ламаитовъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ „Найчунъ“ (маломѣстный). Про происхождение этого послѣдняго названія рассказываютъ слѣдующее. Съ давнихъ поръ царь Бэхаръ былъ почитаемъ въ монастырѣ Цалгунтанѣ, находящемся верстахъ въ семи на юго-востокъ отъ Лхасы, на лѣвомъ берегу рѣки Уй. Послѣ одного несчастнаго случая цалгунтанцы, недовольные небдительностью своего охранителя, положили (понятно, изображеніе) его въ маленькій ящикъ и пустили плыть внизъ по названной рѣкѣ. Противъ монастыря Брѣбунъ одинъ изъ его монаховъ увидѣлъ плывущій мимо ящикъ и, вытащивъ изъ рѣки, понесъ въ свой монастырь. Не много не дойдя до монастыря, монахъ любопытствовалъ посмотреть, что находится въ ящикѣ, и приподнял крышку. Тогда изъ него вылетѣлъ чойчжонъ и, помѣстившись, на

одномъ деревѣ, крикнулъ: „Найчунъ, найчунъ“, т. е. мало мѣста, мало мѣста! Удивленный такимъ чудомъ, монахъ пошелъ въ монастырь и сообщилъ объ этомъ приключеніи. Тогда рѣшили на этомъ же мѣстѣ построить кумирню для чойчжѳна, который затѣмъ сталъ сходить на одного изъ монаховъ и черезъ него давать прорицанія.

Кумирня эта находится на юго-востокъ отъ монастыря саженьяхъ въ трехстахъ отъ его края, среди густого сада-лѣса. Въ настоящее время она представляетъ довольно красивое зданіе въ тибетскомъ стилѣ съ маленькой золоченой крышей въ китайскомъ вкусѣ. Къ ней сдѣланы пристройки, служащія жилищемъ какъ самого прорицателя, такъ и штата монаховъ при кумирнѣ. Прорицатель-лама, какъ говорятъ, сопровождалъ третьяго баньчэн-эрдэни при его поѣздкѣ въ Пекинъ, и, вѣроятно, тогда получилъ почетный титулъ чойрчжэ и виѣшніе знаки почета, состоящіе изъ желтыхъ носилокъ и желтой курмы. Самая кумирня также утверждена богдоханомъ и потому на дверяхъ имѣетъ китайскую надпись на обычной синей доскѣ: линъ-чжао-бяо-цзяо.

Найчунъ съ Ю.-З.

Каждый интересующійся тѣмъ или другимъ вопросомъ можетъ заказать запросить чойчжѳна. Для этого подносится прорицателю извѣстная сумма денегъ, смотря по его важности, но въ общемъ небольшая. Такъ, Найчуну вносятъ минимумъ 5 лановъ тибетскихъ монетъ (6 р. 50 коп.), Гадону—2 лана (2 р. 60 коп.), Дамчжаню 2 монеты (40 коп.) и т. п. Вопросы предлагаются письменно или устно, соотвѣтственно чему даются и отвѣты. Отвѣты эти находятся подъ общимъ контролемъ администраціи и ламъ. За отвѣты, могущіе подорвать религіозныя чувства и довѣріе къ администраціи, иногда запрещаютъ предсказывать.

Официальное спусканіе чойчжѳна происходитъ 2-го числа каждой луны въ присутствіи администраціи и духовенства мо-

настыря въ самой кумирнѣ; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (какъ 29-го числа 6-й луны) въ монастырѣ. Кромѣ того, спусканіе можетъ быть произведено при всякомъ экстренномъ случаѣ, какъ по требованію далай-ламы, такъ и по просьбѣ частныхъ лицъ. Нѣйчунъ вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ Гадонъ являются главными совѣтниками далай-ламы и всего высшаго управленія Тибета.

Почти въ одной верстѣ на сѣверо-востокъ отъ монастыря, высоко на склонѣ горы Гэнцэлъ, находится мѣстопробываніе прорицательницы-женщины, въ которую вселяется хранительница ученія Дамма или Дамчжан-чэмо. Она чтится въ особенности гоманскимъ дацаномъ.

За западной горой монастыря находится мѣстопробываніе весьма чтимаго чойчжѳна Гадонъ (радостный ликъ). Онъ считается однимъ изъ вышепомянутыхъ „пяти царей“ и иначе именуется Юнданъ-чжялбо (царь знаній). Прорицатель, на котораго онъ спускается, является хозяиномъ небольшого монастыря, оставшагося отъ древняго до-цзонхавинскаго большого монастыря Гадонъ. По своему вліянію на дѣла Тибета этотъ прорицатель является вторымъ послѣ нѣйчунскаго, претендуя даже на равенство съ нимъ.

Въ одной верстѣ на югъ отъ монастыря находится небольшая деревня, въ центрѣ которой стоитъ большой домъ, гдѣ живетъ прорицатель Дамба-шамо. Преданіе говоритъ, что прежде два шамо, т. е. правители монастыря Брѣбуна, дали клятву принимать мѣры, чтобы мясо продаваемое монахамъ было безъ заразы. Поэтому послѣ смерти они стали нисходить на одного ламу въ этой деревнѣ, гдѣ живутъ почти всѣ мясоторговцы Брѣбуна. Послѣдніе, конечно, весьма чтутъ этого прорицателя.

Между монастырями Сэра и Брѣбуномъ живетъ въ своемъ помѣстьи еще одна прорицательница, на которую нисходитъ чойчжѳнъ Дамчжан-дорчжѳ-дагданъ, который считается хранителемъ одной изъ Брѣбунскихъ общинъ Самло. Этотъ чойчжѳнъ изображается вѣдущимъ на буромъ козлѣ. Цвѣтъ самого темно-синій. Держитъ въ правой рукѣ вачиръ.

Намъ неоднократно приходилось присутствовать при спусканіи разныхъ чойчжѳновъ и самый процессъ его у всѣхъ прорицателей почти одинаковъ, какъ не разъ описано раньше. Теперь же скажемъ, что при спусканіи чойчжѳновъ всѣ прорицатели одѣваются въ болѣе или менѣе богатые воинскіе доспѣхи и стараются принять возможно страшный образъ. При этомъ

женщины, конечно, не могут продѣлывать такихъ жестикуляцій, какъ мужчины, но все же размахиваютъ копьями, саблями и строятъ гримасы. Богатство досѣховъ зависитъ, конечно, отъ благосостоянія прорицателей и усердія поклонниковъ. Такъ нѣйчунскій и гадонскій прорицатели надѣваютъ шлемы изъ чистаго золота, подаренные, какъ говорятъ, нынѣшнимъ далай-ламой.

Что касается преемства дара прорицанія, то оно бываетъ двухъ родовъ: выборное и наслѣдственное. Во главѣ выборныхъ прорицателей стоитъ нѣйчунскій, избираемый далай-ламой изъ среды нѣсколькихъ кандидатовъ. Дѣло въ томъ, что по смерти прорицателя лица, желающія занять эту выгодную должность, пробуютъ ниспускать чойчжѳна и, если выходитъ удачно, стараются довести о томъ до свѣдѣнія далай-ламы. Послѣдній выбираетъ наиболѣе подходящихъ кандидатовъ и предварительно испытываетъ ихъ частнымъ образомъ у себя во дворцѣ. Тотъ, на кого падетъ выборъ далай-ламы, объявляется прорицателемъ и онъ дѣлаетъ пробное ниспусканіе передъ помянутымъ выше Ямантакой (Чжиг-чжедомъ) брѣбунскаго дацана Агна въ присутствіи далай-ламы и высшихъ духовныхъ. Такой естественный ходъ выбора объясняется ламаитами, конечно, иначе: они говорятъ, что различные чойчжѳны и духи болѣе низшаго разряда стремятся стать на мѣсто Нѣйчуна, почему и начинаютъ вселяться въ разныхъ лицъ; распознать же истиннаго Нѣйчуна можетъ лишь всевѣдущій далай-лама совместно съ Ямантакой.

Во главѣ наслѣдственныхъ прорицателей стоитъ гадонскій, у котораго даръ прорицанія переходитъ отъ женатаго ламы отца къ таковому же сыну, а если нѣтъ сына, то къ ближайшему родственнику.

Выборъ и испытаніе низшихъ прорицателей дѣлаетъ главнымъ образомъ Нѣйчунъ-чойчжѳнъ.

Число прорицателей весьма велико. Они играютъ громадную роль во всѣхъ дѣлахъ, начиная отъ государственной политики до частной жизни каждаго человѣка. Всегда хорошо освѣдомленные въ текущихъ дѣлахъ района своего вліянія, хорошо знающіе психологію вопрошателей и умѣющіе найти выходъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, они по большей части ловко поддерживаютъ свой авторитетъ, хотя иногда бываютъ явные промахи, которые набожный ламаитъ никогда не осмѣлится приписать прорицателю, а объясняетъ своей злосчастной судьбой.

Брѣбунѣ издали.

3. Изъ монастырской жизни въ Брѣбунѣ.

9 августа 1900 г. На третій день послѣ моего прибытія въ Лхасу, ко мнѣ явились два нерба, т. е. казначея халхаской общины Брѣбунскаго монастыря, неся съ собою тушу большого барана, около десятка китайскихъ лепешекъ, по-тибетски „бале“ и одну крынку кислаго молока. Все это они поставили предо мною и, поднося хадакъ, сказали, что халхаскій мицанъ поздравляетъ меня съ благополучнымъ прибытіемъ и подноситъ представленный подарокъ. Я, не зная этого обычая, сначала былъ поставленъ въ недоумѣніе, но мой знакомый, у котораго я остановился, тотчасъ-же разъяснилъ мнѣ, что всякому вновь прибывшему болѣе или менѣе зажиточному человѣку нерба долженъ подносить подарокъ цѣлой или половинной баранины съ другими предметами. Это дѣлается въ расчетъ на раздачу денегъ духовенству общины. Если вновь прибывшій принимаетъ подносимое, то этимъ онъ уже выражаетъ готовность сдѣлать пожертвованіе, а если отказывается, то нерба, не особенно настаивая на своей просьбѣ, беретъ представляемое обратно и, вѣроятно, пробуетъ дать кому-нибудь другому.

Послѣ разъясненія этого обычая, я принялъ подарокъ и значить тѣмъ самымъ обязался сдѣлать пожертвованіе въ общину, для чего необходимо было поѣхать въ монастырь Брѣбунѣ.

Прибывъ въ означенный монастырь, я помѣстился въ квартирѣ того-же знакомаго, которую онъ снималъ въ домѣ кам-

цана Самло, находящемся по лѣвую сторону отъ цокчэн-дугана. Домъ этотъ окрашенъ въ желтый цвѣтъ, такъ какъ онъ служитъ квартирой ургинскаго хутухты, во время его прїѣздовъ сюда. Хутухтѣ этому, какъ извѣстно, пожаловано было китайскимъ императоромъ право имѣть желтую ограду и окрашивать въ такой-же цвѣтъ и домъ. Этотъ почетъ присвоенъ и его квартирѣ въ Брѣбунѣ, гдѣ онъ особенно чтится, какъ перерожденецъ основателя монастыря.

10 августа. Сегодня состоялось мое угощеніе халхаскаго мицана чаемъ и кашей, матеріалы для коихъ были запасены въ Лхасѣ и доставлены сюда заблаговременно. Угощеніе начинается рано утромъ, когда собравшіеся монахи мицана читаютъ молитвы за благополучіе жертвователя. Приготовление чая и кушаній лежитъ на обязанности нерба, который привлекаетъ къ работѣ младшихъ изъ простыхъ монаховъ. Разносъ и разливаніе чая производится простыми монахами, снаряжаемыми уже изъ храма. Во время богослуженія чай подносится дважды, а каша одинъ разъ, около полудня, послѣ чего монахи начинаютъ расходиться, какъ-бы получивъ вознагражденіе за трудъ. Размѣръ вознагражденія всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія раздающаго монеты, но, однако, установился обычай не давать менѣе $\frac{1}{2}$ монеты на одного. Старшіе монахи, составляющіе совѣтъ общины, получаютъ при такихъ раздачахъ двойное количество денегъ.

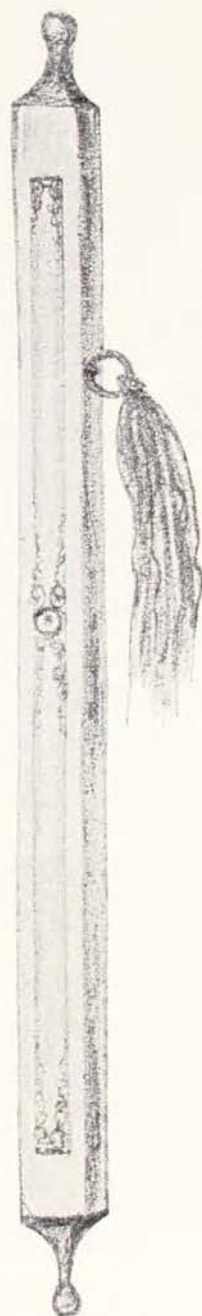
Одновременно съ угощеніемъ монаховъ милостынедателемъ, происходитъ угощеніе послѣдняго общиной. Ради этого меня пригласили въ зданіе мицана, гдѣ приготовили мнѣ сѣдалище въ верхнемъ (3-мъ) этажѣ дома общины. Сюда же собрались и общинные старшины. Сначала принесли чай, а затѣмъ, по мѣстному обычаю, кушанье, состоящее изъ четырехъ продуктовъ, подаваемыхъ отдѣльно: разваренаго риса, кислаго молока (по-тибетски «шо», монгольское «таракъ»), сахарнаго песку и топленаго масла. Кушанье это считается очень почетнымъ. Послѣ этого принесли вареную баранину, которой и закончилось угощеніе. Старшины поднесли мнѣ хадакъ и благодарили за пожертвованіе, на которое ушло около 100 руб. (при 80 членахъ общины).

11 августа. Сегодня, 29-го числа шестой луны происходило обычное ежегодное сожженіе «дугчжубы» духовенствомъ дацана Агна. Мнѣ довелось это видѣть дважды: сегодня и 31 іюля

слѣдующаго года. Этой церемоніи предшествуетъ трехдневное чтеніе духовенствомъ дацана Агна особыхъ молитвъ съ священнодѣйствіями надъ приготовленной самими ламами фигурой изъ картона, называемой «дугчжуба». Въ день выноса, немного послѣ полудня, начинается собираться народъ, которому сегодня открыть доступъ въ монастырь. Въ другое время женщины не допускаются вовсе въ монастырь. Зрѣлище для любопытной публики начинается шествіемъ прорицателя Нѣйчунъ-чойчжѳна изъ его жилища въ дацанъ Агна. Шествіе тянется длинной вереницей. Во главѣ идутъ воины въ разныхъ маскахъ и военныхъ доспѣхахъ, затѣмъ музыканты съ кларнетами, флейтами, барабанами и ударными тарелками; послѣ музыкантовъ идетъ младшій цокчэнскій шамо съ пачкой курительныхъ свѣчъ въ рукѣ. Вслѣдъ за нимъ сегодня несли доспѣхи и изображеніе Нѣйчуна, такъ какъ прорицатель умеръ недавно отъ оспы, а преемникъ ему еще не былъ найденъ. Въ слѣдующемъ году (31 іюля 1901 г.) Ъхалъ вновь назначенный прорицатель верхомъ на лошади, на которой онъ подѣхалъ къ самому соборному храму (простые монахи должны слѣзть за монастырскими воротами). Отсюда онъ отправился въ Агна дацанъ, гдѣ, переодѣвшись въ долженствующее облаченіе, ниспустилъ чойчжѳна. Въ это время выносятъ изъ дацана Агна дугчжубу, которую несутъ впереди процессіи, во главѣ которой идетъ хамбо этого дацана въ предшествіи старшаго шамо. Процессія съ пришедшимъ въ экстазъ прорицателемъ двигалась сзади, почти бѣгомъ, такъ какъ послѣдній, поддерживаемый двумя служителями, шелъ впередъ очень быстро. Когда первая часть процессіи вышла за монастырскую стѣну и стала въ нѣкоторомъ отдаленіи, вблизи приготовленной кучи соломы для сожженія дугчжубы, прорицатель остался у монастырскихъ воротъ и, въ ожиданіи того момента, когда дугчжубу бросятъ въ огонь, сѣлъ въ приготовленное кресло. Въ тотъ же моментъ, какъ вспыхнуло пламя отъ соломы и брошенныхъ въ огонь бумажныхъ украшеній дугчжубы, прорицатель вскочилъ со своего мѣста и, быстро схвативъ лукъ и стрѣлу, выпустилъ по направленію костра стрѣлу, которая поднялась очень высоко и упала саженьхъ въ 50 отъ стрѣлка. Стрѣла эта, по убѣжденію вѣрующихъ, поражаетъ враговъ религіи и, говорятъ, будто-бы она нерѣдко падаетъ окровавленной. Послѣ выпуска стрѣлы цере-

монія окончилась и прорицатель и хамбо со всѣмъ духовенствомъ ушли назадъ.

Миѣ удалось дважды присутствовать (10 августа 1900 г. и 1 августа 1901 г.) на церемоніи смѣны цокчэнскихъ «шамо» Брѣбуна. Смѣна совершается ежегодно 30 числа шестой луны. Назначеніе новыхъ шамо происходитъ почти за мѣсяць до этого дня. Для сего на усмотрѣніе тибетскаго хана, т. е. въ настоящее время далай-ламы, представляются 10 кандидатовъ на эти должности, т. е. по 5 человекъ изъ cadaго очереднаго дацана. Выборъ изъ среды ихъ двоихъ предоставляется самому хану. Въ назначенный день всѣ они прѣзжаютъ къ далай-ламѣ, который выдаетъ имъ запечатанный конвертъ съ именами назначенныхъ. Этотъ конвертъ, какъ говорили миѣ, они вскрываютъ подлѣ упомянутаго выше «обо» (кучи камней) передъ монастыремъ. Здѣсь ихъ поджидаетъ депутація отъ монастыря съ угощеніями. Слѣзши съ лошадей и сѣвъ за чай, они узнаютъ имена счастливицевъ и отправляются въ монастырь. Вновь назначенные начинаютъ готовиться къ принятію должности; нанимаютъ болѣе или менѣе роскошную квартиру, заводятъ приличную обстановку, приобрѣтаютъ атрибуты своей должности, главное — желѣзный жезль ¹⁾, особый покрій облаченія, шьютъ парадныя платья, намѣчаютъ помощниковъ ²⁾ и т. д. Въ это время имъ всего болѣе нужны деньги, вслѣдствіе чего богатые лица монастыря и торговцы Лхасы предусмотрительно приходятъ къ нимъ съ поздравленіями, что по мѣстному обычаю сопровождается подарками, вещами и деньгами. Этимъ они впередъ заручаются знакомствомъ и расположеніемъ къ нимъ, хотя кратковременныхъ, но сильныхъ по власти правителей большого монастыря, которые почти цѣлый мѣсяць управляютъ и столицей далай-ламы.

Жезль шамо.

¹⁾ Желѣзный жезль шамо длиною немного выше плечъ обладателя, шириною $1\frac{1}{2}$ вершка. Внутри пустота, заполненная, какъ говорятъ, солью.

²⁾ Каждый имѣетъ по одному помощнику «нанма» и одному прислужнику «шабри». При выѣздахъ верхомъ шабри носятъ шапку особаго рода, желтаго цвѣта.

Ко дню смѣны у нихъ бываетъ все готово. Рано утромъ этого дня къ каждому изъ нихъ на квартиру являются старшины его общины въ парадныхъ одеждахъ, являются и прислужники. Сюда приносятъ срубленное высокое молодое дерево,

Шапка шабри.

на которое привязываютъ хадаки и рисованное, символическое изображение мірскаго круговорота называемое «срид-бій-хорло». Изображение это дарится новому шамо его общиной. Каждый шамо выходитъ отдѣльно изъ своего дома въ сопровожденіи помянутыхъ старшинъ и слугъ исключительно своей общины. Впереди его несутъ вышеназванное изображение, затѣмъ одинъ изъ старшинъ воскуряетъ путь свѣчами, за нимъ идетъ шамо въ полной формѣ, но только безъ жезла, который слуги несутъ сзади, держа на рукахъ въ горизонтальномъ положеніи. По пути шамо раздаютъ хадаки всѣмъ попадающимся водоносцамъ. Этимъ обычаемъ тибетцы любятъ пользоваться, и на короткомъ разстояніи встрѣчается не менѣе 30 водоносцевъ, которые пересѣкаютъ дорогу и получаютъ по хадаку, стоящему, правда, только 4 копѣйки на наши деньги. На западномъ краю монастыря оба новыхъ шамо сходятся вмѣстѣ и идутъ одинъ за другимъ (старшій впереди). По правую сторону глубокаго оврага къ этому времени бываетъ уже приготовлено все для ихъ прихода. Здѣсь на покато́мъ склонѣ горы расчищена площадка приблизительно въ 150 квадратныхъ сажень (15×10), на которой растянута большое рисованное изображение Будды Шакьямуни. Верхніе края рисунка прикрѣпляются къ особо устроенной длинной каменной стѣнкѣ. На этой стѣнкѣ становятся музыканты изъ духовенства и играютъ встрѣчу шамо. На нижнемъ концѣ на приготовленныхъ сѣдалищахъ уже сидятъ прежніе два шамо и цокчэнскій умцадъ. Съ прибытіемъ новыхъ шамо, два дерева втыкаются здѣсь въ землю у подножья изображенія и два новыхъ шамо дѣлаютъ по три земныхъ поклона Буддѣ, послѣ чего подносятъ по одному длинному

Шасаръ, шапка служилаго духовенства.

хадаку, которые придавливаются камнями на краю изображенія и остаются до конца церемоніи. Затѣмъ они садятся рядомъ съ прежними шамо, но ниже ихъ и тогда умцзздъ начинаетъ читать коротенькую молитву, которой вторятъ монахи, сидящіе на землѣ сзади его. Сюда собирается много народа, который образуетъ живую стѣну вокругъ изображенія, а нѣкоторые взбираются на склонъ горы. Послѣ этого начинаются представленія актеровъ «Ачжил-лхамо», которые являются четырьмя отдѣльными партіями въ различныхъ маскахъ и костюмахъ. Они здѣсь пляшутъ подь музыку и собственное пѣніе. За это они награждаются новыми шамо хадаками. Этимъ церемонія и оканчивается. Старые шамо удаляются домой съ прежнимъ почетомъ, но мнѣ сказывали, что въ это время духовенство можетъ выразить свое удовольствіе или неудовольствіе по поводу ихъ прошлаго правленія. Говорятъ, что въ ненавистныхъ шамо бросаютъ мелкіе камни, а у любимыхъ прикладываютъ головой къ жезламъ. Я видѣлъ лишь немногіе случаи прикладыванія къ жезламъ смѣнившихся правителей.

Церемонія смѣны шамо. На скатѣ подь стѣной разостлано исполненное изображеніе Шакьямуни.

Новые шамо остаются на полянѣ до уборки растянутой иконы, которая свертывается въ трубку отъ нижняго края къ верхнему многочисленными монахами и ими же на плечахъ относится въ главный соборъ для храненія до будущаго года. Впереди этого длиннаго свертка идетъ старшій шамо, а сзади младшій, распоряжаясь осторожнымъ доставленіемъ иконы на мѣсто.

Послѣ прихода въ цокчэнскій храмъ, начинаются приготовленія къ такъ называемому «цокдамъ» (рѣчь собранію), т. е. публичнымъ рѣчамъ новыхъ шамо. Народъ собирается густой толпой на площадкѣ передь соборнымъ храмомъ и сдерживается на почтительномъ разстояніи отъ террасы храма только при помощи кнутовъ и палокъ прислужниковъ. Передь дверью

храма у подножья террасы становится многочисленная прислуга кухни и собора. Они собираются беспорядочной толпой, согнувшись въ поясъ. Тогда появляется первымъ старшій шамо и, расхаживая по террасѣ, излагаетъ свои полномочія и правила монастырской жизни; на эту же тему говорить за нимъ и младшій. Рѣчи эти длятся минутъ 40 и по окончаніи ихъ народъ расходится, а уставшая стоять въ согнутомъ положеніи рабѣнная прислуга облегченно выпрямляетъ спину.

Остальная часть дня проходитъ въ увеселеніяхъ, которыя въ предѣлахъ монастыря ограничиваются посѣщеніемъ представленій многочисленныхъ партій актеровъ. Ихъ приглашаютъ разныя общины во дворы своихъ домовъ, за что имъ даютъ извѣстную, повидимому, небольшую, плату. Народъ смотритъ бесплатно. Только двѣ общины Даонъ въ Гоманѣ и Гугэ въ Лосалинѣ, имѣющія хорошо приспособленные дворы, приглашаютъ наилучшія труппы такихъ актеровъ и впускаютъ туда зрителей за извѣстную плату, а именно по 4 мѣстныхъ монеты за отдѣленіе (родъ нашихъ театральныхъ ложъ), гдѣ могутъ помѣщаться отъ 6 до 10 человѣкъ.

Во время этихъ представленій два новыхъ цокчэнскихъ шамо дѣлаютъ визиты большимъ камцанамъ, гдѣ старшины ихъ угощаютъ и, дѣлая подарки, излагаютъ свои нужды и привилегіи, коими пользовались до сихъ поръ. Этимъ, такъ сказать, возобновляются договоры взаимнаго отношенія этихъ общинъ къ главнымъ правителямъ монастыря.

Я лично довольствовался зрѣлищемъ, происходившимъ во дворѣ моей квартиры. Между разными сюжетами, представленными актерами, мнѣ показалась правдивой и жизненной сцена приглашенія къ больному (невидимому) одного красношапочнаго ламы, который, во время исполненія духовнаго обряда, обнаруживаетъ неискренность вѣры и неточность обрядовъ. Лишь только хозяева удаляются, онъ перебрасываетъ непрочитанные листы книжки, будто-бы уже прочитавъ ихъ, а самъ принимается за ѣду. Услышавъ шумъ приближенія кого-нибудь изъ домашнихъ, снова принимаетъ набожно-важный видъ, начинаетъ громко читать молитвы и т. п. Въ концѣ концовъ, когда его угощаютъ бараниной, онъ, наѣвшись, не довольствуется этимъ и въ отсутствіи хозяина беретъ остатки блюда и кладетъ себѣ въ высокую шанку, которую надѣваетъ на голову. Хозя-

инъ узнаеть о кражѣ и какъ-бы нечаяннымъ прикосновеніемъ къ шапкѣ, сшибаетъ ее. Куски баранины падаютъ на землю. Сконфуженный лама убѣгаетъ. Представленіе, правда, циничное, и актеры къ тому же не стѣсняются шаржемъ.

Съ наступленіемъ ночи женщины удаляются за монастырскія стѣны и, явившись на другой день, 1-го числа новой седьмой луны, совершаютъ поклоненія въ разныхъ мѣстахъ. Къ полудню этого дня онѣ совершенно покидаютъ монастырь, уходятъ также и всѣ свѣтскіе гости.

Монастырь вступаетъ въ обычную свою жизнь.

14 января 1901 года мнѣ пришлось видѣть въ Брѣбунѣ первую репетицію выѣзда администраціи лхасскаго мѣнлама, о которомъ упомянуто выше. Утромъ всѣ должностныя лица въ лучшихъ парадныхъ нарядахъ идутъ въ соборный храмъ. Здѣсь, послѣ окончанія утренняго богослуженія всѣ 21 гѣрикъ собираются къ дверямъ храма и становятся въ кучу, согнувшись въ поясъ. Тогда у дверей появляется шин-неръ, завѣдующій ими во время мѣнлама, и говоритъ цокдамъ, въ которомъ излагаетъ правила управленія мѣнламомъ и полицейской службы. Рѣчь длилась недолго, послѣ нея всѣ они, во главѣ съ двумя шамо и двумя ихъ помощниками направились за монастырь, гдѣ были поданы хорошо убранныя лошади, сѣвъ на коихъ, они отправились на поклоненіе Нѣйчуну. Впереди несли четыре деревца съ привязанными къ нимъ изображеніями «лунда», т. е. воздушныхъ лошадей, служащихъ символомъ подъема энергіи и счастья. Говорятъ, что они совершаютъ подобныя поѣздки in corpore ко всѣмъ главнымъ чойчжѣнамъ, т. е. Нѣйчуну, Гадону и Дамма.

20 января 1901 года. Сегодня я присутствовалъ при угощеніи однимъ моимъ землякомъ, бурятскимъ ламой, духовенства дацана Гоманъ. Дѣло въ томъ, что онъ, желая достигнуть званія габчжу, далъ хамбо гоманскаго дацана 10 лановъ мѣстныхъ монетъ. Послѣдній, принявъ эти деньги, 14 сего января изъявилъ согласіе выдачей ему хадака, который онъ положилъ ему на шею во время его подхода подъ благословеніе. Кандидатъ на званіе габчжу уже давно заготовлялъ продукты, необходимые на угощеніе монаховъ, которое ему назначили на сегодня. Лишь только хамбо официально выразилъ согласіе, къ ламѣ стали стекаться его знакомые, поздравляя съ полученіемъ

хадака и принося монеты на вспомошествованіе для предстоящихъ расходовъ. Большинство знакомыхъ вносило по 2 монеты (по 40 коп.), каковая сумма, впрочемъ, цѣликомъ уходитъ на угощеніе въ теченіе двухъ дней самихъ же жертвователей. Гораздо большихъ расходовъ требуетъ угощеніе всѣхъ монаховъ своего факультета, коихъ въ данномъ случаѣ (гоманскій факультетъ) было около 2000 человекъ.

Наканунѣ дня угощенія въ домѣ мицана собираются его члены. Всѣ они въ этотъ и слѣдующій день угощались наилучшими по мѣстнымъ взглядамъ кушаньями, которыя изготовляются и подаются младшими монахами. Подъ вечеръ изъ мицана были снаряжены нѣсколько человекъ въ кухню гоманскаго дацана для наблюденія за приготовленіемъ завтрашняго «донго» (раздача обѣда), что весьма необходимо ввиду любви къ воровству всякой вообще тибетской прислуги. Еще съ вечера начинаютъ они наполнять водой общій мѣдный котелъ (одинъ на всѣ 2000 душъ) и затѣмъ всыпаютъ въ него рисъ. Предварительно разваривается одинъ только рисъ, причемъ то и дѣло онъ размѣшивается лопатами. Затѣмъ въ эту кашу кладутъ изрѣзанную на мелкіе куски говядину, сюда же кладутъ изюму и сахарнаго песку. Когда же каша достаточно готова, уже подъ утро кладутъ туда масло въ очень большомъ количествѣ; ради того, чтобы оно распредѣлилось поровну по всей кашѣ, начинается самое усердное, безпрестанное мѣшаніе ея смѣнами по четыре человекъ. Двое изъ нихъ водружаютъ лопату до самаго дна котла, а двое тащутъ за веревку, привязанную къ лопатѣ. Этимъ способомъ достигается наилучшее качество каши, которая должна быть какъ можно гуще, притомъ сладка и достаточно промаслена. Если этихъ качествъ нѣтъ, то говорятъ, что угощающему грозитъ несчастіе, не говоря уже о томъ, какъ отвѣтственъ бываетъ и у насъ поваръ за неудачное приготовленіе званнаго обѣда. Поэтому каждый угощающій прилагаетъ всѣ усилія пригласить преданныхъ себѣ наблюдателей и задобрить кухонную прислугу хотя-бы обѣщаніемъ дать «на водку». (чанрин—стоимость водки).

Утромъ дня угощенія въ дацанѣ послѣ шѳга-чойра духовенство дацана призывается особыми ударами въ гонгъ (по-тибетски харнъ), по которымъ монахи узнаютъ, что сегодня есть угощеніе. Это угощеніе такъ привлекаетъ ихъ, что туда плетутся

едва передвигающіе ноги старцы и едва замѣтные въ толпѣ малыши. Въ этотъ день на долю администраціи дацана выпадаетъ неимоверно много хлопотъ, чтобы рассадить многочисленное духовенство по мѣстамъ. Въ дѣло пускаются плети и палки, которыми только и удается водворить порядокъ.

Когда всѣ займутъ мѣста, начинается чтеніе молитвъ, во время котораго дважды приносятъ чай и разливаютъ всѣмъ духовнымъ. Во время второго чая происходитъ такъ называемый «бойкоръ», т. е. обходъ съ курительными свѣчами. Является отъ дверей камцанскій гѣрганъ той общины, которой принадлежитъ новый габчжу, имѣя въ правой рукѣ пачку зажженныхъ свѣчъ, а въ лѣвой положенную на плечо длинную стрѣлу, на верхнемъ концѣ которой сдѣланы пять выступовъ—ушки: срединныя повыше, а боковыя пониже. Они изображаютъ собою царственную гору Сумеру и четыре міра, окружающихъ ее. На нихъ укрѣплены шарики, сдѣланные изъ бѣлой ваты. Угощающій идетъ за гѣрганомъ и также несетъ пачку свѣчъ. Обойдя нѣкоторые центральные ряды, они удаляются.

Вслѣдъ засимъ однокурсники габчжу, идя длинной вереницей, подносятъ хамбо, сидящему на своемъ главномъ мѣстѣ, разныя вещи: изображеніе Будды, различную одежду и т. п. Вещи эти запасены для этой церемоніи дацаномъ и отпускаются на прокатъ за плату около 1 р. 20 коп. на наши деньги.

Едва окончилась эта церемонія, какъ вдругъ изъ разныхъ мѣстъ поднялись и торопливо побѣжали молодые монахи на кухню. Спустя немного они стали вбѣгать, имѣя въ лѣвой рукѣ деревянный кувшинъ съ кашей, а въ правой небольшой желѣзный ковшикъ. Когда они, бѣгомъ вплотную другъ за дружкой, вошли въ промежутки центральныхъ рядовъ, то ихъ выстроили еще тѣснѣе. По данному знаку они начали одновременно раскладывать кашу въ подставляемыя чашки монаховъ. Кладутъ столько, сколько можетъ удержаться въ чашкѣ. Гэской и его помощники строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не было злоупотребленій, обиды изъ-за личной вражды и слишкомъ щедрого снабженія изъ-за дружбы или заранее составленнаго плана сообщническаго воровства. Раздача каши производится очень быстро, и все угощеніе оканчивается въ теченіе не болѣе 1¹/₂ часовъ.

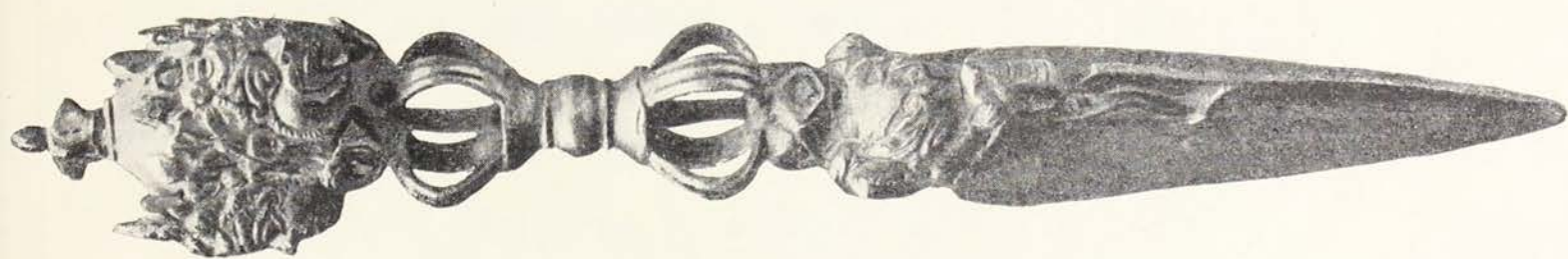
Когда благополучно пройдет это угощение новаго ученаго, ему остается продѣлать церемонію диспута. Каждый годъ назначаются только два диспута, по два человека въ каждомъ. Вслѣдствіе этого, при накопленіи значительнаго числа желающихъ получить степень габчжу, приходится ждать диспута иногда болѣе года.

Ямантака.

ГЛАВА XIII.

Монастырь Сэра.

Пурба.

1. Дорога изъ Брѣбуна въ Сѣра.

Обогнувши горный мысъ, о которомъ упомянуто выше, дорога идетъ далѣе подлѣ самыхъ горъ, пересѣкая по прямой линіи лишь устья немногочисленныхъ неглубокихъ падей. Въ такихъ падахъ располагаются помѣстья разныхъ лицъ, преимущественно духовныхъ. Такъ, въ первой пади, влѣво отъ дороги, стоитъ хорошій домъ съ пристройками, принадлежавшій бывшему прорицателю Нѣйчунъ-чойчжѣна.

Во второй пади, уже болѣе глубокой и широкой, расположено большое имѣніе одного богатаго перерожденца. Въ этомъ имѣніи, называемомъ Новымъ монастыремъ (Гонба-саръ), разведено много абрикосовыхъ деревьевъ, наилучшіе плоды которыхъ управляющій имѣніемъ ежегодно подноситъ далай-ламѣ, за что пользуется нѣкоторыми льготами при арендѣ казенныхъ земель. Направо, при самой дорогѣ, находится имѣніе прорицательницы Дамчжанъ, о которой я упоминалъ выше. Немного далѣе отъ этого имѣнія на большихъ каменныхъ глыбахъ высѣчены изображенія разныхъ божествъ, преимущественно грозныхъ, а также священные тексты и молитвы. Въ послѣдней пади налѣво

отъ дороги, на значительной вышинѣ, находится отшельническая келья Сэраскаго перерожденца, называемая Бар-ритоудъ—келья срединной горы. Еще далѣе по правую руку отъ дороги и домъ этого перерожденца. Должно сказать, что около всякаго жилищнаго дома постоянно ютятся дома и постороннихъ, не всегда особенно бѣдныхъ. Поэтому упомянутыя помѣстья, въ особенности послѣднее, представляютъ цѣлую деревню. Недалеко отъ него, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога, направляющаяся къ Сэра, отдѣляется отъ подошвы горъ, видны два, три субургана, пришедшихъ въ ветхость и полуразрушившихся. Вдоль всей дороги, по скаламъ снуетъ масса ящерицъ, быстро убѣгающихъ отъ людей. Въ этихъ же скалахъ, въ глубинѣ ущелій, въ особенности тамъ, гдѣ стоитъ Брѣбунъ, водятся въ изобиліи большіе скорпіоны, коихъ тибетцы называютъ «дигбра» или дигб(а)ра(н)цза, т. е. «мучительными червями съ рогами». Эти скорпіоны не любятъ холода, поэтому всегда прячутся подъ камни. Они кусаются, какъ говорятъ, очень больно и, если они захватятъ своими клещами человѣческое тѣло, то не нужно отдергивать силой, а лучше сверху налить растительнаго масла. Тогда дигбра околѣваетъ и клещи сами по себѣ отпадаютъ отъ тѣла человѣка. Мясо такого рака считается лекарственнымъ средствомъ и дается, преимущественно, въ такихъ болѣзняхъ, которыя происходятъ, по объясненію тибетской медицины, отъ общаго пониженія температуры организма. Мясо ящерицы входитъ также въ рецептуру этой медицины и служитъ элементомъ, сильно возбуждающимъ упавшую энергію. Ящерица считается очень неглупымъ животнымъ. Ламаитскіе философы, въ примѣръ сравненія животныхъ съ людьми, говорятъ слѣдующее. Ящерица находится во взаимной враждѣ со змѣей. Въ открытой борьбѣ змѣя остается всегда побѣдительницей, вслѣдствіе этого ящерица, выкопавъ себѣ проходную прямую нору, роетъ по срединѣ отверстіе прямо вверхъ. Когда змѣя въ погонѣ за ящерицей вползаетъ въ нору, то послѣдняя вылѣзаетъ въ верхнее отверстіе и, пропустивъ голову змѣи впередъ, сама оборачивается и перекусываетъ безнаказанно змѣю. Отсюда нравоученіе. Если такое жалкое животное знаетъ средство спасенія своей жизни, то чѣмъ же лучше его человѣкъ, заботящійся только о благахъ этой земной (матеріальной) жизни, но не прилагающій старанія къ духовному совершенству.

Передъ самымъ монастыремъ въ дождливое время приходится переправляться черезъ рѣчку вбродъ, а въ сухое время можно просто перешагнуть черезъ нее.

2. Сэра.

Основателемъ монастыря Сэра считается Шакья-ешей, извѣстный у своихъ почитателей подъ именемъ Чжямчэнь-чой-рчжэ. Онъ родился въ 1354 году, въ знатной семьѣ, подлѣ монастыря Цалгунтана. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ посвященъ въ монахи и отличался мягкимъ, кроткимъ характеромъ. Когда въ Тибетѣ прославился Цзонхава, Шакья-ешей поступилъ къ нему въ ученики и экононы. Изъ сильнаго благоговѣнія передъ великимъ реформаторомъ, онъ сдѣлался послушнымъ исполнителемъ его воли.

Затѣмъ китайскій императоръ минской династїи Юнь-ло (1403-1425), услышавъ объ удивительной славѣ Цзонхавы, послалъ къ нему приглашеніе, не имѣвшее успѣха. Тогда, по преданію, Юнь-ло послалъ вторично пословъ къ Цзонхавѣ съ просьбой послать одного изъ учениковъ, по достоинствамъ равнаго ему. Вслѣдствіе этого Цзонхава назначилъ къ отправленію Шакья-ешей и далъ ему наставленія, какъ поступать при дворѣ императора. Получивъ такую командировку, Шакья-ешей со своими учениками и послами императора отправился изъ Тибета въ 1414 году, и свиданіе его съ императоромъ произошло въ началѣ 1415 года. Послѣ сего императоръ давалъ ему порученія по религиознымъ дѣламъ, по выполненіи коихъ, пожаловалъ ему грамоту и печать. Затѣмъ Шакчжя-ешей посѣтилъ монастырь У-тай-шань и въ 1416 году возвратился въ Тибетъ съ большимъ имуществомъ и цѣнными подарками, изъ числа коихъ драгоценныя четки, какъ упомянуто выше, надѣлъ собственноручно на шею большой статуи Чжу въ Лхасѣ.

Въ 1419 году Цзонхава, во время своего пребыванія въ ритодѣ Сэра-чойденъ, предложилъ Шакья-ешею построить особый монастырь для изученія «тарни». Послѣдній изъявилъ согласіе и въ томъ же году положилъ основаніе монастырю Сэра или, полнѣе, Сэра-тэг-чэн-линъ, т. е. Сэра—обиталище Великой колесницы, или Махаяны. О названіи горы, у которой стоитъ

монастырь, я наводилъ справки въ тибетскихъ книгахъ и вездѣ находилъ только названіе Гжяб-ри, каковое слово есть имя нарицательное — «задняя гора», т. е. гора сзади монастыря. Отъ одного монаха я слышалъ, что гора по лѣвую руку (отъ зрителя на монастырь) называется Дуг-ри—гора зонть.

Въ Сэра онъ пробылъ до 1429 года, когда получилъ вторичное приглашеніе въ Пекинъ отъ императора Сюань-дэ (1426-1436), внука Юнъ-ло. Отправляясь въ Пекинъ, онъ поставилъ нѣкоего Дарчжяй-санбо во главѣ монастыря.

Сэра.

Изъ этой поѣздки онъ уже не возвратился въ Тибетъ и умеръ въ 1435 году въ Пекинѣ на 82-мъ году жизни. Перерожденцами его считаются нынѣшніе Чжанчжа хутухты, живущіе преимущественно въ Пекинѣ, собственный монастырь коихъ Гон-лунъ находится въ сѣверномъ Амдо.

Монастырь Сэра лежитъ верстахъ въ четырехъ на сѣверъ отъ Лхасы у подошвы сѣверныхъ горъ, почти на ровномъ мѣстѣ. Постройки въ немъ не такія большія и не такъ стѣснены, какъ въ Брѣбунѣ. Въ немъ три золоченыхъ крыши, и изъ Лхасы Сэра представляетъ довольно красивый видъ.

Главнѣйшей святыней этого монастыря можно считать статую одиннадцатиликаго Чжан-рѣй-сига (Авалокитешвары), про которую существуетъ слѣдующее преданіе.

Въ давнее время монахиня Балмо посѣтила мѣстопробываніе Чжамьяна (Манджушри) и, взявъ у него сію статую, улетѣла. Затѣмъ прилетѣла съ этой статуей въ мѣстность Пабон-ха, гдѣ спрятала ее въ одной пещерѣ. Въ то время, когда настоятелемъ Сэра былъ нѣкто Чжялцань-санбо, одинъ пастухъ, пася своихъ козъ, замѣтилъ, что одна изъ нихъ вошла въ ту пещеру, и чтобы выгнать ее оттуда, онъ бросилъ камень, который ударился въ пещерѣ о какой-то звонкій предметъ. Удивленный пастухъ заглянулъ въ пещеру и замѣтилъ лежащую на спинѣ статую. Удивленіе пастуха еще болѣе увеличилось, когда онъ увидѣлъ подлѣ нея лужу козьяго молока и сама статуя заговорила человѣческимъ голосомъ. Пораженный чудомъ пастухъ побѣжалъ къ настоятелю Сэра, Чжялцань-санбо, который тотчасъ пошелъ въ указанную пещеру и перенесъ статую въ свой монастырь, гдѣ она и находится въ дацанѣ Чжеба.

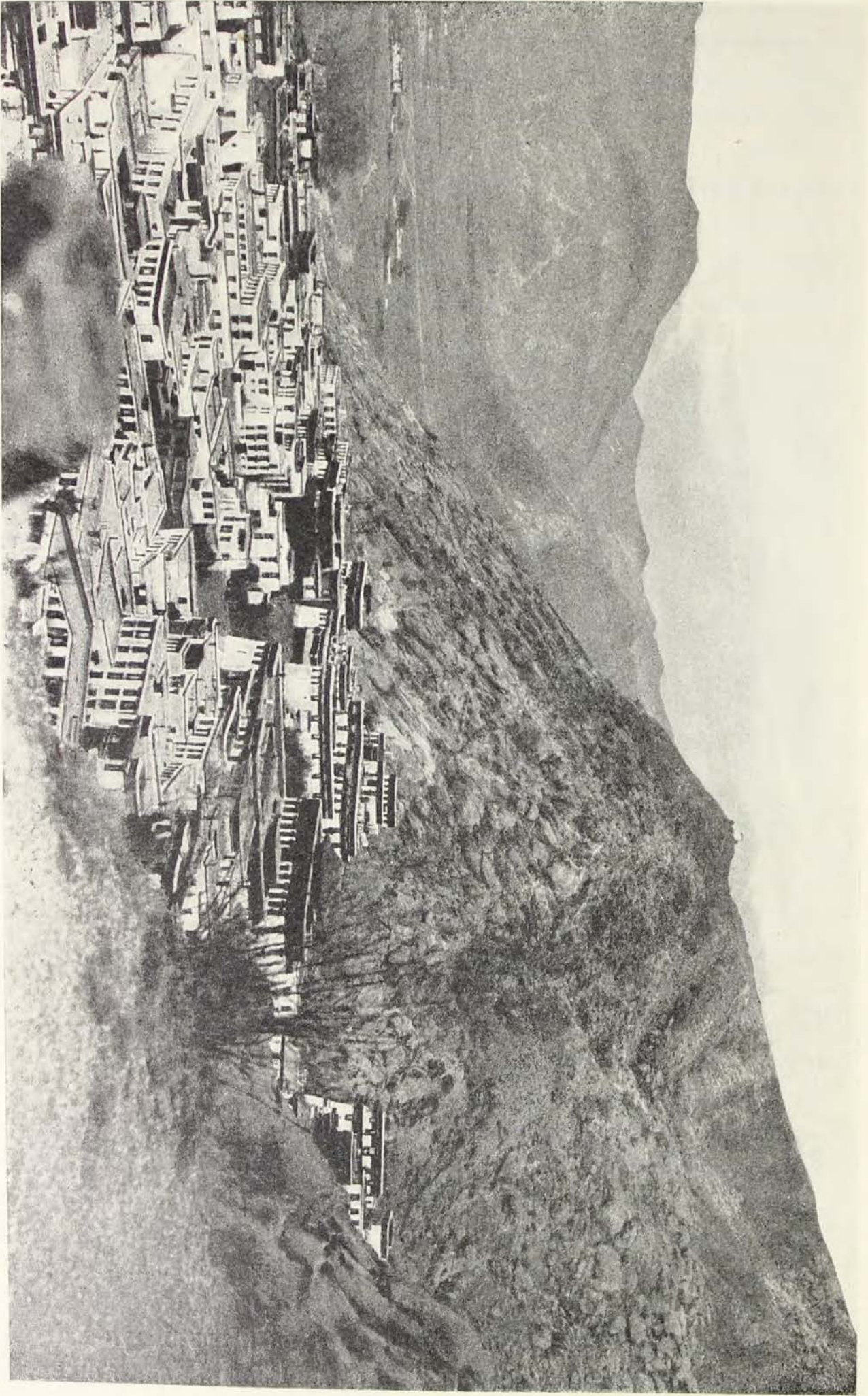
Этотъ Чжялцань-санбо считается перерожденцемъ упомянутой монахини Балмо и жилъ съ 1402 по 1469 г.

Съ его времени въ Сэра образовались четыре дацана: Верхній—Дод-ба, Нижній—Мад-ба, Бромдэнъ и Чжя. Затѣмъ дацаны Бромдэнъ и Чжя соединились съ Верхнимъ, который впоследствии былъ также закрытъ, и воспоминаніемъ о существованіи его въ настоящее время является лишь должность настоятеля, замѣщаемая и понынѣ. Но за то образовались два новыхъ дацана—Чжеба или Чжейба и Агна. Такимъ образомъ въ Сэра въ настоящее время три дацана, изъ коихъ два богословскихъ (цан-нидъ) и одинъ (Агна) тарнистическій.

Дацанъ Нижній (тиб. мадъ) или «основной» учрежденъ ламой Чжян-чуб-бумба или Чжян-чуб-одсэръ. Богословіе изучается въ немъ по руководствамъ Даньба-дарчжяй, проше Дандарба (распространитель ученія).

Дацанъ Чжеба (песчаный) основанъ ламой Лодой-риньчэнъ-сэнгэ, который болѣе извѣстенъ подъ именемъ Сэра-гун-чэнъ (сэраскій всезнающій). Онъ, родомъ цзанецъ, сначала жилъ въ Брѣбунѣ, но вслѣдствіе вражды завистниковъ ушелъ со своими приверженцами въ Сэра и основалъ дацанъ Чжеба. Богословіе изучается въ немъ по руководствамъ другого цзанца Чойчи-чжялцаня, котораго зовутъ чаще Сэра Чжэ-бцзун-ма. Онъ считается перерожденцемъ основателя Сэры Шакья-ешей. Въ

Монастырь Сара.

числѣ его учениковъ были извѣстные составители руководствъ богословія Соднам-дагна и Чжямба-дашій.

Въэтомъ дацанѣ находятся, такъ называемый, «пурба» — гвоздь и три лица (по числу сторонъ), считающійся кладомъ волхва Дарчарвы и именующійся полнѣ Балчэнь-дорчжэ-шон-нуй-пурба, и статуя хранителя Дамдина (инд. Хаягрива) съ тремя лицами и шестью руками вмѣстѣ съ женскимъ божествомъ. Эти предметы поклоненія добыты основателемъ дацана Лодой-риньчэнь-сэнгэ.

Третій дацанъ — мистическій основанъ во время хана Лхавсана, потомка знаменитаго Гуши-хана, въ началѣ XVIII вѣка. Онъ, вслѣдствіе недостаточности и тѣсноты стараго цокчэнскаго дугана, построилъ новый, нынѣ существующій, а въ старомъ учредилъ тарнистическое ученіе.

Число монаховъ въ Сэра — около 5.000, изъ коихъ около 200 въ Агна, а остальные распредѣляются по дацанамъ Мадъ и Чжеба, приблизительно 2:3.

Все духовенство, какъ и въ двухъ вышеупомянутыхъ монастыряхъ дѣлится на общины — камцаны, коихъ въ дацанѣ Чжеба — 22, а въ Мадъ — 14.

Дацанъ Агна не имѣетъ своихъ камцановъ и духовенство его распредѣляется по общинамъ двухъ другихъ дацановъ.

Если Галданъ знаменитъ своими чудесными реликвіями, а Брѣбунъ — прорицателями, то Сэра славенъ своими ритодами, что въ буквальномъ переводѣ значитъ «горная цѣпь», но понимается теперь, какъ уединенная келья ламъ-отшельниковъ въ горахъ. Ища удаленія отъ мірской суеты, знаменитые аскеты ставили свои кельи на скалахъ высокихъ горъ и тамъ предавались созерцанію. Со временемъ усердіе набожныхъ почитателей стало накоплять въ скромныхъ кельяхъ богатство и учениковъ. Обычай отыскивать перерожденца всякаго выдающагося ламы обратилъ эти кельи во дворцы и помѣстья перерожденцевъ, каковыми и являются онѣ въ настоящее время.

1) Камцаны Чжеба суть:

1, Хамдонъ, 2, Самло, 3, Жябра(л), 4, Дэбо, 5, Брати или Барти, 6, Цаба, 7, Лхоба, 8, Гомдэ, 9, Ла, 10, Даньма, 11, Аріи-гугэ, 12, Аріи-бэтугэ, 13, Аріи-сангаръ, 14, Аріи-дагмо, 15, Бади-мицанъ Цзан-ба, 16, Чжячжедъ, 17, Э-ба, 18, Нил-ба, 19, Дагбо, 20, Цзэйтанъ, 21, Бомборъ и 22, Гунру.

Камцаны дацана Мадъ суть:

1, Амдо-шун'ба, 2, Бомборъ, 3, Ерба, 4, Ронбо, 5, Цаторъ, 6, Цаба, 7, Гон-бо, 8, Марнюнь, 9, Амдо-ара, 10, Тэбо, 11, Да-онь, 12, Ми-нягъ, 13 и 14, два камцана Богунъ.

Самым древним и самым известным ритодомъ считается «Пабон-ха», находящийся верстахъ въ трехъ на сѣверо-западъ отъ Сэра и принадлежащій далай-ламѣ.

Здѣсь, на природной скалѣ стоитъ дворецъ далай-ламы, въ которомъ чтится статуя Чжан-рэй-сига. Преданіе говоритъ, что этотъ дворецъ-храмъ былъ построенъ ханомъ Срон-цзан-гамбо и имѣлъ 9 этажей, но известный гонитель буддизма, царь Лан-дарма разрушилъ верхніе этажи, оставивъ только 2 нижнихъ. На-

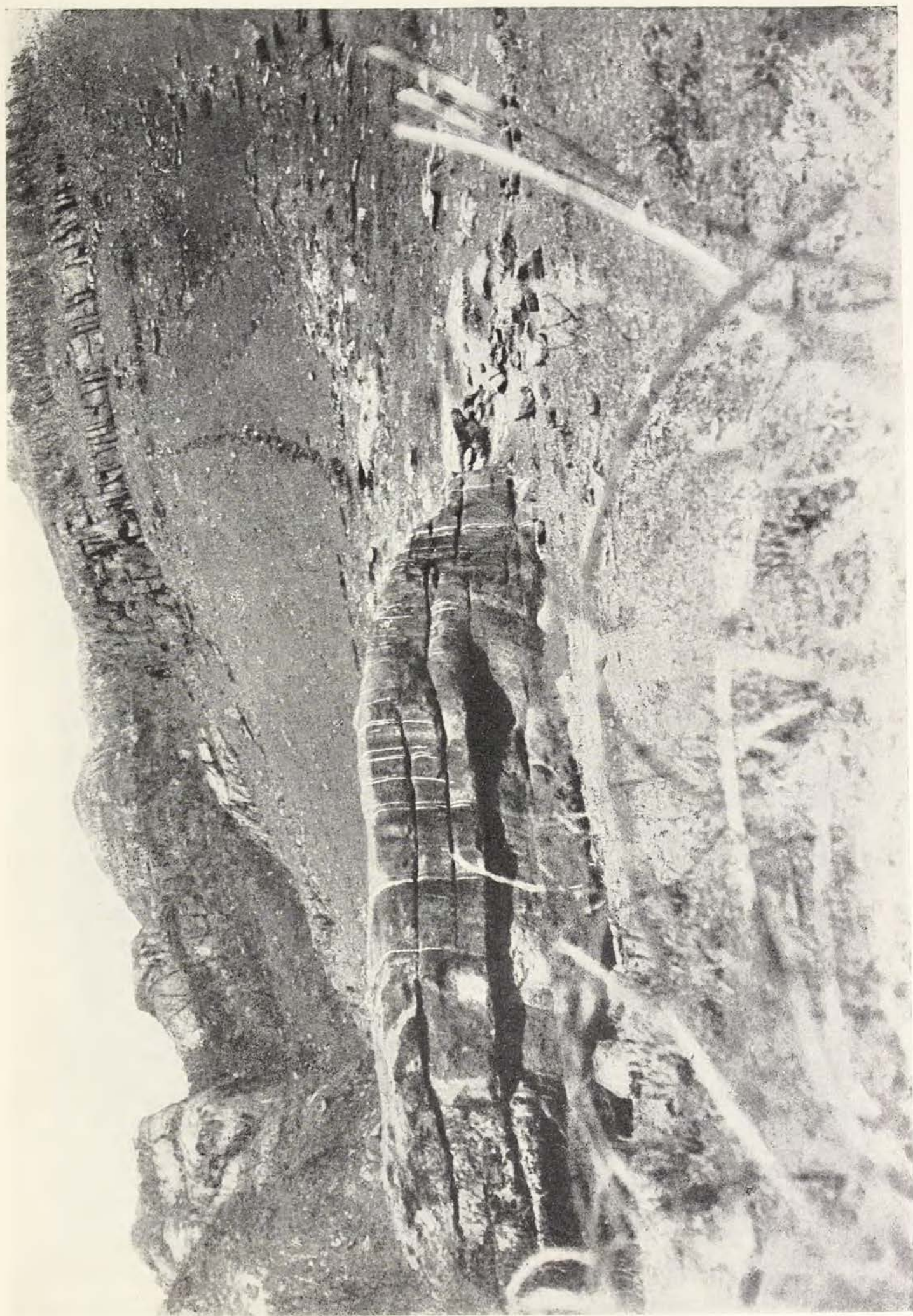

Ритодъ Пабон-ха.

божные приходятъ сюда для 3.333 круговращеній вокругъ этого дворца, на что требуется отъ 10 до 15 дней самой усердной ходьбы. Вѣроятно это число имѣетъ какое-нибудь символическое значеніе. Здѣсь есть цокчэнскій дуганъ и жилища здѣшнихъ монаховъ, коихъ около 30 человекъ.

Саженьхъ въ 200-300 на востокъ находится большая каменная глыба, которая, по преданію, сама прилетѣла изъ Индіи. На этомъ камнѣ разрѣзаютъ труны для отдачи ихъ на сѣденіе грифамъ и ягнятникамъ. Такъ какъ этотъ камень считается священнымъ, то всякій стремится быть разрѣзаннымъ на немъ, но такая завидная доля достается лишь болѣе зажиточнымъ, такъ какъ она сопряжена со значительными расходами какъ по перенесенію трупа, такъ и по платѣ, вносимой въ видѣ вознагражденія мѣстнымъ монахамъ за чтеніе похоронныхъ молитвъ. Кромѣ того вѣрятъ, что если живой человекъ голый повалится на этомъ выпачканномъ трупами камнѣ, то его жизнь продлится. Мы слышали, что въ годъ нашего пребыванія самъ далай-лама продѣлалъ эту неприятную, но полезную процедуру.

Второй знаменитый ритодъ, Сэра-чойденъ, стоитъ надъ монастыремъ Сэра на уступѣ сѣверной горы. Онъ известенъ тѣмъ, что здѣсь часто живалъ Цзонхава и проповѣдывалъ свое ученіе. Тутъ до сихъ поръ сохранился желтый домикъ позади дугана дацана Чжюдъ. Въ немъ на стѣнѣ находится рисованное изображеніе Цзонхавы съ двумя его любимыми учениками.

Погребальный камень въ Пабон-ха.

Ритодъ, лежащій выше, ближе къ вершинѣ этой горы называется Дубхан-ритодъ и принадлежитъ перерожденцу Дубхан-ринбочэ.

Загѣмъ за этой сѣверной горой, при устьѣ пади Го-ласкаго перевала, находится богатый ритодъ Шурбу-чжогъ, принадлежащій вышеупомянутымъ перерожденцамъ, именуемымъ Чжямба-ринбочэ. Теперь скажемъ, что здѣсь, между прочимъ, сохраняются типографскія доски трехъ томовъ сочиненія одного изъ прежнихъ перерожденцевъ Агван-чжямба.

Верстахъ въ трехъ на юго-западъ отъ Сэра, на дорогѣ, ведущей въ Брѣбунъ, находится упомянутый уже выше ритодъ Бари, принадлежащій перерожденцамъ Бар-и-дорчжэ-чанъ. Есть много и другихъ ритодовъ, перечисленіе коихъ не представляетъ особаго интереса, но скажемъ, что ритоды часто можно смѣшивать съ женскими монастырями, кои строятся въ большинствѣ случаевъ также на горахъ.

Первый разъ въ монастырѣ Сэра я былъ *21 января 1901 года* и останавливался у одного бурятскаго ламы, жившаго въ зданіи камцана Самло, которое находится почти на юго-восточномъ краю монастыря и занимаетъ небольшой домикъ. Монахъ этотъ, молодой еще человѣкъ, былъ единственнымъ бурятомъ, проживавшимъ въ Сэра. Когда же, года три тому назадъ, онъ съ однимъ своимъ товарищемъ, нынѣ возвратившимся на родину, поселился здѣсь, то брѣбунскій халхаскій мицанъ возбудилъ противъ нихъ обвиненіе, что они не имѣютъ права поступать въ Сэра. Однако, эти молодые люди заявили протестъ, основываясь на томъ, что въ ихъ Цугольскомъ дацанѣ (Цугольскій дацанъ находится въ Западномъ Забайкальѣ) богословіе проходитъ по толкованіямъ сэраскаго Чойчжи-чжялцаня, а потому имъ удобнѣе учиться въ дацанѣ Чжеба въ Сэра. Дѣло дошло до далай-ламы, который приказалъ издать постановленіе, что всѣ буряты должны причисляться къ Брѣбуну или же къ Галдану, только монахи, пріѣзжающіе изъ бурятскаго Цугольскаго дацана, могутъ, при желаніи, быть причисленными къ монастырю Сэра.

22 января, по установившемуся обычаю зажиточныхъ богомольцевъ дѣлать угощеніе и раздачу монетъ въ своей общинѣ, я потратилъ на это около 22 лановъ здѣшнихъ монетъ. Халхаская община въ Сэра, къ которой причисляются и буряты, состояла въ это время изъ 22 человѣкъ.

Пурбу-чжогъ.

Пурбу-чжогъ вблизи.

Второй разъ я посѣтилъ этотъ монастырь 3 февраля, которое пришлось на 27-ое число послѣдней луны года. Въ этотъ именно день, одинъ разъ въ годъ, бываетъ поклоненіе такъ называемой «пурба», о которой упомянуто выше. Пурба представляетъ особаго рода орудіе, употребляемое при богослуженіяхъ заклинательнаго характера. Обыкновенно она дѣлается изъ желѣза, мѣди и другихъ металловъ, а также и изъ дерева. По формѣ представляетъ трехгранное остріе, длиною около 6-ти вершковъ, при сторонѣ основанія немного болѣе одного вершка. Къ основанію придѣлывается та или иная ручка. Мнѣ не пришлось видѣть детально сэраскую знаменитую желѣзную пурбу, такъ какъ она, считаясь большой святыней, понятно, не доступна для простыхъ людей. Говорятъ, что этой пурба однажды завладѣло верховное правленіе Тибета, видя въ ней предметъ поклоненія многочисленныхъ почитателей и, слѣдовательно, дохода. Но при перенесеніи въ Лхасу, никто не могъ удержать ее въ своихъ рукахъ: она выпадала. Тогда обратились къ далай-ламѣ съ просьбой объяснить это необычайное явленіе. Тотъ сказалъ, что эта пурба должна храниться въ сэраскомъ дацанѣ Чжеба. Одинъ разъ въ годъ хамбо этого дацана, въ сопровожденіи свиты, въ нарядныхъ костюмахъ везетъ пурбу, положивъ въ особую раку, везомую отдѣльною лошадыю, сначала на Поталу, гдѣ хамбо прикладываетъ ее къ головѣ далай-ламы и его приближенныхъ, а затѣмъ къ знатымъ лицамъ въ Лхасѣ. Во время этого хозяева принимаютъ хамбо съ большимъ почетомъ, предлагаютъ угощенія и подносятъ денежные подарки. Послѣ возвращенія пурбы изъ Лхасы, начинается поклоненіе простолюдиновъ. Для этого на крыльцѣ дацана Чжеба, направо отъ двери, устраивается высокій тронъ для хамбо, на которомъ онъ сидитъ въ облаченіи, одинаковомъ съ далай-ламскимъ, присваиваемомъ ему на одинъ этотъ день. Облаченіе это, впрочемъ, мало чѣмъ отличается отъ хамбинскаго. Только болѣе дорогая мантия и шапка цзонхавинскаго образца. Вокругъ стоятъ приближенные. Гэской дацана и его помощники съ палками, плетями и прутьями въ рукахъ слѣдятъ за порядкомъ, пропуская поклонниковъ гуськомъ съ правой стороны хамбо, который сидитъ, обратясь лицомъ на востокъ, держитъ пурбу, завернутую въ тонкую желтую китайскую матерію и прикладываетъ къ головамъ поклонниковъ. Многіе изъ нихъ подносятъ хадаки, которые собираетъ одинъ изъ прислужниковъ.

На поклоненіе собралось народу очень много, большею частью свѣтскіе жители Лхасы. Было также не мало духовенства изъ другихъ монастырей. Монахи Брѣбуна, вслѣдствіе стариннаго антагонизма съ сэраскими, приходятъ со своими учебными шапками, которыя въ толпѣ держатъ на плечахъ для того, чтобы ихъ могли отличать распорядители порядка. Они издавна выхлопотали или скорѣе вытребовали себѣ право не получать ударовъ отъ этихъ распорядителей.

Поклоненіе окончилось около трехъ часовъ дня и въ тотъ же день я возвратился изъ монастыря въ Лхасу.

Другихъ особыхъ празднествъ въ Сэра, повидимому, нѣтъ. Только въ 5-ой лунѣ, когда туда приглашается прорицатель Карма-шяръ для ниспусканія чойчжѳна, стекается много народа изъ Лхасы и окрестностей, такъ какъ, какъ сказано выше, Карма-шяръ очень почитается жителями Лхасы.

3. Изъ Сэра въ Лхасу.

Изъ Сэра въ Лхасу ведутъ нѣсколько дорогъ. Въ дождливый періодъ года нѣшеходы преимущественно избираютъ ту, которая выходитъ на главную дорогу (къ Го-ласкому перевалу) у казармы китайскаго гарнизона, называемой Чжашитанъ. Выраженіе Чжашитанъ—значитъ «равнина усмиренія враговъ». Происхожденіе этого названія приписываютъ тому случаю, когда въ 1719 году китайская армія, пришедшая для изгнанія полчищъ чжунгарскаго завоевателя Цэван-рабтана, достигла своей цѣли безъ всякаго кровопролитія, остановившись лагеремъ на этомъ мѣстѣ, такъ какъ чжунгарское войско бѣжало.

Чжашитанъ отстоитъ отъ Лхасы верстахъ въ трехъ и представляетъ жилища солдатъ, обнесенныя глиняной стѣной. Въ стѣны находится большой дѣмъ тибетскаго образца, гдѣ живутъ военачальники гарнизона. Здѣсь же направо отъ лагеря поставлена длинная стѣна изъ глины, которая служитъ заслономъ при учебной стрѣльбѣ въ цѣль.

Дорога отъ Чжашитана до Лхасы идетъ среди воздѣланныхъ полей, по мѣстности, которая въ дождливый періодъ года обращается въ русло рѣчки. Въ это время мосты или скорѣе помосты, устроенные черезъ каналы, находятся среди воды, такъ что желающій

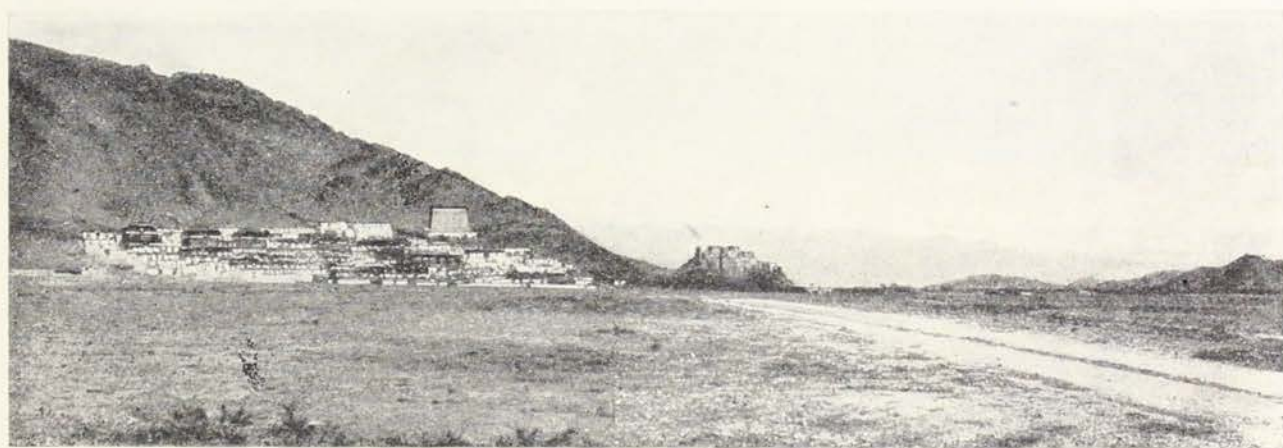
воспользоваться ими пѣшеходъ долженъ пройти не малое раз-
стояніе по водѣ. Въ зимнее, болѣе холодное время, въ Тибетѣ
бываетъ сухой періодъ года и вода не выходитъ изъ предѣловъ
этихъ мостовъ, — такъ что пѣшеходъ можетъ пройти все раз-
стояніе отъ Сэра до Лхасы, не снимая съ ногъ своей обуви.

Гэчэн-ритодъ въ горахъ около Сэра.

ГЛАВА XIV.

Монастырь Даший-лхунбо.

Даший-лхунбо и Шихацзэ.

Озеро Ямдок-цо.

1. Путь изъ Лхасы въ Дашій-лхунбо.

Во время моего пребыванія въ Лхасѣ, я сдѣлалъ двѣ экскурсіи,—одну въ главный городъ провинціи Цзанъ, Шихацзэ, а другую въ древній городъ-монастырь Цзэтанъ, находящійся на рѣкѣ Цзанбо-чу въ южной части провинціи Уй. Теперь послѣдовательно опишу ихъ.

30-го сентября 1900 г. я, въ сопровожденіи одного бурятскаго ламы, служившаго мнѣ толмачемъ, выѣхалъ въ главный городъ провинціи Цзанъ, Шихацзэ. Дорога изъ Лхасы идетъ по правому берегу рѣки Уй. Верстахъ въ 11—12 отъ Лхасы, тамъ, гдѣ эта рѣка близко подходитъ къ правобереговымъ горамъ, на скалистомъ горномъ носу въ древности находился знаменитый замокъ Донхаръ, который до возвышенія Пotalы владычествовалъ надъ Лхасой и ея окрестностями. Въ настоящее время отъ него остались только развалины, изображенныя на концовкѣ этой главы. У подножія замка на скалѣ высѣчено изображение будды Шакьямуни.

По западную сторону отъ этихъ развалинъ, на берегу рѣки, находится маленькая деревня, большинство жителей которой торгуютъ мясомъ на базарѣ монастыря Брѣбунъ.

Съ этого мѣста начинается широкая долина Дѳдлунъ, которую монголы чаще зовутъ Ямбачжанъ, по имени одной изъ ея верхнихъ падей, — одна изъ плодородныхъ и населенныхъ мѣстностей Центрального Тибета. На рѣкѣ этой долины, называемой Дѳдлун-чу, построены довольно большой каменный мостъ.

Путь чрезвычайно каменистъ и мы, послѣ пяти часовой ѳзды шагомъ, остановились въ мѣстности Ньетанъ въ домѣ тибетскаго крестьянина, котораго рекомендовали намъ знакомые въ Лхасѣ. Рекомендація эта намъ оказала ту услугу, что насъ пустили въ домъ и приготовили намъ чай и кушанье изъ нашихъ продуктовъ, а ночью хозяинъ бесплатно прокараулилъ нашихъ лошадей, привязавъ на длинныхъ веревкахъ на выжатой нивѣ. Мѣстность Ньетанъ известна въ исторіи тибетскаго буддизма своимъ монастыремъ, гдѣ знаменитый проповѣдникъ XI вѣка Чжово-балдан-адиша (994—1067) прожилъ 9 лѣтъ. Въ настоящее время монастыря уже нѣтъ, а указываютъ въ особомъ сумѣ большой субурганъ, въ которомъ, по увѣренію мѣстныхъ жителей, находится прахъ сего проповѣдника. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него находится сумѣ съ большой статуей Дары (по-тибетски Долма).

1 октября мы двинулись далѣе по тому же правому берегу Уй-чу. На этомъ пути рѣка мѣстами очень близко подходитъ къ правобереговымъ скалистымъ горамъ, потому приходится ѳхать по голымъ скаламъ и опаснымъ обрывамъ. Ближе къ устью долина расширяется, а рѣка отходитъ къ лѣвобереговымъ горамъ и тамъ, соединившись съ рѣкой Цзанбо-чу, уходитъ на юго-востокъ. У горнаго носа лѣваго берега Цзанбо-чу находится замокъ Чу-шур-цзонъ. Пройдя далѣе по лѣвому берегу рѣки Цзанбо, мы заночевали въ деревнѣ Чжала-са послѣ 9¹/₂ часового движенія. Такъ какъ здѣсь мы не могли найти постоялаго двора, то попросились въ домъ одного крестьянина и купили у него соломы для лошадей. Утромъ-же уплатили за топливо одинъ каганъ (3¹/₂ коп.).

2-го числа тутъ-же, противъ названной деревни переправились на карбазахъ черезъ рѣку Цзанбо-чу. У карбазовъ, по тибетски «чуй-шинда», въ буквальномъ переводѣ — водяной де-

ревянный конь (длина около 5 сажень, ширина въ кормовой части около 2 саж., а въ носовой около сажени, дно плоское и животныхъ ставятъ прямо на него)—на носу изображеніе лошадиной головы. Весель пять: 4 по бокамъ и 1 на кормѣ. За перевозъ мы уплатили по $1/2$ монеты съ лошади со всадникомъ, послѣ чего перевозчики просили «на водку» не менѣе настойчиво, чѣмъ въ нашемъ отечествѣ.

Далѣе мы ѣхали по правому берегу рѣки Цзанъ и верстъ черезъ пять вступили въ правобереговую ея падь (Ба-цза) и

Дорога по берегу Ки-чу ниже Лхасы.

поднялись затѣмъ на высокій перевалъ Ганба-ла, что значитъ перевалъ «нога». Кстати замѣтимъ, что тибетцы, повидимому, любятъ давать переваламъ названія частей тѣла. Такъ существуютъ еще перевалы на сѣверѣ отъ Лхасы «Го-ла» (перевалъ Голова), еще далѣе «Чяг-ла» (перевалъ Рука), на югъ отъ Лхасы «Го-ган-ла» (перевалъ Головы и Ноги). Поднимались на перевалъ съ сѣверной сравнительно отлогой стороны ровно 3 часа, и съ вершины открылся видъ на озеро Ямдокъ. Ночевали мы послѣ $6\frac{1}{2}$ часовой ѣзды въ деревнѣ Рамалунъ—«козье ущелье» или «козья долина», находящейся тутъ-же подъ переваломъ на берегу озера Ямдок-цо, или Яр-брог-мцо въ литературѣ,

въ переводѣ значитъ «верхнее уединенное озеро» или «озеро верхнихъ пастбищъ». Названіе, безъ сомнѣнія, указываетъ на высокое мѣстоположеніе озера, хотя бы надъ уровнемъ воды сосѣдней Цзанбо-чу (Браманутры). Затѣмъ окрестныя горы этого озера, въ особенности тѣ, которыя заключены въ кольцо его, покрыты травой и понынѣ служатъ скорѣе для пастбищъ, чѣмъ для пашни. Округъ этого озера съ пастушескимъ населеніемъ, отдѣляющій двѣ провинціи Уй и Цзанъ, являлся всегда особенно-уединеннымъ. Въ перечнѣ округовъ Тибета писатели отмѣчаютъ, какъ перечислено выше, таковыхъ въ Уѣ и Цзанѣ по 6 и уже 13-мъ прибавляютъ округъ Ямдока. Люди избѣгаютъ употреблять воду изъ этого озера, говоря, что въ немъ погибло много непальцевъ во время войны съ тибетцами, слѣдовательно, вода осквернена; хотя она прѣсная.

3-го мы ѣхали по сѣверному берегу озера, который очень пустыненъ; въ неглубокихъ боковыхъ падахъ видны были площадки, когда-то занятыя пашнями. Ближе къ сѣверо-западному концу озера находится старинный замокъ, Балдэй-цзонъ (что въ живой рѣчкѣ звучитъ, какъ Байдэ-цзонъ), около него обычная деревня съ пашнями по близости. Замокъ этотъ находится какъ-разъ между двумя провинціями Уй и Цзанъ. Мѣстность по сѣверному берегу озера, являющаяся соединеніемъ двухъ провинцій, служила, повидимому, полемъ враждебныхъ столкновеній независимыхъ удѣльныхъ владѣльцевъ; здѣсь происходили сраженія между чжунгарами и цзанцами, а также между непальцами и тибетцами. На сѣверо-западномъ краю озеро развѣтвляется на два рукава, изъ коихъ одинъ направляется на югъ, а другой на сѣверо-западъ и выпускаетъ изъ себя рѣчку Ронъ, по которой и лежалъ нашъ дальнѣйшій путь. Послѣ 8-часоваго движенія въ продолженіе дня, на ночь мы остановились въ деревнѣ Цзатанъ (травянистая равнина). Тибетцы очень неохотно пускаютъ къ себѣ путниковъ на ночлегъ, и лишь выгода продать соломы и получить за топливо заставляеть отводить для нихъ какой-нибудь навѣсъ или сарай по сосѣдству съ домашними животными.

4-го путь нашъ, шедшій внизъ по рѣчкѣ Ронъ, оказался чрезвычайно труднымъ по своей каменистости, крутымъ подъемамъ и спускамъ въ овраги. Долина чрезвычайно узка и мало населена. Деревушки ютятся лишь при устьяхъ боковыхъ па-

дей и на обрывистыхъ берегахъ, гдѣ есть какая-нибудь возможность для хлѣбопашества. Послѣ шестичасовой ѣзды отъ мѣста ночлега мы пришли въ деревню Чу-срин-ха, гдѣ много холодныхъ и горячихъ минеральныхъ ключей. Температура горячихъ ключей, повидимому, чрезвычайно высока: я, по крайней мѣрѣ, не могъ долго продержать руки въ водѣ, текущей по деревнѣ изъ ключа. Сдѣлавъ отсюда еще двухчасовой путь, остановились ночлегомъ въ мѣстечкѣ Тамбэйса, какъ называли намъ вообще эту мѣстность.

5-го октября намъ встрѣтился на пути ронскій замокъ Ринь-бун-цзонъ (замокъ кучи драгоцѣнностей), игравшій въ исторіи удѣловъ не малую роль. Далѣе, послѣ 3¹/₂ часовой ѣзды мы достигли небольшого монастыря ронскаго Чжямчэня, гдѣ главной святыней, какъ показываетъ названіе, является мѣдная статуя Майтреи около 5 саж. вышины. Она изображаетъ Майтрею въ сидячемъ положеніи со сложенными подъ себя ногами въ девятилѣтнемъ возрастѣ. Черезъ 1¹/₂ часа послѣ выѣзда изъ монастыря, мы прибыли къ рѣкѣ Цзанъ. Рѣка въ этихъ мѣстахъ течетъ между высокими горами и имѣетъ крутые обрывистые берега. Дорога часто поднимается на крутыя скалы, когда онѣ близко подходятъ къ рѣкѣ, не оставляя промежутка между собою и берегомъ рѣки для проѣзда. Говорятъ, что весьма труденъ и даже непроходимъ путь по берегамъ рѣки Цзанъ, ниже устья названнаго ущелья Ронъ. По нему съ грѣхомъ пополамъ можетъ пройти лишь пѣшеходъ или привычный порожній осель. Послѣ девяти-часового пути за день, остановились на ночлегъ въ деревнѣ Дагдуха.

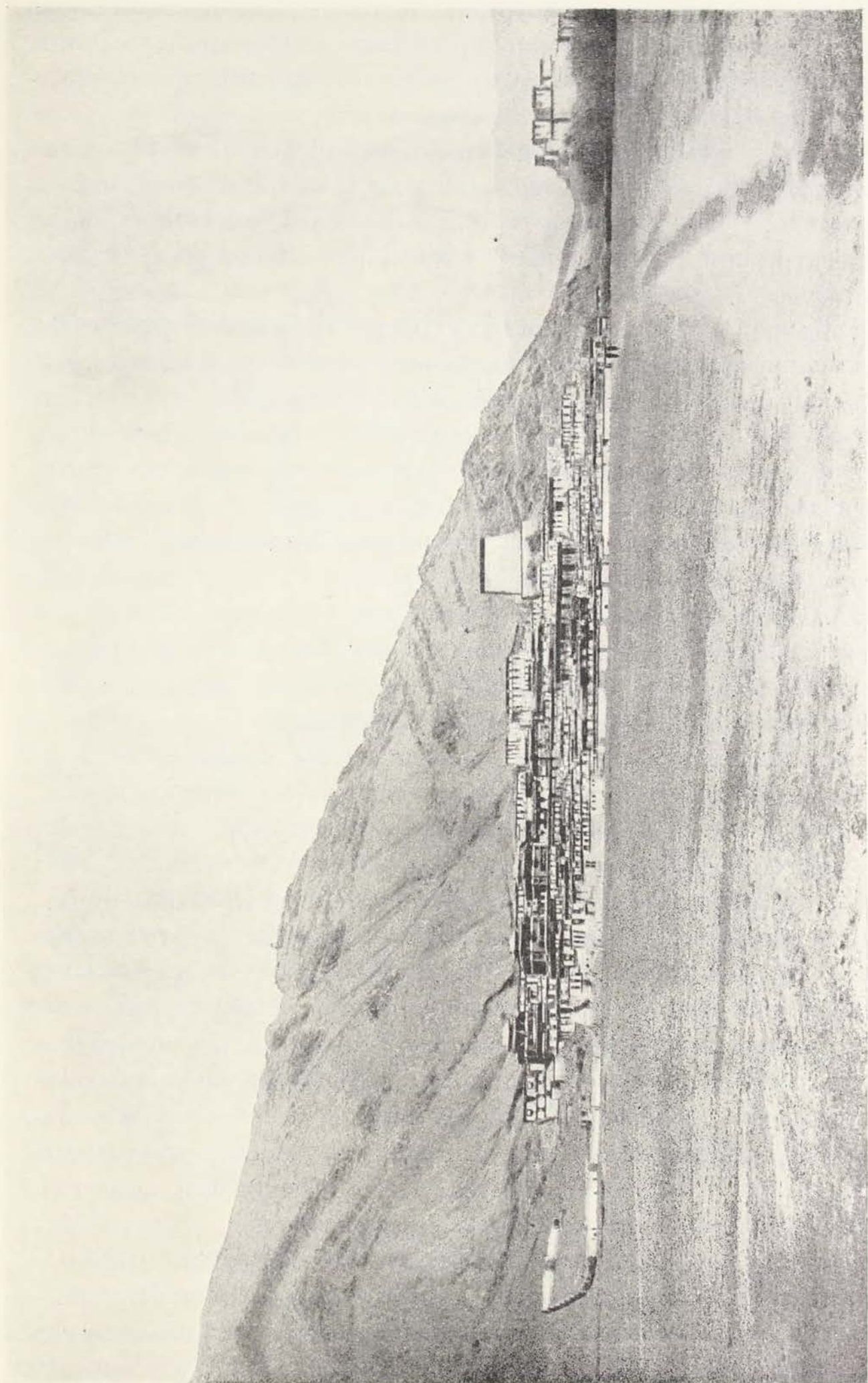
6-го ѣхали по мѣстамъ уже болѣе удобнымъ, такъ какъ долина рѣки Цзанъ расширяется, причемъ сама рѣка течетъ многими руслами, разнося повсюду песокъ и илъ. Песчаные берега долины, повидимому, служатъ причиной малой населенности здѣшнихъ мѣстъ. Послѣ 8¹/₂ часового пути, мы съ трудомъ выпросили у одного хозяина дома въ мѣстности Кушарну позволеніе заночевать у нихъ, но насъ не впустили во внутренній дворъ, а отвели мѣсто подъ небольшимъ навѣсомъ за воротами.

7-го мы вышли очень рано и, послѣ семичасовой дороги, достигли монастыря Дашій-лхунбо, гдѣ остановились въ домѣ халхаскаго мицана и прожили до 20-го октября.

2. Монастырь Дашій-лхунбо.

Основателемъ монастыря Дашій-лхунбо былъ ученикъ и послѣдователь Цзонхавы, Гэнбунь-дубъ, который считается, какъ извѣстно, первымъ далай-ламой и жилъ съ 1391 по 1475 годъ. Онъ родился въ Цзанской деревнѣ Гурмару, вблизи Сакьяскаго монастыря, отъ отца Гонбо-дорчжэ и матери Намчжидъ. По преданію, родители, во время его младенчества, были ограблены ворами и онъ выросъ въ бѣдности и прислуживалъ сначала у ламъ въ монастырѣ Нартанѣ. Вскорѣ онъ попалъ подъ покровительство настоятеля этого монастыря Дувба-шейрабъ, который посвятилъ его въ «убаши» (по-тибетски гэнень) и заставилъ учиться. 15-ти лѣтъ Гэндунь-дубъ былъ посвященъ въ гѣцулы и 20-ти въ гэланы. На 24-мъ году своей жизни, т. е. въ 1414 году, онъ отправился въ Уй и въ монастырѣ Дашій-донха впервые встрѣтился съ Цзонхавой, который сразу приблизилъ его къ себѣ и не разлучался съ нимъ до конца жизни. Въ то-же время онъ учился у Чжялцаба и хранителя Винаи Дагба-чжялцанъ. Послѣ смерти Цзонхавы, онъ учился и училъ въ разныхъ мѣстахъ и, пробывъ въ Уѣ всего 12 лѣтъ, онъ въ 1426 году, какъ сказано выше, возвратился въ Цзанъ вмѣстѣ съ Шейраб-сэнгэ. Здѣсь онъ всюду проповѣдывалъ желтошапочное ученіе и въ 1447 г. нашей эры положилъ основаніе монастырю Дашій-лхунбо.

Основанный такимъ образомъ монастырь находится на южной сторонѣ горнаго мыса при впаденіи въ рѣку Цзанбо-чу правобереговаго притока, называемаго Цзанбо-шяръ или Чжян-цзэ-чу, который также называется Нян-чу. Дашій-лхунбо имѣетъ почти четырех-угольную форму и окружность его не болѣе $2\frac{1}{2}$ верствъ. Удаленный отъ рѣки, онъ пользуется водой изъ колодцевъ. Когда подѣзжаешь къ монастырю, то первыми бросаются въ глаза пять золотокровельныхъ храмовъ, стоящихъ по одной линіи съ востока на западъ. Они почти одной формы и содержатъ въ себѣ субурганы пяти банчэн-ринбочэ (официально банчэн-эрдэни). Стѣны этихъ зданій сложены изъ каменныхъ плитъ и окрашены въ коричневый цвѣтъ, крыши въ китайскомъ стилѣ изъ золоченыхъ листовъ красной мѣди. Они строились въ разное время съ востока на западъ, такъ что могила перваго банчэня находится на восточномъ краю, а пятого—на западномъ

Дашій-лхунбо и Шихацзэ-цзонь.

Заключенные въ нихъ субурганы почти одинаковой величины, но разной отдѣлки; особенною роскошью выдѣляется субурганъ пятаго банчэня Данбій-ванчуга, умершаго, или, вѣрнѣе, убитаго въ цвѣтушемъ возрастѣ.

Между усыпальницами перваго и втораго банчэней находится дворецъ сихъ перерожденцевъ. На восточныхъ внѣшнихъ воротахъ его виситъ обычная синяя доска, жалуемая манджурскими богдыханами высочайше утвержденнымъ кумирнямъ.

Дворецъ этотъ сами монахи зовутъ «Гадам-побранъ». На восточной сторонѣ, рядомъ съ дворцомъ, находится зданіе цокчэнскаго дугана, главной святыней коего считается статуя Шакьямуни, вылитая еще при Гэндунь-дубѣ. На С.-В. краю монастыря выдается громадная стѣна — щитъ, выстроенный съ пустымъ пространствомъ внутри, съ окнами и дверью съ боковъ. Эта стѣна предназначена для выставленія на ней большого изображенія буддъ въ день годового праздника. Названіе ея на мѣстѣ у меня не оказалось записаннымъ. Waddell на стр. 273 своего «The Buddhism of Tibet or Lamaism» даетъ по Турнеру названіе «Gö-ku-pea» или «Kiku Tamsa». Первое слово, вѣроятно, тибетское гой-ку-цэб — пришествіе изображенія на матеріи, а второе кой-ку-тамса — мѣсто для натягиванія образа.

Монастырь этотъ, по образцу лхасскихъ, дѣлится на факультеты, изъ коихъ 3 богословскихъ и 1 тарнистическій.

Богословскіе дацаны суть:

1, *Шар-цзэ*, первымъ хамбо котораго былъ Шандон-димэдъ, изучаетъ цан-нидъ по толкованіямъ сэраскаго Даньба-дарчжай. 2, *Чжилхань*, принявшій за руководство толкованія банчэня Шаньдибы-лодой-чжялцань. 3, *Тойсаллинъ*, первымъ настоятелемъ котораго называютъ Димэд-шенень, пользуется при изученіи цан-нида толкованіями брѣбунско-гоманскаго Агван-цзондуя и сэраскаго Чжэ-бцзун-ба. 4, Тарнистическій дацанъ называется *Апа* и почти сходенъ съ лхасскими дацанами Чжюдъ. Онъ былъ основанъ первымъ банчэнемъ Ловсан-чой-чжи-чжялцанемъ, хотя и былъ задуманъ еще основателемъ монастыря, Гэндунь-дубомъ, въ память своего учителя Шейраб-сэегэ, спеціалиста по тантрѣ и основателя дацановъ Чжюдъ.

Духовныхъ во всѣхъ дацанахъ насчитываютъ до четырехъ тысячъ въ слѣдующемъ отношеніи по вышенаведенному по-

рядку: 0,7:1:2:0,3. Постоянно живущихъ монаховъ въ Дашій-лхунбо едва-ли болѣе 2.500.

Главой монастыря является перерожденецъ банчэн-эрдэни, который назначаетъ по одному настоятелю въ каждый дацанъ съ пожизненною властью. Административно-судебная власть надъ всѣми монахами поручается одному цокчэнскому гэбкою; хозяйственная часть монастыря находится въ рукахъ правителей дѣлъ банчэня.

Цан-нидское ученіе здѣсь не играетъ, повидимому, такой важной роли, какъ въ вышеупомянутыхъ монастыряхъ Сэ-нбрэ-гэ-сумъ, такъ какъ на занятія этимъ ученіемъ здѣсь собираются лишь однажды въ день и то на короткое время, тогда какъ «собраній» въ цокчэнѣ бываетъ по три ежедневно. Впрочемъ, должно замѣтить, что здѣшніе богословскіе факультеты славятся изученіемъ части богословія, касающейся логики. Единственная ученая степень, получаемая здѣсь за изученіе цан-нида, называется «качэнь», хотя банчэнь можетъ дать и другія степени.

Диспуты по обрядности отличаются тѣмъ, что оба диспутанта стоятъ надѣвши шапки и заканчиваютъ свои слова ударами въ ладони, тогда какъ въ Сэ-нбрэ-гэ-сумъ отвѣчающій постоянно сидитъ, надѣвши шапку, а задающій вопросы стоитъ безъ шапки.

По одеждѣ здѣшніе монахи отличаются отъ лхасскихъ: сапогами, сходными съ сапогами лхасскихъ монахинь и женатыхъ ламъ, и желтымъ цвѣтомъ мантии (дагамъ).

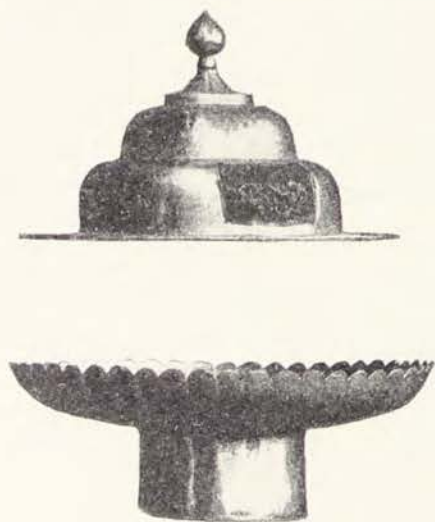
Матеріальная обеспеченность монаховъ и не столь строгая дисциплина въ монастырѣ едва-ли не объясняются тѣмъ, что трудно было основать общину новаго ученія Цзонхавы среди народа, приверженнаго къ красношапочникамъ, безъ нѣкоторыхъ уступокъ, а главное безъ обильной сравнительно выдачи содержанія монахамъ. Здѣшній монахъ можетъ небѣдно прожить на хлѣбъ и деньги, выдаваемые изъ казны банчэня.

3. Городъ Шихацзэ.

Почти въ одной верстѣ на сѣверо-востокъ отъ монастыря, на отдѣльной горкѣ, находится полуразрушенный старинный замокъ Шиха-цзонъ или Шихацзэ, носящій еще названіе Сам-

дуб-цзэ, принадлежавшій прежде свѣтскимъ правителямъ этой провинціи. Говорятъ, что Цзанба, владѣлецъ этого замка, оказалъ упорное сопротивленіе Гуши-хану, которому стоило не мало труда взять замокъ. Въ настоящее время въ немъ помѣщается канцелярія судилища мѣстныхъ свѣтскихъ жителей. Какъ повсюду въ Тибетѣ, у замка были, конечно, сгруппированы свѣтскіе жители, строившіе свои жилища у подножія скалы, на которой стоялъ замокъ (цзэ). Такія поселенія называются «низомъ» (шодъ) замка. Шихацзэйскій «низъ» представляетъ въ настоящее время значительный городокъ съ жителями около 5 тысячъ душъ, составъ которыхъ таковъ-же, какъ въ Лхасѣ, разница только въ томъ, что здѣсь больше земледѣльческаго населенія.

Между монастыремъ и шодомъ находится китайская крѣпость съ небольшимъ гарнизономъ, состоящимъ изъ китайцевъ природныхъ и рожденныхъ отъ тибетянокъ. У основанія западной стѣны крѣпости бѣднота вырыла себѣ въ горѣ жилища-конуры.

Подстаканникъ съ крышкой.

Далѣе между крѣпостью и шодомъ находится торговая площадь (по-тибетски—томъ), гдѣ происходитъ ежедневный базаръ, продолжающійся часа три (отъ 9 до 12). Торговцы ежедневно выносятъ сюда товары изъ города и раскладываютъ ихъ на землѣ, заставъ ее предварительно подстилками; затѣмъ они сами садятся подлѣ товаровъ и торговля начинается. Европейскіе товары тѣ же, что и въ Лхасѣ. Изъ мѣстныхъ произведеній этотъ городъ славится

своими металлическими издѣліями, между которыми упомянемъ о подстаканникахъ съ крышками, приготовляемыхъ изъ бѣлой мѣди, привозимой изъ Индіи и отчасти изъ Китая, вошедшихъ съ недавняго прошлаго въ моду у тибетцевъ, а также о коньяхъ, около 4 аршинъ длины, состоящихъ изъ желѣзнаго наконечника, длиннаго дровка, обмотаннаго желѣзной проволокой и острія на нижнемъ концѣ для втыканія въ землю. Ихъ изготовляютъ самымъ первобытнымъ ручнымъ способомъ. Конье средняго качества на мѣстѣ стоитъ отъ 4 до 5 монеть

Во время посѣщенія базара мы замѣтили, что копыя охотно покупаются пришельцами изъ окраинныхъ кочевыхъ племенъ Тибета. На рынкѣ насъ поразила масса нищихъ изъ преступниковъ, приговоренныхъ къ вѣчнымъ кандаламъ и колодкамъ. Они очень надоѣдаютъ своимъ нахальнымъ попрошайничествомъ и, какъ говорятъ, не отказываются воспользоваться удобнымъ случаемъ для кражи и даже дневного грабежа. Такой порядокъ объясняютъ тѣмъ, что имъ не даютъ казеннаго содержанія, а выпускаютъ днемъ собирать милостыню и питаться ею; ночью ихъ держать въ заключеніи. Здѣсь въ обращеніи тѣ же монеты, что и въ Лхасѣ. Къ характеристикѣ мѣстнаго базара не лишне прибавить, что ежедневно на здѣшнемъ рынкѣ я встрѣчалъ одного идіота, мужчину лѣтъ 25, ходившаго совершенно голымъ, держа въ рукѣ небольшой рожокъ. Буйствъ онъ никакихъ не производилъ, но занимался накладываніемъ песку въ свой рожокъ. Про дальнѣйшія операціи его съ рожкомъ я не осмѣливаюсь здѣсь говорить... Характерно то, что вся публика, не исключая и женщинъ, не стѣснялась смотрѣть и смѣяться на его идіотскія выходки, а напротивъ, ту или другую выдумку его старались объяснить предзнаменованіемъ чего-либо новаго, потому что этотъ идіотъ, по ихъ понятіямъ, не простой человѣкъ, а какой нибудь перерожденецъ. Смотря на этого идіота и слушая толки о немъ, я невольно вспоминалъ юродивыхъ нашего отечества и отношеніе къ нимъ простого народа.

4. Загородные дворцы банчэней.

Къ востоку отъ шодъ, на самомъ берегу рѣки Цзанбошаръ (вѣрнѣе Нян-чу), находится одинъ изъ загородныхъ дворцовъ банчэней, окруженный обширнымъ садомъ и домами для служащихъ. Внутри сада самыя зданія дворца окружены другой стѣной, на главныхъ воротахъ которой, обращенныхъ къ восточной рѣкѣ, виситъ надпись на четырехъ языкахъ: монгольскомъ, китайскомъ, тибетскомъ и манджурскомъ, имѣющая на всѣхъ языкахъ одинаковый смыслъ: «всему покровительствующій храмъ»; на другихъ, второстепенныхъ воротахъ—надпись уже на одномъ китайскомъ языкѣ, которую, пожалуй, можно перевести: «законы (религіи и міра) величественно согласны».

По-тибетски этотъ дворецъ называется просто Гун-чжѳб-линъ. Во дворѣ нѣсколько зданій, въ числѣ коихъ главное мѣсто занимаетъ храмъ, названіе котораго и вывѣшено на главныхъ воротахъ; здѣсь банчэнъ даетъ аудіенціи высшимъ представителямъ духовной и свѣтской власти, а также принимаетъ поклоняющихся богомольцевъ. Рядомъ съ этимъ храмомъ находится домъ, гдѣ банчэнъ проводитъ обыденную жизнь свою. Въ саду на цѣпи молодой слонъ и два тибетскихъ медвѣдя, въ конюшняхъ любимыя породистыя лошади банчэня, вывезенныя изъ Европы черезъ Индію.

Дворецъ этотъ служитъ лѣтнимъ и осеннимъ мѣстопробываніемъ банчэня, зиму онъ проводитъ въ монастырѣ, а весну— въ другомъ загородномъ дворцѣ, находящемся на юго-западъ отъ монастыря въ разстояніи почти одной съ половиной версты. Мы ходили осматривать этотъ дворецъ, но ворота его были закрыты и мы не могли никого увидѣть. Было лишь замѣтно, что дворецъ этотъ менѣе роскошенъ, чѣмъ упомянутый выше, восточный. На внѣшнихъ воротахъ китайская надпись: «весеннее поселеніе десяти степеней (бодисатвъ)». Я не увѣренъ въ правильности перевода, такъ какъ 2-ой іероглифъ на надписи испорченъ временемъ. Тибетцы этотъ дворецъ называютъ Дэчэнъ-побранъ—великаго спокойствія дворецъ. Мы, какъ простые богомольцы, конечно, не могли получить доступа для осмотра внутренности этихъ дворцовъ, а внѣшній видъ ихъ не представляетъ ничего замѣчательнаго и является лишь шаблонной архитектурой тибетскихъ кумирень.

5. Банчэн-ринбочэ.

Однимъ изъ трехъ великихъ ламъ іерархіи современнаго ламаитскаго міра, какъ извѣстно, является хозяинъ монастыря Дашій-лхунбо, перерожденецъ банчэн-ринбочэ, коихъ монголы и офиціальныя языкъ пекинскаго правительства зовутъ «банчэн-эрдэни». Генеалогію или, точнѣе, поколѣнія перерожденій знаменитыхъ ламъ ламаиты выводятъ отъ временъ будды Шакьямуни, а ближайшимъ образомъ отъ современниковъ основателя ламаизма, Цзонхавы. Такъ говорятъ они, что банчэн-эрдэни былъ во времена Цзонхавы—его ученикомъ Хайдуб-

гэлэг-балсаномъ; далай-лама—другимъ его ученикомъ Гэндунь-дубомъ и, наконецъ, ургинскій хутухта—Чжамьяномъ-чойрчжэ-дашій-балданемъ. Но, какъ извѣстно, въ первое время у послѣдователей Цзонхавы не было въ обычаѣ отыскивать и воздавать почести перерожденцамъ. Культъ ихъ начался гораздо позднѣе и, въ частности, первымъ банчэнемъ считается лама Ловсан-Чойчжи-чжялцань, который родился въ долинѣ Рона въ 1570 году. На 14-мъ году своей жизни онъ былъ посвященъ въ духовенство и на 30-мъ году былъ избранъ въ настоятели Дашій-лхунбоскаго монастыря. Въ 1603 году, по прибытіи изъ Монголіи въ Тибетъ четвертаго далай-ламы, Юн-дан-чжямцо и при принятіи имъ обѣтовъ гэлона, Чойчжи-чжялцань былъ духовникомъ его. Затѣмъ онъ сопровождалъ его во время путешествій по Тибету, а въ 1616 году ему было суждено совершить погребальные обряды надъ прахомъ этого монгольскаго далай-ламы. Въ слѣдующемъ году онъ сдѣлался настоятелемъ Сэра и Брѣбуна, затѣмъ былъ духовникомъ и учителемъ пятаго, великаго далай-ламы, Агван-ловсан-чжямцо. Учитель и ученикъ, какъ извѣстно, составили тогда союзъ противъ свѣтскихъ правителей Тибета и призвали на нихъ оружіе монгольскаго завоевателя Гуши-хана. Подавивъ при помощи послѣдняго своего противника Цзанба, Чойчжи-чжялцань возвратился въ Дашій-лхунбо и сдѣлался хозяиномъ этого монастыря. Умеръ онъ въ глубокой старости, на 93 году жизни, въ 1663 году, оставивъ 4 тома сочиненій.

Имя *второго* банчэня было Лобсан-ешей. Онъ родился въ 1664 году и, согласно Waddell'ю, умеръ въ 1737 г. или 1739 и оставилъ послѣ себя три тома сочиненій.

Третій, знаменитый банчэнь, современникъ императора Цян-луна, родился въ 1740 г. и назывался Балдан-ешей. Онъ былъ замѣчательно способный дипломатъ и писатель. Въ своихъ сочиненіяхъ (7 томовъ) онъ между прочимъ развилъ мысль, на которую намекали его предшественники, что банчэнь будетъ 25 ханомъ Ригдан-дагбо, который будетъ главенствовать надъ буддистами въ такъ называемой «сѣверной войнѣ Шамбала», въ которой буддисты будутъ сражаться съ иновѣрными (лаю). Писатель конца XVIII столѣтія, не разъ выше цитированный; Лондол-лама въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ, что въ Шамбалѣ въ 1777 году исполнилось царствованію 19-го хана Намнона (весьма давнящій),

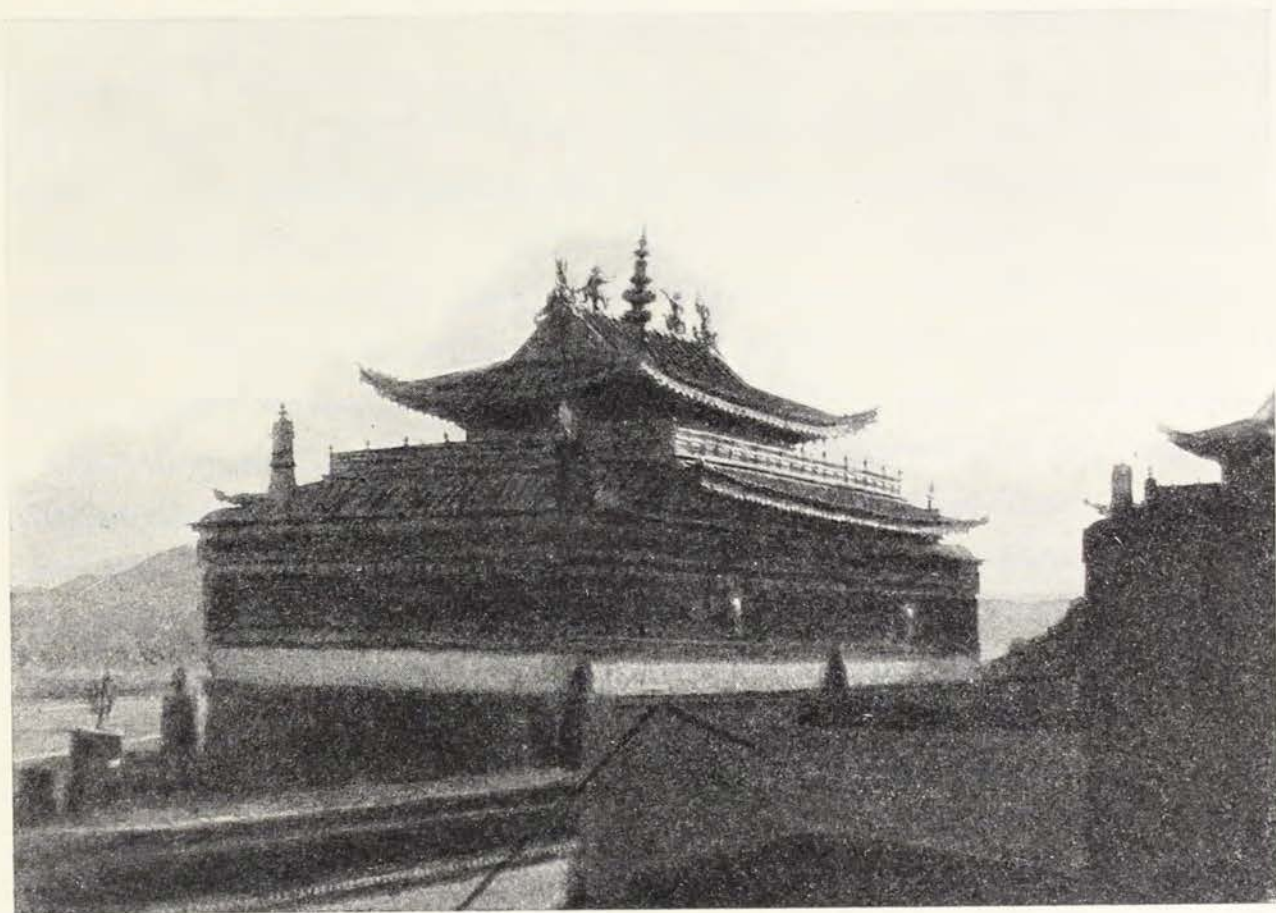
по исчисленію астролога Пугба, 51 годъ, а по исчисленіямъ Хайдуб-гэлэг-балсана (извѣстный ученикъ Цзонхавы) и Будона (извѣстный, знаменитый ученый и писатель XIV вѣка)—92 года. Каждый ханъ властвуетъ тамъ 100 лѣтъ. Послѣ Намона до 25-го хана должно пройти 5 столѣтій, въ теченіе коихъ будутъ по порядку слѣдующіе 5 наслѣдственныхъ хановъ: 1) Доббо-чэ (великосильный), 2) Магагба (безпрепятственный, неустойчивый), 3) Мии-сэнгэ (людской левъ), 4) Ванчуг-чэнбо (великій, полновластный) и 5) Таіи-намчжяль (безконечно, вполнѣ побѣдоносный). Сыномъ послѣдняго будетъ 25-ый ханъ Шамбалы Ригдан-дагбо. Во время его царствованія, по однимъ исчисленіямъ на 51 году, а по другимъ на 8 году, т. е. по нашему лѣтоисчисленію въ 2335 году по Р. Х., произойдетъ война между буддистами и лало. Сначала будутъ побѣждать лало, но конечная побѣда останется за Ригдан-дагбо, который лично приметъ участіе въ сраженіяхъ. Война Шамбалы—нѣчто похожее на приходъ еврейскаго Мессіи и второе пришествіе Христа у христіанъ.

Затѣмъ Балдан-ешей задумалъ приобрѣсти почести отъ пекинскаго правительства, для чего самъ сталъ просить аудіенціи у Цянлуна. При проѣздѣ въ Пекинъ черезъ Цайдамъ, Кукунуръ и Монголію онъ своею тактичностью и умѣніемъ угодить всѣмъ обворожилъ и ламаитовъ и магометанъ. Преданія о немъ еще свѣжи въ этихъ мѣстахъ. Наконецъ, въ первой осенней лунѣ 1780 года, онъ получилъ аудіенцію у императора, на которой онъ выразилъ свои вѣрноподданническія чувства въ болѣе рабской формѣ, чѣмъ того требовалъ церемоніаль двора. Здѣсь онъ получилъ почетный титулъ банчэн-эрдэни и былъ признанъ третьимъ перерожденцемъ банчэней. Однако, ему не было суждено возвратиться съ полученными почестями на родину, такъ какъ онъ умеръ въ средней зимней лунѣ того же года въ Пекинѣ, и въ слѣдующемъ году былъ отправленъ въ Тибетъ лишь его прахъ.

Четвертый банчэнъ, также извѣстный своими многотомными сочиненіями (8 томовъ), именовался Данбій-ньима (солнце религіи). Онъ родился въ 1781 году и въ 1784 году былъ утвержденъ въ званіи банчэн-эрдэни. Умеръ онъ въ 1854 году.

Пятый банчэнъ Данбій-ванчугъ (1855—1881) былъ, по видимому, человѣкъ очень своеобразный и замѣчательно

способный. Онъ, будучи по званію главой желтошапочнаго ученія въ этой странѣ, сосѣдней съ вліятельной красношапочной сектой сакья, не довольствовался своимъ ученіемъ и съ увлеченіемъ занялся законоученіями названной секты. Эти свои занятія, на которыя уже смотрѣли косо его окружающіе, онъ довелъ до того, что открыто принялъ нѣкоторыя посвященія (наставленія) отъ Сакья-пандиты. Это переполнило чашу тер-

Усыпальница четвертаго банчэня.

пѣнія его приближенныхъ, а также монаховъ монастыря Дашій-лхунбо. Послѣдніе подняли мятежъ и смуты, свѣдѣнія о которыхъ дошли до Лхасаскаго правительства, которое потребовало отъ банчэня объясненій. Предводительницей недовольныхъ была родная мать банчэня, женщина, умѣвшая, повидимому, съ большимъ искусствомъ разжигать страсти, потому что банчэнь однажды, какъ говоритъ преданіе, въ досадѣ воскликнулъ: «Ахъ, какъ хорошо было бы имѣть нѣмую мать!»

Часть недовольныхъ составила заговоръ противъ жизни банчэня, но исполненіе ихъ преступнаго замысла предупредила мать его, отравивъ своего сына. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ не

бездарный молодой человек и оставил послѣ себя два тома сочиненій.

Нынѣшній *шестой* перерожденецъ, родившійся въ 1882 г., имѣеть полное имя Ловсан-тубдань-чойджи-ньима-гэлэг-намчжяль или, какъ проще называютъ его, Гэлэг-намчжяль. Родной его была область Лхоха, т. е. южная часть провинціи Уй. Говорятъ, что онъ родился отъ одной нѣмой или косноязычной женщины, жившей прислугою въ зажиточномъ домѣ.

6. Представленіе банчэню.

Я представлялся ему, или вѣриѣ, получилъ отъ него благословеніе 11 октября.

Еще ранѣе, 9-го числа, я внесъ въ дворцовое казначейство банчэня 5 лановъ мѣстныхъ монетъ за поднесеніе мандала и кушаній и 3 лана за выслушаніе ученія, всего 8 лановъ, что на наши деньги равняется приблизительно 10 р. 65 к. На другой день мнѣ было сообщено, чтобы мы пришли въ выше-названный дворецъ Гун-чжѣб-линъ 11-го числа раннимъ утромъ.

Въ назначенный день въ 8 часовъ утра я со спутникомъ и другими монгольскими богомольцами былъ уже у дворца банчэня. Намъ сообщили, что время поклоненія еще не пришло, а потому придется немного подождать. Обычно скучное время ожиданія я посвятилъ осмотру дворца и сада. На сѣверо-восточной сторонѣ дворца, за внутренней оградой стоитъ небольшой домикъ, гдѣ, какъ объяснили мнѣ, живетъ мать банчэня. Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время изъ этого дома вышла хорошо одѣтая женщина съ прислугой. Она, смотря на насъ, стоящихъ у внѣшнихъ воротъ дворца, о чемъ-то объяснялась съ сопровождавшей ее женщиной посредствомъ знаковъ пальцами и какихъ-то непонятныхъ звуковъ, произносимыхъ ею. Это была мать банчэня.

Наконецъ, около 11 часовъ настало время поклоненія. Насъ впустили во внутренній дворъ, а затѣмъ ввели во дворецъ во второй этажъ, прямо въ залъ для аудіенцій. Когда мы вошли туда, банчэнь сидѣлъ уже на своемъ высокомъ тронѣ, въ полномъ облаченіи желтошапочнаго іерарха, то есть въ желтой мантии и желтой шапкѣ цзонхавинскаго образца, по бокамъ немного впереди трона стояли двое ламъ—прислужниковъ. Боковые стороны залы были полны сидящими высшими ламами

и свѣтскими чиновниками въ желтыхъ халатахъ. Банчэнъ выглядѣлъ почти отрокомъ. Темноватое лицо его было широко въ верхней части и очень узко въ нижней. Глаза не особенно большіе, носъ также; лобъ широкій. Насъ подвели прямо къ трону. Я былъ, понятно, первымъ, и мнѣ послѣдовательно подавали мандалъ (символическое изображеніе всего міра), статуэтку Будды, книгу и, наконецъ, субурганъ. Я же подавалъ эти вещи банчэню. Онъ едва дотрагивался до нихъ и ставилъ въ сторону. Мои товарищи подходили съ подношеніемъ только хадаковъ и получали благословеніе. Послѣ этого началось угощеніе чаемъ и рисомъ точно такъ же, какъ описано выше при поклоненіи далай-ламѣ, только банчэнъ не освѣдомлялся о нашемъ благополучномъ прибытіи.

Послѣ окончанія чаепитія, мы сдѣлали по три земныхъ поклона и сѣли въ рядъ передъ трономъ банчэня для выслушанія ученія. Онъ прочиталъ намъ по книжкѣ очень бѣгло и громко сочиненіе третьяго банчэня «Шамбалай-мѡнламъ», что значитъ «благопожеланія Шамбалы». Оно содержитъ молитву банчэню, чтобы онъ, когда будетъ предводительствовать буддистами въ священной войнѣ Шамбалы съ еретиками (лало), взялъ молящагося въ число своихъ воиновъ. Лишь только онъ окончилъ чтеніе, нетерпѣливые церемоніймейстеры громко провозгласили «уходите прочь» и выпроводили насъ, размахивая своими кнутами, производящими большую панику между богомольцами. Намъ пришлось поспѣшно сбѣжать по той узкой лѣстницѣ, по которой нѣсколько минутъ тому назадъ мы поднимались съ нѣкоторымъ почетомъ.

Донхар-цзонъ.

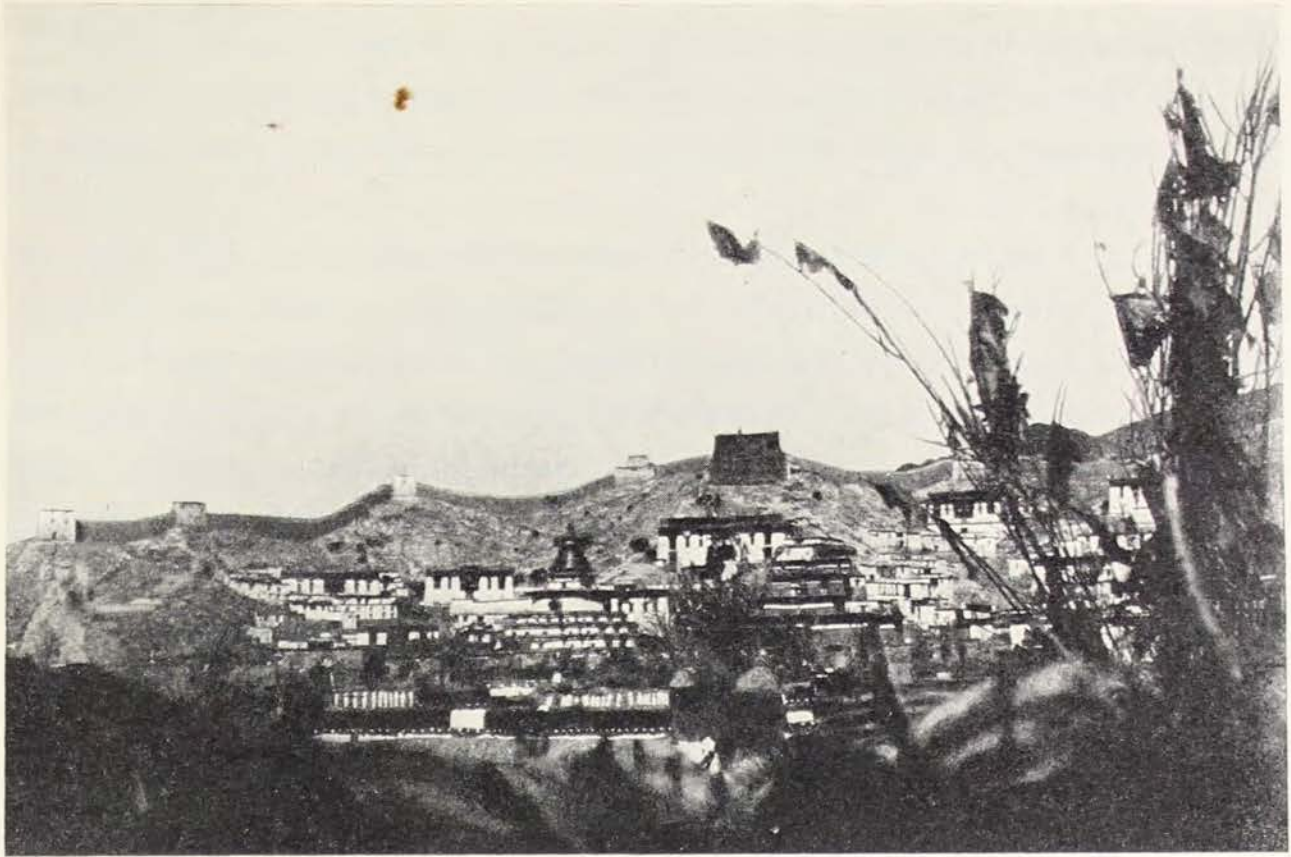
Янтра Парнашавари. Заклинаніє.

ГЛАВА XV.

Изъ Дашій-лхунбо въ Лхасу.

Габаль.

Монастырь Чжан-цзэ.

По прибытіи въ Дашій-лхунбо, мы продали нашихъ лошадей, вслѣдствіе затруднительности пріобрѣтенія корма и ухода за ними, да къ тому же одна изъ нихъ изъ-за каменистаго пути потеряла подковы и разбила ноги такъ сильно, что не годилась уже для ѣзды до полнаго выздоровленія. Когда же мы задумали посѣтить монастырь Сакьяскаго пандиты, который во время юаньской и минской династій въ Китаѣ игралъ первенствующую духовную и свѣтскую роль въ Тибетѣ, то никакъ не могли найти наемныхъ подводъ. Монастырь этотъ, по рассказамъ очевидцевъ, находится на разстояніи трехдневнаго пути на юго-западъ отъ Шихацзэ. Пандиты наследственны: власть переходитъ отъ отца къ сыну, такъ какъ высшіе жрецы ихъ секты женятся. Они считаются весьма искусными въ подавленіи несчастій, посылаемыхъ злыми духами, а потому ихъ иногда приглашаютъ для совершенія государственныхъ гуримовъ даже въ Лхасѣ.

На пути отъ Шихацзэ къ Сакьяскому монастырю, верстахъ въ 25-ти отъ перваго, находится старинный монастырь Нартанъ, который славится типографскими досками двухъ большихъ

сборниковъ сочиненій, извѣстныхъ подъ названіями Ганчжуръ и Данячжуръ. Монастырь этотъ въ настоящее время принадлежитъ банчэн-эрдэни, которые и распоряжаются его имуществомъ.

Пока мы тщетно разыскивали лошадей для поѣздки въ вышеупомянутые монастыри, спутникъ мой началъ хворать, и пришлось думать уже о возвращеніи въ Лхасу, тѣмъ болѣе, что намъ сообщили о запуганности жителей по пути туда, вслѣдствіе свирѣпствовавшей тогда по Тибету черной оспе.

Принужденный возвратиться въ Лхасу, я хотѣлъ проѣхать по другому пути, который лежитъ южнѣе совершеннаго нами, но при такомъ рѣшеніи пришлось потратить много труда, чтобы отыскать наемныхъ лошадей, и лишь счастливая случайность,— встрѣча съ погонщиками, прибывшими въ Шихацзэ, дала намъ возможность нанять двухъ лошадей до Чжян-цзэ по 10 монетъ за каждую, т. е. за плату, выше которой не могла идти даже жадность погонщиковъ. Мы наняли ихъ безъ всякихъ разговоровъ и *20-го октября* оставили городъ Шихацзэ. Путь нашъ лежалъ вверхъ по той-же рѣкѣ, при устьѣ которой стоитъ этотъ городъ. Довольно широкая долина рѣки весьма удобна для земледѣлія и потому достаточно населена. Верстахъ въ 15-ти выше Шихацзэ, при устьѣ лѣвобереговой пади находится знаменитый въ древности монастырь Шалу, въ которомъ сохраняются, между прочимъ, типографскія доски знаменитаго писателя XIV вѣка, Будон-тамчжад-чэнбы. Послѣ пяти съ половиной часового движенія мы пришли въ деревню Чуринъ (Длинная рѣчка) и остановились на ночлегъ въ домѣ нашихъ возчиковъ, которые сопровождали насъ пѣшими.

21-го октября. На сегодняшнемъ пути видѣли вдали на правомъ берегу рѣки Нян-чу монастырь Гаданъ (?), который расположенъ очень красиво на лицевой сторонѣ отдѣльной горки.

Верстахъ въ пяти выше его встрѣтили замокъ Байнацзонъ, который я снялъ издали. Придя позднимъ вечеромъ, мы почевали подлѣ небольшого Сакьяскаго монастыря.

22-го поднялись и двинулись въ путь въ часъ ночи и къ 7-ми утра пришли къ каменному мосту черезъ вышеупомянутую рѣку, устроенному подлѣ монастыря Цэчэнъ. Еще черезъ часъ достигли небольшого городка Чжян-цзэ. Такъ называется собственно замокъ, монастырь-же носитъ еще имя Балхор-чойдэ

Чжян-цзэ лежитъ на прямомъ пути отъ Лхасы въ Индію и потому имѣетъ довольно важное по торговлѣ значеніе. Здѣсь, на высокой скалѣ стоитъ полуразрушенный замокъ старинныхъ владѣльцевъ этой мѣстности. Нынѣ же зданіе управленія краемъ находится у южной подошвы скалы, тамъ же— и квартиры гарнизонныхъ солдатъ, кои собираются сюда черезъ извѣстные промежутки времени на смотры. Монастырь и городъ расположены на сѣверо-западной сторонѣ отъ замка. Въ замкѣ я не былъ.

Чучела дикихъ яковъ и другихъ звѣрей весьма обычны въ преддверіяхъ храмовъ, въ особенности чойчжоновъ, боговъ-хранителей, такъ какъ эти божества, судя по изображеніямъ, ѣздятъ на различнѣйшихъ животныхъ: якахъ, лошадяхъ, мулахъ, свиньяхъ, собакахъ, козлахъ, львахъ и т. п. Помѣщая у храмовъ чучела животныхъ, ламанты

Байна-цзонъ на р. Няч-чу.

какъ-бы подносятъ божествамъ подводы, на которыхъ они въ случаѣ нужды могли бы ѣхать. Собственно монастырь обнесенъ высокими стѣнами изъ необожженаго кирпича. Внутри стѣнъ самую главною достопримѣчательностью, безъ сомнѣнія, является большой бѣлый субурганъ, называемый «многодвернымъ» (гоманъ), находящійся въ центрѣ монастырскихъ зданій. Каждая сторона его у основанія имѣетъ длину около 22 сажень. Нижняя часть состоитъ изъ пяти этажей, имѣющихъ по 20 дверей, ведущихъ въ отдѣльныя комнаты съ разставленными въ нихъ статуями, преимущественно гнѣвныхъ божествъ. Затѣмъ внутреннія деревянныя лѣстницы ведутъ въ верхнюю часть субургана, гдѣ находится весьма чтимая статуя Вачира-Дары.

Направо отъ субургана, если смотрѣть на него съ юга, находится цокчэнскій дуганъ, налѣво—кумирня Цзонхавы. Затѣмъ вокругъ разбросаны отдѣльные дацаны числомъ до 18. Говорятъ, что въ этомъ монастырѣ одинаково терпимы всѣ секты тибетскаго буддизма, какъ-то: сакья, гя-луг-на, нѣн-ма,

Чодэн-гоманъ, многоярусный субурганъ.

кар-ма и др. Монаховъ здѣсь, по крайней мѣрѣ во время нашего посѣщенія, было очень немного—едва-ли болѣе 100 человекъ.

Тотчасъ по выходѣ изъ южныхъ воротъ монастыря начинается свѣтскій городокъ, который ничего особеннаго не представляетъ и къ тому же очень невеликъ. У этихъ воротъ ежедневно происходитъ рыночная торговля, гдѣ выставляются тѣ же товары, что и въ Лхасѣ и Шихацзэ, но Чжян-цзэ извѣстенъ своими шерстяными и, главнымъ образомъ, ковровыми издѣ-

ліями. Ковры двухъ родовъ: тибетскіе и обыкновенные.

Тибетскій коверъ готовится изъ одноцвѣтной шерсти, выкрашенной въ коричневый, желтый, синій и зеленый цвѣта, и ткется узкими полосами, соединяемыми между собою простымъ пришиваніемъ одной полосы къ другой; обыкновенными называютъ ковры изъ разноцвѣтной шерсти съ вытканными узорами.

Они изготовляются по китайскимъ образцамъ; при томъ они гораздо прочнѣе китайскихъ, хотя уступаютъ имъ по изяществу отдѣлки. Всѣ издѣлія готовятся изъ чистой овечьей шерсти и, повидимому, тибетцы не знакомы съ подмѣшиваніемъ къ шерсти другихъ прядильныхъ волоконъ и вообще фальсификаціей.

Находясь на пути въ Индію и на соединеніи дорогъ, идущихъ изъ двухъ главныхъ городовъ провинцій центральнаго Тибета, Чжян-цзэ служитъ складочнымъ пунктомъ товаровъ, идущихъ изъ Тибета въ Индію и обратно.

Поэтому здѣсь можно встрѣтить торговцевъ, не разъ побывавшихъ въ британской Индіи. Такъ и намъ пришлось познакомиться здѣсь съ однимъ тибетцемъ, торгующимъ лошадьми и яковыми хвостами съ Калькуттой. Онъ сообщалъ, что караваны доходятъ въ 1 мѣсяцъ до Дарджилинга, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ 1¹/₂ сутокъ до Калькутты и что тамъ много торговцевъ изъ Тибета. Караваны идутъ обыкновенно черезъ тибетскій Пари и бутанскій Галинфу.

Чжян-цзэ.

Шихацзэ и Чжян-цзэ, какъ извѣстно, принадлежатъ провинціи Цзань. Жители этой провинціи отличаются отъ уйскихъ только небольшой разницей въ языкѣ. Главное занятіе жителей обѣихъ провинцій одинаково—земледѣліе, а также одинаково и то, что большая часть мужчинъ посвящена въ духовное званіе, но намъ показалось, что процентъ духовныхъ въ Цзанѣ меньше, чѣмъ въ Уѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, одинаково управленіе и правосудіе, основано въ значительной степени на взяточничествѣ. Одинаково и то, что въ полевыхъ и городскихъ работахъ главной рабочей силой являются женщины; онѣ же занимаются и торговлей. Одинакова домашняя обстановка, одинакова и семейная жизнь. Большинство женщинъ за недостаткомъ постоянныхъ мужей ведутъ самостоятельное хозяйство, при чемъ допускаютъ себѣ полную свободу поведенія, и имѣть дѣтей отъ знакомыхъ мужчинъ не считается стыдомъ передъ свѣтомъ, а является обыденнымъ и желательнымъ. Костюмы мужчинъ и женщинъ въ обѣихъ провинціяхъ одинаковы, но здѣшнія женщины отличаются отъ уйскихъ своими головными уборами.

Головной уборъ цзанской женщины называется «баго» и состоитъ изъ:

1. Дуги изъ двухъ тонкихъ, гибкихъ деревянныхъ прутьевъ длиной около одного аршина, обшитыхъ вмѣстѣ красной матеріей. Она прикрѣпляется къ волосамъ двумя нижними концами около ушей, точь-въ-точь, какъ дуга нашей конской упряжи въ миниатюрѣ, и составляетъ, такъ сказать, постоянную, неснимаемую часть, такъ какъ снимается лишь при причесываніи волосъ, что дѣлается не особенно часто.

2. Длиннаго гибкаго жгута ¹⁾, обшитаго краснымъ европейскимъ сукномъ, во всю длину котораго пришиты попеременно коралль (шюру) и бирюза (ю). Середина этого жгута кладется на темя, затѣмъ онъ огибаетъ снизу концы дуги, и оба конца его или соединяются на затылкѣ, или же порознь прикрѣпляются къ верху дуги. Это—уборъ простого и бѣднаго класса; у богатыхъ же есть еще:

3. Второй жгутъ, также съ кораллами и бирюзой, но болѣе крупными, или съ пришитыми жемчужными нитями. Этотъ жгутъ спереди кладется поверхъ перваго, но около ушей пере-

¹⁾ Матеріаль—изъ самой матеріи или внутри шерсть и т. п.

ходить подъ низъ его, а концы соединяются на затылкѣ. Въ такомъ случаѣ концы перваго жгута непременно прикрѣпляются къ дугѣ.

4. Третій короткій негибкій жгутъ, къ которому пришиваются особенно крупныя «ю», задѣланныя въ серебро и кораллы. Одинъ конецъ этого жгута прикрѣпляется къ мѣсту соединенія концовъ втораго жгута, а другой къ серединѣ дуги.

5. Двѣ ленты изъ нитокъ, нанизанныхъ жемчугомъ, у богатыхъ настоящимъ, а у менѣе зажиточныхъ поддѣльнымъ. Одни концы ихъ прикрѣпляются спереди къ серединѣ втораго жгута, затѣмъ, обогнувъ дуги съ боковъ, привязываются другими концами къ серединѣ третьяго, короткаго, жгута. Цзанскія женщины не носятъ въ ушахъ большихъ серегъ, какъ уйскія, но только очень маленькія колечки, или вовсе ничего не носятъ.

Пришлыя, камскія женщины, служащія по большей части у китайцевъ наложницами или кухарками, носятъ одну косу, въ которую вылетаютъ черныя нитки, доходящія до земли. Въ ушахъ онѣ носятъ большія кольцеобразныя серьги, на рукахъ—серебряныя или мѣдныя браслеты и кольца.

Спутникъ мой еще болѣе расхворался и потому нужно было поскорѣе доставить его въ Лхасу, гдѣ у него были знакомые и сородичи, которые могли за нимъ ухаживать. За розысками наемныхъ лошадей мы потеряли дня два, пока, наконецъ, не удалось найти три лошади съ платой по 20 тибетскихъ монетъ до Лхасы. На этихъ лошадяхъ, съ двумя пѣшими ямщиками, мы 2-го ноября выѣхали изъ Чжан-цзэ.

Широкая долина рѣки, на которой стоитъ этотъ городъ, верстахъ въ 15-ти выше его, сильно суживается и дорога идетъ

Тантун-чжалво.

по каменистому ущелью, часто переходя съ одного берега рѣки на другой. Послѣ 11-часовой ѣзды мы позднимъ вечеромъ достигли мѣста ночлега, назначеннаго нашими возчиками какъ разъ тамъ, гдѣ дорога мѣняетъ юго-восточное направленіе на восточное.

3-го ноября двинулись въ дальнѣйшій путь въ 3¹/₂ часа ночи. На разсвѣтѣ переваливали черезъ хребетъ Кар-ла. Подъемъ и спускъ очень пологи, хотя абсолютная высота этого перевала, повидимому, довольно велика; на горахъ подлѣ перевала лежала масса снѣга, часть котораго, безъ сомнѣнія, вѣчная. Спустившись съ перевала, мы вступили въ узкую, почти пустынную долину Нанкаръ (не вѣрнѣе-ли На-ха—падъ дикихъ козъ, которыхъ здѣсь очень много). Недалеко отъ вершины пади находится китайскій станціонный дворъ. Къ устью пади эта выходитъ широкой равниной и сливается съ таковою же западнаго берега озера Ямдокъ. По выходѣ изъ пади дорога направляется на сѣверо-востокъ и идетъ къ замку Нан-кар-цзэ, миновавъ который, мы заночевали, послѣ 12 часовъ ѣзды за день.

4-го, обогнувъ сѣверо-западную оконечность озера и миновавъ Байдэ-цзонъ, мы пошли по знакомымъ уже мѣстамъ, перевалили черезъ Ганба-ла и ночевали послѣ 13-ти часоваго пути на правомъ берегу Цзанбо-чу, на одномъ постояломъ дворѣ.

5-го переправились на карбазахъ черезъ Цзанбо-чу. Немного ниже мѣста переправы прежде находился цѣпной мостъ для пѣшеходовъ, построенный, по преданію, Тантунъ-ханомъ (Тантун-чжялво). Легенда говоритъ, что этотъ ханъ былъ во чревѣ матери 60 лѣтъ и родился уже сѣдымъ старикомъ. Для возданія благодарности матери, носившей его такъ долго, онъ построилъ много цѣпныхъ мостовъ, изъ коихъ одинъ находился здѣсь. Въ настоящее время видны только цѣпи, поддерживавшія его настилку. Послѣ 8-ми часоваго движенія, мы ночевали немного ниже Ньетана.

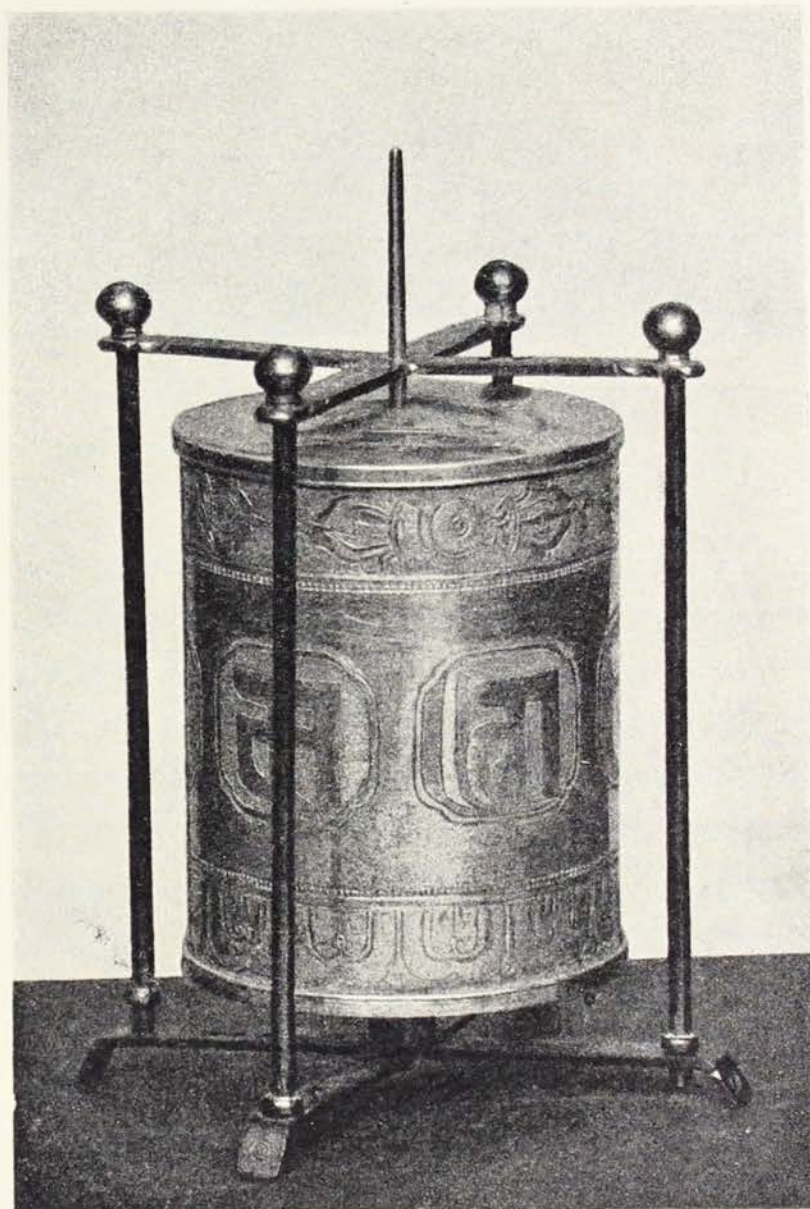
6-го ноября, послѣ 8¹/₂ часовъ ѣзды, прибыли въ Лхасу.

Чжан-цзэ, монастырь.

Глава XVI.

Поѣздка въ Цзэтань и Самъ-яй.

Молитвенный цилиндръ.

Самъ-яй.

Для ознакомленія съ историческими мѣстами Тибета, я задумалъ посѣтить два древнихъ монастыря: Цзэтанъ и Самъ-яй, находящіеся на рѣкѣ Цзанбо-чу, ниже слиянія ея съ рѣкой Уй. Мѣста, лежащія къ востоку и югу отъ этого слиянія принято называть Лхоха (южная часть, подразумѣвается провинціи Уй). Туда ходятъ изъ Лхасы довольно часто мѣстныя лодки (кожаныя), которыми я и воспользовался для путешествія. Лодки эти имѣютъ остовъ изъ гнутыхъ палокъ, на который натянуты сшитыя вмѣстѣ шкуры четырехъ яковъ. Швы замазываются изнутри пшеничной мукой, смѣшанной съ кровью свиньи. Длина такой лодки бываетъ около $1\frac{1}{2}$ сажень, а ширина около $2\frac{1}{2}$ аршинъ въ кормовой части, въ носовой-же немного уже. Багажъ и пассажиры располагаются на днѣ въ кормовой части, гребецъ, одинъ на лодку, садится на носу и гребетъ двумя веслами, обратившись лицомъ къ кормѣ. Мы наняли мѣста въ одной изъ такихъ лодокъ за плату по 3 монеты съ человѣка до Цзэтана. Я взялъ съ собою двухъ спутниковъ—переводчика и одного монгола для услугъ въ пути и несенія багажа въ обратный путь.

19-го апрѣля 1901 года мы сѣли въ лодку противъ города Лхасы и поплыли внизъ по Уй-чу. Лодка идетъ очень тихо, хотя трудолюбивый тибетецъ гребетъ непрерывно, затягивая

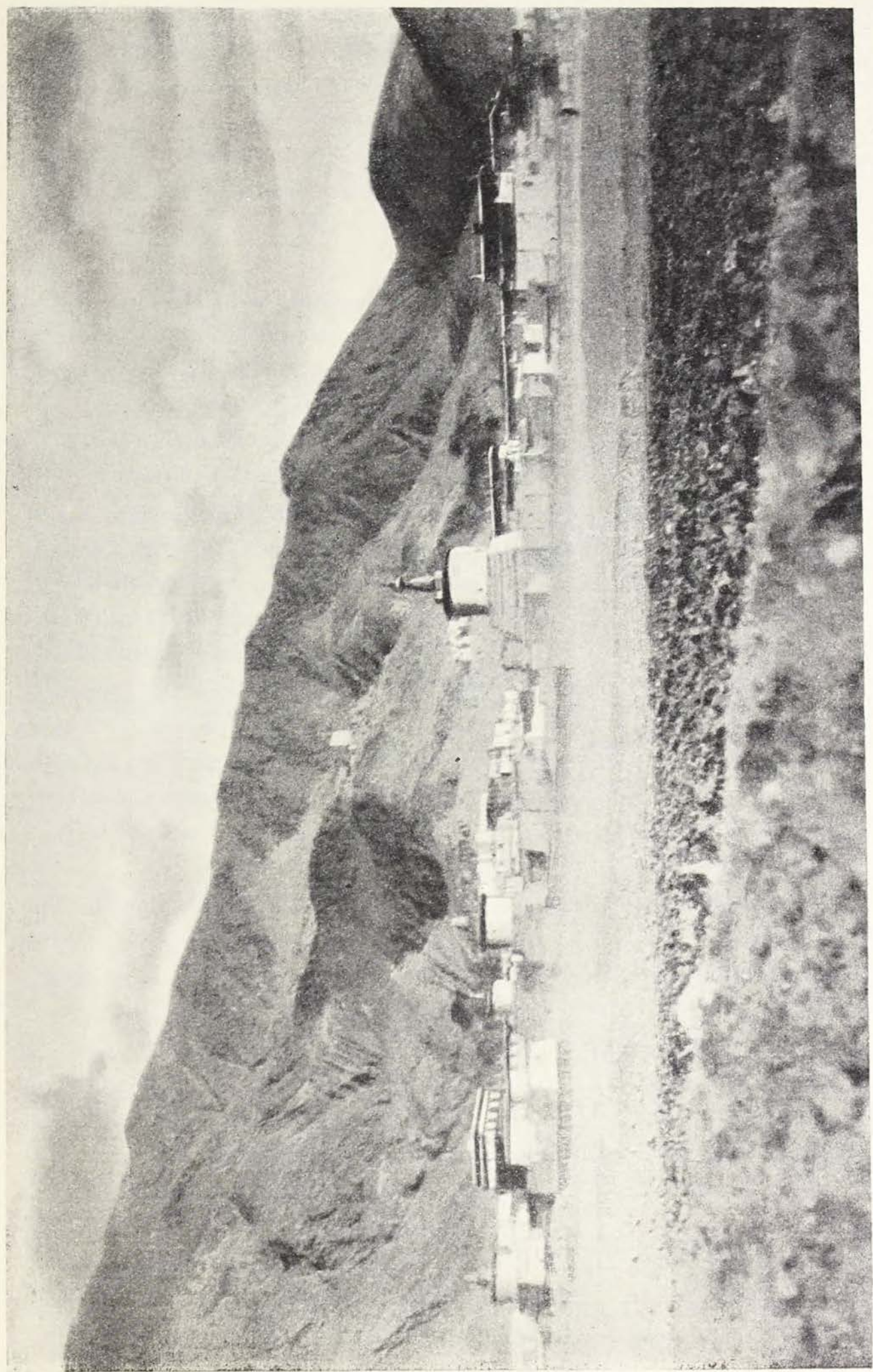
заунывную пѣсню. Идемъ, повидимому, около 4 верстъ въ часъ. Такъ какъ мы ъхали все время, днемъ и ночью, останавливаясь лишь для выхода на берегъ для чаепитія, обѣдовъ и другихъ надобностей, гребецъ же гребъ неравномѣрно, не говоря уже о томъ, что онъ ночью спалъ, оставивъ лодку на произволъ теченія, то опредѣлить точно разстоянія пути мнѣ не удалось, хотя, впрочемъ, я и не пытался этого сдѣлать. Часто лодка садилась на мель, и тогда лодочникъ самъ слѣзалъ въ воду и сталкивалъ лодку съ мели, причемъ въ болѣе трудныхъ случаяхъ моимъ спутникамъ приходилось тоже слѣзать въ воду и помогать гребцу.

20-го апрѣля въ 9^{1/2} часовъ утра, послѣ 18^{1/2} часовъ плаванія отъ Лхасы, мы прибыли къ замку Гон-гар-цзонъ, находящемуся на правомъ берегу рѣки Цзанбо, немного ниже соединенія съ ней Уя. Этотъ замокъ, съ которымъ не слѣдуетъ смѣшивать Донхар-цзона, стоящаго гораздо ближе къ Лхасѣ, повидимому, въ старину представлялъ довольно красивое и большое строеніе на скалистомъ горномъ носу, но нынѣ подвергся участи большинства старинныхъ замковъ Тибета и находится въ полуразрушенномъ и заброшенномъ видѣ. Берега рѣки почти всюду песчаные, а потому рѣдко населены, и селенія находятся лишь въ боковыхъ падахъ. Рѣка течетъ между горъ, ближе къ лѣвобереговымъ горамъ. Ночью мы прошли мимо монастыря Дорчжэ-данъ, принадлежащаго красношапочной сектѣ нѣн-ма, находящагося на лѣвомъ берегу рѣки.

21-го прибыли послѣ 25^{1/2} часовъ плаванія отъ Гон-гар-цзона къ деревнѣ, расположенной немного выше монастыря Самъ-яй.

22-го послѣ 9^{1/2} часовъ плаванія прибыли наконецъ къ городку-монастырю Цзэтану.

Городокъ Цзэтанъ расположенъ на правомъ берегу рѣки Цзанбо-чу верстахъ въ трехъ отъ ея русла и на правомъ-же берегу рѣки долины Ярлунгъ, у сѣверной подошвы горъ. Ярлунгская долина представляетъ одно изъ плодородныхъ и густо населенныхъ мѣстъ южнаго Уя. Эти мѣста, по преданію, были колыбелью тибетскаго государства, такъ какъ здѣсь былъ найденъ и возведенъ на престолъ первый тибетскій царь Няги-цзаньбо. Въ настоящее время Лхоха извѣстна только какъ мѣстонахожденіе многихъ вотчинъ именитаго тибетскаго родового дворянства. Въ частности городъ Цзэтанъ, по преданію

Цэтань.

древняя столица царей, ничего особеннаго не представляет. Онъ состоитъ изъ двухъ частей — монастыря и города, соединенныхъ вмѣстѣ. Въ монастырской части, расположенной выше на склонѣ горы находится недавно заново отремонтированный цокчэнскій дуганъ съ надписью по тибетски и по китайски. Надпись эта на обоихъ языкахъ имѣетъ одинаковый смыслъ: «Вѣчно благоденствующій храмъ». Немного ниже его находится, такъ называемый, Чжэ-лха-ханъ, т. е. храмъ со статуей Цзонхавы.

Ламская учебная шапка.

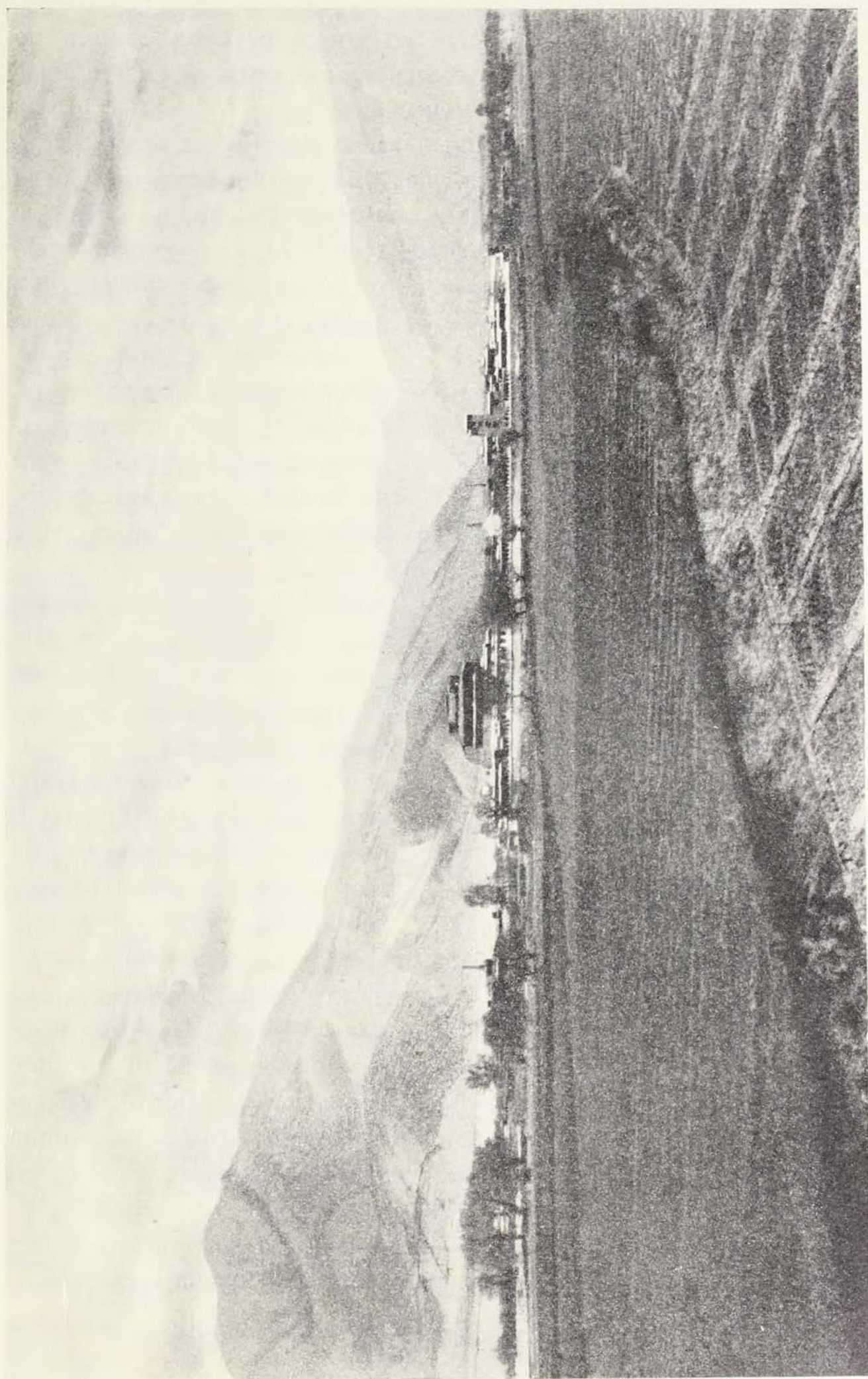
Рынокъ не отличается особымъ оживленіемъ, но зато довольно бойка торговля оптомъ на дому, такъ какъ Цзэтанъ славится выдѣлкой тибетскаго трико (тэрма), извѣстнаго подъ названіемъ цзэтанскаго. Кромѣ того онъ извѣстенъ выдѣлкой ламскихъ учебныхъ шапокъ и недорогихъ тибетскихъ суконъ. Всѣ издѣлія отправляются въ Лхасу, причемъ сукна вывозятся преимущественно некрашенными, и тамъ непальскіе купцы окрашиваютъ ихъ въ соответствующіе цвѣта и выпускаютъ въ продажу.

Черезъ Цзэтанъ идетъ дорога въ городъ Цона-цзонъ, гдѣ въ маѣ мѣсяцѣ происходитъ ярмарка, на которую ѣздятъ торговцы изъ Лхасы. Оттуда привозятъ въ Лхасу, преимущественно, деревянные издѣлія (чашки и ковши), а также индійскую чесунчу (бурай). Возвращаются съ ярмарки обыкновенно черезъ мѣсяцъ со дня выѣзда изъ Лхасы.

Костюмы лхохаскихъ жителей одинаковы съ лхасскими, но только тамошнія женщины не носятъ головнаго убора «бачжу», замѣняя его малоцѣнной маленькой шапочкой круглой формы.

Подъ самымъ городомъ начинаются пашни. На нихъ, во время нашего посѣщенія, шелъ самый разгаръ посѣвовъ. Обработка земли ничѣмъ не отличается отъ китайской. По всѣмъ полямъ, какъ и повсюду въ Тибетѣ, проведены оросительныя каналы.

25-го апрѣля, не спавши спокойно три ночи, вслѣдствіе обилія клоповъ въ отведенной намъ комнатѣ, мы отправились уже пѣшими обратно въ Лхасу. Подошедши къ рѣкѣ, сѣли на деревянный карбазъ, съ обычной лошадиной головой, и переправились на другой берегъ Цзанбо-чу, уплативъ по кагану (3½—4 коп.) съ человѣка. Весь лѣвый берегъ Цзанбо предста-

Савь-ші.

вляеть сплошные песчаные валы, напоминающіе алашаньскіе и вообще гобійскіе пески. Идя по этимъ пескамъ вверхъ по рѣкѣ, мы не могли дойти до Самъ-яй въ этотъ день и принуждены были заночевать среди песковъ.

На этомъ безлюдномъ пути, какъ передавали намъ, часто бываютъ грабежи и убійства, поэтому мы не разводили огня и легли голодными. Вѣтеръ, дувшій тихо съ вечера, ночью усилился, и мелкій песокъ проникалъ повсюду, но мы, утомленные ходьбой за минувшій день, крѣпко заснули. Только утромъ пришлось откапывать вещи изъ-подъ песка и, подойдя къ рѣкѣ, долго промывать глаза, носъ, уши и волоса.

26-го, послѣ 3-хъ часовой ходьбы, прибыли въ монастырь Самъ-яй, который является первымъ, по времени своего основанія, монастыремъ Тибета. По преданію онъ основанъ въ 811 году ¹⁾ ханомъ Тисрон-дэвцзаномъ при помощи извѣстнаго проповѣдника буддизма Бадма-Самбавы, именуемаго тибетцами чаще Ловбон-чэнь-бо или Ловбон-Бадма-чжуннай.

Онъ находится верстахъ въ пяти отъ русла рѣки, въ нижней части лѣвобереговой ея пади, на западной сторонѣ невысокой отдѣльной горки. Монастырь окруженъ бѣлой каменной круглой стѣной, на которой разставлены маленькіе, около 1½ футовъ вышины, бѣлые субурганы, такъ что, съ нѣкотораго отдаленія, стѣна кажется зубчатой. Во внутрь ведутъ съ четырехъ сторонъ четверо воротъ, причемъ главные ворота и

¹⁾ Дата по Санан-Сэцену. По Гжярибу 5-го далай-ламы въ 766 году. (Годъ огненной лошади).

Амитаюсь.

вообще фасады главныхъ зданій обращены на востокъ. Главной достопримѣчательностью этого монастыря, безъ сомнѣнія, должно признать, его цокчэнскій дуганъ въ 5 этажей. Въ архитектурѣ его, какъ говорятъ, тибетскій стиль соединенъ съ индѣйскимъ. Въ первомъ этажѣ находится статуя Чжово-Шакьямуни, подъ хорошо отдѣланнымъ балдахиномъ-бесѣдкой; второй этажъ служитъ дворцомъ далай-ламы во время его временныхъ пребываній; въ третьемъ—статуя бодисатвы долгоденствія Аюши (по тибетски Амитаюсъ или Цэбäg-мэдъ), въ четвертомъ—будда будущаго міра Майтрея (по тибетски Чжамба). Пятаго этажа, собственно говоря, нѣтъ, а есть только одна комнатка подъ самой крышей, гдѣ указываютъ на красный деревянный столбъ; увѣряя, что онъ изъ краснаго сандалнаго дерева (дерево жизни), но какой-то скептикъ сдѣлалъ на немъ пораненіе ножомъ, что обнаружило бѣлый цвѣтъ дерева, только окрашеннаго красноватою краской. Набожные богомольцы прикладываются къ этому столбу, уплачивая установленную плату въ $\frac{1}{3}$ монеты съ челобѣка. По четыремъ угламъ крыши возвышаются четырехъ-угольные башенки.

Цокчэн-дуганъ въ Самъ-ли.

Дуганъ этотъ окруженъ стѣной—домомъ. Нижній этажъ представляетъ открытый навѣсъ съ глухой задней стѣной, на которой нарисованы разныя сцены изъ исторіи религіи, а также святые. Надъ нимъ выстроены второй этажъ, представляющій длинный домъ со множествомъ дверей, ведущихъ въ отдѣльныя кельи, квартиры монаховъ, коихъ въ этомъ монастырѣ едва-ли болѣе двухсотъ челобѣкъ. На четырехъ углахъ этой кумирни, на разстояніи около 20 сажень отъ нихъ, находятся четыре большихъ субургана разныхъ формъ и цвѣтовъ (юго-восточный бѣлый, юго-западный красный, сѣверо-западный зеленый, сѣверо-восточный темно-синій (черный)). Затѣмъ по круговому пути внутри стѣны находится много меньшихъ

Вращательные цилиндры съ молитвами.

храмовъ съ разными буддами и большими вращательными цилиндрами молитвъ. Всѣ они отличаются хорошою отдѣлкою и художественностью исполненія. Вообще этотъ монастырь, принадлежащій центральному правленію Тибета, содержится на счетъ казны далай-ламы, къ тому же лѣтомъ 1900 г. его посѣтилъ нынѣшній далай-лама, къ пріѣзду котораго, понятно, все было отремонтировано и приведено въ надлежащій порядокъ.

Въ сѣверной части монастыря находится дуганъ чойчжѳна Цзэмо, въ которомъ всѣ перекладины подъ потолкомъ сдѣланы изъ разнаго оружія: мечей, ружей и копій. Прорицатель этого чойчжѳна при спусканіи его не можетъ, какъ говорятъ, терпѣть присутствія монголовъ. Изъ этого можно заключить, что, по крайней мѣрѣ, монахи монастыря Самъ-яй были враждебны къ завоевателямъ-монголамъ, передъ которыми все же пришлось сложить оружіе. Но гнѣвъ чойчжѳна теперь обрушивается на ихъ потомковъ, уже раболѣпныхъ поклонниковъ всѣхъ тибетскихъ кумировъ.

Въ монастырскихъ стѣнахъ живутъ и свѣтскіе жители, занимающіеся, главнымъ образомъ, земледѣліемъ; пашни ихъ начинаются у самыхъ монастырскихъ стѣнъ.

27-го мы отправились вверхъ по пади, въ которой стоитъ Самъ-яй. Населенныя мѣста тянутся верстъ на 20; послѣ этого падь сильно суживается, и начинается сначала отлогій подъемъ на высокій перевалъ Гоган-ла, названіе котораго въ живой рѣчи слышится, какъ Гога-ла. Говорятъ, что высота этого перевала равняется суммѣ высотъ уже извѣстныхъ намъ переваловъ Го-ла и Ганба-ла, почему и названіе состоитъ изъ соединенія названій этихъ переваловъ. Мы за день не могли достигнуть вершины и заночевали подъ скалой въ сторонѣ отъ дороги. Должно сказать, что вся падь, въ особенности въ верхней части, заросла кустарникомъ, между которымъ виденъ низенькій березнякъ.

28-го утромъ начали подниматься вверхъ, и вскорѣ подъемъ сдѣлался очень крутымъ. Вслѣдствіе большой высоты появилась одышка и приходилось отдыхать черезъ каждые 15—20 шаговъ. Наконецъ, около полудня, поднялись на вершину перевала и застали тамъ снѣгъ, лежавшій густымъ слоемъ. Отсюда въ ясную погоду, вѣроятно, открывается прекрасный видъ вдаль, но, на наше несчастье, день былъ пасмурный и шелъ снѣгъ. Къ вечеру съ трудомъ дотащили ноги до уже знакомаго намъ Дэчэн-цзона.

29-го наняли мѣста въ кожаной лодкѣ за установленную таксу— $\frac{1}{2}$ монеты съ человѣка и прибыли въ Лхасу. Проходя по юго-западной сторонѣ квартала Чжово-хана, я сначала узналъ носомъ, а потомъ и глазами увидѣлъ, что идетъ прочистка засорившейся подземной трубы стока нечистотъ. По этому случаю мнѣ сообщили, что такія трубы окружаютъ весь кварталъ, и они устроены, будто бы не для удаленія нечистотъ, а напротивъ для ихъ задержанія. Это объясняется тѣмъ, что, по чьему-то старинному предсказанію, Чжу-ринбочэ будетъ похищенъ подземными драконами, а Чжу-рамочэ—взятъ на небо посредствомъ огненной стихіи.

Для отвращенія похищенія вокругъ квартала Чжово-ханъ проведена нечистая канава, потому что драконы очень не любятъ всего грязнаго, а въ Рамочэ на ночь тушатъ всѣ свѣтильники.

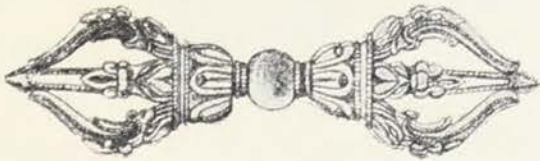
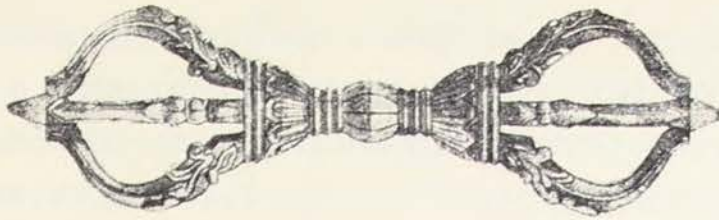
Цзэтанъ и на горѣ ритоу гдѣ живутъ
отшельники.

ГЛАВА XVII.

Домой.

Агинскій дацанъ.

Дневникъ пути отъ Лхасы до Кяхты.
10 сентября 1901—2 мая 1902.

Пробывъ въ Центральномъ Тибетѣ болѣе года, я такъ соскучился о моихъ родныхъ и о моей родинѣ, что рѣшилъ отправиться въ обратный путь. Къ этому побуждало меня и то обстоятельство, что денежные средства мои совершенно истощились, такъ какъ я старался составить какъ можно большую коллекцію книгъ.

Большихъ частныхъ типографій въ Тибетѣ нѣтъ, а всѣ значительныя типографіи принадлежатъ далай-ламскому казначейству, монастырямъ, дацанамъ и т. п. Частныя лица изготовляютъ лишь такія доски, на которыхъ вырѣзаны священныя книги ради пріобрѣтенія добродѣтелей, и такія доски обыкновенно жертвуютъ монастырямъ. Съ промышленною цѣлью держать доски лишь немногочисленные типографщики, каковыми являются исключительно свѣтскіе простолюдины. Монастыри взимаютъ извѣстную невысокую плату за печатаніе съ ихъ досокъ. Печатаютъ на мѣстной бумагѣ чернилами, приготовляемыми изъ сажи тутъ же на мѣстѣ. Берутъ смоченную бумагу и, наложивъ на обмазанную доску, проводятъ валикомъ, обшитымъ сукномъ. Это печатаніе требуетъ совмѣстной работы двухъ людей.

Приобрѣтенныя мною книги имѣются главнымъ образомъ въ типографіяхъ Поталы, дацанахъ Лосалинъ и Гоманъ Брѣбуна, въ Брѣбунскомъ Галдан-побранѣ, въ дацанахъ Сэра, ригодахъ Дубханъ и Пурбу-чжогъ, въ Лхасаскихъ линахъ, Галданѣ, Цэчог-линѣ, въ Цзанскихъ монастыряхъ, Дашій-лхунбо, Улчу, Дагдан-пунцог-линѣ, монастырѣ 16-го перерожденца отъ вре-

Печатники.

мень Будды-Шакьямуни, нынѣшняго халхаскаго Чжэ-бцзун-дамба хутухты, знаменитаго ламы, извѣстнаго подъ именемъ Таранаты, хотя собственное его имя было Гуньга-нин-бо (конецъ XVI и начало XVII вѣка), Шалу, славномъ монастырѣ извѣстнаго автора исторіи буддизма въ Тибетѣ Будона (начало XIV вѣка) и др.

Продаютъ книги сами типографщики, какъ всякій товаръ, на рынкахъ, разложивъ на землѣ. Большія сочиненія можно получать только на заказъ.

Вообще, Тибетъ—такая страна, откуда богомольцы возвращаются съ постоянными дефицитами бюджета и это послужило

даже основаніемъ повѣрять, что съ тѣмъ, кто увозить изъ Тибета остатки своихъ денегъ, случается въ пути какое-нибудь несчастье, такъ какъ мѣстныя духи, жадныя къ деньгамъ, злятся на скупыхъ. Местъ ихъ неотразима даже для знатныхъ перерожденцевъ монгольскихъ и амдоскихъ.

Итакъ, я сталъ собираться въ путь. Приготовленія шли довольно медленно и особенно много было возни съ книгами. Ихъ нужно было хорошо и умѣло обернуть мѣстнымъ сукномъ въ защиту отъ сырости и зашить въ сырыя воловьи шкуры для того, чтобы ихъ не промочила вода отъ дождей и глубокихъ попутныхъ рѣкъ, гдѣ при переправахъ грузъ весь погружается въ воду. Швы зашитыхъ тюковъ обмазываются смѣсью крупчатки съ кровью свиньи, что закупориваетъ всѣ отверстія, чрезъ которыя могла бы пройти вода. Такихъ тюковъ у меня оказалось двадцать, т. е. на десять выючныхъ подводъ. Затѣмъ на четыре [подводы нужно было навьючить провизію, одежду и другія вещи, принадлежащія мнѣ и моимъ людямъ, коихъ пришлось нанять троихъ въ томъ числѣ и переводчика, бывшаго все время со мною.

Изъ Тибета въ обратный путь легко найти слугъ изъ монгольскихъ и бурятскихъ ламъ, желающихъ возвратиться на родину. Такіе люди, понятно, изъ менѣе зажиточныхъ, охотно прислуживаютъ дорогою за подводу и продовольствіе. Ловкій знатокъ обстоятельствъ нанимаемаго можетъ эксплуатировать его трудъ даже за одну подводу, или же за одно продовольствіе.

Что же касается меня, то я взялъ одного халхасца и одного южнаго монгола за вышеупомянутыя подводы и продовольствіе. Вслѣдствіе этого пришлось нанимать до 20-ти выючныхъ животныхъ. Этотъ наемъ оказался для меня совершенно неудачнымъ и сложившіяся обстоятельства повлекли за собою много неприятностей, не говоря уже о значительномъ матеріальномъ ущербѣ. Дѣло въ томъ, что люди, намѣревающіеся возвратиться въ Монголію, поджидаютъ въ первой осенней лунѣ богомольцевъ изъ Цайдама, которые попутно промышляютъ и извозомъ. Въ нынѣшнемъ году они прибыли въ маломъ числѣ сравнительно съ числомъ желающихъ воспользоваться ими. Кромѣ того, ни у одного хозяина не бываетъ болѣе 6—7 свободныхъ лошадей, а большинство нанимается вести на двухъ—трехъ. Такимъ возчикамъ, понятно, сподручнѣе и удобнѣе взять отдѣльнаго бого-

мольца. Для того-же, кто хочет нанять большое число лошадей, приходится заключать условія со многими и наступаетъ безвыходное положеніе, если не удастся собрать потребнаго числа. При томъ въ различныя мѣста Цайдама ведутъ и различныя дороги, такъ что приходится принимать въ расчетъ и пунктъ въ Цайдамѣ, куда монголы могутъ доставить.

Послѣ долгой возни и переговоровъ, затягивать кои монголы любятъ до вывода изъ терпѣнія какого угодно хладнокровнаго человѣка, я заключилъ условіе съ партіей курлуковъ, во главѣ коихъ былъ нѣкто «кья» (адъютантъ князя) Сонамъ, и тайчжинаровъ съ главой ихъ зайсаномъ Сэнгэ. Они, въ числѣ около десяти человѣкъ, взялись дать мнѣ подводы отъ Накчу-цонра до цайдамскаго Хачжира за плату по 6 лановъ и 5 циновъ мѣстныхъ монетъ (около 7 руб. 14 коп. на наши деньги). Условіе было заключено 27-го августа 1901 г. и деньги уплачены, по условію, впередъ сполна. День же нашего прибытія въ Накчу-цонра, гдѣ лошади возчиковъ должны были насъ ожидать, не былъ опредѣленъ точно, но уговорились, что мы прибудемъ съ партіей курлуковъ (кья Сонамъ). До Накчу мы должны были нанять тибетцевъ, обратныхъ попутчиковъ изъ тѣхъ мѣстъ, такъ какъ наемныхъ подводъ въ Лхасѣ найти очень трудно, даже вѣриѣ невозможно, вслѣдствіе отсутствія скота у большинства населенія.

2-го сентября партія тайчжинаровъ выѣхала, причемъ ихъ старшина Сэнгэ зашелъ ко мнѣ и сказалъ, что будетъ поджидать насъ у своихъ подводъ, хорошо ухаживая за ними, такъ какъ нельзя особенно полагаться на мѣстныхъ тибетцевъ, на попеченіе коихъ были оставлены лошади. Я, по мѣстному обычаю, могъ-бы взять одного изъ нихъ въ заложники, такъ какъ я уже выдалъ имъ деньги, но я положился на честное слово зайсана, и это привело меня къ печальнымъ послѣдствіямъ.

Все время отыскивая попутныя подводы, мы, къ несчастію, не могли найти ихъ до 9 сентября, когда наняли двухъ дамсовъ (дам-скихъ монголовъ) по 4 монеты до ихъ мѣстожителства, т. е. только до половины пути до Накчу. Курлуки наняли другія подводы до По-мдо-чу, такъ какъ находились въ одинаковыхъ со мною условіяхъ въ отыскиваніи подводъ.

Наконецъ, 10-го сентября мы навьючили найденныхъ 16 яковъ, а сами пошли пѣшими. Сначала я шелъ очень бодро, но лишь

начали подниматься на перевалъ Го-ла, какъ я уже почувствовалъ трудность подъема и былъ очень радъ остановкѣ возчиковъ, когда они рѣшили переночевать на одной полянѣ, на южномъ склонѣ перевала. Несказанно хорошимъ показался мнѣ приготовленный чай безъ молока и я, утоливъ жажду, почувствовалъ себя снова бодрымъ, позабывшимъ недавнее утомленіе. Ночью наши возчики стали караулить своихъ привязанныхъ вокругъ палатки яковъ, да попутно и нашъ багажъ, такъ что мы спали спокойно. Возчикамъ, впрочемъ, нечего было особенно беспокоиться: у нихъ была очень большая и красивая собака мѣстной породы. Главное достоинство ея было, конечно, не въ величинѣ и красотѣ, а въ томъ, что она, спокойная и сонливая днемъ, съ наступленіемъ темноты совершенно измѣнялась въ характерѣ и всю ночь на пролетъ обходила въ нѣкоторомъ разстояніи лагерь и поднимала громкій лай, лишь только слышала вблизи шумъ или видѣла людей. Я слѣдилъ за ея лаемъ и ни разу не могъ упрекнуть ее за пустую тревогу. Да, это былъ славный сторожъ и вѣрный другъ!

11-го сентября перевалили кое-какъ Го-ла. Я снова сильно утомился при подъемѣ и облегченно вздохнулъ только тогда, когда достигли, наконецъ, большого «обо» — груды камней на перевалѣ. День былъ ясный и отсюда была видна вдали Лхаса съ ея золотыми кровлями, ярко блиставшими на солнцѣ. Здѣсь мои спутники зажгли воскуренія и обратясь въ сторону священнаго города, сдѣлали по нѣсколько земныхъ поклоновъ. Они прощались съ нимъ и, въ послѣдній разъ лицезрѣя его, конечно, не преминули высказать благопожеланіе, чтобы судьба дозволила имъ еще не разъ увидѣть его въ этой жизни, а въ противномъ случаѣ увидѣть въ будущей, безотступный залогъ чему они съ вѣрою видѣли въ томъ, что, положивъ много труда и преодолевъ неимовѣрныя затрудненія, они достигли его и вступили въ сонмъ его духовенства, они, рожденные вдали отъ центра религіи. Дѣйствительно, — очень заманчивыя блага обѣщаютъ священныя книги тѣмъ, кто достигъ счастья поклониться двумъ «Чжу» и двумъ «богдо», т. е. далай-ламѣ и банчэн-ринпочѣ. Я лично также восхищался красивой долиной Уя и видомъ города, который удалось мнѣ посѣтить и жизнь котораго я старался узнать для того, чтобы сообщить пославшимъ меня. Многого, конечно, я не достигъ въ своихъ наблюденіяхъ, но въ

общихъ чертахъ получилъ представленіе о Тибетѣ и тибетцахъ. Подробностей нельзя узнать въ короткій срокъ, но трудно жить долго въ чуждой странѣ, вдали отъ родины, откуда извѣстія приходятъ разъ въ годъ и касаются они событій, происшедшихъ годъ тому назадъ. Должно сказать, что уже почти два года, какъ я не получилъ ни отъ кого изъ родныхъ и знакомыхъ никакихъ извѣстій. Поэтому мнѣ съ одной стороны было отрадно, наконецъ-то, покинуть эту чужбину, съ другой—невольно грустно при воспоминаніи о томъ, сколько тайнаго и непонятнаго для меня кроется въ этой странѣ. При прощальномъ взглядѣ на этотъ городъ, я не могъ отказаться отъ смутнаго желанія снова побывать въ немъ. Я только что началъ привыкать къ его осмысленной жизни, къ обычаямъ и языку этого своеобразнаго народа. Все было оставлено на полпути, или даже въ самомъ началѣ...

Простившись съ городомъ, мы спустились съ перевала и могли пройти за цѣлый день лишь до устья пади сѣверной стороны его. Много задерживали движеніе выюки и яки. Выюки, приготовленные на глазомѣръ и руковѣсъ, не всегда были равны по тяжести. Чуть одна сторона перетягивала,—выюкъ понемногу сползалъ на одинъ бокъ и, наконецъ, падалъ вмѣстѣ съ сѣдломъ. Приходилось снова выючить и уравнивать, за неимѣніемъ мелкихъ вещей, посредствомъ каменныхъ плитъ. Да и яки очень своенравныя животныя. Такъ какъ ихъ приходится гнать свободно, гуртомъ, то они постоянно тѣснятся другъ къ другу и болѣе сильные, бодая слабыхъ, сбрасываютъ выюки. Это они начинаютъ дѣлать тѣмъ чаще, чѣмъ труднѣе, дорога. При крутыхъ подъемахъ, когда погонщики еле тащутъ свои ноги или при крутыхъ спускахъ, гдѣ одинъ невѣрный шагъ можетъ, по меньшей мѣрѣ, вывихнуть ногу, яки дѣлаются особенно озлобленными и злобу свою выказываютъ на тѣхъ, кто слабѣе ихъ.

12-го сентября, продолжая путь, обѣдали вблизи Лхун-дуб-цзона, находящагося на лѣвой сторонѣ пади, на высокой природной горкѣ. Ночевали невдалекѣ отсюда тамъ, гдѣ у подошвы правобереговой горы находятся семь субургановъ. Хлѣба были уже убраны и трава уже высохла. Якамъ приходилось собирать скудный кормъ на сжатыхъ пашняхъ.

13-го сентября перевалили черезъ Чаг-ла и ночевали на сѣверной его сторонѣ на обильной сравнительно травѣ.

14-го сентября ночевали выше По-мдо-цзона и только *15-го* числа переправили вбродъ выючныхъ яковъ, а сами перешли по цѣпному мосту, о которомъ упоминалось въ описаніи передняго пути. Теперь же я сдѣлалъ два снимка съ него, но пасмурное утро съ накрапывавшимъ дождикомъ не обнадеживало меня на удачу, что и оправдалось затѣмъ при проявленіи: вышель только силуэтъ противоположныхъ горъ и торчащія на вершинѣ холма развалины стариннаго Помдоскаго замка. Ночевали на правомъ берегу Ра-чу.

16-го сентября переправились черезъ Лани и ночевали на сѣверной его сторонѣ. Остановиться пришлось только позднимъ вечеромъ, такъ какъ не могли найти по пути хорошей травы для скота. Подъ вечеръ началъ идти мелкій градъ съ раскатами грома, но пересталъ ко времени нашей остановки. Земля была до бѣла покрыта имъ. Мы легли спать, а возчики погнали яковъ на гору для прокорма. Вскорѣ одинъ изъ нихъ, болѣе старій лѣтами, вернулся и расположился съ нами на ночлегъ. Утромъ, собираясь въ дальнѣйшій путь, одинъ изъ моихъ спутниковъ — халхасецъ заявилъ объ исчезновеніи его китайской сабли. Заподозрили въ кражѣ молодого возчика, несавшаго всю ночь и по временамъ приходившаго въ палатку, но пришлось молчать о подозрѣніи, такъ какъ мы были всецѣло въ ихъ рукахъ, вслѣдствіе того, что условіе было заключено о доставкѣ насъ только до ихъ ставки. Они при желаніи могли устроить стачку съ сосѣдями и продержатъ насъ до какого угодно времени или заломить такую цѣну, какая во много разъ превосходила бы стоимость сабли, такъ соблазнившей кочевника. Поэтому все время приходилось быть ласковыми съ ними и кормить ихъ уже сверхъ условія только для того, чтобы заслужить ихъ расположеніе къ намъ. Это путевое содержаніе сильно дѣйствовало на старика и онъ уже не разъ давалъ обѣщаніе везти насъ до Нак-чу, перемѣнивъ дома утомившихся яковъ.

17-го сентября прибыли къ ставкѣ нашихъ возчиковъ. Они были сосѣдями. Старикъ жилъ въ банакѣ, а молодой человѣкъ въ юртѣ монгольскаго образца. Мы поставили свою палатку у банака, и хозяева очень гостепріимно угощали насъ молокомъ свѣжимъ и кислымъ, а также и другими продуктами молочнаго хозяйства. Дамскіе монголы, свободные отъ тибетскихъ податей и повинностей, находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи ман-

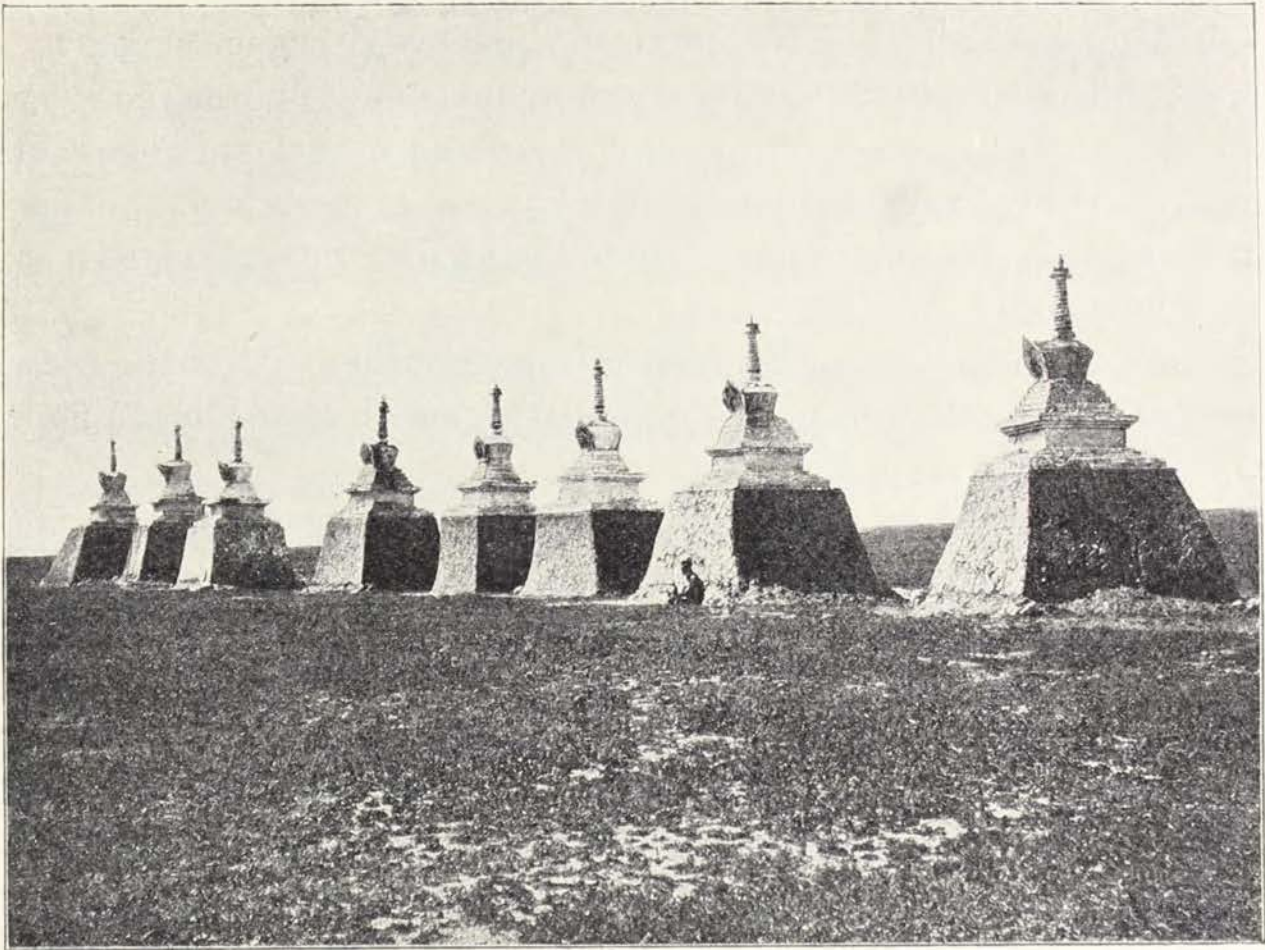
джурскаго амбана, живущаго въ Лхасѣ. Поэтому они сравнительно свободны въ самоуправленіи и достаточно зажиточны: держать по-многу яковъ, а болѣе богатые и табуны кобылицъ, изъ молока которыхъ приготовляютъ столь любимый монголами напитокъ — кумысъ. Подлѣ нашей стоянки расположенъ глинобитный домикъ, который окруженъ бѣлой оградой и называется «карба». Въ немъ живутъ пять тибетскихъ монаховъ; они совершаютъ духовныя требы мѣстныхъ жителей, не исключая и отпѣванія покойниковъ. Послѣднихъ, какъ говорятъ, и здѣсь, разрѣзаютъ на куски и отдаютъ на съѣденіе птицамъ.

Продневавъ слѣдующее — 18-ое число на этомъ же мѣстѣ, мы заключили со старикомъ новое условіе — везти насъ до Накчунра. Молодой возчикъ отказался отъ дальнѣйшаго пути и на мѣсто себя отыскалъ другого такого же молодого человѣка, за плату по 4 монеты (по 80 коп.) за каждый вьюкъ, причемъ они должны были дать намъ самимъ за одинаковую плату по одному смиренному яку для верховой ѣзды.

19-го сентября, около двухъ часовъ пополудни, двинулись въ путь. Мы сѣли на яковъ, которые были безъ всякой узды и веревочки, продернутой черезъ ноздри, и шли въ той же толпѣ съ другими вьючными яками, погоняемыми пѣшими возчиками. При этомъ приходилось не разъ подвергаться опасности быть поднятымъ на рога какого-нибудь озлобленнаго животного, идущаго рядомъ. Только то обстоятельство, что подъ верховую ѣзду бываютъ приучены самые старые и потому самые большіе яки, служило нѣкоторой гарантіей отъ покушенія сосѣдей ихъ. Все же, перемѣна пѣшаго путешествія на верховое, хотя довольно неудобное, была пріятна для всѣхъ насъ, потому что общее высокое положеніе здѣшнихъ мѣстъ чрезвычайно затрудняетъ непривычныхъ людей при ходьбѣ, а, если сдѣлать небольшое усиліе бѣжать или идти подолгу торопливымъ шагомъ, то сразу появляется одышка и тяжелое, затрудненное дыханіе. Пройдя за этотъ день небольшое разстояніе, мы остановились ночлегомъ поблизости отъ палатки косившихъ сѣно мѣстныхъ жителей. Они косятъ уже почти высохшую траву своеобразными косами, напоминающими серпы. Косы эти имѣютъ рукоятки около 1½ аршинъ, и косецъ стоя рубитъ траву. Убранное сѣно складываютъ у своихъ палатокъ и затѣмъ свозятъ домой вьюками на якахъ. Вообще, неусовершенствованная коса, отсутствіе

граблей, къ этому же и скудость травы не позволяютъ собирать здѣсь много сѣна. Возчики съ удивленіемъ говорили про величину кучи, которая у насъ не превышаетъ двухъ-трехъ копенъ, общимъ вѣсомъ около 10—12-ти пудовъ.

20-го сентября, пройдя подлѣ уже извѣстныхъ восьми субургановъ, перевалили черезъ Чог-ла или Чог-цзэ-ла, который

Субурганы около Урги.

съ обѣихъ сторонъ очень невысокъ. Остановились ночлегомъ на быстрой горной рѣчкѣ, текущей на юго-западъ отъ Сантанкансаръ и являющейся, какъ передавали мнѣ, началомъ Ра-чу, главнаго притока По-мдо-чу. Мѣстные жители подвластны Радэнскому монастырю.

21-го числа путь нашъ пролегалъ по Сун-шанской равнинѣ, у подошвы лѣво-береговыхъ горъ. Рѣчка равнины течетъ на юго-западъ. Попадаются банаки казенныхъ станцій съ ихъ запретными лугами. Дорогу то и дѣло пересѣкаютъ быстрыя рѣчки со страшно каменистымъ дномъ. Вообще, дорога чрезвычайно камениста. Остановивались ночлегомъ у одной такой рѣчки.

22-го числа, по заключенному вечеромъ съ возчиками уговору, поднялись съ постели задолго до разсвѣта и, напившись чая, тронулись въ путь, который до разсвѣта продолжался благополучно. Съ разсвѣтомъ же сталъ идти крупный, градообразный снѣгъ, бившій намъ прямо въ лицо и... мы сбились съ дороги. Идучи ощупью, не зная ни направленія, ни мѣстности, мы переходили черезъ нѣсколько холмиковъ, переправлялись черезъ двѣ быстрыя рѣчки. Къ полудню небо сдѣлалось яснымъ, и ослѣпительный снѣгъ производилъ неприятное дѣйствіе на глаза, но онъ скоро сталъ таять и, спустя немного, мы увидѣли, что идемъ между двухъ дорогъ, въ общемъ не потерявъ вѣрнаго направленія. Ночевали на одной изъ рѣчекъ, текущихъ въ ту же равнину.

23-го ночью снова выпалъ большой снѣгъ, который днемъ началъ таять. Остановились на ночлегъ послѣ небольшого перехода по холмамъ.

24-го сентября вступили на обильную травой равнину праваго берега рѣки Нак-чу, перейдя черезъ рядъ невысокихъ холмовъ, служащихъ водораздѣломъ системъ рѣкъ Дре-чу (Красной рѣки) и Брамапутры. Ночевали въ степи.

25-го сентября переправились вбродъ черезъ Нак-чу. Вода была невысока. Возчики перешли нѣшими, снявши панталоны и высоко поднявъ полы своего платья. Ночевали, переправивъ черезъ лѣвобереговыя горы, подлѣ банаковъ мѣстныхъ жителей.

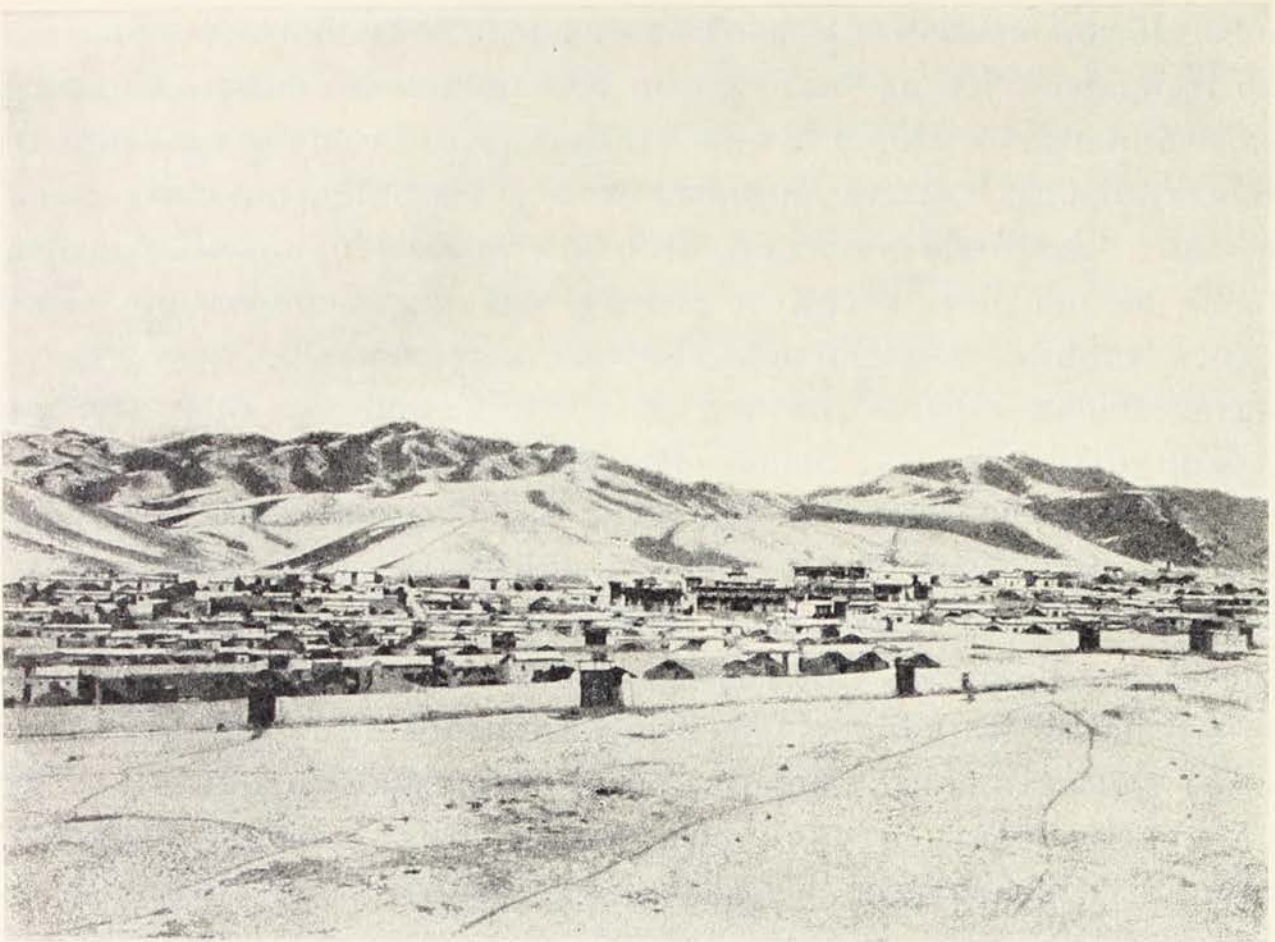
26-го сентября достигли, наконецъ, условленнаго мѣста Накчу-цонра. Немного не дойдя до него, мы узнали, что тайчжинары, на другой же день послѣ прибытія къ своимъ лошадямъ, поснѣшно уѣхали на родину, нанявшись везти какихъ-то монголовъ на тѣхъ самыхъ 10 лошадяхъ, за коихъ уже получили отъ меня плату. Прибывъ къ банаку тибетца, у котораго наши возчики оставляли своихъ лошадей, пришлось лишь констатировать, какъ совершившійся фактъ, возмутительный поступокъ Сэнгэ и его товарищей. Жертвой ихъ обмана оказался не одинъ я со спутниками, но еще три—четыре монгола. Мною овладѣла какая-то скука или вѣрнѣе—уныніе. Я не зналъ теперь, что дѣлать.

27-го сентября и слѣдующіе дни, обсудивъ всѣ обстоятельства дѣла, я пришелъ къ заключенію что ничего иного предпринять

невозможно, какъ купить яковъ и съ ними, какъ-нибудь, добраться до Цайдама. У меня было около 100 лановъ китайскаго серебра, запасеннаго на дорогу отъ Цайдама до хошуна халхаскаго Юндун-бэйсэ, черезъ который я и хотѣлъ предпринять дальнѣйшее движеніе въ Ургу. Всѣ эти деньги пришлось употребить на покупку яковъ и сѣделъ для ихъ снаряженія. Якъ здѣсь стоитъ 8—9 лановъ на мѣстныя монеты, такъ что на китайское серебро обходился въ $6\frac{1}{2}$ — $7\frac{1}{2}$ лановъ. Такихъ яковъ нужно было купить головъ 12, но судьба стала ставить намъ дальнѣйшія препятствія. Въ ночь на 1-ое октября, когда все уже было готово къ пути, у нашихъ возчиковъ—курлуковъ украли четырехъ лучшихъ лошадей. Они, совершенно беззащитные, съ горемъ пришли ко мнѣ и, охая, излагали свои обстоятельства о лишеніи возможности выполнить условія вслѣдствіе неожиданнаго оборота дѣла. Пришлось прикупить еще четырехъ яковъ, а для того, чтобы былъ запасъ яковъ, я рѣшилъ отправить одинъ выюкъ въ Гумбумъ съ однимъ бурятскимъ ламой, ѣхавшимъ туда съ однимъ же монголомъ изъ хошуна цайдамскаго барунъ-цзасака. Эти два смѣльчака, имѣя четыре лошади, рѣшили пройти пустыню только вдвоемъ.

2-го числа они простились съ нами; я съ этимъ бурятомъ отправилъ письмо или вѣриѣе жалобу сининскому амбаню на обманъ тайчжинаровъ. Въ этотъ день и мы, навьючивъ на яковъ и лошадей наши вещи, двинулись въ дорогу. День прошелъ благополучно, и мы ночевали на первомъ перевалѣ отъ Цон-ра. Въ эту ночь украли одну лошадь у старика, одного изъ нашихъ подрядчиковъ.

3-го октября караванъ нашъ раздѣлился на двѣ части. Одни, которые полагались на своихъ лошадей, пошли впередъ, мы же, задерживаемые тихимъ ходомъ яковъ, должны были отстать. Съ первой партіей пошелъ нѣкто Шабри, который взялся везти два моихъ выюка. Одинъ изъ нихъ онъ наложилъ на купленнаго имъ яка и поручилъ своимъ товарищамъ, другой же взялъ на свою лошадь. Лишь только они скрылись за первый перевалъ, Шабри бросилъ мои вещи на самой дорогѣ, привязавъ къ нимъ свою тощую, изнуренную лошадь, которая не могла вынести и двухдневнаго пути. Это новое мошенничество возмутило меня и я заставилъ кья Сонама, какъ главу возчиковъ, ѣхать со мною впередъ въ погоню за Шабри. Онъ

Юндун-бэйсэ-байшинь въ Монголи.

Юндун-бэйсэ-кюэ.

согласился и мы вечеромъ настигли ихъ партію на плоскогоріи перевала Бум-цзэй. Шабри не находилъ словъ оправданія, но въ переговоры вступила его старая, больная мать. Она слезно умоляла меня не лишать ея одной оставшейся мало-мальски сносной лошади, на которой она, больная, могла бы добраться до Цайдама, гдѣ она хотѣла похоронить свои кости. Ея слова подѣйствовали на меня и я не былъ въ состояніи исполнить своего замысла, отнять силою лучшую изъ трехъ оставшихся лошадей Шабри. Пришлось взять худшую лошадь, хотя на видъ она была достаточно сытою и бодрою и, казалось, что она доставитъ свой выюкъ въ Цайдамъ.

4-го числа пришлось вернуться немного назадъ навстрѣчу вьючнымъ животнымъ. Ихъ мы встрѣтили возлѣ банака пограничной стражи, которая съ наступленіемъ холодовъ переселилась въ горы изъ лѣтней своей ставки на Сан-чу. Вечеромъ наши цайдамцы увидѣли въ табунѣ начальника стражи одну рыжую кобылицу, въ которой признали украденную у нихъ въ передній путь. Тотчасъ отправились три человѣка къ ставкѣ стражи и, указавъ узнанную свою кобылицу, потребовали выдачи ея. Начальникъ сказалъ, что онъ купилъ ее у одного мѣстнаго тибетца, котерый живетъ на разстояніи однодневнаго пути отсюда. Онъ обѣщалъ отправить къ нему гонца, такъ какъ онъ купилъ ее за 6 лановъ, безъ полученія коихъ обратно не можетъ возвратитъ кобылы.

5-го октября. Въ сегодняшнюю ночь снова украли лошадь у одного чахара, ѣхавшаго въ нашемъ караванѣ. Онъ, желая прокормить лошадь всю ночь, не привязалъ ея съ вечера въ кругъ между палатками, какъ дѣлали другіе, а оставилъ на длинной веревкѣ позади палатокъ и самъ легъ подлѣ нея. Я спалъ съ винтовкой въ рукѣ подлѣ сложенной кучи моихъ зашитыхъ книгъ. Ночью чахаръ разбудилъ меня и сказалъ, что слышитъ шумъ невдалекѣ отъ лагеря. Я быстро поднялся и, схвативъ винтовку, направился въ указанную сторону. Ночь была темная, но заходящая неполная луна все же позволяла разглядѣть на холмикѣ человѣка, ведущаго лошадь. Я сдѣлалъ въ сторону его два быстрыхъ выстрѣла, которые дали громкій отзвукъ въ безмолвной тиши ночной. Воръ исчезъ за холмикъ и слышенъ былъ конскій топотъ, быстро удалявшійся. Когда я убѣдился въ безрезультатности моихъ выстрѣловъ и возвратился къ палат-

камъ, всѣ были на ногахъ и окруженный ими чахаръ въ отчаяніи сообщалъ о кражѣ его единственной лошади.

Озлобленные новой кражей, совершенной, безъ сомнѣнія, тѣми же стражниками, мы рѣшили утромъ во чтобы то ни было добиться возвращенія кобылицы. Определено было—постараться устрашить начальника стражи. Поэтому мы отправили свои выюки впередъ. На мѣстѣ остались 8 человѣкъ съ верховыми лошадьми. Оставили при себѣ всѣ пики и ружья, какія были въ караванѣ. Оказалось: 2 пики и 8 ружей, изъ коихъ европейскаго издѣлія было 5 (одно вовсе не стрѣляло). Это грозное оружіе было выставлено на показъ. Послали двухъ человѣкъ приказать начальнику привести немедленно нашу кобылицу. Онъ, однако, не послалъ ея, а отправилъ къ намъ двухъ стражниковъ, которые въ мягкихъ выраженіяхъ просили не обидѣть ихъ, такъ какъ кобылица была дѣйствительно куплена за 6 лановъ. Они говорили, что хотя это и вѣрно, но вслѣдствіе того, что она оказалась краденой, то начальникъ проситъ дать только 4 лана. Мы на отрѣзъ отказали въ какой-бы то ни было уплатѣ денегъ за собственное животное и категорически заявили, что если не приведутъ сейчасъ-же кобылицы, то отправимся къ табуну и возьмемъ сами. Они отправились назадъ сообщить начальнику наши слова. Вѣроятно, наше раздраженное состояніе, а главнымъ образомъ 5 европейскихъ ружей, коихъ очень боятся тангуты и тибетцы, подѣйствовало на стражниковъ, и немедленно была прислана кобылица, но все-же съ просьбою дать хотя 2 лана. Видя воздѣйствіе своей угрозы, мы, конечно, не дали и этихъ денегъ, а напротивъ сказали, что спѣшность нашего пути мѣшаетъ намъ затягивать дѣло и заставить начальника уплатить штрафъ за кражу.

Довольные достигнутымъ результатомъ, мы отправились за нашимъ караваномъ, который ночевалъ на холмѣ по лѣвую сторону отъ Сан-чу. Здѣсь было видно много банаковъ мѣстныхъ кочевниковъ, у коихъ была чума на якахъ. По пастбищамъ то тамъ, то здѣсь валялись трупы издохшихъ и доживающихъ послѣднія минуты животныхъ. Вечеромъ мы увидѣли 15 всадниковъ, одѣтыхъ въ нарядные костюмы и вооруженныхъ пиками, ружьями и саблями, они гнали яковъ. Мы въ недоумѣніи приготовились къ встрѣчѣ незнакомыхъ гостей, которые шли къ намъ. Въ почтительномъ разстояніи вышли двое на-

встрѣчу и изъ разспросовъ мы узнали, что это мѣстные жители и что они ѣздили для разрѣшенія спора съ сосѣдями. Погоняемые яки были взяты за выигранное ими дѣло. Тотчасъ началась торговля и наши спутники вымѣняли у нихъ четырехъ яковъ, давъ двухъ лошадей съ надбавкой еще серебра.

6-го октября ночевали въ ущельи рѣчки, идущей отъ перевала Дан-ла.

7-го октября ночевали недалеко отъ перевала, не дойдя до него. Уже два дня нѣтъ населенія, но сегодня ночью украли изъ нашего лагеря еще трехъ лошадей. Станные люди монголы. Они всегда знаютъ, что есть опасность отъ воровъ, но, не желая держать ночью лошадей на привязи, пускаютъ на кормъ, окарауливая сами. Утомленіе ли въ пути, а можетъ быть и природная сонливость не позволяетъ имъ однако бодрствовать всю ночь. Сначала караульный посидитъ, но черезъ часъ, другой онъ уже спитъ крѣпкимъ сномъ. Воры изъ тангутовъ отлично знаютъ эту черту монголовъ и ночью безнаказанно крадутъ изъ подъ рукъ.

Утромъ *8-го октября* стали разсматривать слѣды. Оказалось, что воры пріѣхали въ догонку. Невдалекѣ оставили своихъ лошадей. Пѣшими подошли къ пасшимся стреноженнымъ лошадямъ и преспокойно поймали ихъ. Сначала вели подъ уздцы, затѣмъ сѣли на двухъ изъ нихъ, а третью повели. Когда достигли своихъ лошадей, украденныхъ отпустили свободными и погнали домой. Дѣлать было нечего, пришлось помочь потерпѣвшимъ: взять ихъ вьюкъ и наложить на запасныхъ яковъ, а сами они пошли пѣшими.

9-го октября перевалили черезъ Дан-ла. Сегодня на самомъ перевалѣ намъ попались два тангута изъ Накчускихъ кочевниковъ. Они гнали около 10 яковъ, навьюченныхъ мясомъ дикихъ яковъ. Сами были верхами. Они ѣздили на сѣверную сторону хребта на охоту, которая оказалась для нихъ очень удачной. Къя Сонамъ, лишь только увидѣлъ ихъ, началъ уговаривать меня напасть на нихъ и ограбить все ихъ имущество. Самихъ ихъ взять съ собою и выпустить обратно, когда мы сдѣлаемъ по пустынѣ 4—5 переходовъ. Хотя я былъ очень озлобленъ противъ тангутовъ и усилъ въ нападеніи представлялся несомнѣннымъ, но все-же моя рука не могла направить дула берданки противъ ни въ чемъ неповинныхъ предъ нами охотни-

ковъ. Мѣстный обычай въ пустынѣ заявлять претензію на чужую собственность только потому, что одинъ сильнѣе другого, не находилъ во мнѣ сочувствія и тѣмъ болѣе примѣненія. Мы безъ всякихъ враждебныхъ выходокъ пропустили мимо себя охотниковъ. На сегодняшнемъ привалѣ пришлось оставить двухъ истощенныхъ лошадей, отказавшихся идти съ караваномъ даже свободными. Одна изъ нихъ была та, которую Шабри оставилъ на дорогѣ подъ мой выюкъ. Простившись съ этими живот-

По пустынѣ.

ными, которымъ предстояла неминуемая смерть, вслѣдствіе приближенія холоднаго времени года и отсутствія корма, намъ стало очень тяжело при обдумываніи дальнѣйшаго пути. Передъ нами открывалась безлюдная, изрѣзанная рѣками и горами пустыня до самаго Цайдама. Животныя наши, первыхъ изъ которыхъ се-

годня пришлось бросить, не обѣщали ничего хорошаго. Рѣшено было двигаться какъ можно медленнѣе, чтобы не утомлять яковъ — послѣдней нашей надежды.

10-ое октября. Ежедневное описаніе дальнѣйшаго пути не представляетъ никакого интереса. Въ общемъ эта дорога была чрезвычайно скучна вслѣдствіе небольшихъ переходовъ изъ-за опасенія лишиться выючныхъ животныхъ, въ каковомъ случаѣ пришлось-бы бросать багажъ, на который было потрачено столько денегъ и труда. Сравнительно долгая проволочка въ Нак-чу и медленное движеніе поставили насъ въ затрудненіе относительно продовольствія. Дѣло въ томъ, что путь отъ Нак-чу до Цайдама конные караваны проходятъ въ три недѣли, на каковой срокъ у всѣхъ и былъ запасенъ провіантъ. Теперь же предстояло сдѣлать тотъ же путь въ срокъ вдвое дольшій и провизія у всѣхъ была уже на исходѣ, хотя порціи свои уменьшили всѣ. Пришлось думать о добываніи провизіи посредствомъ охоты въ изобильной всякими звѣрями пустынѣ, но хорошихъ охотниковъ у насъ не было. Я, въ передній путь, бывший бла-

гочестивымъ богомольцемъ, уже оставилъ соблюденіе моихъ обѣтовъ, такъ-же какъ и другіе настоящіе монахи, и сталъ думать объ охотѣ, къ которой побуждали прибѣгнуть и мои спутники; имъ, по ихъ словамъ, скоро предстояла голодовка. Охота шла на яковъ и оронго, но, къ несчастію, перестрѣлявъ около четверти сотни патроновъ, я не убилъ ни одного дикаго животнаго.

15-го октября голодные спутники уже стали просить меня покончить жизнь одного уставшаго ихъ яка, что я исполнилъ однимъ выстрѣломъ въ сердце съ близкаго разстоянія. Ламы, хозяева его, ради того, чтобы раненое животное не кинулось на меня и другихъ, тщательно перевязали ему ноги и, отойдя немного, съ четками въ рукахъ читали молитвы, вѣроятно, покаянныя за свой грѣхъ и за спасеніе души жертвы. Когда свалившійся якъ испустилъ послѣдній вздохъ, они кинулись къ нему сдирать шкуру и дѣлать мясо, которое, конечно, было весьма сухо и невкусно, такъ какъ животное, вслѣдствіе истощенія силъ, уже отказывалось отъ пути. Все же, каждый взялъ столько, сколько кто могъ навьючить на своихъ животныхъ, а пѣшіе, сколько могли нести на себѣ. У меня лично еще было достаточно запасовъ, потому мы не взяли ничего отъ этого животнаго. Кромѣ того, я все надѣялся убить какое нибудь дикое животное, но этому еще долго не суждено было сбыться. Запасы мяса скоро снова у всѣхъ истощились. Я уже бросилъ надежду на удачу въ охотѣ за яками и оронго. Поэтому спросилъ у спутниковъ, будутъ-ли они ѣсть мясо хулана, если я убью. Они, хотя и были монахами, коимъ запрещено ѣсть мясо однокопытныхъ животныхъ, выразили согласіе, говоря, что мясо его очень легко переваривается въ желудкѣ и потому весьма питательно. Вопросъ этотъ я дѣлалъ оттого, что думалъ легче всего убить хулана, которые сравнительно смиренны и имѣютъ обыкновеніе обѣгать вокругъ человѣка. Однако, и это предположеніе оказалось напраснымъ, какъ-то неудача шла за неудачей.

Только *22-го октября* была половина удачи, а именно, когда я ѣхалъ, по обыкновенію съ Сонамомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи впереди каравана и мы вступили въ устье одного ущелья, то вдаль показались три хулана, мирно щипавшіе траву на берегу глубокаго оврага высохшаго русла рѣчки. Было очень удобно подкрасться къ нимъ по этому оврагу, что мы и сдѣлали

успѣшно. Когда я, спѣшившись, поднялся на край крутого берега, ближайшій хуланъ стоялъ отъ меня шагахъ въ 30-ти. Только страстный охотникъ можетъ представить себѣ то ощущеніе, когда жертва такъ близка. Я, притаивъ дыханіе, тихо направилъ на хулана винтовку, и чрезъ минуту грянулъ выстрѣлъ. Когда разсѣялся дымъ, я увидѣлъ, что одинъ хуланъ осѣлъ на заднія ноги, а два другихъ убѣгли отъ неожиданнаго переполоха. Я сообщилъ объ этомъ товарищу, онъ быстро поднялся на обрывъ и мы вмѣстѣ бросились къ раненому животному. Алая кровь струилась изъ ранъ по обѣ стороны позвоночнаго хребта его и оно дѣлало усилія подняться. Мы думали, что оно уже не встанетъ и скоро отъ потери крови совершенно упадетъ. Въ ожиданіи этого мы сѣли тутъ-же и закурили трубки. Минуть черезъ десять животное стало дѣлать все большіе и большіе успѣхи къ поднятію своего зада, мы же думали, что это борьба со смертью и что хуланъ скоро совершенно выбьется изъ силъ и упадетъ. Разсчетъ нашъ оказался невѣрнымъ. Онъ поднялся и сначала, шатаясь, пошелъ отъ насъ. Мы думали, что и это онъ дѣлаетъ напрасно, но чѣмъ дальше, тѣмъ вѣрнѣе дѣлались его шаги и онъ уже побѣжалъ рысью. Тогда только мы убѣдились какую ошибку сдѣлали, не прикончивъ раненаго. Когда нагнали насъ спутники и услышали о случившемся, доказательствомъ чему были лужи крови, выразили большое сожалѣніе, а одинъ старичекъ, особенно просившій меня убить хулана, говорилъ, что «ротъ его не достоинъ милости». Порадовать спутниковъ пришлось впервые только по сѣверную сторону перевала Дун-буре. Это было вечеромъ *24-го октября*. Мы уже остановились на ночлегъ и, пообѣдавши, отдыхали сами, давъ отдыхъ, понятно, и своимъ животнымъ. Вдругъ прибѣжалъ ко мнѣ въ палатку одинъ изъ спутниковъ и сообщилъ, что къ нашимъ пасущимся якамъ подходитъ дикій якъ. Я выбѣжалъ съ винтовкой и, дѣйствительно, громадный якъ уже входилъ въ наше стадо. Нѣкоторые изъ нашихъ яковъ стали приготовляться издали къ борьбѣ, роя землю копытами и рогами, но дикій гость не обращалъ на нихъ никакого вниманія и шелъ въ середину стада. Я побѣжалъ къ нему по небольшому рву и, благодаря высокому его берегу, подошелъ достаточно близко—не болѣе 50-ти шаговъ. Когда я выглянулъ изъ рва, представилось чудно-красивое животное. Это былъ

молодой быкъ. Онъ началъ щипать траву, какъ-бы среди своего дикаго стада. Но какая была разница въ величинѣ его съ нашими! Наши самыя большіе яки казались подлѣ него двухгодовальными телятами. Немного полюбовавшись его видомъ, я сталъ приготовляться къ выстрѣлу, но рука моя почему-то дрожала. Страхъ-ли передъ такой громадой, которая могла кинуться на меня и при удачѣ поднять на рога, какъ щенку, или случай такого близкаго подпуска къ себѣ дѣйствовалъ на меня, но я былъ въ крайнемъ волненіи. Сдѣлалъ выстрѣлъ,—поднялась пыль съ его гривы и слышенъ былъ звукъ удалявшейся пули, которая ударилась вдали на склонѣ горы. Значитъ обвысилъ и задѣлъ только гриву. Онъ посмотрѣлъ на меня и у меня не хватило мужества сдѣлать второй выстрѣлъ. Животное кинулось на утекъ и наши яки толпой побѣжали за нимъ, но не могли догнать и остановились. Якъ ни разу не посмотрѣлъ назадъ и скрылся за гору. Спустя немного мы увидѣли другого уже на сѣверной сторонѣ въ очень далекомъ разстояніи. Я, Сонамъ и третій монголъ, втроемъ захотѣли отправиться на охоту за нимъ. Поспѣшно осѣдлали лошадей и пустились въ путь. По мѣрѣ приближенія выяснилось снова весьма удобное мѣстоположеніе. Также оврагъ и высокіе песчаные валы. Со всѣми предосторожностями мы подѣхали очень близко и, оставивъ монгола съ лошадьми, я съ Сонамомъ поднялся къ верхушкѣ песчанаго вала и оказались на разстояніи сажень 40 отъ яка. Это былъ также громадный быкъ. Онъ не зналъ, повидимому, людей потому не заподозрилъ насъ и скоро легъ. Стрѣлять въ лежачаго было очень неудобно. Тогда приготовивши ружье, стали издавать сначала тихіе звуки, чтобы быкъ всталъ. Животное, повидимому, не слышало; усилили звуки, наконецъ, стали кричать, животное и ухомъ не ведетъ. Тогда я предложилъ Сонаму спуститься къ лошадямъ и, сѣвши на одну изъ нихъ, показаться яку издали. Завидѣвъ Сонама, якъ продолжалъ лежать спокойно и жевать свою жвачку. Только усиленные крики и помахиваніе плетью заставили, наконецъ, лѣниваго яка подняться и тогда я выстрѣлилъ. Пуля попала въ переднюю ногу но якъ продолжалъ стоять. Я тѣмъ временемъ спустился къ лошади и, сѣвъ на нее, поднялся на край оврага, чему послѣдовалъ и спутникъ монголъ. Теперь, обезопасивъ себя, въ случаѣ нападенія, болѣе быстрымъ бѣгомъ нашихъ лошадей, мы рѣ-

шили добить его съ лошадей. Для этого заняли мѣста по тремъ сторонамъ. Озлобленный якъ махалъ головой, высовывалъ языкъ и издавалъ своеобразный звукъ: онъ готовился къ борьбѣ. Я сдѣлалъ съ лошади второй выстрѣлъ, но неудачный. Якъ кинулся въ мою сторону, тогда сталъ подѣзжать къ яку Сонамъ съ громкимъ крикомъ. Якъ остановился, обернулся въ его сторону и бросился затѣмъ по направленію къ нему. Сонамъ повернулъ лошадь, на выручку явился третій изъ насъ и продѣлалъ тоже, что и Сонамъ. Озадаченное животное снова остановилось и подставило свой бокъ моему третьему выстрѣлу, который былъ болѣе удаченъ. Тогда это громадное животное уже остановилось совершенно и продѣлывало только враждебные знаки. Еще два выстрѣла, животное задрожало и свалилось. Сонамъ успѣшилъ вырвать при жизни его пучекъ шерсти со лба, говоря, что она предохраняетъ отъ опасности при нападеніи дикихъ звѣрей. Затѣмъ онъ выхватилъ мое ружье и сталъ его угощать кровью изъ ранъ. Угощеніе это состояло въ томъ, что онъ прикладывалъ дуло къ свѣжей ранѣ, мазалъ кровью прикладъ и курокъ. Когда я спросилъ его, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, монголъ удивился моему незнанію этого обычая охотниковъ, «милáху». Онъ вѣрилъ, что ружье жаждетъ крови и чѣмъ чаще пить горячей крови, тѣмъ болѣе дѣлается мѣткимъ на охотѣ. Обычай этотъ, безъ сомнѣнія, есть остатокъ еще болѣе древняго обычая первобытнаго человѣка—пить теплую кровь убитаго на охотѣ животного.

За наступленіемъ поздняго времени, мы не могли снять шкуры и оставили убитаго яка на мѣстѣ, но для того, чтобы ночью не съѣли его звѣри, Сонамъ снялъ верхнюю одежду и прикрылъ ею трупъ. Я же отрѣзалъ себѣ на память пушистый хвостъ его. Прибывъ въ лагерь, сообщили о добычѣ. Слѣдующимъ утромъ выслали впередъ четырехъ людей снять шкуру или, вѣрнѣе, добыть мяса. Когда мы дошли до этого мѣста съ вьюками, все было уже готово. Но якъ оказался чрезвычайно старымъ, потому очень сухимъ послѣ недавняго періода любовныхъ походовъ. Этимъ объясняется вчерашняя его невнимательность къ звукамъ: вѣроятно, подъ старость портится у этихъ животныхъ и слухъ и зрѣніе. Все же спутники были рады добычѣ мяса и взяли опять по столько, сколько могли везти.

Далѣе уже не было снова ни одной удачной охоты. Мы еле-еле двигались впередъ. Животныя уставали, нѣкоторые яки совершенно захромали. Хромали и лошади, потому что цайдамы не подковываютъ ихъ. Многихъ животныхъ пришлось бросать. Наконецъ, *3-го ноября*, достигли мѣстности Хара-нуръ, которая находится на юго-западной сторонѣ перевала Нарин-цзуха. *4-го числа* дневали и стали обсуждать дальнѣйшій путь. Обстоятельства были въ слѣдующемъ видѣ. До края населенія Цайдама оставалось четыре перехода. Два первыхъ перехода были почти безъ травы, но съ водой, а два послѣднихъ совершенно безводны и безъ всякой растительности.

Передвиженіе по пустынь.

Изнуренныя животныя еще могли сдѣлать два первыхъ перехода, но объ остальномъ пути нечего было и думать. Животныхъ можно было-бы прогнать черезъ эту мѣстность лишь совершенно свободными и то съ большимъ рискомъ. Поэтому рѣшили оставить здѣсь часть каравана съ яками и отправить впередъ къ тайчжинарамъ двухъ пѣшихъ людей для найма верблюдовъ и высылки ихъ намъ на встрѣчу. Снаряжены были два халхасца, которые и отправились въ путь сегодня утромъ.

5-го ноября мы оставили яковъ и выюки съ тремя людьми съ тѣмъ, чтобы черезъ четыре дня, т. е. *9-го ноября*, они тронулись въ дальнѣйшій путь; *11-го числа* на краю песчаной безводной полосы ихъ должны были встрѣтить посланные навстрѣчу. Остальные, въ томъ числѣ и я, захвативъ всѣхъ лошадей и легкіе выюки, отправились въ путь, чтобы поскорѣе снарядить подводы навстрѣчу. Перевалъ Нарин-цзуха не высокъ со стороны Хара-нура, но чрезвычайно крутъ и высокъ въ противоположную сторону. Ущелье, носящее названіе Нарин-цзуха (узкій ровъ), весьма каменисто. Дорога то круто спускается въ овраги, то поднимается. Движеніе весьма затруднительно. *7-го ноября* подошли къ краю песковъ. Здѣсь были послѣдніе ключи, которыми изобилуетъ это ущелье въ своей верхней части. Тутъ растутъ въ изобиліи кусты деревца «балага».

8-го ноября встали въ полночь и, запасши льду и дровъ, двинулись въ дорогу. Когда насталъ день, мы очутились среди песчаной долины, окаймленной безплодными каменистыми горами. Около полудня остановились среди песковъ и, сваривъ чай, напились. То тамъ, то здѣсь были видны кости животныхъ, невынесшихъ этого пути. Еще утромъ одна лошадь была брошена нами. Въ дальнѣйшемъ пути пришлось оставить еще двухъ. Лошади отъ голода жадно бросались къ чернѣвшимъ кучкамъ помета своихъ товарищей, проходившихъ раньше и поѣдали ихъ съ большимъ аппетитомъ. Подъ вечеръ мы съ трудомъ выѣхали на край травы, гдѣ были и первыя юрты тайчжигаровъ.

10-го ноября были отправлены подводы, которыя 14-го ноября и доставили оставленный караванъ въ цѣлости, если не говорить о двухъ якахъ, брошенныхъ среди пустыни. Якъ очень упрямъ. Когда онъ устанетъ, то ложится на пути и ни за что не встаетъ. Если его бить и понуждать вставать, то, поднявшись, онъ кидается на челобѣк и неуклюжаго можетъ поднять на рога. Но, однако, и это вымѣщеніе злобы возбуждаетъ въ немъ лишь минутную энергію и онъ снова ложится черезъ десятокъ шаговъ. Тогда лучше снять выюкъ, если былъ на немъ таковой, и оставить. Удаляющіеся товарищи нисколько не трогаютъ его и онъ здѣсь-же находитъ свою могилу.

Послѣдующіе дни прошли въ переговорахъ съ Сэнгэ-заланомъ (или зайсаномъ — онъ носилъ оба титула) и другими, невыполнившими своего условія. Всѣ они хитро принимали вину на себя и сваливали отчасти на тангута-пастуха въ Нак-чу, который плохо содержалъ ихъ лошадей. Они говорили, что ихъ лошади совершенно изнурились, идя свободными, и что многихъ пришлось бросить на плоскогоріи. Этимъ давали знать, что было только счастье отъ оставленія ими насъ, потому что это послужило причиной покупки яковъ, на коихъ мы добрались благополучно, чего не было бы, конечно, если бы пошли на ихъ изнуренныхъ лошадяхъ. Все же, я хотѣлъ пожаловаться на нихъ ихъ князю, для чего просилъ свиданія съ послѣднимъ. Онъ пригласилъ меня 16-го ноября. Сэнгэ доставилъ двухъ лошадей для меня и моего спутника-бурята. Мы поѣхали. Князь жилъ недалеко. Стояла группа юртъ. Я подумалъ, что княжеская юрта должна быть первая, которая была и поновѣе и

больше размѣрами, но, когда мы подѣхали къ ней и спросили, намъ указали на довольно старую юрту, бывшую въ послѣднихъ рядахъ. Князь не вышелъ навстрѣчу, а выслалъ прислуженницу. Когда мы вошли въ княжескую юрту, онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, на сѣверной сторонѣ очага, подстлавъ подъ себя коверъ. Для насъ были приготовлены также ковры. Въ юртѣ не было ничего замѣчательнаго. Она не отличалась ничѣмъ отъ юртъ жилищныхъ простолюдиновъ. Князь поздоровался съ нами, важно сядя, и пригласилъ насъ сѣсть. Княгиня съ груднымъ ребенкомъ встала при нашемъ входѣ и, когда мы сѣли, привѣтствовала насъ и уже только тогда сѣла. Сначала мы сидѣли молча, князь то и дѣло закуривалъ трубку, причѣмъ княгиня подносила огонь. Затѣмъ я изложилъ ему все дѣло съ его подданными, просилъ у него защиты моихъ интересовъ и показалъ ему паспортъ, выданный Россійскимъ консуломъ въ Ургѣ, но, къ несчастію, князь оказался незнающимъ монгольской грамоты и съ важнымъ видомъ смотрѣлъ на текстъ, держа его внизъ головой. Потомъ возвратилъ и сказалъ, что его подданные сдѣлали дѣйствительно нехорошій поступокъ и что онъ заставитъ ихъ уплатить полученныя отъ меня деньги, но тутъ же не преминулъ сказать, что одинъ изъ должниковъ укочевалъ въ горы и что его трудно найти. Я предложилъ ему заплатить изъ общественныхъ суммъ, чтобы затѣмъ тотъ восполнилъ ихъ. Онъ сказалъ, что въ настоящее время нѣтъ на лицо никакихъ общественныхъ суммъ и что денегъ нельзя найти ни у кого. Дѣлать было нечего—пришлось оставить на совѣсти князя 10 лановъ, а остальные деньги получить такъ или иначе. Княгиня угостила насъ чаемъ и аракой (такъ называется вино, перегоняемое изъ кислаго коровьяго молока или кумыса), причѣмъ все то же подносила и князю. Послѣ такого угощенія мы, простившись съ ними, вернулись въ свою палатку.

17 ноября. Теперь уже нечего было думать о движеніи прямымъ путемъ въ Ургу. Этому препятствовало, во-первыхъ, отсутствіе денегъ, во-вторыхъ, то, что уже часть багажа была отправлена въ Гумбумъ. Поэтому нужно было отправиться туда, гдѣ были у меня знакомые, у коихъ я могъ занять денегъ. Но людей, которые бы взялись везти до Гумбума, не оказалось; нашлись только возчики до ставки Цзунъ-цзасака.

Они взяли съ меня наивысшую плату по 2 цина въ день за каждаго верблюда, коихъ мнѣ нужно было 8 головъ. Они выѣхали съ нами *18-го ноября* и, всячески удлинняя путь, доставили насъ въ ставку Цзунъ-цзасака только *8-го декабря*, вслѣдствіе чего пришлось имъ заплатить по 4 лана за каждаго верблюда. Здѣсь я узналъ, что слѣдующій караванъ пойдетъ въ Донкоръ и Гумбумъ лишь мѣсяца черезъ полтора. Раньше никто не рѣшался отправиться ввиду грабежей кукунорскихъ тангутовъ. Снова пришлось подчиниться обстоятельствамъ и ждать отправления этого каравана. Лишь только мы остановились близъ ставки цзасака, къ намъ явился хошунъ-цзанги Дамба, который былъ хорошимъ знакомымъ переводчика экспедиціи П. К. Козлова—бурятскаго казака Цокто Бадмажанова. Онъ предложилъ мнѣ условиться о дальнѣйшемъ пути съ ихъ отставнымъ княземъ, для знакомства съ которымъ я тотчасъ же отправилъ съ нимъ «хадакъ», такъ какъ юрта князя была изолирована отъ постороннихъ, въ виду недавняго привитія оспы его дѣтямъ. Прививаніемъ оспы по китайскому способу (вдуваніемъ въ носъ) занимался здѣсь одинъ лама изъ чахарскихъ монголовъ. Онъ былъ приглашенъ въ хошунъ съ платою по 2 лана серебра съ каждаго. Затѣмъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ, не хворавшіе оспой, безъ различія возраста и пола, перекочевали въ одно мѣсто. Собралось болѣе 200 человекъ. Здѣсь оспопрививатель сдѣлалъ всѣмъ прививку, вводя въ организмъ лимфу посредствомъ нюханія. Прививка переносится крайне тяжело, бывають и смертныя случаи отъ неточнаго соблюденія строгой діеты, для наблюденія за которой оспопрививатель живетъ до полнаго выздоровленія всѣхъ больныхъ. Въ данномъ случаѣ было два смертныхъ случая, каковой $\frac{0}{0}$ считали очень небольшимъ и восхваляли искусство оспопрививателя. Случаевъ невоспринятія прививки было тоже очень мало.

17-го декабря хошунъ-цзанги представилъ меня князьямъ. Когда я вошелъ въ ихъ юрту, то на обычномъ мѣстѣ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ 11-ти, хорошо одѣтый по мѣстному, и съ вымытымъ бѣлымъ личикомъ, свидѣтельствовавшимъ о его нѣжномъ воспитаніи. По лѣвую руку отъ него сидѣлъ его отецъ, неизлечимо-больной калѣка. Немного дальше его мать, женщина лѣтъ 45-ти, тоже одѣтая довольно чисто. Я привѣтствовалъ маленькаго князя и его отца. Отецъ тотчасъ пригла-

силъ сѣсть и очень бодро началъ рѣчь, которая касалась того же вышеупомянутаго Цокто и вообще экспедиціи русскихъ. Онъ упомянулъ о прежнихъ экспедиціяхъ, причемъ съ похвалой отозвался о генералѣ Пржевальскомъ, который, какъ онъ рассказывалъ, подарилъ ему хорошій револьверъ, висѣвшій теперь надъ его кроватью. Мнѣ вспомнился рассказъ Пржевальскаго о томъ, какъ онъ посадилъ этого самаго князя на цѣпь, но приличіе требовало не касаться этого, и самъ онъ даже не намекалъ на этотъ случай. Затѣмъ, во время угощенія насъ чаемъ, разговоръ сдѣлался дѣловымъ. Мы заключили условіе о доставкѣ насъ приблизительно черезъ мѣсяць въ Гумбумъ. Условлено было по 4 лана за верблюда. Проживать же мы могли возлѣ его ставки и онъ, дѣлая любезность, предоставилъ мнѣ для проживанія небольшую юрту, которая оказалась для него лишней. Я былъ очень радъ этому, такъ какъ въ палаткѣ было довольно холодно, а затѣмъ малая вмѣстительность и разведеніе огня внутри не позволяли втащить во внутрь ея наши вьюки. Мы тотчасъ же прикочевали къ княжеской ставкѣ и, поставивъ предоставленную намъ юрту, поселились въ ней. Жизнь была до-нельзя монотонная. Видѣли, какъ течетъ она въ ставкѣ князя. Этотъ князь считается однимъ изъ богатыхъ князей Цайдама, у него было около 100 головъ лошадей, 50-ти головъ рогатаго скота, 30-ти верблюдовъ и не болѣе 400 головъ овецъ. Такой достатокъ въ скотоводческомъ хозяйствѣ въ Сѣверной Монголіи сочли бы ниже средняго.

Старый князь имѣлъ троиxъ дѣтей отъ трехъ женъ: дочь, рожденную внѣ брака, когда онъ былъ молодъ и неженатъ; сына—отъ младшей жены, умершей отъ родовъ его, и нынѣшняго князя отъ старшей, нынѣ живущей супруги. Старшаго сына онъ посвятилъ въ духовное званіе и онъ теперь преждевременно развившійся мальчикъ 14 лѣтъ; младшаго года три тому назадъ утвердили цзасакомъ. Самъ отецъ считается въ отставкѣ, но всецѣло завѣдуетъ дѣлами, какъ частными, такъ и хошунными. Онъ слыветъ за человѣка умнаго и ученаго не только въ своемъ хошунѣ, но и по всему Цайдаму. Дѣйствительно, онъ очень хитрый старикъ; умѣетъ читать по-тибетски и по-монгольски. Не разъ былъ я свидѣтелемъ, какъ онъ обучалъ тому и другому письму своего сына-князя, выводя на

доскѣ своей изсохшей рукой некрасивыя, но правильныя буквы; не разъ также я присутствовалъ, какъ онъ обучалъ его читать тибетскія молитвы съ совершеніемъ разныхъ обрядностей. Однажды пришлось присутствовать на обученіи его стрѣльбѣ. Для этого стараго князя посадили на коня съ особо устроеннымъ сѣдломъ, приспособленнымъ къ его согнувшимся и нераздвигающимся ногамъ, а мальчикъ поѣхалъ безъ сѣдла. Выбрано было мѣсто недалеко отъ ставки. Здѣсь на песчаномъ бугоркѣ была поставлена мишень изъ высохшаго помета скота. Князь сѣлъ на другой бугорокъ саженьяхъ въ 15-ти отъ перваго. Были принесены 2 фитильныхъ ружья. Старикъ, въ молодости страстный охотникъ, училъ сына, какъ заряжать ружье, сколько класть пороху и т. п., затѣмъ, какъ держать его при стрѣльбѣ, куда наводитъ прицѣлъ и т. п. Мальчикъ сдѣлалъ подъ его руководствомъ нѣсколько выстрѣловъ, но все неудачныхъ. Старикъ въ досадѣ бралъ самъ ружье и съ большимъ трудомъ стрѣлялъ самъ, но замѣчательно удачно. Слуги должны были отыскивать въ песокѣ выпущенныя пули и доставлять князю, который ихъ тщательно пряталъ для отливки снова. Старикъ, между прочимъ, интересовался европейскими ружьями и спрашивалъ, каково мое ружье. Я хвалилъ свою берданку и преувеличивалъ ея достоинства, такъ какъ говорилъ, что можно попасть въ человѣка на разстояніи трехъ верстѣ. Онъ вѣрилъ и говорилъ, какъ было-бы хорошо вооружить такими ружьями хоть десять солдатъ. Тогда бы, по его мнѣнію, безбожные тангуты не нападали-бы на монголовъ и не грабили-бы ихъ безнаказанно. Отъ нихъ, прибавлялъ онъ, нѣтъ избавленія. Отражать ихъ можно только силой, такъ какъ никогда не найти правосудія. Тангуты очень богаты и не скупятся на взятки сининскому амбаню и его секретарямъ. Бываютъ такіе случаи. Напали тангуты, произошла перестрѣлка, убили одного изъ тангутовъ и отразили нападающихъ. Тангуты съ одной стороны прѣзжають въ хошунъ въ большомъ числѣ требовать уплаты за жизнь убитаго, а съ другой—возбуждаютъ тяжбу за убійство у амбана. Высланные секретари берутъ, сколько могутъ, не принимая никакихъ оправданій. Деньги, конечно, не доходятъ до тангутовъ, которые домогаются получить сами. Въ случаѣ неуплаты объявляютъ такъ называемую «хам-чу» (тяжбу), что, по нашимъ понятіямъ,

равносильно перерыву дипломатических сношений или даже объявлению войны. Начинаются грабежи и воровство всего, что имъ подь силу. При этомъ въ невыгодномъ положеніи опять таки монголы. Ихъ путь къ рынку Донкоръ и религиозному центру, въ Гумбумъ, лежитъ черезъ тангутскія кочевья. Здѣсь ихъ постоянно подстерегаютъ враждебные тангуты и, если караванъ безсиленъ, они нападаютъ на него и грабятъ.

За 1¹/₂ мѣсяца нашей стоянки мы сдѣлали со ставкой князя три небольшихъ перекочевки. У него здѣсь отграничено мѣсто, куда не должны пускать своего скота его подданные, за исключеніемъ 10 домохозяевъ, кочующихъ съ нимъ. Всякій скотъ, попавшій на эти мѣста, задерживается и на хозяевъ его налагается штрафъ, а при упорствѣ и наказаніе плетями. Ежедневно выѣзжаютъ для осмотра объѣздки.

Цайдамъ. Кусты хармыка.

Какъ-то разъ я упомянулъ о присутствіи у меня фотографическаго аппарата. Старикъ очень заинтересовался имъ, и, хотя онъ видѣлъ аппараты у другихъ путешественниковъ, захотѣлъ познакомиться подробнѣе. Я принесъ ему аппаратъ и объяснилъ его примѣненіе. Онъ пошелъ дальше въ своемъ любопытствѣ и просилъ сдѣлать снимки съ него и его семьи. Я исполнилъ желаніе князя, но промывка ночью въ холодной палаткѣ и соленая вода изъ мѣстныхъ ключей не дали хорошихъ негативовъ и удачныхъ отпечатковъ. Но, все-же, князь разсматривалъ съ большимъ любопытствомъ и плохіе снимки, выказывая большое удовольствіе, когда узнавалъ себя, своихъ сыновей, жену и другихъ знакомыхъ своихъ. Я показалъ ему отпечатки Поталы и другихъ монастырей. Онъ съ благоговѣніемъ прикладывалъ ихъ къ головѣ и признавалъ большое сходство ихъ, такъ какъ онъ не разъ посѣтилъ тѣ мѣста. Въ послѣдній разъ онъ былъ тамъ годовъ пять тому назадъ, уже охваченный настоящимъ недугомъ, и съ сожалѣніемъ, говорилъ, что больше уже не быть ему тамъ. Просилъ подарить ему снимки, но я отказалъ въ этой просьбѣ, опасаясь, чтобы не попали въ

Лхасу, гдѣ могли посмотрѣть враждебно на бурятскихъ ламъ. Вообще я не желалъ распространять снимки среди монголовъ, которые могли возбудить разные толки. Отказъ сдѣлать было очень легко, не возбуждая недовольства князя: я сказалъ, что снимки мои уника, кои хочу везти на родину: онъ не зналъ негативовъ.

Однажды князь попросилъ меня поохотиться за хуланами, коихъ очень много въ Цайдамѣ вообще, а въ окрестностяхъ его ставки въ особенности. Когда я изъявилъ согласіе, онъ предоставилъ мнѣ верховую лошадь и одного провожатаго, который былъ обязанъ снять шкуру убитаго животнаго и привезти часть мяса. Первая наша охота была неудачна. Хуланы не подпускали на вѣрный мой выстрѣлъ, издали-же я дѣлалъ промахи. Второй разъ 4 января я поѣхалъ, въ сопровожденіи старшаго сына князя и, къ удачѣ, очень близко отъ ставки убилъ одиночно шатавашагося хулана, подкравшись къ нему на водоноѣ изъ за кустовъ тамариска. Выстрѣлъ былъ очень удаченъ: хуланъ побѣжалъ со всей быстротой, но шаговъ черезъ триста упалъ мертвымъ. Тойнъ (такъ зовутъ духовныхъ изъ княжичей) былъ очень обрадованъ, но снимать шкуры не согласился. Мы поѣхали и князь тотчасъ снарядилъ къ добычѣ своего прислужника, въ скоромъ времени привезшаго шкуру, которую стали бережно сушить, а также двѣ заднія ноги. Мяса никто не ѣлъ, а, сваривъ его, давали телятамъ, которые, какъ говорилъ князь, быстро поправляются отъ истощенія и никогда не умираютъ отъ худобы. Замѣчательно, когда я зашелъ дня черезъ три въ черную юрту, служившую хлѣвомъ для нихъ и когда имъ принесли приготовленную хуланину, телята съ жадностью бросились на мясо и съѣли все, даже большими сравнительно кусками.

Чтобы сдѣлать удовольствіе князю и его телятамъ, я на другой день снова поѣхалъ на охоту и на этотъ разъ убилъ уже двухъ самокъ. Онѣ оказались все-же сухими, должно быть высохшая зимняя трава (ветошь) и холода сильно истощаютъ и этихъ вольныхъ животныхъ. Проводникъ снялъ шкуры съ обѣихъ и положилъ ихъ заднія части на мою и свою лошадь. Когда мы стояли еще у труповъ, взглянувъ вверхъ, я увидѣлъ множество грифовъ, парившихъ высоко надъ нами. Неизвѣстно, откуда они прилетѣли, но удивительно, какъ быстро узнаютъ эти птицы о появленіи пищи для нихъ. Когда мы отѣхали, они

постепенно стали спускаться къ остаткамъ труповъ и видно было, какъ съ соревнованіемъ между собою бѣли остатки.

Наконецъ *19-го января* насталь давно желанный день нашего выѣзда изъ байшина этого цзасака, куда насъ доставили еще 16-го числа. Здѣсь шли сборы каравана въ Гумбумъ. Всѣ участники заготовляли предметы своего вывоза, состоявшіе главнымъ образомъ изъ шерсти верблюжьей и овечьей, шкуръ и войлоковъ. Караванъ долженъ былъ идти подъ начальствомъ цзанги Дамба, которому князь поручилъ насъ и свои вещи, хотя для ближайшаго наблюденія за животными и вещами поѣхала дочь князя со своимъ женихомъ, уже жившимъ съ нею какъ при бракѣ. Въ числѣ его вещей оказались и три шкуры хулановъ, добытыхъ мною.

Караванъ шелъ на верблюдахъ и лошадяхъ и состоялъ изъ 20-ти палатокъ, въ которыхъ помѣщались около сотни мужчинъ и женщинъ, даже съ малыми дѣтьми.

26-го января прошли, упомянутый въ передній нашъ путь, Дулан-китъ и стали подниматься по рѣчкѣ Дулан-голь. На пути встрѣтили озеро Цаган-нуръ (бѣлое озеро) изъ котораго взяли ледъ для ночлега. Остановились же ночевать немного восточнѣе этого озера.

27-го января. Сегодня день монгольскаго Новаго года. Рано утромъ, еще не навьючивая животныхъ, старшіе мужчины взошли на горку, которая находилась около стана, и зажегши воскуренія, сдѣлали земные поклоны на востокъ (Богдохану) и на западъ (своему оставшемуся дома князю). Затѣмъ они постепенно стали обходить всѣ палатки, держа въ рукахъ хадаки, начавъ съ палатки своего старшины хошунъ-цзанги Дамба. Дамба сидѣлъ спокойно. Приходившій прикладывалъ три сложенныхъ пальца ко лбу своему и дѣлалъ поклонъ, послѣ чего бралъ хадакъ на обѣ ладони и дѣлая новый поклонъ, произносилъ протяжно «амуръ!» (будьте здоровы!). Засимъ, отвѣдавъ пищи, уходилъ. Въ другихъ палаткахъ не дѣлали первой церемоніи, т. е. ограничивались однимъ поклономъ съ хадаками. Двинувшись въ путь въ 8^{1/4} ч. утра, дошли до такъ называемаго Ганчжур-чулу (камень Ганчжуръ).

На довольно широкомъ и ровномъ мѣстѣ пади стоитъ по срединѣ каменная горка. На сѣверо-западной сторонѣ ея большая пещера, въ которую можно въѣхать на лошади и, повер-

нувъ назадъ, выѣхать. У отверстія этой пещеры сдѣлана небольшая ограда изъ большихъ каменныхъ плитъ, высотой около сажени. Верхнія плиты имѣютъ выступы на краяхъ и служатъ такимъ образомъ покрышкой стѣнъ. Въ стѣнѣ противъ отверстія пещеры сдѣланы ворота. При всей устойчивости каменныхъ глыбъ, короткія стѣны по обѣ стороны воротъ отъ времени наклонились въ наружную сторону, образовавъ двѣ щели. Лѣвая отъ пещеры щель размѣрами меньше и она считается нечистою, потому что, по преданію, въ ней былъ задавленъ сынъ какого-то князя. Правая же щель считается грѣхоочи- стительной и тутъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ мужчины и женщины съ большимъ усердіемъ старались пролѣзть черезъ нее. Они вѣрятъ, что, если человекъ грѣшенъ, то щель суживается и мучить его дольше. Люди же съ сильными грѣ- хаами совершенно не могутъ пролѣзть.

Говорятъ, что самая горка есть вершина, отсѣченная Падма Самбавой и принесенная сюда съ горы, находящейся на востокъ отъ нея. Дѣйствительно, тамъ одна вершина напоминаетъ усѣченный конусъ, что, конечно, и дало начало легендѣ. Затѣмъ, добавляютъ про ограду, что здѣсь остановились въ древности монголы, везшіе изъ Тибета 108 томовъ Ганчжура. Напали тангуты и, умертвивъ путниковъ, хотѣли увезти сложен- ные томы Ганчжура, но тутъ случилось чудо—все томы оказа- лись обращенными въ каменные плиты, коихъ разбойники не могли поднять и въ страхѣ бѣжали. Съ тѣхъ поръ стоятъ окаменѣлые томы Ганчжура безмолвно, опредѣляя степень грѣховъ людскихъ и очищая ихъ.

На берегу Кукунура спутникъ сломалъ единственный мой термометръ, которымъ я опредѣлялъ температуру ночного хо- лода. 23-го января онъ достигъ minimum'a за весь путь, а именно—26° R. въ мѣстности Далан-туру въ Цайдамѣ. 30 ян- варя мой термометръ уже окончилъ службу мнѣ.

1-го февраля, въ 9 часовъ утра, когда мы были уже въ пути, намъ повстрѣчалась масса вооруженныхъ всадниковъ. Мы были въ недоумѣніи. Скоро этотъ отрядъ взялъ дорогу влѣво отъ насъ и сталъ проходить длинной вереницей саженьхъ въ 200 отъ нашего каравана. Въ это же время отъ нихъ отдѣлились 13 всадниковъ и быстро подѣхали къ намъ. Оказалось, что это солдаты, такъ называемые «дабши» (по монгольски «дур-

бун-сомунъ»), потомки монголовъ ѳлотовъ Гуши-хана, нынѣ совершенно отангутившіеся, обитающіе на западъ отъ Дон-гора. Они рассказали, что идутъ войной на тангутское поколѣніе Миньягъ, живущее на сѣверѣ Кукунура. Миньягцы, по ихъ словамъ, недавно убили двухъ изъ «дабши» и ранили одного. На требованіе удовлетворенія они предложили 50 лошадей и 50 кусковъ тибетскаго сукна, чего «дабши» не приняли и теперь шли вооруженной силой для разрѣшенія спора. Идутъ они двумя партіями по 300 всадниковъ. Далѣе говорили, что дѣло рѣдко доходитъ до вооруженнаго столкновенія, а рѣшается на границѣ владѣній при помощи какого-нибудь посредника, который, понятно, получаетъ значительное вознагражденіе за свой трудъ.

2-го февраля перевалили черезъ хребетъ Хире, по восточную сторону Кукунура.

4-го февраля вступили на край осѣдлаго китайскаго населенія. Здѣсь стали встрѣчаться китайскіе торговцы, которые спрашивали, изъ какого кто хошуна. Одинъ изъ нихъ, узнавъ, что караванъ состоитъ преимущественно изъ подданныхъ Цзунъ-цзасака, заявилъ, что онъ назначенъ «аньда» этого хошуна и тотчасъ на ходу каравана роздалъ по одной лепешкѣ въ томъ числѣ и намъ. «Аньда»—старинное монгольское слово, значитъ—другъ, помощникъ, сподвижникъ. Затѣмъ онъ сказалъ, какъ правило, что монголы эти должны остановиться въ его домѣ и никуда на сторону не продавать своихъ товаровъ. Въ Дон-корѣ, дѣйствительно, всѣ остановились во дворѣ фирмы, люди которой встрѣтили насъ, какъ дорогихъ гостей: угостили чаемъ, сложили товаръ въ свои склады, дали соломы животнымъ, указали для всѣхъ помѣщенія. Все это дѣлали китайцы, конечно, не безъ выгоды для себя. Я узналъ, что торговцы вносятъ извѣстный налогъ, или, вѣрнѣе, взятку сининскому амбану для приобрѣтенія исключительнаго права торговли съ извѣстнымъ хошуномъ. Заручившись такимъ правомъ, они сами слѣдятъ за приходящими караванами и, зазвавъ ихъ къ себѣ, берутъ весь товаръ, расплачиваясь по своему усмотрѣнію послѣ формальнаго торга. Монголы совершенно въ ихъ рукахъ и просто-душно дѣлаются жертвой разныхъ ухищреній этихъ торгашей.

Отсюда въ Цайдамъ вывозятъ преимущественно цзамба, крупчатку, вермишель, сухую лапшу, табакъ, унты, кирпичный

(контрабандный) чай и т. п. Серебра китайцы не даютъ, да оно и не нужно въ Цайдамѣ, гдѣ торговля преимущественно мѣнная. Сами цайдамцы, напротивъ, привозятъ сюда все добытое за извозъ серебро и обмѣниваютъ его на вышеуказанные предметы. За единицу счета тутъ принимаютъ овцу (хони или хой) и козу (яманъ), курсъ коихъ на серебро очень непостояненъ, но двѣ козы составляютъ одну овцу.

Спѣша въ Гумбумъ, я въ тотъ же день выѣхалъ изъ Донкора, вмѣстѣ со своими спутниками, и прибылъ туда въ часъ пополудни на другой день.

По прибытіи въ Гумбумъ, я сталъ искать бурята, привезшаго мое прошеніе сининскому амбаню на тайчжинаровъ, и,

Ваджрапани.

отыскавъ его, узналъ, что нашъ общій знакомый, перерожденецъ Чжя-игъ отговорилъ его отъ подачи, увѣряя, что амбань станетъ допрашивать его самого и, обнаруживъ, что онъ безъ билета, заключить въ тюрьму. Когда я лично отправился къ Чжя-игъ, онъ выразилъ полное сочувствіе моему неудачному найму и задержкѣ въ пути и предложилъ мнѣ помочь деньгами для дальнѣйшей дороги, оправдывая свое задержаніе прошенія тѣми же доводами. Между прочимъ онъ сообщилъ, что амбань пріѣдетъ сюда къ празднику 15-го числа

первой луны. Я рѣшилъ подать жалобу амбаню лично. Этотъ амбань прибылъ 13-го числа, что по нашему счету приходилось на 7-ое февраля. Его встрѣтили представители монастыря съ должнымъ почетомъ, вышедши на край монастыря въ нарядныхъ костюмахъ съ хоромъ музыки. Амбаня сопровождала многочисленная свита и десятокъ солдатъ. Когда онъ пріѣхалъ въ приготовленное для него помѣщеніе въ казначействѣ монастыря, и напившись чая узналъ, что это зданіе казначейства, то отказался жить въ немъ и пожелалъ помѣститься въ частномъ домѣ, сказавъ недоумѣвающимъ администраторамъ монастыря

китайскую поговорку, что «чиновникъ не почуетъ въ ямынѣ», т. е. въ присутственномъ мѣстѣ. Пришлось помѣстить его въ домѣ перерожденца Миньягъ.

8-го февраля я отправился къ амбаню съ приготовленнымъ прошеніемъ, держа наготовѣ и свой билетъ. Но секретари, встрѣтивъ меня въ приѣмной, стали разспрашивать о сути дѣла. Я изложилъ имъ. Тогда монгольскій секретарь пошелъ къ амбаню съ докладомъ и, вернувшись спустя немного ко мнѣ, сказалъ, что амбань не принимаетъ прошенія, а приметъ, если будетъ надежный поручитель изъ мѣстныхъ вліятельныхъ ламъ на случай несправедливости моего иска. Я, въ недоумѣніи, отправился къ Чжя-игъ, рассказалъ въ чемъ дѣло и просилъ поручиться. Тотъ отказался и сообщилъ, что этотъ амбань большой взяточникъ, беретъ и съ праваго и съ виноватаго. Поэтому онъ, видя сразу, что съ иностраннаго подданнаго ничего нельзя взять, хочетъ притянуть къ этому дѣлу своего подчиненнаго—богатаго человѣка, съ котораго и будетъ вымогать взятки. Пришлось отложить дѣло до Урги, гдѣ я могъ вчинить искъ черезъ наше консульство.

9-го февраля, 15 числа первой луны, происходила обычная «жертва 15-го числа», о которой упомянуто выше при описаніи монастыря Гумбума. Въ нынѣшнемъ году обхожденіе жертвенныхъ группъ было особенно торжественно вслѣдствіе присутствія амбана, пріѣхавшаго нарочито для этого осмотра.

10-го февраля мы наняли подводы (верблюдовъ) до Ямыня алашанскаго вана, по 4 лана за каждыя, потому что было очень мало обратныхъ возчиковъ, каковымъ обстоятельствомъ не преминули они воспользоваться, чтобы взять почти двойную противъ обыкновенной плату.

12-го февраля мы выѣхали изъ Гумбума и, слѣдуя обычнымъ караваннымъ путемъ, *4-го марта* прибыли въ городъ алашанскаго вана. Въ Цайдамѣ присоединился къ намъ халхаскій монголъ Чойдакъ (по прозвищу «сахалту» — бородатый). Онъ былъ отправленъ нашимъ консуломъ въ Ургѣ навстрѣчу экспедиціи П. К. Козлова. Ему была поручена доставка писемъ П. К. Козлову и его товарищамъ, для чего онъ получилъ денежное пособіе и открытый листъ на три лошади для взиманія бесплатныхъ подводъ въ предѣлахъ Халхи. Онъ, повидимому, мало думалъ о скорѣйшемъ исполненіи порученія и вмѣсто того, чтобы

ѣхать навстрѣчу черезъ Алашань, поѣхалъ въ Западную Халху. Окончивъ тамъ свои частныя дѣла, только въ январѣ сего года явился въ Цайдамъ, гдѣ уже экспедиціи не было. Онъ попросился присоединиться къ нашей партіи, на что я изъявилъ согласіе.

Лишь только мы стали выѣзжать на край города алашанскаго вана, какъ встрѣтился съ нами ибкто Санчжяй-ранчжямба, который познакомился со мною еще въ передній путь. Это типичный видъ алашанскаго дѣльца, питающагося за счетъ проходящихъ черезъ городъ каравановъ. Онъ хорошо владѣетъ китайскимъ, тибетскимъ и роднымъ языкомъ, знаетъ нѣсколько выраженій и по-русски. Онъ побывалъ въ разныхъ мѣстахъ Амдо и Китая, былъ также, по его словамъ, и въ нашей бѣлокаменной Москвѣ, въ чемъ, впрочемъ, можно очень сомнѣваться, такъ какъ на мои разспросы о столицѣ не далъ ни одного положительнаго отвѣта. Вѣрно только то, что онъ былъ въ Забайкальской области, а также въ Иркутскѣ. Теперь онъ поселился въ своемъ городѣ и имѣетъ какую-то незначительную должность при дворѣ князя. Будучи человекомъ, можно сказать, мало состоятельнымъ, онъ имѣетъ недурную обстановку въ своей квартирѣ, будучи ламой, содержитъ какую-то подозрительную красивую женщину, одѣвается очень чисто и на дню мѣняетъ нѣсколько костюмовъ. Какъ только узнаетъ отъ кого-нибудь о приближеніи каравана торговцевъ или богомольцевъ, сейчасъ же выѣзжаетъ навстрѣчу на хорошо убранной лошади. Если попадутся старые знакомые, онъ привѣтствуетъ ихъ съ радостнымъ лицомъ и увѣряетъ, что, узнавъ о приближеніи своихъ старыхъ знакомыхъ, выѣхалъ навстрѣчу, въ заботѣ о хорошемъ устройствѣ ихъ въ родномъ городѣ. Если же люди незнакомые, онъ и тутъ не теряется и, разспросивъ—изъ какихъ они мѣсть, онъ говоритъ, что знаетъ и друженъ съ такими-то и такими-то лицами изъ ихъ хошуна. Такъ какъ онъ замѣчательно помнитъ всѣхъ, то всегда попадаетъ какой-нибудь общій знакомый. Слово за слово, онъ становится человекомъ какъ-бы давно знакомымъ и, выѣзжая въ городъ, спрашиваетъ—есть ли у нихъ знакомые, куда-бы они заѣхали. Въ случаѣ неимѣнія знакомыхъ, онъ дружески указываетъ остановиться въ такой-то фирмѣ китайскихъ торговцевъ, восхваляетъ ее и предлагаетъ свои услуги проводить до нея. Здѣшнія большія китайскія фирмы имѣютъ

свободныя помѣщенія, нарочно устроенныя для бесплатнаго проживанія путешественниковъ, поэтому Санчжяю въ данномъ случаѣ нѣтъ никакого труда устроить богомольцевъ, но онъ дѣлаетъ видъ, что онъ заботится, ѣдетъ впередъ, вступаетъ въ переговоры съ приказчиками и у воротъ фирмы встрѣчаетъ караванъ, говоря, что съ трудомъ нашелъ помѣщеніе. Эти квартиры, въ сущности небольшія комнаты, содержатся весьма грязно, въ нихъ нѣтъ печей, огонь разводится на полу, дымъ выходитъ черезъ двери и т. п. Только невзыскательный монголъ можетъ примириться съ этимъ, и ему даже пріятно развести огонекъ и погрѣть свои руки, какъ онъ это дѣлаетъ у себя въ юртѣ.

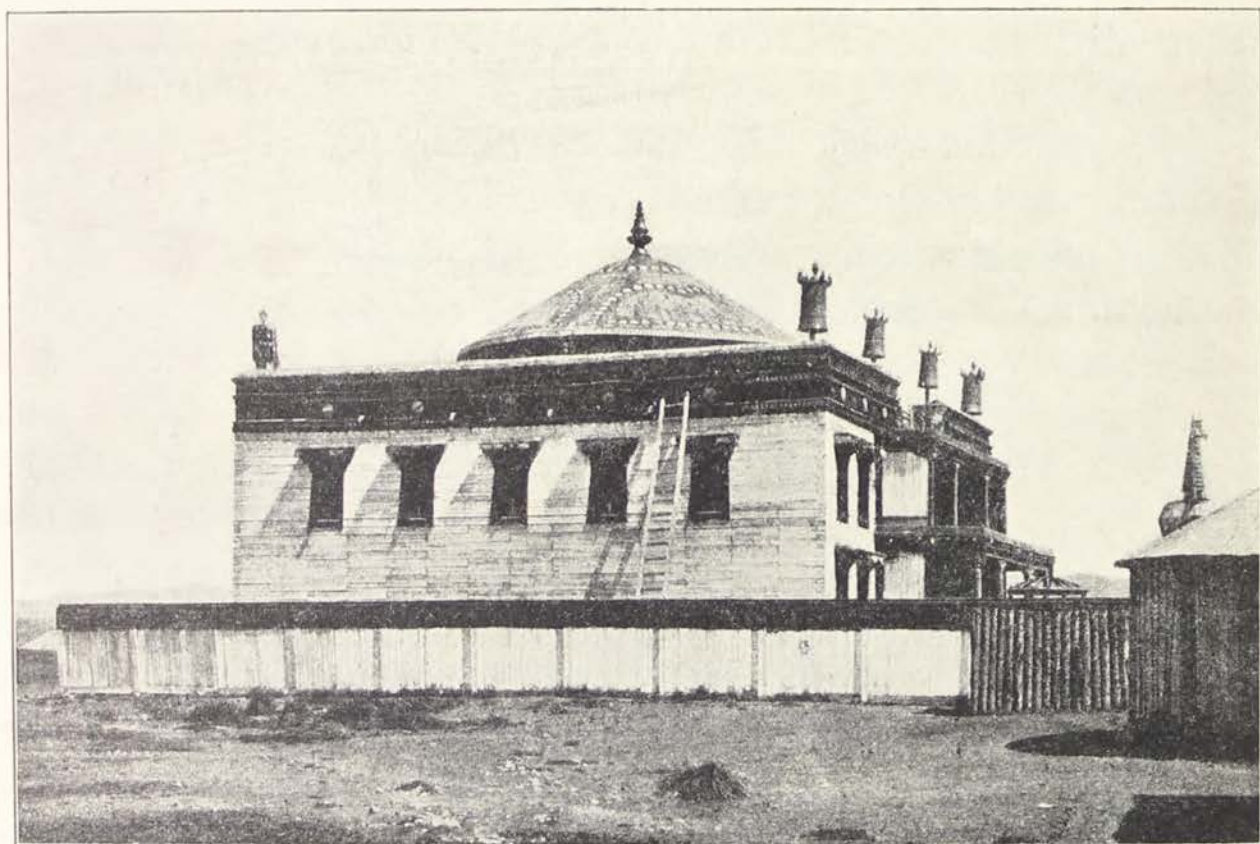
Устроивъ такимъ образомъ путниковъ, Санчжяй уходитъ и высказываетъ пожеланіе — хорошо отдохнуть отъ дороги. Однако, не долго продолжается его отсутствіе: онъ приходитъ въ день нѣсколько разъ. Освѣдомившись о томъ, что нужно пріѣзжимъ, онъ предлагаетъ купить у него, увѣряя, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не найти. Хотятъ ли нанять верблюдовъ для дальнѣйшаго пути, онъ къ ихъ услугамъ, запрашиваетъ значительную цѣну и начинаетъ сбрасывать. Наконецъ, сойдясь въ цѣнѣ, онъ заявляетъ, что верблюды его въ степи и, что онъ немедленно пошлетъ человѣка за ними; но такъ какъ его скотъ живетъ довольно далеко, то придется подождать дня два, три.

Затѣмъ, онъ начинаетъ уже подыскивать подрядчиковъ отъ себя, видя выгоду для себя даже въ нѣсколькихъ цѣнахъ съ верблюда. Если же, къ его несчастію не находятся подрядчики или не соглашаются за извѣстную плату, то Санчжяй не стыдится придти къ нанимателямъ и заявить, что сейчасъ прибылъ отъ его скота человѣкъ и сообщилъ, что столько-то верблюдовъ отправили туда-то по казенной надобности и т. п., вслѣдствіе чего онъ, Санчжяй, не можетъ выполнить своего условія, но приведетъ, если угодно, другого, съ которымъ они могли бы заключить условіе сами. Послѣ привода новаго возчика онъ исчезаетъ и является, когда вопросъ рѣшенъ, поздравляетъ съ удачнымъ наймомъ, восхваляетъ подрядчика, заказываетъ поклоны своимъ знакомымъ и т. п. Между всѣмъ этимъ онъ дѣятельно ведетъ торговлю, не брезгая ничѣмъ. Покупаетъ положительно все, лишь бы цѣна была не велика, и во всѣхъ случаяхъ онъ умѣетъ вести дѣло такъ, какъ-бы онъ

являлся покровителемъ и доброжелательнымъ благодѣтелемъ путниковъ, желающимъ принести имъ только пользу.

Я, лично знакомый съ характеромъ Санчжяйя еще по переднему пути, не хотѣлъ имѣть съ нимъ никакихъ пустыхъ переговоровъ, о чемъ заявилъ ему откровенно. Онъ нисколько не обидѣлся.

5-го марта наняли возчиковъ до Урги, по двухъ хозяевъ. Одинъ изъ нихъ, алашанецъ, долженъ былъ доставить насъ въ монастырь Эхин-цзакъ, находящійся на южномъ краю хошуна

Храмъ въ Ургѣ.

халхаскаго туше-гуна, а оттуда взялся везти до Урги гѣской этого монастыря Лобсан-дорджи, который случился здѣсь, прѣѣхавъ для закупки риса, проса и муки для нуждъ монастыря.

6-го марта выѣхали изъ ямыня и 21-го числа прибыли въ монастырь Эхин-цзакъ, который былъ построенъ въ 12-мъ году правленія Дао-гуаня 247 тайчжяями. Главная кумирня была утверждена императоромъ, который пожаловалъ ей наименованіе «Бухуни бутугэкчи сумэ», т. е. «храмъ, исполняющій все». Управляетъ монастыремъ «да-лама», который утверждаетъ пекинскимъ правительствомъ.

25-го марта я рѣшилъ воспользоваться открытымъ листомъ Чойдака, замѣнивъ его товарища, которому я предоставилъ верблюда, предназначеннаго для меня. Чойдакъ и его товарищъ охотно согласились, и мы, потребовавъ три казенныхъ подводы, поѣхали впередъ. Въ тотъ же день мы прибыли въ монастырь Сангійнъ-далай, который основанъ въ 17 году правленія Канъ-си. На другой день началась непріятная ѣзда на общественныхъ подводахъ. Дѣло въ томъ, что въ этихъ мѣстахъ нѣтъ станцій, а приходится ѣздить отъ одного домохозяина до другого. Каждый, для выгадыванія разстоянія, везетъ къ ближайшему, хотя бы онъ былъ въ сторонѣ отъ прямого пути. Эти непріятныя ежеминутныя перемѣны подводъ окончились по достиженіи нами 30-го марта первой станціи Балтастай. Теперь станціи отстоятъ другъ отъ друга верстъ на 20—25.

31-го марта прибыли къ ямыню туше-гуна, находящемуся вблизи горы Дэлгэр-хангай.

Отправившись далѣе въ тотъ же день, мы пересѣкли большой Калгано-Улясутайскій трактъ, содержимый такъ называемыми харчинскими станціями.

Наконецъ, 4-го апрѣля, позднимъ вечеромъ, Чойдакъ и я прибыли въ Ургу и остановились у одного знакомаго Чойдака, такъ какъ, за позднимъ временемъ, я счелъ неудобнымъ являться въ консульство.

5-го апрѣля я явился въ консульство, гдѣ со стороны Русскаго генеральнаго консула, Я. П. Шинмарева и секретаря консульства, В. В. Долбежева встрѣтилъ отечески радушный пріемъ. Багажъ же мой прибылъ 14-го апрѣля, и я тотчасъ принялся приводить его въ порядокъ для отправки въ Петербургъ при содѣйствіи консульства. Книги всѣ были уложены въ 10 ящиковъ, которые и были сданы на почту.

27-го апрѣля я выѣхалъ на монгольскихъ почтовыхъ на родину и 2-го мая переступилъ въ Кяхтѣ границу отечества.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И НАЗВАНІЙ *

- Абао, супруга алашанскаго вана конца XVII или начала XVIII вѣка 6.
- Абатай, халхаскій ханъ 64, 259.
- А-ба-чэньбо — Великій пятый, сокращенное наименованіе пятого далай-ламы 259.
- Авалокитешвара, бодисатва, десятиликій Арьябало — Туг-чжэ-чэн-бо — Чжан-рэй-сигъ 106*, 107*, 108, 312*, 346, 350.
- Авалокитешвара, одиннадцатиликій Пагба Чжан-рэй-сигъ 253.
- » статуя въ Сэра 346, 347.
- » львиноголосый 24*, 25.
- » четырехрукій 312, 316*.
- Агван-Ешей-чжямцо, 6-й далай-лама; монголы считали его лже-далай-ламой 261*, 262, 264.
- Агван-лобсан-тубдань-чжямцо-чжиг-бралванчук - Чбглюй - намчжягъ — Тубдань-чжямцо, 13-й далай-лама 270, 271.
- Агван-Ловсан-чжямцо, 5-й далай-лама, Великій пятый 126, 218*, 259—261, 325, 371.
- Агван-Ловсанъ Доржievъ, хамбо-лама 201*, 202, 270, 463.
- Агван-няньдагъ, учитель 9-го и 10-го далай-ламъ, 66-й Галданскій намѣстникъ 269.
- Агван-цзондуй, брѣбунско-гоманскій настоятель, первый перерожденецъ Чжамьян-шадбы, основатель Лабрана, знаменитый философъ 30, 40, 41, 45, 290, 325, 366.
- Агван-цултимъ, 61-й настоятель Галдана, занималъ должность чжялцаба при 8-мъ далай-ламѣ 267.
- Агван-Чжамбал-цултимъ, перерожденецъ галданскаго ширетуя 268.
- Агван-чжамьян-ван-чжягъ, 51-й настоятель Гумбума, основатель факультета Дуйнхоръ въ Гумбумѣ 32.
- Агван-чжямба, Пурбу-чжогскій перерожденецъ 352.
- Агван-чойнцэгъ, учитель 10-го далай-ламы, 70-й Галданскій намѣстникъ 269.
- Агинскій дацанъ 399*.
- Агна, мистическій дацанъ въ Брѣбунѣ 204, 323, 325, 326, 329, 331, 332.
- » мистическій дацанъ въ Дашій-лхунбо 366.
- » мистическій дацанъ въ Сэра 347, 349.
- Аграмба, ученая степень 298.
- Агримъ-чэмо, высокая степень тантръ, сочиненіе 298.
- Адаг-ти-Ралпа-чанъ, тибетскій царь, 42-й перерожденецъ 117, 135.
- Адакъ-Хабцагай — Нижняя гора 78.
- Адиша, см. Чжово-балдан-Адиша.
- Аймакъ, тушету ханскій 5.
- Алашанскій ванъ, см. Ванъ.
- Алашанцы, народъ, покррой одежды, нравственность 12, 13, 14.
- Алашанскія горы 9, 10, 13.
- Алашанъ, страна 6—8, 13, 19, 150, 434.
- Алашанъ-цинъ-вангунъ нутугунъ чжиха, монгольская надпись на пограничномъ камнѣ 15.
- Алаша-ямунь — Дын-юань-фу — Ван-я-фу — Ямунь-хото — Ямунь, резиденція вана алашанскаго 9, 10, 11, 12, 433.
- Алтан-сорго, горный хребетъ 58.
- Алтан-ханъ Тумэтскій 25, 257, 259.
- Алунъ, серьга, въ видѣ кольца съ бирюзой, носятъ въ лѣвомъ ухѣ 157*.

* Указатель составленъ покойной пниѣ *К. И. Григорьевой*, успѣвшей еще свѣрить и первую его корректуру.

Звѣздочки при цифрахъ означаютъ рисунки; цифры курсивомъ — болѣе детальное описаніе.

- Амбань, 34, 55, 185, 247, 269, 432, 433.
- Амдо, область 10, 19, 40, 41, 44, 46, 47, 83, 88, 147, 294, 314, 346, 434.
- Амдо-ара, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Майдъ 349.
- Амдо-ба—Амдо-ва, жители Амдо, тангуты около Лабрана 46, 57, 147.
- Амдо-шун'ба, камцанъ Сэраскаго дацана Майдъ 349.
- Амитаюсъ—Аюши—Цэбэг-мадь, статуя въ Самъ-яй 394*, 395.
- Амуръ, «будьте здоровы», по-монгольски 429.
- Ангир-такчэнъ, горный хребетъ 75.
- Антизона, цзэрэнъ, хара-сульта 16.
- Аньда, (монгол.) другъ, помощникъ 431.
- Аподба—Арбуба по-маньчжурски, свѣтскій правитель Тибета, назначенный китайскимъ императоромъ 241, 249, 264.
- Ара, китайская водка, спиртъ 141.
- Ара-голь, рѣка 58.
- Арайн-гашун-худукъ, колодець 5.
- Арака, вино перегоняемое изъ кислаго коровьяго молока или кумыса 423.
- Ара-чинда, колодець и урочище 4, 5.
- Арбуба, см. Аподба.
- Аргаль, сухой пометъ, служить для топлива 3.
- Арий, провинція 147.
- Арий, перерожденецъ, хозяинъ монастыря Чжёрмолунъ 228.
- Арий, камцанъ дацана Шяр-цзэ въ Галданѣ 311.
- » камцанъ дацана Чжян-цзэ въ Галданѣ 311.
- Арий-ба, житель провинціи Арий 147.
- Арий-бэтугъ, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- Арий-гугэ, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- Арий-дагмо, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- Арий-сангарь, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- Арьябало — Авалокитешвара — Туг-чжэ-чэн-бо—Чжан-рай-сигъ 107, 108, 316*.
- Ачжил-лхамо, представленія актеровъ при смѣнѣ шамо въ Брѣбунѣ 335.
- Ачжя, перерожденецъ отца Цзонхавы 33, 35.
- Аюши, «Безконечнолѣтній», Цэбэг-мадь, бодисатва долгоденствія, статуя въ Чжёрмолунѣ 228.
- » статуя, пожалованная китайскимъ императоромъ 8-му далай-ламѣ 266.
- Аюшиевъ Чойнчжоръ, бурятскій лама, спутникъ автора 81.
- Багаванъ, см. Чжу-ра-мо-чэ.
- Баго, головной уборъ цзанской женщины 384.
- Бади-мицанъ-Цзан-ба, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- База-бакша 253.
- Байдунъ—Цаган-сонджа, китайское селеніе 15.
- Байдэ-цзонъ, замокъ 362, 386.
- Байна-цзонъ, » 380, 381*.
- Байшинъ, постройки 7, 65.
- Балага, растение, дерево 421.
- Бал-бо, пенальцы 148, 149.
- Балдан-Брѣбунъ (блестящая куча плодовъ), полное названіе Брѣбунскаго монастыря 322.
- Балдан-дашійичиль—Лабранъ-дашійичиль—Лабранъ, монастырь 40.
- Балдан-ешей, 3-й банчэн-эрдэни 15, 33, 265, 267, 371, 372.
- Балдан-лхамо, см. Бэлхамо.
- Балзом-бутидъ, мать 3-го далай-ламы 256.
- Бал-дорчжэ — Лха-лун-бал-дорчжэ, убійца тибетскаго царя Лан-дармы; прахъ его въ Марсан-лха 18.
- Балдэй-цзонъ, см. Байдэ-цзонъ.
- Бале, китайскія ленточки по-тибетски 330.
- Балины, символическія жертвы изъ тѣста 123*, 124, 273*.
- Балмо, монахиня 347.
- Балтастай, первая станція по дорогѣ въ Ургу 437.
- Балхор-чойдэ—Чжян-цзэ, монастырь 380.
- Балчэнъ-дорчжэ-шон-нуй-пурба, полное названіе пурбы въ Сэра 349.
- Ба-мо, китайская кумирня 136*, 138.
- Банак-шодъ, восточная часть Лхасы 102.
- Банакъ, тангутская черная палатка 40, 40*, 80, 81, 84, 407, 410.
- Бандэ, передникъ 161.
- Банчэн-эрдэни — банчэн-ринбочэ, — великій лама 15, 33, 36, 104, 150, 210, 239*, 240, 247, 262, 263, 268, 269, 327, 364, 367, 369, 370—375, 380, 405.
- Банша-нэринъ, шапка цзонхавинскаго или банчэнскаго образца 34, 314.
- Бар-гё-ханъ—Бар-чёд-дэнъ, промежуточная пирамида, проходной субурганъ въ Лхасѣ 131*, 132, 319.
- Бари-дорчжэ-чанъ, перерожденцы 352.
- Бар-ритодъ—Бари, «келья срединной горы», отшельническая келья Сэраскаго перерожденца 344, 352.
- Барунай-байшинъ, мѣстность 69.
- Барун-хитъ, монастырь 13.
- Барун-цзасакъ, цайдамскій князь 63, 64.

- Бар-хоръ, средняя круговая дорога вокруг квартала Чжу 166.
- Бар-чѳд-дѳнъ, см. Бар-гѳ-ханъ.
- Бати, камцанъ въ дацанѣ Чжян-цзѳ въ Галданѣ 311.
- Ба-цза, долина, надъ на правомъ берегу р. Цзанъ 361.
- Бачжу, головной уборъ женщинъ 160, 162, 230.
- Баян-голь, рѣка 63, 65.
- Баян-сумбѳръ, одна изъ трехъ вершинъ Алашаньскаго хребта 13.
- Баянъ, городъ 38.
- Белигатти, капуцинскій монахъ 101, 203.
- Бжѳньдагъ, милостинедатель, хозяинъ даяннѳ 282.
- Бжяраба—Джарнѳй, противникъ Ханчѳн-нѳя 241.
- Бо = 5 пѳага, вѣсь 166.
- Бѳ, шаманство по-монгольски 179.
- Богда, желтая шапка безъ околыша и козырька, носятъ низшїя должностныя лица 158.
- Богда, такъ называютъ далай-ламу и банчѳн-ринбочѳ 405.
- Богдоханъ, китайскій императоръ 6.
- Богунъ, камцанъ въ Сѳраскомъ дацанѣ Мѳдъ 349.
- Бѳ(д)ба, см. тангуты.
- Бѳдчжи-чжялбо — тибетскій ханъ, титулъ далай-ламы 243.
- Бѳд-чжялбо — чжялцабъ — номунъ-ханъ, титулы намѣстника далай-ламы 244, 245.
- Божница богатаго лица по рисунку Белигатти 152*.
- Бѳй, курительныя свѣчи 61.
- Бойдѳнъ, тюфякъ 153.
- Бѳйкоръ, обходъ съ курительными свѣчами 339.
- Бомборъ, камцаны въ Сѳраскомъ дацанѣ Чжеба и въ дацанѣ Мѳдъ 349.
- Бон-па — бон-по, первоначальная религїя тибетцевъ, сходная съ шаманствомъ 179.
- Брѳбунъ—Брѳйбунъ, монастырь 41, 87, 104, 117, 125, 129, 168, 184, 186, 195, 197, 205, 209, 214, 221, 225, 228, 229, 255—259, 270, 281, 282, 284, 287, 288, 291, 295, 296, 314, 317*, 319, 322, 323*, 324*, 325, 326, 328, 330*, 331, 333, 337, 344, 346, 347, 349, 352, 355, 360, 371.
- Брагнѳ, камцанъ въ дацанѣ Чжян-цзѳ въ Галданѣ 311.
- Брамапутра, см. Цзанбо-чу.
- Брати—Барти, камцанъ въ Сѳраскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- Брихунба—Дихунба, секта 179.
- Брог-ри—«Уединенная гора», на ней расположенъ монастырь Галданъ 306.
- Брог - ри - галдан - намбар - чжял-бѳй - линъ — «уединенно-горское, вполне радостное обиталище весьма побѣдоноснаго», полное названїе монастыря Галданъ 306.
- Бром-дѳньба, 45-й перерожденецъ Авалокитешвары, ученый 253.
- Бромдѳнъ, дацанъ въ Сѳра 347.
- Бром-топ-ба, отшельникъ, основатель Радѳнскаго монастыря 84*, 85.
- Бруг-па, тибетцы Бутана 163.
- Брѳ, гарнецъ, мѣра 166.
- Бугуту, гора въ Алашаньскомъ хребтѣ 9, 13.
- Бударгана, растение (*Kalidium* sp.) 59.
- Бударганайн-шинѳ-усу, урочище 5.
- Будда — Шакьямуни — Багаванъ — Побѣдоносный 93, 108 — 110, 119, 120, 150, 198, 207, 217, 234, 253, 257, 266, 270, 299, 312, 334, 359, 366, 370, 395, 402.
- Будон-тамчжад-чѳнба — Будонъ, писатель XIV в. 372, 380, 402.
- Будумъ, колодець 5.
- Бумба, круглая часть субургана 26, 308.
- Бумтаръ, тангутское племя 60.
- Бумъ-цзѳй, т. е. 100 тысячъ вершинъ, хребетъ и перевалъ 80, 413.
- Бурай, индїйская чесунча 392.
- Бургастайн-булакъ, урочище 7.
- Бурхан-бу-дай, перевалъ, легенда, связанная съ этимъ переваломъ 64, 78.
- Буряты 37, 46, 60, 81, 87, 287, 352.
- Бутанъ, см. Бруг-па 163.
- Бутучи, Цайдамскій Цзунъ-цзасакъ 67.
- Бухайн-голь, рѣка 59.
- Буха-магнай, горное возвышенїе, гора 77.
- Буха-чигирикъ—буха-чирикъ, трава 78.
- Бухукъ, мѣстность, 1-я почтовая станція по тракту изъ Урги въ Сайр-усу 3.
- Бухуни бутугѳкчи сумѳ, «храмъ исполняющїй все», названїе главной кумирни въ монастырѣ Эхин-цзакъ 436.
- Бхава-чакра, колесо жизни, ср. Срид-бѳй-хорло 334*.
- Бѳльѳй дворець — побран-карбо (Потала) 130.
- Бѳйлѳ, китайскій чинъ 62, 63, 245.
- Бѳйсѳ—«знаменный», китайскій чинъ 241.
- Балхамо — Балдан-лхамо, богиня, покровительница Лхасы 114, 115, 116, 229.
- Бѳхаръ—царь дѳяннѳй—Нѳйчунъ чѳйчжѳнъ, одинъ изъ хранителей ученїя. Его храмъ въ Гумбумѣ 30, 31*. Храмъ въ Брѳбунѣ 326, 327*.

- Ваджрацани страшнаго вида—Чагдоръ 28*, 29, 312.
- Ваджрацани милостиваго вида 432*.
- Вайшравана, см. Махараджа.
- Ван-гур-ри, гора рядомъ съ монастыремъ Галданъ 306.
- Вандан-дорджи, сынъ Бутучи, Цзун-цза-сака 67.
- Ван-чжа-дянь, китайская деревня 16.
- Ванчугъ-чэбо — великій, полновластный, 23-й ханъ въ Шамбалѣ 372.
- Ванъ алашанскій 3, 5, 7, 9, 12, 13.
- » цинхайскій 60.
- Вань-ли, Минскій императоръ 25.
- Ван-я-фу — Дын-юань-фу — Алаша-ямунь — Ямунь-хото—Ямунь, городъ, резиденція вана алашанскаго, см. Алаша-ямунь.
- Вачира-Дара, статуя въ Чжян-цзэ 381.
- Вачира-дара-далай-лама, титулъ данный Алтан-ханомъ 3-му далай-ламу Соднам-чжамцо 257, 260.
- Вачиръ—вишваваджра—дорчжэ, жезлъ 189, 230, 251*, 328, 401*.
- Верхній—Дод-ба, дацанъ въ Сэра 347.
- Виная—Дулба, правила монашеской жизни 290, 313.
- Вирудхака, см. Махараджа.
- Вирунакша, см. Махараджа.
- Вишваваджра, см. вачиръ.
- Ву-дугъ, желтый зонть далай-ламы 272.
- Габалъ, чаша-черепъ 32, 33*, 377*.
- Габданбо, 8-й курсъ ученія для парчина 290.
- Габчжу, 3-я ученая степень 195, 291, 337, 339, 340.
- Гадам-побранъ, дворець въ Дашій-лхунбо 366.
- Галанъ(?), монастырь 380.
- Гадонъ, монастырь въ окрестностяхъ Лхасы, мѣстопробываніе прорицателя чойчжѳна Гадона 221, 222, 226, 281, 328.
- Гадонъ-чойчжѳнъ — Радостный ликъ—Ёнданъ(Юнданъ)-чжалбо — Царь премудрости, прорицатель 186, 221, 222—230, 232—234, 327, 328, 329, 337.
- Галдан-бошокту, чжунгарскій предводитель 314, 315.
- Галдан-кансаръ, старинный дворець въ Лхасѣ 121*, 140*.
- Галдан-побранъ въ Брѳбунѣ 129, 256, 259, 287, 325, 402.
- Галдан-побран-чог-лай-нам-чжяль, названіе далай-ламскаго дворца въ Брѳбунѣ 129.
- Галдан-побран-чог-лай-нам-чжяль, надпись на монетѣ 168.
- Галдан-эрдэни-чжинонь, блѳтскій князь 41, 46.
- Галданъ — Брог-ри-галдан-намбар-чжял-бій-линь, монастырь 65, 184, 186, 196, 266, 268, 281, 282, 284, 287, 288, 291, 295, 296, 303, 305, 306, 307*, 308, 309*, 310, 311, 312, 314, 315, 322, 325, 349, 352, 402.
- Галданъ-ханъ чжунгарскій 261.
- Галинфу, бутанскій городъ 383.
- Галонъ — шаб-пѳ, каждый изъ четырехъ сановниковъ дѳбашуна 117, 220, 241, 242, 244, 245.
- Галонъ-тидба — предводительствующій сановникъ, старшій галонъ 244.
- Галсан-чжамцо, оффициально 6-й далай-лама; тибетцами считается 7-мъ 29, 129, 262, 263*, 264.
- Ганба-ла—«Нога», переваль 361, 386, 397.
- Ганданъ—Урга 3*.
- Ганса-лама Рабтанъ, начальникъ тангуптовъ 55.
- Ганчжа-танъ—«сибжная равнина», широкая долина 40.
- Ганчжиръ надъ головой статуи Майтреи въ Емба-лха 304.
- Ганчжур-чулу — камень ганчжуръ, щель испытанія 429, 430.
- Ганчжуръ, сочиненіе 380, 430.
- Ганчжуръ, Джюдь 298.
- Гарамба, монахъ окончившій курсъ ученія 291.
- Гарба, см. Карба.
- Гарма-даньчжѳнъ, цзанскій владѣтельный князь 260.
- Гарма-на—пять звѳздочекъ— $\frac{1}{3}$ монеты = 5 кит. фыновъ 169*.
- Гарма-шягъ, его подворье въ Лхасѣ 136.
- Гаръ—Уранъ—Тангарикъ 135.
- Гасъ, урочище 71.
- Гау, шейныя кіотки для амулетовъ 115*, 156, 157, 161*, 249*, 277*.
- Гаузарай-суръ, см. Суръ.
- Гашиба-намчжял-цѳбтанъ, онъ наслѣдовалъ титулъ тайчжи 1-й степени 249.
- Гашиба-пандита, первый свѣтскій галонъ 243.
- Гашиба-Цѳбтанъ-дашій, былъ награжденъ титуломъ тайчжи 1-й степени 248.
- Га-шягъ — высшее судилище, приказный домъ 117, 244.
- Гжяб-ри—«задняя гора», сзади монастыря Сэра 346.
- Гинъ, китайскій фунтъ 11.
- Гјани(бъ), золоченныя крыши 116.
- Гоби, безводная степь, пустыня 4.
- Гобо, камцанъ въ дацанѣ Чжян-цзэ въ Галданѣ 311.
- Гога-ла, см. Го-ган-ла.

- Го-ган-ла—Гога-ла, переваль Головы и Ноги 361, 397.
- Гой-ку-пэб — «пришествіе изображенія на матеріи»—Gö-ku-rea—Kiku-Tamsa, стѣна, мѣсто для натягиванія образа 366.
- Го-ла, переваль Голова 86, 94, 352, 353, 361, 397, 405.
- Голнусь, см. Голнуть.
- Голнуть—Голнусь, мѣстность, урочище 71.
- Голоки, племя 37, 74, 79.
- Гомань, многодверный субурганъ въ Чжян-цзэ 381, 382*.
- Гомань, перерожденцы въ Лабранѣ 46.
- Гомань, дацанъ въ Брѣбунѣ 87, 225, 227, 228, 287, 291, 325, 326, 336—338, 402.
- Гомба, см. Накчу-гонба.
- Гомдэ, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- Гонба-сарь—«новый монастырь» 343.
- Гонбо, хошотскій хань 61.
- Гон-бо, камцанъ въ дацанѣ Чжян-цзэ въ Галданѣ 311.
- Гон-бо, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Мядь 349.
- Гонбо—Махакала—Великій Черный, см. Махакала.
- Гонбо-гуру—Бѣлый Махакала, божество 64*.
- Гонбо-дорчжэ, отецъ Гэндунь-дуба 364.
- Гон-гар-цзонъ, замокъ 390.
- Гон-лунь, монастырь Чжанчжа-хутухты 346.
- Гончжа, перероженецъ въ Гумбумѣ 35.
- Гон-чжя—«вечерній чай», вечернее собраніе духовенства во время мѣнлама 208, 209.
- Гончог-чжиг-мэдъ, 2-й перероженецъ Чжамьян-шадбы 46.
- Гончокъ, бурятскій лама 87.
- Гоньямъ, европ. сукно 159.
- Гоошри, см. Гуши-хань.
- Горламъ, круговая дорога вокругъ монастыря Галданъ 312.
- Грюнведель, профессоръ 253.
- Гугэ, камцанъ въ дацанѣ Лосалинъ въ Брѣбунѣ 336.
- Гуй, рѣка 19.
- Гулчжянъ, ожерелье 111.
- Гумбумъ — Гумбумъ Чжамба-линъ — Миръ Майтреи съ 100 тысячами изображеній, монастырь 9—14, 19, 21, 23*, 25, 26, 30, 32—34, 35, 36—38, 45, 50, 53, 56, 69, 71, 80, 81, 87, 88, 263, 411, 423—425, 427, 429, 432, 433.
- Гун-дэ-линъ—«всеспокойный мѣръ», дворецъ въ Лхасѣ, принадлежащій хутухтамъ Дацагъ и Дагца 136*.
- Гунру, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- Гун-ру, камцанъ дацана Шя-цзэ въ Галданѣ 311.
- Гунтанъ, перероженецъ въ Лабранѣ 46.
- Гун-томъ, вечерній рынокъ 165.
- Гун-худукъ, колодець 9.
- Гунциг-ман-чжя—«полуденный чай», собраніе духовенства передъ полуднемъ во время мѣнлама 208.
- Гунцигъ-чойра, полуденное учебное время 289.
- Гун-чжѳб-линъ, дворецъ банчэня въ Дашій-лхунбо 370, 374.
- Гунъ, князь 150.
- Гуньга-бѣлмо, мать 2-го далай-ламы 253.
- Гуньга-дондубъ, основатель дацана Чжюльдѳдъ 296.
- Гуньга-лхамдзей, мать 5-го далай-ламы 259.
- Гуньга-Нин-бо сачжя, 46-й перероженецъ Авалокитешвары, знаменитый ученый (Тараната) 253, 402.
- Гуньга-чжяцзанъ, отецъ 2-го далай-ламы 253.
- Гуны уратскіе 5.
- Гуримъ—Куримъ, заклинаніе, моленіе 215, 298, 299, 379.
- Гуримъ-чойра, вечернее учебное время 289.
- Гурка—Гуркасцы, непальское племя 149, 249.
- Гурмару, цзанская деревня, родина Гэндунь-дуба 364.
- Гуртэнба—Чойрчжэ, лама прорицатель 48.
- Гутунъ, панталоны, женская юбка 158, 161.
- Гуши-хань — Гоошри — Турубайху Туруль-байхуръ 61, 104, 116, 240, 259, 260, 349, 368, 371, 431.
- Гэбкой — шамо — «правитель добродѣтели великаго собранія», лицо назначаемое для административнаго управленія дацановъ 34, 284, 285, 297, 298, 367.
- Гэ(б)шей—«друзья добродѣтели», ученые монахи 195, 297.
- Гэикъ, должностное лицо 192, 193, 196, 198, 202, 205, 208, 209, 216, 337.
- Гэлѳнъ, духовное званіе, не позволяющее подписывать смертные приговоры 187, 284, 288, 290, 291, 293, 299, 300, 364, 371.
- Гэ-луг-па, господствующая секта 179, 381.
- Гэлэг-намчжяль, см. Ловсап-тубданъ-чойчжиньма-гэлэг-намчжяль.
- Гэндунь-дубъ, 51-й перероженецъ Авалокитешвары, приверженецъ Цзонхавы, основатель монастыря Дашій-лхунбо, 1-й далай-лама 254, 256, 296, 364, 366, 371.
- Гэндунь-пунцогъ бжябралскій, 50-й настоятель Галдана 308.

- Гандунь-чжямцо, 2-й далай-лама, для него построенъ дворець Галдан-побранъ въ Брѣбунѣ 254, 255*, 256.
- Ганень, см. Убаши.
- Ганцалъ, гора около монастыря Брѣбунъ 322, 328.
- Гарганъ, старшина каждой изъ общинъ (Цо-дугъ) подданныхъ Гумбума 35.
- Гарганъ, старшина Брѣбунскаго камцана Самло 200—202.
- Гарганъ, дацанскій 339.
» камцанскій 287, 339.
- Гаской, имѣеть по отношенію къ своему дацану ту же власть, какъ шамо по отношенію къ всему монастырю 34, 286, 339, 354, 436.
- Гасар-ханъ 67, 68*, 69, 70*.
- Гацуль, духовное званіе 288, 290, 293, 299, 364.
- Гэчэн-ритодъ около Сэра 356*.
- Гюню—«высокородный» 176.
- Дабонъ**, высшій военачальникъ 211, 243, 245.
- Дабусун-нуръ—Ца-(м)цо, соленое озеро 59.
- Дабши—Дурбун-сомунъ, солдаты, потомки ѳлѳтовъ Гуши-хана 430, 431.
- Дагамъ, плащъ, мантия краснаго цвѣта (у хамбо—желтаго), надѣвается монахами при богослуженіяхъ или учебныхъ занятіяхъ 293, 367.
- Дагба-чжяцанъ, ученикъ Цзонхавы 306, 313, 364.
- Дагбо, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- Дагдан-пунцог-линъ, монастырь 402.
- Дагдуха, деревня 363.
- Даглун-ма-ринбочэ, владѣлецъ монастыря Даглунъ 85.
- Даглунъ, монастырь 16, 85.
- Дагна, дацанъ Лхохаскій 298.
- Дагна-ринчэнь, 1-й настоятель дацана Гоманъ въ Брѣбунѣ 325.
- Дагца—Дацагъ, хутухта 136, 225.
- Дайтунъ, рѣка 17.
- Дайчинъ-цзасакъ, сынъ Уйцзанъ-гуна 5.
- Далай, мѣстность 70.
- Далай-лама, Первый 254*.
» Второй 254, 255*.
» Третій 256*.
» Четвертый 257, 258*.
» Пятый—Великій 41, 104, 126, 218*, 259, 260.
» Шестой 261*, 262, 264.
» Седьмой 263*, 264, 265.
- Далай-лама, Восьмой 265, 266*, 267, 268.
» Девятый 267*, 268.
» Десятый 268, 269.
» Одиннадцатый 269.
» Двѣнадцатый 270.
» Тринадцатый 270, 271.
- Далай-лама, 6, 36, 105, 187, 188—190, 199, 210, 214—217, 220, 232—234, 240, 242—247, 253, 257, 269, 270, 271, 275, 276, 277, 284, 285, 291, 293, 297, 329, 333, 350, 354, 395, 396, 405.
- Далай-ханъ, Пунцокъ, сынъ Очирту-хана 260.
- Да-лама, управляетъ монастыремъ Эхин-цзакъ, утверждается Пекинскимъ правительствомъ 436.
- Далан-турганъ, урочище 62.
- Далан-туру, мѣстность 430.
- Да-лао-ѳ, старшій лао-ѳ 34.
- Дама, китайская деревня 38.
- Дамба, хошунъ-цзанги 424, 429.
- Дамба-шамо, прорицатель Брѣбуна 328.
- Дамдинъ—Хаягрива, чойчжонъ 68, 69*, 349.
- Дамма—Дамчжан-чэмо, прорицательница 328, 337.
- Дам-намакъ, мѣстность 62.
- Дамсокъ, дамскіе монголы 404, 407.
- Дам-ха = 1½ кит. цина, монета, деньги 166, 168, 176.
- Дамчжан-дорчжэ-дагданъ чойчжонъ, покровитель Брѣбунской общины Самло 327, 328.
- Дамчжан-чойчжяль, кумиръ, сдѣланный по преданію, Цзонхавой 310, 312.
- Дамчжанъ-дорчжэ-дагданъ, прорицательница этого чойчжона 229, 343.
- Дамчжанъ-чэмо, см. Дамма.
- Данбій-ванчугъ, 5-й банчэнь 366, 372, 373, 374.
- Данбій-ньима, 4-й банчэнь въ Дашій-лхунбо 372, 373*.
- Дан-ла—Убаши хайрханъ, переваль 78, 79, 80, 187, 415.
- Данцалъ Суходоевъ, бурятскій лама въ Лхасѣ 87.
- Даньба-дарчжлй—Дандарба 347, 366.
- Даньцзинъ-чойчжонъ, отецъ 9-го далай-ламы 268.
- Даньчжуръ, сочиненіе 380.
- Дао-гуанъ, время правленія 1820—1850 15, 436.
- Даонъ, камцанъ въ Брѣбунскомъ дацанѣ Гоманъ 336.
- Да-онъ, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Мадъ 349.
- Дара, см. Долма.

- Дара, мать 4-го далай-ламы 257.
- Дара-эхэ — Долма, ея храмъ въ Лабранѣ 43.
- Дарджилингъ, городъ 383.
- Дарма, тибетскій хань, прозванный за гоненія буддизма Лан-дарма 17.
- Дарма-ринчэнъ, ученикъ Цзонхавы 306, 313.
- Дарцзэ-до, см. Да-цзян-лу.
- Дарчарва, волхвъ 349.
- Дарчжай-санбо, стоялъ во главѣ монастыря Сэра во время побѣдки Шак-чжя-ешей въ Пекинъ 346.
- Дацагъ — Дагца, хутухта 136, 275.
- Дацан-дамчжа, диспутъ въ дацанѣ, въ которомъ должны участвовать всѣ имѣющіе ученія степени, кромѣ дорамба 292.
- Дацан-сума — «новый», дацанъ въ Лабранѣ 43.
- Дацанъ, факультетъ 30 — 32, 34, 43, 105, 284, 286, 289, 291—293, 298—300, 333, 339.
- Дацанъ Агинскій 399*.
- » Гоманъ въ Брѣбунѣ 41, 337, 338.
- » Цугольскій въ Забайкальѣ 14, 352.
- Да-цзян-лу — Дарцзэ-до, китайскій городъ 147, 148, 168.
- Да-чжа — факультетскій чай, 2-ое ученіе 289.
- Дашій-баданъ — Чжамьян-чойрчжэ — Цорчжи, основатель Брѣбуна, ученикъ Цзонхавы 322, 371.
- Дашій-дондубъ, бурятскій лама, спутникъ автора 74, 75.
- Дашій-донха, монастырь въ Уйѣ 364.
- Дашій-кансаръ, дворецъ въ Брѣбунѣ, построенный 6-мъ далай-ламою 325.
- Дашій-лхунбо — «масса благополучія», желтошапочный монастырь 125, 129, 179, 254, 255, 281, 282, 296, 357*, 359, 363, 364, 365*, 366, 367, 370, 371, 373, 379, 402.
- Дашій-намчжягъ, племянникъ 7-го далай-ламы, за его потомствомъ оставленъ наследственный титулъ тайчжи 1-й степени 248.
- Дашій-чжялцанъ, избранъ главою дацана Чжюд-мэдъ 296.
- Даянъ — Очирту-хань, сынъ Гуши-хана 260.
- Дерево «коралловое» 118.
- Джарнай, см. Бжяраба.
- Дзиньда, годовой курсъ ученія 290.
- Дзодъ — абидарма, метафизика 290.
- Дзодъ-нинба, 13-й курсъ ученія для дзода 290.
- Дзодъ-сарба, 12-й курсъ ученія для дзода 290.
- Дигбра — дигб(а) ра(и)цза, земноводные раки, скорпионы 344.
- Димэд-шенень, 1-й настоятель Тойсамлина въ Дашій-лхунбо 366.
- Динва, часть учебной одежды монаховъ 293.
- Дихунба, см. Брихунба.
- Доббо-чэ — «великосильный», 20-й хань Шамбалы 372.
- Дѣбда — дѣбдага, силачи между монахами 197, 294.
- Добойн-цзакъ, колодець 5.
- До-бчжягъ, каменная площадь въ Лхасѣ 292.
- Дод-ба — Верхній, дацанъ въ Сэра 347.
- Дѣдлунъ — Ямбачжанъ, долина и рѣка 221, 226*, 360.
- Додъ-гой, жилетъ, часть монашеской одежды 292.
- Долбежевъ В. В., секретарь Русскаго Генеральнаго Консула въ Ургѣ 437.
- Долкаръ, см. Тара бѣлая.
- Дол-ма — Тара бѣлая и зеленая 43*, 116.
- Долма — Дара-эхэ 43, 304, 360.
- Долон-норъ, мѣстность 43.
- Долон-шига-цзагинъ сумэ, монастырь 5.
- Домо — доммо, сосудъ для взбалтыванія чая съ масломъ 156.
- Домъ, планъ и рисунокъ по Белигатти 96*, 99, 100*, 101.
- Донго, раздача обѣда монахамъ 338.
- Дондуб-долма, мать 9-го далай-ламы 268.
- Дон-дун-чжу, 5-ый курсъ ученія для парчина 290.
- Донкоръ, городъ 14, 56, 59, 80, 424, 427, 431, 432.
- Донкоръ, рѣчка 56.
- Донхар-цзонъ — Донхаръ, развалины замка 359, 375*, 390.
- Дон-цхон-па, гробовщики, люди которые уносятъ труны 177.
- Дѣн-чѣдъ — тысяча жертвъ, состоитъ изъ 1000 свѣтильниковъ и 100 балиновъ 124.
- Дорамба, 2-ая ученая степень 195, 291, 292.
- Дордокъ Кшэтрапалы, сочиненіе 185.
- Доринъ, домъ княжеской фамилии 138, 275.
- До-ринъ — длинный камень, колонна 117, 118, 132.
- Дорчжэ — вачиръ — вишваваджра, жезлъ 189, 234, 236*, 251*, 401*.
- Дорчжэ-данъ, монастырь 390.
- Доръ, камцанъ въ дацанѣ Чжян-цзэ въ Галданѣ 311.
- До-ханъ, камцанъ дацана Шяр-цзэ въ Галданѣ 311.

- Доцä(д), ямбу = 50 сранамъ, монетная единица 168.
- Драгоценностей 7, рисунокъ 237^{*}.
- Дре-чу—Красная, рѣка 82, 83, 410.
- Дрибу, колокольчикъ 278^{*}.
- Ду—доу—четверикъ = 10 гарцамъ (брэ), мѣра сынучихъ тѣлъ 166.
- Дубхан-рибчэ, перероженецъ 352.
- Дубхан-ритодъ, около Сэра 352, 402.
- Дубъ-чэны, великіе подвижники ученія, бывшіе изъ Индіи въ IX в. 304.
- Дувба-шейрабъ, настоятель монастыря Нартанъ 364.
- Дуганъ, храмъ 34, 47, 82, 225.
- Дуг-ри, гора «зонть», около Сэра 346.
- Дугчжуба—шестидесятникъ, мистическая фигура 202, 203^{*}, 204, 210, 331, 332.
- Дудул-рабтанъ, отецъ 3-го далай-ламы 259.
- Дуйнхоръ—Калачакра, божество 32.
- Дуйнхоръ, мистическій факультетъ въ Гумбунъ 30, 32.
- Дулан-голь, рѣчка 429.
- Дулан-китъ, монастырь 53^{*}, 60.
- Дулба, дацанъ въ Брѣбунѣ закрытый 325.
- Дулба—Виная, правила монашеской жизни 290.
- Думда-гунъ, рѣчка 5.
- Думда-найчи, рѣчка 73, 88.
- Думда-хабцагай, гора 78.
- Дун-буре, перевалъ 76, 77, 418.
- Дун-жигши, придворные писцы далай-ламы 130, 188, 245.
- Дун-кар-ай-чилъ, бѣлая раковина съ кругами направо 111.
- Дунко, браслетъ изъ раковины 161.
- Дунхоръ, свѣтскій начальникъ уѣзда 157, 158^{*}, 159^{*}, 245.
- Дурбун-сомунъ, см. дабши.
- Дуртодъ, погребальное мѣсто въ Галданѣ, куда выносятъ трупы монаховъ на съѣденіе птицамъ 295.
- Духовенство 151.
- Ду-цзин-нвибій-побранъ Потала—дворецъ второго кормчаго, см. Потала.
- Дхритараштра, см. Махараджа.
- Дын-коу, городъ 7, 8.
- Дын-юань-фу—Ваян-фу—Алаша-ямунъ—Ямунъ-хото—Ямунъ, см. Алаша-ямунъ.
- Дэба, начальникъ отдѣльныхъ отраслей правленія 241, 243.
- Дэбашунъ, центральное управленіе Тибета 210, 222, 243, 245.
- Дэбо, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- Дэбо, камцанъ въ дацанѣ Цжян-цзэ въ Галданѣ 311.
- Дэлба-шибрагъ, сочиненіе по тантрамъ 298.
- Дэлгэр-хангай, гора 437.
- Дэмо-хутухта 135, 138, 220, 243, 267, 271, 275—277, 285.
- Дэмчокъ—Самвара—блаженный, покровитель дацана Чжюдь 29, 32^{*}, 297.
- Дэрису, растеніе (*Lasiagrostis splendens*) 59.
» урочище 5.
- Дэрисун-хото, городъ 8.
- Дэчэн-цзонъ, старинный замокъ 315^{*}, 397.
- Дэчень-побранъ, загородный дворецъ банчэней въ Дашій-лхунбо 370.
- Дэянъ—изобильный блаженствомъ, дацанъ въ Брѣбунѣ 325, 326.
- Егран, племя 79, 187.
- Ёнданъ-чжалбо—Царь премудрости, Гадонъ, чойчжонъ 223. Ср. Ёнданъ-чжалбо.
- Ерба, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Мадъ 349.
- Ерба-лха, монастырь 277, 303^{*}.
- Ехэ-намакъ, мѣстность 69.
- Ехэ-тунхэ, колодець 14.
- Ешей-тамба, спутникъ автора 57.
- Ж**езль шамо 333^{*}.
- Женщины въ Тибетѣ 174^{*}, 175.
- Жябра(д) камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- Забайкалье 41, 44, 434.
- Замокъ тибетскій, желѣзный 118^{*}.
- И**вановъ, ширетуи Цугольскаго дацана въ Забайкальѣ 14.
- Иг-ча, толкованія основаній буддійскаго ученія 290.
- Илэтхэлъ-шастирь, официальная лѣтопись 242, 262.
- Индія 6, 83, 108, 135, 148, 156, 159, 163, 253, 289, 350, 368, 370, 381, 383.
- Инструменты ударные и духовые, употребляемые при богослуженіяхъ 49^{*}.
- Ира, кушакъ 159.
- Иргай—Иргай-хото—Нин-ся-фу, городъ 10, 11.
- Иркутскъ 434.
- Исэлчжинъ, поляна 67.
- И**иг-цанъ, канцелярія духовныхъ дѣлъ при далай-ламѣ, совѣтъ придворныхъ писцовъ, завѣдующій духовными дѣлами 130, 214.
- Юкъ—цзэ-юкъ, рабы 150.
- Juniperus pseudosabina*, древовидный можжевельникъ, см. можжевельникъ.

- Гон-дан-чжямцо, 4-й далай-лама 25, 257, 258*, 259, 371.
- Гондань-чжялбо—«царь-знаний», Гадонъ, прорицатель въ Брѣбунѣ 328, 329.
- Гондань-чжямцо, халхасецъ, съ которымъ авторъ отплавился въ Галданъ 303.
- Гондзинь-риньбочэ—«драгоценный учитель», старшій учитель 13-го далай-ламы 270.
- Гэхэ-гэдэсуту амбань—большебрюхий генералъ, Пржевальскій 63.
- Кадайба**, монахи чтецы на мѣнламѣ 195.
- Калачакра, см. Дуйнхоръ.
- Калгано-Улясутайскій трактъ 437.
- Кал-сан-губдан-ванчукъ, 4-й перерожденецъ Чжамьян-шадбы 45*.
- Калькутта, городъ 383.
- Кам-ба, уроженецъ Кама 147.
- Камень пограничный между Алшанью и Китаемъ 19*.
- Камцанъ, земляческая община въ каждомъ дацанѣ 200, 202, 284, 286, 293, 336, 349.
- Камъ, провинція 102, 170, 269, 294, 314.
- Канъ-си, китайскій императоръ 132, 197, 240, 261, 264, 437.
- Караванъ въ пути 1*.
- Карай, шарфъ изъ кашмирской матеріи 161.
- Карба—гарба, подворья перерожденцевъ 35, 408.
- Кар-гю(д)ба, секта 179.
- Кар-ла, перевалъ и хребетъ 386.
- Кар-ма, секта 383.
- Карма-шаръ, прорицатель 183, 194, 232, 355.
- Качэнь, ученая степень въ Дашій-лхунбо 367.
- Кашмирцы—хачэ—«большеротые» 148.
- Келья монаховъ въ Лабранѣ 43, 44.
- Kiku Tamsa, см. Гой-ку-нѣб.
- Китай, 13, 15, 87, 117, 132, 165, 185, 186, 202, 239—241, 246, 247, 260, 261, 267, 285, 368, 379, 434.
- Китайцы—чжями—чжянакъ, 13, 16, 46, 147, 148, 199, 431.
- Ки-чу, см. Уй-чу.
- Кжангъ—ржангъ—хуланъ—чихэтэй, дикіи осель 59.
- Кожанъ, лодка обтянутая кожей 389.
- Козловъ, П. К. 63, 80, 424, 433.
- Кой-ку-тамса—Kiku Tamsa, мѣсто для натягиванія образа 366.
- Корго-цзасакъ, кукунурско-блѣтскій князь 59.
- Корсанъ, перерожденецъ въ Лабранѣ 46.
- Котлы для варки чая въ Ургѣ 207*.
- Кукунурскій хребетъ южный 59.
- Кукунуръ—Цинъ-хай—Цо-нонбо—Цо-омбо—Синее озеро 58, 59, 61, 84, 430, 431.
- Кукунуръ, провинція 31, 67, 259, 262, 372.
- Куку-тоно, перевалъ 72, 73, 73*.
- Куку-шилэ, хребетъ 76.
- Кукэ-бэйлэ—Кукэт-бэйлэ, хошунъ въ Цай-дамѣ 62, 63.
- Кукэдэй-байшинъ, селеніе 62.
- Кукэт-бэйлэ, см. Кукэ-бэйлэ.
- Куньга-данзинь, братъ 7-го далай-ламы, награжденный титуломъ фу-го-гунъ 248.
- Куримъ, см. гуримъ.
- Курлокъ—Курлукъ, племя 63, 404, 441.
- Курлукъ-бэйсэ, хошунъ 63.
- Куръ, гора 63.
- Кушарну, мѣстность 363.
- Кушмыкъ, рѣка 39.
- Кхаганъ = $\frac{1}{6}$ монеты 169.
- Кхэ = 4 бо, наибольшая вѣсовая мѣра 166.
- Кшэтранала, охранитель ученія, божество 29*, 185.
- Кья, адъютантъ князя 404, 445.
- Кяхта, городъ 401, 437.
- Ла**, камцанъ въ Сѣраскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- Лабдунъ, военачальникъ 242.
- Лабран-дашійнчилъ—Балдан-дашійнчилъ—Лабранъ, монастырь 40.
- Лабран-чанцзадъ—дворцовые распорядители, казначеи, завѣдующіе казной и общеказеннымъ имуществомъ 200, 201, 209, 210, 245, 275, 287.
- Лабранъ, монастырь 14, 19—21, 37, 38, 40, 41*, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 75.
- Лагой, часть учебной одежды монаховъ 293.
- Лало, иновѣрный 371, 372.
- Лама 65, 66, 76, 79, 82, 86, 187, 188, 189, 240, 294.
- Лампады 122, 153.
- Ламурчжанъ—Маголь, деревня 38, 39, 40.
- Лан-дарма, ханъ тибетскій, гонитель буддизма 17, 18, 205, 350.
- Лани—«двойной», перевалъ 84, 407.
- Ланъ серебра, монета (цѣна) 11, 38, 50, 71.
- Лань-чжоу-фу, городъ 8, 10.
- Лаосиръ, китайская слобода близъ Гумбума 36.
- Лао-ѣ, свѣтскіе чиновники въ Гумбумѣ 34.
- Ла-чжи, общемонастырскій совѣтъ 287.
- Лима, мѣдный составъ 311.
- Лицбу, небольшая музыкальная труба 234.
- Линерайи-габчжу, 3-я ученая степень 291.
- Лин-хоръ, круговая дорога вокругъ Лхасы 125, 134, 141, 319.
- Лин-цзы, павлинье перо 157.
- Линъ, дворецъ, домовый храмъ знатныхъ хутухтъ 135, 402.

- Линь-чао-бао-цзяо, китайская надпись на кумирнѣ Нэйчуна въ Брѣбунѣ 327.
- Литань, провинція 262, 264, 265, 268.
- Ли-фань-юань, инородческій приказъ въ Пекинѣ 12.
- Личжи-дорчжэ, см. Намха-чжялцань.
- Лобнерба, монахи учащіеся, занимающіеся 294.
- Лобсан-данбій-чжялцань, 18-й настоятель Гумбума, перерожденецъ чубсанскій 31.
- Лобсан-даньбій-бжюниій — Агван-Лундок-чжямцо, см. Лундок-чжямцо.
- Лобсан-дорчжи, гэской монастыря Эхин-цзакъ 436.
- Лобсан-дорчжэ, князь алашанскій, первый получилъ титулъ хошо-цинъ-вана 11.
- Лобсан-ешей, 2-й банчэнь 242, 371.
- Лобсан-цултим — Чжямба-чжямцо — Чжямбариньбочэ, Пурбу-чжогскій перерожденецъ старшій учитель 13-го далай-ламы 270, 308.
- Ловбон-Падма-чжуннай, см. Падма-Самбава.
- Ловбон-чэнь-бо, см. Падма-Самбава.
- Ловсан-няньдагъ, отецъ 10-го далай-ламы 268.
- Ловсан-риньчэнь, см. Цан-ян-чжямцо.
- Ловсан-тубдань-Чжигмэд-чжямцо, демо-хутухта 268.
- Ловсан-тубдань-чойчжи-ньима-гэлэг-намчжяль, 6-й (нынѣшній) банчэнь 374.
- Ловсан-чжямцо, см. Агван-Ловсан-чжямцо.
- Ловсан-чоймцо, мать 7-го далай-ламы 264.
- Ловсан-Чойчжи-чжялцань, лама, воспитатель 5-го далай-ламы, основатель дацана Агна въ Дашій-лхунбо, 1-й банчэнь 259, 260, 371.
- Лодой-риньчэнь-сэнгэ — Сэра-гун-чэнь, основатель дацана Чжеба въ Сэра 347, 349.
- Лодой-чжялцань — Мати-лхваджа, настоятель дацана Агна въ Брѣбунѣ 240, 325.
- Лонбо-гарь — «искусный сановникъ», посоль царя Срон-цзап-гамбо къ Непальскому хану 120.
- Лон-бо-чойчжёнъ, проризатель 19.
- Лондол-лама, тибетскій писатель 110, 371.
- Лосалинь — «міръ питающій разумъ», дацанъ въ Брѣбунѣ 125, 290, 325, 326, 336, 402.
- Ло-сарь — новый годъ по-тибетски 190, 191.
- Лошаки 62, 88.
- Лу-гонь, гонь — высшій выкупъ, человекъ назначаемый въ изгнаніе за долгоденствіе далай-ламы 214, 215, 216.
- Лумбаба — Лумбунай, свѣтскій правитель Тибета, назначенный китайскимъ императоромъ 241, 264.
- Лумбунай, см. Лумбаба.
- Лунбумъ, камцанъ въ дацанѣ Чжян-цзэ въ Галданѣ 311.
- Лундок-чжямцо — Лобсан-даньбій-бжюниій-Агван-Лундок-чжямцо, 9-й далай-лама 268.
- Лундъ, изображеніе воздушныхъ лошадей, символъ счастья и подъема энергии 337.
- Лу-хань — Драконовъ храмъ 135.
- Лха, лэг-со — хорошо 176.
- Лхавсанъ-хань — Лхацзанъ, сынъ Далай-хана, послѣдній монгольскій ханъ Тибета 260, 262, 263, 264, 349.
- Лхаданъ, поэтическое названіе Лхасы 93.
- Лха-лу гунъ, князь, потомокъ родителей 12-го далай-ламы 142, 212.
- Лха-лу гунъ, княжна 222.
- Лха-лу-бал-дорчжэ, убійца хана Лан-дарма 18.
- Лхамгой — унты, сапоги 158, 159*, 161*, 276*.
- Лхамо, богиня, покровительница дацана Чжян-цзэ въ Галданѣ 28*, 29, 312.
- Лхам-чжю(гъ), завязка у сапогъ 159.
- Лхарамба, 5-я духовная степень 195, 207, 209, 270, 291, 292.
- Лха-ржял-ло — божество побѣдило, восклицаніе 57, 231.
- Лхаса 32, 51, 57, 75, 80 — 83, 86 — 88, 91*, 93, 94, 95*, 97*, 98*, 102, 119, 125, 126, 132, 134, 142, 147, 148, 150, 155, 156, 159, 162, 165, 168, 170, 171, 175, 178, 179, 187, 192 — 194, 199, 205, 210, 214, 219, 221, 228, 229, 231, 232, 235, 241 — 243, 246, 247, 254, 255, 264, 272, 281, 285, 298, 299, 303, 305, 306, 314, 315, 320, 322, 326, 330, 331, 333, 345, 346, 354 — 356, 359 — 361, 368, 369, 379 — 381, 383, 385, 386, 389, 390, 392, 397, 401, 404, 405, 408, 428.
- Лхаса-мѣбламъ — «лхасаскія благопожеланія» — собраніе духовенства 117, 192*, 193, 194, 195*, 197, 198, 285, 292, 337.
- Лха-ха, тибетское названіе монашескаго дома 44.
- Лхахан-чэнмо, прежнее названіе Сэрдэн-чэнмо въ Гумбумѣ 26.
- Лхацзанъ, см. Лхавсанъ.
- Лха-чжиг-тибцзунъ, непальская царица, перерожденка Гнѣвной Тары 120.
- Лхоба, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- Лхо-ба, камцанъ дацана Шяр-цзэ въ Галданѣ 311.
- Лхоха, южная часть провинціи Уй 277, 374, 389, 390.
- Лхоха-ва, жители провинціи Лхоха 147.
- Лхохаскій Дагна дацанъ, см. Дагна дацанъ.

- Лхун-дуб-цзонъ, замокъ 85, 406.
- Лхун-сэдъ—патра, нищенская чаша 111, 299.
- Львиноголосый, см. Авадокитешвара.
- Лэгба-чжямцо, лама, основатель дацана Чжюдь въ Гумбумѣ 32.
- Лэг-данба, 1-й настоятель Лосалина въ Брѣбунѣ 325.
- Магагба—«безирепятственный», 21-й ханъ Шамбалы 372.
- Маголъ—Ламурчжанъ, деревня, гдѣ всѣхнуло послѣднее дунганское движеніе 1893—1894 г. 39.
- Мѣд-ба—Нижній, дацанъ въ Сэра 347, 349.
- Мѣд-югъ, нижняя юбка монашеской одежды 161, 292.
- Мѣдъ—Нижній, основной дацанъ въ Галданѣ 295.
- Мадьямика, см. Ума.
- Майтрея—Чжамба-гонбо—Будда будущаго міра 25, 27, 28*, 29, 42*, 105, 198.
- Майтрея, его статуя въ Емба-лха 304.
- » то же въ Самъяй 395.
- » то же въ Брѣбунѣ 323.
- » то же въ Ронскомъ Чжямчэнѣ 363.
- Манай-байшинъ, см. Цауцэй-байшинъ.
- Манба-дацанъ — медицинскій факультетъ 31, 136, 137*, 138.
- Мангиръ, дикій лукъ 77.
- Мандалъ, символическое изображеніе всего міра 111, 112*, 189, 217, 271, 374, 375.
- Манджуры 241, 248, 260, 264.
- Манджушри—Чжамьянъ 20*, 25, 110, 113, 260, 312, 323, 324, 347.
- Мани, молитва 44, 84, 114, 301*, 304.
- Мани-рилву, красныя шлюли приготовляются въ монастырѣ Емба-лха 304.
- Мани-ханъ, домикъ, въ которомъ хранится самооявившееся мани, возлѣ Емба-лха 303, 304.
- Ман-чжя—«чай для множества», подносимый духовенству Лхасаскаго мѣнлама 200.
- Марбо-ри—красная гора, на которой стоитъ Потала 93, 126, 132.
- Марнюнъ, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Мѣдъ 349.
- Марсан-лха (Мар-цзанъ у Потанина), монастырь 17, 18*.
- Мар-цзанъ, см. Марсан-лха.
- Мати-дхаджа—Лодой-чжялцанъ, лама 240, 325.
- Махакала—Гонбо—Великій Черный—шестирукій, божество 25, 29, 51*, 305.
- Махараджа—Вайшравана 105*.
- » Вирудхака 104*.
- Махараджа—Вирушакша 104*.
- » Дхритараштра 105*.
- Махараджа—Чжал-чен-ши—Великій царь 103, 104.
- Махаяна—Великая колесница 345.
- Ма-чу—Хуан-хэ—Хатунай голъ, см. Хуан-хэ.
- Миг-цэ-ма—верхъ стремленія, хвалебная молитва Цзонхавѣ 138, 288.
- Мин-сэнгэ—«людской левъ», 22-й ханъ Шамбалы 372.
- Миларайба, поэтъ и проповѣдникъ 113, 114*, 219.
- Милэху, обычай цайдамскихъ охотниковъ угощать ружье свѣжей кровью 420.
- Миньягъ, перероженецъ въ Гумбумѣ 35, 433.
- Миньягъ, родъ тангутскаго племени Бумтаръ, живетъ на сѣверѣ Кукунура 57, 60, 431.
- Ми-нягъ, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Мѣдъ 349.
- Ми-сре—ми-сэръ, свободные крестьяне, арендаторы 150.
- Мицанъ, болѣе мелкое подраздѣленіе камцановъ 284, 286, 292, 293, 338.
- Мицанъ халхаскій 87, 287, 330, 331, 352, 364.
- Мичжѣд-дорчжэ 110.
- Можжевеликъ древовидный (*Juniperus pseudosabina*) 48, 60, 61.
- Мѣ-мѣ, пирожки печенье на пару 155.
- Монахи, монахини — Рабчжюнь — совершенно вышедшіе 173, 282*.
- Монголія 6, 10, 18, 32, 36, 37, 41, 46, 55, 80, 87, 122, 228, 257, 258, 261, 284, 314, 371, 372, 403, 425.
- Монголы 37, 46, 55—57, 74, 75, 81, 88, 150, 257, 258, 261, 262, 286, 287, 294, 404, 415, 426—428, 431.
- Монголы алашанскіе 11; верхніе 79; кукунурскіе 59; цайдамскіе 37, 66, 187, 251; дам-скіе 247, 404, 407; чахарскіе 424.
- Монеты тибетскія 167*, 168, 169*, 170*.
- Мѣнлам-дабъили чжѣбъ, благопожеланіе 170.
- Мѣнламъ Лхасаскій — большой — мѣнламъ-чэнмо 47, 117, 192—194, 195*, 196—198, 199, 205, 206, 208—210, 214, 283, 292, 337.
- Мѣнламъ малый—цок-чѣд-мѣнламъ 183, 192*, 214, 216, 219, 220, 283, 292.
- Монъ-цзонъ, мѣстность 262.
- Мѣ-хог, горшокъ для печенія пирожковъ на пару 155.
- Мурсэйн-голъ, рѣка 78, 88.
- Мѣхи для раздуванія огня 73, 74.
- Мэнъ-гу-ю-му-цзи, китайское сочиненіе 63.
- Мэ-поръ, жаровня, глиняный горшокъ съ углями 101, 153.

- Мэру-линь, дворець Ронскаго хутухты въ Лхасѣ 135, 136.
- Мэ-шинъ, дрова, аргаль 155.
- Наймаанъ-субурга—восемь субургановъ 84.
- Найчжи, переваль 64, 75, 78, 79.
- Найчжин-голь—Найчжи, рѣка 71, 72, 74.
- Найчун-цзан-ханъ, храмъ въ Лабранѣ 47, 48.
- Найчун-чойчжонъ—царь Бэхаръ, хранитель ученія 29, 30, 47, 216, 228, 232, 257, 276, 326, 327*, 328, 329, 332, 337, 343.
- Навчу, селеніе 80, 88, 187, 245, 407, 416, 422.
- Нак-чу, рѣка 82, 83, 410.
- Нак-чу гонба—Нак-чу-цзонъ, монастырь 82.
- Нак-чу-цзонъ, см. Нак-чу-гонба.
- Накчу-цонра, мѣстность 80, 88, 404, 408, 410.
- Нам-бу, тибетское сукно 164.
- Нам-дэль—праманавартика, ученіе о логикѣ 290.
- Намцонъ—«весьма давящій», 19-й ханъ въ Шамбалѣ 371, 372.
- Намха-чжялцанъ—Личжи-дорчжэ, учитель Цзонхавы 305; его субурганъ 305*.
- Намчжал-тайчжи, придворный чиновникъ алашанскаго вана 3.
- Намчжидь, мать Гэндунъ-дуба 364.
- Намчжял-бутидь, мать 10-го далай-ламы 268.
- Намчжял-дагна, отецъ 3-го далай-ламы 256.
- Нам-чжяль—Намчжя-ра, дворцовый дацанъ въ Потагѣ 129, 204.
- Намчжя-ра, см. Нам-чжяль.
- Намчжяръ, часть учебной одежды монаховъ 293.
- Нап-кар-цзэ, замокъ 386.
- Нап-каръ—На-ха, долина 386.
- Напма, помощникъ шамо 333.
- Напсо, свѣтскій начальникъ уѣзда въ Нак-чу 82, 245.
- Напца(д)-шягъ, судилище 193.
- Напчигу-улашь-мурэнь, рѣка 77.
- Нарин-цзуха—узкій ровъ, переваль 421.
- Нартанъ, цзанскій монастырь 295, 296, 364, 379.
- На-ха—долина дикихъ козъ, см. Нап-каръ.
- Непаль 119, 125.
- Непальцы—бэл-бо 148, 149, 198, 362.
- Нерба, казначей общины 330, 331.
- Нерцанъ-дэба, казначей, завѣдующій имуществомъ дацана 285, 286.
- Нижній, см. Мад-ба.
- Нималай-лунъ, падь 40.
- Нима-чжялцанъ, 1-ый духовный цзэдунъ 243.
- Нйн-ма, Нйн-маба, старая секта 179, 215, 381, 390.
- Нин-ся-фу—Пргай-хото—Пргай, городъ 10, 11.
- Новый монастырь, см. Гонбо-саръ.
- Ногон-тохой, мѣстность 72.
- Номогон-голь, рѣка 67.
- Номогонъ-хото, покинутая китайская крѣпость 67, 71.
- Номунъ-ханъ—чжялцабъ—бѣд-чжялбо, титулы намѣстника далай-ламы 244.
- Норбу-лиха, лѣтній загородный дворець далай-ламы 142*, 199, 219, 233.
- Норбу-пунцокъ, получившій титуль фу-гогуна 248.
- Норбу-цэринъ, братъ дэмо-хутухты, добившійся назначенія лабран-чянцзада 275—277.
- Норзуновъ Овше 202*.
- Ноянъ-хонхоръ, хошотскій ханъ, отецъ Гунши-хана 259.
- Ноянъ-хошочи, получилъ титуль цзасака тайчжи 1-ой степени 249.
- Ноянъ-элису, урочище 5.
- Ньага = 4 кит. ланамъ, вѣсовая единица 166.
- Ньетанъ, мѣстность 360, 386.
- Ньимай чжил-хоръ, солнечный кругъ 272.
- Ньин-ма, старая секта 179.
- Ньяндагъ, перерожденецъ въ Лабранѣ 46.
- Няг-ронъ, бывший дацанъ въ Галданѣ 311.
- Няг-рэ, камцанъ дацана Шяг-цзэ въ Галданѣ 311.
- Нял-ба, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- Нямби-хото—Нянь-бо-сянь, городъ 17.
- Нян-бо, камцанъ дацана Шяг-цзэ въ Галданѣ 311.
- Няндагъ, врачъ, основатель медицинскаго факультета въ Гумбумѣ 31.
- Нян-чу—Цзанбо-шяръ—Чжян-цзэ-чу, рѣка 364, 369, 380.
- Нянь-бо-сянь, см. Нямби-хото.
- Пяти-цзаньбо, 1-ый тибетскій царь 253, 390.
- Обо—обонъ, священная куча камней и разныхъ другихъ приношеній 15, 79, 321*, 333, 405.
- Обработка полей 172.
- Огчжу(г), мужская рубашка 158.
- Одсэр-пугъ, дворець Цзонхавы въ Галданѣ 310.
- Ойраты, племя 259.
- Олѣты, племя 11, 46, 287.
- Олха, уѣздъ провинціи Уйи 270.
- Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ, молитва 44, 304.
- Оронго-цзодъ—*Pantholops Hodgsoni* 70, 76, 417.

- Орось, по-монгольски европеецъ 13.
 Орхимджи, см. сэнь.
 Ослы дикіе 84.
 Очирту-ханъ — Даянъ, сынъ Гуши-хана 260.
- Пабон-ха**, ригтодь около Сэра, принадлежитъ далай-ламѣ 347, 350*, 351*.
Пагба Чжан-рэй-сигъ, см. Авалокитешвара.
Паг-гё(й)-хаб-шюгъ, женское украшеніе, футляръ для иглокъ 162.
Падмапани—двурукій, бодисатва 236*.
Падма-Самбава (Бадма-)—Ловбон-чэнь-бо — Ловбон-Падма - чжуннай, проповѣдникъ буддизма въ IX в. 178, 219, 326, 394, 430.
Паломники на привалѣ 89*.
Пандита, наслѣдовалъ титулъ тайчжи 1-ой степени 249.
Пандырь старинный тибетскій 211*.
Пан-юль — Пэн-юль — Пэн-бу, мѣстность по долинѣ рѣки Пэнбо 85, 220.
Пари, тибетское мѣстечко 383.
Парма-лхарамба, 5-ая ученая степень, пріобрѣтаемая покушкой у далай-ламы 291.
Парчинъ—парамита, нравственная философія 290.
Парчинъ-донмо, 9-ый курсъ ученія для парчина 290.
Патра, см. лхун-сэдъ.
Па-чжю(чжюг)-чжи — отстраняйся, бѣги прочь 192, 198.
Пекинъ 6, 10—12, 184, 262, 263, 268, 327, 346, 372.
Перерожденцы въ Лабранѣ 46.
Печатники буряты 402*.
Печать далай-ламы 272*.
Пилинъ-гормо—«англійскій кругъ», индійскія рупіи, монета 170*.
Пин-хуа-чэнь—Чжён-лунъ, городъ 16.
Планъ и видъ очага 154*.
Планъ и разрѣзь дома въ Лхасѣ 96*.
Планъ Лхасы 95*, 97*, 98*.
Планъ окрестностей Лхасы 343*.
Планъ схематическій храма Большого Чжу 103*.
Планъ схематическій храма Малаго Чжу 119*.
Плети 34, 81*.
Плита пограничная между Алашанью и Китаемъ 15.
Побран-карбо, бѣлый дворець Поталы 130.
Побран-марпо, красный дворець Поталы 128, 194.
Побѣдоносный, см. Шакьямуни.
Погъ, установленная раздача муки, денегъ 300.
- Подставка** и крышка для фарфоровыхъ чашекъ 165*.
Подстаканникъ съ крышкой 368*.
Позднѣевъ А. М., профессоръ 253.
Поклоненіе въ растяжку 124*.
Поланай, см. Полхаба.
Полхаба—Поланай—Соднам-доб-чжя, свѣтскій правитель Тибета, одинъ изъ трехъ назначенныхъ китайскимъ императоромъ 241, 242, 248, 249, 264, 265.
По-мдо-чу, рѣчка 85, 404, 409.
По-мдо-цзонъ, замокъ 85, 407.
Помѣстье богатое 86*.
Потала—Лу-цзин-ньибій-побранъ Потала 86, 93*, 94, 125, 126* — 130*, 134, 136, 141, 142, 166, 168, 183*, 187, 192, 194, 204—206, 217, 219, 247, 264, 269, 319*, 354, 359, 402, 427.
Потанинъ Г. Н. 17, 29.
Похан-ханъ, одинъ изъ 5 царей чойчжён-новъ 228.
По-ханъ, камцанъ дацана Шяр-цзэ въ Галданѣ 311.
Праджня-парамита—Чжя-дён-па, сочиненіе 14, 15.
Пратимокша, см. Ярнаи.
Пржевальскій Н. М. 13, 63, 64, 67, 79, 270, 425.
Приньлай-чжямцо—Тинлай-чжямцо, 12-ый далай-лама 270.
Прическа женская 159, 160.
Прическа мужская 156*.
Пул-нан-цзуг-лаг-ханъ—храмъ чудеснаго сіянія, храмъ статуи Чжу, привезенной непальской царевной 93.
Прэнба, см. тамба.
Пу мэйренъ-цзангинъ, китайскій сановникъ 265.
Пугба, астрологъ 372.
Пуми, безрукавка 161, 162*.
Пунцок-ванмо, мать 8-го далай-ламы 265.
Пунцок-цэванъ, отецъ 12-го далай-ламы 270.
Пунцокъ, сынъ Очирту-хана, внукъ Гуши-хана, принялъ титулъ Далай-хана 260.
Пурба или пурбу, гвоздь, орудіе употребляемое при богослуженіяхъ заклинательнаго характера 341*, 342, 354.
Пурбу - чжогскій перерожденецъ—Чжямбариньбочэ — Юндзинъ-риньбочэ, старшій учитель 13-го далай-ламы 268, 269, 270, 276.
Пурбу-чжогъ, ригтодь около Сэра 352, 353*, 402.
Пуцзинъ, военачальникъ 242.
Пэбъ—«пожалуйте» 288.

- Пэнбо, рѣка 85, 86, 179.
 Пэн-юль, см. Пэн-юль.
Pantholops Hodgsoni, см. оронго-цзодь.
- Ра**, женскія косы 159, 160.
 Рабтанъ, разбойникъ 55, 56.
 Раб-чжунъ — «шестидесятилѣтїе», надпись на монетахъ 168.
 Рабчжюнь — «совершенно вышедшїй», т. е. ушедшїй изъ дома, отъ мірской жизни, монахъ и монахиня 173.
 Рабчжямба — «весьма милосердный», 1-ая ученая степень въ дацанскихъ дацанахъ 291.
 Рага-шягъ, домъ 138.
 Ра-дэнскїй хутухта 84, 135.
 Радэнъ, монастырь 84, 409.
 Раку, рѣчка 56.
 Рамалунъ, деревня 361.
 Ра-мочэ, храмъ Малаго Чжу 119*, 120, 121*, 122, 136, 397.
 Ра-чу, рѣка 83—85, 407, 409.
 Раянь — кжангъ — хуланъ — чихэтэй 59.
 Ригдан-дагбо, 25-й ханъ Шамбалы 371, 372.
 Ригсум-гоньбо — троица: Чжамьянь, Чагдоръ и Чжан-рэй-сигъ — Манджушри, Ваджранани и 4-хрукїи Авалокитешвара 312.
 Ринчэн-цзондуи-чжямцо, лама 25.
 Ринчэн-чжалцанъ, сподвижникъ Цзонхавы, основатель дацана Шяр-цзэ въ Галданѣ 311.
 Ринь-бун-цзонъ, замокъ 260, 363.
 Ритодъ, скитъ, келья отшельника 40, 349.
 Ритодъ Цзэтанъ 398*.
 Ро-лоцзава — рогатый толмачъ 323.
 Ронбо, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Мадъ 349.
 Ронъ, рѣка, долина, ущелье 260, 362, 363, 371.
 Рунханъ, кухня 43.
- Сабли** тибетскія 213*.
 Сайръ-усу, урочище 3.
 Сакья (сакья, сачжя), красношапочная секта 179, 373, 381.
 Сакья-пандита, настоятель монастыря 373.
 Сакьяскїй монастырь 364, 379, 380.
 Салары, китайскіе турки, племя 37, 38, 39, 46, 50.
 Сам-дуб-цзэ, см. Шихацзэ.
 Самло, камцанъ въ Брѣбунѣ 200, 287, 328, 331.
 Самло, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба 287, 349, 352.
 Самло, камцанъ въ дацанѣ Чжян-цзэ въ Галданѣ 311.
- Самтан-кансаръ, снѣговая гора 83, 409.
 Самъ-яй, монастырь 216, 277, 322, 389*, 390, 393*, 394, 395*, 396, 397.
 Санан-сэцэнъ, писатель 257, 394.
 Сангасна, секта 14.
 Сангїйнъ-далай, монастырь 437.
 Сангун-далай, см. Ундур-хайрханъ.
 Сандуй — собраніе тайнаго, книга 295.
 Сандуй — тайный, божество, покровитель дацана Чжюдь 297.
 Санпу, монастырь 228, 232, 281, 322.
 Сан-чжѳр-гэ-сумъ, общее названіе монастырей Санпу, Чжѳрмолунъ и Гадонъ 281.
 Санчжяй-ранчжямба, алашанецъ 434—436.
 Санчжяй-чжямцо, дѣба, ученикъ и сотрудникъ 5-го далай-ламы 127, 261, 262.
 Сан-чу, рѣка 40, 41, 44, 47, 80, 413, 414.
 Сан-чун-ская казенная станція 83.
 Санъ — кушанье, напутственная молитва 57.
 Санъ-лао-ѳ, третїй лао-ѳ 34.
 Сарба, новая секта 179.
 Сачжя-Гуньга-нин-бо, 46-й перерожденецъ, знаменитый ученый 253.
 Са-ян-чжинъ, застава 16.
 Свѣчи курительныя — 6ѳй 34, 61.
 Сеймъ тангутскихъ старшинъ 58.
 Сеймъ Улан-цабскїй 5.
 Секта гэ-луг-па, господствующая 179, 381.
 » кар-гю(х)-ба 179.
 » кар-ма 383.
 » ньин-ма — нїн-ма, старая красношапочная 179, 215, 381, 390.
 » сакья, красношапочная 179, 373, 381.
 » сангасна 14.
 » сарба, новая 179.
- Сил-ябма-бжяй до-дугъ, опахало изъ перьевъ павлина далай-ламы 272.
 Симханъ, спальня 43, 99.
 Синее озеро, см. Кукунуръ.
 Синин-фу — Сэлинъ, городъ 19.
 Сининъ, рѣка 17, 18.
 Сог-бо, камцанъ дацана Шяр-цзэ въ Галданѣ 311.
 Сограмба, ученая духовная степень 195.
 Содагъ — Соднам-дагна, перерожденецъ въ Лабранѣ 46.
 Соднам-ванчжяль наследовалъ титулъ тайчжи 1-ой степени, но за его провинностиютомство его было лишено этого титула 429.
 Соднам-дагна, см. Содагъ.
 Соднам-дагна, 14-й намѣстникъ Цзонхавы въ Галданѣ 290, 311.
 Соднам-дагна, 15-й намѣстникъ Цзонхавы въ Галданѣ, учитель 3-го далай-ламы 257, 325, 349.

- Соднам - дарчжйй, отецъ 7-го далай-ламы, возведенъ въ степень фу-го-гунъ 248, 264, 265.
- Соднам-дарчжйй, отецъ 8-го далай-ламы 265.
- Соднам-даший, отецъ 4-го халхаскаго Чжэ-бцзун-дамба хутухты, дядя 8-го далай-ламы 265, 268.
- Соднам-доб-чжя, см. Полхаба.
- Соднам-чжямцо—моредобродѣтели, 3-й далай-лама 25, 256*, 257, 284, 325.
- Сѳй-чжя, чай, подносимый далай-ламѣ поклонниками 271.
- Сомунъ, рота, подраздѣленіе хошуна 5.
- Сонамъ кья, адъютантъ князя, курлукъ 404, 411, 415, 417, 419, 420.
- Соръ 185, 186, 204, 215, 216.
- Сочжэд-шон-ну, основатель тибетской медицины 138.
- Со-чжя, золотая серьга 157.
- Срад-чжюдь, монастырь 296.
- С(р)анъ—ланъ, монетная единица 168.
- Срид-бйй-хорло, символическое изображеніе мірскаго круговорота 334. Ср. Бхава-чакра.
- Срон-цзан-гамбо, тибетскій царь, легендарный основатель Лхасы 90*, 93, 107, 108, 113*, 114, 120, 135, 246, 253, 350.
- С(р)ун-дудъ—цзангя, шнурокъ съ благословеннымъ узломъ, охранительный узелъ, предохраняющій отъ несчастій 189, 235, 271.
- Субурганъ—ступа, чайтъя 24, 25, 26*, 61*, 132, 235*, 438*.
- » проходной 132, бар-чѳд-дэнъ.
- » около Ерба-лха 303.
- » Намха-чжялцана 305*.
- » въ Гумбумѣ Сэрдэн-чэнмо 26.
- » въ Лабранѣ 47.
- » Чжя-ронха-шѳръ 125.
- » далай-ламъ въ Поталѣ 129.
- » золотой, надъ прахомъ Цзонхавы въ Галданѣ 308.
- » надъ могилами намѣстниковъ въ Галданѣ 308.
- » по дорогѣ въ Сэра 344.
- » въ Ньетанѣ 360.
- » многодверный въ Чжян-цзэ 381, 382*.
- » въ Самъ-йй 395.
- » семь, около перевала Чог-ла 406, 409.
- » семь, около Урги 409*.
- » въ Дашйй-лхунбо 364.
- » около ямы близъ монастыря Галдонъ 221.
- Сулга, мѣрва вѣса = 30 китайскимъ фунтамъ 11.
- Сумеру, мнѳическая гора 111, 112, 339.
- Сумэ, часовня, храмъ 65, 304, 306, 308.
- Сумэйин-худукъ, колодець 9.
- Сумэр - дайчинъ, отецъ 4-го далай-ламы 257.
- Сун-чанъ, деревня 16.
- Сун-чой-ра, площадь въ Лхасѣ 206.
- Сун-чу, камцанъ дацана Шяр-цзэ въ Галданѣ 311.
- Сун-шан-ская равнина 409.
- Сурба, отставные хамбо 287.
- Сурцза, сынъ Лхавсана, послѣдняго монгольскаго хана Тибета 264.
- Суръ—сила земли, вліяніе разрѣженнаго воздуха 75.
- Сухай, см. тамариксъ.
- Суходоевъ, Данпэлъ, лама, землякъ автора 87.
- Сы-чу-анъ, китайская провинція 147, 148.
- Сэксэгэръ—мохнатые, прозвище накчускихъ тибетцевъ 88.
- Сэлинъ, см. Синин-фу.
- Сэ-ибрѣ-гэ-сумъ, общее названіе монастырей Сэра, Брѣбуна и Галдана 185, 186, 192, 208, 214, 245, 281, 285, 290, 298, 367.
- Сэнгэ, зайсанъ и заланъ, тайчжинаръ 404, 410, 422.
- Сэнь—орхимчжи (монг.), покрывало, часть монашеской одежды 200, 293.
- Сэра, обиталище великой колесницы - махаяны, монастырь 111, 119, 184, 196, 209, 270, 281, 282, 284, 287, 288, 295, 314, 328, 341, 343, 344, 345, 346*, 347, 348*, 349, 350, 352, 355, 356, 371, 402.
- Сэра-гун-чэнъ, см. Лодой-ринъчэнъ-сэнгэ.
- Сэра-тэг-чэн-линъ—Сэра, обиталище великой колесницы или Махаяны 345.
- Сэра-Чжэ-бцзун-ма, см. Чойчжи-чжялцанъ.
- Сэра-чойденъ, ритодъ, гдѣ жилъ Цзонхава 295, 345, 350.
- Сэрбумъ, золотая урна, въ которую кладутся билетки съ именами кандидатовъ въ далай-ламы 268, 269.
- Сэр-гонъ, золотая лампада 109*.
- Сэрдон-чэнмо, золотой субурганъ, надгробіе надъ прахомъ Цзонхавы въ Галданѣ 308.
- Сэрдэн-чэнмо, священное дерево въ Гумбумѣ 24—26.
- Сэрку, соленое озеро 62.
- Сэр-пранъ—сэр-тэнъ—золотыя четки, процессія 216, 217*.
- Сэрти, Галданскій намѣстникъ 46, 186, 204, 208, 215.
- Сэртогъ, перерожденецъ въ Гумбумѣ 35.
- Сэрханъ, камцанъ въ дацанѣ Чжян-цзэ въ Галданѣ 311.

- Сэрхэ, пески 14.
- Сэрчжэмъ—золотой напитокъ, ячменное вино 57, 115.
- Сэтабъ—краснолицыи на рыжемъ конѣ, чой-чжёнъ, покровитель дацана Шяр-цзэ 232, 257, 312.
- Сэшинь, падь 39, 40.
- Сюань-дэ, китайскій императоръ 346.
- Сюань-цы-фу-фу—«повсюду распространяетъ блаженство», китайская надпись на цокчэн-дуганѣ въ Галданѣ 310.
- Таба, торговая слободка около Лабрана 46.
- Табјокъ, свѣтскій прислужникъ 192, 193, 198, 205, 206, 216.
- Табунъ-Цайдамъ, мѣстность 62.
- Табъ, очагъ 153, 154*.
- Тай-намчжягъ—«безконечно побѣдоносный», 24-й ханъ Шамбалы 372.
- Тайцзунъ—манжурскій полководецъ 260, 261.
- Тайчжи, китайскій чинъ 241, 252, 253, 275.
- Тайчжинаръ, народность 63, 64, 67, 404, 410, 411, 421, 422, 433.
- Талду, казначейство, завѣдующее казной и имуществомъ далай-ламы, также и лицо, занимающее этотъ постъ 245.
- Тамариксъ—сүхэй (монг.), растение *Tamarix Pallasii* 63, 65, 67, 72, 428.
- Тамбэйса, мѣстность 363.
- Танба—прэнба, четки 279*, 293.
- Тангарикъ, см. Гаръ.
- Тангуты—бѣ(д)ба—амдо-ва—миньягъ, племя 14, 16, 37, 38, 46, 55, 57, 59, 60, 74, 147, 414, 415, 424, 426, 430.
- Тантра—тарни-чжюдь, мистическое ученіе 295, 298, 325, 345.
- Тантун-чжялво, строитель моста 385*, 386.
- Тан-чжяй-лингъ—«мѣстопробываніе распространенія ученія», дворець 133*, 135.
- Та-онъ, камцанъ дацана Шяр-цзэ въ Галданѣ 311.
- Тара—двадцать одна 114.
- Тара бѣлая—Долкаръ, богиня 217.
- Тара зеленая, см. Дол-ма—Дара-эхэ.
- Тараната—Гуньга-ни-бо, знаменитый ученый 253, 402.
- Тарни, см. тантра.
- Тарничи, заклинатель 68.
- Та-сы—«монастырь ступы», китайское названіе монастыря Гумбума 23.
- Татары—салары 37.
- Тиба—ширету, основатель монастыря, настоятель, называется престольнымъ 34, 283.
- Тибетскій ханъ—бѣдчжи-чжялбо, титуль далай-ламы 243.
- Тибетцы—бѣ(д)ба 142, 147, 219, 262, 264, 362, 405, 414.
- Тибетцы накчускіе 88.
- » уйскіе 156—162.
- Тибетъ—вѣчная страна 6, 10, 19, 25, 36, 37, 40, 41, 44—47, 50, 51, 55, 57, 64, 67, 71, 72, 76, 78, 80, 85, 87, 93, 94, 104, 110, 115, 117, 120, 122, 126, 130, 135, 136, 148, 149, 155, 156, 171, 173, 174, 177—179, 186, 205, 210, 216, 220, 225—227, 240—242, 245—249, 253, 255, 257, 259, 260, 261, 264, 265, 271, 277, 281, 282, 284, 289, 297, 300, 314, 319, 322, 326, 328, 345, 346, 354, 356, 362, 368, 369, 371, 372, 379, 380, 389, 392, 394, 396, 401—403, 406, 430.
- Тибетъ центральный 216, 240, 255, 264, 277, 314, 322, 360, 383, 401.
- Ти-кѣр-чжу-геумъ, тринадцать главныхъ областей Тибета 240.
- Тисрон-дэвцзанъ, тибетскій царь, 41-й перерожденецъ Авалокитешвары 110, 253, 303, 394.
- Ти-тогъ—ти-цзинь, занимающій престолъ избранный глава монастыря 32, 283.
- Ти-цзинь, см. ти-тогъ.
- Тойнъ, духовное лицо изъ княжичей 428.
- Тойсамлинъ—Чжялба, дацанъ въ Брѣбунѣ закрытый 325.
- » дацанъ въ Дашій-лхунбо 366.
- Том-си-ханъ, общественное зданіе въ Лхасѣ для именитыхъ иноземцевъ и пословъ 140, 184.
- Томъ, рынокъ, торговая площадь 44.
- Тон-ба, первый свѣтскій галонъ 243.
- Торгоутскій мицанъ 287.
- Тосо, колодець 14.
- Труба, употребляемая при богослуженіи 50*.
- Тубдан-чжиг-мэдъ, перерожденецъ Чжамьян-шадбы въ Лабранѣ 46.
- Тубданъ - чжямцо—Агван-лобсан-тубданъ - чжямцо - чжиг-брал-вапчук - Чѣглѣй-намчжягъ, 13-й нынѣшній далай-лама 270, 271.
- Тугна, похлебка, подносимая духовенству во время мѣлама 200, 206.
- Туг-чжэ-чэн-бо—Авалокитешвара—Арьябало—Чжан-рѣй-сигъ, его статуя 107, 108.
- Туг-чжэ - чэн-бо-ран-чжѣн-нья-данъ, статуя Арьябало въ Лхасѣ 108.
- Туй, обрядъ омовенія 112.
- Тукумун-сумэ, монастырь 6, 7.

- Тумэты, монголы 226.
Тун-ши, чиновникъ 58.
Туруль-байхуръ—Гоошири, см. Гуши-ханъ.
Тууганъ, перерожденецъ въ Гумбумѣ 35.
Туше-гунъ, китайскій чинъ 5, 248, 436, 437.
Тушету, ханскій аймакъ 5.
Тэбо, камцанъ дацана Шяр-цзэ въ Галданѣ 311.
» камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Майдъ 349.
Тэбчійн-булумъ, урочище 5.
Тэнгри-даба, переваль 17.
Тэнгри-элису, пески 14.
Тэнгэликъ, мѣстность 69.
Тэрма, матерія, тонкое тибетское сукно 164, 292, 392.
- Убаши—гэнень, монашеская степень 364.
Убаши-хайрханъ, см. Дан-ла.
Уборы головные камскихъ женщинъ 385.
» » лхохаскихъ женщинъ 392.
» » саларскихъ женщинъ 39*.
» » цзанскихъ женщинъ 384, 385.
- Уй, провинція 94, 147, 179, 241, 263, 270, 277, 295, 296, 359, 362, 364, 374, 384, 389.
Уйцзан-гунъ, князь 5.
Уй-чу—Ки-чу—Чжи-чу, рѣка 85, 94, 134, 142, 193, 199, 204, 216, 228, 233*, 303, 305, 306, 319, 326, 359, 360, 361*, 389, 390, 405.
Улан-цабскій сеймъ южныхъ монголовъ 5.
Уланъ - мурэнь — Хантагай-уланъ-мурэнь — Чу-маръ, рѣка 76.
Улчу, монастырь 402.
Умà—Мадьямика, діалектическая система Нагарджуны 290.
Умà-ниба, 11-й курсъ ученія для умы 290.
Умà-сарба, 10-й курсъ ученія для умы 290.
Умцзадъ—цокчэн-умцзадъ, главный уставщикъ, должность 186, 195, 196, 208, 215, 227, 297, 335.
Ундур-хайрханъ — Шангин-далай — Сангун-далай, гора 14.
Унты—лхамгой—лхамго, обувь, сапоги 149, 158, 159*, 276*, 292.
Уранъ, см. Гаръ.
Урга—Ганданъ 3*, 4, 10, 11, 409*, 411, 423, 433, 436*, 437.
Ургинскій хутухта 3, 4*—11*, 247.
Урду-гулай, мѣстность 70.
Урмукъ, шерстяная рогожа 13.
Уртай-амбанъ—сердитый генераль (Пржевальскій) 64.
Урту, ключъ 67.
- Урчжанъ, вѣнецъ 111.
У-тай-шанъ, монастырь 345.
- Факультеты—дацаны въ Гумбумѣ: богословскій—цан-нидскій 30; медицинскій—манбадацанъ 31; мистическій—дуйнхоръ 32; мистическій—чжюдь 32.
Фу-го-гунъ—помогающій государству гунъ, китайскій чинъ 241, 248, 265.
Фынъ, китайская монетная единица 7, 8, 169.
- Хабцагай, горы 78.
Хадагъ, 1-й курсъ ученія логики 290.
Хадакъ, шелковый шарфъ для подношенія 15, 48, 109, 184, 187, 189, 210, 214, 224, 230, 271, 284*, 331, 337, 354, 375, 424, 429.
Хайдуб-гэлэг-балсанъ, 2-ой намѣстникъ Цзонхавы въ Галданѣ 308, 311, 312, 371, 372.
Хайдуб-чжямцо, 11-ый далай-лама 269.
Хайленъ, см. Ярнай.
Хайнакъ, см. Цзо.
Халха 5, 12, 433, 434.
Халхасцы 259, 261, 286, 287.
Хамбо—ти-тогъ, правитель, стоящій во главѣ духовенства, духовный глава дацана, выбирается изъ ученыхъ ламъ на 6 лѣтъ 33, 34, 208, 225, 243, 286, 287, 291, 297, 333, 337, 339.
Хамбо въ Гумбумѣ 34, 82, 186.
» брѣбун-гоманскіе 46.
» дацана Чжеба въ Сэра 354.
» Лабрана 45.
» накчускій 81, 82, 245.
- Хамдонъ, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба 349, 287.
Хамдонъ, камцанъ въ Брѣбунѣ 287.
» камцанъ въ дацанѣ Чжян-цзэ въ Галданѣ 311.
Хам-ча, тяжба 426.
Ханà, часть юрты 12.
Хангай, мѣсто съ обильной растительностью и водой 4.
Хан-ньерьъ, управляющій домою, старшій дворникъ 101, 102.
Ханчэн-най, правитель Тибета, назначенный китайскимъ императоромъ 241, 243, 248, 264.
Ханы ширагольскіе 67.
Ханьер-чэн-бо, старшій святильщикъ, сидитъ около статуи Чжу 109.
Хантагай-уланъ-мурэнь, см. Уланъ-мурэнь.
Ханчик-уланъ-мурэнь, рѣка 76.
Хара-нуръ, озеро 62.
» мѣстность 421.
Хара-обд, урочище 14.

- Хара-сульта—цзэренъ, антилопа 16.
Хара-толгой, колодець 4.
Хармакту, ключь 5.
Хармыкъ, растение 67.
Харнъ, гонгъ 338.
Ха-ротъ, ширина матеріи 166.
Хасъ, яшма 265.
Хатунай-голь—Ма-чу, см. Хуан-хэ.
Хача(дь)— $\frac{5}{6}$ монеты, недостатокъ одной части 169.
Хачжиръ, мѣстность въ Цайдамѣ 404.
Хачэ—большеротый, такъ называютъ кашмирцевъ 148.
Хаягрива, см. Дамдинъ.
Хире, хребетъ горъ 431.
Хог-ди, чайникъ 155*.
Хог-ма, котель 155.
Хоир-ундуръ, горы 5.
Хойто-тулай, мѣстность 71, 88.
Хони-хой, овца (монг.) 432.
Хорголчжи, рѣка 67.
Хормузда—Чжя-чжинъ 120.
Хоръ, помощникъ чойчжѣна 47.
Хото-нугой, мѣсто добыванія соли въ Алашани 8.
Хошанъ, 18-ый архать 300*.
Хошоты цинхайскіе 61, 63.
Хошо-цинъ-ванъ, титулъ князя алашанскихъ монголовъ 11, 12.
Хошунъ 5, 11, 431, 434.
» алашанскаго цинъ-вана 5.
» гобійскаго туше-гуна 5.
» таичжинарскій 63, 64, 71.
» цайдамскій 63.
» цин-хай-вана 61.
Храмъ большого Чжу 102, 117.
Хребетъ южно-кукунурскій 59.
Хри, мистическій знакъ 222.
Хуанди—Манджуши—Чжамъянъ 260, 265.
Хуан-хэ—Желтая рѣка—Ма-чу—Хатунай-голь 7, 10, 37—39, 50, 63.
Хуберъ, урочище 5.
Хубилай-ханъ 240.
Хуйтун-чирикъ, поляна 79.
Хулацъ—кѣангъ—ржанъ—чихэтэй 59, 417, 418, 428.
Хумэ-лунъ—Хумэй-лунъ, деревня 40.
Хурай-чинда, урочище 7.
Хурдэ, молитвенный цилиндръ 275*.
Хурѣ, монастырь 65.
Хутухта 55, 247.
» дацагскій 225.
» радэнскій 84.
» ургинскій 55, 56, 247, 331.
Хутухтуйн-гэгэнъ, перерожденецъ 60.
Хырма Цзун-цзасака—Цзунэй байшинъ 65.
Хэрэмъ, крѣпость 65.
Хэшанъ 117.
Хэ-шу, китайскій сановникъ 262.
Цаба, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба; то же въ дацанѣ Мадъ 349.
» камцанъ въ Галданскомъ дацанѣ Чжян-цзэ 311.
» камцанъ въ Галданскомъ дацанѣ Шяр-цзэ 311.
Цагалганъ, монгольскій Новый годъ 17.
Цаган-булакъ, мѣсто добыванія соли въ Алашани 8.
Цаган-сонджа, см. Байдунъ.
Цаган-хошунъ, мѣстность 13.
Цаганъ, рѣчка 65.
Цаганъ-нуръ—бѣлое озеро 429.
Цайдамка 65*.
Цайдамцы, верхніе монголы 66, 187.
Цайдамъ, соляное болото, соляная грязь 55*, 60, 62, 63—65, 71, 78, 88, 187, 372, 403, 404, 411, 413, 416, 421, 425, 427*, 428, 430—434.
Цалгунтанъ, монастырь 298, 326, 345.
Ца-(м)до, см. Дабусун-нуръ.
Цан-данъ, сандалное дерево въ Гумбумѣ 24—27*, 29.
Цан-нидскіе диспуты 289.
Цан-нидъ—«истинное свойство», богословскія науки 30, 43, 289, 325, 366, 367.
Цанъ-шабъ-хамбо 270.
Цан-ян-чжямдо—Ловсан-ринъчэнъ, считается тибетцами 6-мъ далай-ламой, но китайскимъ императоромъ не былъ признанъ 6, 262.
Цаторъ, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Мадъ 349.
Цаца, статуэтка какого-нибудь божества изъ глины 310.
Цзаба, городъ 38.
Цза-ба-а—цзаба, 5 книгъ, основы догматики 289, 290.
Цзабсар-кукэтъ, живущіе въ Кукэт-бэйлэ 63.
Цзакъ—саксауль, растение 8.
Цзамба, поджаренный ячмень или ячменная мука, толокно 51, 171, 176, 177, 304, 431.
Цзампоръ, деревянная чашка съ крышкой для цзамбы 153.
Цзамхокъ, мѣшокъ для цзамбы 164*, 299.
Цзанба, владѣлецъ Шихацзона 368, 371.
Цзан-ба, житель провинціи Цзанъ 147, 362.
Цзанбо-чу—Браманутра, рѣка 359, 360, 361, 362, 363, 364, 386, 389, 390, 392, 410.
Цзанбо-шяръ, см. Нян-чу.

- Цзангя, см. с(р)ун-дудь.
- Цзанскія женщины 385.
- Цзан-хань, храмъ въ Лабранѣ 47, 48.
- Цзанцы, жители провинціи Цзанъ 362.
- Цзан-чу, рѣка 363.
- Цзанъ, провинція 147, 197, 241, 254, 265, 295, 359, 362, 364, 384.
- Цзасакъ 63, 66, 425.
- Цзасакъ-лама, правитель дѣлъ хутухты 244, 245.
- Цза-танъ, деревня 362.
- Цзо—хайнакъ, помѣсь яка съ рогатымъ скотомъ 172.
- Цзодъ—оронго, *Pantholops Hodgsoni* 76, 417.
- Цзон-бонъ, начальникъ цзона, уѣзда 245.
- Цзонха, оврагъ въ Гумбумѣ 23.
- Цзонхава, реформаторъ ламаизма, его статуи въ Гумбумѣ, Лабранѣ, Лхасѣ 24, 25, 26, 29, 32, 35, 36, 42*, 43, 108, 111, 120, 179, 197, 204, 227, 257, 260, 281, 283, 288, 289, 295, 296, 298, 305, 306, 308, 310, 311—314, 322, 323, 326, 345, 350, 364, 367, 370—372, 381.
- Цзонхавизмъ 66.
- Цзонъ, уѣздъ 249, 250.
- Цзоньдуй-чжалцанъ-санбо, лама, строитель монастыря Гумбумъ 25.
- Цзу—Чжово, см. Чжу.
- Цзун-хитъ, монастырь 13.
- Цзун-цзасакъ 63, 66, 423, 424—427, 429, 431.
- Цзунэй-байшинъ—Манай-байшинъ—хурѣ—хэрэмъ—Цзунъ-цзасагай—хырма Цзун-цзасака 65, 68, 69.
- Цзуха, колодець 8.
- Цэдунъ, чиновникъ духовнаго званія, управляющій уѣздомъ 187, 222, 245.
- Цзэ-жокъ, рабы 150.
- Цзэйтанъ, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- Цзэмо, чойчжонъ и его дуганъ въ Самъ-яй 396.
- Цзэренъ—хара-сульта, антилопа 16.
- Цзэтанъ, монастырь и городъ около него 322, 359, 389, 390, 391*, 392, 398*.
- Цзюнь-ванъ, китайскій чинъ или званіе 241, 242.
- Цзя-цинъ, китайскій императоръ 268.
- Цибикъ чая 11.
- Цилиндръ молитвенный—хурдэ 113, 114, 116*, 275*, 387*, 396*.
- Цин-хай-ванъ—шинъ-ха-ванъ, князь 60, 61.
- Цинъ, китайская монетная единица 8, 11, 38, 56, 71.
- Цинъ-хай, см. Кукунуръ.
- Цинь-ванъ алашанскій 6.
- Цог-буль—поднесеніе собранія духовенства, наивысшее подношеніе далай-ламѣ во время лхаскаго мѣнлама 272.
- Цограмба, 4-ая ученая степень 291, 292.
- Цо-дугъ, община подданныхъ Гумбума 33.
- Цок-дамъ—рѣчь собранію, изложеніе правилъ большого мѣнлама 193, 194, 196.
- Цок-дамъ, рѣчь новыхъ шамо въ Брѣбунѣ 335, 336, 337.
- Цокто Бадмажаповъ, казакъ бурятъ въ экспедиціи П. К. Козлова 424, 425.
- Цокто-ханъ, современникъ Гуши-хана 61.
- Цокто-хуре, монастырь 14.
- Цок-чѣд-мѣнламъ—малый мѣнламъ, происходящій въ Лхасѣ съ 20 по 30-ое второй луны 214, 285.
- Цокчэн-гэбкой, см. шамо.
- Цокчэн-дуганъ—«домъ для сбора великаго схода», домъ, въ которомъ происходятъ общія собранія монаховъ всего монастыря для богослуженій 282, 288, 292.
- Цокчэн-дуганъ въ Брѣбунѣ 323, 325, 331, 335.
- » » » Галданѣ 306, 310.
- » » » Гумбумѣ 29, 30*, 31, 42.
- » » » Дашій-лхунбо 366.
- » » » Лабранѣ 44.
- » » » Самъ-яй 395*.
- » » » Сэра 350.
- » » » Цзэтанѣ 392.
- » » » Ямунѣ 9, 10.
- Цокчэн-дэба, казначей, завѣдующій всѣмъ общемонастырскимъ имуществомъ, назначается настоятелемъ на 6 лѣтъ 286, 287.
- Цокчэн-тиба, такъ именуется хамбо въ Лабранѣ 45.
- Цокчэн-умцзэдъ, главный уставщикъ 195, 288, 334.
- Цокчэн-чжиба, комитетъ лао-ѣ по управленію свѣтскими дѣлами Гумбума 34.
- Цокчэн-чжисо, домъ гдѣ живутъ лао-ѣ и гдѣ собирается цокчэн-чжиба 35.
- Цокчэн-чоймцзэдъ, званіе 195.
- Цокчэн-шамо—гэбкой, назначается для административно-судебнаго управленія монастырей 34, 284, 332, 333—336.
- Цок-чэнъ—«большое собраніе», вся монастырская община 284, 286.
- Цона-цзонъ, городъ 392.
- Цо-нонбо—Цо-омбо, см. Кукунуръ.
- Цон-ра—томъ, «торговый дворъ», рынокъ 36*, 44.
- Цон-ра, мѣстность 411.
- Цорчжи, см. Дашій-балданъ.

- Цохаскій миданъ 287.
- Цугольскій дацанъ въ Забайкальѣ 14, 352.
- Цултим-чжямцо — Чжамбал-чжялцанъ, 10-ый далай-лама 268, 269.
- Цэбэг-мэд-чжи ванъ, посвященіе, коимъ дается право читать эту книгу 232.
- Цэбэг-мэдъ, см. Аюши.
- Цэван-дондубъ, отецъ 11-го далай-ламы 269.
- Цэван-рабтанъ, чжунгарскій завоеватель 264, 355.
- Цэго, кольцо 161.
- Цэма-ванчжяль, основатель дацана Нягронъ въ Галданѣ 311.
- Цэмю-линъ — «мѣстопробываніе желанія долголѣтія», дворецъ въ Лхасѣ 135, 140.
- Цэрин-ванчжяль, помощникъ Полхабы, первый свѣтскій галонъ 243, 249.
- Цэрин-дондубъ, чжунгарскій полководецъ 264.
- Цэрин-юдонъ, мать 12-го далай-ламы 270.
- Цэринъ, главнокомандующій манджурской арміей 243.
- Цэтаръ—охраненіе жизни 79.
- Цэчог-линъ—«міръ высокаго возраста», монастырь 142, 402.
- Цэчэнъ, монастырь 380.
- Цян-лунъ, китайскій императоръ 132, 240—242, 265, 266, 268, 371, 372.
- Чабрилъ, мѣдная фляжка для воды, носится монахами на поясѣ 283*, 293.
- Чагбо-ри—Чжягбо-ри, Чжагбо-ри, гора 132, 134, 136, 137*, 144*.
- Чагдоръ, см. Ваджранани.
- Чаг-ла—переваль Руки 85, 361, 406.
- Чай, процессъ его завариванія 44.
- Чанринъ, стоимость водки, на чай 338.
- Чанъ, тибетская водка 141.
- Чахарун-худукъ, колодецъ 8.
- Чаша жертвенная 109, 153.}
- Чашка деревянная съ крышкой 156*.
- Че(дб)чжя(дъ) — разсѣченная половина = 1/2 монеты 169.
- Чётки 279*.
- Чжябъ—мѣнлам-дабъ, благопожеланіе 170.
- Чжагбо-ри, см. Чагбо-ри.
- Чжа-игъ, утвердительная грамота 46.
- Чжанкъ, законоположеніе большого мѣн-лама 196.
- Чжала-са, деревня 360.
- Чжал-чен-ши, см. Махараджа.
- Чжамба, перерожденецъ въ Лабранѣ 46.
- Чжамба-гонбо, см. Майтрея.
- Чжамбал-дэлэг-чжямцо, дэмо-хутухта, 1-й замѣститель далай-ламы 243, 267.
- Чжамбал-чжялцанъ, см. Цултим-чжямцо.
- Чжамбал-чжямцо, 8-ой далай-лама 265, 266*, 267, 268.
- Чжамьян-кун-сигъ, храмъ въ Гумбумѣ 31.
- Чжамьян-чойрчжэ, см. Дашій-балданъ.
- Чжамьян-шадба, его перерожденцы, а также титуль настоятелей Лабрана 14, 30, 40, 42, 43, 45, 46, 48, 49, 75, 87, 113, 290, 325.
- Чжамьян-шягъ, домъ, гдѣ останавливался авторъ въ Лхасѣ 87.
- Чжамьянъ, см. Манджушри.
- Чжан-рэй-сигъ, см. Авалокитешвара.
- Чжанчжа-хутухта, придворный лама въ Пекинѣ 244*, 346.
- Чжартайн-дабасуну-байшинъ, домики Чжартайской соли 7.
- Чжартайн-нуръ, озеро 7.
- Чжахоры, племя живущее въ окрестностяхъ Гумбума 37, 56.
- Чжа-чѣдъ, сто жертвъ 123.
- Чжашитанъ, равнина усмиренія враговъ 142, 143*, 355.
- Чжеба или Чжейба, дацанъ въ Сэра 287, 347, 349, 352, 354.
- Чжедъ, случайная раздача пожертвованій 300.
- Чжиба, казначей Лабрана 45.
- Чжиг-чжэдъ—Ямантака, Страшный, покровитель дацана Чжюдь, божество, старшина чойчжѣновъ, съ 9 головами, 34 руками и 16 ногами 25, 29, 52*, 297, 310, 323, 329, 340*.
- Чжил-ханъ, богословскій дацанъ въ Дашій-лхунбо 366.
- Чжил-хоръ, солнечный кругъ 272.
- Чжинъ-ба-балъ, 2-й настоятель дацана Чжюд-мэдъ 296.
- Чжинъ-ху—Чжинъ-коу, мѣстечко 57.
- Чжир-римба, монахи общественные дацановъ Чжюдь 297, 298.
- Чжи-чу, см. Уй-чу.
- Чжишаб-хамбо, 1-ый совѣтникъ далай-ламы 130, 188, 245, 276.
- Чжово, его статуя въ Гумбумѣ 29.
- Чжово, см. Чжу.
- Чжово-балдан-Адиша, индійскій проповѣдникъ въ Тибетѣ 85, 135, 360.
- Чжово-Ми-чжѣд-дорчжэ, статуя Чжу-рамо-чэ 120.
- Чжово-ханъ, храмъ въ Гумбумѣ 29.
- Чжово-ханъ, кварталъ въ Лхасѣ 200, 397.
- Чжово-Шакьямуни, его статуя въ Самъ-ляй 395.

- Чжогба-чжанбалъ, 1-ый настоятель Брѣ-
бунскаго дацана Дэянъ 325.
- Чжѳи-лунъ, см. Пин-хуа-чэнь.
- Чжѳи-лунъ, рѣка 17.
- Чжонэ, мѣстность 294.
- Чжо-нэ, камцанъ дацана Шяр-цзэ въ Гал-
данѢ 311.
- Чжонзѳийскій, номун-ханъ 135.
- Чжѳормолунъ, монастырь 226, 227*, 228, 281,
298, 322.
- Чжосотускій сеймъ южныхъ монголовъ
227.
- Чжѳоэцзы—чжядчжѳгъ, желтыя носилки да-
лай-ламы 272.
- Чжу—Цзу—Чжово, его статуя въ ЛхасѢ 93.
- Чжунгай-чѳдба, жертва 15-го числа 37, 198,
199.
- Чжунгары, племя 241, 261, 355, 362.
- Чжу-ра-мо-чэ, Малый Чжу, его статуя 120,
197, 397, 405; храмъ 119, 120, 121*, 122, 136,
140, 191, 217, 299.
- Чжу-ринбочэ, Большой Чжу, его статуя 93,
99*, 109, 110*, 111, 112, 149, 170, 184, 185,
197, 247, 345, 397, 405; храмъ 102*, 105,
106, 118, 125, 138, 141, 147*, 162, 163,
166, 183, 184, 191, 193, 195, 196, 198,
199, 201, 205, 206, 208, 209, 215, 216,
218, 220, 228, 292.
- Чжурчедь, манджурскій мицанъ 287.
- Чжу-Шакьямуни 110.
- Чжу-шѢ—«знаетъ Будда», клятва 87.
- Чжэ-бзун-ба сэраскій 290, 366.
- Чжэ-бзун-дамба, ургинскій перерожденецъ
3.
- Чжэ-бзун-дамба, его первое перерождение 4*;
2-ое—5*; 3-ье—6*; 4-ое—7*, 265, 268;
5-ое—8*; 6-ое—9*; 7-ое—10*; 8-ое—нынѢ
живущій 11*, 189, 402.
- Чжэбъ, дацанъ въ Сэра 287.
- Чжэ-лама—Цзонхава 313.
- Чжэ-лха-ханъ, храмъ со статуею Цзон-
хавы въ ЦзэтанѢ 392.
- Чжюд-дѳдъ—Верхній чжюдъ, дацанъ 120, 125,
136, 295—297, 299, 304.
- Чжюд-мѳдъ—Нижній, основной, мистическій
дацанъ 32, 215, 216, 295, 296, 297, 299.
- Чжюдъ, мистическій дацанъ въ ГумбумѢ
30, 32;—въ ЛабранѢ 43;—вообще 124, 185,
186, 199, 216, 295, 300, 312, 350, 366.
- Чжюнбрай, 2-ой курсъ ученія логики 290.
- Чжюрмэдь Ванчжяль, внукъ Полхабы 248.
- Чжюрмэдь Намчжяль, сынъ Полхабы 242,
248.
- Чжюрмэдь Цэбтанъ, сынъ Полхабы 242,
248.
- Чжя, дацанъ въ Сэра 347.
- Чжябгонъ - тамчжя - чэньба — «всебѳдующій
спаситель», титулъ далай-ламы, такъ на-
зывается его народъ и духовенство 257.
- Чжя-дѳн-па, см. Праджня-парамита.
- Чжядчжѳгъ, см. чжѳоэцзы.
- Чжя-пгъ, перерожденецъ въ ГумбумѢ 432,
433.
- Чжялба, см. тойсамлинъ.
- Чжял-рабъ, сочиненіе 110.
- Чжялронскій хутухта 136.
- Чжялронъ, мѣстность 294.
» камцанъ въ дацанѢ Чжян-цзэ въ
ГалданѢ 311.
- Чжялцабъ, см. бѳд-чжялбо.
- Чжялцабъ-дарма-риньчэнь, 1-ый намѳст-
никъ Цзонхавы въ ГалданѢ 308, 311,
312, 313, 364.
- Чжялцанъ, побѳдный знакъ, символическій
цилиндръ изъ разноцвѳтной матеріи 217.
- Чжялцанъ въ ГалданѢ 312.
- Чжялцанъ - санбо, настоятель монастыря
Сэра 347.
- Чжялчжедь, камцанъ въ Сэраскомъ дацанѢ
Чжеба 349.
- Чжямба-дашій, составитель руководства
богословія 311, 349.
- Чжямба-риньбочэ, Пурбу-чжогскій переро-
жденецъ, учитель 13-го далай-ламы 270,
352.
- Чжямкоръ, обнесеніе изображенія Майтреи
вокругъ квартала Чжу 198.
- Чжямчѳ(дъ)—сто жертвъ, подношеніе 100 ма-
лыхъ лампадъ и 100 небольшихъ бали-
новъ 184.
- Чжямчэнь, ронскій монастырь 363.
- Чжямчэнь-чѳирчжэ, см. Шак-чжя-ешей.
- Чжянакъ—чжями, китайцы 147.
- Чжянбум-гѳнъ, храмъ въ ЛхасѢ 136.
- Чжян-рѳй-сиг-ги ванъ, посвященіе, коимъ
дается право читать эту книгу 232.
- Чжян-цзэ, монастырь и городъ 379*, 380,
381, 383*, 384, 385, 386*.
- Чжян-цзэ—сѳверная вершина, дацанъ въ
ГалданѢ 287, 297, 311, 312.
- Чжян-цзэ-чу—Цзанбо-шяръ, см. Нян-чу.
- Чжян-чуб-бумба — Чжян-чуб-одсэръ, учре-
дитель Нижняго дацана въ Сэра 347.
- Чжян-чуб-линъ, монастырь 215, 216.
- Чжян-чуб-одсэръ, см. Чжян-чуб-бумба.
- Чжянши, китайская матерія съ разноцвѳт-
нымъ шитьемъ, мантия 188.
- Чжя-ронха-шѳръ, субурганъ въ НеналѢ 125.
- Чжя-хогъ, горшокъ для храненія чайной
настойки 155.

- Чжа-чжинь, см. Хормузда.
 Чжяягъ, перерожденецъ въ Гумбумѣ 35.
 Чилхординъ, круговой навѣсъ 105.
 Чи-маръ, мука и масло, новогоднее кушанье 191.
 Чингисханъ 38.
 Чиндамани — драгоценности, символическое изображение 217.
 Чихуръ, халхаскій князь 259.
 Чихэтэй, см. хуланъ.
 Чог-ла — Чог-цзэ-ла, переваль Руки 83, 84, 409.
 Чог-цзэ-ла, см. Чогла.
 Чодба, см. Чжунгай-чодба.
 Чой-гой, учебная одежда монаховъ 293.
 Чой-гэрганъ, учитель богословія 289.
 Чойдакъ, халхаскій монголь по прозвищу сахалту — бородатый 433, 437.
 Чоймцадъ дацанскій, камцанскій или мицанскій — устроитель священнаго ученія, званіе 195, 294.
 Чойндамъ, неучебное время 44, 289.
 Чойнчжоръ Аюшіевъ, бурятскій лама, спутникъ автора 81.
 Чойра, учебный дворъ дацановъ 311.
 Чойрчжэ, почетная должность Галданскихъ дацановъ Шяр-цзэ и Чжян-цзэ 297, 312, 327.
 Чойрчжэ, см. гурганба.
 Чой-тогъ, учебное время 44, 289.
 Чойчжи 64, 79.
 Чойчжи-чжялцанъ — Сэра Чжэ-бцзун-ма, перерожденецъ Шак-чжя-ешей 347, 352.
 Чойчжёнъ-цэмо, государственный оракуль Тибета 231.
 Чойчжёнъ, духи, хранители ученія 47, 66, 68, 183, 184, 186, 216, 220—224, 225, 226, 228, 229, 230, 232, 310, 326, 327, 328, 329, 332, 355, 381, 396.
 Чён-чжяй, область 259.
 Чохъ, китайская мѣдная монета 15^{*}, 36.
 Чуба, халать 159.
 Чубинъ, сосудъ для воды (носятъ на спинѣ) 155.
 Чувсанъ, монастырь 47.
 Чуй-шинда, карбасъ, лодка 360.
 Чулун-онгоца, колодезь 15.
 Чу-маръ, см. Уланъ-мурэнь.
 Чумиглунъ, монастырь 298.
 Чунсаръ-гонъ, 7-ой курсъ ученія для парчина 290.
 Чунсаръ-огъ, 6-ой курсъ ученія для парчина 290.
 Чурама, сосудъ для воды 155.
 Чуринъ — длинная рѣчка, деревня 38^{*}.
 Чу-срин-ха, деревня 363.
 Чу-шур-цзонъ, замокъ 360.
 Чэшэй, перерожденецъ въ Гумбумѣ 35, 57, 81, 82.
 Чям-ра, дворъ въ храмѣ большого Чжу 104, 105.
 Чянцзадъ, см. лабран-чянцзадъ.
Шабдан-лха-хапъ, храмъ въ Гумбумѣ 29.
Шабдог-ба, помощникъ цокчэн-гэбкою 34.
Шабдэгма, помощникъ шамо 192—194, 196, 198, 216.
Шабинаръ, подданный Ургинскаго хутухты 287.
Шаб-пай, совѣтъ, состоящій изъ 4-хъ галоновъ 242.
Шабри, прислужникъ шамо 333, 411, 413, 416; его шанка 334^{*}.
Шагцзадба — шанзаба — шаганцзадъ, правитель дѣлъ Лабранскаго перерожденца 45.
Шадда, дворець въ Лхасѣ 138.
Шак-чжя-ешей, основатель монастыря Сэра 345, 346, 347.
Шакьямуни, см. Будда.
Шалу, монастырь 380, 402.
Шамбала, сѣверная война 371, 372, 375.
Шамбалай-мёнламъ, молитва 375.
Шамо — цокчэн-гэбкой — «правитель добродѣтели великаго собранія», правитель монастыря 34, 184, 186, 192, 193, 196, 197, 200, 201, 204, 206, 208, 209, 214, 216, 227, 284—286, 288, 332, 333, 334, 335^{*}, 336, 337.
Шангин-далай — Сангун-далай, см. Ундурхайрханъ.
Шандон-димэдъ, 1-ый хамбо дацана Шяр-цзэ въ Дашій-лхунбо 366.
Шанхай, хребеть 5.
Шаньдиба-лодой-чжялцанъ, банчэнь 366.
Шанка безкозырка 157^{*}.
 » дунхоровъ 157, 158^{*}.
 » ламская учебная 392^{*}.
 » сановниковъ 158^{*}.
 » свѣтской прислуги 158^{*}.
 » соболья 157.
 » цзонхавинская 34.
 » шабри 334^{*}.
 » шасэръ, служилаго духовенства 194, 293, 334^{*}.
Шара-голь, рѣчка 63.
Шарга, ущелье 60.
Шасэръ, шапка служилаго духовенства 194, 293, 334^{*}.
Шейраб-сэнгэ, ученикъ Цзонхавы, основатель дацана Чжюд-мэдь 295, 296, 364, 366.

- Ши-брай, рись, подносимый поклонниками далай-ламѣ 271.
- Ши-ва-цзы, падь 16.
- Шидувъ, 3-й курсъ ученія логики 290.
- Шидэ-линъ — «мѣстопробываніе четырехъ отдѣловъ», дворець въ Лхасѣ 135.
- Шила, твердая песчаная площадь 69.
- Шинза, перерожденець матери Цзонхавы 35.
- Шин-неръ, завѣдующій дровами, хозяйственной частью 192, 193, 337.
- Шин-ра—дровяной дворъ, 2-ой дворъ Чжовохана 105, 117.
- Шинъ-ха-ванъ, цинхайскій ванъ 60.
- Шинэ-чойра, монастырь 5.
- Ширагольскіе хавы, см. Ханы.
- Ширетуй, настоятель 14, 65, 267, 283.
- Шихацэ — Сам-дуб-цэ, городъ и замокъ 246, 260, 357*, 359, 365*, 367, 368, 379, 380, 383, 384.
- Шинмаревъ Я. П., русскій генеральный консулъ въ Ургѣ 437.
- Шлемъ, старинный желѣзный 212*.
- Шяпа духовныхъ чиновъ 287*.
- Шо—таракъ, кислое молоко 331.
- Шогаъ—1 цинъ— $\frac{2}{3}$ монеты 169*.
- Шога-чойра, утреннее ученіе на богословскомъ факультетѣ 289, 338.
- Шогаги, папка для книгъ 299.
- Шодъ—низъ, поселки свѣтскихъ жителей около замковъ 368, 369.
- Шри-бадзаръ, бурятскій лама 14.
- Шуг-на, хвоя древовиднаго можжевельника 48.
- Шугуйн—голь, рѣчка 72.
- Шунлайва цокчэнскій, завѣдующій учебной частью 291.
- Шунъ-чжи, китайскій императоръ 260.
- Шэйраб-санбо, перерожденець Ачжя 33.
- Шэн-цзы, мѣра для цамбы 166.
- Шюру, коралль 160, 384.
- Шяг-горъ, дацанъ въ Брѣбунѣ, закрытый 325.
- Шяда, княжеская фамилія 244, 276.
- Шянтабъ, часть монашеской одежды, верхняя юбка 292.
- Шяр-цэ—восточная вершина, дацанъ въ Галданѣ 290, 297, 311, 312.
- Шяр-цэ, дацанъ въ Дашіи-ахунбо 366.
- Э-ба, камцанъ въ Сараскомъ дацанѣ Чжеба 349.
- Эбкэсунъ, рѣчка 65.
- Эго, серьги женскія 160.
- Эргэцүль—Эргэцэ, мѣстность 62.
- Эргэцэ, см. Эргэцүль.
- Эрдэни-Цзу, монастырь 64.
- Эррль-лао-ѣ, второй лао-ѣ 34.
- Эхин-цзакъ, монастырь 436.
- Эхинъ—Хабцагай—верхняя, гора 78, 79.
- Ю**, бирюза 160, 384, 385.
- Юлчжанъ, 4-ый курсъ ученія логики 290.
- Юндун-бутидъ, мать 11-го далай-ламы 269.
- Юндун-бэйсэ, мѣстность 411.
- Юндун-бэйсэ-байшинъ въ Монголіи 411, 412*.
- Юндун-бэйсэ-кюрэ 412*.
- Юнь-ло, китайскій императоръ 345, 346.
- Юнь-чжэнъ, китайскій императоръ 240, 241, 248.
- Юрта 8, 12, 74.
- Ютог-гонбо, тибетскій врачъ 138.
- Ютог-гунъ, князь, его домъ 140.
- Ютог-самба—бирюзовый мостъ въ Лхасѣ 141*, 217.
- Я**бши-гунъ, братъ нынѣшняго далай-ламы, его домъ 140.
- Яки, подъ ярмомъ 172*.
- Якша, женскій духъ 178.
- Ямантака, см. Чжиг-чжэдъ.
- Яманъ, коза 432.
- Ямбачжанъ, см. Доддунъ.
- Ямдок-цо—Яр-брок-мцо, — Ямдокъ, верхнее уединенное озеро или озеро верхнихъ пастбищъ 359*, 361, 362, 386.
- Ямдокъ, округъ 362.
- Ямунъ — Ямунъ-хото — Дын-юань-фу — Ваянфу, см. Алаша-ямунъ.
- Ямунъ, монастырь 10.
- Ямынь китайскаго резидента 139*.
- Ямынь, присутственное мѣсто 433, 437.
- Янтра Парнашавари, заклинаніе 376*.
- Ярба, монастырь 298.
- Ярлунгъ, долина 390.
- Ярнай—хай-ленъ — пратимокша, ежегодное собраніе для чтенія покаянныхъ молитвъ 288, 304.
- Я-сы, городокъ 40.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

Подбирая иллюстраціи къ сочиненію *Г. Ц. Цыбикова*, мы прежде всего использовали его фотографіи, снятыя въ исключительно трудныхъ условіяхъ и которыя вмѣстѣ съ фотографіями *О. М. Норзунова* являются *первыми* фотографіями, когда-либо снятыми въ Тибетѣ—эта заслуга принадлежитъ, благодаря нашимъ паломникамъ буддистамъ—буряту и калмыку, Россіи. Нѣкоторыя фотографіи *Норзунова*, также, какъ и фотографіи *Цыбикова*, составляющія собственность Русскаго Географическаго Общества, были нами использованы. *Г. Ц. Цыбикову* же принадлежатъ планы и чертежи, кромѣ трехъ взятыхъ изъ раѣе изданнаго матеріала. Мы старались систематически избѣгать пользованія уже извѣстнымъ матеріаломъ для иллюстрацій. Источниками для насъ служили богатые собранія нашихъ музеевъ, главнымъ образомъ Музея Антропологии и Этнографіи Россійской Академіи Наукъ; значительную помощь оказалъ намъ долго жившій въ Тибетѣ, близкій Далай-лама Хамбо-лама Агванъ *Доржисѣвъ*.

Знакомъ * обозначены немногія изображенія, взятые изъ печатныхъ источниковъ.

[Первоначально было предложено приложить слѣдующія девять фототипическихкихъ таблицъ, но затѣмъ, по разнымъ обстоятельствамъ, это оказалось невыполнимымъ; если къ этому представится возможность, онѣ будутъ выпущены дополнительно.]

I. Портретъ автора, къ стр. VII; II. Цзонхава и два главныхъ его ученика, къ стр. 25; III. Будда врачеванія, къ стр. 102; IV. 21 тара, къ стр. 114; V. Гуши-ханъ, съ женой и сыномъ, къ стр. 260; VI. Манджушри, Авалокитешвара, Ваджранани, къ стр. 312; VII. Бхавачакра (Колесо жизни), къ стр. 345; VIII. Адиша, къ стр. 360; IX. Падма-самбава, къ стр. 395].

Рисунки въ текстѣ.

	СТРАН.
1. Караванъ въ пути	1
2. Урга (Ганданъ)	3
3. Первое перерожденіе Чжэ-бцун-дамба-хутухты	4
4. Второе » » » » »	5
5. Третье » » » » »	6
6. Четвертое » » » » »	7
7. Пятое » » » » »	8
8. Шестое » » » » »	9
9. Седьмое » » » » »	10
10. Восьмое » » » » »	11

	СТРАН.
11. Праджня-парамита	15
12. Чохъ	15
* 13. Марсан-гха	18
14. Пограничный камень между Алашанью и Китаемъ	19
15. Манджушри	20
* 16. Гумбумъ	23
17. Львиноголосый Авалокитешвара	24
18. Субурганъ надъ деревомъ цан-данъ	26
19. Обрубокъ дерева цан-данъ	27
20. Майтрея	28
21. Чагдоръ	28
22. Лхамо	28
23. Кшэтрапала	29
24. Цокчэн-дуганъ въ Гумбумѣ	30
25. Царь Бэхаръ въ группѣ «пяти царей»	31
26. Дэмчокъ (Самвара)	32
27. Габаль (чаша черепъ)	33
28. Цон-ра въ Гумбумѣ	36
29. Головной уборъ саларскихъ женщинъ	39
30. Банакъ	40
* 31. Лабранъ	41
32. Майтрея	42
33. Цзонхава	42
34. Долма	43
* 35. Четвертый перерожденецъ Чжамьян-шадбы	45
36. Ударные и духовые инструменты, употребляемые при богослуженіи	49
37. Труба, употребляемая при богослуженіи (въ раскрытомъ и сложенномъ видѣ)	50
38. Шестирукій Махакала	51
39. Ямантака	52
40. Дулан-китъ	53
41. Цайдамъ	55
42. Субурганъ	61
43. Перекочевка цайдамцевъ	63
44. Гонбо-гуру (Бѣлый Махакала)	64
45. Цайдамка	65
46. Гэсэр-ханъ	68
47. Дамдицъ (Хаягрива)	69
48. Гэсэр-ханъ	70
49. Бром-тон-ба	84
50. Богатое помѣстье	86
51. Паломники на привалѣ	89
52. Царь Срон-цзан-гамбо	90
53. Лхаса съ востока	91
54. Потала—дворецъ далай-ламы	93
55. Копія съ большого Чжу	99
56. Видъ дома, молитвенныхъ цилиндровъ и молитвенной мачты. Изъ рукописи капуцина Беллигати (по фотографіи А. Н. Казнакова)	100
57. Крыши храма Большого Чжу, издали	102
58. Вирупакша, махараджа	104
59. Вирудхака	104
60. Вайшравака	105
61. Дхритараштра	105
62. Десятирукій Авалокитешвара (обычный видъ)	106

	СТРАН.
63. Десятиликій Авалокитешвара (болѣе рѣдкій видъ)	107
64. Жертвенная чаша	109
65. Сэр-гонъ	109
66. Чертежъ расположенія статуи въ комнатѣ 7 плана храма Большого Чжу (стр. 103).	110
67. Мандалъ	112
68. Царь Срон-цзан-гамбо	113
69. Миларайба	114
70. Золотое гау Эрмитажа (въ Эрмитажѣ)	115
71. „ „ (въ Эрмитажѣ)	115
72. Молитвенные цилиндры (чертежъ)	116
* 73. Тибетскій желѣзный замокъ	118
74. Путь змѣи черезъ гору (чертежъ)	120
75. Храмъ Ра-мочэ и домъ Галдан-кансаръ	121
76. Балны для разныхъ божествъ	123
77. Поклоненіе въ растяжку	124
* 78. Потала по рисунку іезуита Грюбера	126
* 79. Потала съ юго-запада (по фотографіи въ книгѣ P. Millington «To Lhasa at last»)	127
80. Потала съ юга	128
81. Потала съ востока	129
82. Потала сзади, съ сѣвера	130
83. Бар-чѣд-дэнъ	131
84. Тап-чжяй-линъ	133
85. Гун-дэ-линъ на первомъ планѣ, Ба-мо на заднемъ	136
86. Чагбо-ри и Манба-дацанъ съ юго-востока	137
87. „ „ „ съ сѣверо-запада	137
88. Ямынь китайскаго резидента	139
89. Боковой фасадъ дворца Галдан-кансаръ	140
90. Ютог-самба	141
91. Норбу-линха	142
92. Чжанштанъ	143
93. Видъ съ Чагбо-ри на западъ	144
94. Тибетскіе монахи въ лодкѣ	145
95. Туземное изображеніе Большого Чжу въ Лхасѣ	147
96. Божница богатаго частнаго лица по рисунку Беллигатти	152
97. Чертежи очага (очагъ въ планѣ и перспективномъ видѣ)	154
98. Чайникъ богатыхъ людей (глиняный, обдѣланный серебромъ)	155
99. Деревянная чашка съ крышкой	156
* 100. Прическа высшаго класса	156
101. Серьга богатыхъ людей	157
102. Тибетская безкозырка	157
103. Парадная соболья шапка высшихъ сановниковъ	157
104. Шляпа, носимая сановниками въ обыденное время	158
105. Шапочка дунхоровъ и шапка свитной прислуги	158
106. Парадный костюмъ дунхоровъ	159
107. Дорожные сапоги монаховъ	159
108. Группа женщинъ, впереди которыхъ монахи	160
109. Мѣдное гау	161
110. Женскіе сапоги	161
111. Женская безрукавка, носимая безъ пояса поверхъ халата	162
112. Корзина для хлѣба, лепешекъ и т. п.	163
113. Корзинка съ крышкой для хлѣба, лепешекъ и т. п.	163
114. Сумочки-портмоне (носятъ за пазухой)	163

	СТРАН.
115. Коврикъ для сѣла	164
116. Цзамхокъ—мѣшокъ для цзамбы	164
117. Подставка и крышка для фарфоровыхъ чашекъ	165
118. Монеты разныхъ чеканокъ	167
119. Части монетъ	169
120. Индiйская рупiя	170
121. Ослы, завьюченные топливомъ	171
122. Яки подъ ярмомъ	172
123. Богатая женщина верхомъ	173
124. Деревенскiя женщины подъ Лхасой	174
125. Ребята подъ Лхасой	175
126. Тибетское привѣтствiе	176
127. На рынокъ	180
128. Изображенiе мѣнлама на тибетскомъ образѣ	181
129. Украшенiе Поталы во время малаго мѣнлама	183
130. Фарфоровая чашка для высшихъ духовныхъ лицъ	190
131. Процессiя во время малаго мѣнлама	192
132. Чертежъ размѣщенiя монаховъ на дворахъ Большого Чжу во время мѣнлама	195
133. Хамбо-лама Агван-Ловсанъ Доржiевъ	201
134. Овше Норзуновъ, казмыкъ	202
135. Процессiя передъ сжиганiемъ дугчжубы, по рисунку Беллиатти	203
136. Барабанъ и ударникъ къ нему	204
137. Котлы для варки чая	207
138. Тибетскiй пѣхотинецъ въ панцырѣ и шлемѣ	210
139. Старинный тибетскiй панцырь	211
140. Старинный желѣзный шлемъ	212
141. Тибетскiя сабли	213
142. Процессiя монаховъ—сэр-прэнъ	217
143. Пятый далай-лама	218
144. Хадакъ	224
145. Мостъ черезъ рѣку Дѣдун-чу	226
146. Чжѣрмолунъ	227
147. Чойчжѣн-цѣмо—государственный оракулъ Тибета	231
148. Рѣка Уй-чу или Ки-чу	233
149. Субурганъ	235
150. Двурукiй Падманани	236
151. Семь драгоценностей	237
152. Банчэн-эрдэни со свитой	239
153. Чжанчжа-хутухта, перероженецъ, лама въ Пекинѣ	244
154. Гау	249
155. Субурганы	250
156. Дорчжэ	251
157. Восемь символовъ счастья	253
158. Первый далай-лама	254
159. Второй » »	255
160. Третii » »	256
161. Четвертый » »	258
162. Шестой » »	261
163. Седьмой » »	263
164. Восьмой » »	266
165. Девятый » »	267
166. Лейбъ-медикъ нынѣ живущаго далай-ламы	270
167. Печать далай-ламы	272
168. Балины, символическiя жертвы изъ тѣста	273

	СТРАН.
169. Хурдэ	275
170. Унты высшихъ духовныхъ лицъ	276
171. Гау	277
172. Дрилбу	278
173. Четки	279
174. Символы пяти чувствъ	281
175. Монахъ	282
176. Чабриль	283
177. Мѣшокъ для хадаковъ	284
178. Мѣшокъ для чашки	285
179. Шляпа духовныхъ чиновъ изъ администраціи	286
180. » » » сверху	287
181. Куртка съ длинными рукавами	297
182. Шляпа дорожная	299
183. Хошанъ-ханъ	300
184. «Мани» на камнѣ	301
185. Ерба-лха	303
186. Субурганы выше Ерба-лха	305
187. Субурганъ надъ прахомъ Намха-чжяцзана	305
188. Галданъ (общій видъ)	307
189. Галданъ (дуганы)	309
190. Памятникъ надъ мѣстомъ клада	313
191. Дэчэн-цзонъ	315
192. Четырехрукій Арьябало	316
193. Видъ Поталы съ запада, направо стоя иѣтуховъ	319
194. Обо	321
195. Брѣбунъ	323
196. Брѣбунъ вблизи	324
197. Нѣйчунъ съ Ю. З.	327
198. Брѣбунъ издали	330
199. Жезлъ шамо	333
200. Шапка шабри	334
201. Шасэръ, шапка служилаго духовенства	334
202. Церемонія смѣны шамо	335
203. Ямантака	340
204. Пурбу	341
205. Сэра издали	346
206. Монастырь Сэра	348
207. Ритодъ Набон-ха	350
208. Погребальный камень въ Набон-ха	351
209. Пурбу-чжогъ издали	353
210. » вблизи	353
211. Гэчэн-ритодъ въ горахъ около Сэра	356
212. Дашій-лхунбо и Шихацзэ	357
213. Озеро Ямдок-цо	359
214. Дорога по берегу Ки-чу ниже Лхасы	361
215. Дашій-лхунбо и Шихацзэ-цзонъ	365
216. Подстаканникъ съ крышкой	368
217. Усыпальница четвертаго банчэня	373
218. Донхар-цзонъ	375
219. Янтра Парнашавари. Заклинаніе	376
220. Габаль	377
221. Монастырь Чжян-цзэ	379
222. Байна-цзонъ на р. Нян-чу	381

	СТРАН.
223. Чодэн-гомань—многодверный субургань	382
224. Чжян-цзэ	383
225. Тантун-чжяиво	385
226. Чжян-цзэ, монастырь	386
227. Молитвенный цилиндръ	387
228. Самъ-яй	389
229. Цзэтань	391
230. Ламская учебная шанка	392
231. Самъ-яй	393
232. Амитаюсь	394
233. Цокчэн-дугань въ Самъ-яй	395
234. Вращательные цилиндры съ молитвами	396
235. Цзэтань и на горѣ ригодь, гдѣ живутъ отшельники	398
236. Агинскій дацань	399
237. Дорчжэ	401
238. Печатники	402
239. Субурганы около Урги	409
240. Юндун-бэйсэ-байшинь въ Монголіи	412
241. Юндун-бэйсэ-кюрэ	412
242. По пустынь	416
243. Передвиженіе по пустынь	421
*244. Цайдамъ. Кусты хармыка	427
245. Ваджранани	432
246. Храмъ въ Ургѣ	436

П л а н ы .

	СТРАН.
1. Планъ и разрѣзъ перевала Куку-тоно	73
*2. Планъ Лхасы, составленный по даннымъ пандита А—к.	95
3. Схематическій планъ дома, гдѣ авторъ жилъ въ Лхасѣ	96
*4. Планъ Лхасы, составилъ L. A. Waddell	97
*5. » » по съемкѣ Major C. H. Ryder and Capt. H. M. Cowie	98
6. Схематическій чертежъ плана храма Большого Чжу	103
7. » » » » Малаго Чжу или Рамочэ	119
8. Путь къ Брѣбуну	317
9. Окрестности Лхасы	343

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	СТРАН.
Отъ редакціи	V
Предисловіе автора	VII
Автобіографическая замѣтка	IX
Гл. I. Паломники въ пути отъ Урги до Гумбума. Отъѣздъ. Черезъ Гоби. Монастырь Тукумун-сумэ. Добываніе Джартайской соли. Алаша-ямунь: городъ, торговля, населеніе, занятія жителей. Обо въ пескахъ Тэнгри-элису. Пограничный камень между Алашанью и Китаемъ. Городъ Пин-хуа-чэнь. Переваль Тэнгри-даба. Монастырь Марсан-лха. Китайская таможня	3—19
Гл. II. Амдоскія святыни: Гумбумъ и Лабранъ. Легенда объ основаніи Гумбума. Мѣстоположеніе. Дерево цан-данъ. Субурганъ Сэрдэн-чэнмо, другіе храмы. Дацаны: богословскій, медицинскій, два мистическихъ. Духовенство. Администрація. Дома перерожденцевъ и отдѣльныхъ общинъ. Торговля. Китайская слобода Лаосиръ. Путь до Лабрана. Основаніе монастыря, его мѣстоположеніе и святыни. Строгость дисциплины. Устройство келій. Распредѣленіе дня. Перероженецъ Чжамьян-шалбы. Число монаховъ и раздѣленіе на общины. Погребальное мѣсто. Церемонія спусканія Нэйчун-чойчжбна. Возвращеніе въ Гумбумъ	21—51
Гл. III. Дневникъ паломника отъ Гумбума до Лхасы. Разбойникъ Гансалама Рабтанъ. Освященіе оружія и выборъ начальника каравана. Путь по южному берегу Кукунура. Озеро Дабусун-нуръ и его соль. Монастырь Дулан-китъ. Развалины города Цокто-хана. Цайдамъ. Главныя дороги изъ Цайдама въ Тибетъ. Легенда о перевалѣ Бурхан-бу-дай. Цзунрай-байшинъ. Мѣстные ламы. Цзун-цзасакъ. Развалины около покинутой китайской крѣпости Помогон-хото. Путь по Цайдаму. Остановки въ Хойто-тулай и въ долину Найчжин-гола. Перевалы: Куку-тоно, Найчжи, Дан-ла. Задержка въ Накчу-доира. Дальнѣйшій путь. Переправа черезъ По-мдо-чу. Цѣпной мостъ. Пэн-юль. Переваль Го-ла. Прибытіе въ Лхасу.	53—89
Гл. IV. Лхаса, городъ и его главныя святыни. Городъ. Основаніе города, его положеніе. Каналы, плотина. Дома, внутреннее устройство. Храмъ Большого Чжу (описаніе и планъ). Статуи божествъ, статуя Цзонхавы. Описаніе главной статуи Будды Шакьямуни. Изображенія Манджушри и Миларайбы. Статуи Балдан-лхамо и богини Тары. Молитвенные цилиндры. Доринъ. Коралловое дерево. Храмъ Малаго Чжу. Планъ и описаніе храма и статуи Будды въ восьмилѣтнемъ возрастѣ. Поклоненіе святынямъ: лампады, золотой порошокъ, сто жертвъ, балины, тысяча жертвъ. Поклоненіе въ растяжку. Потала—дворецъ далай-ламы и его окрестности. Преданіе о по-	

стройкѣ. Описаніе дворца, внутреннее устройство. Субурганы далай-ламы. Бѣлый дворецъ. Главная тюрьма. Доринъ. Субурганъ Бар-чѣд-дэнъ. Круговая дорога—лин-хоръ. Изображенія божествъ на скалахъ. Драконовъ храмъ. Лины. Храмъ Чжянбум-гянъ. Гора Чагбо-ри, Манба-дацанъ. Дома свѣтскихъ правителей, китайскаго амбана. Том-си-ханъ. Старинный дворецъ Галдан-кансаръ. Бирюзовый мостъ. Загородные сады. Лѣтній дворецъ далай-ламы Норбу-линха. Дома бѣдниковъ изъ яковыхъ роговъ 91—144

Гл. V. Населеніе Лхасы. Составъ. Народности, занятія жителей. Соціальное дѣленіе. Домашняя обстановка: спальня, кухня, устройство очага, кухонная посуда. Одежда, украшенія. Прическа, головные уборы, одежда мужчинъ и женщинъ. Гау, браслеты. Рынокъ, торговля въ лавкахъ и на улицахъ. Мѣры вѣса. Монета, способъ чеканки, стоимость, раздѣленіе на части. Занятія жителей Центрального Тибета. Земледѣіе. Скотоводство. Отсутствие дорогъ. Общія замѣчанія: Монахи и монахини. Самостоятельность женщины. Народная бѣдность. Полиандрія и полигамія. Нечистоплотность. Секты 145—179

Гл. VI. Жизнь Лхасы. Шествіе прорицателя Карма-шяръ вокругъ квартала Чжу. Уличныя представленія актеровъ. Поклоненіе манджурскаго амбана статуѣ Чжу. Церемонія опрокидыванія котла. Описаніе поклоненія автора далай-ламы, поднесеніе священныхъ предметовъ, благословеніе и пожалованіе цзанги, угощеніе чаемъ и рисомъ. Новый годъ. Приѣздъ въ Лхасу духовенства окрестныхъ монастырей для большого мѣлама. Вечерняя процессія, рѣчи двухъ шабдэгма на площади, посѣщеніе колодезь. Размѣщеніе монаховъ во дворахъ храма Чжу; чтеніе чжа-нга и цок-дамъ, излагаемый шамо. Происхожденіе большого мѣлама. Разливаніе чая. Праздникъ 15-го 4-й луны. Выставка чѣдба—жертвъ изъ масла. Поднесеніе авторомъ чая духовенству большого мѣлама. Церемонія сжиганія дугчжубы. Обстрѣливаніе горы. Народныя игры въ послѣдній день мѣлама. Распредѣленіе дня участникамъ мѣлама: утренній чай и похлебка; собраніе на площади для диспутовъ; полуденный чай; чтеніе благопожеланій; вечерній чай. Раздача монетъ. Съѣздъ въ Лхасу тибетскихъ солдатъ, живущихъ обыкновенно по деревнямъ. Вооруженіе. Смотръ конницы. Стрѣльба. Малый мѣлама. Церемонія изгнанія лу-гона. Религіозное шествіе сэр-прэнъ. Разказчики религіозныхъ поэмъ. Подробное описаніе спусканія чойчжѣна Гадона для бурятской общины. Спусканіе того же чойчжѣна для духовенства дацана Гоманъ. Посѣщеніе монастыря Чжѣрмолунъ. Прорицательница чойчжѣна Дамчжанъ-дорчжэ-дагданъ. Раздача далай-ламой посвященной или правъ читать нѣкоторыя книги 181—235

Гл. VII. Управление Тибета. Удѣльная система въ средніе вѣка. Гуши-ханъ. Подчиненіе Китаю. Мятежи. Учрежденіе дэбашуна изъ четырехъ галонъ подъ предѣлательствомъ далай-ламы. Управление страной. Правосудіе, пытки, казни. Манджурскіе амбаны, ихъ вліяніе на выборы назначенія. Титулованныя лица 237—249

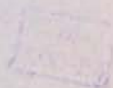
Гл. VIII. О далай-ламахъ. Первый далай-лама Гэндунъ-дубъ. Второй Гэндунъ-чжямцо. Третій Соднам-чжямцо. Четвертый Юн-дан-чжямцо. Пятый Великій Агван-Ловсан-чжямцо, его значеніе. Неурядицы и междоусобія. Шестой Цан-ян-чжямцо, признаваемый тибетцами и шестой же Агван-Ешей-чжямцо, признанный китайскимъ императоромъ. Седьмой Галсан-

- чжямцо. Восьмой Чжамбал-чжямцо. Девятый Лундок-чжямцо. Десятый Цултим-чжямцо. Одиннадцатый Хайдуб-чжямцо. Двенадцатый Приньлай-чжямцо. Тринадцатый, нынѣ здравствующій Губдань-чжямцо. Доступность его для поклоненій. Подношенія. Вышніе знаки далай-ламскаго достоинства 251—272
- Гл. IX. Эпизодъ изъ жизни правящаго нынѣ далай-ламы. Регентъ дэмохутухта, поднавіи подъ вліяніе брата Норбу-цэрина. Обвиненіе его въ посягательствѣ на жизнь далай-ламы посредствомъ заклинаній. Отрѣшеніе его отъ должности и смерть 273—277
- Гл. X. Устройство и управленіе главнѣйшихъ монастырей въ окрестностяхъ Лхасы. Монастыри Сэ-нбрэ-гэ-сумъ. Способъ основанія монастырей; выборъ мѣста, постройка, цокчэн-дуганъ. Глава монастыря, его намѣстникъ. Монастырская община. Гэбкюн или цокчэн-шамо, цокчэн-дэба. Дацаны, ихъ хамбо, гэской, нерцанъ-дэба. Камцаны. Мицаны. Обязательность причисленія къ извѣстнымъ монастырямъ и дацанамъ. Порядокъ монастырской жизни. Утренняя молитва. Покаянныя молитвы. Учебныя занятія. Богословіе цан-нидъ; диспуты. 5 книгъ для изученія догматики. Раздѣленіе ученія на 13 годовыхъ курсовъ. Ученыя степени. Одежда монаховъ. Квартира и частная жизнь. Перерожденцы. Монахи дѣбдэга—силачи. Способъ погребенія монаховъ. Дацаны Чжюдъ. Ихъ основаніе, устройство и дисциплина. Странствованія этихъ дацановъ . 279—300
- Гл. XI. Монастырь Галданъ. Путь къ Галдану. Монастырь Ерба-лха, его мѣстоположеніе. Мани-ханъ. Самопоявившееся мани. Статуи Долмы, Майтреи. Пещеры. Скала для разрѣзанія труновъ. Субурганъ Намхачжялцанъ. Галданъ. Основаніе, мѣстоположеніе. Сэрдон-чэмо надъ прахомъ Цзонхавы и другіе субурганы. Цокчэн-дуганъ. Одеэр-пугъ. Дацаны Шяр-цзэ и Чжан-цзэ. Предметы почитанія, находящіяся на круговой дорогѣ. Памятникъ надъ мѣстомъ клада, найденныхъ вещей Цзонхавы. Первый намѣстникъ Цзонхавы. Должность настоятеля Галданскаго монастыря, его вліяніе, вышнія отличія. Возвращеніе въ Лхасу въ лодкѣ. Замокъ Дэчэн-цзонъ 301—315
- Гл. XII. Монастырь Брѣбунъ. Путь отъ Лхасы къ Брѣбуну. Обо-Брѣбунъ. Его основатель. Положеніе монастыря. Главныя святыни: статуи Майтреи и Ямантаки; самопоявившееся изображеніе Манджушри. Субурганы надъ прахомъ трехъ далай-ламъ. Цокчэн-дуганъ. Галданпобранъ. Дацаны: Гоманъ, Лосалинь, Дэанъ, Агна. Прорицатели. Чойчжюнь Нэйичунъ, его кумирня. Чойчжюнь Дамма, Гадонъ. Прорицатель Дамба-шамо и прорицательница Дамчжанъ-дорчжэ-дагданъ. Прорицатели наследственные и выборные; ихъ вліяніе на дѣла. Изъ монастырской жизни въ Брѣбунѣ. Авторъ угощаетъ чаемъ и кашей халхаскій мицанъ. Сожженіе дугчжубы духовенствомъ дацана Агна. Смысла цокчэнскихъ шамо. Угощеніе бурятскимъ ламой духовенства дацана Гоманъ по случаю полученія степени габжю 317—340
- Гл. XIII. Монастырь Сэра. Дорога изъ Брѣбуна въ Сэра. Бар-ритодъ. Скорпионы. Сэра. Его основатель Шак-чжя-ешей. Мѣстоположеніе монастыря. Статуя Чжан-рэй-сига. Дацаны: Нижній, Чжеба и Агна. Ритодъ: Набон-ха и камень для разрѣзанія труновъ; Сэра-чойденъ; Дубхан-ритодъ; Шурбу-чжогъ. Сэраская пурба. Церемонія поклоненія пурбѣ. Изъ Сэра въ Лхасу. Чжашитанъ—казарма китайскаго гарнизона. Дорога въ дождливое время 341—356

- Гл. XIV. **Монастырь Дашій-лхунбо.** Путь изъ Лхасы въ Дашій-лхунбо. Развалины замка Донхаръ. Долина Дѣдунъ. Мѣстность Ньетанъ. Рѣка Уй-чу. Рѣка Цзанбо-чу; переправа. Переваль Ганба-ла. Озеро Ямдок-цо. Замокъ Балдэй-цзонъ. Рѣка Ронъ. Минеральные ключи въ деревнѣ Чу-срин-ха. Монастырь Чжямчэнь. Рѣка Цзанъ. Монастырь Дашій-лхунбо. Основаніе и мѣстоположеніе. Усыпальницы пяти банчэн-ринбочэ. Дворецъ Гадам-побранъ. Цокчэн-дуганъ, статуя Шакьямуни. Стѣна Кой-ку-тамса. Дацаны: Шар-цзэ, Чжилханъ, Тойсамшиъ и Агна. Городъ Шиха-цзэ. Замокъ Шиха-цзонъ. Описаніе города. Базарная площадь, торговцы. Мѣстное производство: подстаканники и кошья. Загородные дворцы банчэней: Гун-чжѣб-линъ и Дэчэнь-побранъ. Банчэн-ринбочэ. Перечисленіе. Представленіе банчэню 357—375
- Гл. XV. **Изъ Дашій-лхунбо въ Лхасу.** Дорога до Чжян-цзэ. Городъ и монастырь Чжян-цзэ. Его положеніе. Многодверный субурганъ. Ковровыя издѣлія. Жители провинціи Цзанъ. Головные уборы цзанскихъ и камскихъ женщинъ. Путь до Лхасы черезъ переваль Кар-ла, западный берегъ озера Ямдокъ. Старинный цѣпной мостъ черезъ Цзанбо-чу . . 377—386
- Гл. XVI. **Поѣздка въ Цзэтанъ и Самъ-яй.** Въ кожаной лодкѣ по Уй-чу и Цзанбо-чу до Цзэтана. Провинція Лхоха. Цзэтанъ—древняя столица и монастырь. Пѣшкомъ въ Самъ-яй, древнѣйшій монастырь Тибета. Время его основанія и мѣстоположеніе. Цокчэн-дуганъ. Дуганъ чой-чжѣна Цзэмо. Обратный путь черезъ переваль Го-ган-ла до Дэчэн-цзона и на лодкѣ въ Лхасу 387—397
- Гл. XVII. **Домой.** Дневникъ пути отъ Лхасы до Кяхты. 10 сентября 1901 г.—2 мая 1902 г. Типографія, печатаніе книгъ въ Тибетѣ. Сборы въ обратный путь. Неудачный наемъ лошадей. Выступленіе пѣшкомъ. Переваль Го-ла. Прощаніе съ Лхасой. Неудобство передвиженія на якахъ. Переваль: Чаг-ла. Лани. Остановка у дамскихъ монголовъ, на половинѣ пути до Накчу-цонра. На якахъ. Переваль Чог-цзэ-ла. Накчу-цонра. Обманъ тайчжинаровъ, не находятъ панятыхъ для дальнѣйшаго пути лошадей. Критическое положеніе. Покупка яковъ. Кража лошадей. Переваль Дан-ла. Пустыня. Недостатокъ провіанта. Неудачная охота. Убой яка. Охота на хулановъ. Раненый хуланъ уходитъ. Приходъ дикаго яка, неудачный выстрѣлъ. Наконецъ одинъ якъ убитъ. Утомленіе каравана, раздѣленіе на двѣ части для перехода песчаной, безводной полосы. Переваль Нарин-цзуха. Переговоры съ тайчжинарами. Поѣздка и свиданіе съ ихъ княземъ. Переходъ до ставки Цзун-цзасака. Пребываніе тамъ. Князь, его семья. Обученіе стрѣльбѣ молодого князя. Охота на хулановъ. Отъѣздъ въ Гумбумъ. Монгольскій Новый годъ. Ганчжурь-чулу. Встрѣча съ солдатами дабини. Черезъ хребетъ Хире на востокъ отъ Кукунура. Начинается осѣдлое китайское населеніе. Китайскіе торговцы. Донкоръ; предметы вывоза; мѣновая торговля. Гумбумъ. Неудачная попытка подать жалобу пріѣхавшему въ Гумбумъ амбаню. Путь до Урги черезъ Ямунь алашанскаго вана. Санчжэй-ранчжямба, алашанскій дѣлецъ, обманывающій путниковъ. Монастыри Эхин-цзакъ, Сангійнъ-далай. Прибытіе въ Ургу 399—437
- Указатель именъ и названій 439—461
- Перечень иллюстрацій 463—468
- Содержаніе 469—472

25-

368672/243

Цѣна 50 рублей.

